

ОЛЕГ ЛЮБИМЦЕВ

ВРЕМЯ НЕГОДЯЕВ

Книга первая
Книга вторая

УДК 821.161.1 (477) - 312.4
ББК 84 (4 Укр) 6 - 442
Л 93

О.В. ЛЮБИМЦЕВ.

ВРЕМЯНЕГОДЯЕВ

Скадовск, ЧП “АС”, 2008. – 512 с.

В предлагаемом романе автор увлекательно, с юмором и сопереживанием знакомит читателей со сложной судьбой семьи, прошедшей через годы социальных потрясений, развал страны, экономические и политические катаклизмы. Чувства, мысли и поступки героев книги близки всем, как сейчас говорят, «простым» людям. Острый сюжет, сложные любовные коллизии не оставляют равнодушными любителей занимательного чтения. Так же, как и ненавязчивые попытки осмысления действительности.

Автор благодарит Владимира Парфуса за любезно предоставленный поэтический материал.

Контакты (автор):

E-mail: odva.production@gmail.com
opus@askad.net

ISBN 978-966-8915-16-1

ББК 84 (4 Укр) 6 - 442

© О.В. Любимцев. 2008 г.

Книга первая

**СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА
ПЕРЕХОДНОГО
ПЕРИОДА**

*Между Перед и После –
Мосты...
Между Было и Будет –
Пирог Человечества,
Где свои выбираем –
Пути
В зыбкой святости или
Склоняющей грешности.
Где-то между Уже и Еще
Наш клубок в этой
Вечности...*

Глава 1.

Дверь тюрьмы гулко захлопнулась за его спиной.
«Последний звонок...»
Промозглый ноябрьский ветер хлестко ударил в грудь. Шустро проник под дохлую, старую куртяжку, пощекотав выдавшие виды ребра. Легкие покалывало от обилия обрушившегося на них кислорода. Четыре года они тяжело привыкали к кислому затхлому «компоту» и осторожно теперь пускали внутрь острый, как бритва, воздух, боясь за сохранность своих альвеол.

Низкие свинцовые облака неприветливо брызнули в лицо мокрой холодной крупой.

«Пусть! Так! Хорошо! – подумал Пахарь. – Все... Багаж сдал... Господи! Все... Живой... Живой! Блин...»

Он стоял один на пустой улице, глядя сквозь голые деревья и тучи в далекий невидимый космос. Горло сжало обрывками нахлынувших чувств: счастье, обида, злость, светобоязнь ожидающей жизни и бешеное желание вернуться и доказать, показать им... Всем... Или почти всем... Проезжающий мимо автобус, сделал робкую попытку облить из лужи его ботинки, но тяжелые водно-снежные брызги лениво упали в недолете, чем и вернули его в унылую, но такую долгожданную и радостную реальность. Пахарь подхватил «баул» – полупустую спортивную сумку с облупившейся надписью «Adidas» и бодро зашагал по коцанному асфальту к автобусной остановке.

Он ехал и тихо, не спеша, радовался всему. И грузной кондукторше в серой, а не черной фуфайке, и автобусному духу, – такому родному еще со студенческих времен, и скучным пассажирам, настороженным и неприветливым, а, возможно, просто утомленным своими житейскими проблемами. Автобус плавно шуршал в сторону вокзала.

- Садитесь, мужчина! – проявила доброту кондуктор.

– Чего стоять-то? Вон, сколько мест свободных. Садитесь!

- Спасибо, мамаша! Я пешком постою. Постою я...

– улыбнулся в ответ Пахарь и поставил на пустое сиденье сумку.

Женщина, сидящая у окна, посмотрела на сумку, затем на куртку и перевела взгляд на лицо обладателя сих предметов. Лицо как лицо. Ничего особенного, вроде бы. Шатен, лоб с высокими залысинами, глубоко посаженные серые глаза, крепкий подбородок, нос – крупный, но эдакий мягкий и уютный, что хотелось этот нос потрогать и погладить, потаскать туда-сюда. И еще брови – внешние края их опускались вниз, придавая весьма суровому лицу мягкое юношеское выражение. Рост средний, коренастый крепыш, если откормить, конечно.

«Но нос, этот нос небезопасен, – подумала женщина, – и притягателен».

- Садитесь, до вокзала еще полчаса.

- Спасибо, – Пахарь сел рядом, сунув сумку под ноги.

Автобус продолжал поступательное движение от остановки к остановке. Но Пахарь уже не ловил радостные сигналы, встречающей его Вселенной. Как цунами, затопила его теплая волна, исходящая от бедра соседки. Ему было страшно приятно и в то же время неловко и очень напряженно.

«Ну, прямо как пацан, – думал он, – не хватало еще раскраснеться».

Он чувствовал, что женщина тоже ощущает его бедро, и ему казалось, что она тоже напряжена.

- А я вот сегодня освободился.

- Я догадалась.

- Мм... да... на вокзал еду, билет домой буду брать... на поезд...

- Да, понятно.

- А вы?

- Я... Что я?

- Ну, тоже на вокзал едете?

- Почему обязательно на вокзал? Я могу ехать куда угодно: в магазин, к подруге, например.

- А мне кажется, что вы все-таки едете на вокзал.

- Это почему вам так кажется? Ведь у меня нет дорожной сумки, чемоданов там всяких.

- Ну, не знаю – почему... Для магазинов у вас тоже нет сумки, к подругам обычно расфуфыриваются друг перед другом... наверно.

- Значит, я совсем не нарядная, по-вашему? Такая серая мышь, да?

- Ну, почему серая мышь? Совсем нет. Ничего... Очень даже. Просто немного строгая и озабоченная, наверно. Хотя, сейчас все озабоченные. Время такое – беззаботное.

- В общем-то, вы правы. Я действительно на вокзал еду, в кассы, – с неудовольствием согласилась собеседница. – А вы прямо Шерлок Холмс, или скорее наоборот.

- Доктор Ватсон, что ли?

- Да нет...

- А... понял... Профессор Мориарти? Вы не это... короче, я не Соловей-разбойник. «Хозяйственник», как теперь говорят. Так что, я совсем не страшный.

- А я вас и не боюсь. Сына, вот, недавно в армию забрали. На работе беру отгулы. Одежду теплую отвезу ему. Знаете, как сейчас в армии?

- Я давно служил. Тогда такого бардака не было. Хотя тоже всякое бывало.

- Жэ-дэ вокзал! Следующая остановка «Автопарк», – буднично объявила кондуктор.

- Ну что? Нам пора.

- Нам? – удивилась случайная попутчица. Она поднялась и решительно направилась к выходу. – Всего вам хорошего!

«Вот и умыла», – усмехнулся про себя Пахарь.

Вокзал жил собственной железнодорожной жизнью. Середина ноября. Межсезонье. Сонливая скука. Кто-то спал на неудобных деревянных сиденьях, кто-то бдел возле своих, перемещаемых в пространстве, пожитков. Между людьми и вещами шныряла жизнерадостная и шумная, грязная цыганская малышня. Касс было несколько, но работала только одна. Очередь за билетами была совсем небольшая.

- Кто последний?

- Я! – он обернулся и увидел недавнюю соседку по автобусу. – Становитесь впереди, я не спешу.

- Спасибо, зачем это? Вам уже билет брать.

Пахарь уткнулся в окошко. Миловидная, но строгая от осознания собственной важности, кассирша выдала ему билет на утренний шестичасовый поезд. Затем молниеносно выставила табличку «техн. перерыв до 15 час.», задернула шторку, выскочила из кабинки кассы, захлопнула дверь и растворилась в вокзальном пространстве. Полный высокий мужчина, стоящий последним, недовольно загудел и даже строго постучал в окно кассы, но тщетность усилий была очевидна и очередь из трех человек легко смирилась с неизбежностью ожидания.

- Жаль, правда? – обратился Пахарь к женщине. – Это я виноват. Слишком долго мне билет оформляли.

- Ладно вам. Прямо трагедия – час подождать, – в ее голосе почувствовалась некая доброжелательность или снисходительность.

- Слушайте, все равно ждать, давайте посидим, попьем кофе или чай. Я видел, тут рядом есть какая-то закусовая. Я даже смогу быть джентльменом.

- ?? – ее брови слегка приподнялись.

- Утощаю даму. Билет у меня в кармане. А на чай-кофе денег хватит.

- Господи, да причем тут это? Ладно, идемте. Чем тут стоять...

Кофе был вполне ничего, но главное – это была шоколадка. Пахарь разломал ее на самые мелкие квадратiki и медленно-медленно растворял их во рту.

- Кстати, меня зовут Виктор.

- О, так вы – победитель!

- В основном, так и есть. Ну, если не считать последние четыре года. А вы, оказывается, можете быть язвой.

- Могу, но не обижайтесь. Кстати, меня зовут Надежда.

- Надежда, Надя... Красивое имя.

- А главное – редкое, - добавила Надежда, и они оба рассмеялись, вспомнив знаменитую фразу из «Иронии судьбы».

«Боже мой, что я делаю? Есть у меня мозги или я – безмозглая деревяшка? – думала Надежда. – Сажу в привокзальной забегаловке с зеком, который только что, как это у них говорят – откинулся. Где мой разум?!».

Но было что-то в этом человеке надежное или что-то другое, что она не могла пока разобрать. И это что-то было ей симпатично и вызывало доверие. Такое с ней не случалось давно, а по правде, такое с ней не случалось никогда.

- Расскажите о себе, Виктор.

- С начала или с конца, как вам интереснее?

- Наверное, интереснее – с конца, но лучше расскажите с начала.

- Да что, собственно, рассказывать? Родился в небольшом городке на Черном море, учился, служил в армии, женился, окончил институт заочно, был перспективным «кадром», делал какую-никакую карьеру, досрочно до директора стройуправления, ну, а потом... укатили Сивку крутые горки – понизили в должности до «зе-ка». Сейчас полон жизненных и всяких творческих планов, чтобы вернуть себя обществу, так сказать.

- Как-то сухоовато, все о работе и о работе...

- На семейном фронте все, как у людей: двое детей – сын и дочь, две жены – бывшая и нынешняя. Короче, полный ажур.

- Так у вас все славно и гладко, как же угораздилось? Ну?...

- Загреметь под фанфары?

- Ну да.

- Строительство – штука весьма специфическая.

Сложно сказать, сколько кубов бетона ушло, например, в фундамент. Вернее, сказать-то можно, проверить сложно. Цемент бывает разных марок, кирпичи и все такое... Пришли новые ребята к власти и они начали нас просто рвать на части: дай! дай! дай! А времена резко изменились, экономика начала тухнуть, объемы строительства сократились, централизованные поставки стройматериалов почти прекратились. А им все дай и дай. Я не святой, конечно. Дом построил. Ну, так еще по мелочи... Да и советские власти сильно не давили: попросят, мол, Витя, надо – ты и сделаешь. Благодарили по-людски, уважали, на шашлыки вместе ездили, на рыбалки. Идиллии, конечно, не было, но какая-то нормальность в человеческих отношениях была. А эти парни гребут под себя так... после них хоть потоп. Пытался как-то сопротивляться, объяснять, что нельзя все – им, надо ж и на стройке пару кирпичей оставить. Навалились разные проверки-комиссии и, естественно, нашли хищения в особо крупных размерах. Вот и сказочки абзац... конец, в общем...

- Да вы, прямо, рыцарь без страха и упрека. Дон-Кихот в строительной каске.

- Да, я – такой, – скромно улыбнулся Пахарь, как бы не замечая сарказма собеседницы.

Часы на здании вокзала показывали четырнадцать пятьдесят пять.

- Ну что, идемте за билетом, тем более вы – первая. Будет обидно пропустить очередь.

Конечно, история, рассказанная Пахарем Надежде, была слишком красива, чтобы быть правдой, но как это ни странно, она этой правдой и была. Вернее, частью правды, верхушкой айсберга, столкнувшись с которым, Пахарь получил пробойну сроком на восемь лет, а залатал ее за четыре, выйдя из «цугундера» по амнистии. Подводная ее часть, как все невидимое, была загадочна и таинственна. Хотя, по трезвому размышлению, как раз наоборот, была она банальна и даже глупа для такого неглупого человека, как Пахарь.

Итак, в город приехал новый прокурор. Жена у нового прокурора была женщина тучная и очень больная. А так как прокурор был мужчина в самом расцвете сил, а главное – возможностей, то вскоре в городе появилась и

его пассия – молодая женщина лет до тридцати, высокая стройная и очень красивая. Пахарь всегда волновался в ее присутствии, и дышал гораздо глубже, чем это было необходимо. А женщина, как назло, улыбалась ему. Он чувствовал, что она его хочет. А она знала, что он хочет ее. Ее хотели все. Пахарь ощущал себя гепардом, подкравшимся к лани в высокой траве. Осталось сделать два-три стремительных прыжка, тем более, лань совсем не собирается убегать. Но все как-то не улыбалось. То ветер не с той стороны, то набегут всякие слоны-носороги, всю малину потопчут. И вот, наконец, улыбнулось. День военно-морского флота все начальство городка, большое и малое, отмечало макси-пикником на чудесном пляже за городом.

Лето. Солнце. Море. Жара. Все мужчины в плавках. Все женщины в купальниках. И очень много вина, водки и пива. Прокурор сладко похрапывал на песочке под тентом. И неудивительно, что вскоре она и он оказались в одном месте, и там почему-то больше никого не было. Если кого-то опасность пугает и останавливает, то Пахаря это еще больше заводило.

Все произошло молча и быстро, как молния. Первый раз. Уже потом они выпивали друг друга медленно, не без эстетства, растягивая удовольствие. Как путник в пустыне, попавший в оазис и утоливший первую жажду, цедит кристальную влагу, наслаждаясь ее волшебством. Потом они встречались еще несколько раз. Потом она сказала, что ждет от него ребенка. Он подумал и сказал, что разведется во второй раз, и будет жить с ней. Потом она сказала прокурору, что ждет ребенка от Пахаря. А может от прокурора. Но скорее – от Пахаря, от прокурора уже полгода, как она ничего не ждет.

Потом закрутились на работе комиссии и проверки. Приятель – начальник милиции, пригласил: «Витя, ты загляни ко мне, тут кое-какие детали уточнить...». Уже в милиции предъявили постановление об аресте и отправили в камеру. Затем перевели в областной следственный изолятор. Очевидно, как опасного преступника. Затем суды, доследования, смена судей, пока не попался робот, влипший под завязку и ку-ку. Пахарю сказали, что она рассталась с прокурором. Потом появился мужчина – вроде ее бывший сокурсник и многолетний воздыхатель. Они расписались и вскоре уехали куда-то за Урал.

На начальника милиции он не обижался – человек подневольный. Да и грешен Пахарь был перед ним. Лет пятнадцать назад, когда полковник был еще простым опером, на какой-то гулянке-пьянке был у Пахаря вариант с

его женой. Было это, правда, один раз. И отношения с ней все годы были подчеркнута холодные – «здрасьте – до свиданья» сквозь зубы. Даже муж ей заметил: - И за что ты Виктора так не перевариваешь?

- Ну вот, билет я взяла. Давайте прощаться, – Надежда протянула Пахарю руку. Он осторожно дотронулся до ее пальцев, словно это была волшебная стеклянная палочка.

- Давайте... хотя нет, я проведу вас до остановки, – и он увлек ее к выходу, не дожидаясь ответа. – Между прочим, Надежда, мы с вами находимся в неравных условиях.

- Это заметно.

- Да ну вас... кстати, если б мы встретились через несколько дней, я уверен, вы бы на меня посмотрели совсем по-другому.

- Почистили бы перышки?

- И марафет навел.

- Хм... Уверенности вам не занимать. Вы что-то говорили о разных условиях, сэр.

- Ага. Я вам рассказал всю свою жизнь с младых ногтей, так сказать.

- Так уж и всю. Героическую часть, в основном.

- Допустим. А о вас я ровным счетом ничего не знаю.

Кроме имени.

- А зачем вам обо мне что-то знать?

- А вдруг мы еще встретимся?

- Сомневаюсь.

- Чем черт не шутит. А вдруг?

- Ну, вдруг в будущем встретимся – тогда и поговорим.

Подошел автобус.

- Я не могу позволить вам ехать в таком переполненном автобусе, – Пахарь сделал шаг и встал между Надеждой и автобусом.

- Странно, а мне кажется, он совсем пустой. Он идет из «Автопарка», а это – конечная.

- Это – мираж. Иллюзия. Разве вы не видите людей, висящих на подножке?

- Нет, не вижу. Я вижу, что двери свободно закрылись, и автобус отъехал. А следующий будет минут через двадцать, не раньше. И вот он уже может быть полным. Час пик приближается.

- Я виноват, очень виноват. Признаюсь. Прошу меня строго не наказывать. Учитывая мое чистосердечное признание, пожалуйста, приговорите меня к двум чашкам кофе в вашей компании.

- Странно... Получается, мое общество для вас – наказание по приговору.

- Это будет самый замечательный приговор, о котором мне известно. Надя, давайте приведем его в исполнение.

- Ну, вы и фрукт... Еще тот.

- Фрукт – это хорошо. Они вкусные и привлекательные. Хорошо, что не жук.

- Ладно, – улыбнулась Надежда. – Идемте. Фрукто-жук.

Внутри заведения было пасмурно, но довольно уютно. Негромко звучала жалостливая песня про очередные цветы, которые страдали-страданули. За широкими стеклянными окнами павильона серело, наполнили скорые ноябрьские сумерки. Ждали кофе. Пахарь посмотрел в лицо Надежде, они встретились глазами и, смущенно, как школьники, сбежавшие с уроков, улыбнулись друг другу.

«Симпатичная, – подумал Пахарь, – не красавица с обложки, но милая, очень милая».

Из-под теплого вязаного берета сбоку спускалась волнистая русая прядь. Трогательно, как-то по-студенчески. Сколько ей? Сорок? Или около? Одета аккуратно, со вкусом, но совсем небогато, неброско. Наверно, учительница. Или врач. Нет, врач вряд ли. Разве что, детский врач.

- Надя, расскажите о себе, – прервал паузу Пахарь, тем более принесли кофе, а совместные еда и питье всегда облегчают общение.

- Ой, не знаю, все это как-то...

- А давайте, я буду спрашивать, а вы отвечать. Как в передаче «Что? Где? Когда?». Идет она еще по телевизору?

- Да, конечно. Мы с сыном всегда смотрим, стараемся не пропускать. А вдруг ваш вопрос для меня будет очень сложным?

- Тогда вы возьмете музыкальную паузу, – Пахарь кивнул головой в сторону звучащей колонки. Надежда улыбнулась. – Или введем новое правило. Вы говорите «неправильный вопрос» и делаете мне «пиф-паф».

- К чему так кровожадно? Лучше пусть будет музыкальная пауза. Ладно, уговорили, задавайте ваши вопросы.

- Кем вы хотели быть в детстве?

- Вопрос не сложный. Как и все девочки, в детстве играла в куклы – мы их лечили, воспитывали. Так что, в детстве хотела быть врачом или воспитателем в детском саду.

- А каким врачом?

- Конечно – детским.

- Ну и как, воплотились ваши мечты в реальность?

- Можно сказать, что да. В мединститут, правда, поступать не стала – слишком уж конкурс был большой, да и не бредила я медициной вовсе. Поступила в университет на ин. яз. Это всегда модно, знаете. Переводчики, в перспективе за границей и все такое, а после – все идут в школы и работают учителями.

- А вы?

- И я как все. Отбарабанила в школе лет десять. Уроки, тетрадки, классное руководство, родительские собрания. Сначала вроде нравилось, потом рутина засосала, однообразия, тоска зеленая. Была возможность – перешла в техникум. Меньше сюсюканья. Часы отчитала и свободна. Немного репетиторствую. Сейчас с этим нет проблем.

- А дети как? Я имею в виду... дома...

- Сын, я говорила, в армии. И все. Только сын.

- Понятно... А вы любите спорт, Надежда?

- Спорт? В каком смысле? Заниматься или смотреть по телевизору?

- Ну, вообще...

- Вообще... В школе и институте занималась легкой атлетикой, бегала, прыгала, немного – волейболом. Так, ничего серьезного. А по телевизору не смотрю. Хотя, вру. Нравится фигурное катание. А раньше безумно любила смотреть хоккей. Но только, когда наши играли с канадцами. Ух! Я замирала, дрожала, визжала, если наши забивали. Это было нечто.

- Да вы азартная, оказывается.

- Не знаю. Может быть. Немного, наверное.

- А замуж вы вышли в институте?

«Дипломат, – подумала Надежда, – заходит изда-лека».

- Да, в конце учебы. Павел учился в политехе. На одном из вечеров познакомились, он уже заканчивал учебу и распределялся. Поженились как-то впопыхах. Потом два года был железнодорожный роман, мотались друг к другу на праздники и каникулы. Потом приехала к нему сюда, потом родился Антошка. Потом... – Надежда замолчала.

- Антон, Антон Павлович. Прямо, как Чехов, получается, – блеснул эрудицией Пахарь.

- Да... Как Чехов. Точно. Ставлю вам по литературе «пятерку».

- Так сразу и «пятерку». Я не могу ее принять. Вы явно завысили балл.

- Да ладно. Не скромничайте так уж. Соглашайтесь.
- Хорошо. Ну, а потом?
- А что потом?
- Ну, вообще... Антошка... А потом?
- Потом? Потом суп с котом. Я беру музыкальную

паузу.

Женщина замолчала, сосредоточенно вглядываясь в уличную темноту, погрузившись в свои размышления, никоим образом, очевидно, с Пахарем не связанные. Пахарь тоже молчал, рассматривая тонкие женские пальцы, сжатые в замок. Звуковая колонка перестала рассказывать о бедах, учиненных белой черемухой, и плавно перешла к проблемам с тюльпанами.

- Прямо музыкальная ботаника, – прервал затянувшуюся паузу Пахарь. Ему понравилось собственное остроумие. Он вообще удивлялся самому себе, что говорит обычными словами, что с языка даже срываются шутки, а не тяжеловесные матерые штампы. Специалист объяснил бы эти интеллектуальные реминисценции повышенным содержанием гормонов в крови. Но Пахарь не думал об этом. Ему просто нравилось его настроение и состояние. Он чувствовал, что возвращается к нормальной жизни, и она принимает его.

- Что-что?

- Музыкальная ботаника, говорю. Песни поют про розы, маки, черемуху. Теперь вот за тюльпаны взялись.

- Да уж, гербарий получается впечатляющий, – подыграла Надежда.

- Я, кстати, читал в одной газете, что уйма народу сидит и сочиняет фразу из двух слов, которая, если влезет в голову, то уже чтобы надолго, чтоб ничем ее из башки не выбить. Добавить к ней нехитрую мелодию – и все поют, талдычат, как попугаи. Что-то вроде зомбирования.

- Точно, бывает, прилипнет какая-нибудь ерунда, и никак не можешь от нее избавиться. И давно вы это читали?

- Недавно. Там можно получать газеты, книги в библиотеке брать. Выбор, не ахти какой, но читать надо все равно, что угодно.

- Чтобы не свихнуться?

- Вроде того. А что ваш Павел? Чем занимается?

«Да... Упорный гражданин попался», – отметила Надежда.

- Павел? – переспросила она, – Павел работает. Инженером. Главным. На кирпичном заводе. Сейчас еще и

кооператив какой-то при заводе создал. Подробно я не в курсе.

- Ну, эта тема нам знакома, – обрадовался Пахарь, – можно сказать – коллеги. А Павел с вами к сыну поедет?

- Не поедет. А почему, собственно, вас это интересует?

- Не знаю... Мне кажется, что у вас с мужем...

- Проблемы?

- Что-то типа...

- А разве есть семьи без проблем? Вы такие встречали?

- Наверное, нет. Просто вы мне очень понравились. Не может быть, что наша встреча – это просто случайность. Есть в этом предопределенность.

- Карма?

- Возможно. Может, что-либо другое. Только не случайность.

- Да вы, я вижу, романтик, гражданин, извините, товарищ Казанова, – съехидничала Надежда.

- Спасибо за комплимент, – отпарировал Пахарь.

Между ними возникла тягостная неловкость. Он прекрасно понимал, что, если бы ее дома ждал муж, она бы не сидела с ним в этой задрипанной привокзальной забегаловке. Она тоже это прекрасно понимала.

«Господи! Идиотизм какой-то, – думала Надежда, – ну, почему я не встаю и не уйду?! Чего я прилипла к стулу! Он мне никто. Он же только сегодня из тюрьмы – мало ли, какие благородные байки он мне навешал. Дурь! Блажь! Бред! Встань и уйди! Он – маньяк! Я вижу его в первый и последний раз. Дура! Дура!».

Она посмотрела Пахарю в глаза. Из них исходило умиротворяющее обаяние, в котором таяли, как иней на утреннем солнце, все ее тревоги. Глядя на него, она понимала – это не случайно, это жизненные законы, о которых мы не знаем, только смутно догадываемся. Она знала, что они еще долго будут говорить, но она уже все поняла. Все, что будет. Она смотрела на зерно и видела, как растет дерево, покрывается белым цветом, наливаются плоды. Все это пронеслось в ее голове за секунды. Она успокоилась. Тело наполнялось каким-то блаженным теплом, оно поднималось все выше, пока не заполнило ее всю.

- Мы с Павлом уже три года разведены официально, – произнесла Надежда вместо того, чтобы встать и уйти.

Пахарь молчал. Он только осторожно взял ее за руку.

- У нас, в общем-то, сразу не заладилось. Сначала два года семейной жизни по телефону и урывками. Когда ста-

ли жить вместе, быстро появился ребенок. Павла он раздражал. Чтобы меньше возиться с пеленками, он допоздна задерживался на заводе, уходил и в выходные. Я со временем тоже зациклилась на работе. Хотя, когда Антошка стал подрастать, Павел уделял ему внимание. Учил играть в шахматы, помогал с уроками, заставлял делать зарядку. Ему было приятно, что растет сын, продолжатель рода. Потом какая-то доброжелательница позвонила и объяснила, на какую «работу» мой муж ходит по выходным. Сразу не разошлись, подходила очередь на квартиру. Получили квартиру. Пару лет еще тянули по инерции. Каждый жил своей жизнью. Почти не разговаривали. Затем его юная избранница забеременела. Он перебрался к ней. А со временем оформили и развод.

- Вот, собственно, и вся «лав стори», - закончила Надежда.

- Что-что?

- «Лав стори» – история любви по-английски, – сказала Надежда.

- Молодые люди, мне тут убираться, – перед ними возникло нечто серое с ведром и шваброй.

- Да-да, пожалуйста, – Надежда и Пахарь поднялись и направились к выходу.

Глава 2.

Электронные часы показывали четыре ноль семь. Пахарь гипнотическим взглядом впивался в их зеленый неоновый свет. Но часы, как предмет неодушевленный, не поддавались его магнетизму, и цифры с неизбежным постоянством сменяли друг друга.

- Я отключу будильник, – сказал он. – Все равно не спим.

- Ты не знаешь, как. Я лучше сама, – Надежда легко выскользнула у него из подмышки.

- У тебя фигура, как у девочки.

- Сударь, не надо так неуклюже льстить уже немолодой женщине.

- Нет, ты – просто класс! Куда твой муж смотрел, я просто не представляю. Он у тебя, наверно, дальтоник.

- Дальтоник, – это когда человек не отличает красный цвет от зеленого.

- Ну, все правильно. Красный, значит красивый, а он эту красоту и не разглядел. Нет, он не дальтоник, он просто слепой. Боже мой, ты такая...

- Какая? Просто у тебя давно никого не было. Изголодался...

- Зачем ты так? Ты действительно замечательная. Чудесная женщина. Мне даже поверить трудно, что это не сон.

- Вот, как раз сейчас должен был прозвенеть будильник и прервать твой сон.

- Ты знаешь, я сегодня убедился, что Эйнштейн абсолютно прав со своей теорией относительности.

- Оригинальный переход. Предупреждайте, хотя бы заранее.

- Послушай, если один человек стоит, а второй движется, то время для них идет по-разному. На малых скоростях это малозаметно, а на больших – ощущается. Я привык уже, что время ползет, как столетняя черепаха, а сегодня оно летит со скоростью звука. Для меня. Вот и вся относительность.

- Ну что, физики-лирики, подъем, – Надежда сделала «потягуси», словно дразня и маня его желанным телом.

- Нет, ты – сказка. Просто нет слов...

- Жаль, что у тебя кончились слова. Мне было очень приятно еще услышать.

- Ладно тебе... Ты аэробикой занимаешься, да?

- Не угадал. Раз в неделю с подружкой ходим в бассейн. А в остальном, – наследственность, спасибо родителям.

- И как там, в бассейне... Женские группы, мужские, или как?

- Что-то вроде группы здоровья, для тех, кому за...

- Так что, и мужчины там с вами занимаются?

- Занимаются, а что?

- Ну... ну...

- Ба! Посмотрите, какой мы строгий бука! Это что, сцена ревности? – Надежда поцеловала его в переносицу и погладила короткий ежик волос. – Поднимайся, Отелло, я уже заказала такси.

Они стояли в прихожей, молча глядя друг другу в глаза, каждое мгновение, проживая снова и снова прошедшую ночь.

- Тебе пора, – сказала она. – Гейм оувэ.

- Что?

- Тебе пора, – Надежда сняла с вешалки спортивную куртку и протянула Пахарю. – Возьми, Антону она все равно мала, а тебе будет как раз.

Пахарь послушно положил куртку в сумку.

- Ты будешь меня ждать? – спросил он.

- Нет. А зачем? Я ждала тебя всю жизнь. Теперь я знаю – ты есть. Просто знаю – ты есть.

- Я буду звонить.

Надежда протянула ему листок с номером телефона и деньги, – это на такси.

- Не надо денег, у меня должно хватить, – смутился и забубнил Пахарь.

- Прекрати.

Он обнял ее обмякшее, безвольное тело.

- Иди, я прошу тебя. Уже время. Только не говори ничего.

- Да.

- Иди, – она слегка подтолкнула его к открытой двери.

Она слушала звук удаляющихся шагов. Далекий хлопок входной двери. И – тишина. Тишина. Надежда долго сидела в каком-то ступоре на кровати, согнувшись,

словно у нее болит живот, отключившись от внешнего мира. Все тело было сведено судорогой, сжавшей и горло, и не пускавшей в голову ничего. Пустота и тишина. Затем ее начало безмолвно трясти. Сначала – мелко. Но постепенно все больше и больше. Наконец, горло отпустило, открылся внутренний клапан и хлынул поток слез. Она повалилась на подушку и зарыдала. Даже не зарыдала, а некрасиво по животному завывала. Слезы катариса несли облегчение. Она успокоилась и понемногу затихла, только изредка судорожно сжимала кисти рук. Затем уснула.

Муж не был первым мужчиной в ее жизни. В десятом классе у нее была огромная любовь с мальчиком из параллельного. Они вместе ходили в кино, учили уроки, готовились к экзаменам, а затем к поступлению в институт. Она поступила, а он – нет. На проводах в армию она была «его девчонка». Они оба искренне верили, что она будет его ждать, а, когда он вернется, они сразу поженятся. Им даже кричали «горько!» за столом. А под утро у них произошло. Неумело, и как-то не ярко. Совсем не так, как ей мечталось в девичьих грезах. Слово при открытии шампанского, вместо хлопка и бурной пены происходит тихое «пш-ш...». Но она ни о чем не жалела. Писала ему письма. Он присылал бодрые фотографии – то в фуражке, то на турнике. Она смотрела на фото и почему-то совсем не страдала, почти не скучала. Ее закрутил водоворот новой студенческой жизни. Впереди было все. А она такая молодая, уже взрослая и красивая!

Через год он пришел в отпуск. Это была встреча с инопланетянином. Он возбужденно тархтел про салаг, стариков, дембелей, самоволки. Много курил, и постоянно сплевывал сквозь зубы – «тс-с».

«Придурок», – сделала вывод Надежда, и больше не писала ему, а он перестал высылать фотографии. Все потухло само собой.

После семейного фиаско были скоропостижные романы сначала с коллегой преподавателем, затем – с тренером по плаванию. Мужчины, конечно, ей нравились, но любви не было. Скорее, это было стремление как-то скрасить одиночество и желание здорового секса. Отношения с женатыми мужчинами быстро становились тяжеловесными и обременительными. Двусмысленность угнетала, и все быстро заканчивалось.

Был в ее жизни и «курортный роман». Они ездили с Антошкой на юг по путевке. С Павлом тогда еще не разве-

лись. Произошел выброс отчаянья и протеста. Хотя, воспоминания иногда согревали ее. Никаких обязательств, никакой двусмысленности. А почему бы и нет, в конце концов? Она тоже живой человек.

С Пахарем все было не так. Она всегда предчувствовала – такой человек где-то есть. Ведь она – есть, значит, и он должен быть. Рано или поздно, но их пути пересекутся. Увидев его в автобусе, она ощутила смутную тревогу и волнение. А потом... Между ними не было ни неловкости, ни скованности. Было так хорошо, так по родному, словно знали они друг друга всю жизнь. Они никак не могли насытиться любовью, проживая за одну ночь все годы разлуки – прошлой и будущей.

Глава 3.

Поезд оказался очень даже не скорый. Останавливался на каждом перегоне и полустанке, на самой маленькой, забытой цивилизацией и временем, станции, где по перронам бродили крепкие тетки в зипунах и допотопные плюшевые бабушки. Везде назойливо предлагали чего-нибудь купить: семечки, жвачки, пирожки, сомнительного цвета вареную птицу. Периодически внутри вагона дефилировали мутные личности с предложениями продать или купить золото, поменять деньги. Суегились проводницы на крупных станциях, принимая и выдавая разные ящики и коробки. Пахарь сентиментально хранил в памяти свои детские поездки. Да и потом нередко поездом приходилось передвигаться. Нет былой беззаботности, добродушия, что ли. Все вокруг суеется. Напряжены.

«Да, все течет, все меняется, – думал Пахарь, – и не всегда в лучшую сторону».

Но его ничто не раздражало. Он сонно млея на верхней полке, растворившись в перестуке колес и мерном покачивании вагона. Пребывал в своей маленькой нирване. За последние годы он приспособился отключаться от внешнего мира и погружаться в себя, в свою бывшую, а чаще – будущую жизнь. Он все знал наперед, планы многократно построены и проверены-перепроверены. По годам. Да что там – по месяцам. Осталось немного, чтоб поезд не подкачал и доставил его точно в пункт назначения.

На нижней полке два пацаненка лениво ссорились из-за электронной игрушки.

- Сейчас моя очередь играть!
- Нет! Я еще не закончил.
- Ну да! Глаза протри. Написано на табло – «гейм оувэ». Давай «тетрис» сюда.
- Слышь, паренек, – свесился с верхней полки Пахарь, – что ты сейчас сказал?
- Насчет чего? Про «тетрис», что ли?
- Ну, что-то на букву гэ, вроде.

- А, «гейм оувэ», – это конец игры по-английски. Game over – игра окончена.

- Смотри, – удивился Пахарь, – такой малой, а уже по-английски...

- А мы с первого класса изучаем.

- Йес! Йес! – подтвердил второй мальчишка.

- Господи, когда уже у вас батарейки садут! – посетовала бабушка малышей.

- А мы запасные взяли! – хором ответили те.

Пахарь заложил руки за голову.

«Игра окончена, – подумал он. – Нет, гейм еще очень даже не оувэ. Наоборот, все только начинается, милая, милая Наденька. Мы с вами еще встретимся, и не раз. Не надо быть пессимисткой. Я еще успею вам надоесть».

Внутренний диалог мягко перешел в неглубокий сон. Проснулся Пахарь оттого, что поезд стоял. На улице уже потемнело. Вокзал и перрон освещались тусклым желтым светом. Пассажиры сновали туда-сюда.

«Какой-то город», – отметил он про себя, повернулся на бок и задремал.

Проснувшись вскоре, он застал в купе оживленное движение. Двое мужчин среднего возраста расстелили на столике газету и выкладывали разнокалиберную снедь: яйца, колбасу, хлеб, соленые огурцы. В центре стола маяком возвышалась пол-литра водки.

«Столичная. Эх!» – подумал Пахарь. Грузноватый сосед с боковой полки с тоской смотрел на попутчиков.

- Хлопцы, прыметэ у компанию, чи ни? – не выдержал он.

- Конечно, присоединяйтесь, – ответил высокий худощавый мужчина.

- Оцэ добре! – и на столе мгновенно появилась еще одна бутылка, здоровенный шмат душистого сала, несколько луковиц, банка домашнего салата, кирпич черного хлеба. По вагону распространился ядреный чесночный дух.

- Вот это по-нашему! По рабочему! Безо всяких там трали-вали! – потер руки и оживился моложавый невысокий здоровяк, сидевший на полке под Пахарем.

- Ау! Сосед! – обратился здоровяк к Пахарю, – спускайтесь к нам, а то неудобно – вы один не при деле.

Пахарь спустился, положил на край стола две толстые шоколадки.

- Если такой взнос принимается...

- Принимается, принимается, – решил за всех здоровяк, – еще чай будем пить.

От запахов у Пахаря слегка кружилась голова, хотелось есть. И выпить тоже. Водку налили в разнобойные стаканы.

- За что будем пить? – спросил высокий, тот, что постарше.

- Давайте за встречу, – предложил здоровяк. – Ну, поехали.

Пахарь пил не спеша. Жидкость медленно стекала по пищеводу и опускалась в желудок, наполняя его теплом. Сало, лук, черный хлеб – немного липкий, с ароматом тмина, – это просто предел мечтаний. Шоколад тут отдыхает, причем – конкретно. Пол-литра хватило на раз разлить. После второго круга, посвященного взаимопониманию, Пахарь захмелел и потяжелел.

«Загруз паренек», – подумал он о себе.

- Что-то я ничего не понял, – щелкнул себя по горлу здоровяк. – Андреич, вы как? Я урегулирую этот вопрос? – обратился он к высокому.

- Ну... – Андреевич неопределенно задумался.

- Понял. Всем оставаться на своих местах. – Не дожидаясь утвердительного ответа, здоровяк рванул в купе проводников. Минут через пять он вернулся и выставил на стол бутылку «Пшеничной».

- Володя, а может... – сомнения Андреевича повисли в коридоре.

- Как говорится, пошли дурака за бутылкой, он одну и принесет, – радостно произнес скоро вернувшийся гонец, лоя удивленные взгляды попутчиков, но... это не про нас. – Он выждал паузу и, победно сияя, вытащил из-за спины вторую бутылку водки.

- Володя, может, вы погорячились, право... – усомнился Андреевич.

- А мы так, по чуть-чуть, не гоня лошадей, – разрешил все сомнения Володя, разливая по третьей. – Ну, третью пьют за дам. За женщин. Стоя.

Все кое-как приподнялись.

- За любовь! – неожиданно для самого себя произнес Пахарь и залпом выпил. Голова слегка кружилась. Тяжесть в теле увеличилась. Настроение было легкое и отсутствующее. Он как бы раздвоился и смотрел на себя и остальных со стороны. Беседа плавно обтекала его. Говорили, как это часто бывает в поездах, практически, обо всем. О погоде, например, с ее проблемами глобального потепления.

«Вот раньше зима была, так зима. Морозы трещали, сугробы, снегири прилетали. Летом – жарница. А сейчас...».

«Опять же, футболисты продули все, что можно. Без

Лобановского, ну, ничего не получается. И платят им сейчас о-го-го, и машины у них дорогие, а все – никак...».

«О машинах, кстати. Иномарки, слов нет, хороши, красивые, комфортны. Лялечки! А ремонт? А запчасти? Пока надежнее и лучше родного «Жигуля» нет ничего».

- А з бензином шо за неподобство творыться? – возмугился полный. – На заправках нычого, трэба по трассе бензовозы та канистры шукать.

- А что – бензин? – вклинился Володя. – Вы ж платить не хотите, вот и – получается.

- Хто це – мы?

- Кто-кто? Вы – Украина! На хрена было отделяться. Вы теперь «незалежные», бандеры всякие теперь у вас герои. Америке задницу лижете, чтоб жить научила и денег дала. А мы вам, значит, все дай. Газ вам дай, свет вам дай. Все! Дай уехал в Китай! Бабки на бочку!

- Володя, вы не кипятитесь, – примирительно вмешался Андреевич. – Это все политика, а люди-то при чем тут?

- Очень даже при том, – не сдавался Володя. – Люди, кстати, ногами ходят и голосуют. То они за Союз, то самостоятельные. Хрен их разберешь!

- Между прочим, Володя, первой о независимости объявила именно Россия, правда, в составе Союза, – учительствовал Андреевич. – Конечно, понять это трудно: как можно быть независимым, но в составе... Это как быть немного беременной. Еще и ГКЧП масла в огонь подлил. Вот и начался парад суверенитетов. Повод удобный нашелся, так сказать. А в Беловежскую пуцу разве одни украинцы ездили?

- Вот-вот, Беловежская пуца. Горбачев просто жидкий оказался. Был бы покруче, устроил бы им там охоту, так чтоб перья полетели. Раздерибанили, блин, страну, да и все! Эс-Эн-Гэ... твою мать!

- Сложная это тема, да и многого мы не знаем, как и что там наверху, – продолжал Андреевич. – Когда в двадцать втором году большевики придумали деление по республикам, границы нарисовали, никто ж не мог предположить, к чему это может привести.

- Як це, бильшовики республики прыдумалы? Украина ж колы ще була. А гетьманы, а Къивська Русь? От нас же усэ пишло.

- Так, вопрос, конечно, интересный, но без бутылки мы не разберемся. – Володя налил всем еще по одной. – Ну что, казаки, за дружбу народов? И мир во всем мире. Ну, поехали.

Выпили. Лениво молча закусили. Призадумались. Некоторое время сидели в тишине. Пахарю споры и раз-

говоры попутчиков были интересны, но сам он в беседу не вмешивался. Прошедшие четыре года научили его молчать. На зоне он считался интеллигентом – то есть, осужденным за хозяйственное, а не уголовное преступление, но вовсе не безответным фраером, беззащитным перед каждым бакланом или шестеркой, а работягой, мужиком, кулаками отстоявшим право тянуть свою лямку. Привык «дышать тише» – поменьше откровенничать, никому не верить, не открываться.

- Ну что, Евгений Андреевич, – нарушил тишину Володя, – вы у нас дока, профессор, можно сказать. Кстати, мужики, мы с Андреечем на одном предприятии работаем, сейчас в командировку едем, так вот, по шахматам и кроссвордам Андрееч у нас – чемпион!

- К чему это, Володя?

- Ну, я к тому, что вы в курсе дела. Ну, там хищник из трех букв, например, или филин из четырех... – Володя под влиянием водки начал сдавать позиции.

- Хыжак з трех букв... Та цеж лэв. Та навицо нам кроссворды? Мы ж балакалы про Украину та Русь Кыивську. Андрееч?

- М-да. Киевская Русь... – произнес Андреевич. – Ну, была Киевская Русь, колыбель, так сказать... Варяги. Междоусобица. М-да... Монголы громили Киев жестоко. И не раз. Люди бежали на север, где леса. Киев хирел. Потом триста лет Киев и правобережная Украина были частью Литовского княжества.

- Литовского княжества? Як цэ так?

- Вот так. Витовты, Ольгерды всякие правила. Потом – поляки. Шляхта. Турки и татары крымские досаждали. Спасала вера православная, может, чувство единства судьбы исторической. Народ-то один. Вот и прилепилась к России Малороссия. Под руку московского царя, так сказать. М-да... Благодарю за компанию, я на покой, – закрутил свое повествование Андреевич и забросил продолговатое тело на верхнюю полку.

- А мы чайку поьем. Посидим еще, да? – обратился Володя к оставшимся.

- Спасибо за все, ребята, я лучше посижу на спине, – Пахарь встал и тяжело загрузился на верхнюю полку.

- Чай, цэ добрэ, – поднялся полный хохол. – Зараз пиду взнаю.

Скоро он вернулся, неся в здоровенных кулаках по два стакана в металлических подстаканниках.

- А мы еще посидим, Демьяныч, да? – обратился Володя к полному хохлу. – Побалакаем.

- А чому б ни, колы два гарных чоловика посидят, побалакают, та чайку попьют, це ж тильки корысть.

- Ну что, начнем выводить шлаки из отравленного алкоголем организма, – Володя приложился к стакану и сразу отпил добрую треть.

- Володя, пось я трохи не поняв, куды Русь-то Кыивська зныкла?

- Та-а-к... Ну вот, была царская Россия. Была?

- Так.

- А потом – стала Россия Советская. Ясно?

- Так.

- А – царская куда делась?

- Куда?

- Демьяныч, это я тебя спрашиваю, – куда?

- Не знаю, нема ии.

- Як це нэма? – перешел на украинский Володя. – Земля-то осталась. Люди, дома, города, деревни. Только жить все стали по-другому. Вместо царской стала Советская. Вместо. Вот и все.

- Це я розумию. А Кыивська?

- Так... – призадумался Володя.

- Як?

- Демьяныч, мы с вами, как Ленин, пойдем другим путем. Вот раньше, до Петра, столица была в Москве, а потом ее перенесли в Петербург. А страна осталась. А еще раньше столица была – Киев, а потом ее перенесли в Москву. Ну, как? – довольный найденным решением, спросил Володя.

- Та цэ ж друге дило, Володя. Усе ясно, як божий дэнь. Ну шо, будемо отходьты у люлю.

Чай закончился. Вагон мирно посапывал и похрапывал. Пока попутчики говорили, Пахарь, вроде, дремал. Как только все стихло, сознание прояснилось, и сон пропал. Пахарь разволновался. Сердце гулко билось, стало жарко. Проводница должна разбудить его ровно в три. У него будет еще двадцать минут на сборы. Сборов-то. Но сон все равно не шел. Ближе к дому больше всяких мыслей роилось в голове. Они захлестывали его своей путаностью и бессвязностью. Одна цеплялась за другую, и все это скручивалось в невозможный клубок, из которого торчали десятки концов. Стоило потянуть один – клубок затягивался сильнее. Где начало? Где конец? Как развязать все? Разложить по полочкам. А надо ли? Ну, развяжешь. Разложишь. И что делать со всем этим? Может, пусть будет клубок? Пусть катится... Ладно, только без паники. «Заседание продолжается, господа присяжные заседатели!» – вспомнил он любимого с детства Остапа Бендера.

Глава 4.

Прошло уже почти полгода, как Пахарь вернулся. Городок встретил его буднично и совершенно спокойно. После девяти вечера он сидел дома. Периодически отмечался в милиции. Как и положено. Кто-то был ему искренне рад, кто-то напряженно делал вид, что не замечает. Большинство же, равнодушно здоровались, поглощенные собой, не заметив его четырехлетнее отсутствие. Прокурор ушел на повышение. Начальник милиции остался тот же. Он от души радовался, увидев Пахаря как-то на улице.

- Ба! Витя! Ну, молодец! – он обнял и похлопал Виктора по спине. – Ну, ты орел! А мы, вот, буквально, с нашими тебя вспоминали. Ты не это... В общем, заходи. Посидим, погуторим.

Пахарь не возражал, хотя знал, что сидеть он с бывшим приятелем не будет. Не о чем гуторить.

Городок совсем не изменился. Внешне. Пообщавшись со знакомыми, он был весьма удивлен, происшедшими метаморфозами. Предприятия, вполне успешные еще вчера, сегодня не работали. Те, что держались, – дышали на ладан. Зарплата не то, что задерживалась, она как бы вообще не платилась, – выдавали крохами к праздникам, в крайнем случае – на похороны или, если родился кто. Многие побросали все и ударились в коммерцию. Ездили в Польшу, Румынию, Венгрию. Но лучше всего, это по большому секрету, как другу, сообщили – надо по-быстрому рвать в Югославию. Там железяки наши идут, – напильники, сверла, топоры, да хоть гвозди, ну, просто – супер! Свободного времени было много. Пахарь думал, постигал действительность. Что ж, жизнь вносит коррективы. Наполеоновские планы своего возвращения свернем и отложим до лучших времен. А пока... Пока есть, чем заниматься.

Каждый день, как на работу, Пахарь отправлялся на причал. Он чинил свою старенькую яхту. Сначала клепал и латал с упоением, потом, когда упоение про-

шло, — с методичностью автомата. Яхту он любил, лелеял ее, и уж ей-то он ни разу в жизни не изменил. Разные мелочи напоминали, наверно, о самых счастливых днях его жизни, когда они семьей, с детьми и друзьями выходили в море. Чаще вспоминалось, когда Лена и Сережка были маленькими. Сергунчик — такой потешный, беззащитный, как котенок. А Лена — нянька. Такая важная, серьезная до смехоты. Сама под стол пешком ходит, а малого таскает за собой везде. Людмила — первая супруга, работала воспитателем в детском саду, он — обычным прорабом. Да, время было золотое. Жаль, не понимал тогда.

Он учился в десятом классе, когда Люда пришла работать в школу пионервожатой. Сразу после педучилища. Она была старше почти на два года, но эта разница не ощущалась. В курортных городках ребята взрослеют рано. Да и Пахарь был хоть невысокий, но крепкий и широкоплечий, а главное — очень уверенный в себе. В веселую жизнерадостную пионервожатую втрескались почти все старшеклассники. Каждый выпендривался, как мог, чтобы обратить на себя внимание. Пахарь сразил ее танцами. Люда обожала танцевать и каждую субботу вечером летела в клуб. А Пахарь каждое лето по вечерам оттачивал мастерство на пяточках в пионерлагерях, а потом — домах отдыха, набираясь опыта, причем, не только танцевального. Черные брюки, ремень с начищенной бляхой, широченная белая рубашка с отложным воротником. Пахарь был неотразим. Он вел партнершу четко и уверенно. Как вагоновожатый ведет трамвай. Долгие ночные провожания с поцелуями до боли в губах прошли естественное развитие, и скоро перестали быть невинными. Люда не выдержала напора.

После школы он немного, до армии, поработал. Служил на Урале. Зимой получил от нее письмо, что ждет ребенка. Сделать ничего не смогла, стыдно обращаться. И знакомых таких нет. А сейчас и вовсе все сроки прошли, так что будет рожать. Пахарь совсем не расстроился: Люду он любил, все равно после армии бы женился. Ему даже льстило, что такая девушка ждет от него ребенка. И родителям, и ей он все так и написал. Ничего не бойся, переходи жить к моим, все будет хорошо, люблю. А летом на свет появилась Ленка. Когда вернулся, расписались. Затем оба учились заочно. Сережка родился. Построил яхту. Потом дом. Эх, время было!

Жену любил, конечно, любил. Но других — тоже. Что-то Людмила узнавала, городок — небольшой, о чем-

то догадывалась. Начались скандалы. Месяцами не разговаривали. Потом прощала. Потом опять... Стоило появиться рядом смазливому личику, стройным ножкам, и – все. Пахарь забывал обо всем. Жена, дети, работа – все отходило в сторону. Разумом он понимал, ну, не стоит оно того. Будет столько проблем... Но возле стройных ножек разум его отключался, включалась совсем другая часть организма. Причем, с женщинами он вроде и не расставался насовсем. Они, как спутники, вращались вокруг него на своих орбитах. Кто-то ждал, когда он придет в командировку, кто-то виделся с ним на работе, чьи-то орбиты пересекались с ним только летом. Ну, и допересекались.

Был у него в областном стройуправлении приятель – Виталий. Познакомились по работе, законтачили. В общем, отношения сложились. Жена Виталия, Галина, работала стоматологом. Особа была очень даже... Женщины между собой тоже легко нашли общий язык. Когда бывали в области, часто езезжали к ним в гости. Виталий и Галина тоже их навещали, в основном, летом. Приезжали с дочкой, могли и на неделю ее оставить. Дети хорошо дружили. И как-то летом, после застолья, все разошлись, – было уже поздно, Пахарь сидел и курил на пороге. Тихо скрипнула дверь. Галина тоже вышла на улицу. Пару минут стояла молча. Смотрела на звезды.

- И никто не угостит бедную девушку сигаретой, перевелись гусары на этой земле... – вразтяжку, манерно, словно играя роль, произнесла Галина.

Пахарь протянул пачку.

- Гусары угощали женщин шампанским, – заметил он, зажигая спичку.

- Да? А в этом есть резон. Определенно. Да...

Галина села рядом. Затянулась, глядя в землю. Тишина нависла над ними, как грозовая туча.

- А как насчет никотина, доктор?

- Никотина? А чем вам не нравится никотин? – Галина пустила тонкую струю дыма ему в лицо.

- Ну, а как же лошадь?

- Лошадь? Какая? Может, – Пржевальского? Или пони. По-ни. Такие маленькие мохнатые пони. Или у вас своя, особенная лошадь?

- Да. Лошадь убитая одним граммом никотина.

- А-а... Бедное животное. Наверно, его сдали на мясокомбинат.

- Это жестоко и несправедливо.

- Несправедливо?

- Ну да. Она служила людям всю жизнь, а они еще и съели ее.

- Какие лошади, какие люди? – Она подняла голову и выпустила в небо последнюю порцию дыма. – Мы все растворимся, как этот дым. Вот и вся справедливость, Витенька.

- Идем? – поднялся Виктор.

- Да, – поднялась Галина. Внезапно она обняла его, вжавшись в него плотно, всем телом. – Идем. Я хочу тебя. Давно. Боже мой! Господи! Витя! Идем! – суматошно шептала она.

Разум понимал, что это – обрыв, катастрофа, но ее рука уже шарилась внизу, нащупывая растущую плоть. Губы слились. Его руки до боли сжали ее ниже спины. Затем он резко развернул ее. Впился в шею. С силой сжал небольшую упругую грудь. Она прижималась к нему спиной, ягодицами и терлась, терлась как кошка. Он грубо наклонил ее и – вошел. Резко и жестоко. Она застонала от боли.

После этого Виталий и Галина стали приезжать чаще. Он боялся этих приездов и в то же время страстно желал их. Такого яростного и ожесточенного секса у него не было ни с кем. Хотелось делать ей больно, и было нестерпимо приятно от ее сладкого стога. Они оба впадали в животное первобытное безумие. Струна натянулась до предела.

Продлилось это помешательство недолго.

Проснувшись как-то ночью, и обнаружив отсутствие в постели жены, Виталий поднялся. Оказалось, что и Пахарь отсутствует тоже. Сели с Людмилой на кухне ждать. Иллюзий не было. Виталий медленно педил водку. Не пило. Людмила монотонно крутила солонку, уставившись в одну точку. Любовники вернулись. Минут двадцать молчали вчетвером, стараясь не встречаться глазами. Затем Галина прошла в комнату, вернулась с сумкой.

- Я еду домой.

Простояв еще минут пять в тишине, Галина вышла. Пахарь вышел за ней. Оставаться с женой и Виталием было невыносимо. Они медленно шли на автостанцию, опустошенные и придавленные. Струна лопнула.

Галина уехала на такси. Он бесцельно побродил по городу. Уже светало. На набережной почти все уже разошлись. Изредка попадались запоздалые парочки и граждане, потерявшие ориентацию во времени и про-

странстве. В еще не закрытом кафе Пахарь выпил водки, потом – кофе. Домой он вернулся часам к девяти, надеясь, что не встретится с Виталием. Но он ошибся.

Виталий бодро ходил по дому в майке и спортивных штанах. Людмила передвигала чашки на кухне.

«Халат передела», – подумал Пахарь.

- В общем, так, – с места в карьер начал Виталий. Он явно подготовился и, наконец, дождался Пахаря. – Мы мужики или нет?

Пахарь молчал. Что ни скажи, будет хуже.

- Мужики, – сделал очевидный вывод Виталий. – Есть проблема, и надо ее решать. Что вы там с Галиной надумаете, это как хотите. А мы с Людочкой решили пожениться.

Виталий подошел и нежно обнял Людмилу за плечи. Людмила съежилась и отвернулась. Глаза у Пахаря широко открылись. Брови поползли вверх.

- Да, Людмила мне всегда нравилась, – продолжал Виталий. – Я своей всегда ставил ее в пример, даже ругались... Вот. И я, вот... Людмиле не безразличен. Люда?

Жена молчала, только отмахнулась рукой от невидимой мухи.

- Короче, так.

- Виталий! – перебила его Людмила.

- Так!

- Я тебя прошу!

- Нет! Мы решили! Виктор, мы с Людой женимся. И у нас... вот... сегодня... все было.

Пахарь опешил. Такого поворота он не ожидал. Он обалдело смотрел то на жену, то на Виталия. В голове неслись какие-то мысли, но он ни за что не мог зацепиться. Губы беззвучно шевелились, но слова не складывались.

«Это все сон. Так, надо только проснуться, – понял он, и рассмеялся. Сразу стало легко на сердце. Он несколько раз открыл и закрыл глаза. – Не понял».

- Решать все будем на семейном совете, – бубнил сторонний мужской голос. – Соберемся вчетвером, насчет жилья, детей подумаем. Кстати, в облОНО у меня блат, работу Людочке подберем. А Галка – спец, с ее-то руками – без проблем. С детьми вот, конечно, сложнее...

Пахарь спустился на землю.

- Это что, шутка? – чужим незнакомым голосом спросил он. – Люда?

Людмила молчала.

- Вы что тут, совсем охренели? – начала захлестывать удушливая злость.

- Старик, ты не кипятись, – осадил его Виталий. – Может, мы все тут охренели. А ты с Галиной не охренел?

Пахарь молчал.

- Тоже мне, Дед Мороз со Снегурочкой. Подарок нам принес. Хренов.

- Вон... – поднялась и тихо произнесла Людмила.
– Вон. Вон отсюда! Оба вон!! Во - о-он!!! Оба-а-а!!!

Пахарь взял со стола недопитую бутылку водки. Повернулся и вышел. Он шел на причал, отхлебывая на ходу. Водка не действовала. Он прекрасно понимал, что это – все. Мосты сожжены. Назад пути нет. Привычная, дорогая ему жизнь закончилась. Он допил водку. Бросил бутылку как можно дальше в воду. Залез в яхту. Завалился на сиденье. И – уснул.

Глава 5.

Ремонт яхты продвигался не быстро, но неуклонно. Можно сказать, он шел параллельным курсом с наступлением тепла. Пахарь уже видел, как его бело-снежная, бальзаковского возраста красавица, обновленная умелым пластическим хирургом, побежит по волнам. Выручали старые запасы – несколько листов фанеры-«десятки», брус, уголок, краска, канаты. Паруса подлатаем и пока оставим старые. Стаксель – еще ничего, а с гротом придется повозиться. Дай бог, дело пойдет, тогда по осени будет и белка, будет и свисток. Здраво оценив свои силы и произведя в уме несколько арифметических действий, Пахарь решил заняться прогулками на яхте. Многие в городе вполне успешно занимались этим бизнесом, и заработка хватало, чтобы протянуть зиму. Пахарь надеялся заработать еще и на сети. Старые сгнили за четыре года, но поплавки и груза пригодятся.

Он был благодарен ребятам на причале – помогли Сергею сохранить яхту. Конечно, спасибо Захаровичу, – старому морскому волку, вечному начальнику причала, обветренному и заскорузлому, как соленый бычок. Захарович по-своему любил Пахаря, наверно, как непутевого сына.

- Эх, Витька, задньцо б тэбэ надрать, – частенько заканчивал он свои колоритные нравоучения.

Вернувшись, Пахарь выставил на причале магарыч. Плотно посидели, забили несколько партий в «козла», с расспросами особо никто не лез. Посудачили о рыбалке. «Рыбы нема, рыбы нема... Вот раньше, помню... А щас рыбы нема». Несмотря на «нема» люди как-то жили, покупали новые лодки, моторы, машины. Некоторые даже строили дома. Такие перспективы Пахаря устраивали. Главное, сам себе голова. Никто не будет стоять над душой.

К вечеру он возвращался домой. Жил Пахарь теперь в тесноватой, но довольно уютной двухкомнатной квартирке. Хозяйка была под стать квартирке – небольшая, компактная и уютная. Отличительными чертами Нины Григорьевны были хозяйственность и слепая соба-

чья преданность. Она изумительно и разнообразно готовила. Совершенно из ничего накрывала отличный стол. С неизменной водочкой в хрустальном графинчике. Эдакая ходячая скатерть-самобранка.

Раньше она была одним из его «спутников». Он частенько бывал в Черкассах в командировках на большом домостроительном комбинате. Нина там работала экономистом. Случайно оказавшись на ее дне рождения в конторе, он был приглашен и на вечер домой. От безделья и скуки в чужом городе, – не отказался. Скромный вечер тянулся довольно долго. Две подруги и две соседки доблестно и упорно отражали гастрономические атаки, все время подмигивая Нине и понимающе улыбаясь Пахарю. Его это весьма тяготило, но встать и уйти казалось неудобным. День был суматошный, да и разморило от выпивки, и особенно от еды. Затем женщины незаметно исчезли, и они остались одни.

Нельзя сказать, что Нина Григорьевна была женщиной совсем непривлекательная, просто это был не его стиль. В гостиницу ехать было поздно и лень. Пахарь поплыл по течению. В последующие приезды он останавливался у нее. Нина благоговела над ним, не веря своему женскому счастью. До тридцати восьми лет она была одна. Непродолжительная попытка семейной жизни, лет десять назад, не удалась. Детей не было. И тут – он. Пахарь был для нее все – и несмышленный мальш, и юнец с пушком на губах, и матерый самец. Вся нерастраченная материнская нежность и женская ласка слились в единый поток. Вернее – не поток, а свились они в тонкую шелковую нить, многократно обвившую его и поместившую в уютный комфортный кокон.

Каким образом Нина Григорьевна узнала о разводе Пахаря неизвестно, но через неделю она примчалась в городок. Через месяц – поменяла квартиру. И как-то само собой получилось, что вскоре в этой квартирке поселился и Пахарь. Любила она его беззаветно и безропотно. И, узнавая о его «левых» номерах, никогда не упрекала, не скандалила, не говорила вообще ничего. Только ночью тихонько плакала в подушку, боясь разбудить неповторимого и единственного.

- Спи, Витенька, я – ничего, нормально. Слезы? Так, приснилось что... Спи, котик.

Наверно, из чувства благодарности и вины, Пахарь, неожиданно предложил Нине расписаться. Чтобы женщина успокоилась и не волновалась. Он – ее, и никуда не денется.

Тюремную эпопею Нина пережила стойчески. Сначала носилась с адвокатами. Потом отправляла посылки, ездила на свиданья. Эти годы спаяли их.

Вернувшись, с Людмилой Пахарь виделся частенько. То с чердака брал доски, то в гараже что-то надо было. Сразу после развода отношения были натянутые, хотя развод получился вполне достойный. Посидели, покумекали. Да, склестить не удастся. Практично решили, что она с детьми останется в доме, а яхта и «Жигуль», «копейка», будут за ним.

Нина и Людмила относились друг к другу спокойно, во всяком случае, без видимой вражды. Пока шел судебный процесс, да и позднее, Люда даже помогала Нине готовить разные документы, апелляции, ходатайства. Сейчас она руководила отделом в районо, очень сильно отдавалась работе. Поддавшись всеобщей моде, взяла дачный участок за городом. Дети подросли, и ковырянье в земле их не прельщало, зато Людмила стала завзятым аграрием. В выходные с рассветом неслась на «дачу» на велосипеде, а возвращалась уже с темнотой. Участок со временем действительно превратился в настоящую дачу. Появился небольшой домик. Поднялся сад. Водопровод провели.

Энергия у Людмилы всегда была ключом. Свежий воздух, физический труд подтянули фигуру. Со стороны Людмила напоминала поджарую гончую. Она была старше Нины на пять лет, но, когда его жены, бывшая и нынешняя, оказывались рядом, Пахарю становилось неуютно и досадно.

Людмила была одна. С Виталием она, естественно, не сошлась. И вообще, никто не приезжал, не звонил, никакие семейные советы не собирались. Смешно было бы. Как дошло до него, Виталий и Галина пережили эту бурю и благополучно увели семейный ковчег в тихие воды. Зная темперамент первой жены, Пахарь сомневался, что она – одна, но «в связях, порочащих, замечена не была». Конспиратор, блин.

Пребывание Пахаря в тюрьме разрядило сложную семейную обстановку. Детские и взрослые обиды забылись. Все объединились в сочувствии и желании помочь ему. Дети были уже совсем взрослые и лучше могли понять. Хотя, что понимать? Понять – не простить. Просто дети любили отца, попавшего в беду. Любили и ждали его. Это было главное.

Глава 6.

— Слышь, капитан, шхуна свободна? — Пахарь повернулся и узрел перед собой плотного малого под два метра ростом. Черные очки, короткий ежик.

«Килограммов сто двадцать, где-то».

Было уже часов восемь вечера. Пахарь как раз выпустил пассажиров, «смайнал» паруса и собрался навести порядок в трюме.

- Уже свободна.

- А сколько людей потянет?

- Людей? Сейчас вот восемь было. А сколько надо?

- Годится. Нам на завтра, на день.

«Это хорошо, когда снимают яхту на весь день. Меньше движения. Хотя, бывало меньше движения, но больше напряжения».

- С утра до вечера? — уточнил Пахарь.

- Ну да. А че чикаться? Такса, какая тут?

- Стандартная — двадцать баксов с носа. Ребенок — десять. Ну, и чтоб на причал дотемна вернуться.

- Потянет.

- Пассажиров сколько будет?

- Та-а-к. Сэм — восэм, — протянул малый, довольный своей шуткой. — Как карта ляжет.

- Не больше десяти, — предупредил Пахарь.

- О-кей. Маршрут, какой у вас тут?

- А что, маршрут?

- Ну-у...

- Сделать, что б было красиво?

- Во. Оно.

- Мы в курсе дела, — успокоил Пахарь.

- И еще, шеф, как насчет пашлыка?

- Да без проблем. Берите. Шампура, решетку я дам, если надо.

- Не, шеф, ты не понял, — малый достал портмоне и протянул Пахарю двадцать долларов. — Это на пашлык. Не хватит — скажешь.

- Во сколько отходим? – Пахарь положил двадцатку в карман. – Шесть? Семь?

- Да ладно – шесть. Подтянемся на восемь – полдевятого.

- Идет, с восьми я буду готов.

- Преоплата, – малый достал из кошелька сотку «зеленых».

- Я вижу, пацаны серьезные, – сказал Пахарь, укладывая в нагрудный карман у.е.

Малый протянул ему руку, затем повернулся и уверенно вразвалочку зашагал к воротам причала.

К восьми утра Пахарь был готов. В ведерной эмалированной кастрюле парился шашлык. Свинина попалась отменная. Пахарь нарезал ее и перемешал с солью, специями, а главное – заправил огромным количеством лука, перекрученного на мясорубку. Можно было бы добавить уксуса. Но уксус придает мясу жесткость. Лучше прямо на костре поливать мясо слегка разбавленным сухим вином.

После первых выходов в море с клиентами, Пахарь упаковал яхту в соответствии с их потребностями. Теперь в трюме всегда был ящик водки, два пака баночного пива «Белый медведь», минералка, банок десять разных консервов и несколько буханок хлеба. Обычно, на обратном пути, когда свои запасы давно прикончены, публика лихо расправлялась с содержимым трюма. Тоже доход.

Восемь часов давно прошли, девять – тоже. Солнце поднялось и начинало печь. Никого.

«Солдат спит – служба идет», – от вынужденного безделья Пахарь начал возиться по мелочам. Программа прогулок была уже отрететирована и менялась незначительно.

Сначала шли на банку – песчаную отмель с небольшой глубиной, метра полтора. По пути, после первых возлияний, плло купание на «конце». Пахарь бросал в воду привязанный к яхте канат. Затем в море дружно сыпалась публика и, цепляясь за «конец» весело тащилась за яхтой. Удовольствие отменное. Если яхта шла ходко, то первым смельчакам вначале было несладко. Напор воды был мощный, приходилось держаться изо всех сил двумя руками, и нередко плавки доставались бирюзовой стихии. К неописуемому восторгу остальных. По мере увеличения груза на «конце», ход яхты замедлялся, все расслаблялись и балдели. На банке продолжалось принятие на грудь. Бултыхались в прозрачном изумруде моря, ощущая под ногами желтую твердь. Некоторые оригиналы брали с собой плавучие столики. Ели и пили прямо в воде. Даже пыгались играть в шахматы, хорошо, фигурки были деревянные.

Затем – часовой переход на косу. Берег зарывался в воду клином, заканчиваясь серпообразным песчаным месяцем. Место живописнейшее. С одной стороны накатывались мощные пенные волны. С другой стороны косы – тихая теплая лагуна, морской затончик. Под влиянием течений коса слегка перемещалась и, то поднималась, то полностью скрывалась в воде. Она была прекрасна и опасна. Но летом коса находилась в довольно стабильном состоянии. С начала апреля дул «южак», переходящий после обеда в юго-запад, и волны намывали песок, который зимой северные ветра помогали им отбирать у суши.

В июле из-за ветра случилась у Пахаря морская «конфузия». Яхту заказали три семейные пары с детьми. Прогулка как прогулка, ничего особенного. Вот только как ни торопил он их с отходом, вышли слишком поздно. То взрослые «тянули кота за хвост», то дети, объевшись фруктов, долго заседали в кустах. Короче, солнце село, ветер упал, паруса безнадежно повисли. Полный штиль. Яхта обреченно стояла в темноте, в тишине в километре от причала. Все уже устали от отдыха и были на нервах. Дети начали канючить и хныкать, женщины истерично требовали то от Пахаря, то от мужей сделать что-нибудь. «Нельзя же просто так, тупо сидеть!». Мужчины робко напоминали о долгих сборах, на что получали «отлуп» по полной программе.

Пахарь всех «успокоил», объяснив, что раньше рассвета они на причал, близкий и желанный, не попадут, и предложил уложить спать детей. В трюме на сиденья застелили, что смогли, и через несколько минут малыши уже посапывали. Пахарь поднял наверх две бутылки водки и немного нехитрой закуски. В темноте не стали искать стаканы, и все пили прямо из горла. Народ явно повеселел, особенно женщины. Уже никто не вспоминал «пролетевшие» планы на вечер. Ни с того ни сего водка почему-то закончилась. Пахарь достал еще две бутылки. Выпили. Женщины развеселились не на шутку, а мужиков быстро развезло. Один уже спал между детьми в трюме. Двое устроились поудобнее на носу.

- Девчонки, я иду купаться!

- Валька, ты с ума сошла, – засомневалась субтильная брюнетка.

- Нет! Я хочу у морэ-э-э! – рыжая Валя начала стягивать с себя спортивный костюм.

- Зина, а чего? Ночное купание – это так роман-тычно, – поддержала рыжую крупная Лариса, томно расстегивая махровый халат.

- Зина! Дездемона! Так ты с нами или нет? – наехала рыжая на брюнетку.

- Девочки, я с вами! Господи, сколько той жизни, – сдалась Зина и, поживаясь, начала разоблачаться, по-прежнему сомневаясь. – А купальники как же? Ведь мокрые будут?

- Нет, ну ты как дитя, Зинка! Зачем тебе ночью купальник-то? – Валентина уже полностью разделась и светила в темноте белыми полосками наготы. Лариса быстро присоединилась к ней.

- Вперед! Огонь! – и они обрушились в воду.

- Зина, проходите сюда и спускайтесь, – показал Пахарь на лесенку на корме. Он поднялся и, пройдя вдоль грота, прислонился к мачте. Задрав голову, внимательно рассматривал млечный путь. Зина проскользнула мышкой и тихо юркнула в воду.

Женщины плескались самозабвенно и шумно, время от времени отдыхали, держась за кормовую лестницу.

- Какой класс, девки, а!? Мы эту ночь весь год теперь вспоминать будем, – радовалась Валентина.

- Фу-у-х! – как тюлень крутилась в воде Лариса. – Девчонки, давайте выпьем за это, за ночь, за море, за нас, в конце концов! Какие мы классные!

- Капитан! – закричала Валя. – Шампанское в студию!!!

Пахарь достал еще одну бутылку. Открыл и протянул им.

- Нет уж, позвольте только после вас, капитан, – покочетничала Лариса.

- Нет проблем! – он поднялся во весь рост, по-гусарски держа руку. – За вас, девочки, за женщин! За любовь! – и набрав большущий глоток, резко протолкнул жидкость внутрь.

- А кто не может, – за дружбу, – ехидно добавила из воды Зина.

Затем женщины пили по очереди за себя, за детей, за капитана, за крепкий мужской сон.

- Капитан, идемте к нам купаться!

- Капитан! Мы тут совсем беззащитны, вдруг на нас нападут акулы?

- Кто же нас защитит? Капита-ан?

Пахарь лениво отнекивался, мол, акул здесь нет. Может, разве что штуки три на все море.

- Тогда с вас тост, здесь что-то еще осталось, – Валентина протянула ему бутылку.

Пахарь потянулся. Внезапно две руки схватили его за футболку, выдернули из яхты, и он нелепо плюхнулся в воду. Он даже не успел разозлиться. В воде было теплее, чем на воздухе. Погрузившись, уже не хотелось выходить. Он плыл

на месте метрах в трех от кормы, а женщины, смеясь, кружились близко вокруг него, как русалки. Вдруг он почувствовал, что кто-то быстро прихватил и отпустил его... вниз.

«Чер! Валя? Лариса? Ну, дела...».

Опять.

«Зина?! Точно. Тихушница!».

Пахарь скользнул между женскими телами к яхте.

Один из мужчин проснулся. Он осовело, не совсем придя в себя, смотрел на них.

- А че вы тут, ик... делаете?

- Пусик! Ты что, не видишь? День Нептуна отмечаем, — засмеялась Валентина, а за ней и остальные.

- День чего?

- Нептуна. Нептуна! Ночь Нептуна у нас, родной!

Причалили, когда совсем рассвело. У мужей раскалывались головы, они с трудом передвигали ногами. Жены, на удивление, были бодры и веселы.

Прощались долго. Благодарили друг друга. Приглашали в гости, но сошлись на том, что они обязательно придут следующим летом. Мужчины жали руку. Женщины целовали в щеку. Валентина быстро прижалась, и он почувствовал телом мягкую, ничем не стесненную грудь. Дети тоскливо скучали, переминались с ноги на ногу. Он провел всю компанию до ворот причала и облегченно расстался.

В тот же день договорился и купил мотор «Ветерок». Мотор, конечно, ненадежный, но другого не было. Впереди почти два месяца работы. Не торчать же по ночам в море.

Глава 7.

Десять сорок. Наконец пассажиры прибыли. Пахарь увидел, как малый зашел в каптерку к Захаровичу. «Хотят заехать, – подумал Пахарь. – Шалишь... Захарович и своих-то редко пускает».

Мягко шурша шинами, к берегу подкатили две дутые черные, фешенебельные, как два рояля, иномарки. Почти к самой воде. Уже знакомый малый вышел из «BMW». Обогнул машины.

- Слышь, Васек, ты бы «мерина» отодвинул, загородил проход.

«Рояль» плавно откатился.

- Ну что, бойцы, на бордаж! – малый показал компании объект атаки.

«Группа захвата» состояла из еще двух таких же «малых», немного меньше ростом, четырех смазливых разноцветных девиц и щуплого седоватого мужичка. Ребята тащили переполненные пакеты, которые позванивали и топорщились в разные стороны.

Девицы, щебеча, по-хозяйски запрыгнули в трюм переодеваться. Мужчины солидно расположились наверху, скинув шлепки. Познакомились с Пахарем.

Ребят звали Вася и Костя, мужичка – Виктор Иванович. «Тезка». Высокий оказался Игорем. В темпе отошли от причала. «Южак» плотно наполнил паруса. Яхта весело рассекала волны, слегка зарываясь носом, после – резво выскакивая наверх. Пахарь решил сразу идти на косу, минуя банку.

Девицы высыпали на палубу в символических купальниках и, приняв манерные позы, подставили себя солнцу. Ребята были уже в плавках, только Виктор Иванович остался в рубашке. Минут через пятнадцать девушки одна за другой, как по команде легли на живот, предложив солнцу вид сзади. Мужской контингент невольно уставился на румяные голые попки. Купальники обозначались веревочкой, возникающей между половинок, переходя выше в такой же тоненький поясок.

- Раньше, чтобы увидеть женскую попу, нужно было снять с нее трусики, а сейчас, чтобы увидеть трусики, нужно эту попу раздвинуть, – сдохмил в пространство Вася. Заржали. Девчонки тоже.

- Времени скоро двенадцать часов, а мы ни в одном глазу. Народ, а? – обратился к народу Вася.

- Игорек, ты командуй, давай, – сказал Виктор Иванович.

- Так, Васек, метнулся рысью, – кивнул в сторону трюма Игорь. – Нам – белую, телкам – шампунь.

Пахарь пить не хотел, не было настроения. Но отказываться не стал. Все шло своим чередом по привычным, накатанным рельсам. Метрах в пятидесяти по левому борту показались дельфины. Они плыли, иногда выпрыгивая из воды. Возник ажиотаж. Все всматривались вдаль, пытаясь предугадать место их появления. Неожиданно, не более чем в метре от борта, проявилась знатная рыба. Девушки завизжали и запрыгали от восторга. Одна из них легла на палубу и пыталась достать дельфина кончиками пальцев. Не получалось. Дельфин плыл параллельным курсом. Казалось, он совсем не прилагает никаких усилий. Плавники неподвижны, вода сама собой обтекает совершенное тело.

- Игорь, прижми мне ноги, – Костя пролез под леером и свесился с яхты. Игорь сел ему на икры.

- Есть! Есть! – закричал Костя, возвращаясь на яхту, и возбужденно глядя на свою ладонь, словно пытаясь увидеть на ней отпечаток происшедшего события. Людское прикосновение будто придало дельфину боковое ускорение. Он стал отдаляться, уходя вперед, и вскоре исчез совсем.

- Вот это круто! – не мог успокоиться Костя. – Расскажи, никто не поверит. Может, щелкнул кто, а?

Вопрос был задан слишком безнадежно и не предполагал положительного ответа. Выпили за здоровье дельфина. И за Костю – как за героя.

Затем последовало традиционное купание на конце. Скорость была приличная, и чтобы уменьшить ход, Пахарь хотел сначала «майнать», – опустить стаксель, но передумал. Ребята крепкие – выдержат, а потом ход и так замедлится. Первым прыгнул в воду Костя. Он успел зацепиться за веревку не сразу и оказался на конце каната. Попытался, было, шутить и балагурить, но быстро замолчал, – вода захлестывала рот. Начал подтягиваться к яхте. Напор был такой, что приходилось тужиться изо всех сил, чтобы продвинуться несколько метров. Игорь и Вася не стали искушать судьбу и зацепились в воде за канат сразу. Три центнера груза не побороли ветер, но сказались

заметно. Судно приостановилось, и продвигалось туго, так что девочкам совсем не пришлось напрягаться. Все нежилась, крутилась в воде как каланы. Дурачились.

Инцидент случился, когда стали выбираться из воды. Ближний к яхте цеплялся за лестницу и поднимался наверх, остальные подтягивались вперед. Игорь был предпоследним, за ним – еще одна девушка. Ей осталось выбрать метра полтора, но, с исчезновением балласта, яхта резко набрала ход.

- Светка, давай!

- Смелее! Не дрейфы!

- Света, быстрее!

- Держи руку! – Костя с лесенки пытался помочь девушке.

Но Света и так еле держалась. Канат тянул ее вниз, вода заливала рот. Она попыталась подтянуться и схватить Костину руку, не удержала веревку, и мгновенно оказалась отброшенной назад. Девчонки в панике завизжали. Расстояние быстро увеличивалось.

- Костя, вперед! – скомандовал Пахарь, и парень ласточкой вошел в воду.

- Круг!!! – заорал Пахарь Игорю. Тот лихорадочно отвязал его, изо всей силы бросил. Круг пролетел половину расстояния между яхтой и Костей и обессилело шлепнулся.

Пахарь быстро отпустил стаксель. Тот вхолостую захлопотал на ветру, рвя канат. Отпустил грот, придерживая канат ногой, и вывернул руль. Яхта начала разворот.

- Вниз! Головы вниз!!! – заорал Пахарь всем и отпустил канат грота. Брус гика, как лопасть вертолета, прошел над головами. Маневр закончился. Яхта, описав неполный круг, приближалась к терпящим бедствие. Опасность миновала. Паника рассеялась.

- Светик, держись!

- Стой на месте! Береги силы!

- Мы уже идем! Светка!

- Расслабься! Отдыхай!

- Света, не лыви так быстро, – мы тебя не догоним!

Света и так никуда не плыла. Она с трудом держалась на плаву, лихорадочно по-собачьи перебирая руками. Ее голова, как поплавок, то исчезала, то появлялась среди волн. Костя мужественно, как гладиатор, боролся с морской пучиной.

Первой подобрали Свету. Пройдя метров тридцать, подняли на борт Костю, затем – круг. Девушку укутали в большое махровое полотенце, но ее крупно трясло. Нервы.

- Такой «хэпи-энд» надо отметить! – Вася нырнул в трюм.

Свете налили водки. Дружно отметили счастливое спасение.

- Ну, еще по одной, – поднялся Виктор Иванович. В приключившихся событиях он участия не принимал. Не паниковал, сидел спокойно. Наблюдал. – У всех налито? За капитана!

Выпили.

- Кэп, ты – молоток, – поддержал Вася. – Прямо, капитан Флинт! А давай, мы будем называть тебя капитаном Флинтом?

- Ребят, по-моему, Флинтом это ж президент в Америке? – засомневалась одна из девушек.

- Ты че, блин! Ва-а-ще! В Штатах президент – Клинтон. – Вася покрутил пальцем у виска.

- Ну да. Монике нравился Билл, и особенно его Клинтон, – Костя явно был в курсе.

- А, по-моему, капитан Флинт был пиратом, – вошла в разговор Света. Потом – другие девчонки.

- Фу, пираты... Такие жестокие и жадные!

- Девочки, от них, наверно, воняло...

- Нет! Они принимали душ утром, в обед и вечером.

- Пираты страшные и злые. Как Бармалей!

- А наш капитан очень даже симпатичный!

- И добрый!

- Вы уверены? – посмотрел на них Пахарь.

- Мы надеемся.

- А вы нас не разубеждайте!

- Тогда пусть я буду просто капитаном, без Флинта, – закрутил тему Пахарь.

- Кэп! – Вася приложил руку к виску, отдавая честь. – Прямо по курсу земля!

Пахарь молча кивнул.

На косе не было никого. Пахарю не нравилось, если собирались две или три компании отдыхающих. По большому счету, ему было все равно, но хотелось, чтобы люди ощущали дух дикой природы. Выгрузились. Разбрелись, кто куда. Кто купаться, кто в дюны, – пологие песчаные холмы, застывшие песчаные волны. Кто купаться, а потом – в дюны. И наоборот. Народ максимально расслабился. Пахарь занимался пашльком. Виктор Иванович, наконец, разделся, явив миру белое, украшенное татуировками тело. Он с расстановкой, не спеша, плывал и нежился на белесом песке, периодически окунаясь в воду и возвращаясь к песчаной лежке. Затем подошел поближе к костру, наблюдая за движениями Пахаря.

- Давно вышел? – Виктор Иванович курил сигарету, равнодушно глядя вдаль. Пахарь даже не сразу понял, что вопрос относится к нему.

- В ноябре.

- А где отдыхал?

- В Д-ке. – Пахарь не любил эти разговоры.

Виктор Иванович протянул ему открытую пачку.

- Бросил. Спасибо.

- Молодец. А ты, я вижу, мужик серьезный. Такой, сам по себе.

- Серьезный, несерьезный, – не знаю. Но сопли утирать не надо.

- А я вот с ребятишками немного вошкаюсь. Так, чтоб секли, что к чему.

- Понятно.

- Ничего, ребятишки толковые. Пооботрутся малёхо, глядишь, и толк какой получится.

- Наставник, значит?

- Типа того. Детство еще не отыграло у них... Романтика.

- В детстве все мы с деревянными пистолетами бежали. В «войнушку» играли. Кто «наши», кто «немцы», – Пахарь заулыбался, вспомнив детские забавы. – Вот только «немцами» никто не хотел быть. Жребий кидали.

- Ну вот, пусть поиграются пока. Потом докумекают.

«Да, уж докумекают быстро, – подумал Пахарь, – не в игрушки деревянные играют».

- Ребята неплохие, – произнес он вслух. – Сообразительные.

Виктор Иванович молча кивнул. Докурил сигарету до фильтра, глубоко затягиваясь и делая паузу, прежде чем освободить легкие от дыма. Пошел к воде, не спеша. Пахарь провел его взглядом. Была в этом небольшом человеке какая-то значительность и основательность, что ли. Его немногословность словно говорила, что он знает, понимает нечто, для других скрытое. Есть у него своя правда, свое объяснение этого мира, его устройства. И объяснение это весьма четкое: у каждого свое место, свое назначение, свой маршрут, колея, так сказать. Вот и катись по ней, не дергайся. Если ты трамвай, будь им, делай свое дело. Только не надо восьмерить – прикидываться пароходом или самолетом. Можешь не доехать до следующей остановки. Пахарь встречал таких там. Немного, но встречал. Других повидал поболее. У каждого – своя правда. Да и не только – человека. У рыбы одна правда, у рыбака – другая. У червяка – третья. Пока ползает.

Как он понял, что сидел? Вроде, не было никаких разговоров, намеков, вопросов. А собственно, чему удивляться? Каждый несет на себе или в себе отпечатки прожитой жизни. Надо только уметь увидеть этот след.

- Ой, как пахнет приятно! Скоро будет готов? – недавно спасенная Света с наслаждением втягивала носом ароматный пашлычный дым. Она булькалась и загорала одна невдалеке. Три пары отсутствовали. А Виктор Иванович ее, вроде, не замечал.

- Да, недолго осталось, – ответил Пахарь. Он переворачивал на решетке, скворчащие ломти мяса и сбрызгивал их немного разбавленным красным вином.

- У меня прямо слюнки текут, так кушать хочется.

Пахарь посмотрел на девушку. Среднего роста. Худенькая. Слегка конопатая курносая мордашка. Сколько ж тебе лет? Шестнадцать? Восемнадцать? Двадцать? Играла б лучше в куклы еще. Куда вы лезете, девочки?

Подошел Виктор Иванович. Пару минут стоял молча.

- Пошли, – сказал он, глядя сквозь Свету и, не дожидаясь ответа, не спеша, направился в дюны.

Девушка растерялась. Она пыталась поймать взгляд Пахаря, ища поддержки и защиты. Но тот отвернулся, занятый пашлычком. Она посмотрела на удаляющуюся спину Виктора Ивановича, сникла и послушно поплелась за ним.

Глава 8.

— Да, кэп, шашлык у тебя знаменитый, — Игорь смачно ковырялся спичкой в зубах.
Просто офигительный! Я такой — в жизни не ел, — восхищался Вася.

— Может, продадите рецептик? — поинтересовался Костя.

Виктор Иванович, немного выпив и перекусив, уже полчаса как дремал под сооруженным ребятами тентом. Девушки искупались и продолжали настойчиво загорать вдалеке. Они полностью оголились и спешили закрасить загаром на теле почти незаметные белые полосочки.

— Продать-то я, может, и продам. Хватит ли у вас денег купить? — непонятно было, шутит или всерьез говорит Пахарь.

— Я серьезно, — настаивал Костя. — У меня, лично, такой рецепт с руками оторвут. Еще наварюсь.

— Ладно, много денег мне не надо, — сказал Пахарь, потягивая пиво, — сколько дашь.

— Идет.

Пахарь подробно объяснил, как он делал этот шашлык.

— Ну? — Костя ждал продолжения.

— Что — ну?

— Что, и — все?

— Конечно, не все. Теперь осталось самое главное.

— Вот, я так и знал, — приготовился Костя.

— И самое главное, — этот шашлык поесть.

— Ладно, — разочарованно поднялся Костя. — Мы всегда так делаем, а такой вкусный не получается.

— Может, не всегда к шашлыку прилагаются море, солнце, яхты, красивые девушки, а? — Пахарь похлопал его по плечу. — Я так понял, что гонорара мне не видать.

— Хрен с тем гонораром, кэп, — сказал Костя. — У вас есть тачка?

— «Жигуль», ноль первый.

— Нет, это несерьезно. Я имею в виду, нормальная машина есть?

- А что ты хочешь?

- У нас ремонт, сервис, запчасти. Полный фарш и прибабасы. Под заказ любую машину пригнать можем. Только свистните. Не вам, может, кому из ваших, что надо. Какие проблемы, алло, Костя, все порешаем на раз, все схвачено.

- Вот, вижу настоящего мужчину, – сказал Пахарь. – По рукам.

Виктор Иванович тем временем искупался и направился к девушкам.

- «Позишен намбэ ту», – пропел Вася, – я тебя ту-ту. И туда ту-ту, и сюда ту-ту.

- Слышь ты, Газманов, завязывай базар, – зло одернул его Игорь.

Пахарь видел, как Виктор Иванович подошел к девушкам. Светлана поднялась и покорно пошла рядом. На этот раз они отсутствовали довольно долго. Вернулся Виктор Иванович один.

Он отозвал Игоря в сторону, минуты две о чем-то говорили. Ребята насторожились и стояли наготове.

- Так, пацаны, в темпе собрали телок и загрузились, – скомандовал Игорь. Они встретились с Пахарем взглядом на несколько секунд. Затем Игорь повернулся и ушел.

Собрались быстро. Девушки волновались за подругу, но, наткнувшись на угрюмое молчание, встревожено притихли. Виктор Иванович сидел на носу, повернувшись спиной, и сосредоточенно курил. Заходящее солнце подсвечивало дым розоватым цветом. Пахарь закрепил на корме мотор. Проверил запуск. Нормально. Вскоре появился Игорь. Он нес Светлану на руках, руками она держалась за мощную шею.

«Живая, слава богу», – подумал Пахарь.

На плотно обтягивающем халатике, снизу проступило багровое пятно. Одна из девушек тихо заскулила. Света негромко стонала, дрожа от боли, страха и унижения.

- Давай в трюм, – сказал Пахарь Игорю. Повернулся к девчонкам. – Вы – тоже. Поможете. Постелите там, что есть.

Он быстро смочил водкой полотенце. Протянул девушкам. – Зажмете ей между ног, пусть подержит несколько минут, потерпит. Потом сухое, – почище подберите. Водки дайте, пусть выпьет.

Низкое солнце ласково грело спину. Ветер ложился. Мелкая рябь сменилась зеркальной гладью. Чайки не нарушали привычным гомоном тихое предзакатье. словно неподвижные белые лилии, они украшали поверхность

воды. Гармония природы нарушалась лишь монотонной, мерной дробью мотора. Пахарь сразу решил даже и не ставить паруса. Девушки сидели внизу. Они похлопотали вокруг подруги, и теперь замолчали, пытаюсь понять, что будет дальше. Водка слегка притупила боль, и Светлана притихла. Мужчины сидели наверху. Все молчали, думая об одном и том же. Игорь присел рядом. Несколько минут отсутствующе смотрел на горизонт.

- Что посоветуешь, капитан? Какие варианты?

Пахарь посмотрел ему в глаза. Варианты? Есть вариант – не быть подонком. Но разве будешь это сейчас объяснять? И кому? К ребятам, собственно, претензий нет. Они ему даже были по своему симпатичны. Виктору Ивановичу? Таким уже ничего не объяснишь. Цыпленочка жалко? А что его жалеть? Съели, кости обглодали и дальше пошли. На то он и цыпленок. Ты и живешь-то, цыпленок, только для нашего живота. И нам решать, пообедаем мы сейчас или подождем, пока мясо нарастет. Жестоко, но в этом есть свой смысл. Пахарь даже не злился на Виктора Ивановича. Не злился ж на каток, что он укладывает асфальт. На то он и каток.

Пахарю очень нравилась старая притча. Человек увидел на дороге побитую умирающую змею. Он взял ее домой, выходил, отпоил молоком. Змея поправилась и укусила его. Умирая, он спрашивает, почему же ты укусила меня? Ведь я пожалел тебя, от смерти спас. Змея спрашивает, но ведь ты же знал, что я – змея? Да, говорит, знал. Ну, говорит змея, вот и все.

Да, варианты? Будем думать варианты. Пахарю, в его положении, огласка была категорически противопоказана. Поэтому вариант он нашел сразу. Главное, чтобы Николай был дома. Николай Петрович был отличный хирург. Работать бы ему в столицах, если б не одна, но пагубная страсть. Очень любил попить горькую. Раньше, бывало, уходил в запои. Но в последнее время более менее держался. Лет восемь назад во время срочной операции у него на столе умерла молодая женщина. Родственники подали в суд на хирурга. Вроде бы, доктор был не трезв. Естественно, пробы на алкоголь в день операции не брали, а «вроде бы» и «показалось» к делу не пришьешь. Да и судья тоже человек, всегда может заболеть. Суд Николая Петровича оправдал, но все это на него сильно повлияло. На людях он пить перестал.

Уже стемнело, когда машины подъехали к небольшому, укрытому зеленой травой дому. Свет горел. Пахарь подошел к воротам. Отчаянно загавкала собака. Появилась хозяйка, невысокая, массивная.

- Кто там?

- Это я, Мария Мироновна!

- Кто я? – слабая лампочка освещала только крыльцо.

- Пашутин Виктор.

- А, Витенька! Давно ты у нас не был. Заходи. Сейчас я собаку придержу.

- Николай Петрович дома? Не на дежурстве?

- Дома, дома. Какое дежурство? Он теперь до обеда в поликлинике на приеме и все. А ты нас, стариков, совсем забыл. Уж и не припомню, когда навещал.

Виктор прошел в дом. Обнялись с Николаем Петровичем по-мужски.

«Кажется, трезвый, – подумал Пахарь. – Во всяком случае, незаметно».

- Николай Петрович, разговор есть серьезный.

- Я чаек поставлю, пока вы тут... – Мария Мироновна вперевалку, как уточка, удалилась на кухню.

- Давай, Витя, выкладывай, что стряслось. Вид у тебя даже взволнованный.

Пахарь изложил суть дела. Доктор задумался, потирая виски пальцами. Хозяйка заглянула в комнату пригласить на чай, но, посмотрев на мужчин, закрыла дверь.

- Это криминал, Витя. У тебя могут быть большие неприятности, и у меня – тоже.

Виктор молчал. Пока доктор Америки не открыл. Что делать?

- Давай так, Витя. Ты мне ничего не рассказывал. Я ничего не знаю. Ты просишь меня оказать девушке помощь. Я посмотрю ее, а потом будем решать, что делать. А эти вооружены?

- Николай Петрович...

- Витя, Витя... Время сейчас лихое. Ладно. Пока так. Я – врач. Ты просишь о помощи. В конце концов, я давал клятву Гиппократу, и не могу отказать.

- Спасибо, Николай Петрович! – Пахарь поднялся. А доктор не прост...

- Рано благодарить! Посмотрю – будем решать. Может «ноль – два» звонить придется. Только так, что б сам. Мне эти тут не нужны.

Пахарь пошел за Светой.

- Муся! Выключи на улице свет. Закрой окна и постели в зале клеенку и простынь, – отдавал распоряжения доктор.

Виктор Иванович курил. Из машин никто не высовывался.

- Доктор согласился посмотреть.

- Это уже хорошо, – Виктор Иванович сунул окурок в пепельницу. – Игорь, давай.

- Доктор сказал, что должны быть только я и девушка, – сказал Пахарь.

- А это не есть хорошо, – Виктор Иванович задумался.

- Условие такое. Только я и она. Или никто, – Пахарь поймал внутреннюю дрожь.

- Та-а-к. Ну что, мы принимаем условия? – Виктор Иванович посмотрел на Игоря.

- Ну... – неопределенно пожал плечами Игорь.

- Мы условия принимаем. Игорь, помоги ему.

Игорь помог осторожно вытащить Свету из машины. Девушки сидели в машине без звука, оцепеневшие от страха и неизвестности. Лица побледнели и застыли неподвижными масками.

Пахарю казалось, что он сидит в прихожей целый час, хотя прошло всего минут десять. Света пару раз вскрикивала во время осмотра.

- Муся! – открылась дверь, и выглянул Николай Петрович. – Теплой воды, марганцовку, в аптечке посмотри мои свечи от геморроя. И сладкий чай!

Прошло еще несколько минут. Мария Мироновна тяжеломерно моталась туда – сюда с тазиками, полотенцами. Наконец, вышел доктор. Он стянул резиновые перчатки и бросил их на пол. Затем снял халат. Присел на табуретку.

- Ну что, твоим проктологам повезло. Внутреннего кровотечения нет. Есть разрывы варикозных узлов. А это болезненно, плюс обильное кровотечение. Кровь, кстати, уже не идет. Через неделю все будет нормально. Так что, физическое здоровье вне опасности. Ну, а насчет психического – не знаю. Девочка, конечно, травмирована.

- Так что делать, Николай Петрович?

- Сначала надо поговорить с ней. Она должна сама сейчас решить, будет она заявлять или нет. Решит заявить – сейчас же вызвать милицию. Решит не заявлять, – дальше будем думать. А пока надо с ней поговорить.

Света лежала на кушетке. Она совсем успокоилась и выглядела лучше. Мужчины объяснили ей ситуацию. Конечно, никакое заявление она в милицию подавать не будет. Вот только в машину она больше не пойдет. Останется здесь, хотя бы до утра. А утром пойдет к девчонкам, где комнату снимают.

Пахарь вышел к машинам. Тишина звенела в ушах. Сердце бухало наверху возле горла.

- Доктор оставляет ее у себя. Будет лечить, – голос был глухой, чужой.

- Давай отойдем, – Виктор Иванович вышел из машины. – Игорь!

Они отошли от машин метров на десять.

- Короче так, – Виктор Иванович уже все продумал, – ты идешь к ней, и пусть напишет бумагу, тогда будет спать спокойно. И на шмотки подкинем. Понял?

Пахарь все понял.

- Продиктуешь ей, как надо. Ты умный. Женщины, капитан, непостоянны. Что б завтра не передумала. А мы тебя с Игорьком здесь подождем. Да. Игорек?

- Подождем, – продублировал Игорь.

Пахарь объяснил девушке, чего от нее хотят. Света была согласна, лишь бы не идти в машину. Николай Петрович заметил, что в этом есть резон. Бумага успокаивала и устраивала всех. Пахарь продиктовал текст. Взял лист и снова вышел.

- А вот и наш адвокат, – Виктор Иванович пребывал в хорошем расположении духа, – прочтем послание турецкому султану. Фары включи.

Вася включил свет. Виктор Иванович и Игорь, наклонившись, читали. Пахарь двумя руками держал листок.

«Я, такая-то, тогда, была там-то. Ни к кому, никаких претензий не имею. Написано в полном здравии, без принуждения. В чем и подписываюсь. Число. Подпись».

- Просто чудесно. И главное – число совпадает, – Виктор Иванович куражился.

Пахарь сложил листок и положил в карман. Виктор Иванович замолчал.

- Бумагу, – он протянул руку.

- Бумага останется у меня, – четко произнес Пахарь, – это страховка для всех. Где меня найти, знаете. Я никуда не уезжаю.

- Да ты че... Ты на кого... – задохнулся Виктор Иванович.

- Шеф, идемте на пару слов, – вмешался Игорь. Он нежно обнял шефа за плечи, развернул и отвел в сторону. – Давайте без кипежа, Виктор Иванович. Поранули бока, что говорить, но сейчас все вроде как скручивается. Надо с кэпом по-хорошему разойтись. Считай, он нам все разрулил. Бумажка эта – тьфу! Главное – девку подлечат. А болтать лишнее, никому смысла нет. Все нормально уже. Ничего не было. Расслабьтесь.

- Разрулил, потому что с нами и сам замазался, – Виктор Иванович успокоился. Они поговорили еще пару минут и вернулись.

- Ладно, кэп, бывай, – Виктор Иванович протянул Пахарю руку.

- Бывай, – Пахарь пожал сухую теплую ладонь. Ему было тошно за себя, за свое малодушие. Жать руку после всего... Ладно, не время лезть в пузырь.

- Кэп, еще разговор... – Игорь пошел от машин вглубь улицы. Пахарь двинулся за ним.

«Уедут они когда-нибудь или нет?!».

- Спасибо, что помог. Я уже думал – кранты. Эх, жизнь копейка! Намаялись мы с этим старым... сидором. Дать бы ему по рогам...

- Так зачем маетесь?

- Свои дела. Ладно, завяжем. Короче так, – Игорь достал портмоне, отсчитал десять бумажек. – Здесь штука, пятьсот – твои, триста передашь доктору, две сотни – Светке. Ей выше крыши. Еще рада будет.

Пахарь понимал, что его, их всех банально покупают. Стало опять противно за себя. А выбора у него не было. Он положил деньги в карман.

«Да что ж это я в дерьме весь день купаюсь?!».

- И еще, – Игорь протянул Пахарю небольшой листок, – здесь мои телефоны, мобильный и рабочий. Надо будет, обращайся. Наш профиль ты знаешь. Чем смогу, помогу.

- Это вряд ли.

- Жизнь длинная, кэп. «Никогда не говори никогда». Смотрел такой фильм?

Игорь сел за руль.

- Я завтра за вещами Светы зайду, она просила, – сказал Пахарь девушкам.

«Умник, тоже мне», – усмехнулся про себя Игорь и повернул ключ в замке зажигания.

Машины тихо заурчали и медленно растворились в темноте.

Глава 9.

Это было на излете. Конец августа. Через неделю праздную публику смоеет сентябрьской волной и разнесет по городам и весям, навстречу занудным будням и осенней городской тоске. Беззаботность и веселье покинут городок, разлетевшись по тысячам адресов счастливыми улыбками, фотографиями, приятными воспоминаниями. Городок, как брошенная женщина, останется в непонимании и обиде. «Как, уже все?! Так быстро? И что делать теперь...». Несколько месяцев он пробудет в летаргическом сне, чтоб пробудиться весной с надеждой на новый неизбежный роман.

Впереди был сентябрь, несуетливый, ласковый, свежий. Воздух наполнится осенней прозрачностью, наступающей с северо-востока, вытесняющей теплое и влажное южное марево.

Сентябрьская публика – особенная. Солидные, в возрасте, дяди и тети едут не столько отдохнуть, загореть, покататься в море, сколько поправить уходящее здоровье. Они скрупулезно заняты «промыыванием организма арбузами», сидят на «дынных, виноградных диетах», с последующим пуканьем и продолжительным пребыванием в туалете. Есть еще категория «колхозников». Это сельяне и работяги, получившие уже не дефицитные путевки. Кто по льготам, кто в счет зарплаты. Публика небогатая, словно приехавшая из прошлого. Крепкие мужики обычно купались в «семейных» трусах, иногда подкатывая их по бокам вверх. Их жены смело погружались в воду в лифчиках или в купальниках пословенного образца. Они, не стесняясь, шумели и дружно квасили водку на опустевшем пляже. Напоминали Пахарю детство и юность. Светлые, наивные, но такие счастливые и безоблачные шестидесятые годы.

Пахарь иногда звонил Надежде. Он часто думал о ней. Вспоминал слова, одежду, ее волосы, тело. Воспоминания, сливаясь с фантазиями, разрастались и жили своей собственной жизнью. Телефонные звонки разрушали этот иллюзорный мир. Ее голос в трубке звучал отчуж-

денно. После двух-трех ничего не значащих фраз долго молчали, казалось, и говорить-то не о чем. А ведь так много хотелось сказать, столько накопилось в душе тепла. Говоря по телефону, он никак не мог представить ее лицо. Этот голос был далек от Нади. Его Нади, с которой он засыпал, с которой подолгу общался, пока болтался на яхте в море. Она, вроде, собиралась приехать в отпуск, но потом оказалось, что «не получается». Не получается, так не получается. С расспросами Пахарь не лез. Он страстно желал ее приезда. И в то же время боялся. Боялся, что действительность разрушит воспоминания, сказку, которую сочинил для самого себя. Лучше он сам придет к ней. Зимой. Обязательно.

Заказов в сентябре было немного. Пахарь часто весь день проводил на причале вхолостую. Ну, не совсем вхолостую, работа всегда была. Ковырялся с мотором, чинил, латал. На завтра клиентов подогнал Захарович. Его «баба» дежурила в пансионате, мужики там маялись от безделья, да и жены – тоже. Наблюдая, как с мостков деды и ребятина ловят рыбу, они заразились этим делом. Вот, Захарович их Пахарю и сосватал. Две-три удочки всегда находились на яхте, вдруг народ возжелает, и народ желал очень часто, особенно, если были дети. Энтузиазма, правда, хватало ненадолго. Пахарь навязал еще несколько донок, деревянную коробку с креветками сунул в самый низ, где прохладнее.

В шесть утра, точно как и договаривались, появилась компания. Четверо мужчин и три женщины. Мужчины были пригружены сумками. Направились на банку. В сентябре, чуть вода остывает, бычок начинает ловиться очень хорошо. И идет почти до морозов. Ну а банка – самое клевое, в прямом смысле этого слова, место. Переход занял чуть более получаса. Компания попалась не особо веселая. И хорошо. Вот уже и дошли. На банке стояли три лодки, метрах в ста – ста пятидесяти друг от друга. Пройдя чистое песчаное пространство, Пахарь остановил яхту там, где в траве желтели светлые прогалины. Тут и будем ловить. Поставил яхту на два якоря. Выложил донки. Объяснил, как насаживать креветку на крючок. Ловля нехитрая – бычок дернет, и ты дергай, подсекай смело и тащи.

Высокий, лысоватый мужчина с сомнением смотрел на удочку.

- Я что-то не понимаю... А где поплавок? – спросил он.

- А поплавок и не нужен. В принципе, можно и с поплавком, хуже не будет, – сказал Пахарь, – но если бычок есть, вполне можно и без полавка. У меня здесь пара штук имеется, давайте поставлю – две минуты.

- Давайте. Я привык, чтобы, как положено, – сказал лысоватый. – И, кстати, грузило слишком крупное и привязано неправильно.

- А как правильно? – Пахарь начал раздражаться.

- Грузило должно быть расположено ниже поплавка, – как учитель троечнику, начал зудеть лысый. – А крючок или крючки, не более двух, должны располагаться ниже грузила. Крючки у вас слишком длинные. Поменьше и короче нет? На рыбалке важна каждая мелочь. Например...

- Есть! Есть! – возбужденно закричала одна из женщин, вытягивая приличную рыбешку, и перебив намечавшуюся лекцию.

- И у меня! Два! Два сразу! Один маленький... – поддержала ее подруга.

- О! И у меня есть! – это уже мужчина с другого борта. – Иди сюда! Ты смотри, гад, как крутится!

- О-па! И у меня... Ах, черт! Сорвался!

- У меня еще! Красавчик, ты мой! Иди к маме.

- Ладно, давайте сюда. Пока не будем переделывать, – лысый выхватил у Пахаря удочку и лихорадочно стал насаживать на крючок креветку.

Клев продолжался часа полтора.

- Уф! Я аж уморилась!

- Бабы, я вот это первый раз... Смотрю, он леску дерг, дерг! А я – его! Р-раз!

- А ничего, да? Весело пошло. Сколько натягали! И на уху, и на жареху хватит.

- Рыба, конечно, мелковата, – заметил лысый. – У нас покрупнее ловится. Окунь приличный идет, лещ попадается. Вот, помню, были мы на водохранилище, так мне попалась щука...

- Васильич, мы про эту щуку уже слышали. Годов пять назад.

- Ну, не только щука... Сазана взял на шесть кило...

- Это когда в позапрошлом году на ГРЭС ездили?

- Ну да. А судак мне попался, какой! А?

- Вась...

- А что – «Вась»?

- Василь Васильич, мы все знаем, ты у нас, можно сказать, профессионал высокого класса.

- Профессионал... Два дня собирается, два дня шастает где-то. Пакетик привозит – котика покормили, вот и вся рыбалка.

- Лида! Как жена, ты мужа должна поддержать. Рыбалка, это ж не в подворотне с алкашами.

- Да, Лида! Муж у тебя – чемпион! А от промаха никто не застрахован. Помнишь как? «Бац! Бац! И – мимо», – проявил мужскую солидарность жизнерадостный толстячок.

Все рассмеялись.

- Кстати, есть такая примета. Если рыба перестает ловиться, надо обязательно покушать, а если еще и остограмниться, то рыба просто попрет на крючок, – подключился Пахарь.

- Что-то я про такую примету не слышал, – занудил опять лысый.

- Это моя личная примета. Проверена многократно.

- Отличная примета! Нам такие приметы нравятся! – сумки быстро распаковались, на палубе накрылся стол, и пошло-поехало. Как обычно. Как сериал, только все время смотришь одну и ту же серию. Могут поменяться имена героев, их одежда. Но сценарий все тот же.

- Я все-таки хочу уточнить. Мм... Как к вам...

- Капитан.

- Ага, капитан. Так вот, я хочу разобраться с удочками, – Василий Васильевич, как специалист, не мог оставить этот вопрос нерешенным. – Грузило у вас слишком большое, расположено оно на конце, тем самым пугает рыбу, крючки какие-то странные, поплавок нет...

- Вы совершенно правы, – успокоил его своим ответом Пахарь.

- Это как? – удивился от неожиданности дока.

- Так. Абсолютно правы. Если на речке в лопушках ловить карасиков и плотвичку. А мы с вами на море, уважаемый. И ловим бычка. А он ничего не боится. Крючок на песке лежит, возле грузка, ему плевать на этот грузок, он будет хватать наживку, только подавай. Клюет бычок резко, даже самый маленький, по леске прекрасно все видно. Клонул – подсекай и тащи. Просто, как дважды два. А цевье длинное, чтоб не заглатывал. Снимать с крючка легче, – закончил пространный экскурс Пахарь.

- А я это, кстати, заметил, – доброжелательно оживился Василий Васильевич, найдя в собеседнике единомышленника. – А какая еще рыба здесь ловится?

- Разная, только не на удочку.

Несколько раз переходили яхтой на другие места. Клев продолжался с переменным успехом, но, конечно, не так, как утром. Закончилась рыбалка всеобщим освежающим купанием и веселящим «согревом».

- Капитан, ушицы свеженькой так хочется.

- А крупнеежких пожарить бы, а? – одна из женщин, сладко причмокивая, мечтательно закатила глаза.

- «Я требую продолжения банкета!» – категорически потребовал «профессионал» Васильевич.

Рыбы наловили почти полное ведро. Надо что-то с ней делать. Клиент хочет, чтобы ему «сделали красиво». Хочет – сделаем. Яхта приближалась к причалу.

- Надо поговорить с Захаровичем. Если разрешит, устроим пикник на причале, – высказал идею Пахарь.

- Ребята, не горячитесь, – возразила жена рыбака Лида. – К ухе у нас ничего нет. А масло, соль? А вилки, ложки? Из чего мы есть будем? Давайте в пансионате на кухню отдадим, там все нам приготовят.

- Капитан, выручайте. Эти бабы все загубят. «На кухню»... А дым костра? А песни под луною? – никак не сдавался жизнерадостный толстячок.

- Главное – Захарович. А остальное не проблема. Организуем, – поддержал Пахарь компанию. – Пока женщины почистят рыбу, мужчины разведут костер и вскипятят воду. Кто-нибудь мотнется в магазин за «запчастями».

Захарович дал себя уговорить. Объяснил, где развести костер. За старым складом, недалеко от воды. Уголок, не видный снаружи. Дал разные причиндалы, среди которых выделялись густо закопченные казан и сковорода. Выделил несколько дровеняк. Мелкие щепки и палки подобрали на месте.

Пахарь «зачехлил» яхту. Оранжевый солнечный желток растекся по горизонту. Скоро потемнеет. Южная ночь быстро входит в свои права. Он попрощался с разочарованно загнувшей компанией. Оставил их на попечение «старого морского волка» и отправился домой.

Глава 10.

Зима наступила неожиданно. В ночь на первое декабря резко похолодало. Снега не было. Вокруг было голо и неприятно. Зима у нас всегда приходит неожиданно. Как снег на голову. Никто ее не ожидает и вот на тебе! Явилась. Незванный гость, так сказать... В лучшие времена городок переживал зиму относительно безболезненно. Нельзя сказать, что все было «чики-пики», но население запасалось углем и дровишками, трубы дымили, котельные пытели, лампочки горели. Народ по вечерам гонял чай, ходил друг к другу в гости, упрямо скучал возле голубых экранов.

Где-то с октября, восстанавливались многие семьи, опаленные летним зноем. Наверно, все курортные городки страдают этим «курортным синдромом». С началом сезона некоторые мужские особи распускают хвосты и уходят в свободное плаванье. Месяца на три. По осени, весьма обтрепанные и побитые, как отгулявшие мартовские коты, приползают в родные пенатылизывать раны и набираться сил. До следующего года.

«Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними», – заметил античный философ. И он был прав. Но переменны эти не сулили ничего хорошего. В нашей, такой богатой всем, что только можно представить, стране, оказалось, не хватает – всего. Уголь пропал, газа почему-то тоже не хватало. Бензин – это песнь песней. Электричества, самого дешевого в мире, одних ГЭС, сколько понастроили, тоже катастрофически не хватало.

Свет в городке вырубали и днем, и ночью. Поначалу сообщали о графиках, которых никогда не придерживались. Потом вырубали, как придется. Вместе со светом пропадала и вода, отключались электронасосы. От перепадов давления старые, десятилетиями не менявшиеся трубы, сыпались. На все росли цены. Вернее, они скакали.

«Произошел скачок цен». Светлое будущее приказало долго жить, а может, оно уже было, но мы его не заметили в очередях за колбасой и туалетной бумагой. Нас

повели в «цивилизованный мир». «Мы идем в “рынок”, смотрите, и цены у нас уже почти мировые». «Гуд – гуд, йа – йа». «Так дайте нам еще побольше денег, нам все мало и мало». «Йа – йа». Приятно вести страну в «цивилизацию», задрав цены до небес, и оставив народу привычную нищенскую зарплату. Интересный просвет получается. Зарплаты за ценами вслед не скакали. Они строго «индексировались», но не выплачивались. Наверху шли «звездные войны». Как простыни рвались регионы, выхватывались заводы, комбинаты, месторождения. Отголоски докатывались до народа, предоставленного самому себе, с тоской не ждущего ничего хорошего. Хаос направлялся умелой циничной рукой. Становилось мутнее и мутнее.

Поужинав при свечах, выпив с Ниной Григорьевной водочки, раненько, часов в семь вечера, ложились спать. Конечно, приятно ужинать при свечах. Один раз. Часто после полуночи Пахарь просыпался. Лежал в темноте. Уснуть уже не удавалось. Хоть считай до посинения этих баранов или верблюдов, хоть не считай. Как в бордотом анекдоте: «Если не можете уснуть, сосчитайте до трех». «Пробовал, доктор, не получается». «Тогда – до полчетвертого». После того, как перестроил все планы лет на тридцать вперед, отдался воспоминаниям. Вспоминал детство, армию, работу, женщин. Много думал о детях. Мелькнуло время, и не успел понять, как они выросли. А что им дал? Что вложил? Получается, что мизер. Все не было времени. На разное-всякое времени хватало, а повозиться с ними – недосуг. Ладно, что-то все-таки дал. Теперь надо догонять, компенсировать, «работать над ошибками».

Чтобы не торчать днем дома, Пахарь часто уходил на причал ремонтировать яхту. В каютке топилась печка, было тепло. Собирался целый клуб. «Клуб бездельников», как окрестил его Захарович. Он хоть и бурчал, сам был охотник «забить козла». Кроме домино, играли в нарды, шашки, изредка – в шахматы. В карты – в «подкидного». На деньги не играли, не на что было, поэтому обстановка располагала. Могли и поддать чуть-чуть, под настроение. Но это было совсем не главное. Обычно игра сопровождалась бурным обсуждением текущего момента.

- Б...ть! Опять свет отключили! – раздраженно загудели игроки.

- Захарович! Стекла надо протереть, костяшки ни хрена не видно!

- Ну, так встал и протер бы! – парировал Захарович с лежанки.

- Уже и днем, суки, не дают продохнуть!

- Мужики, слышали, вчера ночью за автостанцией магазин бомбанули?

- А чего ж не бомбануть! Свет отключают, сигнализация не работает. Заходи, бери, что хочешь. Лафа!

- А как же раньше мы жили? И свет не отключали, вроде хватало всем.

- Ты еще вспомни, что бензин двадцать копеек стоил.

- А что, и дешевле было.

- Раньше, раньше! Заладили. Раньше соляру тоннажи в кювет сливали, чтоб километраж показать. А сейчас, где та соляра? Скоро дорожке бензина будет.

- Раньше все было о-общее. Гоняли эту энергию туда-сюда и не считались, где мое, а где твое. А сейчас мы ж самостоятельные. «У нас усэ е». И нефть, и алмазы, золота – завались! А то смотри, кацапы наше сало «збылы»! Границы поставим, отделимся, и наступит рай! И мы в Европе. В жопе! – кипятился Юрий Петрович, отставник подполковник, повидавший и пески Средней Азии, и сибирскую тайгу, и сопки Приморья, а под конец службы попивший украинской горилки.

- Петрович, ты палку-то не перегибай. Мы ж не сегодня сделаны. Или не помним, любая ерунда, плевая бумажка – надо ехать в Москву, бить челом. По всей стране в магазинах – шаром покати. Зато в столице – полная чаша. Все туда перли. Вот и доперли. Допекла она всех, – оппонировал Игорь Павлович, пенсионер – бухгалтер. Он в «клубе» считался умеренным.

- И правильно! Наш народ держать надо вот где! – Юрий Петрович погрозил кулаком невидимому врагу. – Порасползались, понимаешь! Сталина на вас нет! К стенке поставил кого надо и все! По стойке смирно! Стоять!

- Значит, опять «шаг вправо, шаг влево считается побег». Это уже проходили. А если тебя, Петрович, к стенке поставят, а?

- Меня не поставят. Не за что.

- Да ну? А за кукурузой в поле кто на мотоцикле ездил? Вот тебе и «колоски». А хоть бы и ни за что? Лес рубят – щепки летят. Так что, Москва, брат, бьет с носка.

- Воровать им Москва мешала. Вот и вся политика. Зато теперь никто не мешает. Нам свет отключили и погнали его в Европу, а доллары – на счет. Мы ж дурачки! Ничего не понимаем. А чуть клонет жареный петух, они бегом в Москву. Братья – славяне, помогите! Тьфу!

- А ты думаешь, в Москве не воруют, Петрович? – Игорь Павлович сделал паузу. – Еще как! Да наши просто карлики по сравнению с ними! Там обороты о-го-го. А нефть? А газ? А лес?

- Вот и обидно, Пальч. Такую страну похерили. Там воруют, здесь воруют... А нам житья нет. Знаешь, казалось, на пенсию выйду – заживу, эх! А тебе – на! – Юрий Петрович смастерил крепкий кукиш и задумался, внимательно глядя на него.

- Мужики! Мы недавно с женой ездили в Днепропетровск к родственникам. Года три не были. Ну, я вам доложу! По трассе к городу подъезжаешь – особняки! Красный, розовый кирпич. Крыши – черепица. Дворцы! Заборы с башенками. Атаc! – вошел в разговор бригадир рыбаков Анатолий. – Я раньше по городу на своей «Жульке» рассекал и в ус не дул, а сейчас... Иномарок – тьма. По городу несутся... Меньше девяноста, никто не ездит. Фа-факают, обходят и слева, и справа. Красный свет им не указ. Труба! Так у нас тут еще тишь и благодать, а там каждый божий день кого-то валят. С автоматов, пистолетов, гранаты кидают. Три дня побыли, а когда выехали – перекрестились.

- А куда у нас гранаты кидать? Городок маленький, считай все на виду.

- Да есть места и у нас. Не мешало бы несколько штук зарядить.

- В РЭС, что ли?

- Да бог с ним, с РЭСом. Через дом от нас хата – наркоту целый день варят и толкают. Вот туда бы пару гранат не помешало.

- А, кстати, – вспомнил Анатолий. – Мы в Днепре у родственников останавливались, так у них в подъезде та же история. Они на пятом этаже живут, а под ними, аккуратно, блатхата. Ацетоном весь дом провоняли, по подъезду шприцы валяются. На лавочке, на ступеньках пацаны, девки молодые сидят, дозу ждут. Соседи в милицию звонили, и – ничего. Все нормально.

- А в милиции тоже люди работают, тоже кушать хотят. Детишек кормить.

- Вот-вот. Детишек. Когда ихних детишек на иглу посадят, тогда аукнется.

- Каждый думает, что его это не коснется. А денежки-то нужны сейчас.

- А потом поздно будет, придется локти кусать.

- Как говорится, поздно пить «Боржоми», когда почки отказали.

- О! Свет дали. Мужики, кто там вылетел. Ага. Поехали!

И доминошные костяшки снова смачно с оттяжкой застучали по столу.

- Захарович, пока! – Игорь Павлович собрался на выход. – Пока, Петрович! А насчет пенсий наших и зарплат, так вот они в иномарки да особняки вложены, да мало ли, во что еще. Пошел я, будь здоров.

- Всем привет! – Пахарь поднялся. – Идемте, Пальгч, нам с вами по пути.

- Вместе веселее. Пошли.

Зимой темнело быстро. После четырех уже смеркалось. Зима городок не баловала. Досаждала бесконечными ветрами, пронизывающей сыростью, не вовремя идущими дождями, слякотью, гололедисто застывающей к утру.

Шли небыстро, Игорь Павлович слегка прихрамывал.

- А что ты пешком, Виктор? Раньше, помню, на машине ездил. Продал, что ли?

- Нет. У сына – в Киеве. «Грачует» по вечерам.

- Врачует? На скорой помощи, что ли?

- Да нет, – улыбнулся Пахарь. – Таксистом подрабатывает.

- А я удивился. Он у тебя, вроде, не медик. Думаю, может – водителем. А спорт забросил, что ли?

- Да. Травмы замучили. Дальше молодежной сборной не пошел.

- Я помню, несколько лет назад в газете писали «наша гордость, мастер спорта, перспективный».

- Ка-мэ-эс, – уточнил Пахарь. – Кандидат в мастера. Так и остался.

- А-а... – понимающе протянул Игорь Павлович.

Сергей рос спортивным парнем. Занимался гандболом. В шестом классе, после областных соревнований, к ним, Виктору и Людмиле, приезжал тренер. Убедил отдать сына в Киевский спортинтернат. В учебе Сергей звезд с неба не хватал, ленился, а на спорте был помешан. Летел в спортзал, когда надо и не надо. Решили, пусть попробует.

Складывалось все хорошо. Все время выступал за сборные своего возраста. Объездил полстраны на соревнованиях. Перед армией выступал за юниорскую сборную. Армию отслужил в спортроте. Тренировки, соревнования. Как был в «Динамо», так и остался. Вскоре попал в «молодежку». Стал «кандидатом». Тренер главной сборной «положил» на него глаз. А там, глядишь, и чемпионаты мира, и Олимпиада не за горами. Парень горел. Но как-то на тренировке, во время броска у него вылетела рука из сустава. То ли подставился кто-то неудачно, то ли еще что. Боль адская. Доктор, конечно, вправил. Наложили повязку, массаж, то да се. Дней на десять выбыл из строя. Через

месяц та же история. Потом – опять. «Привычный вывих плеча». С площадки перебрался на скамейку запасных. И вскоре со спортом попрощался.

В Киеве познакомился с Мариной, и после службы остался у нее. Свадьбу делать не захотели, и вообще не расписывались. Летом приезжали в городок, жили у матери. Ничем серьезным Сергей не занимался. Мать настаивала, чтобы шел учиться в институт физкультуры или педагогический. За учебниками он не высидел и месяца, и вопрос рассосался сам собой. Когда отец попал в тюрьму, машина оказалась бесхозная. Сергей забрал ее в столицу. По вечерам и утром «таксовал». Днем отсыпался. Частный извоз тогда был внове. Клиенты частенько попадались недоверчивые. «Если вы – такси, где же на машине шашечки?». Серезка не терялся. «Вам что нужно – шашечки или ехать?».

- Ну, а ты чем собираешься заниматься, если не военная тайна? – спросил Игорь Павлович.

- Тайна, но не военная. Сети буду брать, моторку. Весной займусь рыбалкой, а летом яхта поддержит материально.

- Это точно. «Обидеть художника может каждый, а вот помочь материально...».

Оба рассмеялись.

- У меня зять рыбой занимается, – продолжил Игорь Павлович. – Женька, да ты знаешь. Вечно стонет, поет. То травой сетки позабываются, то медузой, то ветер не тот, инспектора щемят. А ничего, живут. Ремонт, какой отгрохали. Да и про тещу с тестем не забывает. Всегда рыбину, какую-никакую, а подкидывает. Кстати, ты с ним поговори вот о чем. Чем готовые сети брать, дешевле взять «куклу» – заготовку. И самому до ума довести, как тебе надо.

- Спасибо, Палыч, уже в курсе дела. «Куклы» – это хорошо, да только возиться с ними некогда. Буду брать готовые. Турецкие есть недорогие, «порижовые».

Турецкие – барахло. Паутинки. Финские – вот это дело. Не прогадаешь.

- Дороговато, Палыч. Не потяну. Москва не сразу строилась.

- Тебе виднее. Ну, бывай! – Игорь Павлович протянул Пахарю руку.

Глава 11.

Ненастная противная зима незаметно отступила. Стало больше солнечных дней, потеплело, по утрам уже не подмораживало. Теперь по весне разгулялись ветры. Набирая силу над холодным, студеным безбрежьем, они налетали на ожившую, пробудившуюся природу, пытаясь задержать естественный и неумолимый ход вещей. Если им это и удавалось, то совсем ненадолго. Море постоянно штормило, продлевая и так затянувшийся подготовительный период. Все уже засиделись на берегу и испытывали зуд по настоящему мужскому делу. Синоптики еще на неделю передали штормовой ветер.

Звонил Сергей. Он недавно купил «семерку» у знакомых, не новую, но в отличном состоянии. Отцовскую машину обещал пригнать через неделю-другую. Что такое неделя у Сергея, Пахарь прекрасно знал. Это может быть и месяц, и два, и пять. А ему сейчас колеса нужны позарез. Они, собственно, никогда б не помешали. Но Пахарь и не настаивал, чтобы сын возвращал ему машину. Сергея и Марину колеса кормили. А Пахарю льстило свое отцовское великодушие.

В последнее время сын занялся более серьезным делом: гонял фуры со спиртным и прочим от западной границы. Не сам гонял, конечно. Сопровождал. На всякий пожарный. Сначала нанимали фуру компанией вкладчину. Ему предложил войти в долю Гоша, приятель по спотринтернату. Тот тоже, не пожавав спортивных лавров, занимался, чем попало, стараясь перехватить, где возможно. Дело набирало обороты, и постепенно компания сократилась до двух человек. Сергея и Гоши. Бизнес был нехитрый, но нервный.

Нанимали «КамАЗ». Ехали в Закарпатье, к границе. Там, на выросших словно грибы, фирмах и фирмочках, тарилась импортной водкой, ликерами, джинами, «Сникерсами», баночным пивом и прочей лабудой. Первые ходки давались тяжело, но постепенно дело наладилось. Там их уже ждали, штабеля ящиков были подго-

товлены. Плати и загружай. В Киеве новоявленные «бутлегеры» арендовали гараж, где хранили груз и фасовали его по клиентам.

Пахарь решил смотаться в Киев сам. Посмотреть, как живет сын, перегнать машину. Заодно навестить и старых друзей. К Надежде в межсезонье он так и не собрался. Может, заехать к ней на обратном пути? Крюк приличный, правда. За руль не садился несколько лет. Ничего, вспомнится быстро. Решил позвонить, хотя не хотелось. Звонить. Хотелось вот так взять и приехать. Нежданно-негаданно. Без этих телефонных разговоров, во время которых он все время чувствовал себя виноватым. Надежда ни в чем его не упрекала, ничего не требовала, а чувство вины не проходило. Наоборот, оно только усиливалось. Скоро ее Антон вернется из армии. Уже прошло полтора года. Одна ночь, несколько телефонных звонков, и полтора года. Что он знал о ней? О ее жизни вообще. А может она не одна? Эта мысль была неприятна.

«Собственник, – думал он. – Да, я собственник. Хочу, чтобы она была моя, только моя. Чтоб сидела и ждала. И – никого! Не дай бог! Да, прав у меня на это нет никаких! Плевать на права. Хочу так и все!»

- Алло! – раздался неестественно близкий голос. Точно подняли трубку в соседней комнате. – Алло! Говорите.

- Привет... – Пахарь зажался, вслушиваясь в тишину. – Привет, это я.

- Я поняла, – ровно сказала она и замолчала.

- У тебя кто-то есть? – произнес он после натужной паузы.

- Нет.

- Я в смысле, ты дома одна?

- Да. Я одна.

- Вот... Как дела?

- Нормально.

- Что там сын? Как служба?

- Спасибо. Все в порядке.

- А у тебя? На работе.

- Как всегда. Все хорошо.

- Ну а...? Репетиторствуешь?

- Да. По-прежнему.

- А великовозрастных учеников не принимаешь? – попытался тяжеловесно пошутить Пахарь.

- Принимаю. На общих основаниях.

- И есть уже такие?

- Нет. Пока.

- Понятно... Почему не спросишь, как у меня дела?

- Как у тебя дела?
- Зачем ты так, Надя?
- Как – так?

- Ну, так. Ты ж понимаешь.

- Не понимаю. Я спросила, как у тебя дела? Что тут такого? Хочу знать, как твои дела?

Пахарь понимал, еще чуть-чуть и они разругаются.

- Плохие у меня дела.

- Что-то случилось?

- Да. Я очень соскучился. Так хочется тебя увидеть. Я на днях буду в Киеве. Поеду к сыну. Обратю на машине. Хочу заехать к тебе. Ты как, не возражаешь?

Тишина на противоположном конце провода говорила о том, что лед крепок.

- Алло! Надя! – ему показалось, что пропала связь.

– Алло! Алло!

- Я думаю. Подожди.

«Вот! Вот оно! Наконец-то. «Подожди» – такое родное и нежное».

Он замолчал, а это «подожди» звучало в нем, пело, тешило и ласкало. Молчание продолжалось около минуты, он не перебивал его. Лелеял, боясь расплескать.

- Мне в Киев надо поехать в командировку. Гонят, а я все отнекиваюсь. Командировку оформлю с понедельника. А в субботу к полудню могу быть в Киеве. Если ты там будешь, давай созвонимся.

Он продиктовал ей номер телефона сына и радостно помчался домой. Дома его ожидал замечательный обед из трех блюд, не считая закуски и холодного. И водочка, в запотевшем граненом графинчике. Только что из холодильника.

В Киеве он не был лет шесть. Достаточно, чтобы заметить случившиеся перемены. Город стал просторнее и выше, веселее что ли. Фасады зданий посветлели, окрасились в разные, но фешенебельные тона. Пропала былая серая однообразность и унылость. Огромные яркие плакаты заманчиво призывали население легко и весело расстаться с нажитым добром и стать счастливыми и уверенными в себе обладателями автомобиля, стиральной машины, туристической путевки, пылесоса или хотя бы пачки «Мальборо». Изменилось и само население. Оно стало разноцветнее, раскрепощеннее, голосистее.

Пока они с сыном прошли от вокзала до автостоянки, на них раз восемь налетали ненормально жизнерадостные юноши, сплошь представители каких-то компаний, преимущественно почему-то канадских. Одни поздравля-

ли их с выигрышем холодильника, телевизора, видеомагнитофона, тыча в лицо какой-то бумажкой. Приятно вот так беспечно выйти из поезда по утрам и тут же стать владельцем таких сказочных вещей. Оставалось только разыграть выигрыш за небольшую сумму с угрюмым гражданином, ожидающим очередную жертву возле лотерона. У вас совпали номера. Ах, какая досадная случайность! Другие клонированные «представители», как фокусники, раскрывали перед ними дипломаты и, не давая пройти, манипулировали разными предметами, без усталости строча дробью заученный текст. Сергей коротко негромко говорил им три заветных слова, и юнoshi испарились также молниеносно, как и появлялись.

Сергей шел немного впереди. Высокий, широкоплечий. Рост от Людмилы. Светлые волосы ворошил ветер. Проще и быстрее было добраться на метро, но уж очень хотелось понтануться перед отцом «белоснежкой». Движение машин было оживленное, даже более того. Пахарь приятно удивлялся, как уверенно, лихо направлял сын машину в резвом потоке, успевая отпускать реплики всяким «чайникам», «картузам», «козлам».

- Сережа, «чайники», понятно, кто. А что это за «картузы»? – решил уточнить для себя Пахарь.

- Да деды разные, пенсионеры. Влезут в левый ряд на своем драндулете и тащатся. Этим мигай, не мигай, не врубаются. А «картузы» почему? Да, фуражки такие старые у них на голове.

- А «козлы»?

- Ну, это – крутые. Безбашенные. У этих тачки навороченные, дутые. «Жопастые», как говорит Гоша. Им правила не нужны. Правило одно – раздайся грязь. О, уже мигает, – взглянув в зеркало заднего вида, сказал Сергей и сместился в правый ряд.

Серебристый снаряд на колесах пронесся вперед, обдав их музыкальной волной.

- Сто, как минимум, валит по городу. Шо цэ було? Мабуть, НЛЮ, – прокомментировал Сергей.

- Как Марина поживает? – поинтересовался Пахарь.

В прошлом году Сергей и Марина приезжали на все лето. Останавливались у матери. Накануне приезда благополучно почил в бозе фирма, в которой Марина работала то ли экономистом, то ли бухгалтером. Они пробыли в городке до сентября, и остались бы еще, но уехали по звонку Гоши. Летом Сергей немного подрабатывал таксистом. Изредка помогал отцу на яхте, или заменял его. Отдыхали. Жили вместе они уже не один год, а детей не

было. Сначала «не спешили», а теперь не получалось. Марина – невысокая симпатичная шатенка с короткой мальчишеской стрижкой. Диссонансом внешности звучал ее голос, низкий и резкий.

- Да, нормально поживает. А что ей волноваться?

- А фирма ее?

- Да какая фирма... Все давно разбежались. Хорошо, хоть ее не дергали.

- Устроиться где-нибудь не пытались?

- Куда сейчас устроишься? В ларьке за копейки сидеть? Пусть лучше дома сидит – дешевле обойдется. Да и мне помогает – клиентов обзванивает, бухгалтерию ведет.

- Семейный подряд?

- Знаешь, отец, нормально. Нам нравится. Сам от себя зависишь, не надо в конторе с восьми до пяти париться. Заработал – твое. Проспал, извини, твои проблемы. Это вы попривыкли – работа, отпуск, трудовая дисциплина. А сейчас все меняется.

- А знаешь, я сам, как на вольные хлеба ушел, так, словно, моложе стал. Годков десяток сбросил.

- Ой, батя, не кокетничай. Ты у нас и так «добрый молодец». Ну, а как тебе моя ласточка? – Сергей постучал ладонью по торпеде.

- Класс, что сказать... Вроде, новая совсем?

- Когда брал, и двадцати тысяч на спидометре не было. Чехлы сам ставил.

- Дорого брал? – спросил Пахарь. – На новые цены-то...

- И недорого. Нормально. Пацаны знакомые продавали, так что договорились по-братски.

- Тебе виднее. Хотя, дешевый сыр бывает, сам знаешь где.

- Отец, ты не нагнетай. Я ж отдупился по полной. В ГАИ оформляли, по компьютеру пробивали, так что расслабься. Вот уже и долетели.

Машина заехала во двор, окруженный со всех сторон пятиэтажными серыми «хрущевками». Марина чмокнула тестя в щеку, потом Сергея.

- Так, давайте за стол, а то пельмени остывают, – скомандовала она. – Проголодались с дороги?

- Даже если б и не проголодались, от пельменей грех отказываться. А если еще и сто грамм нальют в этом доме...

- Нальют, нальют, – засмеялся Сергей, кивая на высокие бутылки с яркими этикетками, украсившие стол. – Чего-чего, а этого добра у нас хватает.

- Ну что, за встречу, дорогие мои! – Пахарь обнял сына, поцеловал Марину.

Сергей чуть пригубил и отставил рюмку.

- Я по делам мотнусь, а вечером уже поплотнее посидим, идет? Как тебе, кстати, наш продукт?

- Ну, не понял, наверно не привык... - замялся Пахарь, стараясь не обидеть сына.

- Ясно, на вечер возьмем нашу, родную.

Глава 12.

До субботы оставалось два дня. Погода неожиданно изменилась. Город обдало весенним теплом. Буквально в течение нескольких часов на деревьях проклюнулись почки, истомленные долгим ожиданием солнца. Все вокруг повеселело. Зазвенели детишки, невесть откуда взявшиеся в парках, сопровождаемые строгими, серьезными бабушками. Пахарь гулял по городу. Обзванивал старых знакомых. Встретился с Алексеем. Раньше тот работал в министерстве сельского строительства. Сейчас – в отделе строительства министерства сельского хозяйства. Алексей иногда бывал в городке в командировках. И так получилось, а он и не возражал, что основная его работа происходила на яхте в море среди теплой компании.

Алексей был заядлый рыболов. И если ловля бычков его не увлекала и казалась однообразной и скучной, то, попав раз в августе на кефаль, он был просто в рыбацком упоении. Стайки рыбы, серебристо искрясь на солнце, проходили по меляку на косе. Алексей суматошно носился между двумя спиннингами, поочередно вытаскивая на берег продолговатую рыбешку. Проход кефали продолжался часа три, затем – как обрезало. Но эти три часа для настоящего рыбака стоили многого. Рыбу сразу засолили, и спустя некоторое время, гурманствовали «обжоркой», запивая лакомство пивом.

Обеденный перерыв, плюс еще пару часов провели в уютном небольшом ресторанчике, расположенном в переделанном подвале. Матовый свет, тихая неназойливая музыка душевно располагали. После полагающихся объятий и приветствий, потекла неспешная мужская беседа. Пахарь в двух словах описал свое житье-бытье, немного поговорили о детях. Алексей побывал раз в городке в отсутствие Пахаря. Визуально и документально зафиксировал тихую агонию двух строительных контор, о чем благополучно доложил вышестоящему начальству. Начальство благословило их в последний путь, и на этом командировки Алексея в городок закончились. Сейчас он был на распутье.

- Знаешь, старик, – делился сомнениями чиновник, – не знаю, что делать. Сидеть в министерстве и держаться за стул, вроде и смысла нет. Почва уходит из-под ног. Как зыбучие пески. Непонятно, чего хватать, кем руководить? Хозяйства распадаются. А тем, что пока держатся, мы уже не нужны или нужны только, когда у них «горючки» не хватает. Раньше как было? Бумажки разослал, к сроку ответы получил, сверстал все, доложил. Все стройки, фонды, материалы, все через нас. Госкомиссии, отчеты, премии. Решал вопросы. Что-то значил. А сейчас... Наверху шефы наши сами, по-моему, ничего не понимают. Рулят по бездорожью. Кого подмяли, кто вылетел... Про себя, конечно, не забывают. Своя рубашка – это святое. А чуть что, «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Надоело...

- Ну, а зарплата хоть хорошая? Есть смысл за кресло держаться?

- Старик, «шоб ты жил на одну зарплату!». Ну, кто у нас на зарплату живет? Собственно, она не помещает на карманные расходы. А денег я заработаю, связи есть, крутимся, слава богу. Смысл не в зарплате, в – кресле. Не вечно ж эта лихорадка будет длиться? Настроится все, наладится, а мы тут как тут. У руля. Так что, построились все, и – в кузов. А мы повезем.

- А ты не думал, когда наладится все, может, и руль-то никому не понадобится, – предположил Пахарь. – Люди самостоятельные станут. Сами будут решать, что строить, что сеять, в какой кузов садиться. А может он в свой кузов сядет. Зачем ему ваш руль?

- Вот. То-то и оно. Только об этом и думаем. Нет, руль в любом случае останется. Но, старик, маленький скромный руль нас не устраивает. Знаешь, проводить семинары, писать рекомендации, давать советы... Уже была у нас страна Советов. Досоветовались.

- А какая альтернатива, Леша? Варианты какие-то есть?

- Есть варианты. Мир, как говорится, не без добрых людей. Есть крупное хозяйство, цветы выращивают. Оранжереи там и все такое. Предлагают возглавить.

- Цветоводство, что ли?

- Цветоводство, цветоводство... Ты не улыбайся. Это – большие деньги. Бизнес серьезный. В Голландии, ты знаешь, какие площади под цветы заняты? Не знаешь. А у них цветочки дают дохода больше, чем вся наша металлургическая промышленность.

- Леша, ну ты и загнул!

- Витя, дорогой! Я ничего не загнул. Я просто цифры изучал. Вопрос слегка прорабатывал. Есть и более прозаические предложения. Например, сейчас начинает строиться большой рыбозаводный комплекс. Также зовут.

- Так ты у нас девушка на выданье. Прямо нарасхват!

- Нарасхват не нарасхват, а сосватать хотят. Есть, так сказать, предложения руки и сердца.

- И что ты решил?

- А что решил? Я как «буриданов осел», стою между стогами. Не знаю, какой выбрать. Склоняюсь вообще-то к рыбе. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

- Мне этот вариант тоже нравится. Солидно так, по-мужски.

- Вот, лет через пять будешь ты ко мне приезжать на рыбалку.

- Какая ж это рыбалка? Сачком, что ли, ловить будем?

- Может и не сачком. Главное, что результат будет гарантированный.

Поговорили еще о том, о сем. Алексей пообещал летом по возможности приехать с семьей. Пожелали друг другу успеха, на том и расстались.

Квартира у Марины была двухкомнатная, стандартная. Без каких-либо излишеств. «Простенько, но со вкусом». Главное, чисто и аккуратно. После смерти бабушки, ее родители переехали жить в деревню, полчаса езды от Киева на электричке. Чтобы дом не пустовал и не развалился, да и прожить там было проще. Кормились, в основном, с огорода. Сад давал даже небольшой доход. Яблоки, груши мать продавала прямо на платформе.

Спать Пахаря положили в большой комнате. Там стоял телевизор и «видик». После ужина и кухонных разговоров Сергей зарядил кассету с фильмом. Пахарь с удовольствием посмотрел лихой боевик про «терминатора» – крутого робота из будущего. Особенно понравилась его фраза «айл би бэк» – мол, я вернусь, не расслабляйтесь тут без меня. Он даже просил Сергея прокрутить пару раз назад пленку, чтобы запомнить, как она звучит. «Айл би бэк».

Проснулся в субботу рано, часов в пять утра. Что-то не спалось, на душе было волнительно. К чему бы, а? Может позвонить ей домой? Сразу узнать, если передумала. Нет, лучше не звонить. Он еще на вокзале посмотрел расписание: прибытие в одиннадцать пятьдесят три. Тогда, три дня назад его развеселили эти «пятьдесят три». Не пятьдесят, не пятьдесят пять, а именно пятьдесят три. А сейчас, в полшестого утра он не представлял, чем занять

такую уйму времени. Постепенно начали включаться в жизнь телевизионные каналы. Поднялась Марина, вскоре и Сергей. Позавтракали. Пахарь опять завалился на диван, бессмысленно переключая кнопки, смотря сквозь телевизор. Еще даже нет одиннадцати. Несколько раз он порывался к телефону, но звонили Марине или сыну.

- Батя, что это ты так волнуешься? – с нескрываемой иронией спросил Сергей. – Ты, прямо, как на иголках.

- Ничего я не волнуюсь, – угрюмо пробурчал Пахарь. – По работе может, позвонят...

- Давай, тебе телефон возле дивана поставим. Шнур длинный, – не унимался Сергей, переглядываясь с Мариной.

- Что за глупости! Может, и не позвонит никто...

Прошли одиннадцатичасовые новости. Так. Одиннадцать пятьдесят три. Один плюс один будет два. Пять плюс три будет восемь. Два плюс восемь – десять. Единица плюс ноль будет единица. О чем это говорит? Не знаю. Наверно, ни о чем. Попробуем добавить дату...

- Виктор Сергеевич! Виктор Сергеевич! Вас к телефону! – Марина тормошила его за плечо. Пахарь открыл глаза, но еще не проснулся. Несколько секунд он смотрел, не понимая, откуда взялась эта девушка, где он вообще находится. Затем подскочил, сбросив бережно положенный плед, и опрометью кинулся в прихожую к телефону.

- Виктор Сергеевич! – неслось вслед. – Телефон здесь! Я вам сюда принесла.

Пахарь неловко развернулся в темной прихожей, опрокинул обувную полку и ударился плечом о дверь. Столь бурный маневр разбудил его окончательно.

- Алло! Алло! У телефона! Алло! – закричал он в трубку. – Говорите!

- А может, я хочу больше слушать, а не говорить, – после некоторой паузы раздался тихий вкрадчивый голос.

Марина вышла из комнаты, дипломатично прикрыв за собой дверь. Пахарь опустился на диван. Часы показывали тринадцать сорок!

- Надя? Надя, это ты? – возвращаясь в фокус реальности, спрашивал Пахарь.

- Да, это я. Ты удивлен? Может быть, еще кто-то должен позвонить?

- Господи! Что за глупости! Я так рад, что ты позвонила. Так ждал, так ждал...

- ...что уснул. И что снилось?

- Ты. Только ты. И я. Мы были вдвоем.

- И что же мы делали?

- Э... Купались в море. Плавали, а потом загорали.

- И все?
- Конечно, не все. Но дальше – нетелефонный разговор.
- А вода была прозрачная или нет?
- Прозрачнее, чем воздух. Я видел каждый ноготок на твоих пальцах.
- Прозрачная вода это – хорошо. Ведь ты же врешь, да? Врешь... но так приятно.
- Надя, разве я могу врать? А сон это просто защитная реакция организма. Сон спас меня от нервного истощения, между прочим. Откуда ты звонишь?
- От подруги. Я всегда останавливаюсь у нее.
- Ты мне ничего не говорила про подругу.
- Разве это так важно? Мало ли, о чем я тебе не говорила?
- Надя! – Пахарь зашнулся. – Надя...
- Да. Я тебя слушаю.
- Я очень хочу увидеть тебя. Прямо сейчас. Давай встретимся. Где ты находишься? Я выхожу, выезжаю.
- Потихе, потихе. Прямо целая канонада.
- Надя, я не могу больше ждать! Ты не понимаешь!
- О! Это уж точно – не понимаю.
- Ну, прости! Я так хочу тебя... и увидеть – тоже.
- Однако вы совсем не тормозите на поворотах, сэр.
- Надя, я не могу без тебя. Мне так не хватало тебя все это время. Устал ждать. Я так устал без тебя!
- Ладно, еще рано впадать в отчаяние. Скорее даже наоборот. У тебя есть ручка под рукой? Запиши адрес. Недалеко от метро. После семи вечера я тебя жду. Алина как раз едет к друзьям на дачу.
- Как после семи? Надя, я не выдержу.
- Ничего, у тебя очень правильный организм. Тебя защитит крепкий послеобеденный сон. Это очень даже не помешает, я надеюсь.
- Ну, не издевайся ты над пожилым человеком, Надежда. Я собираюсь и выхожу.
- Сейчас. Подожди.
- Он обожал ее «подожди». Оно звучало с придыханием, так кротко и ласково. «Хорошо, милый. Как скажешь», – слышалось ему.
- Алло! Ты слушаешь? Тебе опять повезло, победитель. Таможня дает добро. Но учти, придется развлекать двух женщин, во всяком случае, до вечера.
- Слушаюсь, моя королева!
- Пахарь стремглав собрался, купил по пути цветы, торт, две бутылки шампанского, водку – на всякий случай. Спустя час он жал на кнопку звонка.

Глава 13.

Аверь открыла высокая брюнетка. Она молча смотрела на него, словно рассматривала в музее редкий экспонат.

- А...? Может, я не туда попал? – Пахарь сунул руку в карман за бумажкой с адресом. – Надя здесь?

- Если вас зовут Виктор, то вы попали именно туда, – грудным контральто произнесла брюнетка и отстранилась, пропуская его в квартиру. – Надежда в душе. Располагайтесь, Виктор...

- Сергеевич, но лучше, просто Виктор.

- Просто Алина, – брюнетка протянула руку.

- Очень приятно.

- Вы так оперативно. Мы даже не успели подготовиться, – то ли всерьез, то ли в шутку произнесла подруга Надежды.

- А зачем готовиться? Экспромт всегда интереснее.

- И чем вы, Виктор, занимаетесь в свободное от посещений Киева время?

- Кем работаю или что вы имеете в виду?

- Ну, допустим, кем работаете? А «или что» на ваше усмотрение.

- Ну, я очень многогранен, – перешел на ироничный тон собеседницы Пахарь. – Работаю капитаном.

- Милиции? Или спортивной команды?

- Быть капитаном и милиции, и команды мне поздновато, разве что в шахматах. Я работаю капитаном корабля.

- Боже мой, как романтично, капитан корабля! – всплеснула руками Алина. – Просто мечта! А кстати, капитан, почему вы не в форме? Например, в белой форме и фуражке. Представьте, женщины просто укладываются штабелями.

- Еще навигация не открыта, а приказом по министерству, если навигация закрыта, форму носить запрещено.

- Странно, мне кажется, моряки носят форму круглый год.

- Это было раньше. Сейчас, знаете, фонды урезали, ткани не хватает, пуговиц. Экономим, так сказать.

- Это ж вы в разные страны плаваете. Интересно, правда?

- Алиночка, плавают в воде совсем другие предметы, а моряки – ходят. А насчет интереса, по всякому бывает. Вот недавно ходили в автономное длительное плавание. Оказалось – ничего интересного.

- Автономное, это как?

- Это, можно сказать, никак. Без захода в порты. Тесные каюты и вокруг одна тоска.

- Разве у капитана каюта тесная?

- У капитана – просторная. Относительно. А как быть с тоской?

- О какой это тоске вы тут щебечете? – Надежда остановилась в дверях, суша волосы феном. Электрический шнур держал ее на поводке.

- Афродита, являющаяся из пены волн! – Алина жеманно поднялась. – Проверю чайник, может, кипит? Или поставить его надо?

Все происходило до обидного прозаично. Махровый халатик, распушенные феном волосы. Он помнил Надю другой. Взрослее, что ли. Серьезнее. Сейчас она казалась ему легкомысленной, несколько повзрослевшей девушкой. Обрывки ревновых мыслей мелькали в голове.

«Как легко согласилась она встретиться и тогда, и теперь. А если бы не согласилась? Идиот, ревнуешь к самому себе!»

Они обнялись, как супруги после трехдневного командировочного расставания. Суховато и обыденно, стесняясь своих чувств и Алины. После шести вечера Алина собралась уходить.

- Ну, семь футов под килем вам. Капитан, я не ошиблась? – уже привычно цепляла она Пахаря.

- Нет. Семь как раз правильная цифра.

- Да-да! Семь раз отмерь... Семеро одного не ждут... Семь бед – один ответ и тэ дэ. Не шалите тут без меня, а лучше шалите. Эх, где мои семнадцать лет! Надежда, я точно позвоню какому-нибудь бой-френду!

- Тебя бой-френд в машине внизу ждет, болтуха! Смотри, не дождется, – Надежда поехала и запахнула поглубже халат.

- Боже мой, какая ты злая! Понимаю, понимаю. Исчезаю уже. Чао, голубки!

Надежда стояла в прихожей, прислонившись спиной к двери. Пахарь обнял ее. Он вдыхал запах ее волос, кожи.

Медленно и осторожно, словно боясь повредить драгоценный сосуд, целовал ее. Сильнее и сильнее. Халатик тихо скользнул вниз. Она гладила его голову, шею, спину. Всего. Они задыхались в поцелуях и не могли оторваться друг от друга. Руки не находили места, стремясь охватить сразу все. Он по-борцовски начал заваливать ее вниз, не встречая никакого сопротивления.

«Бог ты мой! Здесь-то зачем?» – успело мелькнуть в мозгу, и она впала в иступленный всепоглощающий транс.

Она не чувствовала ни тяжесть навалившегося тела, ни боль груди, зажатой тисками рук, ни своих пальцев, вонзившихся в его спину. Все существо ее сжалось внизу и каждой клеткой неистово стремилось навстречу мужской плоти. Она боролась с ней, пытаясь не впускать ее в себя, а потом, ощутив до боли, чужое, пыталась не выпустить, удерживать его внутри. Сладкие райские волны оргазма разливались, медленно загухая и возвращая чувствительность всему телу. Соленые капельки пота падали ей на лицо и шею. Она опустила Пахаря на себя и медленно механически гладила его спину. Долгожданная, блаженная тяжесть!

Вечер плавно перешел в ночь, ночь в утро. Они потерялись во времени. Засыпали на час-полтора, чтобы снова разбудить друг друга ласками. Телевизор тихонько лопотал и светился, иногда выделяя на стене их увеличенные размытые тени. Сколько раз у них было? А ему хотелось еще и еще. Надежда обладала неким волшебством, тайной. На него магически действовало все. Спокойный мягкий голос, нежные неожиданные руки, волосы, рассыпанные на подушке. От нее шла теплая чувственная волна, всегда находящая отклик.

Утро сменил день. Солнце, прорываясь среди облаков, безуспешно пыталось пробиться сквозь зашторенные окна. Пахарь лежал на боку, смотрел на Надежду.

- И давно вы с Алиной знакомы?

- Лет пять. Была здесь на курсах повышения квалификации. Алина психологию преподает. Познакомились. Подружились. Одиноким женщинам всегда есть, о чем поговорить.

- Она, по-моему, не так уж и одинока.

- Это по выходным. И не всегда.

Его ладонь путешествовала по ее телу, задерживаясь ненадолго на выступающих округлостях. Она улыбнулась и рассмеялась.

- Что такое? Тебе щекотно? – спросил он.

- Просто вспомнила, как у нас было сегодня первый раз. Я даже представить себе не могла... в прихожей. Какие были изысканные фантазии... И вот...

- Тебе было плохо?

- Как раз, наоборот. Очень хорошо. Так хорошо, как только может быть.

- Вот видишь, – его рука двинулась вниз.

- Мне с тобой все хорошо. С тобой я в раю. Наверно, я богохульствую сейчас. Просто, не знаю, что может быть лучше.

- Сейчас лопну от гордости.

- Я когда с мужем жила, – продолжала она, словно говоря сама с собой, – оргазм почти никогда не испытывала. Может, несколько раз в самом начале... да и то... а с тобой все не так. Я возбуждаюсь, когда просто смотрю на тебя. Дрожу, когда ты прикасаешься. А потом теряю сознание, что ли. Я с тобой совсем другая, незнакомая себе. Мне трудно это объяснить.

- А зачем объяснять? Тебе хорошо, и это главное.

- Нет! Все мужчины – примитивы, это точно. «Хорошо – и все». Почему мне так хорошо с тобой? Что в тебе такого особенного? А?

- А во мне все особенное.

- Да, ты просто прелесть! Особенно твой нос, – она ласково потрепала его за нос.

- Почему только нос? – обиделся он. – А как же все остальное?

- Ах, как мы разволновались! Ну, извини. Я перепутала медали. В связи с уточнением протокола, нос Пашутина В.С. занял почетное второе место, – четким судейским голосом окончила фразу Надежда.

- Кому же досталась золотая медаль?

- А теперь... объявляем чемпиона! – продолжила она и неожиданно сильно сжала ладонь в кулак.

- Ой-й-й! – вскрикнул он, скорее от внезапности нападения. – Ну и шуточки у...

Она не дала ему договорить, утопив слова поцелуями и ласками. Он отозвался любовным эхом. Они пошли еще на один круг. Круг любви. Счастья. Единения двух половинок, разнесенных в пространстве, в одно целое, гармоничное состояние.

Неумолимое время уничтожало секунды, съедало минуты, справлялось с часами. Оно рассекало пространство, не останавливаясь ни ради детей, ни ради стариков, а тем более – влюбленных. Дело шло к вечеру. Скоро должна появиться Алина. Пора бы и подниматься, но не было сил, а главное, желания. Хотелось лежать и чувствовать друг друга. Еще чуть-чуть.

- Я тебя спрошу, только ответь честно, – Надежда приподнялась.

- А вдруг я совру? Ты будешь меня пытаться?
- Я серьезно хочу спросить. Только, пожалуйста, не ври.
- Ну, хорошо. Как бы ни была горька правда...
- Ты с другими женщинами тоже такой?
- Какой – такой? – не понял вопрос Пахарь.
- Ну, такой... многоразовый?

Пахарь самодовольно рассмеялся. Интересный вопрос, конечно.

- Сейчас... как сказать. С тобой я самый многоразовый. Загораюсь, прямо как спичка.

- Я же просила тебя. Честно.

- А я честно говорю. Да, бывало...

- Ах, значит, бывало?!

- Ты же просила – честно. Но так хорошо, как с тобой, мне ни с кем не было. Никогда. Мы, наверно, идеально подходим друг другу во всем. Как... ну...

- И как же мы подходим?

- Ну... вот, как гаечка и винтик, например.

- Ужас! Кошмар! Лучше бы ты молчал! Взял и все испортил, «винтик»! – она рассмеялась, досадливо постучала кулачками по мохнатой груди, и снова начала целовать. Дойдя до живота, она остановилась.

- А ты поправился за это время, – произнесла она, поглаживая его живот. – Надо вставать, а я не могу, не хочу. Опять начинаю заводиться. Почему это не кончается? Алина, возможно, уже подъезжает к городу, или к дому? Пускай...

Она легла на него, и медленно целовала губы, глаза, лоб, щеки. Ее волосы щекотали лицо. Его руки нежно скользили по спине, опускаясь, все ниже, и снова поднимаясь вверх. Желание проникало в них светлячками, искорками, звездочками, наполняя и освещая все изнутри.

- Тихо! – Надежда замерла. Из прихожей донесся отчетливый скрип входной двери.

- Ау! Есть кто живой? А в ответ тишина... Кто-то выжил в катаклизме? Ау-у! Я иду! Кто не спрятался, я не виноват! – Алина заглянула в комнату. Любовники сладко якобы спали, уткнувшись, друг в друга носами. – Ребята, какой я кайф сегодня испытала! Сосновый бор, воздух, болтаюсь в гамаке... Ладно. Проснетесь – расскажу. Пойду на кухню, поставлю, как всегда, чайник.

Глава 14.

К девяти часам вечера Пахарь вернулся. Теперь он старался не отвлекаться на окружающий мир. Хотелось, как можно дольше сохранить внутреннее состояние после встречи с Надеждой. Усталость и необыкновенная физическая легкость. Он шел и улыбался. Ноги пружинили от асфальта. Он даже не заметил, как взлетел на четвертый этаж.

Дверь открыла Марина. По ее лицу он сразу понял, что-то случилось и явно недоброе. Она молча показала пальцем на большую комнату. Сергей лежал на диване, заложив руки за голову. Смотрел в окно. Увидев отца, поднялся.

- Привет, пап... – вид у сына был потерянный.

Марина тихонько зашла в комнату, присела на край кресла.

- Привет. Что произошло?

- Да уж произошло... Машина моя – угнанная. Вот что произошло.

- Ты же говорил, проверяли все.

- Проверяли, проверяли. Значит, что-то недопроверяли.

- Так, подожди. Давай все по порядку. Откуда ты знаешь, что машина угнанная?

- Мы вечером возвращались с дачи. Игоря родителей дача. Гоша с Яной и мы, – сын кивнул на Марину. – Перед объездной пост ГАИ есть. Останавливают. «Сержант такой-то, тра-ля-ля». Ну, понятно, воскресенье, вечер. Для них это – тема. Подышал на него, потом – в трубочку. Люфт руля, ручник, документы. Все в порядке. Потом говорит, «пойду, проверю на предмет угона». Возвращается с офицером. «Ваша машина числится в розыске, документы мы изымаем и транспортное средство – тоже».

- А номер двигателя смотрели? Шасси?

- Да все смотрели. Все объяснял им, что недавно купил, в ГАИ оформляли, по компьютеру проверяли, и у нас, и по Интерполу...

- И что?

- Да ничего. Вот, бумажку дали: завтра к 10-00 в

городской отдел ГАИ, кабинет 32. Говорит, придете, все проверим, разберемся. Если ошибка вышла, извинимся. Заберете свою машину, у нас с ней ничего не случится.

- Как же вы добрались?

- Тот сержант, что остановил, он нас и привез. На нашей же машине.

- Ребята сказали, что денег на такси нет. У нас действительно не было. Вот они и согласились, – вставила Марина.

- Ты говорил, что знаешь ребят, у которых «семерку» покупал?

- Одного знаю. В соседнем дворе живет. Жирный.

- Фамилия, что ли?

- Нет, зовут так. Жирный.

- Что, толстый такой?

- Как раз наоборот, слишком худой.

- А как его зовут, ты знаешь?

- Не знаю. Да какая разница, как зовут!? Петя или Вася! Он через дом живет. «Опель» его днем и ночью под подъездом торчит. Разберемся, если надо. Что он, улетит, что ли?

- Давай я Алексею позвоню. Он в министерстве работает. Связи у него, знакомых много. Объясним ситуацию. Подключит, кого надо.

- Пап, давай не будем гнать волну раньше времени. А может действительно, ошибка вышла? Завтра поеду, и все выяснится.

- Поедем вместе, – сказал Пахарь. Сын промолчал.

В городской отдел ГАИ они приехали около десяти. Почти час прождали в коридоре. Наконец «пятиминутки-оперативки-совещания» закончились. Строгий хмурый майор взял бумажку Сергея. Вызвал по селектору сотрудницу.

- Принесите материалы. А вы пока подождите, – это уже относилось к Сергею и Пахарю.

Минут через пятнадцать появилась девушка в форме. Их вызвали. Майор внимательно изучал листочки, сколотые булавкой. Закончив изучение, снял очки, поднял глаза на посетителей.

- Садитесь, – он показал на стулья, стоящие вдоль стены. – Я вас слушаю.

- Мы насчет машины. Ваши сотрудники забрали у меня машину. Я купил ее месяц назад. Машину оформляли в ГАИ. Проверяли со всех сторон. Снимали с учета, ставили на учет, выдали новые номерные знаки. И каждый раз проверяли «на предмет угона», нет ли ее в «базе данных». А теперь выясняется, что она «числится в розыске».

Майор внимательно посмотрел на Сергея. Одел очки. Взял листочки. Перелистал их. Затем перелистал зачем-то в обратном порядке.

- Автомобиль ВАЗ, седьмая модель, цвет белый, год выпуска 1993-й, номер двигателя такой-то, номер кузова такой-то, – майор сделал паузу, посмотрел на Сергея и Пахаря поверх очков. – Угнан в феврале 1994-го в Гомельской области, республика Беларусь. Все совпадает. Вопрос для нас ясен. У вас ко мне какие-то вопросы есть?

Майор отложил в сторону листочки, посвященные «седьмой модели белого цвета», и стал читать другую бумагу.

- Конечно, есть вопросы, – сказал Сергей. – А что с машиной будет?

- Машину вернут законному владельцу, – продолжая изучать бумагу, ответил майор.

- А он разве не законный владелец? – возмутился Пахарь.

- А вы, гражданин...

- Отец.

- Отец. Хорошо... – задумчиво изрек майор и повернулся к Сергею. – Вы в каком районе оформляли машину?

- В П-ском.

- Да. Вы у нас не первый по этому району, к сожалению.

- Что значит, не первый? – опять возмутился Пахарь. – Люди платят за машины деньги. Вам за оформление, за номера, да за каждую ерунду платим, и немало. Так отвечайте за свою работу. «Не первый»!

- Сотрудник, допустивший халатность, уже наказан и понижен в должности.

- Мы что тут, дети малые? Какая халатность?! О чем вы говорите?!

- Так, у вас по существу дела ко мне вопросы есть?

- Да! Есть! – уверенно произнес Пахарь. – Если на данный момент имеется два законных владельца этой машины, то пусть суд разбирается, кто прав, а кто нет. По чьей вине это произошло, и кто должен нести ответственность.

Майор прекратил рассматривать бумажку, снял очки, потер переносицу. Внимательно посмотрел на Сергея, потом на Пахаря.

- Вы абсолютно правы, – спокойно сказал он. – А в чем, собственно, состоит вопрос?

- Вопрос в том, что судьба машины должна решиться в суде, а не забирать ее сейчас у законного владельца. А

может, из Белоруссии номер неправильный передали? Вот пусть суд во всем и разберется! – гнул свою линию Пахарь.

Майор с сожалением, как на недоумков, посмотрел на посетителей. Он устало надел очки, взял листочки и прочел.

- Автомобиль ВАЗ, седьмая модель и так далее, был угнан и так далее, – положил листочки на стол. – Мы нашли угнанную машину и обязаны вернуть ее законному владельцу. Остальное – не наша прерогатива.

- А оформлять угнанные машины, тоже не ваша прерогатива?!

- Я уже объяснил вам, что сотрудник, допустивший халатность, наказан. Возможно, информация об угоне к нам поступила с запозданием, уже после оформления документов вашим сыном. А подать заявление в суд, вы имеете такое же конституционное право, как и любой другой гражданин страны. – Майор поднялся, давая понять, что разговор окончен.

- И на кого ж нам подавать? Посоветуйте.

- На кого считаете нужным. Всего хорошего.

Звонок Алексею ничего не дал, тот уехал в командировку. Другие знакомые, кого удалось вызвонить, реагировали вяло.

«Дело тухлое. На данном этапе помочь уже сложно. Надо было как-то договариваться. Напрасно, мол, отдали машину».

А как ее было не отдать? Воевать, что ли? Оставалось сделать в конце дня пару звонков, но Пахарь понимал, что это просто оттяжка времени. Результат был очевиден.

Пока отец «сидел на телефоне», Сергей пошел к Жирному. Он как раз оказался дома. Перепугался. Заикаясь тархтел, что сам «ни сном, ни духом», что пацаны нормальные, гоняют тачки из Германии. Пригнали и снова помчались, а он помогает продавать. За свою скромную копейку. Уже сколько продали, никаких проблем, все путем. Почему на «семерке» не было заграничных или транзитных номеров, если пригнали из Германии, не знает. И вообще, не обращает внимания, какие там номера. Пообещал найти «пацанов». Они недавно вернулись и должны быть в городе. Договорились встретиться в парке, недалеко от дома, в шесть вечера. Сергей позвонил Гоше. Гоша пообещал к шести подъехать «на стрелку» вместе с Пашей и Валерой, бывшими боксерами. Ребята компаньонствовали на раннем «бутлегерском» этапе, а знакомы были еще со спортинтерната. Папа был чемпионом Союза среди юниоров в полутяже. Ему прочили большое и светлое боксерское будущее, но он слишком любил поддерживать спортивную форму в барах, зачастую завершая попойки крепкими потасовками.

Отцу Сергей не стал ничего говорить, а около шести набросил куртку и вышел из дома. До парка было минут пять ходу. Возле Сергея притормозил «Опель» Жирного. Сзади сидело двое. Невысокий чернявый продавец «семерки» и еще один пассажир – амбал. Этого Сергей не знал. Место возле водителя было свободно.

- О, привет! А мы как раз туда, – радостно улыбаясь, сообщил Жирный. – Кстати, чего тащиться? Садись, тут и побазарим.

- Поговорим, где договаривались. Мои ребята сейчас подъедут, тогда и будем терки тереть, – отрезал Сергей.

- Серый, без проблем, как скажешь, – Жирный совсем не настаивал.

- Серега, ты не грузись, – подключился чернявый. – Я эту тачку сам перед тобой купил, вот-вот. Думал себе оставить. Просто с лавэ не выкрутился, на поездку не хватало. Пришлось срочно скидывать. А «семаха» чистая. Это менты мутят. Разберемся. Садись, подъедем к твоим бойцам. Перетрем. Узелки развяжем.

- Ничего, я дойду, – Сергей повернулся идти.

- Братан, ну неудобняк получается, – не отпускал его чернявый. – Ты что, боишься нас, менжуешься? Я не въезжаю.

- Чего мне вас бояться? – Сергей пожал плечами и сел в машину. «Опель» тронулся с места.

- Ты куда едешь? Сейчас по... – договорить Сергей не успел. Сильный удар сзади по голове оказался весомым и, главное, эффективным аргументом.

Глава 15.

— **А** где Сережа? — Пахарь закончил телефонные переговоры. Позвонил Надежде. Договорились созвониться позднее.

— Пошел за сигаретами, но что-то долго его нет, — Марина напряженно замолчала.

— Когда он ушел?

— Около шести, кажется...

— Сейчас полседьмого. Магазин далеко?

— Он обычно в ларьке берет. Тут рядом совсем... Он говорил, что Жирного видел днем. Может, к нему пошел?

— Как, Жирного видел? Мне, почему не сказал? — Пахарь разволновался не на шутку.

Пиликнул дверной звонок.

— Вот и Сережа! — обрадовалась Марина и помчалась открывать дверь. — Виктор Сергеевич! Виктор Сергеевич!

В прихожей стоял Гоша.

— Мы Серого уже полчаса в парке ждем. Ребята остались, а я к вам. Думаю, может, поменялось что?

Гоша рассказал о назначенной «стрелке». Решили сходить к Жирному домой. Дома никого не было, как и машины возле подъезда. На улице потемнело. Неизвестность пугала, а невозможность помочь умножала отчаяние. Решили, что Гоша с ребятами в машине будут дежурить возле дома Жирного. Марина начала обзванивать больницы. Пахарь ходил по комнатам, не находя себе места.

Как мог Сергей пойти один? Почему без него, без отца? А он уже давно без отца, уже много лет. Привык все делать сам. И тут он, папа, в кои веки явился. Приехал, заодно и отцовские чувства проявить. Вспомнил. «А, сынок, ты уже вырос? Какой большой! Папа тут со своими сюси-пуси... Припозднился чуток...». Что же делать? Просто так ждать? Делать что?! Он вспомнил о Викторе Ивановиче и Игоре. Кинулся к записной книжке.

Сергей почувствовал на щеке прохладу. Открыл глаза. Затылок тупо ныл. Он лежал на земле в лесу. Иногда слышался шум проезжающих машин.

«Трасса недалеко», – подумал он. Связанные за спиной руки ломило.

- О, смотри, а ты говорил, не очухается, – возле него на корточках сидел чернявый и плескал в лицо Сергею минералку, рядом стоял амбал. – Может, водички хочешь попить? Нет? Ну, извини.

Чернявый сделал несколько глотков из пластиковой бутылки. Сергей окончательно пришел в себя. Метрах в тридцати от них стоял «Опель». Смеркалось. Ему было больно, страшно, досадно за свою беспомощность и обидно. До слез обидно за собственную глупость и самонадеянность. Так развести! Как несмышленного ребенка!

- И что нам с тобой делать, герой? – чернявый поднялся.

- Да пошел ты... – куда именно посылал он оппонента, осталось неясным, так как последовал сильный удар ногою в живот. Боль пронзила все тело. Затошнило.

«Хорошо, что в кроссовках, а не в туфлях», – подумал Сергей.

- Так, какие планы на вечер, а? – чернявый наклонился к Сергею. Подождал ответ. Повернулся к амбалу. – Ты что-то слышал?

- Нет, – пробасил тот.

- И я – нет. Не хотят с нами разговаривать. Не уважают. Ты к человеку со всей душой, а в ответ черная неблагодарность. Обидно...

- Ребята знают, что я с вами... Жирного знают... А тебя по документам в ГАИ вычислят, сука! – произнес Сергей.

В ответ последовали беспорядочные удары ногами по туловищу и голове. Он потерял сознание. Прохладная вода снова привела его в чувство. Сколько времени прошло? Голова кружилась. Звездное небо наваливалось и прижимало его к сырой, колючей земле. Тело ныло, как одна большая ссадина. Рот забило рвотой и кровью. Он попробовал выплюнуть. Наткнулся языком на острый обломок зуба.

- О, наш смельчак проснулся, – чернявый стоял над ним. – Пока ты отдыхал, мы многое поняли из того, что ты сказал. Мне, например, даже стало страшно. А тебе страшно?

- Угу, – кивнул амбал.

- Про какие-то документы ты говорил? Про какого-то Жирного? Кто такой, этот Жирный? Я не знаю. Ты знаешь Жирного? – чернявый повернулся к амбалу.

- Нет, не знаю.

- Вот видишь, и он не знает. А вдруг этот Жирный в аварию попадет? Аварии, вон, каждый день случаются. Ребята нас найдут... А зачем им нас искать? У них что, дел других нет? Ну, найдут. Да хоть завтра! Ну и что? Это будет завтра. А ты его можешь не увидеть, тебе уже будет все равно, дружок. А вот телке твоей все равно не будет. Мы с братаном добрые, бескорыстные даже. Девушек всегда подвозим, особенно, симпатичных. Утешить можем, если человек расстроен. Ведь можем, братан?

- Утешим, какие проблемы, – гоготнул братан.

Сергей бессильно дернулся. Вытолкнул изо рта тягучий сгусток. Дышать стало легче. Горло, словно раковина умывальника, издало булькающий хрип.

- Вот видишь, не все так плохо, оказывается. Пойду, угощусь сигареткой. А вы тут на свежем воздухе пообщайтесь. Только не ссорьтесь, ребята, – чернявый пошел к машине.

Сергей привык к боли и не замечал ее. Тошнота отдалась. Тело оцепенело и как свинцом налилось страхом. Он пытался пошевелить пальцами рук или ногами, но не мог. Он ощущал тело физически, боль, давление земли. Но приказы не шли дальше мозга, мышцы не слушались, парализованные липким ожиданием.

«Наверно, через несколько минут меня убьют. Что они сделают с телом? Закопают? А лопата? Хотя, предусмотрительные. Могли и взять. Или сожгут. Нет, это вредли. Сейчас темно, огонь разводить не станут. Может, бросят в реку. Да, вполне. Нет, не будут. Труп надо перевозить, испачкают багажник. Вдруг остановят? Нет, не повезут. Значит, здесь... А потом, когда меня найдут? Быстрее бы, чтобы не разложился. Будут делать вскрытие. Оpozнание».

В мозгу крутился салат из обрывков фильмов и криминальной хроники. Он вдыхал кислый запах прошлогодней травы, смотрел сквозь деревья на звезды. Небо перестало кружиться. С него, словно, сняли пелену. Все обострилось. Он видел и слышал гораздо лучше, чем раньше. Чувствовал мир каждой клеткой, каждым волоском. Небо, деревья, звезды, шумы и запахи всасывались в него, как в воронку. Он был эпицентром смерча, незаметно для мира, бушевавшего у него в мозгу. Наверно, это у всех так бывает. Многие умирают, я не первый, кого убьют... Но для себя я не многие. Я один. Я – всё. А что потом? Что-то будет? Или просто темнота? Отче наш, иже еси... Иже еси... А дальше? Господи, какая пыль, все эти машины, деньги, проблемы... Ты есть или нет. Свет или темнота. И все.

Отче наш, иже еси на небеси, даждь нам днесь... Откуда оно взялось? Господи, помоги мне! Не оставляй меня! Дай мне сил! Вскочить бы сейчас, разбросать всех, в машину и – домой. Кино... Он попробовал приподняться, подтянул ноги и сел. Голова опять закружилась. Продвинулся и прислонился спиной к дереву. Затылок невыносимо за ныл. Сжал зубы, чтобы не застонать. Подошел чернявый.

- Как наш пациент, доктор? – обратился он к амбалу.
- Будем лечить? Или пусть живет?

Амбал промышчал нечто неопределенное. Он был готов к любому варианту. Чернявый стоял, засунув руки в карманы короткой курточки. Просчитывал варианты.

- Ну, Серый, что скажешь? Какие пожелания, может есть?

- Пожелание есть... – Сергей пытался держаться ровно. Небо снова давило его к земле. Высокие сосны падали вместе со звездами, увлекая его за собой.

- Ну, так давай, ознакомь нас, обнародуй мысль, чтобы бодягу не разводить.

- Пожелание есть... Домой... Домой пожелание.

- А ты думаешь, мы этого не хотим? Мы только об этом и мечтаем. Мы мечтаем? – чернявый толкнул амбала плечом.

- Ну-у... Да...

- Вот видишь, мы все хотим тебе только добра. Чтобы ты сидел дома, смотрел телевизор, пивком дабовался, и ни о чем не волновался. Мы сами расстроены, что получилось так с «семеркой». Ну, не повезло! Будь она неладна! Кусок железа. А такие классные пацаны, как ты, страдают.

- Не страдают...

- Не понял? Не страдают? Ну-ка, расшифруй. Не догоняю пока.

- Не страдаю я... за машиной... уже.

- Та-а-ак. Так-так, – чернявый сделал вид, что серьезно задумался. – Ты намекаешь, что, проснувшись завтра в теплой кровати, ты совсем не затоскуешь за белой подружкой, не будешь поднимать кипеж, отрывать людей от серьезной работы? Мол, где мое транспортное средство?

- Не буду.

- Серый, ты ставишь нас в очень сложное положение. Ты любишь сложные положения? – как обычно, обратился он к амбалу. Тот ненадолго задумался.

- Это, смотря какие положения. Га-га-га. – Амбал впервые произнес несколько слов сразу.

- Да ты шалун! О батонах размечтался? Да! О чем мы

тут говорили? Ты предлагаешь нам поверить тебе. Допустим. А вдруг завтра посмотришь в зеркало, царапину какую-нибудь увидишь, и станет тебе обидно, а?

- Не станет... обидно. Переживу.

- Вот это ты очень точно заметил. Переживу. Переживу. Когда человек жи-вой, он и переживает. Так что, останемся корешами?

- Нет.

- А кем? Я уже, было, начал надеяться.

- Никем.

- Никем? Никем... а в этом что-то есть. Пройду, отвернувшись, руки не подам. Никем, так никем, – чернявый достал сигарету, закурил, повернулся к амбалу. – Что-то я сам себя не узнаю сегодня.

- Это чего? – не понял амбал.

- Добрый я сегодня, вот чего. Поехали! – чернявый похлопал «брата» по широким покатым плечам. Повернулся к Сергею. – Ну что, Серый, не кашляй. А главное – не дергайся. Не стоит оно того.

Сергей проводил взглядом удаляющиеся силуэты. Хлопнули дверцы, машина завелась, развернулась, пробив светом фар темень леса. Вырулила на дорогу. Недалеко, метров двести. Сергей поднялся. Кисти рук набухли и задубели. Перетереть скотч, стянувший сзади руки, оказалось несложно. Старый сук до крови царапал кожу, но занемевшие мышцы не воспринимали боль. Голова кружилась. Пока добрался до трассы, два раза рвало желчью. Редкие машины не останавливались. Начало светать. Он дошел до остановки. Сел на лавочку, прислонившись к холодному бетону.

«Он меня услышал, – стучало в мозгу. – Он меня услышал, услышал!»

Слезы стекали по грязному лицу, оставляя светлые бороздки. На остановке появились две женщины. Они оживленно болтали. Увидев Сергея, притихли и отошли подальше, тревожно озираясь в ожидании подмоги. Пьяный или, кто его знает. Их пустые волнения развеял подъехавший автобус.

«Он меня услышал, он меня услышал, он меня услышал!»

Глава 16.

Отец и Марина осторожно подхватили Сергея под руки. Сняли куртку, уложили на диван. Силы внезапно покинули его.

- Что такое? Что это такое? Что? Что такое? – причитала Марина, вытирая Сергею лицо мокрым полотенцем.

- Молоко есть? Или лучше чай с лимоном... – Сергею не хотелось ни говорить, ни слушать, ни думать. Хотелось пить.

- Нет, Сереженька, я сейчас сбегая, сейчас... – ее руки дрожали, подбородок тоже. Не переодеваясь, Марина умчалась в магазин.

Пахарь смотрел на сына. Горло перехватил спазм.

«Ладно, без паники. Живой, это главное».

- Я «скорую» вызову. И милицию тоже, – выдавил он. – Сережа?

- Милицию не надо. Ничего не надо. Потом... Потом объясню.

- Сережа, врача вызвать надо. Обязательно. Это серьезно.

Вернулась Марина с невысокой седой женщиной. Пахарь видел ее пару раз во дворе. За женщинами в квартиру вошел Гоша.

- Сереженька, Вера Трофимовна тебя посмотрит, пока «скорая» приедет. Я бегу из магазина, а Вера Трофимовна как раз на работу... Я молочко пока на кухне... Удачно так встретились...

Вера Трофимовна жила в соседнем подъезде. Работала врачом в районной поликлинике. Марина сразу побежала к ней домой и упросила посмотреть Сергея. Пока доктор собиралась, слетала в магазин, по пути забрав из машины Гошу.

- Где ж это ты, дружок, так отметился? – спросила доктор.

- Шел, поскользнулся, упал, – пытался хорохориться Сергей.

- Хорошо, хоть очнулся, – Вера Трофимовна occupa-

ла голову. Оттянув веки, рассмотрела зрачки. – Рубашку снимите.

Марина и Пахарь бережно стянули с Сергея грязную, порванную на спине рубаху. Доктор пробежалась руками по ребрам и животу.

- Встать сможешь, турист? – обратилась она к осматриваемому.

Сергей, слегка постанывая, поднялся.

- Ноги поставь вместе, – командовала Вера Трофимовна. – Так. Руки вперед. Закрой глаза.

Едва закрыв глаза, Сергей зашатался, потерял равновесие.

- Ясно. Так. Повернись спиной, – она еще раз осторожно ощупала затылок. – Присядь. Нагни голову. По-вырастали, дылды. Все, ложись. Потихоньку только. Голова кружится? Тошнит? Рвало?

- Угу, – Сергей лег и закрыл глаза. – Раза три.

- Листок бумаги дайте и ручку.

Минуты две она размашисто писала, останавливаясь и вспоминая что-то.

- Ну что? – Вера Трофимовна задала себе вопрос. – Смертельного нет ничего, кости целы. Рану на голове промойте перекисью водорода. Я написала. Вызовите участкового врача, пусть выпишет успокаивающие, они строго по рецептам. Больничный надо оформить. Не мешало бы рентген сделать. К окулисту – глазное дно посмотреть. И главное – покой. Пусть лежит. Недели две, как минимум. Потом снова врачу показаться надо. Сотрясение мозга приличное. Хорошо бы, и невропатологу показаться.

- А ванну принимать можно? – спросила Марина.

- Кстати, горячая ванна категорически противопоказана. Мыться только под теплым душем, не горячим. Не волноваться, не нервничать. И основное – покой. Читать пока не надо, да ты и не будешь. Резко не поднимайся с кровати. Плавно, не спеша.

- Доктор, Вера Трофимовна, насколько это серьезно? Осложнения могут быть? – Пахарь начал понемногу успокаиваться.

- Голова – это всегда серьезно. Если, конечно, там есть мозги. А осложнения могут быть. И головные боли, и повышение внутричерепного давления, на зрение может сказаться. Да что говорить! Поэтому покой, режим – это основное лечение. – Вера Трофимовна поднялась и попрощалась.

Марина побежала в аптеку. Гоша отправился домой, пообещав заглянуть вечером. Сергей, кажется, уснул. Про-

снется, покупаем. Пахарь прикрыл дверь. Прошел на кухню. Ночь миновала без сна, в нервозности и переживаниях. Теперь хотелось спать. Что делать? А что делать? Без Сергея ничего не решишь. Надо все выяснить, разобраться, потом уже что-то планировать.

Накануне вечером ему удалось связаться с Игорем. Игорь сразу вспомнил Пахаря. Выслушал про эпопею с «семеркой». Четко сказал, что про машину можно забыть. Эта тема ему знакома. Система отлажена, каждый имеет свою долю. Посоветовал отнестись как к стихийному бедствию. Насчет остального, помочь не отказывался, но нужна была ясность. А вечером этой самой ясности как раз и не было. И сейчас все неясно, кроме того, что Сергей лежит в соседней комнате. Живой. Больно было смотреть на сына, он переживал, отворачиваясь, вытирал слезы. Но, по большому счету, успокоился.

Самое страшное не произошло. Хотя почувствовал ночью мертвенный холод и страх. Коса просвистела над головами, предупреждая – я рядом, я с вами, дороге мои. Просто жду, когда заезжаете, расслабитесь, забудете обо мне. А уж я о вас не забываю. Никогда. Я с вами, я среди вас. Не обязательно я страшная и в черном балахоне. Я могу быть очень даже обаятельная, молодая. Или молодой. А может – средних лет. Любой. Я это и есть – вы. Ну, не все, конечно. Некоторые. Надо уметь меня увидеть. И отойти. Или обойти. Уж как понравится. Дружить со мной непросто, но интересно, хотя и коротко. Ах! Это ты... А может...? Нет. Не – может. Уже поздно. Пока, дружок! Встретимся в следующей жизни. Чао!

- Виктор Сергеевич! Виктор Сергеевич! Вы будете пить чай или кофе? – Марина копошилась на кухне. Пахарь прислонился к холодильнику и сладко дремал.

- Марина, я спал?

- И даже немного посапывали. Вам чай или кофе? Бутерброды будете кушать?

- Давай чай. И бутерброды – тоже. Как Сережа?

- Спит пока. Пусть спит подольше. Не будем беспокоить.

Ближе к вечеру Сергей проснулся. Марина помогла ему в душе. Пахарь сидел на кухне, просматривал газеты. Из ванной сквозь шум воды донесся смех. Сын явно пошел на поправку. Приехал Гоша. Все собрались в большой комнате послушать Сергея и решать, что делать и как жить дальше.

- Ты зачем к ним в машину садился?! – Гоша выразил общий вопрос.

- Зачем? Зачем? Откуда я знаю, зачем? Чернявый, что «семерку» продал, развел пожиже. Беса прогнал. А я – олух, уши и развесил. Рисанулся... – Сергею было неловко и стыдно за собственную глупость.

- Ты понимал вообще, чем это может кончиться? – задал отец бесполезный уже вопрос.

- Если бы не понимал, Гошу с ребятами не вызвал бы. Не знаю, какое-то затмение в мозгу произошло, что ли? Все добрые, все друзья, улыбаются...

- Хватит! Не нападайте вы на него. Он и так... – Марина погладила Сергея и прижалась к его плечу. – Доктор что говорила? Волноваться ему нельзя, нервничать.

- Жирного нигде нет. Наверно, свалил из города. Ничего, к выходным на авторынке появится. Пускай только нарисует, мы его с ребятами прижмем. Покоцаем. И этого, черненького твоего, вычислим. Я узнавал, он на базаре с «бимером» новым стоял. Говорят, не продал вроде. Немного справки навел. Команда у них, человек пять. Сборная, ничего особенного. Жирный там так, шестой номер. Чернявый, как будто, недавно с ними крутится. Слух такой, что он мент бывший. Поперли за что-то. А может, из-под ментов. Ребята настроены серьезно. По-взрослому будем разбираться, – обрисовал ситуацию Гоша, ожидая поддержки и указаний.

- Это как же вы разбираться будете? – взволновалась Марина.

- А это уже не твоя забота. Как надо, так и разберемся.

- Как это – не моя?! А если б его убили, тогда б, чья забота была? Идиоты! – Марина перешла на крик. – А если вас всех поубивают!

- Ребята, не шумите! Давайте спокойно обсудим положение. Марина права. Никакие разборки и войны устраивать не надо. Это не дело. Вы что, стенкой на стенку пойдете, Гоша? – Пахарю не хотелось связываться с компанией Виктора Ивановича, но самостоятельные разборки были утопией и ни к чему хорошему привести не могли. – Есть у меня здесь знакомые ребята. Предварительно говорил с ними. Помочь не отказываются. Ждут от меня конкретной информации: кто, что, почему и чего мы хотим от них.

- Это откуда знакомые? – Сергей показал большим пальцем за спину.

- Отсюда. Немного помог. Предлагали обращаться, если что. Вот, «если что» и произошло.

- А что за пацаны, чем занимаются? – заинтересовался Гоша.

- Машины, запчасти продают. Своя стоянка у них есть, автосалон, офис, гаражи, разборка. Из Европы гоняют. Возможно, еще чем-то занимаются, я точно не знаю. Работают не сами по себе. В какую-то группировку входят. Значит, имеют входы-выходы. У них там свои каналы.

- А кто сейчас сам работает? – сказал Гоша. – Долго сам не поработаешь.

- Ну, а вы же работаете? – Пахарь имел в виду «бутлегерство».

- Работаем пока... – без энтузиазма согласился Гоша.

- Да, с каждым разом все сложнее, – посетовал Сергей. – Пока доедешь, на каждом посту отгружаешь. Везде оптовые магазины, базы, склады пооткрывались. Прут все то же самое, и цены у них невысокие. Оборотом берут. А у нас еще полгаража ящиками забито. И должников... только под реализацию хотят брать.

- Ладно, это тема другого разговора. Давайте о деле. Сережа, ты расскажи, что было, и что ты думаешь. Только спокойно, не волнуйся, – сказал Пахарь.

- Да не волнуюсь я уже. Только, когда говорю, язык царапается, – сквозь распухшие губы Сергей показал на торчащий осколок переднего зуба.

- А остальные как? – спросил Гоша.

- Пара штук шатается, но держатся.

- Серый, ты не переживай. У хоккеистов вообще все передние повыбиты всегда. Вставишь.

- Сереженька, я уже думала. Лучше белый, керамический поставить. Совсем незаметно будет. Как родной.

Все замолчали, ожидая слов от Сергея.

- Ну, что было... что было... В машине по башке заехали, ну и потом еще добавили, – Сергей замолчал.

Как объяснить все, что происходило в лесу? Какими словами? Рассказать, как лежал связанный? Как водичкой поливали? Ногами били. Как в пустоту заглянул? В черную бездну... Страшно было? Да, конечно. Но не только. Все было четко и ясно. Меньше суток прошло... Теперь все казалось далеким, совсем другим, не таким. Не таким... Покрылось ненужными словами, суетой, пустыми проблемами.

Сергей молчал. Он обнял Марину. Смотрел то на отца, то на Гошу, то – в никуда. Его никто не торопил, не прерывал молчание. С улицы доносились городские шумы, врывавшиеся в комнату через приоткрытую балконную дверь. Они смешивались с апрельским воздухом и обдавали сидящих свежей весенней волной.

«Не все так плохо», – вспомнил Сергей слова чернявого. Ведь жизнь продолжается!

Глава 17.

Ну что ж, ситуация прояснилась, – думал Пахарь. – «И, слава богу!».

Сергей не хотел ни с кем разбираться, мстить, пытаться вернуть машину. Все. Точка. Перевернули страницу. И Гоша, и сын заинтересовались знакомыми отца. Они давно посматривали в сторону уютной, ухоженной Европы. Но не было к кому пристать, а сами пускаться в одиночное плавание остерегались. Они знали двух ребят, поехавших за машинами, и не вернувшихся. Может, остались работать нелегально, об этом говорили. А вероятнее, прикопаны в каком-нибудь польском или немецком лесу. Вспоминая Виктора Ивановича, Пахарю не хотелось знакомить их с этой компанией. С другой стороны Костя, Вася и Игорь были вполне нормальные ребята. Что хорошо, а что плохо? Кто свои, а кто чужие? Понять и разобраться стало сложно. Время такое мутное. Взять, например, майора милиции? Формально, вроде, он свой... Но это только – формально, теоретически. Пахарь позвонил Игорю. Договорились, что Сергей свяжется с ним, когда поправится. О «проблемах» Пахарь больше не говорил, а Игорь не спрашивал.

- Передавай привет Виктору Ивановичу, – прощаясь «провентилировал» Пахарь.

- Передам. Правда, он сейчас в командировке, – ответил Игорь. – Длительной.

С Надеждой договорились встретиться в среду в четыре часа на вокзале. Командировка у нее закончилась. Обратный билет был на руках. Поезд отправлялся в восемнадцать с копейками.

- Как сын? – вместо приветствия спросила она.

- Поправляется. Одна беда, лежать не хочет.

- Как это? Что значит, не хочет? При сотрясении обязательно лежать надо!

- Так ему и передам. Скажу, одна очень симпатичная «англичанка» просила тебя строго соблюдать постельный режим.

Надежда улыбнулась и поцеловала его в щеку.

- Знаешь, я не представляю, если с сыном что-то случится. Наверно, жить не смогу.

- Все так думают, а потом – живут, привыкают, смиряются.

- Я понимаю. Но это уже не жизнь будет. Так. Пустота. Доживание.

- Ну, что мы все о грустном, да о грустном?

- Когда Антона в армию забрали, я страшно переживала. Трусилась. Ездила два раза.

- И как он там? Пообтерся?

- Вначале, видно, тяжело ему было. Но ничего, виду не подавал. Все меня успокаивал. А вот перед Новым годом в отпуск приезжал, я даже удивилась. Такой уверенный в себе стал, основательный. Вырос еще. Он и так – гренадер, ростом в папашу пошел. Возмужал. Ничего, осенью уже вернется.

- Чем планирует заняться?

- Будет готовиться к поступлению в институт. Ну и работать собирается.

- А мой не захотел учиться. Говорит, учителем физкультуры я и так работать могу. Какой смысл?

- А дочка? Лена, кажется?

- У дочки в этом смысле все в порядке. Она у нас музыкант. Детишек учит на пианино играть. Для женщины лучше не придумаешь.

- Это точно. Я в детстве не захотела учиться музыке. Жалею сейчас... Зато Алина чудесно играет на гитаре, и поет неплохо.

- Как она поживает?

- Передавала тебе привет. Кстати, ты ей понравился. Говорит, чувствуется порода.

- Сомнительно что-то. Она так колко со мной разговаривала.

- Вот-вот. Кокетство и женская ревность. Любая женщина хочет всегда быть первым номером, быть в центре внимания. А подруги, даже самые лучшие – всегда соперницы.

- А как же женская дружба?

- Дорогой, женская дружба это очень тонкое явление. Я не верю в искреннюю женскую дружбу. О ней можно диссертации, книги писать. Как про Атлантиду. Никто не видел, не слышал, а пишут.

- Не слишком ли ты агрессивно настроена? Тут что-то не так. Ведь женщины дружат, в гости ходят, часами по телефону болтают.

- Знаешь, болтать по телефону, – это совсем другое. Конечно, есть приятельские отношения, общность интересов. Но такого чтобы, ах, все за подружку отдать, наверно, нет.

- Ты, прямо, философ. Специально изучала тему?

- Ничего не изучала. Просто говорю, что думаю. Вот, назови какие-нибудь произведения, чтобы название говорило о женской дружбе?

- Ничего себе! У тебя в кармане реферат на эту тему лежит, да?

- Ничего не лежит! Ты думаешь?

- Прямо экзамен какой-то... Вот! «Три сестры», например.

- Сестры, улавливаешь?

- Ах, да. Они сёстры, им деваться некуда, все равно надо любить друг друга.

- А про мужскую дружбу – пожалуйста. «Три товарища», «Два бойца», «Трое в лодке, не считая, собаки»...

- «Четыре танкиста и собака», «Три мушкетера»...

- Чувствуется счастливое детство. Ты еще вспомни «Белоснежку и семь гномов», – подколола Надежда.

- А между прочим, семь гномов из-за Белоснежки не поссорились, выдержали такое трудное испытание. Вот самое яркое подтверждение крепкой мужской дружбы!

- Ты уж, конечно, не выдержал бы!

- Конечно. Я ж не гном! – он обнял Надежду. – Белоснежка моя!

Время летело незаметно. Говорили о разном. Несмотря на расставание, настроение было легкое. Не было горечи и отчаянья, душевного надрыва. Во всяком случае, у него. Они знали, что никуда друг от друга не денутся. Это – их. И никто не отберет. Появился стержень, на который можно было опереться. Объявили о прибытии поезда.

- Будем выдвигаться?

- А разве у нас есть выбор? – Надежда поднялась.

Они подождали поезд на платформе. Затем он провёл ее в купе.

- Приезжай, пожалуйста, летом. Я буду ждать.

- Хорошо, я постараюсь.

- Ты и в прошлом году старалась...

- Хорошо, в этом году я буду стараться сильнее. Кстати, Алина очень любит море. Она в детстве отдыхала в твоём городке. Горит желанием сравнить впечатления.

- Так ты что, Алину вместо себя приплешь?

- Нет, не пришло. Я приеду.

Прощальный поцелуй бесцеремонно перебили.

- Двадцать второе и двадцать третье здесь? – крупногабаритная семейная пара пыталась втиснуться в купе вместе с чемоданами и огромными клетчатыми сумками.

- Ну, иди, – Надежда быстро поцеловала его в нос. Мужчина пропустил Пахаря и, лавируя между заполнявшими вагон пассажирами, он выбрался наружу. Несколько минут стоял возле окна. Улыбался, посылал воздушные поцелуи, подавал какие-то знаки. Надежда тоже его воздушно целовала и показывала, чтобы он уходил. Наконец поезд тронулся, оборвав натужную прощальную пантомиму.

Глава 18.

Пахарь вернулся в городок. «Жигуль» забирать не стал, оставил Сергею. По пути заехал к дочери в Донецк. Дочь он любил больше. Конечно, мужчина всегда гордится сыном – продолжателем рода и фамилии. Но такой душевной близости, как с дочерью, с сыном не было. Мужчины всегда хотят друг другу что-то доказать, соперничают. Даже родные.

С Леной тоже не все было гладко. Класса с восьмого характер пошёл. Слава богу, было в кого. И не только характер. Незаметно быстро, за одно лето угловатый подросток превратился в девушку. Все что нужно округлилось, налилось свежим соком. В голове тоже кое-что поменялось. Любые замечания родителей стали восприниматься в штыки, чуть не до истерики. Успеваемость поползла вниз, хотя учителя, будучи коллегами Людмилы, относились к Ленке более чем лояльно. Постоянные компании с музыкой и танцами в полумраке то у них дома, то еще где-нибудь. Винцо, сигаретки. Придя однажды вечером не в духе, Пахарь с ходу разогнал такую компанию, наорав на дочь и на всех. Дочь наорала на него. Он влепил ей пощечину. Взаимонепонимание увеличивалось. А как с ней разговаривать? В угол не поставишь. Сладостей или телевизора лишить? Нудные родительские нотации она легко переносила, думая о своем. Школу окончила средненько. Поступила в музыкальное училище в области. Родители этому были несказанно рады, так как в других сферах дочери реально мало что светило. Мальчишки обрывали телефон. Приезжая на выходные или каникулы домой, Ленка неслась на танцы. Как раз в моду вошли дискотеки. По-волновались родители с этими танцами...

После музучилища дочь вернулась в городок. Преподавала в своей родной музыкальной школе и подрабатывала в детском саду. Летом на танцплощадке познакомилась со Станиславом, будущим мужем. Стас заканчивал Донецкий политехнический институт. Помимо учебы чрезвычайно увлекался музыкой. Крутил дискотеку в полите-

хе. А летом с приятелем в доме отдыха «организовали танцы под электросварку», как образно окрестил дискотеку какой-то пенсионер. Оплата труда жнецов развлекательной нивы производилась питанием и жильем. Небольшие карманные деньги давали заказы. Откровенно брать ребята сначала стеснялись, но если настаивали, не отказывались, а вскоре и не стеснялись.

Произошла любовь с первого взгляда, быстро переросшая в бурный роман. На ноябрьские праздники и на Новый год Лена ездила к нему. Через полгода поженились. Свадьбу молодые решили сделать как можно скромнее. Не свадьба, а расширенный домашний вечер. Людмила и Пахарь ездили на свадьбу в Донецк. Они как раз разводились, но изображали полное благополучие. Квартира у родителей Станислава была четырехкомнатная. Одну из комнат на ночь выделили им. У молодых была первая брачная ночь. У них с Людмилой – тоже. Правда, не первая и, как оказалось – не брачная. Несколько месяцев у них не было близости и, очутившись рядом на нешироком диване, они не стали сопротивляться природе. Пахарь даже удивился. Он давно забыл, что жена может быть такой азартной и неутомимой. Было смешно: как заговорщики боялись шуметь, таились. Любовники-конспираторы. Но эта ночь не сблизила их, скорее даже наоборот. Прощальная лебединая песня. Он все время ощущал незримое присутствие Виталия, Галины. И вообще. Жить с этим не хотелось.

Вскоре Лена окончательно перебралась жить в Донецк. Муж после распределения остался в аспирантуре. Писал диссертацию. Потом родилась Алиса. Чтобы не утомлять, друг друга совместным бытом, родители и молодые разменяли квартиру на две двухкомнатные. Доплату, необходимую в таком случае, взяли на себя Пахарь и Людмила. Алиса сейчас уже ходила в школу. Каждое лето дочь и внучка проводили в городке. К сорока годам Пахарь стал дедушкой. Ничего страшного, бывают дедушки и моложе. За все годы он видел мужа дочери два раза. На свадьбе, и раз тот приезжал летом с семьей в отпуск, но умчался через неделю по экстренному телефонному звонку.

Станислав был математиком. Институт, уже на излете советских времен, выполнял хоздоговорные темы по заказу «Газтранса». Это был хороший, лакомый куш. Георгий Яковлевич, профессор, научный руководитель Станислава, помог своему небесталанному подопечному, как он говорил, «подключиться к аппарату». Станислав к тому

времени уже был кандидатом технических наук и отличным программистом. Большую часть времени он находился в Сибири, изредка звоня, и еще реже навещая семью. Пару раз он осторожно предлагал жене перебраться к нему. Жить в Сибири Лена категорически не хотела. Тому против имелась масса причин. То Алиса была маленькая, то болела, потом пошла в садик, в школу. Так и жили на расстоянии. С годами оба привыкли. Станислав прилетал ненадолго и снова пропадал месяцами «во глубине сибирских руд».

Напряжение в его работе было велико. Постоянно, в течение уже нескольких лет вот-вот должен был решиться какой-то глобальный вопрос. Заключались и перезаключались договоры. С распадом страны усложнились финансовые отношения. Пришлось создавать фирму там, на месте. Руководить. Вечно переделывать за кого-то работу.

Особенно сложно было конкурировать с наглыми, уверенными в себе иностранцами. Они заключали с «Газтрансом» многомиллионные контракты. Французы, а особенно, немцы удивительно быстро приспособились к советской и постсоветской реальности. Глушили водку в невероятных количествах, прекрасно чувствовали себя в русских банях с русскими девушками, лихо ныряли в снег голяком, ни в чем не уступая аборигенам. Они живо сориентировались, что выполнение контрактов не есть главное на этой огромной богатой территории. Важен процесс, личные отношения. Гораздо важнее красиво принять высоких гостей в Париже или Гамбурге, чем точно в срок выполнить работу. Для этого есть разные «Станиславы». Ими латали всевозможные дыры. Но главное, утирали нос иностранцам. Вот мол, «левши» наши, умельцы, так сказать, за копейки делают то, что вы не можете за миллионы.

Лена была рада приезду отца. Накрыла на стол. Муж, как всегда, был в Сибири. К обеду появилась Алиса, шустрая, звонкая малявка. Четыре дня в неделю дочь работала в районном Дворце культуры. Рабочий день заканчивался к часу дня. Работала не ради зарплаты, а «чтобы не киснуть дома». Деньги Станислав привозил или переводил. Пахарь понимал, молодой красивой женщине сложно в четырех стенах. Вечером хорошо посидели. Лена как настоящая «морячка» обожала пиво с рыбой. Алисе дед привез всякие сладости. Рассказал о злоключениях Сергея, о том, о сем. На лето дочь, как всегда, собиралась приехать в городок. Пахарю нрави-

лось, что с годами она становилась для него самым верным и лучшим другом. На следующий день женщины проводили его на поезд. Пахарь возражал категорически, но Лена и, особенно Алиса, настояли. Это было приятно и трогательно.

С рыбалкой у него дело не налаживалось. Весна оказалась не в меру ветреная. Пару раз сыпал сети, но неудачно. Ветер усиливал течения, несшие все, кроме рыбы. Сети забивались травой, тиной. Перекручивались. Большие скаты оставляли после себя метровые пробоины. Необходимо было брать отловочный билет или лицензию, чтобы инспекторы не рвали себе понапрасну сердце, а ему нервы. Яхта для рыбалки была громоздка. Нужна лодка, быстрая, маневренная. Взвесив все за и против, Пахарь решил отложить рыбалку на осень. Дотянуть до сезона денег хватит. А сезон уже не за горами. В городке появились первые беззаботные майские «ласточки». Для бреющего полета они были несколько тяжеловесны, но их шорты, сандалии, панамки и черные очки приводили городок в состояние томного предвкушения.

Глава 19.

Сергей поправился и восстановился. Вставил зуб. Частенько мучили сильные головные боли, особенно на смену погоды. «Бутлегерство» одиночек фактически завершилось. Несколько последних ящичков водки, ликеров, пива и шампанского оставили себе. Столь приятная и перспективная, как казалось вначале, тема закрылась. Государство не любило одиночек. А чего их любить, если с них трудно что-то взять. Если предоставить их самим себе, не мешать, они, одиночки, могут далеко пойти. А какой в этом смысл и прок? В нашем государстве, во всяком случае. Пожалуйста, пусть он будет одиночка. Пускай шевелится и даже двигается вперед. Насколько позволят ничтожки. А они в наших руках. Раз – остановили. Два – придавили. Чуть-чуть. Не сильно. Так что дыши. Пока.

Уже несколько месяцев, как Сергей и Гоша работали на фирму Игоря. Работа была не сложной. Интересной и увлекательной. Они перегоняли из Германии машины. Их проверили как водителей. Затем быстро оформили загранпаспорта. В первую поездку отправились с Васей и Костей. Маршрут был «протоптан». У Игоря был постоянный контакт с немцем, у которого брали машины. Игорь с ним договаривался по телефону, а Костя корректировал покупку машин на месте. Сергей и Гоша крутили баранки, имея свой «процент». Проход границы был отлажен. Главное, идти колонной и не отставать. Васю могли заменить, но командовал парадом неизменно Костя.

Западная Европа переживала автомобильный бум. Почтенные бюргеры, учителя, фермеры, пекари и булочники прощались с любимыми авто. Они бы может и не расстались с ними еще несколько лет, катаясь по гладким дорогам в «Фольксвагенах», «Фордах», «Ниссанах», «Бэ-Эм-Вэ», «Ауди» и экзотических, неприлично дешевых «Ладах». За расставание со старой машиной в Европе надо платить и немало. Как вдруг все это старье и не старье понадобилось русским. Прибалты, белорусы, украинцы, –

все для европейцев были «русские». Шустрые немцы, голландцы и бельгийцы выгребали все, что только возможно. Пустыри и свалки превращались в автостоянки, коровники в гаражи, а их владельцы в преуспевающих респектабельных бизнесменов.

Деловой партнер Игоря – Клаус, молодой человек лет двадцати восьми, работал до автобуса на бензозаправке и торчать бы ему там еще долго, если бы не смекаливость и хватка. Быстро сообразив, куда ветер дует, он взял в банке кредит и кинулся скупать у населения подержанные машины. Первое время брал автомобили бесплатно, обзавясь их продать или утилизировать. Затем, учитывая возрастающую конкуренцию, начал понемногу платить.

На опустевшей в связи с произошедшей разрядкой военной базе Клаус арендовал часть территории для стоянки машин и огромный ангар, оборудовав в нем ремонтную мастерскую. Агенты Клауса шныряли по всей Германии, наполняя стоянку и ангар. Работали на него, в основном, бывшие русские немцы из Казахстана. Они старались изо всех сил, а главное, не были знакомы с немецким трудовым законодательством. Все способствовало тому, что скромный заправщик быстро превратился в капиталистическую акулу. Личный водитель до блеска начищал «пятисотый», и следил, чтобы в машине всегда находилась корзинка со свежей клубникой. В новых апартаментах шуршала длинноногая модельная домработница, слабо говорящая по-немецки. Цивилизованный мир с удовольствием пожинал лавры выигранной холодной войны. Клаус покрылся изрядным финансовым жирком. С партнерами стал более жестким и несговорчивым.

Игорь начал разрабатывать операцию по избавлению Клауса от некоторых излишков. Каждую ходку брали сначала по одной, а потом по две машины под реализацию. Машины выбирали новее и дороже. Цена в данном случае была выше. Рассчитывались точно в срок. Как-то раз пригласили Клауса в Киев. Он вместе с командой пригнал джип. Устроили отдых по полной программе. Показали новый современный автосалон, еще полупустой. Предложили забить его крутыми тачками. Договорились опять же часть машин взять под реализацию. Перспективы рисовались впечатляющие. Красивые бланки будущих договоров розовато отсвечивали водяными знаками.

Пока у Клауса готовилась партия серьезных машин, решили, не теряя времени даром, пробить новые точки. Шенгенская виза позволяла кататься почти по всей Ев-

ропе. Дружная четверка отправилась в «шоп-тур» на туристическом автобусе в Голландию. Украинскую границу прошли легко, скинувшись всем автобусом по пять «баксов». Мелочи жизни. Поляки ничего не требовали. Пока они изучали паспорта и сверяли количество голов, туристы наблюдали, как по соседству разбирали старенький «Мерседес», вытягивая отовсюду пластиковые флажки со спиртом. Пожилая семейная пара сначала возмущалась, затем удивлялась содержимому собственного автомобиля. Когда начали раскручивать дверцы, самодельные контрабандисты успокоились и отрешенно наблюдали за ловкими действиями «пшеских» рук. Автобус плавно отчалил.

Польша напоминала Украину. Те же деревья, поля, города и поселки. Разница, конечно, чувствовалась, но совсем чуть-чуть. Коровы чуть толще, дома чуть аккуратнее, дороги получше. Ощутимее было в Германии. Польско-немецкую границу прошли ночью за полчаса. Ранним утром незаметно оказались в Голландии, миновав опустевший пограничный пост. Их приветствовал только голубой указатель с желтыми звездочками, расположенными по кругу. Европа объединялась.

За год Сергей несколько раз пересекал Германию. Он привык к автобанам, отделенным от полей заградительной сеткой. К разноцветным коробкам заводских корпусов на окраинах полисов, словно собранных из конструктора «Лего». Нравилась маленькие городки. Аккуратные, рафинированные, неестественно чистые. Особенно запомнился один такой, расположенный у склона лесистой горы, а может, высокого холма. Ближе к вершине, над скалой нависал старинный замок, с трех сторон окруженный высокими елями. У подножия среди деревьев появлялись опрятные игрушечные домики, постепенно заполняя неширокие извилистые улицы. Средневековая идиллия нарушалась совершенными образцами немецкой техники, бубнящими широкими шинами по вылизанной старинной брусчатке. Иногда, вместо ожидаемых рыцарей, мимо проносились маленькие спортивные монстры, гукая низкими частотами мощных динамиков еще за два квартала.

Голландия почти ничем не отличалась от соседней Германии. Разве что, дорожных знаков стало больше. Тебе три раза напоминали, что скоро будет поворот туда-то. И вот этот поворот. Давай, не пропусти, если тебе туда. Заботливые. Плюшевые коровы, ухоженные и чистенькие, из-за сетки провозжали автобус томными взглядами. На выходе из коровника каждую поливали водой из шлан-

га. Вообще в Голландии было как-то веселее, раскрепощеннее, что ли. Публика, наверно, не такая сосредоточенная, как в Германии. Расположились в небольшой гостинице в Тилбурге. На пятницу планировались экскурсии по достопримечательностям – окрестным гаражам и стоянкам. А в субботу – выезд на большой автомобильный рынок в Утрехт. Массовая покупка машин и – «дранг нахт остен» домой.

Хозяин гостиницы, подтянутый шестидесятилетний голландец, оказался приветливым человеком. Пригласил туристов вечером в соседний турецкий ресторанчик. После тостов за знакомство и дружбу, он поднял рюмку, и что-то быстро протарахтел. Переводила его жена, Таня, москвичка лет тридцати. Оказалось, он предлагает всем приезжать к ним еще и еще. И привозить с собой... коноплю, то есть марихуану. Он даст хорошую цену. Кто уже привозил, знает, какой это выгодный бизнес. Он всегда рад и так далее... Подождяв, пока жена переведет, он по-деловому отбыл, оставив ее общаться с соотечественниками. Таня с удовольствием, под водочку, болтала и пыхла самокруткой. Она уже года четыре, как была замужем за иностранцем. Занималась гостиничным бизнесом, еще чем-то. По мере питья выяснилось, что «все тут сволочи, суки и вообще козлы позорные, одни только бабки в голове». Чувствовалось, что Танюша прошла сложный маршрут, пока не осела в городке, известном своими шахматными традициями на весь мир. Но славное шахматное прошлое и настоящее новой родины интересовало ее меньше всего.

Поездка по гаражам и автостоянкам ничего не дала. Хозяева, в основном турки и арабы, ломили несусветные цены, особенно за «Лады». Получалось дороже, чем дома. Было странно и непонятно, кому они весь этот хлам задвигают. Скоро поняв тщетность преждевременных потуг, туристский люд настроился на Утрехт. И он не разочаровал. Машин было довольно много. Цены приемлемые. Покупать старались у хозяев – голландцев. С ними можно было вполне успешно торговаться, в отличие от вездесущих турков. Взяли два микроавтобуса – «Форд-Транзит» и «Мазду», и «Ладу» – восьмую модель. Спортивный вариант, люк, кожаные сиденья, деревянный руль, – такая у нас не то что, пойдет. Улетит. Решили, что Гоша и Вася на «бусах» поедут домой, а Костя с Сергеем останутся и поколесают по Европе. Игорь дал пару телефонов в Брюсселе.

Ночная Бельгия встретила их абсолютной темнотой. Залитая электрическим светом трасса оборвалась,

и они въехали в черноту. Вернее, трасса продолжалась, но голландское световое расточительство закончилось. Проснувшись утром на заправке, вышли из машины, размяли затекшие мышцы. Выпили кофе с булочками и двинулись в сторону столицы. Дорожными знаками бельгийцы не баловали, соблюдая необходимый минимум. Зато видеокамер на дороге явно прибавилось, особенно при подъезде к Брюсселю. Окраина города не понравилась, много мусора и арабов.

Костя позвонил знакомому, тот объяснил, где встретиться. Встретившись, зашли в небольшое заведение покушать. Молодого худощавого парня лет двадцати трех звали скромно – Спартак. Новый знакомый заказал сосиски, картошку «фри», пиво, «Кока-колу». Как выяснилось, Спартак жил в Бельгии уже несколько лет. Семья переехала, и он не успел закончить школу. Раньше жили в Грузии, но он был не грузином, а курдом. Что делали в Грузии курды, и почему их там преследовали, Костя и Сергей так и не поняли. В Бельгии они считались политическими беженцами, получали пособия. Подрабатывали, где возможно. Регулярно отмечались в каких-то фондах и совсем не скучали по далеким горным аулам. У Спартака была своя клиентура. Одним помогал купить, другим продать. Крутился.

- Неудачно вы приехали, – расправляясь с картошкой, сказал Спартак. – Воскресенье. Все отдыхают. Ничего, есть пара точек. Смотаемся.

- Что за точки? Гаражи? Стоянки? – поинтересовался Костя.

- Так, базарчик небольшой... В гаражах кое-кто есть сегодня. А что искать будем?

- Искать будем «Жигуля», – уточнил Сергей. – «Восьмерку», а лучше – «девятку».

- И посвежее, – закончил Костя.

- Этого добра хватает.

«Базарчик» оказался небольшой стоянкой, на полтора-два десятка машин, огороженной сеткой. Хозяином был араб, бойко объяснявшийся со Спартаком на французском. Увидев его, ребята сразу поняли, что ловить нечего. Осмотр машин подтвердил, первое впечатление часто бывает верным.

- Спартак, а есть гаражи, где хозяин местный, бельгиец? – поинтересовался Костя.

- Да, поехали. Здесь недалеко.

Порулив по переулкам, напминающим Одессу, остановились у металлических ворот. Спартак постучал.

Переговорил с кем-то. Ворота открыли. Во дворе и боксах стояли машины.

- Ну чё, паца-аны? Сма-атрите пока... – перепачканный автомастер, «Саша из Рязани», неопределенно махнул рукой.

Минут через двадцать появился хозяин, невысокий плотный бельгиец, лет шестидесяти. С усами. Он был скорее похож на полтавского дядьку, или на возрастного участника ансамбля «Песняры». Бодро проведя экскурсию по своему хозяйству, заломил цену за черную инжекторную «девятку», приглянувшуюся Косте и Сергею. Торговались вло. Все равно сегодня не оформишь, завтра придется встречаться. Окончательную цену дядька называть не хотел, понимая, что завтра ребята никуда от него не денутся. Spartak предложил поселить их в небольшую гостиницу почти в центре города.

Гостиница оказалась очень даже небольшой. Spartak с трудом объяснялся с барменшей. Она же администратор. Женщина лет под сорок с ровной фигурой, без талии. Одега она была своеобразно. Короткие обтягивающие шорты врезались в попу. Бюст, как минимум пятого размера, с трудом удерживался узким топиком, норовя вынырнуть наружу. «Everywhere. Every time. Everybody» – призывно колыхалась надпись на топике. «Везде. Всегда. Любой». Барменша с интересом поглядывала на Сергея, и пару раз ему подмигнула. Она напоминала ему рыбу в аквариуме. Бесцветная, с выпученными глазами и полными мягкими губами. Наконец, произошел консенсус, и она удалилась на несколько минут.

- Ну и утомила, – посетовал Spartak. – Номер пошла приготовить.

- А почему ты с ней на пальцах разговаривал? – спросил Сергей.

- Валлонка попалась. Ну их! Я ей по-французски, а она мне по-валлонски. А я ни бум-бум. Вот, на пальцах и докумекали.

- По какому она говорит? – не понял Костя.

- По-валлонски. В Бельгии два языка, – объяснял Spartak. – Французский и валлонский. Кто по-французски говорит, их тут смешно называют – франкофонами.

Опять появилась грудастая барменша с ключами от номера. Костя заплатил, и они поднялись на лифте на третий этаж. Двери лифта открылись в тамбур, из которого попали в комнату с двумя кроватями. Тесновато, но главное, есть душ. Контрастный душ снял усталость. За окном, выходящим во двор, темно. Но какой мог быть сон?

Глава 20.

— **С**партак, может, покатаемся? – предложил Костя. – Покажешь, что тут интересного.

- Время есть. Покатаемся.

- Слушай, я по телеку передачу смотрел, квартал «красных фонарей» показывали. В Амстердаме или Роттердаме, не помню... Там девочки разные в окошечках. Подходи, выбирай. – Костю интересовали вполне специфические «достопримечательности».

- Проблем нет. Поехали. В Амстердаме не был, но брюссельский квартал славится. Проверено, – Спартак многозначительно повел бровями. Говорил он с небольшим кавказским акцентом.

«Хрен там, проверено! Щас! Разбежишься ты проституткам платить!» – неожиданно для себя разозлился Сергей. Он не переваривал это восточное бахвальство. Дешевые понты для приезжих. Хотя, злиться на Спартака совсем и не стоило, скорее наоборот. Парень им помогал и вел себя очень доброжелательно.

Решили не размениваться на дворцы, фонтаны, в том числе с «писающим мальчиком» и прочие архитектурные излишества. Машина прибыла по назначению – в самое злачное место Брюсселя. Здания располагались по одну сторону улицы. По другую сторону тянулась длинная глухая стена. Из-за нее слышался отдаленный шум железной дороги, а может, трамваев. Улица не была длинной, квартала четыре. Внешне все выглядело весьма респектабельно.

Немногочисленная публика мужского пола, чинно прогуливаясь, рассматривала сквозь широкие окна заманчивый товар. Товар красиво сидел, лежал, стоял, выполнял экзотические физические упражнения на фоне безвкусно-роскошных будuarов. Девушки были самые разнообразные: блондинки, брюнетки, рыжие, азиатки, негритянки, латинос. Цена одноразового удовольствия составляла полторы тысячи бельгийских франков, около пятидесяти долларов. Фантазии клиентов не ограничивались. Ограничения могли быть только в кошельке. Время от времени возле окна

открывалась дверь и мужская особь попадала внутрь. Шторы закрывались. Витрина временно не работала. Троица не спеша, двигалась мимо окон, изучая предложение.

- Ну, ты как? – Костя посмотрел на Сергея.

- Я – никак. А ты?

- Я пойду. У меня мечта – я хочу негритянку.

- Вот, давай, осуществляй мечту.

- Спартак, ты идешь? – Костя искал попутчика на стезе греха.

- Слушай, Костя, я сегодня не по тем делам. О! Смотри, какая негритянка. Супер!

Негритянка в белом купальнике-бикини действительно была хороша. Обнаружив внимание к своей персоне, она резво задвигала тазом, сдерживая рукой промежность, не позволяя этому горячему органу ее тела вырваться наружу и начать самостоятельное, небезопасное для общества, существование. Она томно закрывала глаза и яростно атаковала языком полные губы, нос, подбородок. До ушей, правда, не доставала.

- Мужики, что так сразу? А может, лучше есть. Пройдем все, а потом вернемся. – Костя не хотел расставаться с мечтой по-быстрому. Нельзя же вот так, с кондачка...

Всем очень понравилась хорошенькая шатенка с короткой стрижкой. Стройная, молоденькая. Старшеклассница, да и только. Сергей и Спартак поставили ее на первое место. Косте она тоже понравилась, но его мечта предусматривала только негритянку. Улица закончилась. Костя решил вернуться к черной «мечте» в белом купальнике. Окно оказалось предательски закрытым. Наплевав на мечту, он направился к девушке «номер один». Опередив Костю на несколько метров, перед окном шатенки затормозил микроавтобус. Из него выскочил шустрый мужичок, привычно поприветствовав девушку. За мужичком высыпались японцы, человек десять. Мужичок показал им на окна и призвал рассредоточиться. Но все десять японцев усталились на шатенку, жизнерадостно лопоча и показывая на нее пальцем. Затем дисциплинированно встали в очередь возле двери. Девушка в радостном изумлении схватилась за щеки.

«О-ля-ля!» – сквозь стекло был слышен ее смех. Мужичок нырнул в дверь. Почти мгновенно вынырнул обратно, сказав что-то японцам. Те радостно и согласно закивали блестящими черными головами, и – первый пошел.

- Ничего себе, старшеклассница! Многостаночница... – Костя явно поше.

- Давай вернемся, тут недалеко еще одна была, в красном белье, – предложил Сергей. – Костя, мечта – это святое!

Вернулись. Костя как-то без энтузиазма смотрел на негритянку с рельефной мускулатурой.

- Может, она легкой атлетикой раньше занималась?

- Это только плюс, – не отступал Сергей. – Смотри, как она пластично двигается.

Девушка подошла к окну и неуловимым движением сбросила лифчик, обнажив небольшую, шарообразную грудь. На несколько секунд прижалась грудью к стеклу.

- Уф-ф! – от неожиданности Костя отпрянул от окна.

- Это абордаж!

Негритянка тем временем повернулась спиной, широко расставив ноги. Выждав паузу, резко наклонилась вниз. Она глядела на них почти от пола. Троица обалдело смотрела на перевернутое лицо, упругие шарики груди, но взгляд стопорился наверху, на тонкой красной полоске, выпукло натянувшейся меж двух напряженных ягодиц.

- Все, пацаны. Нокаут! – Костя постучал в дверь.

Шторки закрылись. Ребята отправились в машину.

Костя вернулся неожиданно быстро. Вид у него был раздосадованный.

- Костя, дорогой, почему так быстро? – Спартак удивился.

- Почему! Почему! По кочану!

- Не договорился, что ли? – предположил Сергей. – Да не темни ты!

- Как раз договорился нормально. За тысячу двести.

- Отлично! Считаю, десять «баксов» сэкономил, – сказал Спартак.

- Ну, так в чем проблема тогда?

- В скорости проблема, в быстроте. Шоколадка эта руками так работает, еле успел донести. Раз-два, и все. Хотел на второй заход пойти, куда там! «Маней! Маней! Ван мо тайм!». Мы, считай, почти неделю уже катаемся. Да дома несколько дней простоя...

- Э-э, Костя! А в душ ты зачем ходил? – Спартак укоризненно покачал головой, словно Костя забыл помыть посуду или не вынес вовремя помойное ведро. – Вот, там бы и снял напряжение...

- А здесь воплощал бы мечту, – продолжил Сергей. – С чувством, тактом, расстановкой.

- Хватит вам издеваться. Закурить есть? – Костя нажал на прикуриватель.

- Ты напрасно расстраиваешься, – успокаивал Сергей.

- В данном случае длительность не имеет значения. Важен сам факт. А он произошел. Мечта сбылась. Вот главное. Теперь можно думать о новой...

- Достали... – Костя вышел из машины, хлопнув дверцей. Выкурил сигарету на улице. Вернулся. – Так, я пойду еще раз. Хотите, ждите. Нет, я на такси доеду.

- А куда ехать ты знаешь? – спросил Сергей.

- Узнаю. Спартак объяснит.

- А таксисту ты на каком языке объяснять будешь? – резонно заметил Сергей. – Если уж так хочешь, мы тебя подождем. Хоть до утра. И вообще, чего ты так завелся? Последний раз, что ли? Давай лучше пиво попьем. Посидим, расслабимся.

- Ладно, – после паузы согласился Костя. – Когда мы еще пиво попьем в Брюсселе? Все за рулем, да за рулем. Да, гладиатор?

Спартак согласно кивнул головой. Уроженец гор не возражал против пива. А вот последний вопрос не понял. Может, радиатор? Что-то Костя сильно расстроен. Многие друзья детства Спартака носили звучные имена. Гамлет, Эдгар, Ричард, Тимур, Роллан, – обычные мальчишки, они и не представляли, какие подвиги совершали их древние тезки. Но гордое звучание имен придавало им твердости характера, уверенности в себе.

«Восьмерку» поставили на платную стоянку недалеко от гостиницы. Зашли в небольшое кафе или бар. Интерьер заведения напоминал советскую общепитовскую столовую: такие же пластиковые на металлических ножках столы и стулья, подносы, стойки из нержавеющей стали. Набираешь сам, что хочешь и рассчитываешься в кассе. Ну, разве что мороженого видов двадцать, и пива столько же. Взяли по несколько банок знаменитого «Хейникена» и «Будвайзера», чипсы, орешки. Тоска! Во всей Европе не найти сушеной рыбешки. Спартак попытался, было поискать что-то в кармане.

- Спокойно, Спартак, угощаем! – Костя рассчитался за всех.

- Пиво, как пиво, – сделав глоток и рассматривая зеленую банку, сказал Сергей. – Ничего особенного.

- Это точно, – согласился Костя. – Наша «Оболонь» не хуже, если не лучше. Взять «Премиум» или «Соборное», например. Да, Серый?

- Реклама. Что рекламируют, то и лучшее. Тут так, если по телевизору не показывают, и покупать никто не станет. – Подвел черту Спартак.

- Ты как всегда прав, гладиатор.

- Кто-кто? – опять не понял Спартак.

- Гла-ди-а-тор, – четко по слогам произнес Костя.

- Это что, утюг какой-то или запчасть от машины? – предположил Спартак. Ребята переглянулись.

- В Древнем Риме бойцы такие были – гладиаторы. На арене сражались мечами, трезубцами. До смерти, между прочим. Развлекали толпу, – провел исторический экскурс Сергей.

- А-а... Понятно. А при чем тут я?

- А Спартак был самый знаменитый гладиатор. Восстание поднял. Короче, борец за свободу.

- Теперь понятно, – задумался обладатель славного имени. – Точно. Я вспомнил уже. Да. Раньше помнил, просто забыл.

На десерт заказали мороженое, мягкие шарики с разными наполнителями. Понравилось.

- Ничего, да? – Костя утаптывал пятый или шестой шарик.

- Вполне на уровне, – согласился Сергей. – А говорят везде, что наше мороженое самое вкусное. Давайте договоримся насчет завтра.

Договорились, что Спартак зайдет к ним в девять утра. Посадили его на такси и отправились в гостиницу. Несмотря на поздний час, в холле возле стойки сидели две аккуратные бабушки. Они курили, пили кофе и потягивали что-то спиртное из махоньких рюмочек. Барменша лежала грудью на стойке. Увидев ребят, она ожилилась, жестом пригласив их садиться на высокие стулья возле стойки.

- Давай еще по баночке? – предложил Костя.

Барменша улыбалась, подмигивала им, наваливалась грудью на стойку, демонстрируя глубочайший, как Марианская впадина, вырез. Костя пытался о чем-то говорить с ней, активно жестикулируя, напоминая со стороны глухонемого.

- Слушай, она вроде не возражает. Давай завернемся, а? – Костя явно был настроен на реванш.

- Вдвоем, что ли? – уточнил Сергей.

- Почему вдвоем? Втроем! – Костя повернулся к барменше, показал пальцем на Сергея, на себя и на нее. Затем сделал выразительный жест, изображая, как лыжник толкается палками.

Барменша обрадовалась, точно нашла давно потертую безделушку. Заговорила раза в два быстрее, мельтеша пальцами перед лицом Кости. Сергей застеснялся, с трудом выдавил из себя «ноу, ай эм ноу» и перебрался за столик в холле, покинув высокие договаривающиеся стороны. Накрашенные божьи одуванчики с интересом прислушивались к разговору за стойкой и, видя упорное непонимание, решили вмешаться. Они выслушивали вал-

лонский гомон барменши, и переводили Косте на французский. Понятнее Косте не стало. Затем бабушки привлекли к разговору негра, спустившегося на лифте. Он слушал французскую речь, кивал головой и бойко объяснял все на английском. Наконец, негр написал на салфетке «ne sex = 1500 fr.». Это поняли все, радостно оживились. Барменша что-то сказала бабушкам, те – негру. Негр дописал «Girl in room = + 500 fr.». И опять все всё поняли и радостно зашумели. Негр галантно поклонился присутствующим и отбыл из гостиницы. Костя тыкал пальцем в первую запись, показывая, что он готов. Барменша складывала бумажки вместе. Ее устраивало две тысячи бельгийских франков в номере. Бабушки наперебой расхваливали барменшу, то, щупая ее за грудь, то, поворачивая и шлепая по обтянутой шортами попе. «Гуд! Гуд!» – вставляли они понятное слово в непонятный французский перелив.

- Вот, коза! – Костя повернулся к Сергею. – Дает за полторы, плюс еще пятьсот, чтобы подняться в номер.

Сергей подошел, показал пальцем на Костю.

- Ноу маней! – четко произнес он. Шум прекратился. Весь сыр-бор сдулся, как проколотый шарик.

Глава 21.

В десятом часу появился Спартак. Поездка по гаражам и автостоянкам не впечатлила. Ничего лучше черной «девятки» не нашли. А с добродушным бельгийским «песняром» не договорились. Тот стоял на своем, как союзники под Верденом. Зашли в кафе перекусить, заодно и определиться.

- Что посоветуешь, борец за свободу? – Костя обратился к Спартаку.

- Можно в Антверпен подъехать. Там есть серьезные точки. Недавно ребята брали. Но смотреть дотошно надо – много мокрых машин.

- Криминальных, что ли? – спросил Сергей.

- Нет. Именно мокрых. После наводнения.

Костя внимательно изучал карту.

- А как их отличить? Если высушить, да вычистить хорошо... Я своей «копейкой» как-то воды в салон набрал. Ничего, высохла, – рассуждал Сергей.

- Салон – ерунда. Мотор стуканет на полпути, тогда сразу и отличишь, – Костя повернулся к Сергею и показал на карту. – Идея есть интересная. Бог с ней, с Бельгией. Не будем мучиться. Все равно оформление здесь дорогое. Мы сейчас выезжаем из Брюсселя и двигаемся на Люксембург, проезжаем его, попадаем во Францию. Цепляем уголочек. И через Страсбург попадаем в Германию.

- Мы же к Клаусу не собирались? – засомневался Сергей.

- А мы к нему и не поедem. Во-первых, на той же базе есть еще две стоянки. А во-вторых, я там все места знаю, как грибные – у себя дома. Возьмем машину и напрямиком через Карлсруэ, Хейльбронн и Нюрнберг пойдем на Чехию, – говорил Костя, ведя пальцем по карте. – Минуем Прагу, идем на Словакию, и домой. Причем, обрати внимание, из Германии едем по прямой, практически не сворачивая. Я давно хотел так прокатиться.

- Мы же через Польшу все время ездили.

- А теперь попробуем так.

- А Игорь не будет выступать? Все-таки через Польшу накатано уже.

- Да какая ему разница? Наоборот, новый маршрут прокладываем. Километраж фактически одинаковый. Надоело одной дорогой кататься.

Сергей взял карту. Маршрут действительно интересный. Люксембург – это звучало как сказка. Прага...

- В Праге мосты красивые. В «Клубе путешественников» показывали, – вспомнил он.

- Вот, проедем через Прагу, – сказал Костя. – Путешествовать будем реально, а не на диване возле телевизора. Сколько той жизни, а?

- Это точно, – согласился Сергей. Идея ему нравилась. Тем более в последнее время наметился кризис жанра. Государство изрядно подняло таможенные пошлины на ввозимые иномарки. Драконовские меры пока не коснулись «Жигулей», но было ясно, это вопрос времени. Большой пласт потребителей среднего достатка отсекался. Останутся, наверно, микроавтобусы, джипы и дорогие новые машины. Ладно, будем гонять «бусы». Игорь говорил, что еще года полтора-два работы будет невпроворот. Хорошо, если полгода протянем.

Попрощались со Спартаком. Предложили ему немного денег за пустые хлопоты, надеясь, что он поскромничает и откажется. Спартак действительно оказался парнем скромным. Взял только на такси. Побывав за границей несколько раз, Сергей не мог не заметить, что «за морем житье не худо». И очень даже не худо. Собственно, в этом никто не сомневался уже лет двадцать пять. Империалистов давно не клеймили. Запад загнивал все успешнее и красивее. Даже тот небольшой кусочек тамошнего бытия, с которым сталкивался Сергей, обнаруживал насколько разумно и рационально устроена забугорная жизнь. Все продумано и сделано так, чтобы людям было удобно жить. Но, как оказалось, нас в этом комфортабельном мире никто не ждет. Так, приехал-уехал, еще потерпят. А втиснуться и устроиться нормально, чтобы жить, работать и не терять к себе уважение, очень сложно. Практически невозможно. Надо было бы тут родиться. Но это совсем другая песня.

После обеда покинули многоликий, раскрепощенный Брюссель. Костя вел машину. Автобан прорезал невысокие холмы. Сосны были совсем не такие, как у нас – высокие, стремящиеся к небу. Здесь они вырастали мощные, приземистые, с широкой кроной и толстым узловатым стволом. У Сергея было дискомфортное чувство «де жа вю». В

Бельгии он, конечно, раньше не был, но окружающие пейзажи казались удивительно знакомыми. Может, по телевизору что-то показывали? Может, и показывали, но ощущения были совсем другими. Наверно, жил здесь в предыдущей жизни. Возможно такое? Кто его знает? Было бы приятно проживать несколько жизней в разное время, в разных странах.

- Костя, ты веришь в переселение душ?

- Что-что? – Костя удивился. Учитывая обстоятельства, вопрос действительно был своеобразным. – Серый, тебя куда понесло?

- Ну, хоть Высоцкого песню слышал про это?

- Типа «хорошую религию придумали индусы»?

- Смотри, как ты подкован...

- Подкован. Не то слово. У меня батя на Высоцком помещан был. Пленки магнитофонные собирал с концертами, пластинки. По выходным с утра до вечера крутил. Мать сначала ворчала. Опять, мол, блатного включил. А батя психовал. Ты, говорит, послушай, о чем он поет. О нас поет, про жизнь нашу собачью. Мы на кухнях шушукаемся, а парень на всю страну, на весь мир, не жалея сердца своего. Когда Высоцкий умер, помню, батя напился. Один на кухне. Плакал и водку пил. Мать его не трогала. Я тогда в пятом классе учился. Года три потом отец к магнитофону не подходил. Уже я себе катушки писал. У нас сначала «Маяк» был четырехдорожечный. Потом «Юпитер - стерео» с колонками.

Костя замолчал, задумался. Белые прямоугольники дорожной разметки мелькали навстречу и пропадали слева.

- Ну, и что потом?

- Насчет чего? – Костя не понял, что интересуется приятеля. В своих мыслях он находился далеко от того, что рассказал.

- Про отца. Забросил увлечение, что ли?

- А-а... нет, не забросил. Просто слушал уже реже. Все больше саксофон, оркестры. Ну и Высоцкого, само собой. Мы ему с матерью на юбилей музыкальный центр подарили и коллекцию кассет «Весь Высоцкий».

- Небось, счастлив был?

- Наверно. Расставил кассеты на полке по номерам. Смотрел, смотрел на них. Потом сказал «скучно все это». Но слушает иногда.

- А сейчас раздолье, столько всяких блатных и приблатненных и на кассетах, и по радио, и на компакт-дисках. Ешь – не хочу.

- Отец их не слушает. Презирает. Говорит, уголовные романтики. Мозги вам, дуракам, пудрят, вот и все. А вы уши развесили. А я нормально воспринимаю. Под настроение идет неплохо. «Раз пошли на дело, я и Рабинович... Гоп-стоп! Такая вот засада... Мелькнула финка. Прощай, Маринка!» – Костя развеселился и начал выстукивать ритм ладонью по торпеде.

- Вспомнил! – неожиданно громко вскрикнул Сергей.

- Черт! Ты чего так кричишь? Я аж спугнулся. Предупреждать же надо! Так можно и зайкой стать.

- Да вспомнил, где я деревья похожие видел. И вообще, все это. – Сергей кивнул головой в окно. Костя удивленно посмотрел по сторонам.

- Деревья, как деревья. Ничего особенного. Может, ты деревьев раньше не видел?

- Я совсем не об этом.

- Серега, ты за грибами в лес ездил?

- Конечно. Что за вопрос?

- И грибы находил?

- Ясное дело, находил, если за грибами ездили.

- Вот видишь, грибы находил. Значит, и деревья должен был видеть. Видел деревья? Или только сейчас заметил?

- Костя, кончай дурачиться! Вот в целом все – деревья, кустарники, холмы... У нас дома есть альбом «Фламандская живопись» с иллюстрациями. Я в детстве часто смотрел. Так вот пейзажи очень даже напоминают. Особенно у Рубенса.

- Смотрите, какой эрудит! Он пейзажами с детства увлекался! Я в курсе дела. Тоже в сопливом детстве изучал творчество товарища Рубенса. Это ж у него голые тетки, крепкие такие, что тяжеловозы. Хотя, грудь у них небольшая почему-то. В наше время стандарты веселее. Может, ты и в медицинской энциклопедии пейзажи искал?

- Ясно, что не пейзажи. Просто запомнилось, а сейчас всплыло.

Голубой дорожный знак с привычными желтыми звездочками известил их о прибытии в Люксембург. Точнее, в Великое герцогство Люксембургское. Через полчаса въехали в столицу, решив проехать прямо через город, а не по объездной. Быстро оказались в центре, живущем активной, шумной ночной жизнью. На центральной улице было много веселой молодежи. С музыкальным ревом пронеслись спортивные малютки. Трудно было представить,

как пассажиры и водители выдерживают оглушительные гитарные риффы. Публика явно предпочитала «тяжелый металл». Попытки съехать на один-два квартала в сторону не увенчались успехом. Сразу попадали в тихое, сонное царство. Озираясь по сторонам, облегчились, оставив мокрый славянский след на средневековой кладке. Проехались еще по центру, поглазев на разноцветно подсвеченные дворцы, церкви и фонтаны. Народ, в отличие от путешественников, празднично расслаблялся. Увидев указатель направления на Страсбург, Костя повернул налево.

- Ты рано повернул, – сказал Сергей. – На следующем квартале надо было.

Костя и сам понял ошибку. Они оказались возле театра. Фасад здания ярко освещался. На широких ступеньках стояли редкие элегантно одетые люди. Наверно, зрители. Подышать свежим воздухом вышли.

- Сейчас круг сделаем, театр пообедем и вернемся на центральную, – решил Костя.

За театром и на улице, выходящей к центру, протекала своя жизнь. Пятнадцать или двадцать девушек заманчиво стояли вдоль дороги. Другие – в глубине улицы, прислонившись спинами к зданию.

- Тебя прямо тянет на красные фонари, – усмехнулся Сергей.

- Недаром же налево повернули.

Машина остановилась на светофоре. Мгновенно возле открытого окна оказались две ночные труженицы. Затянутая в кожу негритянка наклонилась в окно, явив потенциальным клиентам роскошный, колыхающийся бюст. Активно жестикулируя, рассказала и показала, что она может делать. Все. Она могла поехать одна или вдвоем со стоявшей рядом, совсем юной девчонкой.

- Может, возьмем? А? – лениво, не веря самому себе, спросил Костя.

- Руссо туристо – облик морале, – сообщил Сергей темнокожей бабочке. Она ничего не поняла, но попыталась открыть дверцу, приглашая с собой девчонку.

- Ноу! Ноу! – Сергей всполошился. – Цигель, цигель, ай люлю! Ноу тайм! Ноу маней!

Зажегся зеленый свет, и машина двинулась в направлении Страсбурга. Вторая попытка оказалась удачной. Покинули город быстро. Вот он был, и вот его нет.

- Вот темнота! Эти проститутки даже «Бриллиантовую руку» не смотрели. Тоже мне – Европа, – возмутился Сергей.

- Ты что! Спятил? Какая тут «Бриллиантовая рука»?!

- Да ладно, пошутил я, пошутил, – успокоил Сергей.
- Предупреждать надо, если шутишь. Ты, Серега, сегодня весь какой-то внезапный...

- И противоречивый?

- Точно. А главное – самокритично.

Рассмеялись. Некоторое время ехали молча. Перекурили.

- Что же ты девушек в машину не пустил? – зацепил Сергея Костя. Ехать молча, было скучно. Пустая болтовня развлекала. Радио в машине не работало, а к магнитофону не было кассет.

- Ты, как бы, и не настаивал.

- Что, значит, не настаивал? Я и настоять-то не успел, как ты их отшил.

- Никого я не отшивал. Включился зеленый, ты и поехал. Мог бы не ехать, если припекло.

- Ой-ой-ой! Мог бы не ехать! Разве я им говорил, что нет денег? Ну маней... Я как раз о такой темненькой мечтал. Теперь будет сниться...

- Это точно. Будешь спать, и видеть, как она клиентов обслуживает.

- Я попросил бы грязными лапами не трогать мою голубую мечту.

- У тебя что, еще и голубая мечта есть? О черной я слышал. Ты предупреждай о своих фантазиях. А то вдруг бдительность потеряю?

- Вот-вот, не теряй. Между прочим, я видел, как ты на вторую пялился, на молоденькую.

- Я пялился? Да совсем не смотрел! – быстро ответил Сергей.

- Не волнуйтесь вы так, гражданин. Ну, посмотрел на девочку, разве это преступление?

- Действительно. Симпатичная, ну и что? – согласился Сергей. Ему девушка понравилась. Нежное лицо, пухлые губы, прямой пробор ровных соломенных волос. Обидно, что такая девочка, и чем занимается? – А на самом деле, Костя, чего им тут не хватает? Все у них есть, а идут в проститутки. Ладно, наши дуры бестолковые прутся сюда. А этим-то зачем?

- На ней что, написано, откуда приехала? Может, из Албании какой-нибудь... Женщины вообще занимаются проституцией не потому, что нет денег. А потому, что нравится им это.

- Бред это – нравится. Как такое может нравиться? Вон, только и пишут, как наших девок из Турции вытягивают. Паспорта отбирают, бьют, по двадцать клиентов в день.

- И все как одна ехали танцевать или официантками работать, – продолжил Костя. – Читал статью в журнале на эту тему. Специальное исследование. Если не брать крайние случаи, то большинство женщин занимаются проституцией потому, что нравится. Ну, нравится им такая работа. Что поделаешь? Древнейшая профессия.

Они катились по Франции уже полчаса. Ночь урывала темной окружающие пейзажи. Высвечивались только далекие редкие огоньки. Впереди показалось какое-то подобие нашего контрольно-пропускного пункта. Костя сбросил скорость. Путь преградил шлагбаум. Вернее, три. На каждой полосе. Возле шлагбаумов находились аккуратные стеклянные будочки.

- Доставай документы, они в бардачке.

Костя в окно протянул документы девушке в униформе. Девушка улыбнулась, покачала головой и показала на табличку.

- Костя, платить надо, – объяснил Сергей. – Им наши документы ни к чему.

- Да понял уже. А где мы франки сейчас возьмем? Вот жлобы!

Костя показал на табличку и попытался объяснить улыбающейся девушке, что у них «ноу франков». Та невозмутимо ожидала оплаты. Сзади пристроились две машины. Пункта обмена валюты в зоне видимости не наблюдалось. Костя достал пятьдесят немецких марок.

- Чейндж...? Марки... блин! Йес?

Француженка согласно кивнула головой. Взяла купюру, вернула сдачу металлическими монетами, что-то сказала, и шлагбаум поднялся. Очевидно, пожелала доброго пути. Костя в недоумении рассматривал монеты, пытаясь пересчитать и понять смысл проведенной финансовой операции. Сзади собралось машин пять. Несмотря на поднятый шлагбаум, никто ни сигналил. Спокойно ждали, когда передняя машина, наконец, поедет.

- Держи! – Костя с досадой высypал мелочь Сергею и рванул вперед. – Это, по какому курсу она посчитала?!

- Получается, почти один к одному, – сообщил Сергей, произведя в уме простые арифметические действия.

- Они тут что, мозгами тронулись?! Беспредельщики! Ну, чем эта дорога лучше, что они деньги берут? Пол Европы проехали, а такого не видели! Молодцы! Поставили шлагбаум и – коси!

- Может, надпись была, что дорога платная? – предположил Сергей.

- Если и была, куда деваться? По полям объезды искать?

- Какие объезды? Сетка везде.

Через час пути история со шлагбаумами повторилась.

- Серый, садись за кермо. Надоела мне эта Франция! – Костя был раздосадован не на шутку. – Прикинь, за такие деньги я лучше бы с черненькой в Люксембурге покатался, а? А на сдачу она бы разрешила и тебе подержаться.

- На сдачу лучше бы пива попили, или пару кассет купили.

- Ладно, раз ты отказываешься, купим кассеты. Что-нибудь веселое, что б спать не хотелось.

Часа в три ночи остановились на большой стоянке. До Страсбурга уже совсем недалеко. А там и Германия. Спешить было незачем. Вздремнули в машине. Утром перекусили традиционным кофе с воздушными хрустящими булочками. Уплотнили завтрак ветчиной, сыром и йогуртами. Ударили еще раз по кофе с булочками. Остатки дорогостоящих франков потратили на музыку. Взяли новый концерт «Статус Кво» и сборник «Иглз» – там была песня «Отель Калифорния». Костя снова рулил. Он млея под жалостливые аккорды «Отеля».

- Знаешь, Серый, что мне сегодня больше всего понравилось?

- Бюст негритянки?

- Само собой. Нет, я серьезно?

- Тогда – кофе с булочками. Кофе – черный. И такие булочки...

- Нет. Вот, сижу в туалете на стоянке. Курю. Дым, как в самолете, вытягивается. Цветами пахнет. И музыка играет. Бетховен. Чтоб не слышать, как пукают. В туалете – Бетховен. Внушает. Понимаешь?

- Откуда ты знаешь, что Бетховен?

- «Лунная соната» играла. А я только ее и знаю.

- Да, Костя, только ради этого стоило заехать во Францию.

- Наверно, – согласился Костя.

Глава 22.

В Германии, съехав с автобана, Костя уверенно вел «восьмерку» по неширокой дороге. Миновали два городка. Километров десять еще проехали среди полей. Дорога уперлась в площадку, засыпанную мелким гравием и окруженную деревьями. Площадка была заполнена машинами. Позади стоял довольно старый двухэтажный деревенский дом. Рядом, под углом к дому, расположился современный стеклянный павильон, представляющий собой симбиоз магазина и офиса. Входная дверь была закрыта. Сергей постучал прибитым кольцом в дверь дома. Тишина.

- Странно, скоро девять утра, а никого нет. Непонятно... – Костя явно был удивлен.

- Э-ге-гей! Пипл, есть, кто живой! – крикнул Сергей в пространство.

- Есть! Есть! Чё надо там? – по-русски откликнулось пространство. Голос слышался из-за дома. Туда ребята и направились. За домом стоял пустой коровник, а возле него несколько машин – развалюх. Одни без колес, другие без дверей, без стекол. Из широкой машины вылез заспанный соотечественник неопределенного возраста и неопрятного вида. За ним потянулся еще один такой. Чуть в стороне стоял вполне боеспособный «Запорожец». Из открытой двери доносился здоровый мужской храп.

- Пацаны, вы тут что, дежурите? – Костя протянул руку для приветствия.

- Загораем, уже третьи сутки.

Оказалось, мужики приехали еще в пятницу впятером из Белоруссии. Двое из них купили машины в другом месте и уехали. А эта троица с хозяином договорилась, но оформить документы не успела.

- И вот это вы с пятницы здесь торчите? – Сергей тоже познакомился с проснувшимися.

- А что делать? В гостиницах дорого. Жратва, считай, вся своя. Хлеб, консервы. Водки маловато оказалось, хоть и брали на пятерых.

- Ну, вы – орлы! Впятером на «Запорожце» по Европе...

- А чё нам. Не впервой уже... – белорус вытягивал из волос кусочки соломы. Они накидали ее в машину их коровника.

- А с «Запорожцем» что делать будете? – поинтересовался Костя.

- Да ничего. Инструмент из багажника позабираем и все.

- Не жалко? Все-таки машина.

- А что его жалеть? За полторы сотни зеленых купили. Считай, по тридцатке с носа...

- Хозяин-то где? Десятый час уже.

- Сказал, что будет в девять тридцать. Какие-то дела у него с утра.

- Вот это славно, – обрадовался Костя. Посмотрел на часы. – Серый, пошли железного коня выбирать. До приезда шефа осталось восемнадцать минут.

- Там это, на наших на стекле «продано» написано, – предупредил белорус.

- Не волнуйтесь пацаны, нам чужого добра не надо.

Белорусы выбрали себе «Опель Омегу» и два «Форда Скорпио», седан и хэтчбэк. Эти машины Костю и Сергея не интересовали. Они остановили свой выбор на бежевой «девятке» и бутылочного цвета «семерке». Понравился черный «Фольксваген-Гольф» в полуспортивном исполнении. Все в нем было хорошо, кроме цены на стекле.

В девять двадцать девять на серебристой «Ауди-8» появился хозяин – белобрысый щуплый двадцатилетний паренек. В сопровождении девушки такой же комплекции. Белорусы уже стояли возле офиса.

- Ури! Хэлло! – Костя помахал немцу рукой, словно расстались накануне, жестами включил зажигание, порул в воздухе, поднял гипотетическую крышку капота.

- О-кей! – понял язык жестов Ури. Показал девушке на ребят, и та взяла над ними шефство. Принесла ключи от машин и равнодушно курила, пока они копошились. Костя заговорил с ней, показывая на цену. Девушка махнула в сторону офиса. Вскоре Ури вышел к ним, а девушка отправилась к белорусам. Костя постучал по «девятке».

- О! Гут! Гут! – в восторге закачал головой парень, словно перед ним стояла новейшая модель с выставки.

- Ноу гуд! – Костя постучал по надписи на стекле, и на пальцах показал свою цену.

Немец снисходительно улыбнулся. Торговля продолжалась несколько минут.

- Айн момент! – Ури жестом показал подождать и ушел. Через пять минут помахал им рукой и пригласил в офис.

Он назвал цену, очень близкую к тому, что хотел Костя.

- О-кей! – ударили по рукам.

С документами и номерами поехали в городок по соседству. Два часа ушло на оформление и получение новых номеров. Когда вернулись на «ферму», белорусов уже не было. Объявившийся в их отсутствие работник в спецовке, проводил экскурсию среди новых клиентов. Общался свободно, по-русски.

«Тожэ, наверно, «Саша» из Рязани», – подумал Сергей.

Бежевая «девятка» стояла в стороне, ожидая нового хозяина. Ури вручил им ключи, пожали руки, распрощались. Как оказалось ненадолго. Открыв девятку, обнаружили, что магнитофона нет. Колонки, вмонтированные в дверцы, остались, а из ниши голо торчали провода. Вернулись разбираться к Ури. Возмущались, не стесняясь в лексике. Ури пытался что-то объяснить, но его не понимали. Он, в свою очередь, понимал все, особенно – мат. Позвал рабочего Джимми, оказавшегося русским немцем Женей из Казахстана. Тот разъяснил позицию капиталиста.

- Ури говорит, что магнитофон не входит в стоимость машины. Если он вам нужен – доплачивайте.

- Ты объясни этому козлу, – кипятился Костя, – когда мы смотрели машину, магнитофон был. Мы его проверяли, и он ничего не говорил. Машина куплена с магнитофоном. Все. Баста!

После нескольких минут препирательств немец открыл ящик, где лежали штук двадцать разных магнитофонов, и кинул им первый, попавшийся под руку.

- Женя, ты снимал магнитофон? – спросил Сергей.

- Ну да, час назад. Шеф сказал, я и снял.

- Так найди его и поставь. Там и радио работало.

Рабочий перевел Ури. Тот молча кивнул. Женя выбрал магнитофон и пошли подключать.

- Зажигание проверьте, – тихо сказал Женя.

Проверили. Стартер несколько раз медленно прокрутился. Вжик-вжик-вжик. И потух.

- Сука! Я его сейчас кончу! Тварь! – Костю начало мелко трусить.

- Костя, спокойно! Я сам. Ты молчи и отойди. Еще ударишь – лет пять, отсюда не уедем.

Сергей вернулся в офис, жестом позвал Ури к машине. Тот скривился, как от зубной боли, но пошел. Посмотрел на безуспешные потуги аккумулятора.

- Ноу проблем! Ноу проблем! – и перешел на немецкий, показывая, что надо толкнуть машину.

- Ури говорит, что аккумулятор в дороге зарядится. Вначале надо только толкнуть и все. – Перевел Женя.

- Ты, гнида, толкнуть предлагаешь? – Костя сжал кулаки и начал надвигаться на немца. – Да нам две тысячи километров пилать... падла!

Ури что-то быстро сказал и исчез в офисе.

- Сейчас ваш аккумулятор принесу, – Женя пошел вслед за хозяином.

Через двадцать минут, когда все было подключено и проверено, доброжелательно улыбаясь, из павильона появился Ури.

- О-кей? О-кей? – обратился он к Сергею и Косте и добавил по-немецки.

- Шеф говорит, что всегда рад вас видеть, приезжайте еще, – перевел Женя.

- О-кей! – ответил Сергей за двоих. – Ты ему скажи, бензин надо долить. Датчик на нуле.

- Заправка недалеко. Доедете, – объяснил Женя. – Я иногда в канистрах привожу, но сейчас бензина нет.

- Айн момент! – Ури показал на ключи и протянул руку.

Сергей дал ключи от «девятки». Ури снял с кольца пластмассовый брелок и постучал по нему пальцем.

- Айн марк! Айн марк!

Сергей пожал плечами, забрал ключи и сел в машину. «Девятка» завелась с пол-оборота и захрустела резиной по гравию. Проехав около километра, закашлялась и остановилась. Кончился бензин. В багажнике была идеальная чистота. Ни отвертки, ни ключа, ни троса. Покрыв на чем свет стоит, всю западную цивилизацию, Костя развернулся и поехал на «ферму». Через десять минут вслед за «восьмеркой», подъехал «Фольксваген». Женя привязал канат и потянул «Ладу» на заправку.

Залили полный бак. Тут же, на заправке решили выпить кофе. Угостили Женю.

- Вы не переживайте, – успокаивал Женя, – «девятка» неплохая. Я их уже повидал.

- Да ничего, вроде, «девятка», – согласился Костя. – Получше, чем хозяин твой.

- Ну да... – смутился Женя. – Здесь не смотришь, какой хозяин. Главное, есть работа. Слушай, я думал ты его грохнешь уже.

- Я что, на сумасшедшего похож? – удивился Костя. – Так, поработал немного на публику.

- Нормально поработал. Ури чуть в штаны не наложил, – Жене было бы приятнее, если бы это действительно произошло.

- Кстати, Костя, – вспомнил Сергей, – я пока вас ждал, документы посмотрел. Через неделю у «девятки» страховка заканчивается. Он нам ровно эту сумму и сбросил. Добрый такой!

- Ясное дело, добрый. За брелок чуть не удавился. «Айн марк!». А вообще, ездим уже сколько, а сами как бараны. Ни бэ, ни мэ. На пальцах объясняемся! Хотя бы по разговорнику поучиться. А дома – лень!

- Женя, а ты где немецкий учил? – спросил Сергей.

- Дома. В Казахстане. У меня родители немцы. Еще на казахском могу.

- Да, ты казахский уж не забывай. Вдруг решите вернуться?

- Нет, уж лучше вы к нам.

Рассмеялись. Пожали руки. На том и расстались.

Глава 23.

Всю Германию пересекли за шесть часов. Почти два часа ползли до Карлсруэ в пробке. Где-то впереди произошла авария. По крайней правой, аварийной полосе пронеслись с сиреной, мигая огнями, сначала полицейские машины, затем скорая помощь. По разделительной полосе, не останавливаясь, уходили вперед, задраенные в черную кожу и черные шлемы, мотоциклисты. Они напоминали посланцев другого мира. Ангелы ада. Ближе к месту аварии, трехрядное движение полиция сузила до двух, а затем до одного. Сергею понравилось, как машины попадали в крайний левый ряд. Водители по очереди тормозили, пропуская по одной машине из соседнего ряда. Мелочь, но впечатляло. У нас бы черта с два ты вклинился в соседний ряд! Сейчас, кто-то остановится и пропустит! Размечтался! Миновали место аварии. О ней свидетельствовали помятое ограждение, кривые черные полосы торможения на асфальте и жирные масляные пятна, уже посыпанные чем-то серым. Движение восстановилось. «Лады» набрали крейсерскую скорость и понеслись на восток.

Западный водительский стиль заметно отличается от нашего. Особенно в Германии, единственной стране в Европе, где нет ограничения скорости. Да, дороги здесь отличные. Собаки и кошки по ним не бегают. Не пересекают их стада коров и отары овец. Но крутить баранку было не легче, чем дома. Скорее, даже труднее, напряженнее. Скорость. Здесь совсем другая скорость. В крайнем правом ряду шли большегрузные фуры. «ТІРЫ». Сто – сто десять километров в час, как минимум. Один или два центральных ряда для обычных, средних машин, особо ни на что не претендующих. Скоростной диапазон сто десять – сто сорок. Крайний левый ряд – крайне скоростной. «Лады» держались посередине. Костя шел впереди, Сергей за ним. Стрелка спидометра дрожала между 120 и 130. Ш-шлу-х... Слева пронеслись вперед и исчезали за горизонтом «Порши», «Ламборджини», красные «Феррари» и прочие приземистые монстры. Сергей с сомнением смотрел на спидометр, затем на стремительно удаляющиеся силуэты.

Немецкую границу прошли быстро. На чешской стороне очередь машин растянулась метров на двести. Стоять не то, что до утра, до обеда. Костя, а за ним и Сергей, поперли вперед, объезжая ожидавшие машины. Уткнулись в чешского пограничника, показывавшего на очередь. Костя извинился, как мог, и втиснулся в дырку. Машины продвинулись, перед Костей всунулся и Сергей. Как говорится, наглость не порок, а второе счастье. Через час они уже катили по ночной Чехии.

Сразу после границы вдоль дороги стояли девушки, заманчиво высвечиваясь в свете фар. В приграничных городках возле гостиниц оживленно выгружались немецкие туристы. Все как один мужского пола. Секс-тур.

«Здесь для них прямо заповедник», – сделал вывод Сергей.

Ночью заехали в Прагу. О достопримечательностях никто не вспоминал. Насмотрелись уже. На выезде залили полные баки и решили отдохнуть до утра на стоянке. Неглубокий сон был вскоре прерван. По стеклу постучали. Сергей приподнялся и увидел возле машины трех человек.

- Слышь, водила, разговор есть.

- Ну, говори, – Сергей слегка опустил стекло.

- Ты выходи, что так разговаривать.

- Какая разница, где говорить? Что надо, вообще?

- Ну-ка, подожди, – говорившего оттеснил второй, покрупнее. В руке у него был обрезок арматуры. – Тебе сказали, вылазь, сука! Или резину порезать?

Третий из компании присел на капот «девятки» и равнодушно игрался ножом-бабочкой. Сергей вышел.

- Этот с тобой? – владелец арматуры указал на «восьмерку».

- Со мной.

Тот, что разбудил Сергея, пошел к «восьмерке». Вернулся вместе с Костей.

- Что за базар, пацаны? Какие проблемы? – резво начал Костя.

- У нас проблем никаких, – сказал первый. – Это у вас проблемы.

- У нас проблемы? – деланно удивился Костя. – Едем себе домой. Дома нас люди серьезные ждут. Волнуются, наверно, уже. Никогда никаких проблем не было...

- Слышь ты, разводящий! – перебил Костю «арматурщик». – Ты кончай тут заливать! По сто «баксов» за машину бацляйте и ехайте дальше!

- Да, пацаны, вы не пылите, – первый невзначай расстегнул курточку. На животе за пояс был засунут писто-

лет. – Хотите спокойно выехать отсюда, по соточке зелени скинулись. А «крыши», если надо, пускай там сами разбираются. Это их проблемы.

- Это точно. А то один круче другого. И все от кого-то ездят, не сами по себе... – включился в разговор тот, что игрался ножом. Он помахал в темноту рукой. В ответ ему мигнули четыре фары.

- А нам лишнего не надо, – продолжал первый. – Стоит «восьмаха» соточку, нам больше и не надо. По-братски, пацаны.

Костя вопросительно посмотрел на Сергея. Ясно было, что платить придется, но не хотелось. И вообще – какие «крыши»? Кто там будет разбираться? Мало ли, какие бригады тут рыщут в темноте, да и на свету тоже.

- Ну, а где гарантия, что дальше другие не наедут? – спросил Сергей.

- Не наедут, – успокоил «арматурщик». – Если что, скажете, Амиру за транзит уплочено.

- Долларов у нас нет, – Сергей вытащил из кармана крупную купюру. – Вот, пятьсот франков.

- А вы что, во Франции были?

- Да, Эйфелеву башню смотрели, – сказал Костя.

- Это сколько по курсу? – спросил «арматурщик».

- Один к трем. Около ста семидесяти «зеленых» получается, – посчитал тот, что с ножом.

- Еще тридцатку надо добить, – «арматурщик» тоже умел считать.

- Да не жлобись ты! – вспыхнул Костя. – Мы тебе, можно сказать, последние штаны отдаем, а ты даже на сигареты людям не хочешь оставить!

- Все нормально, пацаны, – примирительно сказал первый, сунул деньги в карман и пошел в сторону, откуда мигали фары. За ним эксцентрик с холодным оружием.

- А насчет курева, могу и угостить, – «арматурщик» задержался и протянул Косте открытую пачку «Мальборо».

- Ну, спасибо, – Костя закрыл пачку и положил ее в карман, глядя прямо в глаза здоровому. Тот досадно махнул рукой и поспешил догонять своих.

- Ты им что, бельгийские франки дал? – задал излишний вопрос Костя.

- Не французские же?

- Семнадцать долларов получается. Негусто.

- Тоже деньги. Поменяют – бензин зальют... Сигареты можно купить, кофе...

- А если они сейчас врубятся?

- Так поехали, пока не врубились.

- Только, Серый, выезжаем спокойно, без суеты. Потом придавим, – предупредил Костя.

«Лады» завелись и неспешно, не включая свет, покинули стоянку. Затем рванули навстречу рассвету, затерявшись в потоке машин.

На чехословацкой границе их долго мурыжили сначала одни, потом другие. Требовали денег за страховку, за транзит, за что-нибудь. Сначала сто немецких марок, затем восемьдесят или сколько дадите. Время от времени через границу проезжали джипы, «Мерседесы», «БМВ» с немецкими, изредка голландскими номерами. Водители даже не выходили из машин. Пограничники услужливо семенили к машине, бежали с документами в вагончик, почти мгновенно возвращались обратно и, пропуская машину, отдавали честь. Сергей и Костя наблюдали этот цирк, отдыхая на штрафплощадке. Хотя, цирком было, скорее, их стояние на солнце.

- Серега, ну чего они задницу так лизут, а? Противно. Проверил – пропустил. Спокойно, без лакейства. Что уж так прогибаться? И не требуют с них ничего.

- Наверно, сверху установка такая. Любить как можно сильнее. Потребуй за транзит, в другой раз немец не придет.

- А нас, получается, вдвойне доить можно? Тоже мне, соратнички по соцлагерю.

- Бывшие. А на что мы им теперь? Раньше они нас боялись. А сейчас не боятся. И не уважают. Так что, пинать можно смело. Они и пинают.

- То, что не боятся, понятно. А насчет уважения ты не прав, – слова Сергея были Косте обидны.

- А за что нас уважать? Что мы такого сделали? Чем уважение заслужили?

- Ну... не знаю. Подумать надо...

- Ты сам не знаешь. Вот, когда ты будешь знать, за что тебя уважать, и они так же относиться будут.

- Как повалим к ним на джипах с прессом бабок, так зауважают?

- Откуда я знаю? – задумался Сергей. – Может и так... Когда не будем по миру бегать с протянутой рукой или пистолетом за поясом... Когда жизнь у себя настроим нормально, получше, чем они, вот тогда и зауважают.

- Это точно. Посмотрят. Пацаны, так вы тут не кילו устроились?! Мы тоже хотим с вами дружить! Ты прямо философ, Серый. Тебя в депутаты надо выдвигать. А то навел туману – Рубенс, деревца, сосенки всякие...

- Депутат такой-то, от группировки такой-то, — усмехнулся Сергей.

- А что? Кинем клич среди братвы, и пошлем наверх за родину сражаться.

- Они и так уже сражаются. Группировки только покруче...

На дежурство заступила новая смена. Молодой офицер, возможно, не обремененный тягостными воспоминаниями 1968-го года, выслушал Сергея и Костю. Вернул им документы, пожелав «доброго пути» на русском языке.

Словакия запомнилась хорошими, но узкими дорогами. Живописными речками. Горным серпантинном. В горах на них обрушился ливень. Небеса разверзлись. Казалось, что машины вот-вот смоем грязным потоком в пропасть. Километров за двадцать до границы, сразу после Велке Немецке, за ними погнались какие-то дилетанты, вычислив перегонщиков по красной полосе на номере. Погнались на двух «шестерках». Смешно. Хотя бы на «БМВ», как всякие уважающие себя бандиты. Родина встретила их переменной облачностью, непредсказуемыми дорогами, постами ГАИ, автозаправками, где надо сначала платить, а потом уже заливать бензин. За несколько дней они привыкли наоборот. К хорошему привыкаешь легко и быстро.

Глава 24.

Сезон пролетел как всегда стремительно. Лето выдалось жарким, и отдыхающих понаехало много. Работы было невпроворот. Пахарь иногда даже перегружал яхту в погоне за золотым тельцом. Многие компании были знакомы ему по прошлому году.

«О, капитан! А мы к вам! Помните прошлым летом...».

Конечно, он помнил.

«Нам так понравилось, что и друзья захотели».

Да, ради бога! С удовольствием. Загружайтесь!

В начале июля приезжала рыжая Валя, любительница ночных купаний. Была с дочкой, но без мужа. Муж должен был приехать чуть позже. Она с компанией тоже арендовала яхту. Взахлеб рассказывала о прошлогоднем ночном стоянии. Рассказывала так красиво, что начали просить остановиться и постоять часов до трех ночи. К счастью решили, что для этого на яхте слишком мало водки и много детей.

Валентина как-то пришла вечером на причал, когда он уже собирался идти домой. Посидели в яхте, выпили, поболтали. И она соблазнила его. Два раза. После стала приходить почти каждый день. Сидели, выпивали, но болтали меньше. Соблазнялись. Вскоре приехал ее муж, и Пахарь вздохнул с облегчением. Уже перед самым отъездом она прибежала и соблазнила его на прощание. По быстрому. Сказала, что полюбила городок всем сердцем и не только. Теперь будет оздоравливать дочку каждый год только здесь. На что Пахарь заметил, «здоровье ребенка – дело святое». Валя ему нравилась – веселая, жизнерадостная, вся такая оптимистичная. Общаться с ней было легко и приятно, даже и без секса. «А поговорить?» – ее дежурная фраза прилипла и к нему. Правда, разговоры у них были короткими. Разве что, за исключением первого вечера.

Приезжал Алексей с женой Ириной и сыном. Алексей ушел из министерства. Занимался рыбным комплексом, как и предполагалось. Сын поступил в престижный

колледж, трамплин для попадания в престижный вуз. Родители видели его через несколько лет солидным юристом. Пока же будущий адвокат, судья или прокурор таскал на удочку бычков и прыгал «бомбочкой» в воду. Пахарь так понял, что колледж сейчас, как девятый-десятый класс раньше. Ирина работала на таможне. Раньше она руководила каким-то отделом в одном из районных Советов. А до того немного покрутилась в комсомоле. Дамочка, конечно, интересная. Но уж слишком холеная, фешенебельная и важная. Раньше, помнится, была попроще. Побывали они в городке дней пять, и на большой машине «Фольксваген-Пассат» двинулись далее в Крым. У Ирины там жила сестра.

Почти два месяца провели в городке дочь и внучка. Жили у матери. Пахарь иногда брал на яхту Алису – «морячку». Та с удовольствием носилась по яхте, сидела на руле, уверенно держа курс. Многие ошибочно считали Алису его дочкой. Пахарю это льстило, он никого не разубеждал. Но малявка всегда звонко разъясняла, что это «деда», мама – дома, а папа в командировке. Обычно, в таком случае мужчины начинали волноваться, почему девочка без мамы, и интересоваться, не будет ли мама встречать такую хорошенькую девочку на берегу. Дочь пару раз ходила с ним на яхте, но больше предпочитала проводить время на пляже.

Нина Григорьевна исправно ходила на работу. Не растратченную физическую и душевную энергию она отдавала быту и огородничеству. Она с такой любовью и лаской относилась к небольшому кусочку земли за домом, так трепетно ухаживала за огурчиками и помидорчиками, что у земли и растений не было другого выхода, как отвечать ей тем же. Ее урожаем позавидовали бы самые передовые западные сельскохозяйственные технологи. Не говоря уже об экологической чистоте. Закатывая баночку крышечкой, она представляла, как зимой любимый Витенька будет хрустеть огурчиком, закусывая традиционную вечернюю водочку. Отпуск она всегда брала в сентябре. Отдыхающих уже почти не было. И можно было спокойно, никому не мешая, отдохнуть с любимым мужем. Пусть уже было прохладно, можно надеть теплую кофту. Главное, что вместе. Что он рядом. Таких блаженных дней выпадало немного. Сентябрь – пора урожая и закаток.

Во второй половине августа на неделю приехали Надежда и Алина. Всю неделю они провели на яхте, сопровождая разные компании. Загорели и посвежели.

Надежда с Пахарем были часто близки в это время. Но все это было не то. Невозможно было расслабиться, полностью отдаться чувству. Действовала на нервы, в основном Надежде, спешка. Даже вечером на причале, когда уже темнело, приходилось затихать и пережидать, пока выгрузится лодка по соседству. Или просто кто-то пройдет по мостику. Накануне отъезда Надежды клиентов Пахарь не брал. Алина дипломатично «простудилась», и весь день они провели вдвоем. На косе было людно. На банке – тоже. Зато море и яхта были полностью в их распоряжении.

Никто не мешал, а в душе не было спокойствия и гармонии. То ли перегорели они за эти дни, то ли действительность не совпадала с ожиданиями. Может, она думала, что он бросит все, и несколько дней будет носить ее на руках. А он не бросил. Возможно, он считал, что она будет находиться рядом и просто таять от счастья от одного его присутствия. Она таяла, конечно, но совсем не так интенсивно. Реалии не совмещались с теми далекими сказочными образами, нарисованными воображением и ночными фантазиями. Им нужно было время понять и примириться с этим. Даже сейчас, когда они находились одни, вокруг было много лишнего и чужого. Надежду раздражало безбрежное, залитое солнцем, открытое пространство. Хотелось сузить, уменьшить его до размеров комнаты, своей или – Алины. И затемнить. Чтобы ничто не мешало сливаться в любви, отдавать себя всю, без остатка. Чтобы слышать, видеть и чувствовать только любимого человека. Чтобы не хлюпала снизу вода, и не толкались стены, не полоскался бы с шумом на ветру приспущенный парус. Близость не приносила той радости и упоения. Превращалась в механическое упражнение для уже немолодых людей. И ее не хотелось.

Пахарь воспринял расставание с некоторым облегчением. Он не копался в чувствах столь глубоко, просто ощущал себя скованно, может в чем-то неловко. Обещал звонить. Договорились встретиться в Киеве зимой. Целовались, обнимались. Но как-то натянуто, вымученно. Расстались.

Надежда долго молчала, погруженная в себя. В автобусе, на перроне. Когда поезд тронулся, ее прорвало. Она обняла подругу и рыдала ей в плечо, не обращая внимания на попутчиков, поспешивших покинуть купе. Алина гладила ей голову и успокаивала монотонными бабскими причитаниями.

- Тихо... тихо... тихо... Ну, поплачь, поплачь... Все будет хорошо... Все мы плачем... А я, знаешь, сколько слез проплакала...? Ну, поплачь... Еще встретитесь, полюбитесь, девочка моя... Ну, будет, будет...

Надежда понемногу успокоилась. Алина открыла двери купе. Пассажиры возвратились, опасно поглядывая на Надежду. Она отвернулась и смотрела в окно.

- Представляете, – Алина обратилась к вошедшим, одновременно глядя по спине подругу, – звонили только что домой, потерялся любимый котик.

Надежду передернуло нервным смехом.

- Не расстраивайся ты так, – продолжала сеанс психотерапии Алина. – Может, он вернется еще. Котики всегда так. Погуляют, погуляют и возвращаются. А не вернется, мы тебе нового купим. Белого и пушистого.

- Не хочу нового, – Надежда плакала и смеялась одновременно. – Хочу старого! Он самый белый и самый пушистый!

Подруги обнялись. Поезд покачивался и стучал колесами по рельсам. Заглянула проводница.

- Пассажиры! Белье брать будете?

Глава 25.

В первых числах октября городок, обласканный летом погодой, и пребывавший в состоянии легкого послезонного расслабления и эйфории, неожиданно-негаданно пропустил нокаутирующий удар природы. Располагаясь на морском берегу, почти две сотни лет он испытывал на себе непостоянство и коварство водной стихии. Печальный опыт нескольких поколений был учтен и, насколько возможно, воплощен в жизнь. Набережную заковали в бетон, усмирив волны. За портом, в естественной полугавани расположился причал для яхт, рыбацких лодок и катеров. Западная и частично южная стороны причала закрывались портом, мелью и берегом. Открыт был восток, но он редко доставлял беспокойство морскому люду. Восточный ветер – ост, «левант», набирал силу зимой и, особенно, ранней весной. В это время все лодки лежали на причале вверх дном. Крупные катера и яхты зимовали в порту, поднятые на лебедках. О возможных погодных катаклизмах, а здесь это были штормы, всегда, ну, почти всегда, вовремя предупреждали синоптики. Судна уводились в порт, и там пережидали ненастье.

Пахарь пришел домой с причала затемно. На улице было тихо. После ужина он спустился во двор. Тишина усилилась и окрепла. Деревья стояли не шелхнувшись. Внутри поднялось неясное тревожное чувство. Совершенно не слышно птиц. Еще было довольно тепло, но ни мотыльков, ни вообще никого из летающей братии не наблюдалось. Звезды слабо просвечивались сквозь, невидимую ночью, тонкую дымку. Луна сияла неестественно ярко, окруженная широким, светящимся нимбом. Пахарь позвонил в порт. Штормовое предупреждение на завтра не передавали. Ветер юго-западный, пять-десять метров в секунду, до двенадцати. Проснулся он около четырех утра. На улице гудело. Шторка на окне с южной стороны выпукло надулась. «Надо закрыть форточку». Но форточка была закрыта. Воздух сифонил в щели с зудящим свистом. От стекол ис-

ходил гулкой дрожащий звук, словно на них давила невидимая рука. Жена тоже не спала.

- Нина, я на причал, - Пахарь быстро одевался. - Набери воду. Повынимай из розеток шнуры. Холодильник, телевизор...

- Витя, надень плащ и свитер, - Нина Григорьевна кинулась к шифоньеру.

- Хорошо. Я побежал! - он набросил легкую ветровку и выскочил на улицу.

«Какой к черту плащ! Снесет!»

Насчет «побежал» было сказано слишком смело. Сделав шаг, он уперся в упругую стену. Порывов не было. Ветер дул ровно и плотно, нагнетаемый из гигантской трубы. Южак! Какого шквал! С таким ветром он был незнаком. Пахарь передвигался с трудом, как диверсант, прикрываясь домами. Пока добрался, два раза с треском и хрустом падали высокие тополя, как скорлупу взламывая и поднимая асфальт огромными корневищами, рвя провода и обдавая округу брызгами электричества. Провода со звоном, змеисто извиваясь, падали на землю.

«Только бы не зацепиться!»

Редкие уличные фонари и проснувшиеся окна разом потухли. Отключили. Там. Пахарь посмотрел вверх. Чернота неба сливалась с землей. Низкий гул урагана иногда разнообразился серебристым звоном бьющегося стекла. На причале уже собралось человек десять. К лодкам и мосткам подойти было невозможно.

Волны легко перекачивались через мель, вскипая и вздымаясь. И обрушивались на берег, выбрасывая доски, бревна, лодки. Затем, догоняя выброшенное, толкали его все дальше и дальше. Каптерка Захаровича была залита водой. Окно со стороны моря вырвано. Люди, с трудом держась на ногах, пятились разрозненной цепью в бессилии что-либо изменить.

Посветлел свинцово восток. Ураган начал поворачивать к западу, теряя силу. А может быть, слегка начудив, он просто покидал городок, сжалившись над его самонадеянными обитателями. Море возвращалось назад в свои берега. К восьми утра все стихло. Прояснилось. Плотная облачность треснула голубыми разрывами. Солнце нежно освещало помятые лодки, пересыпанные разнообразным мокрым мусором, беспорядочно валявшиеся в новых лужах. Причал напоминал о себе так же, как редкие взъерошенные волосы напоминают модельную укладку. Из воды сиротливо выступали деревянные столбики. Жалкие остатки настила мостков. Сарайчики тор-

чали остовами, усыпанными цепой. Металлический домик накренился, неестественно зависнув.

Хлюпая по лужам, Пахарь направился к воде. Метраха в двадцати от берега на боку ранено лежала яхта. Мачта сломана. Вырвана вместе с мясом каюты. Часть борта, ближе к корме, выгрызена ненасытной стихией. Пахарь осторожно гладил деревянную рану.

«Ничего, любимая, ничего. Тебе больно сейчас. Потерпи, родная, потерпи. Мне тоже больно, я ведь терплю». Глаза наполнились влагой.

- Что, Витя, жива твоя чайка? – сзади подошел Захарович.

- Вроде, жива. Ранена вот только.

- Ну, це не горе, – Захарович обошел вокруг яхты. – Подлечишь. Главное, корпус целый. А у Игорь Палыча, что грецкий орех кокнулась.

Постепенно на причале собрались рыбаки и владельцы водного транспорта.

- По городу видели, что творится? Деревья попадали. На дома, на машины...

- И шифер с крыш снимало...

- А кто прогноз слушал? Передавали что-нибудь?

- Лучше спроси, кто не слушал?

- Ничего не передавали... такого.

- Все хорошо, прекрасная маркиза! Передавали...

- Да... мужики, я вечером курил, тихо было... как никогда.

- Тихо – это хорошо. Хуже, когда крыши снимает.

- Это точно. Что-то и не припомню я такое...

- Захарович! Ты у нас тут долгожитель почти. Что скажешь?

- Ну... после войны было пару раз, но не так сильно. Наверно... – старый морской волк задумался. – А вот до войны, в тридцать девятом... нет, вру, в сороковом, было. Да... может и похлеще еще. Ветер вот только западный был.

- Ну, ты прямо и ветер запомнил?!

- А как не запомнить? Считай, до порта все пляжи смыло. Как корова языком слизала. Уже после войны, когда вернулся, намыло только.

- Что, орлы, нагулялись в домино и пашки?!

- Теперь с молотками да ножовками гулять до весны.

- До весны!... Это ты хорошо сказал. До лета, дай бог, управиться!

- А сети как там?

- Пойди и проверь!

- Пойди. А на чем?

- Так ото ж.

- А я думаю, с сетями по такому ветру ничего страшного не произошло. Разве что, на берег выбросило.

- Может и не только – сети...

- А что еще?

- Откуда я знаю. Весной, помнишь, двух дельфинов выбросило? Один маленький был, дельфиненок.

- Это ж сейчас по-над берегом пройти могут, да пособирать все?

- Толя, давай на мотоцикл и поехали!

Рыбаки заволновались и помчались за транспортом. Городок начал приходиться в себя. Пляж был разгромлен. Ни раздевалок, ни лежаков, ни грибков. Все строения, расположившиеся вдоль пляжа, – спасательная станция, бары, закусочные, разные павильоны, представляли собой жалкой зрелище. Свалка мокрого строительного мусора.

«Считать тогда мы стали раны».

Предстояло восстановить электричество, починить крыши, вставить стекла. Распилить и растащить павшие деревья. Постепенно все отремонтировали, починили. Задомно и спилили почти все огромные тополя, устоявшие под ветром. Украшавшие город вековые красавцы, большей частью отправились в печки, укрепили собой курятники и сарай.

Пахарь до лета провозился с яхтой. Долго мучился с установкой новой мачты. Пришлось менять и треснувший гик. Борт залатал так, что не было даже видно. Грунтовал, шпаклевал, красил все заново. В конце, недели две по инерции не мог остановиться. Поменял, где возможно, стальные болты и гайки на бронзовые. Вместо стальной проволоки на леере натянул трос. Начищенный металл сиял на солнце.

- Витя, все у тебя хорошо, – Захарович от скуки мог иногда помочь. Что-то подержать, а больше посоветовать. – Только названия нет. Вон, у ребят «Чайка», «Грация». «Ласточка» – тоже неплохо.

Пахарь подумал, принес трафарет, и вскоре на белом борту засияла ультрамарином «НАДЕЖДА».

- Славно, – одобрил Захарович. – Простовато, но душевно. Наш компас земной...

В межсезонье в Киев Пахарь так и не выбрался. То сам был занят. То сын катался по Европе. Надежда ждала его звонка. Ждала, что он, в конце концов, поедет в столицу. Он звонил иногда, но все никак не ехал. Она его не спрашивала. Вопрос этот сам по себе все время висел над

ними, как дамоклов меч. Его это раздражало, и звонки потому были весьма редки. Пару раз осенью, на Новый год, Восьмого марта... В ноябре вернулся из армии ее сын, Антон. Теперь она готовила его к поступлению в институт. Вот и хорошо, все больше будет занята.

А лето, чудесное долгожданное лето уже не за горами! Оно пришло. И прошло. Опять как всегда слишком быстро. Потом следующее. Надежда не приезжала. Сын поступал в институт, учился, потом еще что-то. Он пытался вспомнить ее лицо и не мог. Помнил тело, даже – запах, темно-русые волосы, обрамляющие лицо. Но сами черты стерлись, смазались. Жалко, не было фотографии. Или не жалко? Они не виделись уже больше двух лет, два с половиной. Он думал о ней и понимал, что соскучился, очень, очень соскучился.

Нет, он жил своей жизнью, был самим собой. То есть спутники продолжали вращенье. Их стало меньше. Некоторые сошли с орбиты. Но появлялись и новые. Перигелий их вращения совпадал по времени с летом. В основном. Это было и понятно, учитывая его деятельность в последние годы. Женщины его по-прежнему хотели. И он не всегда отказывал. Следующим летом некоторые приезжали снова, некоторые – нет. Он почему-то начал нравиться совсем юным девушкам. Наверно, приятно иметь любовника и испытывать к нему еще и дочерние чувства. Эти вопросы в свое время изучал австрийский доктор Фрейд, создал целое учение, но Пахаря психоанализ не занимал. Говорить с юными созданиями, особенно, было не о чем, но сам факт был приятен. Поговорить хорошо получалось с Валей. Между делом. Пахарь не напрягался и ни за кем не гонялся. Все получалось само собой. Обстановка располагала.

Тоска за Надеждой усиливалась, а когда она не приехала последним летом, стала уже навязчивой. Если бы они жили вместе, наверно, он бы не изменял ей. Что значит, наверно? Конечно, не изменял бы! А зачем? Если она рядом. «Винтик и гаечка». Она смеялась и говорила «иньянь», и ведь так оно и было. А ему все время приходили на ум технические термины. Они подходили друг другу во всем. Идеально. Как сложные клеммы. От первого контакта до последнего. Длинное короткое замыкание. И это совпадение многократно раскрывало чувства, делало их ярче, острее, полнее. Если бы они жили вместе?! Если бы... да кабы. Предать Нину? После всего... Знать, что ты подонок, и жить с другой счастливо не получится. Слишком много всяких если.

Телефонные звонки оставляли одну досаду. Надо встретиться. Надо было встречаться! Если нельзя быть вместе все время, надо быть – иногда. Пусть иногда, но быть, быть! Не терять друг друга. Какой он дурак! Господи, какой дурак... Как это мелко все. Недомолвки. Телефонная невнятность. Просто сказать ей «я люблю тебя, хочу быть с тобой! Пусть день, но это будет наш день! Я так люблю тебя!». Все так ясно, так просто и понятно! Чего же я молчал? Мямлил в трубку всякую ерунду, плоские шуточки?

- Алло? – в трубке раздался мужской голос.

- Алло! Антон?

- Это не Антон. Вам кого?

- Мм... Антона.

- Его сейчас нет. Передать что-нибудь?

- Нет. Спасибо. Я перезвоню, – Пахарь положил трубку. Сел. Почувствовал сердце. Оно стучало сильнее и сильнее. Удары расширялись и били изнутри в горло, в живот. В груди стало тесно, не хватало дыхания. Стало тепло. Жарко. Лицо пылало. Он механически пошел в ванную. Умылся холодной водой. Сел и уставился в неработающий телевизор.

- Ой, как хорошо, что ты дома! – вернулась с работы

Нина. – Что-то случилось?

- Нет. Все нормально.

- Лицо красное... тебе плохо, Витя? Как ты себя чувствуешь?

- Да, нормально все. Что ты всполошилась? На ветру работал...

- Сейчас, подожди. Скоро пообедаем.

- Я и не спешу никуда.

- Сейчас борщик разогрею. Пельменшки будешь?

- Буду. И пельменшки тоже.

- Вот, возьми пока, – жена протянула свежие газеты.

Он взял.

«Господи! Какие пельменшки?! Кто такая, эта женщина? Что вообще я здесь делаю? Для чего? Вырваться! Сбежать! Сбежать отсюда!».

«Ну что ты так разволновался? – внутри сидел парень, который знал ответы на все самые сложные вопросы, называл вещи своими именами. Циничный, как зеркало. – Ай-ай-ай! Забрали любимую игрушку? Да, брось... просто, товарищ по работе зашел. Ха-ха. Зна-а-ем мы этих товарищей! Тамбовский волк им товарищ. Вырваться, сбежать?... Тебя что, кто-то связал и держит? Удобства тебя держат. Удобства и лень. Все постирано, поглажено, под-

жарено и налито. Претензий никаких. Живи, Витенька, маленький, и радуйся! Приходи – уходи. Хочешь, тебе мороженое, хочешь – пирожное. Ты чем-то недоволен? Другок, а за все надо платить. Да. Вот так. А ты не знал? Знал. Вот видишь, ты и сам все знал. Слышишь? Это графинчик! Ну, что ты раскис? Пора брать себя в руки!».

- Витенька! Идем обедать!

- Да не называй ты меня Витенькой! Я уже большой мальчик!

- Витюша, ну не сердись, – Нина нежно обняла его, по матерински погладила по голове. – Что ты надулся? Не получается что-то?

- Да все получается. Устал, наверно.

- Ну, идем?

- А водка есть?

- Я уже налила. Сегодня самой хочется выпить.

Глава 26.

Уже месяца полтора муж не звонил. Лена иногда сама звонила на фирму, но застать его не получалось. То, говорили, уехал в Москву. То – пошел к генеральному. Не к самому, конечно, к одному из замов. Ее уже не бесило долгое молчание мужа. Привыкла к его длительному отсутствию. Внутренне перестроилась и приспособилась. Сибирская эпопея длилась уже несколько лет. Поначалу он просто ездил туда ненадолго в командировки. Незаметно все перевернулось, и теперь он ненадолго появлялся дома.

Первое время она готовила бурные сцены, собираясь высказать все, как только он войдет. Но сразу высказаться не удавалось. Она утопала в поцелуях и ласках. Потом ее гнев, ревность и женская обида тонули в его словах. Энергичный позитивный словесный поток мужа заполнял все свободное пространство. Не уставая, он фонтанировал розовыми перспективами и колоссальными возможностями. Набросанные широкими мазками радужные картины будущего давили на нее своим громадьем. Житейские проблемы казались такими мелочными и смешотворными, что просто было стыдно о них говорить. Через неделю он уезжал. Сеанс гипноза заканчивался. Следовало возвращение в обыденность. Опустошенная физическим и душевным выбросом энергии, Лена постепенно приходила в себя. Мысленно возвращалась к их разговорам. Но разговоров давно уже не получалось. В основном, монологи. Его. Если она начинала о чем-то говорить, на Станислава это нагоняло тоску. Со скучающим видом он заставлял себя недолго слушать. Затем в двух словах решал все проблемы, а чаще сметал их как крошки со стола. И снова растекался мыслью по древу.

Обидно, он даже не поинтересовался, как дела у дочери в школе. Фортепианные упражнения Алисы его совсем не умиляли, скорее раздражали. Правда, одобрил занятия спортом. Лена записала дочь в секцию каратэ.

«Это хорошо, пригодится в нашей жизни. Только

голову пусть бережет. Разрядов, соревнований никаких не надо. А вот для себя пусть позанимается».

Он удивился, что жена окончила водительские курсы. Она окончила их год назад, и сообщала ему об этом в прошлый приезд.

«Да? Ну, может быть. Может быть. Только будь осторожнее, сейчас столько идиотов на дорогах. Я говорил это в прошлый раз? Странно, может быть».

Муж заикнулся на своей работе и жизни там. Он уже не предлагал им ни переезжать, ни приезжать. А что делать? Как жить дальше? Да так и жить. Только еще немного подождать. Где-то полгода, максимум – год. Опять – год. Алиса подрастает. А я?

Машина появилась у них летом девяносто первого года. Вишневая «восьмерка». Муж выполнил какую-то серьезную договорную тему. Работу оплатили бартером – машинами. Получать надо было в Москве. Тогда еще был Союз. Провели рокировку, и получили здесь, в Донецке. За машиной ездили вдвоем: муж, она и свекор. Владимир Антонович советовал брать только белую, а ей почему-то хотелось красную. Мужу было все равно.

- Будем брать мышастую, – шутил он.

Выбор не поразил разнообразием. Грязно-бежевому и несерьезно-зеленому предпочли, набивший оскомину, вишневый вариант. Неподалеку, в кооперативе купили гараж. Финансы тогда позволяли. Изредка, чтобы машина не застаивалась, путешествовали к родителям мужа на дачу. Лена не любила там бывать, пока не построили дом. После, приезжала с удовольствием, разгоняя городское однообразие. Немного копошилась на участке, а больше готовила еду, убирала в доме. Главное, Алиса обожала поездки на дачу. Да и с бабушкой и дедушкой общалась. Дедушка работал шишкой среднего калибра в чего-то там «...энерго». А бабушка, Лариса Александровна, руководила небольшой кафедрой в мединституте.

Окончив курсы и получив права, Лена поняла, что ездить на машине ей, в общем-то, некуда. Но катиться по дороге за рулем ей нравилось. Просто так. Никуда. Появлялось ощущение собственной значимости и занятости. И уверенность в своих силах.

Сегодня она задержалась на работе. Отмечали день рождения коллеги. Получился такой великовозрастный девичник. Позвонила домой. Алиса уже пришла с тренировки, в трубке было слышно, как работает телевизор. Опять видик гоняет. Уроки под телевизор она, видите ли, лучше делает!

«Приду скоро, все проверю!»

Выпили по фужеру шампанского, затем перешли на домашнее вино. Такое вкусное вино она давно не пила. Розовое, прозрачное, даже слегка газированное. Сладковатое. Из винограда «Лидия». Пилося легко, как компот. К вину был «киевский» торт, быстро поглощенный, напоминавший о себе крошками на картонке, и коробка конфет.

Иногда вспоминали об имениннице, и пили за ее здоровье, за детей, за женское счастье. А так все больше об этом счастье или несчастье толковали. Причем разговор все время скатывался в один и тот же «бермудский треугольник» – мужики, водка, будь она неладна, и то, что должно стоять в каждой хате. Нет, не торшер и не холодильник. Все уже хорошо выпили, говорили громко, почти кричали. Трехлитровая банка вина, казавшаяся цистерной, возле бутылки шампанского, уже светилась бирюзовым дном. Слово взяла Николаевна, преподаватель по классу баяна. Пару лет назад отмечали ее шестидесятилетие, но на пенсию она никак не стремилась. Да и заменить ее, как специалиста, было некем. Высокая, крупная женщина, со сложением метательницы ядра. Несколько лет назад похоронила мужа, отставного военного. Проведя почти всю жизнь в гарнизонах, играла там в «красных уголках», да обучала музыке немногочисленных детишек. Военный быт наложил свой отпечаток. Октябрина Николаевна, таково ее полное имя, лихо пыхла папиросами и была по-солдафонски прямолинейна.

- Бабы, у меня есть тост. Даже два, – Октябрина Николаевна поднялась. – Давайте выпьем за то, что делает наших мужиков счастливыми!

- За нас?

- За рыбалку, что ли?

- Может, за сало? Ха-ха-ха!

- А мой, наверно, счастлив только, когда напьется...

- Нет, красавицы, – Николаевна подтянула живот, обвела компанию взглядом. – Давайте выпьем за женскую грудь! За наши большие сиськи!

- У-у...

- Ура! Правильно!

- Николаевна! Женская грудь, это то, что помещается у мужчины в ладонь. А все остальное, извините, – вымя.

- Ой, держите меня! Вика, кто бы говорил? Да на твою грудь только наперстки надевать!

- Многим, между прочим, нравится...

- Ух, ты! Даже – многим?!

- Ну, я хотела сказать...

- Подождите, Николаевна! А вторая часть?
 - Да! Давайте сразу за обе.
 - Второй гост... – Николаевна выдержала паузу, пока женщины утомонились. – И давайте выпьем за то, что делает нас, женщин, счастливыми!

- За детей? Так уже пили.
 - За деньги, что ли?
 - Ой, как банально...
 - А куда ты без денег, между прочим, – худосочная Вика не строила в этой жизни иллюзий. – Без денег сейчас – никуда.

- За мужчин?
 - Точно, как ни крути, а без них, ну какое счастье?
 - Николаевна, давайте конкретнее. Рука устала стакан держать.

- Конкретно! – Николаевна оглянулась на дверь, не появился ли кто чужой. – Итак, бабоньки, за то, что делает нас счастливыми. За большие члены!

Повисла секундная неловкость.

- Николаевна, это вы прямо рубанули с плеча...
 - Да, как-то грубовато для работника культуры.
 - А работник культуры, что, не человек?
 - И размер не всегда влияет...
 - Ладно, девки, кончайте выкаблучиваться. Прямо, «я не такая, я жду трамвая». Ну, не повезло кому-то с размером, не отчаивайтесь.

- Точно! Знаем мы, как «не влияет»?! Очень даже влияет!

- Ну, знаешь, это у кого как.
 - Вы сегодня – провокатор, Николаевна!
 - Ничего не провокатор! Мы поддерживаем!
 - Девочки! Давайте выпьем, в конце концов!

Лена пришла домой поздно. Голова была ясная, а вот ноги шагали по тротуару вяло, скованно. Шли сами по себе, не спеша. Алиса валялась на диване перед телевизором.

- Аля! Я сколько раз тебе говорила, не смотреть взрослые фильмы?!

- Это детское кино, мама!
 - Детское? Странно... – экран трещал от выстрелов и обильно поливался кровью и омерзительной слизью.
 - Это фантастика, ты ничего не понимаешь!
 - Выключай эту жуть!
 - Ну, мама! Еще немножко, самое интересное...
 - Сколько кассет с мультфильмами...
 - Я что, маленькая, мультики смотреть?

- Господи, еще вчера на горшке сидела, а сегодня она уже большая?! – Лена нажала на кнопку «выброс», вынула кассету. «Чужие – 2» прочла она название. – Это что, вторая часть?

- Да. У нас и первая есть. «Чужой» называется.

- И откуда эта гадость в доме берется?

- Гадость?! Папа в последний раз привез. Вот он разбирается, гадость или нет.

- В ванную комнату и – спать! Завтра свою фантастику досмотришь. И учти, я тебя раньше подниму, все уроки проверю.

- Ой, да хоть сейчас!

- Сейчас у меня нет настроения. Ты слышала, что я сказала?

- Уже иду-иду. Мам, давай чай перед сном попьем?

- Ну, лишь бы не спать! Ладно, давай попьем.

Лена лежала на диване и монотонно переключала каналы, ни на чем особо не задерживаясь. Сон упорно не шел ей навстречу. Душ снял дневную усталость, в теле появились легкость и энергия. Хотелось чего-то... Собственно, не чего-то, а именно – хотелось. Живот привычно болел, ныл внизу. Она давно к этому привыкла. Бывали иногда и обострения, сопровождавшиеся утренним расстройством и головной болью. Когда же этот идиотизм кончится? Надо что-то менять, делать что-то. Ну почему я должна так жить? Здоровая, красивая, молодая. Пока. Так и с ума сойти можно. Ладно, не накручивай себя, сколько женщин без мужей, и никто еще от воздержания не умер. Правда, и не родился. А после войны вообще на одного мужика до десяти баб приходилось по статистике. Выжили как-то. Детей нарожали. И войны нет, и муж есть. Му-уж? Ста-ас? Ау-у! Она покрутилась в постели, затем поднялась и достала, спрятанную от дочери в постельном белье, кассету. Несколько дней назад после работы к ней заходила на кофе Вика. Посидели. Поболтали ни о чем. Уходя, Вика с заговорщицким видом вынула из сумки кассету, и предложила Лене посмотреть.

- А что там? – поинтересовалась Лена.

- Так, клубничка разная...

- Порнуха, что ли?

- Ну, нечто... Ой, не понравится, выключишь, да и все. Раньше, мой говорит, за это людей в тюрьму сажали. А сейчас – в каждом ларьке. Хочешь, покупай, или напрокат бери.

- Вика, а тебе это нравится? – Лена не была шокирована, но ее заинтриговало.

- Нравиться не нравится, не знаю. Есть – ничего. Моего заводит с пол-оборота.

- Ну, Вика, ты даешь... – Лена взяла кассету.

- Посмотришь, в середине там с негром есть... Ничего так.

Лена пошла в детскую. Дочь уютно посапывала. Слегка поправила одеяло. Вернулась к себе. Плотно закрыла дверь. Вставила кассету в магнитофон. Уменьшила громкость. Прокрутила вперед. «Ох! Йа! Йа!». Отключила звук вообще. А вот и негр. Да, впечатляющий... негр. Ничего нового не увидела. Но она смотрела на экран. Не отрываясь. Рука сама начала гладить и ласкать грудь. Живот. Ниже. Ноги судорожно сжимались в коленях. Под горло подкатил ком. Остановиться было невозможно. А зачем? Наступило долгожданное облегчение. Она закрыла глаза. Боже мой! Как стыдно! Что я делаю?! Ну и что? Что такого?! Даже в книгах об отношениях полов читала, что это рекомендуется при длительной разлуке. Я ведь не изменяю, в конце концов. Чего я уговариваю саму себя? Никто не пострадал... даже наоборот.

Она будет долго мучиться, и испытывать угрызения совести каждый раз, прибегая к спасительному суррогату.

Глава 27.

Ее разбудил телефонный звонок. Городской. Междугородний звонит почти без перерыва. Спали бы себе, чего так рано названивать.

- Да, – Лена вяло обозначила свое присутствие.

- Алло! Ленка, это ты? – звонила Инна. Подруга – «морячка».

- Я. А кто еще? – Лена зевнула. – Зачем людей в такую рань беспокоить. У тебя пожар?

- Какой пожар? – смутилась Инна. – Мы же договаривались в субботу с утра созвониться. Ты что, забыла?

- Нет, не забыла, – Лена взглянула на часы. Около девяти утра. – Мое утро начнется через пятнадцать минут.

- Ленка, я серьезно. Ты подъедешь ко мне? Посидим, полялякаем. У меня соображения есть. Насчет тебя, кстати, тоже.

Ехать никуда не хотелось. У нее самой были соображения насчет себя, правда, весьма смутные. Надо что-то делать. Финансовый поток из Сибири практически иссяк. Станислав давно уже не приезжал, не переводил деньги. А когда звонил, говорил, что у него сейчас сложный период. Никак не удастся заключить новый договор. Предатель продал конкурентам их новую разработку. Уволил предателя и иже с ним. Негодяи позволяют себе кататься на джипах и покупать в Москве квартиры, въехав в рай на его горбу. Конкуренты хотят поглотить, предлагая неравноправное сотрудничество. Скорее даже проглотить, а не поглотить. Борьба предстоит тяжелая, но Станислав был уверен в своих силах. Рано или поздно, но он все равно победит. Он был в этом непоколебимо уверен, как и в том, что утро всегда сменяет ночь, а добро всегда одолевает зло. Лена как могла, поддерживала мужа по телефону. Соглашалась затянуть пояса потуже. Тяжко ему биться там одному с ветряными мельницами. Максимализм мужа отдавал донкихотством.

Она робко пыталась объяснить ему, что нужно быть в наше время практичнее, может даже – хитрее. Соглашаться на меньшее, имея в виду большое. Действовать

тихой сапой, помалу подбирая себе союзников. Станислава такие обходные маневры не устраивали. Он должен так шарахнуть «этих гадов», что весь белый свет увидит «кто есть ху». И вообще, в его делах она ничего не понимала. Главное – верить, и все будет хорошо. Рано или поздно. Вот это-то ее и смущало. Что рано не будет, это уже понятно. Не было бы слишком поздно.

Математика действительно не была ее коньком, даже задачи из учебника дочери частенько ставили ее в тупик, как и большинство родителей. Но не обязательно быть большим ученым, чтобы понимать жизнь. Возможно, достаточно здравого смысла. Но в разговорах с мужем она чувствовала себя неразумной букашкой, пигмеем. Ее простые, как дважды два, слова были уж слишком просты. Он даже умилялся такой простоте, как любящие родители умиляются своему неразумному дитяти. Ей всегда казалось, что он обладает широким взглядом, и с высоты своего могучего интеллекта видит горизонты, закрытые для простого смертного обывателя. Ну что же, будем верить. Веру терять нельзя. Но надо что-то делать.

Зарплата в ДК была мизерной. Увеличить количество часов и учеников не удавалось. Хорошо, что меньше не стало. Надежда на частные уроки быстро испарилась. Все рекламные страницы были заполнены желающими давать уроки игры на фортепиано. В городе явно наблюдался переизбыток преподавателей музыки. Лена тоже поместила объявление. Несколько раз звонили. Было два реальных предложения, но пришлось бы ездить в разные концы города. Еще и по вечерам. За такие деньги получалось себе дороже. Были и интересные звонки. Мужские голоса больше интересовались ее внешностью, а не профессиональными данными. Какой рост, сложение, возраст. Мол, учитель должен вызывать у ребенка только положительные эстетические эмоции. С эстетамы и их эмоциями все было ясно.

Нечто запредельное творилось с квартплатой и коммунальными платежами. Этот снежный ком рос, превращаясь в лавину. Раньше как-то жили, платили за свет и квартиру. Все было ясно и понятно. Вопросов не возникало. Вдруг все стало по-другому. Квартплата как таковая исчезла, появились коммунальные платежи. За все. А так как по телевизору страна шла в Европу, то и оплата за услуги должна соответствовать. И пошло-поехало. Народ загонялся в тупик, и метался в поисках выхода. Многие находили выход в бутылке. Водка почему-то дорожала совсем немного, явно не поспешая за европейским стандартом. Все-таки не все дураки там, наверху. У народа

всегда должен быть какой-то простой и понятный, а главное, предсказуемый, выход.

Лена не металась, но ясно видела отнюдь не радостные перспективы. Музыка это хорошо, это – вечное. Но надо было думать и о земном. Бренном. Как прокормиться, одеться и обуться. Инна предлагала заняться бизнесом. Объединить «капиталы» и погрузиться в пучину рыночной экономики. Лена другого выхода тоже не видела, но боялась не всплыть в этой мрачной, темной торговой пучине. Но, как говорится, не боги горшки обжигают. Глаза боятся, а руки делают. Временно, пока у Стаса не пойдет дело. А может все не так страшно. Многие знакомые крутились, мотались, кто куда. И жили неплохо. Может, и у них получится?

- Давай – ты ко мне. У меня тут стирки, уборки собрались, – слабо сопротивлялась Лена.

- У всех всю жизнь стирки, глажки. Прямо удивила! Убирайся хоть целый день, а на пять часов я тебя жду! – Инна говорила решительно, не оставляя шансов на возражения.

- На пять поздно. Давай хотя бы на три.

- Так. Я жду тебя ровно в пять. Кстати, будут еще кое-кто... – загадочно закончила Инна.

- Кто это, кое-кто?

- Ой! Мне в дверь звонят! – зашепщила подруга. – Целую, персик! До пяти! Пока-пока!

С Инной и Владом они познакомились несколько лет назад в компании, кажется, на Новый год. Мужья подружиться не успели. Влад был моряком и по полгода и больше находился в море. А женщины подружились, частенько бывали друг у друга. Даже с ночевками. Сын у Инны был на три года старше Алисы. Он снисходительно, взрослый уже, терпел малявку, объясняя ей, что к чему. Она тоже ему объясняла, подкрепляя слова приемами каратэ. Примирались возле «видика» в разных углах дивана. Если Инна была «морячка», то Лена – «морячка сухопутная». Подруги с удовольствием сидели допоздна на кухне с бутылочкой вина, сигаретами. Мужья в отъезде. Есть о чем поговорить. Да хоть бы и ни о чем. Лучше, чем одной дома. Инна жила недалеко, четыре остановки на троллейбусе.

- Заходи! – Инна чмокнула ее в щеку, побежала в бигудях на кухню. – Проходи сюда, а то я совсем не готова.

- А к чему ты должна быть готова? – Лена поставила на стол бутылку «Кагора».

- Это лишнее. И так все есть, – Инна расчесывала волосы и красилась перед зеркалом.

- Инка! Куда ты так штукатуришься? Что за ажиотаж?

- Должна же я быть красивой?! – Инна подводила гла-

за. Смуглая брнетка, с полными чувственными губами, она и без косметики была хороша. Художественный макияж делал из нее женщину-вамп. Она была небезопасна в женском всеоружии. Глубокое декольте выступало ударным авангардом. Лена в джинсах и батнике выглядела скромнее.

- Я что-то не понимаю, мы будем решать производственные вопросы или собрались на прием?

- Мы будем делать все! – Инна игриво потрепала подругу за подбородок. – Но сначала о деле. У нас есть еще полчаса.

- А что произойдет через полчаса?

- Я же говорила тебе. Кое-кто придет.

- Инна, не темни! Что это за «инкогнито из Петербурга»?

- Так... знакомый один. С приятелем.

- Ну, ты и штучка... Еще и с приятелем, – Лена присела к зеркалу освежить макияж. – И что это за знакомый такой?

- Что ты пристала! Обычный знакомый. Почти случайно, можно сказать познакомились.

- В компании, что ли?

- Нет, по работе приходил, вот и познакомились. Так, давай о делах поговорим. Я разузнала все. Есть классная тема. Знакомая одна занимается, просто блеск! – Инна выдержала паузку и торжественно объявила. – Китай!

- Что – Китай? Мы что, в Китай поедем?

- Зачем нам ехать в Китай? Мы туда полетим на самолете. Ирка уже была три раза. Отлично! Самолет формируется здесь. Фирма сама загранпаспорта оформляет и растаможку груза берет на себя.

- Как это – на себя?

- Что тут понимать? У них все схвачено. Дали, кому надо, и все в порядке.

- А рейс прямой или с пересадками?

- Какие пересадки? Я же тебе объясняю: вылетаем отсюда, посадки в Свердловске, то бишь, Екатеринбурге, и в Хабаровске. Топливом, наверно, заправляются. И потом уже – Китай. Сунь-Хунь какой-то. Там базар специально для таких, как мы.

- Подожди! – у Лены возникли сомнения. – В Китай, туда-обратно, загранпаспорт, таможня. Это ж, на какую сумму товар надо набрать?

- Ирка говорит, тысячи четыре-пять зелени, как минимум.

- Ну, ты даешь Инна! Если б у меня было пять тысяч долларов, я бы сидела и не рыпалась ни в Китай, ни куда!

- Не такие уж и большие деньги. А когда закончатся?

- Протянули бы... а потом и у Стаса что-то должно проклюнуться.

- Я это слышу скоро год. Протянули бы... скоро ноги протянете.

- Ладно – я. А тебе-то зачем?

- Как это, зачем? В каждом рейсе сейчас команду щемить стали. Из пароходства корабль в Африке уже почти год стоит арестованный. Команду на берег не пускают. Ни денег, ни жратвы. В новостях передавали, кто-то умер уже, кажется, старпом. Мой говорит, их тоже в любом порту тормознуть могут.

- А ты говорила, его немцы хотят на работу взять?

- Об этом надо молчать, и – шепотом. Чтобы не сплутнуть. Документы отправил. К зиме должно решиться, пройдет конкурс или нет. И вообще, осточертело все годы дома сидеть! Девчонки знакомые крутятся, торгуют. Мы что, тупее других?

- Ну, допустим, не тупее. А что брать, и как продавать все это?

- Лучше всего обувь идет. Куртки тоже. И шубы гребут, только давай.

- И что это за шубы? Я представляю... – Лена сделала кислую мину.

- А вот и напрасно ты так. Ирка себе две оставила. Короткую – под далматинца, и длинную – под норку. Мех, конечно, искусственный, но смотрятся просто шикарно. Часть сдает в магазин под реализацию, и свекруха у нее на базаре сидит. У меня знакомые есть, под реализацию с удовольствием возьмут. Давай начинать, там и сами что-нибудь сочиним. Продавца на базаре поставить – ума много не надо.

- А у тебя есть пять тысяч?

- Откуда? Я ремонт вон недавно закончила, – Инна кивнула на итальянский кафель с картинками. – Паркет ламинированный потянул, будь здоров.

- Так чего мы тогда маниловщиной занимаемся? И вообще, кто весной будет куртки и шубы брать? Давай что-то реальное думать.

- Китай это я так, на осень планирую, – Инна заговорила разные варианты. – А пока начнем раскручиваться. В Москву можно поездить. Ирка до Китая на «Лужу» все время моталась.

- На лужу?

- Да. «Лужники». Рынок оптовый. Я узнавала, можно и в ЦСКА поехать, и в Измайлово. Хотя бы по тысяче-

другой наскребем, и можно начинать. День туда, день обратно. У тебя есть, где переночевать в Москве?

- Родственники есть, правда дальние, – Лена замялась. – Сложные такие, москвичи...

- Типа, будете проездом в Москве – проезжайте.

- Да. Что-то в этом роде. Кстати, мужа друг сейчас в Москве работает, Олег. Можно созвониться. У меня телефон где-то записан. Стас у него останавливался. Кажется, квартиру снимает.

- Вот, уже теплее.

- Инна, а что брат? Какие цены? Отдадим под реализацию, потом свои же деньги клянчить будем. У меня уже голова начинает болеть.

- Ты раньше времени не паникуй. У тебя машина есть. Можем на ярмарки разные ездить. Ты мне главное скажи, настроена ты работать?

- Волнительно это все. А что делать? Не сидеть же на месте?

В дверь позвонили. Инна побежала открывать. Из прихожей забубнили мужские голоса, перебиваясь женским смехом.

Глава 28.

Знакомься, это Геннадий, – Инна представила высокого патена, отдаленно напоминающего известного актера Андрея Миронова. – А это моя лучшая подруга – Лена.

- Мой лучший друг – Евгений! – отрекомендовал Геннадий второго кавалера.

- Женя! – блондин с розовым лицом и пухлыми девичьими губами протянул руку Лене. И добавил, словно извиняясь, – очень приятно.

- Валерка на улице гуляет? – провел рекогносцировку Геннадий. Он явно был здесь не в первый раз.

- Он давно просился к бабушке на выходные, там у него друзей уйма. Вчера после школы переоделся и умчался, – Инна посмотрела на реакцию подруги. Та ответила выразительным взглядом.

- Располагайтесь, отдыхайте пока, – Инна показала на диван и кресла. – Сейчас поставим что-нибудь веселенькое. Вот! Видеоколлекция «Квин» – лучшие песни.

- Пойдет, отлично! – одобрили мужчины.

- Может, помочь нужно? – спросил Женя.

- Не волнуйтесь, когда будет нужно, мы вам сообщим! – Инна кокетливо развернулась и, качая бедрами, поплыла на кухню. Лена – за ней.

- Что это за цирк? – шепотом возмутилась Лена.

- Какой цирк? Я тебя предупреждала, будут гости. Что особенного? – Инна изобразила невинную овечку.

- Я вижу – ничего особенного. Сын к бабушке поехал. Совершенно случайно. Какой-то Женя объявился. Тоже случайно, наверно. Рояль в кустах.

- Тоже мне, моралистка нашлась! – Инна выгружала пакет, принесенный мужчинами, и доставала продукты из холодильника. – Раскудахталась! Тебя никто насиловать не собирается. Пока.

- Что-что?

- Шутим-шутим, товарищ майор, – Инна подняла голову вверх, как бы обращаясь к невидимому потайному

микрофону. Потом обняла подругу. – Ой, Ленка! Посидим, выпьем. Расслабимся, наконец.

- И давно у тебя с этим Геннадием?

- А что, так заметно? – удивилась Инна.

- Догадаться можно, если не совсем слепой, – Лена была слегка озадачена.

- Не так давно. Как ремонт начался.

- А что – ремонт ремонт?

- Он мне ремонт и делал. И сам делал, и бригадой командовал.

- Удобно устроился. И деньги зарабатывает, и удовольствие тут же, не отходя от кассы.

- При чем тут одно к другому? Он и без денег много сделал...

- А Геннадий твой женатый?

- Женатый, женатый. Да какая мне разница? Оно и лучше, что женатый, спокойнее. Не шляется, где попало. По полгода одна, без мужика – у меня уже глаза на лоб вылазят.

- А как же Влад?

- А что Влад? Паиньку нашла... Там, в портах их ждут, будь спокойна. Тепленькие.

- И кто там в портах? Проститутки только.

- Да уж, не выпускницы пансиона благородных девиц. Курсистки-гимназистки!

- И ты думаешь, что он с проститутками?

- А что мне думать? В позапрошлом году подарок из Африки привез. Еле вылечилась, никакие антибиотики не брали.

- Боже мой, Инка! И как же теперь? Я думала, у вас все хорошо так...

- А все нормально. Разводиться никто не собирается. Липать сына отца и наоборот. Зачем? И вообще, мы с Владом любим друг друга. А шероховатости бывают в каждой семье.

- Ничего себе – шероховатости... – неожиданное признание подруги огоршило Лену. – Мм-да... «высокие отношения»...

- «Покровские ворота»? – угадала Инна.

- Точно. Мой любимый фильм.

- А как же «Ирония судьбы»?

- «Ирония» – тоже.

- Так. Вроде все нормально, – Инна с удовлетворением смотрела на стол. – Мужчины! Ком! Цурюк!

Посидели немного на кухне. Как обычно бывает, выпили за знакомство, компанию, женщин и тому подоб-

ное. Геннадий оказался инженером-строителем. На работе был застой. Он сколотил бригаду из нескольких толковых ребят. Сначала больше строили особняки. Делали ремонты квартир, домов. В последнее время старались брать заказы сложнее и дороже. Геннадий, в основном, договаривался и организовывал, но если было надо, работал и сам.

- И какие у вас перспективы? – поинтересовалась Лена.

- Хм! Перспективы? Люди всегда что-то строили, и в дальнейшем будут строить. Вот, собственно, и все перспективы.

- Нет. Я имею в виду вашу бригаду, заказы и все такое, – уточнила Лена.

- Ну, здесь я тоже вижу определенную перспективу. Сейчас народ активно богатеет...

- Народ богатеет? – удивилась Инна. – Я бы не сказала.

- Виноват. Я неточно сказал. Часть народа, населения, скажем так, поверхностный слой, находятся в активной фазе накопления капитала. И этот период будет активно идти несколько лет. И как все нувориши, они будут стараться жить красиво и пускать пыль в глаза. Важным элементом красивой жизни являются особняки, дачи, роскошные квартиры. Их надо строить, перестраивать, ремонтировать. То есть, на ближайшие годы мы будем обеспечены работой. Вот такие перспективы.

- Вы, прямо, теоретик. В институте не думали диссертацию писать?

- Нет, не думал. Просто, когда на политэкономии разоблачали западных идеологов, мне их идеи казались более правильными и близкими к жизни.

- Ну, хорошо, поверхностный слой нахапался, построился. Что дальше? – не унималась Лена.

- Следующий слой начнет подниматься. Опять же мы без работы не останемся.

- А у первых детишки подрастут, – добавила Инна. – Им тоже квартирку, дачку подавай.

- Короче, слой будут подниматься, а вы их будете обустривать, – сделала вывод Лена.

- Это сейчас «слой». Со временем люди просто будут нормально жить, хорошо зарабатывать. А в строительстве всегда потребность есть. Хоть пирамиды строить, хоть нужники.

- Со временем, это когда? Ответь мне конкретно, вот через сколько лет мы будем жить нормально? – активно вмешалась Инна.

- Да ты, вроде, и сейчас неплохо живешь. С воды на черный хлеб не перебиваешься.

- Ой, давай не будем?! Я вообще говорю. Про всю страну, – Инна увеличила масштаб своего вопроса.

- Разве я могу так точно сказать? Может, лет двадцать. Тридцать. Может, больше.

- Ленка, представляешь! Мы с тобой уже будем к тому времени старухами. Вот тебе и перспективы!

- Кстати, – заметил Геннадий. – С сентября, возможно, будем работать в Москве или в Московской области.

- Понятно, там поверхностный слой пожирнее нашего будет.

- А что делать, Леночка? Рыба ищет, где глубже...

- А человек, – где лучше! – закончила Инна.

- ...а человек ищет, где рыба, – поправил ее Геннадий. – Но не переживайте, милые девушки, график работы вахтовый, периодически будем возвращаться в родные края.

Инна неопределенно пожала плечами.

- Гена, я думаю, со сроками ты преувеличил. Лет десять-пятнадцать, – произнес Женя. – Возьми хотя бы послевоенную Германию. А у нас и войны-то не было.

- Войны не было. Точно, – согласился Геннадий. – Но воруют у нас... не по-немецки.

- Да, тут Германия отдыхает, – поддержала Инна. – Сравнить немцев и нас...

- Все равно, что «Мерседес» и «Запорожец», – встала Лена.

- Так что, мы хуже, что ли? – Жене было обидно за державу и ее население.

- Не хуже мы, не волнуйся, – успокоил его Геннадий. – Просто мы другие. Пока соберемся, дождемся, что разрешат, натерпимся...

- А у них все четко – айн, цвай, драй! И все – арбайтен! – завершила Инна.

- Зато наши женщины лучше всяких «Мерседесов»! Давайте оставим кухню. Такая песня замечательная. Разрешите пригласить вас на танец? – Женя поднялся и галантно подал Лене руку. Лена застыла в нерешительности.

- О, мы тоже идем! – встала Инна, за ней – Геннадий.

Евгений элегантно обнял Лену за талию и вел в танце. Вопреки ее ожиданиям, не старался прижиматься. Женя иногда закрывал глаза и тихонько произносил английские слова в такт с Фредди Меркури. Лене показалось это немного странным и сентиментальным.

- И о чем эта песня? – спросила она.

- О любви. «Самбади ту лав». Полюбить кого-то. Человек хочет полюбить, ждет, и вот, наконец, встречается свою мечту.

- И?

- И влюбляется.

- Я слышала раньше эту песню.

- Да, это еще семьдесят шестой год. Из альбома «День на скачках».

- Вы меломан?

- Да, наверное. Особенно – раньше.

- Понятно. У меня муж раньше тоже музыкой увлекался. Диски, пленки, плакаты. Аппаратура всякая.

- А сейчас уже не увлекается?

- Сейчас некогда увлекаться. Другие песни. Он в командировке, – зачем-то добавила она.

- Я тоже отошел от музыки. Закрутился.

- И где вы крутитесь, если не секрет?

- В больнице кручусь. Я детский врач.

- А я думала, вы, как и друг ваш, строитель.

- Мы с Геной со школы дружим.

Песня закончилась.

- Спасибо за компанию! – громко объявила Лена. – Я иду домой. Альку укладывать пора.

- Позвони, пускай сама укладывается. Она у тебя деловая, – пыталась отговорить Инна.

- Ребята, не обижайтесь. Было приятно познакомиться. Мне действительно нужно идти.

- Лена, можно я вас провожу? – Женя двинулся в прихожую за ней.

- Конечно, проводите даму, Женя! – решила за подругу Инна. – У нас как стемнеет, так от хулиганов отбоя нет.

От троллейбусной остановки до дома идти минут семь. Десять, если не спешить.

- А сколько вам лет, Женя?

- Двадцать восемь.

«На пять лет моложе» – подумала Лена.

- И до сих пор не женат?

- Нет. Пока не встретил ту, которая единственная.

- Да, бросьте, в больницах обычно столько медсестер хорошеньких. Неужели нет претенденток?

- Конечно, есть. Хорошенькие, в имею в виду.

- Вы, наверно, очень переборчивый.

- Ну, почему? Не знаю... не сложилось пока. Я обычный врач. Зарплата небольшая. Живу с родителями.

- Ну и что. Вы – симпатичный. К тому же – врач. Это всегда было престижно.

- Знаете, Лена, сейчас престижно там, где хорошие деньги.
- А как же полторы ставки, дежурства?
- Вот, если все собрать, может, хватит на один вечер в ресторане. Да и то, вряд ли. А девушки смотрят, какая квартира, машина, есть ли пресс «зеленых» в портмоне.
- Неужели все девушки такие меркантильные?
- Может, и не все. Но – многие.
- Смотрите, друг ваш, Геннадий, зарабатывает. С ним бы и крутились.
- Гена предлагает. В Москву с собой зовет. Я еще с института в стройотрядах руку набил.
- Вот и езжайте, денег зарабатаете.
- Нет. Больницу бросить придется, а я не хочу. Зачем тогда шесть лет учился? Хочу работать врачом. С детства хотел. На днях должны завотделением назначить. Расту. А денег с отцом осенью подзаработаем.
- Это как же, если не секрет?
- Да, совсем не секрет, – Женя замаялся на какое-то время. – У нас «Волга» есть, «двадцать четвертая». С прицепом. Так мы с отцом в августе-сентябре вояжируем. Едем на юг – овощи закупаем. Возвращаемся – продаем. Нешколько ходок делаем.
- Так вы оказывается еще и бизнесмен? И что, сами стоите и продаете?
- Стараемся сдать оптом. Но бывало, что и сами продавали.
- Ну и как?
- Что – как?
- Ну, врачу – овощи продавать. Как-то...
- Сложного нет ничего, хотя ясно, что удовольствия мало. А что делать? Маскируюсь, очки черные, кепку надеваю. Как сказал древнеримский философ «пер аспера ад астра».
- Что-что?
- Это по-латински. Через тернии к звездам. Лена, почему мы все время обо мне говорим? Я о вас почти ничего не знаю. Вы говорили, у вас дочка. В каком классе она учится?
- Дочка учится в шестом классе. Ей двенадцать лет. Мне – тридцать три. Вот мой дом. Всего хорошего! Спасибо, что провели, – Лена протянула Евгению руку.
- Жаль, так быстро дошли... – Женя не выпускал ее ладонь. – Давайте я вас до двери проведу, вдруг в подъезде кто-нибудь нападет.
- Возле двери захочется попить чаю...

- Если вы пригласите, я не откажусь.

- Женя, вы милый молодой человек, но мы с вами как боксеры, выступающие в разных весовых категориях. Они не встречаются на ринге. Я пойду. – Лена вернула себе руку.

- Лена, можно я вам позвоню?

- А зачем? Женя, не обижайтесь, но я героиня не вашего романа. Всего вам хорошего! – Лена повернулась и вошла в подъезд.

- Mamochka! – дочка в пижаме бросилась ей на шею. Алиса уже сама улеглась. – Я так соскучилась! Mamochka!

- Аля! Ты меня задушишь. Господи, какая ты сильная! – Лена с трудом разжала детские руки. – Ты чай пила?

- Я так мало пила. Совсем немножко. Давай вместе попьем.

- Давай! – Лена обняла дочь. Целовала ее в волосы, лоб, нос, щеки. – Алечка! Я такая счастливая, что ты у меня есть!

Глава 29.

Поезд прибыл в Москву в пять вечера. Подруги вышли из вагона. Отодвинулись в сторону, чтобы не мешать другим. Несколько дней назад Лена звонила Олегу. Он даже обрадовался их приезду. Договорились, что переночуют у него. Квартира однокомнатная. Гости лягут на диване, а он на раскладушке.

- Привет землячкам! – Олег внезапно появился из подземного перехода. – Давно ждете?

- Нет, минут пять, – Лена радостно обняла его и поцеловала в щеку. – Знакомся, Инна. Моя подруга. А это Олег.

- Очень приятно! – Олег пожал Инне руку. – А я немного задержался, пока машину поставил. Давайте помогу. Ну что? Вперед!

Олег взял сумку и направился в подземный переход. Подруги за ним.

- А он – ничего, – Инна шепнула на ухо Лене, кивнув на мужскую спину впереди. – Твой приятель.

- Не мой, а – мужа, – раздраженно шепотом ответила Лена.

Олег действительно был – ничего. Ловелас еще тот. Шатен, выше среднего, с римским профилем и голубыми глазами. Красавчик! Он появлялся у них в гостях всегда с разными девушками. Его жена в это время сидела дома с маленьким ребенком. Лене это по-женски нервировало. Но как-то не сильно. Она относилась к приятелю мужа как к непутевому младшему брату. Троюродному.

Однажды, хорошо выпив и расчувствовавшись, он признался Лене, что с женой у него никогда не наладится. И сын, возможно, не от него. Накануне свадьбы, когда невеста была уже на пятом месяце беременности, выяснилось, что она встречалась не только с Олегом, но и с его приятелем. Встречалась частенько и по полной программе. Выяснилось оригинально. Во дворе подошел знакомый и сказал, что его, Олега, Танька спит слевой. Олег позвонил Лене. Тот подтвердил. Сказал, что Таню любит и

просит выйти за него замуж, хоть и ждет она ребенка от Олега. Пошли вдвоем к Татьяне. Она не отказывалась, обзвала их идиотами и придурками и закрылась в спальне. Лева просил Олега оставить Таню. Потом ушел. Таня не плакала, молчала. Скупое отвечала. Да, она любит только Олега, и ребенок от него. От Олега ничего не требует, если не хочет, может на ней не жениться. Тогда выйдет за Леву. С Левой встречалась на всякий случай. Не было уверенности в Олеге. А спала зачем? Так получилось. Олег помучился неделю и – женился. Мучения растянулись на годы.

С Олегом Стас познакомился на «сходняке» – так называлось место, где продавали, покупали, а больше менялись пластинками – «пластами». Оба были всегда датаями и подружались на этой почве. Олег частенько мотался в Москву не только за дисками, но и за аппаратурой. Привозил в основном под заказ аудио деки – «Сони», «Акай», «Техникс», усилители. Стас тоже подключился к этому делу. Потом открыли вдвоем студию звукозаписи в универмаге, но Стас быстро отошел от музыкального бизнеса, занявшись программными разработками, увязнув в Сибири. Олег протянул еще какое-то время. Затем распродал аппаратуру и двинулся покорять столицу. Магазины к этому времени уже были забиты и аппаратурой, и музыкой.

Жизнь стремительно менялась, как картинки в калейдоскопе. Менялись жизненные ценности, вернее, приоритеты. Буквально за год-два публике стало безразлично, выпустили новые альбомы Марина Журавлева и «Фристайл» или нет, эти подлинники лидеры совковой эстрады, а не дутые Киркоров, Пресняков и иже с ними. Радиостанции распевали в машинах на все голоса. Остались, конечно, фанаты, старые рокеры, годами ищущие какой-нибудь редкий «зальник» «Лед Зеппелин». Реликты, проливающие ностальгическую слезу над каждым новым диском воскресших «Дип Пёпл». С ними приятно было поговорить о совсем недавних старых добрых временах, когда рок-н-ролл был скорее жив. Но разговоры разговорами, а кушать хочется чаще, чем слушать музыку.

«Девятка» резво неслась в многорядном потоке машин. Великолепная, стремительно меняющаяся Москва их оглушила. Подруги снизу вверх смотрели на архитектурные громады, высившиеся гордо, без скученности. Широта и простор мегаполиса покоряли и зачаровывали. Это был не просто огромный город, столица, для кого-то бывшая. Для многих, почти всех, кто родился в далекой стране с аббревиатурой «СССР», это кусочек сердца, часть души.

Можно сколько угодно клеймить империи – советскую и царскую, можно ненавидеть этот гигантский насос, лишающий страну жизненных сил и надежды. Но не любить ее нельзя. Это – Москва! Да, великолепие и блеск особенно ощущаются на фоне всеобщей убогости, нищеты и безысходности. Но это – Москва!

- Как дела у Стаса? – протокольно поинтересовался Олег.

- Да, все как обычно, – неконкретно ответила Лена.

- Наш путь во мраке. Пока ищем туннель, чтоб увидеть свет в конце, – уточнила Инна.

- Ну, хватит тебе! – раздраженно одернула подругу Лена.

- Понятно. Я кое-что из продуктов возьму, – Олег подрулил к сияющему неонам супермаркету. Вернулся минут через двадцать с несколькими пакетами. – Теперь порядок! Скоро будем дома.

- А кем вы работаете, Олег? – Инну интересовал не только город.

- В двух словах объяснить сложно. Можно сказать, кем только не работаю.

- Это как? Не понятно.

- Работаю заместителем директора фирмы. Так понятнее?

- Конечно, понятнее. А то напустили туману! – Инна явно кокетничала.

- А как фирма называется? – спросила Лена.

- «Любой каприз».

- Что значит, любой каприз?

- Ну-у... захотел клиент что-либо. Сообщил нам о своем хотении. Договорились о цене. И – пожалуйста, воплощаем фантазии. – Олег их удивил. Женщины пытались переварить услышанное.

- Например, мы переезжаем, да? – выдвинула версию Инна.

- Это проще пареной репы. Договариваемся с фирмой, занимающейся перевозками. Обеспечиваем контакт. Имеем свой процент и все дела.

- Странно... – Лена была озадачена. – Люди сами могут открыть справочник, позвонить и договориться.

- Естественно! – согласился Олег. – Большинство так и делает. Но кто-то обращается и к нам. Город большой.

- Можно и продукты заказать? Ночью?

- Без проблем. Только будет раза в два дороже. А в три часа ночи, когда народ гуляет, цены не сильно интересуют. Хочу – и все!

- А если позвонить вам и заказать, например, женщину? Проститутку? – Инна усложнила задачу.

- Инна, ну зачем вам проститутка? – Олег улыбнулся и поймал ее взгляд в зеркале заднего вида.

- Мне не надо. Я так, вообще.

- Разница небольшая. Можно привезти шампанское, можно – девушку. Все, что продается.

- Однако... – задумалась Инна.

- Вот и прибыли! – Олег зарулил во двор. Девятиэтажки составляли букву «П», образуя довольно уютное пространство. Детские и спортивные площадки по периметру ограждали деревья. И только мусорные баки одиноко стояли в стороне на бетонном основании.

- Запоминайте, третий подъезд от края, – показал он рукой на одну из ножек буквы «П».

Поднялись на седьмой этаж. Они вышли из лифта, с облегчением выдыхая из легких неистребимый запах мочи.

- Кто тут только не живет... – извиняясь, объяснил Олег.

Квартира оказалась весьма обшарпанной и неудобной. Перевалка для странников. Хотя, чувствовалась попытка придать ей респектабельный вид. Словно инопланетный корабль стоял в углу огромный черный телевизор, внося диссонанс в скромно-убогую атмосферу шестидесятых годов.

- Ой, никогда такую картошку не видела! – Лена держала в руке большую, почти идеально круглую картофелину песочного цвета, и с удивлением рассматривала ее. – Ни единой точки...

- Голландская, – пояснил Олег.

- Интересно, сколько такая стоит?

- Пять за килограмм.

- Совсем недорого, пять рублей за килограмм. У нас дороже, если пересчитать, да, Инна?

- Леночка, пять долларов, а не рублей, – уточнил Олег.

- Олежек, ты с ума сошел! Зачем покупать такие дорогие продукты?!

- Может, на базарчик возле метро надо было пойти и поторговаться? – Олег рассмеялся.

- Лена, не рви сердце. У людей тут свои причуды, это мы по-простому, – успокоила Инна, доставая из сумки продукты.

Олег поднес к носу кусок душистого сала, вдохнул волшебный чесночный запах, закрыл глаза от наслаждения.

- Сказка! Наркотик, да и только! Точно, как в анекдоте.

- Про хохла на границе? – спросила Лена.
- Ну да. Пограничник спрашивает хохла, наркотики есть? Да, отвечает тот и вынимает шмат сала. Это же сало, удивляется пограничник. А я от него балдею, отвечает хохол. Знаете, этот анекдот? – спросил Олег, явно получив удовольствие от рассказанного.
- Конечно, знаем, – хором ответили подруги.
- А зачем я тогда рассказывал?
- Наверно, чтобы разговор поддержать. Кстати, на эту тему тоже есть анекдот, – сказала Лена.
- Девчонки, с вами так весело, не хочется и уходить.
- А зачем тебе уходить? Приготовим стол. Посидим. Расслабимся.
- Работа. Я еще по делам смотаюсь, а вы разбирайте пакеты. Покушайте. Душ работает. Горячая вода круглосуточно. Пульт от телевизора на диване лежит. Отдыхайте.
- Мы тебя подождем на ужин. Неудобно без хозяина.
- Ладно, я думаю, голодной смертью вы здесь не умрете. Если буду задерживаться, перезвоню, – Олег укладывал в сумку фотоаппарат с огромным объективом, видеокамеру.
- А ты еще и фотограф? – в очередной раз удивилась Лена.
- Сегодня можно сказать, что фотограф. Заказ специфический.
- Что-то снять нужно? Или кого-то? Да? Я догадалась? – Инна заволновалась, глаза заблестели.
- А что тут догадываться? Видеокамерой не гвозди же заколачивают, – Лена тоже проявила способность к дедукции.
- Нет, я думаю, не простая это съемка. Будете кого-то выслеживать? Да? – Инна подошла к Олегу, смотрела ему в глаза.
- Да, точно. Сегодня буду «пинкертоном». Сейчас жены следят за мужьями и наоборот. Кто с кем, когда и так далее.
- Боже мой, как интересно! – Инна всплеснула руками. – И что, снимаете все... до конца? Ну, я имею в виду...
- Ну, что вы, Инна! В постели еще никого не снимали. Так, встреча на улице, поцелуй, если повезет. Изредка, ужин в ресторане. Разные моменты...
- А потом что?
- Отдаем клиенту снимки, пленку.
- И все?... – разочарованно спросила Инна.
- Для нас – все. А что там дальше происходит, мы не знаем.

- Все равно, так интересно... Олежек, а можно я с вами поеду? Ленка без меня еще лучше стол приготовит. Лен, ты меня отпускаешь?

- А при чем тут я? – Лена не возражала, чтобы подруга поехала. Но в душе хотелось, чтобы Олег отказал, не взял Инну с собой.

- Ну, не знаю... как-то... я не думал... – неопределенно замялся Олег.

- Ну, пожалуйста! – Инна взяла Олега за руку. Наклонила голову, как провинившаяся школьница. – Я буду сидеть тихонько-тихонько, как мышка. Буду делать все, что скажете.

- Хм. Мысль интересная.

- Могу машину посторожить. Вдруг вам отлучиться придется.

- Для этого есть сигнализация. Но мысль насчет «всего» мне понравилась, – Олег посмотрел Инне в глаза.

- Ну... Я имела в виду... в разумных пределах.

- Что же, по пути и обсудим пределы разумного, – Олег перебрал сумку через плечо и направился к двери.

- Я мигом! – Инна метнулась в ванную. Вскоре выскочила оттуда. Уходя, она скорчила рожу Лене и показала язык. – Не скучай, дорогая! Отдыхай, но не забудь накрыть на стол. Возможно, мы вернемся голодные.

Вернулись они неожиданно быстро, часа через два. Инна влетела шумная и возбужденная.

- Ленка, ты не представляешь, какой класс! Я сама снимала на камеру! Олежек, скажи!

- Олежек? – уколола Лена.

- Ой, не цепляйся. Представляешь, я купалась в ад-реналине! Как в детективе, прямо руки дрожат.

Лена не удивилась, что Инна снимала сама. Что, собственно, удивительного? Влад привез видеокамеру три года назад, и Инна частенько ею пользовалась.

Олег уже два вечера караулил «объект», но неудачно. А сегодня повезло. В девятнадцать часов «объект» покинул офис, сел в дутую «Ауди». Вскоре подъехал к многоэтажке и посигналил. Из подъезда появилась высокая блондинка. «Объект» обнял ее и поцеловал. Олег щелкал фотоаппаратом, а Инна снимала на камеру. Затем «Ауди» выехала на МКАД. Дальнейшее слежение не имело смысла. Пускай заказчица сама разбирается, что это за блондинка и куда с ней поехал ее муж.

- А давайте, подключим к телевизору и посмотрим, что я сняла? – Инна достала из сумки видеокамеру.

- А давайте, без самодеятельности! – Олег забрал камеру и положил сумку в шкаф. – Инна, я тебя уже предупреждал, это не шутки. В таких делах обычно большие деньги замешаны. Расстроится кто-нибудь из-за фотографий и под настроение оставит фотографа без головы. Шеф неспроста после каждого заказа телефон службы меняет.

- Это зачем? – удивилась Инна.

- О здоровье заботится. Своим и моим.

- Ну, не волнуйся, – Инна погладила Олега по голове.

- Я все забыла, и вообще нигде не была. Правильно?

- Да, так лучше. А то я уже начал жалеть, что взял тебя с собой.

- Так ты уже жалеешь? – Инна обняла Олега за талию и посмотрела ему прямо в глаза. Снизу вверх. – Жалеешь? Обо всем?

«Господи, когда они успели?» – подумала Лена, наблюдая такое скоропостижное сближение.

- Я не жалею. Наоборот. Просьба только, лишнее не болтать. Особенно, при шефе. Все. Трудовой день закончен, будем отдыхать. Кстати, Лена, я пригласил на ужин шефа. Ты не возражаешь?

- Почему я должна возражать? Даже интересно, что у тебя за начальник.

- О! Это – уникам. Феномен, можно сказать.

- И чем же он так феноменален, твой шеф? – Инна погладила Олега по волосам и снова показала Лене язык.

- Умный. А остальное нет смысла рассказывать. Скоро увидите. Он с женой приедет.

- А-а... – протянула Инна. – А как ты с ним познакомился?

- Служили вместе в армии. Такого сачка я не видел, наверно и не увижу никогда. Ваня ротным писарем был. Так дело поставил, что офицеры за ним бегали, в столовую его под белы ручки водили. Не служба, а санаторий с усиленным питанием. Набрал в армии вес – килограммов пятнадцать. Он у нас в роте «кот Матроскин» был. Из всего «пользу» извлекал. Одно слово – уникам.

Глава 30.

В дверь позвонили.

- Вот и твой уникам со своей половиной пришел, – Инна поднялась. Олег пошел открывать дверь. Стол был накрыт. Ожидание гостей сопровождалось легкой гастрономической разминкой. Из прихожей послышался высокий женский смех и мужской голос неопределенного тембра.

«Точно. Кот Матроскин», – подумала Лена.

- Знакомьтесь. Лена – жена моего друга. Ее подруга Инна! – представил их Олег. – А это мой лучший друг и шеф – Ваня, и его жена – Рита.

- Жена друга-то лучше, чем друг жены, – растягивая гласные, промяукал шеф, пожимая им руки холодной ладошкой.

Подруги остолбенело смотрели на семейную пару. Лене это напоминало клоунаду в цирке. У Инны просто отвисла челюсть.

«Это же надо! Так любить деньги!» – подумала о девушке Лена.

Шеф оказался невысоким молодым человеком, лысоватым, с очевидным брюшком. Жидкие рыжие завитушки и пухлые щечки придавали ему сходство с амурчиком. Такой великовозрастный амурчик с сальными волосами, пресыщенный и утомленный.

«Надо подарить ему хороший шампунь», – подумала о шефе Лена.

Рита была на голову выше своего кавалера. Длинноногая шатенка модельной внешности. Она словно сошла со страниц «Плейбоя». Короткий жакетик подчеркивал осиную талию. Грудь третьего или больше размера стремилась вперед и вверх, стесненная одеждой.

- Я еще не жена, а только невеста, – уточнила Рита.

- Да какая, блин, разница-то. Невеста, жена... живем вместе почти год, трахаемся каждый день, как кролики. Ну, будет тебе через две недели штампик в паспорте. – Беспардонно промяукал шеф, смачно шлепнув

избранницу ладошкой ниже спины. Ни слова, ни действия потенциального мужа не произвели на Риту никакого впечатления. Она привыкла к его манере общения, и пока ее это устраивало. Это «пока» явственно просматривалось со стороны.

- Ну чё, хохлушки? В Москву-то приехали денег заработать, а? – Ваня бесцеремонно рассматривал собеседниц.

- Да нет, мы так, по музеям походить... – так же, в упор глядя на шефа, ответила Лена. – На Красной площади давно не были.

- Да, Ильича хотелось бы проведать. Как он там? – поддержала Инна. – Третьяковку посетить, да, Лен?

- По Арбату побродить, по улице Горького...

- По Тверской! – поправил Ваня. – А чё по ней бродить-то? Там конкретно работают. Хохлушек народ любит.

- Ваня, у девочек совсем другие цели, – вмешался в разговор Олег. – Они бизнесмены. Вернее, бизнес-леди.

- А-а... На «Лужу», что ли, приехали? – разочарованно протянул Ваня. – Это полная фигня. Отстой. Лучше давайте на Тверскую! Не девочки уже, но вполне ничего. Приодеть или подраздеть, и зачем вам та «Лужа» сдалась?

- Спасибо за лестное предложение, – поблагодарила его Лена. – Если что, мы обязательно обратимся к вам за помощью.

- Да, если ничего другого не придумаем, мы – прямо на Тверскую. С вашей шефской помощью. Может, по вызовам работать придется? – развила мысль Инна.

- Наконец-то женщины сказали что-то умное. Ну чё? Жрать дадут что-нибудь в этом доме или нет? – громко выговорил Ваня и переключился на еду. Не ожидая приглашения, он сел за стол и начал что-то жевать. За ним потянулись остальные.

Вечер прошел не скучно. Ваня, пошляк и циник, философствовал. Олег в разговоры особо не встревал. Инна больше молчала, нетерпеливо смотрела Олегу в глаза и трогала его ногой под столом. Лена как-то завелась с самого начала, и все время спорила с Ваней. Ее поддерживала Рита, оказавшаяся девушкой очень даже не глупой, но слишком практичной. Собственно, весь разговор крутился вокруг утверждения Вани, что все и всех можно купить за деньги. А кого нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги. Лена и Рита в душе соглашались с этим, но внешне сопротивлялись, приводя в приме-

ры жизнь религиозных праведников, Робинзона Крузо на необитаемом острове и тому подобное. Для Вани это были исключения, только подтверждающие правило.

Постепенно спор перешел в обычное общение. Ваня перестал ругаться и пошлить и оказался интересным, милым собеседником. Просто в детстве и юности он натерпелся от сверстников и девчонок и теперь, став немного крутым, прятал свои юношеские комплексы под маской цинизма. Раскрутился Ваня на ремонтах и продажах квартир. Покупал «убитую» квартиру, делал из нее конфетку в эротическом стиле: спальня с огромным сексодомом, вся в зеркалах и видеокамерах. В ванной – джакузи и всякие приамбасы. Продал, купил следующую. Зеленая наличность облегчила и упростила общение с женщинами. Любая красавица, из тех, что любят за деньги, была его.

- Сколько? Фа! – он небрежным жестом бросал на стол воображаемую банкноту. – В позу!

Ваня распространял эту аксиому на всех женщин без исключения, проблема только в сумме. Лена яростно доказывала обратное. Рита, живой пример, подтверждающий правоту Вани, скучно ковырялась вилкой в тарелке. Для нее все было ясно, кроме цены. Цену надо поднимать. Взвинчивать.

После двенадцати ночи, сославшись на занятость, гости уехали.

- Ну что, вечерний чай и спать? – предложил Олег.

- Олег, неужели Ваня не видит, что девочка живет с ним только ради прописки? – удивилась Лена.

- Почему только из-за прописки? Ваня на нее кучу денег тратит. И сама Ритка сейчас неплохо зарабатывает.

- Она еще и работает?! Надо же? Никогда бы не подумала, – Инна расслабленно курила длинную тонкую сигарету. – И где же девочка напряженно трудится?

- Работает в ночном клубе. Стриптизершей. Получает полторы тысячи баксов в месяц, не считая чаевых. Маме, папе помогает, брату младшему. Добрая.

- А шеф твой по ночам один дома скучает? Не возражает против ночного клуба?

- Зачем возражать? Он ее туда и устроил. Привозит и увозит ее в клуб сам. Балдеет, как мужики вокруг кипятком цикают.

- Недолго ему балдеть осталось, я думаю, – предположила Инна. – Прописку получит, и – адью. Побогаче клиент найдется. Девочка себе цену знает. Мог бы шефу и подсказать.

- Намекал уже. Бессмысленно. Мания величия. И вообще, тема Риты – табу.

- Откуда она в Москве появилась?

- Оттуда, откуда и вы.

- Из Донецка, что ли?

- Ага. В соседнем дворе жила. Школу закончила, никуда не поступила. Не знала, чем заняться.

- А добрый дядя ее в столицу привез? – заревновала

Инна.

- А что в этом плохого. Девочка работает, личную жизнь устраивает. Как сыр в масле, можно сказать, катается. Не на объездной же дороге стоит.

- Одна из твоих подружек, да? – догадалась Лена.

- Олег, ну признайся, ты с ней спал? – потребовала конкретики Инна.

- Что вы все так волнуетесь? Шеф тоже с ума сходит, спал я с ней или не спал. Ладно, – шеф. А вам-то, какая разница? – Олег занервничал.

- От ответа ушел, значит, спал, – заключила Инна. – А разница в том, что Ваня ревнует, а мы за тебя только радуемся.

- Так, шутки в сторону, давайте отходить ко сну. Вам вставать рано, трудовой день впереди, – Олег разложил диван, достал из кладовки большой надувной матрас. – Не люблю спать на раскладушке. Скрипит слишком.

По телевизору негромко шла какая-то музыкальная программа. Лена отвернулась к стене. Сон не шел. Она всегда плохо засыпала на новом месте.

- Ты спишь? – приподнявшись, тихонько спросила Инна.

- Не сплю, – выдержав паузу, назло ответила Лена.

- Могла бы, и промолчать, тоже мне, подруга называется, – раздраженно откинулась на подушку Инна.

- Да сплю я, сплю. Иди уже.

- Вот, совсем другое дело, – Инна поцеловала Лену в шею и выпорхнула из-под одеяла. – Может, телевизор громче сделать? Тебе хорошо слышно?

Не дождавшись ответа, она на цыпочках отправилась в кухню, прикрыв за собою дверь. Лена помимо воли вслушивалась в неясные звуки, доносившиеся с кухни. Она лежала и представляла, что там происходит. Встать и пойти тоже на кухню. Господи, ну полная ерунда! Мелодия такая приятная по телевизору. Она прочла титры – «Карлос Сантана». Постепенно в ее сознании все смешалось.

Ей снилась огромная шикарная комната. В дальнем углу в большом кожаном кресле сидел немолодой мужчина в сомбреро и черных очках. Он красиво играл на гитаре, совершенно не обращая внимания на происходящее вокруг. Лена увидела себя как бы сверху. Она сидела, поджав ноги, на небольшой кушетке, похожей на купейную полку. Возле ее ног зачем-то стояли клетчатые дорожные сумки.

Олег и Инна выступали персонажами порнофильма. Они ласкали друг друга и занимались любовью на широкой квадратной кровати под ажурным альковом. Кровать была застлана золотистым атласом. Любовники все время скользили по нему, неслышно смеялись и взглядами приглашали Лену к себе. Ей хотелось пойти, но нельзя было вот так бросить сумки. В комнате появился негр с оголенным мускулистым торсом. Негр с Викиной кассеты. На нем были новые синие джинсы с еще не снятыми яркими картонными «лэйблами». Негр молча подошел к ней. Стал гладить по волосам, нежно массировал шейные мышцы. Расстегнул и снял с нее куртку, осторожно поднял ее руки и снял футболку. Она смотрела и видела, как по блестящему темному телу стекают капельки пота. Ей хотелось уйти, но еще больше хотелось остаться и потрогать бугристую плоть под синими джинсами. Но она не могла. Ее воля и тело были словно парализованы. Она могла только наблюдать за всем со стороны, сверху. Ее второе «я» было холодным и безучастным, как видеокамера.

Негр уложил ее на кушетку и стал ласкать. Всю. До кончиков пальцев. Она закрыла глаза. Ей было зябко, страшно и приятно. Она видела сверху складки на шее негра, его рельефную спину, татуировку на ягодице. Рисунок был небольшой, но она хорошо рассмотрела военный тягач с огромной баллистической ракетой. Как раньше на парадах на Красной площади. В детстве она любила смотреть их по телевизору. Страх и холод ушли, уступив место удовольствию. Оно нарастало и прорвалось в реальность сладкой дрожью, стоном и пробуждением. Несколько секунд она не могла ничего понять. Она была раздета, рядом лежала голая Инна. Телевизор создавал тихий музыкальный фон. Она пыталась понять свое отношение к тому, что произошло. Неловкости почти не было. Было приятно и немного тревожно. Она повернулась к Инне, обняла и прижалась к ней всем телом.

- Который час? – спросила Лена. В нижнем углу экрана светилось 3-57.

- Около четырех, – Инна продолжала медленно ласкать подругу.
- А где Олег?
- Спит на кухне, где ему еще быть?
- А у вас с ним... ну...
- Да нормально все. Было. Разок. Устал бедный, за день намаялся. Хочешь, я его позову? Он, по-моему, возражать не будет, – Инна проявляла готовность к самым разнообразным экспериментам.
- Не надо. Пусть отдыхает.
- Как знаешь. Мне для тебя никого не жалко, – Инна нежно целовала Лене шею и грудь.
- Слушай, у тебя есть татуировка на правой ягодице?
- Откуда ты знаешь? – удивилась Инна. – Когда ты видела?
- Я не знаю, я спрашиваю.
- Недавно от скуки сделала.
- На правой? – уточнила Лена.
- Ну да, на правой. А что?
- Ничего, просто так... – Лена смотрела в потолок и мечтательно улыбалась. – А что там нарисовано?
- Утром увидишь, если хочешь.
- Хорошо.
- Ты не обижаешься на меня? – осторожно спросила Инна.
- Нет.
- Тебе хорошо было?
- Да.
- Хочешь еще? – Инна приподнялась и смотрела в глаза подруге, сильно сжав ладонью грудь.
- Хочу!

Утро набирало силу. Уже полностью рассвело. Через открытую форточку доносилось веселое чириканье воробьев. По телевизору передавали утренние новости. Страна начинала трудовой день. Для кого-то этот день, очевидно, был нетрудовой. Но им наши герои и героини могли только позавидовать. Хотя, что завидовать? У них тоже свои сложные проблемы. Что покупать, яхту или самолет? Или то и другое? Куда поехать отдыхать? На Сейшлы или на Гавайи? Дети Кембридж заканчивают. Определять их куда-то надо. Непросто это все, ох как непросто!

В ожидании скорого подъема, подруги расслабленно лежали на диване, пропуская через себя новостную информацию, думая о своем. Как им казалось, оно совсем не связано с глобальными проблемами человеческой ци-

визации, с войнами, экономическими и политическими пертурбациями. Собственно, ничего им не казалось, они вообще о такой связи, возможно, и не задумывались. А она, эта связь, была. И есть. И связь эта гораздо крепче и определеннее, чем можно только представить.

Амбициозные, недалекие политики принимают «эпохальные» решения, почти всегда преследующие чьи-то простые корыстные цели. Рвутся многолетние духовные, экономические, родственные, этнические, да какие угодно связи. Миллионы людей остаются без работы. Сотни тысяч – без жилья. Без родины. Броуновское движение многомиллионных народных масс происходит в различных тупиковых направлениях. Методом проб и ошибок, ценою многих жертв, народ постепенно нащупывает выход, правильное направление. Главное, – народу не мешать, оставить его в покое, и он выживет, выправит самое сложное положение. Только самая талантливая и честная власть способна на такое – не мешать жить своему народу. Но, как же так, оставить народ в покое? Он может расслабиться и про власть вообще позабыть? А за счет кого власти красиво жить? Заморских колоний нет. Зато есть народ, терпеливый, молчаливый и не сплоченный. Спящий Гулливер, опутанный миллионами бюрократических ниточек, связанный властными лилипутами, не смотрящими дальше своего кармана или счета на Каймановых островах или в каком-нибудь Науру.

Так глубоко наши героини не копали. Женщинам вообще свойственно не философское, рациональное осмысление действительности, а скорее – эмоциональное, чувственное. Зачем все раскладывать по полочкам и объяснять «с точки зрения банальной эрудиции критически метафизирующей абстракции»? Это скучно. Достаточно все ощущать, чувствовать сердцем и душой. Часто это бывает и более правильным.

В ванной зашумела вода.

- Наш кавалер пробудился, – заметила Инна.

- Не наш, а твой, – уточнила Лена. – Для меня Олег просто знакомый. Приятель мужа.

- Хороший приятель, – согласилась Инна, – у твоего мужа.

- Слушай, Инна, тебе не кажется, что мы сейчас другие, не такие, как дома. Ну... такие раскрепощенные, что ли?

- Короче, с цепи сорвались?

- Не знаю. Может, и так. Ведь мы с тобой друг друга несколько лет знаем. Я даже и не думала, что такое может произойти. А ты?

- Спала и видела. Каждый день мечтала.
- Нет, я серьезно спрашиваю?
- Да, конечно, не думала. Меня всегда только мужики интересовали. Олег вот, например.
- А почему тогда это произошло?
- Откуда я знаю, почему? Вернулась, а ты лежишь такая нежная, сладенькая. Ротик открыт. Прямо девочка. Ты во сне на Николь Кидман похожа.
- При чем тут Николь Кидман?
- Ни-при-чем. Просто показалось. Поцеловать захотелось, ну и увлеклась. Нашло что-то. А ты точно спала? Может, прикидывалась?
- Ой, ну конечно, спала! В конце только проснулась... когда нахлынуло...
- Ты тоже хороша, хоть и спала! Как завелась, как застонала... А потом? Потом ты ведь уже не спала. Уж дала стране угля! Чувствуется высокий класс. Порнушку, поди, посматриваете? Как говорил Ленин, из всех искусств, для нас важнейшим является «видак»!
- И что теперь будет, когда домой вернемся? – Лена оставила без внимания эмоциональные впечатления Инны.
- Да ничего не будет. Что ты голову себе забиваешь? Донт ворри! Детей будем воспитывать, торговать. Лисбы мама не узнала! – рассмеялась Инна.
- Инка, у тебя так просто все...
- А зачем самим усложнять? Жизнь и так непростая. Мне было хорошо. А тебе?
- Мне – тоже.
- Ну и все. Живи себе и радуйся хорошему. Или ты меня теперь и в гости не пригласишь?
- Что за глупости? Конечно, приглашу.
- А с ночевкой?
- И с ночевкой – тоже.
- Вот и замечательно. А уж я тебя – rrrrrr!!! – Инна навалилась на Лену и, дурачась, принялась ее душить. Лена сопротивлялась, пыталась вывернуться, высоко мотыля ногами.
- Олег постучал в дверь. В пылу борьбы деликатный стук услышан не был.
- Красавицы! Вставать пора. Бизнесменши! Что у вас там происходит? – Олег приоткрыл дверь в комнату. Зрелище впечатляло. – Ого! Помощь кому-то нужна?
- Подруги с визгом нырнули под одеяло.
- Олег! Как тебе не стыдно? – возмутилась Лена.
- Девчонки, извините, честное слово. Не обижайтесь.

Я подумал, вы поссорились. Душите друг друга тут. У вас все нормально?

- Милый, у нас все просто замечательно! – Инна нежно обняла Лену.

- Тогда я пошел готовить кофе.

Инна поднялась. Правая ягодица была украшена коброй в броске. Лена на секунду закрыла глаза и вспомнила сон. Кольца внизу и стремительная верхняя часть контуром точно напоминали тягач с ракетой.

- Ну, как тебе? – Инна игриво покрутила попой.

- Редкая гадость! – доставила радость подруге Лена.

– Неужели ничего другого нельзя было придумать? И что, это на всю жизнь?

- Ну, прямо, гадость... Кинжалы, мечи или розочки лучше? А может, я коварная? Пусть знают!

- Вообще-то, чтобы узнать об этом, с тебя сначала трусы снять нужно, – логично заметила Лена.

- Ой, наплевать! За два года смоемся, сказали.

Снова раздался стук в дверь.

- Мы сейчас, сейчас! Уже почти идем!

- Давайте! Кофе уже готов.

Глава 31.

В «Лужники» поехали на метро. Так было удобнее и быстрее. Олег объяснил, где он будет ждать их с часу дня. Вагон почти полностью освободился на станции, и в общем потоке они двинулись к эскалатору. Пилигримы торговли, стремившиеся наверх из подземки, были сосредоточены и напряжены, как боксеры перед схваткой. Вот уже и вход на стадион.

- Ваши документы? – перед подругами, словно гриб из-под земли, возник милиционер неопределенной наружности. Позади, метрах в двух, стоял его напарник.

- Пожалуйста! – Инна и Лена протянули паспорта.

- Та-ак... – блюститель порядка внимательно изучал документы, перелистывая странички. – С какой целью прибыли с Украины в Москву?

- Как и все, прибыли на рынок, – Инна кивнула головой на обтекающую их толпу. – Поизносились за зиму, хотим обновить гардероб.

- Та-ак... почему нет регистрации?

- А зачем? Мы сегодня вечером уезжаем. Вот билеты! – Лена протянула их милиционеру.

- Та-ак... Может, вы уже полгода здесь находитесь? Занимаетесь неизвестно чем... Положена регистрация, значит...

- Мы только вчера приехали. Можете билеты о прибытии посмотреть. Вот! Сегодня уже уезжаем. А регистрироваться надо, если находишься в Москве больше, чем три дня. Нас на границе предупреджали, – Лена говорила подчеркнуто доброжелательно. Казалось, проблема рассосалась сама собой. Но им это только показалось.

- Та-ак... – сверхбдительный страж сложил билеты в паспорта и передал их молодому высокому напарнику. – Давай этих тоже в автобус.

- Анатолий Анатольевич?... – попытался возразить молодой.

- Выполняйте приказ!

- Ну, чего ты прицепился, как клещ? – не выдержал

ла Инна. – Паспорта есть, билеты есть. Чего тебе еще надо? Борец с преступностью, тоже мне... С бабами легче бороться, да? Ты хоть «Дядю Степу» в детстве читал?

- Так! – категорично закончил диспут старший. – Давай их в отделение! Пусть там разбираются. Может, они билеты раз в три дня на вокзале меняют. Там расскажут и про дядю, и про Степу.

- Товарищ майор, – обратилась к старшему Лена.

- Сержант! – поправил тот.

- Хорошо, товарищ сержант, вы ведь видите, никакие мы не преступницы. Пожалуйста, отпустите нас по-хорошему.

- Ну что ж, мы к вам по-хорошему, вы к нам – тоже. По-хорошему. Видишь, «Уазик» стоит? – милиционер показал на стоящий в стороне от людского потока, автомобиль.

- Вижу, ну и что?

- Что-что? Иди туда, на заднее сиденье садись. Я сейчас подойду.

- А зачем в машину идти? – все понимая, спросила Лена.

- Ты ж хотела по-хорошему? Отработаешь по-быстрому – и свободна. Потом – подруга твоя.

- Это как – отработать?

- Ты что, дурочка? – начал выходить из себя мент. – Уж хохлушки-то всегда сообразительные попадались. Ротиком отработаешь, понятно? Губками. Или не знаешь, как это делается?

Молодой напарник молчал, неловко смотря в сторону, лицо у него пошло розовыми пятнами. Кадык нервно дергался над туго застегнутым воротником.

- Ну, ты и гад... – негромко произнесла Лена, глядя в белесые ментовские глаза. – Подонок.

- По-хорошему, я вижу, не получается. Оформим «оскорбление при исполнении...». Статья...

- Пошли... – молодой взял Инну выше локтя и повел к автобусу. Лена двинулась за ними. – Вы это... ну... девчонки... короче... ну... штраф там, может... ну...

В «ПАЗик», небольшой автобус, набили человек тридцать. Большинство пассажиров были смуглые брюнеты и цыганки. Отделение находилось рядом. Несколько милиционеров быстро фильтровали задержанных, отправляя подозрительных в «обезьянник», большую клетку, расположенную здесь же. Мужчин и женщин не разделяли. Большая часть, заплатив штраф, облегченно покидала отделение. Услышав свои фамилии, Лена и Инна подошли

к одному из столов. Их паспорта и билеты рассматривал молодой белобрысый лейтенант. Он внимательно сличил фотографии в паспортах с оригиналами, изучил семейное положение.

- Ну, шо, дивчата? – улыбаясь, по-украински обратился к ним лейтенант. – С вас штраф за нарушение паспортного режима.

- А что мы нарушили? Какое преступление совершили, за что нас арестовали? – с дрожью в голосе спросила Инна. Ее мелко трусило от злости и обиды.

- Во-первых, вас не арестовали, а задержали, – миролюбиво объяснил лейтенант, он посмотрел на часы. – А во-вторых, у меня сейчас будет «пятиминутка», затем оперативное совещание, потом доклад, обед. Вот, где-то после двух часов я вам точно сформулирую причину вашего задержания.

- А можно мы заплатим штраф прямо сейчас? – спросила Лена.

- И пойдем знакомиться с достопримечательностями? – добавила Инна и пропела. – «Дорогая моя столица! Золотая моя Москва!»

Лена дернула ее за рукав, чтобы не лезла на рожон.

- Да, конечно. Я вам так сразу и предложил, – лейтенант назвал сумму штрафа. В пересчете получалось по десять долларов с человека. Выписал каждой по квитанции. Провел до дверей отделения. Прямо добрый ангел, волею судьбы облаченный в форму, принужденный заниматься неангельской деятельностью. Остатки совести и сострадания пока просматривались в этом молодом правоохранительном бюрократе. Система сняла с него еще не всю человеческую стружку.

- Квитанции не выбрасывайте, – посоветовал он. – Если будут цепляться, покажете, что вас уже сегодня штрафовали.

- А за что оштрафовали, если ваши же спросят? – Инна посмотрела лейтенанту в глаза. Он в ответ мило улыбался, словно только что угощал женщин в баре шампанским.

- Да придумайте что-нибудь сами. Вы же неглупые. А вообще, спрашивать никто ничего не будет. Главное, что есть квитанции. Девчонки, а вы действительно сегодня уезжаете? – совсем не по милицейски спросил он. – Может, встретимся вечером, а? У меня приятель хороший есть. Оттянемся.

- Да... «служба дни и ночи», – процитировала известную песню из «Знатоков» Инна.

- В следующий раз встретимся, хорошо? – Лене уже не терпелось расстаться с лейтенантом, отделением и вообще. – Где вас искать, мы знаем.

- А может, опять на автобусе привезут, – добавила Инна. – «Наша служба и опасна и трудна...»

Подруги повернулись и направились к стадиону.

- Чего ты дразнишь их? Хочешь три дня в «обезьяннике» просидеть? – Лена была зла на Инну. – Засадят, потом доказывай, что не верблюду.

- Да за что нас сажать? Документы есть, билеты есть. Что мы такого сделали?

- Нет, ты точно слабоумная. Куча народу именно ни за что и сидит. Скажут, что мы похожи на каких-нибудь мошенниц. Мало у них ориентировок всяких!

- А паспорта? Это что, филькина грамота? – уперлась Инна.

- Будешь сидеть в сизо, а они месяцами проверять будут, настоящий паспорт или поддельный. Пока запрос дадут, пока ответ придет.

- Что за «сизо»? – не поняла Инна.

- Это – следственный изолятор сокращенно.

- Неужели месяцами ни за что в этом сизо можно сидеть?!

- Почему – ни за что? А «оскорбление при исполнении»? А «сопротивление правоохранительным органам»? Найдут у тебя в куртке за подкладкой наркотики...

- Ленка, откуда ты все так хорошо знаешь?

- Оттуда. Когда отца посадили, мы уж пописали в разные инстанции. Бесполезно все оказалось. Никаких подписок о невыезде, пока шло следствие. Словно убийца или рецидивист. Обвинение смешное, как на базаре – «тот сказал, эта сказала». Ни фактов, ни доказательств. Главный свидетель заявление на отца написал и уехал. Пропал. На суд даже не явился. Это нормально, считается стопроцентное доказательство. Адвокат все обвинение в пух и прах разнес. Конкретно, по каждому пункту. Судья его, наверно, даже не слушал. Так, муха в зале прожужжала... Приказали сверху дать по максимуму, он и дал. Так что, дорогая, лучше быть от них подальше. Не цепляться. Себе дорожке выйдет.

- Понятно. Ну, дура я, дура! Что поделаешь? Эмоции захлестывают, держать себя в руках не могу. Хорошо, что ты у нас непроницаемая, как Штирлиц, – Инна обняла подругу и прижалась головой к ее плечу. Они прижились к рядам торговых палаток. Вначале расположились всевозможные пищеварительно-закусочные точки.

- Давай по коньячку бахнем, а? Для настроения! – предложила Лена.

- Точно! – обрадовалась Инна. – А я думаю, ну чего мне так хочется? Точно – коньяку! И кофе.

Пока цедили коньяк из пластиковых стаканчиков и запивали его ароматным, немного горелым кофе, изда- лека наблюдали, как к отделению милиции снова подъе- хал напакотанный «ПАЗик».

- Смотри, снова выгружают! – удивилась Инна. – Слушай, да у них тут настоящий конвейер!

- А чему удивляться? – Лене было даже странно, что Инна так реагирует. – У них свой бизнес. Тридцать чело- век по десять долларов. До обеда, считай, автобусов пять наберут...

- Подожди, Лен. Они ведь некоторых оставляют. Не сразу всех выпускают.

- Ну, с тех потом гораздо больше возьмут.

- Возможно, ты и права... – Инна замолчала, задумалась. – А кто-то в машинах по-быстрому отработыва- ет... Противно все это. Тошно. Жить бы в лесу где-ни- будь, да?

- С высоким, красивым егерем, очевидно?

- Ну не с волками же и медведями? – рассмеялась

Инна.

- Начальство будет приезжать на охоту, водку пить, приставать, – предположила Лена.

- Ленка, такую мечту мне обломала!

- Некогда уже мечтать. Работать пора. Кстати, да- вай пятьдесят долларов отложим на таможеню, на всякий случай, – предложила Лена.

Коньяк снял напряжение. Кофе взбудрил. Под- руги начали движение по рядам контейнеров и пала- ток. Окунулись в гущу, скорее, в самую жижу рыноч- ной экономики. Ознакомительное хождение подтвер- дило правильность их намерений. Не брать много вся- кого, что нравится. Брать какую-то одну группу това- ра. Как и планировали, остановились на «джинсе». Сумки постепенно набивались джинсами, курточками, джинсовыми платьями и сарафанами. В конце добави- ли шорты и футболки, как никак, скоро лето. Пришлось нанять носильщика, который и прикатил сумки на ав- тостоянку.

Олег их уже ждал. По пути, перебивая друг друга, рассказали об утренних злоключениях. Вечером Олег посадил их на поезд. Помог затащить огромные клетча- тые сумки в купе. Проводницы ревниво изучали их ба-

гаж. Олег посоветовал договориться с проводницами, чтобы облегчить прохождение таможи. Не секрет, проводники и таможенники живут дружно, ссорятся редко. Зачем ссориться, если гораздо выгоднее дружить. Олег не стал дожидаться отправления поезда. Чмокнул Лену в щечку, Инну – не только в щечку, и умчался по своим делам. Вскоре поезд тронулся.

Глава 32.

Никакой грусти при расставании с Москвой не было. Скорее наоборот. Осталось только пройти границу. Волнение по этому поводу не позволяло предаться приятному поездному ничегонеделанию. Душа была не на месте.

Суровая пожилая проводница собирала билеты.

- Нам бы поговорить с вами? – осторожно спросила Лена.

- Назад буду идти скоро, – понятиливо ответила та.

Проходя назад, проводница кивком показала идти за ней. Закрыла за Леной дверь в своем купе.

- Что везете? – без вступления спросила проводница.

- Шмотки всякие.

- Что-то шмотки у вас сильно тяжелые. Куртки кожаные, небось?

- Май месяц, кто будет куртки сейчас брать? Еще и кожаные? У нас разное – шорты, платья, джинсы. Вот джинсы тяжелые...

- Ладно. Сумок три? – уточнила проводница.

- Угу.

- По двадцать баксов за сумку. Понятно?

- Понятно, – замявшись, ответила Лена. Она достала зеленую хрустящую бумажку. – У нас только пятьдесят осталось. И мелочи немного, нашими.

Проводница быстро забрала банкноту. Улисс Грант, боевой генерал, восемнадцатый президент США сурово и укоризненно смотрел прямо проводнице в глаза. Ее глаза за долгие годы работы повидали всякое. Она проверила пиджачок президента на ощупь, и движением фокусника отправила купюру в один из многочисленных карманов.

- Постельное брать будете?

- Да, конечно, – Лена ожидала что проводница сейчас его выдаст.

- Я принесу, – проводница открыла дверь. Аудиенция закончилась.

Границу проходили ночью. Российский пограничник полистал паспорта и пошел дальше. Таможенник вяло

посмотрел на попутчиков – чету пенсионеров. Лену и Инну он не заметил. Украинский таможенник проявил, было, интерес к «паленым» клетчатым сумкам, но проводница негромко кашлянула у него за спиной. Интерес угас так же быстро, как и возник.

В одном из купе стоял шум, перешедший в матерную ругань и истошные женские вопли. С поезда ссаживали «контрабандистов». Лена выглянула в коридор. Люди в форме вытаскивали из вагона какие-то мешки. Крепкий пожилой мужик безуспешно требовал от пограничника вернуть документы. Женщина, видимо, жена мужика, перестала кричать. Только негромко по-бабьи причитала.

«У кулаков хлеб отнимают. Опять – поднятая целина», – с тоской подумала Лена.

На перроне просматривались двое понурых молодых парней возле огромных баулов, и полный мужчина с несколькими большими картонными коробками, похоже, с аппаратурой. Он неистово мотался туда-сюда, разрываясь между зданием и коробками. Погасив, наконец, конфликт с государством, он начал загружать коробки в тамбур вагона. Коробки были большие и тяжелые. Мужчине было трудно, и главное – неудобно. Он выбивался из сил, но никто из выгрузивших эти коробки, и не собирался ему помогать. Поезд тронулся. Половина коробок осталась на перроне. Мужчина что-то кричал, затем запрыгнул в вагон и дернул стоп-кран. Поезд уткнулся в невидимую стену. Мужчина выскочил, приволочил коробку и затолкал ее наверх. Бросился за следующей. Поезд снова тронулся. Мужчина бросил коробку, что-то закричал, затем схватился за грудь, согнулся и начал оседать. Сначала упал на колени, потом завалился набок и затих. Один из парней, что с баулами, подбежал к мужчине, наклонился над ним и кинулся в здание вокзала. Оттуда выскочило несколько людей в форме. Побежали к лежащему. Один из них что-то передавал по портативной рации. Поезд снова остановился и начал медленно сдавать назад. Мужчину положили на носилки и понесли в здание. Туда же стали заносить и его коробки. Спустя несколько минут ночную тишину вокзала разрезал вой sireны скорой помощи. Вскоре в вагон вернулся пожилой мужик. Он тяжело дышал, но в руке победно нес паспорта. За ним, тихо скуля, семенила жена.

- Коленька! Господи, жалко-то как, все бросать... Остаемся, а? Завтра, может, отдадут что-нибудь. Ведь свое, не ворованное... Начальство разберется... Все годы возили, а теперь – нельзя... Мы ж не преступники какие.

- Да заткнись ты, к ёб...ой матери, наконец! Преступники мы, сука, б...ть, понятно?! Родились здесь, б...ть, значит, – преступники. Экономiku ёб...ой страны подрываем! Три мешка говна всякого провезти нельзя! Да пусть подавятся, пид...сы, б...ть! Границ понаставили, б...ть, карманы набивать, б...ть! Мало им все. Сволочи... – мужик задумался, глядя в окно. Обнял плачущую жену. – Ладно, мать! Кончай слезы лить. Ну, что мы, с голоду умрем, что ли? Идем в купе.

Проводницы безучастно наблюдали за происходящим, не обнаруживая ни сочувствия, ни осуждения. Так патологоанатомы бесстрастно относятся к объектам для вскрытия. Людское горе и слезы редко проникают сквозь толстый многолетний панцирь бесчувствия. А проводницы относились к пострадавшим даже с известной долей злораства. Не жлобились бы, так и ехали б в купе себе спокойненько. И мужик с бабой, и ребята с баулами, и мужчина тот, что с коробками.

Поезд третий раз сдвинулся с места. Сначала неуверенно, но постепенно набрал обороты. Лена и Инна вернулись в купе. Пенсионеры не спали. Инна, возмущаясь таможней, рассказала им про мужчину с коробками.

- Так он не умер, вы думаете? – спросил дедушка.

- Нет, наверное. Раз «скорая» приехала, значит, лечить будут, – предположила Лена.

- Это обязательно. «Скорую» всегда вызывают. Умер, не умер. Ужасно так, умереть на вокзале в чужом городе. Прямо, как Лев Николаевич Толстой, – бестактно ляпнула Инна, и попыталась исправиться. – Будем надеяться на лучшее.

- Господи, когда уже престанут людей мордовать?! – вздохнул дедушка. – А я ведь ровесник революции, милые барышни.

- Неужели вам восемьдесят лет? – Инна с интересом посмотрела на попутчика. – Выглядите вы гораздо моложе.

- В ноябре исполняется... Иногда сам удивляюсь, что так долго живу. Как начинаю вспоминать, кажется, уже много раз должен был отправиться в мир иной...

- Миша, что опять тебя понесло? – укоризненно заметила его супруга.

- Ой, ну что вы? Ведь это так интересно, столько событий в жизни! – Инне хотелось поговорить. – Давайте чаю поьем, вы не против?

Никто не возражал. Лена принесла кипяток, сахар и одноразовые чайные пакетики. Познакомились.

- Михаил Иванович, а вы воевали? – поинтересовалась Инна.

- Воевал, конечно. Сначала финская была. А уж потом с немцами. О финской пицут мало, а народу там полегло... померзло. Я тоже, считай, чудом остался жив. Водка спасла.

- Это как?

- Так. Я в дозоре был, на посту. В передовом охранении. В сугробе лежу, от холода дрожу, стараюсь не уснуть изо всех сил. Фляжка с водкой была, цежу помалу. Вдруг птица, аккурат, передо мной из-под снега вспорхнула. С шумом так. Глухарь или еще какая. Лежу, всматриваюсь, что-то же ее испугнуло, думаю себе. Винтовку подвинул, а пальцы на руках не чувствую от холода. Долго смотрел – ничего. И вдруг – рраз, один сугроб ко мне двинулся. Метрах так в пятнадцати. Он голову приподнял, мы глазами и встретились. Лежим, смотрим друг на друга, финский разведчик и я. Ну, думаю, Мишка, пожил ты двадцать с небольшим годков и будя. Это только в кино мы всех разбрасываем, а на войне все было не так. В рукопашной немцы сильнее были. Здоровые, высокие против нас. И питание у них намного лучше нашего было. А финны – то вообще, сплошь егеря и охотники. А у нас – пацаны от сохи да лопаты. Хлебнул на прощание водки, и тут меня осенило. Кричу ему «водка», и кидаю фляжку. Хорошо так бросил. Фин руку протянул, достал. Смотрю, крышку открутил, понюхал, глотнул, потом еще. Не отрываясь, полфляги всадил. Лежит, смотрит на меня. Потом кричит «пасипо-о», и бросает пустую фляжку назад. Чуток перебросил. Я фляжку пока прибрал, секунды две-три, а его и след простыл. Как ни всматривался, ничего не увидел больше. А вскоре меня сменили. Вот так птичка да водка жизнь спасли.

- И что начальство ваше сказало? – наивно спросила Инна.

- Какое начальство, милая барышня? – улыбнулся Михаил Иванович. – Узнали б такое, меня за братание с врагом в лучшем случае в штрафбат бы отправили. Нет, – в лагерь. На финской, кажется, штрафных батальонов еще не было. Я жене об этом только через двадцать лет после войны рассказал. Это сейчас мы смелые поговорить, а тогда...

- А кто ваши родители были, кем работали? – Лена история Михаила Ивановича тронула, захотелось узнать о нем больше. И рассказчик он оказался интересный.

- Родители? – переспросил дедушка и ненадолго задумался. – Всю жизнь учителями на селе проработали. Мама в начальных классах преподавала, а отец – все. И физику, и химию, и математику, и немецкий язык. Даже хором школьным руководил. Они еще до революции в школе работать начали. Мать часто вспоминала свою первую учительскую зарплату – восемь рублей золотом.

- Восемь рублей золотом, это сколько? – решила уточнить Инна.

- Не знаю, сколько, но на эту первую зарплату мама купила себе шубку, меховую муфту, новый самовар и семья жила целый месяц.

- Да, неплохо молодые специалисты до революции жили! – удивилась Лена.

- До революции все хорошо жили, только многие не понимали этого. Это потом уже нам головы задурили. Нищета, «кровавый Николай» и все такое. Гиляровского почитайте, был такой писатель, он много интересного о дореволюционной жизни написал.

- Я видела, у родителей мужа несколько томов есть. Правда, не читала, – вспомнила Лена.

- Почитайте, не пожалее. «Москва и москвичи», например, для начала.

- Михаил Иванович, если все так было замечательно, отчего же революция произошла? Народ-то ее, получается, поддержал?

- Леночка, вы задаете старику такие масштабные вопросы, на которые десятилетиями пытаются найти ответ. Книжки пишут. Ясно, что не все было замечательно. И первая мировая война, и революционное движение в стране – надо было эту публику занять чем-то другим, а не революцией. Николай Второй ошибок много наделал. Но главное, я думаю, не в этом. Причина в нас самих, в народе. Позвали грабить награбленное, и – пошли. Эх, раззудись рука! Грабить – это не работать с рассвета и до заката. Знаете, как в каждом даже самом хорошем человеке есть нечто темное, так и в народе это темное есть. Вот чернота и повлазила, когда грабить позвали. Война гражданская... Коллективизацию хорошо помню. Были на селе голодранцы, лентяи и пьяницы беспробудные. Вдруг стали активистами. Выдали им револьверы и научили словам «экспроприация» и «коллективизация». Тот же грабеж, только по-другому называется. Знаете, мать всю жизнь дореволюционное время вспоминала, как волшебную сказку. Ясно, что она тогда юная была, молодая...

- А отец тоже вспоминал?

- Вспоминал. До тридцать седьмого года... – Михаил Иванович ненадолго замолчал. Лена и Инна не перебивали его молчание. – А после революции, что было хорошего? Гражданская война, потом голод. Чуть настроили жизнь, – коллективизация, опять голод. Индустриализация, снова голод. За «колоски» в Сибирь ссылали. Репрессии. С немцами война. Готовились воевать, готовились, а как дали под хвост, так аж до Волги докатились. Генералиссимусы «великие». Людьями, как песком любую брешь закрывали. Уж насмотрелся на фронте. Такой власти на свой народ молиться надо, что спас народ ее, в войне победил, пол-Европы своей кровью залил. Реки красные были, когда форсировали. Солдат никто не жалел. Всё жалели, – машины, снаряды, бумажки, только не людей. После войны опять голод, опять репрессии. При Хрущеве только легче дышать стало. Этот хоть и чудил, зато людей не убивал миллионами. Так и жили, о себе не думали, все надеялись, что дети будут хорошо жить. А смотрю, вам тоже несладко сейчас. Мааетесь. Вроде как, светлое будущее уже и прошло.

- А может, оно еще не наступило? – спросила Лена.

- Может быть. Мы его уже не застанем. А вам – дай Бог.

Глава 33.

Предпринимательство оказалось делом нескучным, но довольно утомительным и хлопотным. Инна оформила свидетельство частного предпринимателя на себя. Вела идиотские тетрадки и журналы, периодически сдавала отчеты в налоговой инспекции, загружая инспекторов шоколадом, растворимым кофе «Нескафе» и шампанским, чтобы меньше в этих журналах копались. На местном рынке поставили палатку. К ним с удовольствием нанялась реализатором безработная соседка Инны. Но основной доход приносила выездная деятельность по окрестным небольшим городкам. Расходы и доходы делили пополам, «пятьдесят на пятьдесят». Транспорт обеспечивала Лена. «Восьмерка» освободилась от заднего сиденья, на крыше добавился багажник.

В пять-шесть утра новоявленные коробейники уже были в пути. Возвращались после обеда, в лучшем случае – к четырем. Что-либо делать сил уже не было. Лена падала и спала до восьми вечера. Затем, с трудом поднявшись, только благодаря чувству долга, интересовалась уроками Алисы, постепенно все более приблизительно. Уложив дочь спать, готовила первое – борщ или какой-нибудь суп. На второе разогревали полуфабрикаты – пельмени, вареники, или жарили яичницу. Из Дома культуры Лена не увольнялась, но свои часы и зарплату отдала коллегам. Зарплату в ДК начали задерживать месяцами, да и хватало такой зарплаты ненадолго.

В Москву они больше не ездили, слишком уж проблематичными оказались такие вояжи. «Китайские» планы потухли сами собой: нужны были слишком большие вложения. Тем более, в городе специально для «торгашей» формировались автобусы для поездок на оптовые рынки в Хмельницкий, Черновцы и Одессу. Это было гораздо проще и веселее. Но не спокойнее – время от времени в новостях сообщалось, что на трассе такой-то опять ограблен автобус с предпринимателями. Слава богу, изымание «нажитого непосильным трудом»

происходило пока без жертв. В этом плане фирма, организовавшая коммерческие поездки, подстраховывалась, стараясь отправить сразу несколько автобусов караваном.

На базарчиках к ним частенько подходили двуногие бультерьеры, с трудом изъяснявшиеся на разговорном русском языке. Да он им, собственно, не был нужен. Обходились матом и десятком не слов даже, а – лингвистических мутантов. Молодые лысые люди, крепкого телосложения, с выражением лица таким же, как и их затылок, объясняли, что они тут «крышуют», все «держат» и все должны им «отстегивать» «без базара». Если у кого-то случались «непонятки», быстро растолковывали кулаками или обрезками арматуры. Инна и Лена легко находили с ними общий язык, со временем знали многих по именам. Платили по-божески, а чаще подгоняли «братве» шмотки. Кому модную, но обязательно черную футболку, кому кроссовки или спортивные штаны, размером поболье. Джинсы этот контингент населения не признавал, – «махаться» в них было неудобно. Пацаны им симпатизировали. Часто болтали ни о чем. Иногда, проявляя широту души, «брателы» угощали их кофе. Предлагали «порешать вопросы», если что. Инна и Лена соглашались на помощь, но надеялись обойтись без «если что». Пока все вопросы они решали сами.

Героини наши пообтерлись среди народа. Они общались и с пенсионерами, разделяя их шок от окружающей действительности, и с милиционерами, создающими видимость контроля за ситуацией, и с «модной» публикой, выбирающей, что подороже. Им понравилось зависеть от самих себя, самим зарабатывать на жизнь, одевать детей и самим одеваться, как хочется, а не как можется. Они не шиковали, но главное – не было паники перед будущим и безысходности. Появилась приятная уверенность в себе, в своих силах и способностях. Лена чувствовала себя за рулем, как рыба в воде. Водила машину легко и уверенно. Где-то даже, самоуверенно. Но у нее это хорошо получалось.

Бизнес закрутил их. Как белки в клетке, они бежали без остановки. Череда выездов сменялась поездками за товаром, и – опять. Набрал обороты, притормозить, было сложно. Конечно, если случалась непогода, сидели дома. Но вынужденный отдых омрачался торговым зудом. Подсчитывали в уме потери, вернее, незаработанное. А на носу поездка за товаром, а денег на все, что хочется закупить, вечно не хватает. Короче, нормального расслабления не

получалось. Несмотря на физическую нагрузку, Инна начала катастрофически набирать вес.

- Ленка, слушай, я уже ни в какие старые шмотки не влажу. Влад в последний раз был, удивился. Ну, говорит, мать, тебя и понесло. Посоветовал на шейпинг записаться или в бассейн ходить.

- И что ты?

- А что я? Послала его с шейпингом подальше, чем в бассейн. Говорю, ты создай мне условия, я буду и в спортзал, и в сауну, и в косметический салон ходить. А то привез денег с гулькин нос и умничает. Шейпинг... До крови еле доползаешь.

- А как же немцы? Не получилось устроиться?

- Еще на полгода перенесли. Английский язык учит, как сумасшедший.

- Странно, он у тебя по-английски вроде бы и так хорошо говорит.

- Говорить-то он говорит, но там же много всяких технических терминов. Ой, Ленка, прямо не знаю, что мне делать? – хлопнула себя Инна по уплотнившимся ляжкам.

- А что делать? Жрать надо меньше, вот и все. От пирожков и булочек похудеть сложно. На кефир и яблочки надо переходить, дорогая.

- А то ты не видишь. Пока утром едем, сколько я этих яблок съедаю?

- А потом – кофе с булочками.

- А что, если я после этих дурацких яблок еще сильнее кушать хочу, – чуть не плакала Инна. – Кефир мне тоже не подходит. Потом полдня по туалетам бегаю.

- Значит, после шести вечера кушать не надо, – менторским тоном поучала Лена.

- Пробовала. Ничего не получается. Уснуть не могу, голова болит. Лежу, мучаюсь. Потом, как нападую на холодильник, и все класс! И голова перестает, и засыпаю отлично. Скоро на море ехать, а у меня сало висит. Придется купальник закрытый покупать.

- Зато грудь, какая! Как два арбуза! Есть, чем гордиться.

- У меня грудь такой никогда не была, даже, когда Валерку кормила. Налилась. Внутри, как иголочками покалывает. Но тяжеловато с ней...

- Что, отбоя нет, от желающих припасть к груди?

- Да, просто тяжело. Физически. Под вечер спина болит. А отбоя от желающих всегда не было. Правда, как поправилась, мужики совсем обнаглели. Пялятся, не стесняясь.

- Вот видишь, нет худа без добра. А ты насчет курьеза волнуешься...

В прошлом году в июле Лена и Инна с детьми отдыхали в городке. Поехали вчетвером на «восмерке». Они как раз только начинали свою коммерческую деятельность. Сразу после Москвы торговля пошла бойко, но в июне дело совсем скисло. Футболки и шорты были проданы. Надо было снова ехать за летним товаром или делать перерыв. Решили отдохнуть, тем более у детей каникулы. Остановились у матери. В середине июля приехали Сергей и Марина. Раза три отец вывозил всех на яхте. По-семейному, без посторонних. Выезды удались. Погода радовала. Было ужасно приятно, как в старые добрые времена. Казалось, снова вернулись в детство. Всем очень понравилось. Вспоминали море всю зиму.

Инна явно кокетничала перед отцом. Отец старался не подавать вида, но от Лены не ускользнуло, как он на Инну «запал». Она слишком хорошо знала папу. И Инну – тоже. Этот лев, вожак прайда, сразу увидел добычу. Он занимался своими делами, с кем-то разговаривал, шутил, смеялся, выпивал, но держал «объект» в поле зрения. А «объект» то ли в шутку, то ли всерьез манил, дразнил матерого хищника. Лена почувствовала волну, которая между ними пробежала. Поединок начался. Чем он должен закончиться, сомнений не оставляло. Кокетничала Инна только во время первой поездки. Потом вела себя с отцом чрезмерно скромно, прямо таки официально. Этого Лене больше всего настораживало и убеждало в обратном. И папа был просто паинька. Ни брудершафтов, ни нечаянных объятий, вообще – ничего. Словно Инна не присутствовала на яхте. Они просто не замечали друг друга. Слишком явно не замечали. Переигрывали. Вот так-то! Лене было ясно, у них произошло и происходит. Да ясно все, как белый день! Инна и с Леной наедине вела себя по-другому. Во всем соглашалась, не спорила, внимательно слушала. Вот, сволочи! Но как Лена ни старалась, как ни следила, поймать их она не смогла. В конце концов, Лена не выдержала.

- Ну, как тебе мой папа? – как бы невзначай спросила она.

- Симпатичный мужчина. Ты чай будешь?

- И все?

- А что еще? Недавно ведь ужинали, – Инна «включила дурачка».

- При чем тут ужин? Я про отца тебя спросила.

- Я сказала тебе – симпатичный мужчина.

- И это все?

- А что еще? Ну, хорошо выглядит для своего возраста. Лысоватый, правда... Достаточно? Или ты что-то другое хочешь услышать?

- Да, хочу услышать другое, – Лена уперлась взглядом Инне в глаза.

- Спроси тогда. Откуда я знаю, что тебя там волнует, – Инна спокойно выдержала взгляд.

- Не буду, – Лена отвернулась.

- Ну и правильно! Много будешь знать, скоро состаришься, – Инна подошла сзади, обняла Лену и осторожно поцеловала в шею. Затем резко развернула ее и сильно прижалась к губам. Лена ощутила во рту ее язык, он нежно скользил по кромке зубов, то погружаясь глубже, то возвращаясь назад. Лена закрыла глаза и будто провалилась в пустоту. Вернее пустота разрассталась внутри, поглощала ее, точно вакуум. Как черная дыра. Длилось это недолго, несколько секунд. Лене показалось, что прошли минуты. Она только сейчас вспомнила о дочери.

«Боже мой, а если б Алиса вошла»?!

- Дети уже спят. Их море выматывает, – успокоила ее Инна.

- Ты что, мысли читаешь? Телепат? Телепатка? – засмеялась Лена. Смех получился нервный и неестественный.

- Сергей и Марина еще не пришли. Мама ночует на даче, – Инна монотонно говорила и смотрела сквозь Лену куда-то дальше. Лене стало не по себе.

- Инна! Инна! Ау! – позвала она. – Ты что, зомби? Инна?!

- Не знаю. Может быть. Может, мы все – зомби? Все запрограммированы. Живешь и реализуешь программу, в тебя заложенную Богом. Или сатаной. Или тем и другим вместе, да? Высшим разумом. Ведь есть же какая-то причина, почему все происходит? Не само ж по себе?

- Инка, ну ты даешь?!

- Привет всем! – в комнату вошел Сергей, за ним Марина. – О чем разговор?

- Сережа, вот скажи, – повернулась к нему Лена. – Если мужчина телепат, то женщина – телепатка? Как правильно?

- Наверное. Точно не знаю. Зато знаю, как называется курица, сошедшая с ума. Знаете? – Сергей обвел взглядом присутствующих дам. В ответ все неопределенно пожали плечами. – Куропатка!

- Понятно... – скучно протянула Инна. – Вообще-то, мы говорили о предопределенности.

- Да. Решаем, случайно мы оказались в этой комнате или нет? – добавила Лена.

- И что решили?

- Решили, что без бутылки не разобраться, – Инна, улыбаясь, посмотрела на Лену.

«Артистка! Или придуривается?» – подумала Лена.

- Очень правильное и своевременное решение! – обрадовался Сергей. – Я в погреб, за вином. А вы пока на кухне какой-нибудь закусок организуйте.

Глава 34.

Этим летом отдыхали в городке, как нормальные люди — всей семьей. Хотя, есть мнение, что нормальные люди на курорты семьей не ездят, к Лене это не относилось. Станислав в конце июля присоединился к жене и дочери. Лена не помнила, чтобы им когда-нибудь было так хорошо вместе. Дела на фирме Стаса налаживались. Заключили кое-какие договоры. И хотя объемы работ были пока не ахти какие большие, в перспективе отчетливо просматривалось «блюдечко с голубой каемочкой». Положительные сдвиги были связаны с новым приятелем Стаса и соучредителем фирмы Красницким Эдуардом Семеновичем. Муж взахлеб рассказывал Лене о своем знакомом, какой он умный, колоритный и деловой человек.

Красницкий был лет на десять старше Станислава. В системе «Сибгаза» он работал бюрократом среднего звена, но прекрасно знал все руководство, и главное, руководство знало его. Эдуард Семенович отлично ориентировался во всех чиновничьих входах и выходах, в коверных и, особенно, подковерных хитросплетениях. Кто чей родственник, кто с кем спит или пьет, какие прокручиваются схемы отмывания денег, как и чем осуществляются «откаты». В этом всем он плавал, как рыба в воде. Шапочно они были знакомы уже несколько лет, а ближе сошлись не так давно. Встретились как-то в сауне, после хорошо «присели на стакан», пообщались. Понравилось. Возникла мужская симпатия. Договорились встретиться еще. Да и интерес у Красницкого к Стасу был не умозрительный. Здравое понимая, что карьерное движение наверх уже достигло своего пика, он начал интересоваться другими сферами деятельности, сулящими нечто материальное.

Фирма Стаса не ускользнула от опытного взгляда. Эдуард Семенович видел в ней машинку для печатанья денег, которую, конечно же, нужно еще настроить и отладить. Он четко и понятно объяснял Стасу причины его бесплодных попыток пробить бюрократические бастионы

любовыми атаками. Станиславу импонировали в Красницком конкретность, практичность и циничность. Никакой романтики, никаких «репримандов». Все решают «бабки, водка и девки».

- Вы слишком печетесь о государстве, Станислав Владимирович, о его выгоде, – поучительно объяснял Красницкий. – Ну, внедрили, допустим, вашу замечательную систему контроля газопроводов, и что?

- Как это что? – кипятился Станислав Владимирович. – Во-первых, моя система гораздо эффективнее, чем другие. Во-вторых, она намного дешевле и универсальнее. То есть, внедрение обойдется государству не в такие фантастические суммы, которые платятся сейчас западным компаниям. Они же все равно ничего сделать не могут! Понаставили оборудования, а толку никакого. Ничего не работает, как планировали. А моя старая разработка в Северске уже пять лет прекрасно действует. За копейки установили. И до нее фирмачам, как до Луны пешком. А эффект от экономии?! Насколько потери там снизились? Все четко стало и понятно. Вход, выход, утечки, режимы, стационарные и нестационарные и так далее. Да что я объясняю?! Вы это не хуже меня знаете. Перед внедрением на совещание к генеральному приглашали. Докладывал там. Наши специально пригласили этих козлов с «Добсона» и «Эйргаза». Послушать. Послушали, говорят «итс импоссибл», невозможно, мол. Говорят, если вы такую систему внедрите, мы снимем перед вами шляпы и отдадим все договоры.

- И как? Сняли шляпы? – иронично спросил Красницкий. – Наверно, только договоры передали, да?

- Передали... Посмотрели молча, а у самих глаза навывкате. Так же молча развернулись и уехали.

- А как же шляпы? Неужели даже не сняли?

- Главное, они быстро провернули аферу. Один мой математик спер всю нашу разработку и продал им. Пока у нас работал – ни бэ, ни мэ. Вечно все за него переделывали. Зато теперь на них работает.

- Вот это – молодцы! Это – фирмачи! Вот это я понимаю! – рассмеялся Красницкий.

- Так, даже то, что сперли, и то полностью внедрить не смогли. Залатали кое-где дыры.

- А сотрудник твой, наверно, жалеет страшно?

- Ясно, что жалеет, – усмехнулся Станислав. – Ну, купил квартиры тут и в Москве. Ну, катается на джипе. В отпуск куда-то там летает... А так, конечно, жалеет. По ночам, наверно, не спит, бедный. Совесть мучает...

- Система ваша, уважаемый Станислав Владимирович, очевидно, исключительная, но реально, она кроме вас никому не нужна. – Сделал убийственный вывод Эдуард Семенович.

- Как это, не нужна? Это почему?

- Потому что она не-вы-год-на.

- Как же это – невыгодна? Кому?

- Она невыгодна всем. Понимаете, всем. Зачем все делать четко и прозрачно? Рыба ловится в мутной воде. Дебет, кредит, кому это надо? Экономия? Да гори она синим пламенем. Сколько этого газа еще под землей? Миллиарды кубометров туда-сюда. Что там учить, если утечки кругом? Да и что такое, эти утечки? Пшик! Тут колоссальные деньги делаются, понимать надо. И вдруг вы со своей системкой: здарсьте, я вам всем тут щас кислород перекрою. Скучно им это и неинтересно.

- Но когда-то ж газ кончится? Неужели не понимают этого? Или после нас хоть потоп?

- Да, именно так. После нас хоть потоп! Когда он еще кончится, этот газ? А нахапать надо сейчас, сегодня! Завтра может быть уже поздно. Оттеснят от пирога. На пятки наступают.

- Странно... Почему, например, в Кувейте понимают, что нефть рано или поздно кончится? Создают золотой фонд для будущих поколений. Каждому новорожденному сто тысяч долларов на счет кладут. Бедуины все на джипах новеньких разъезжают. Всё за счет нефтедолларов. Вся страна богатая. Почему бедуины понимают, а мы – нет? Почему нужно все время воровать, а не жить нормально и зарабатывать.

- Слишком много у нас, Станислав Владимирович, в стране бедуинов. И территория очень большая, трудно все проконтролировать. Что там того Кувейта? Тьфу! Его и на карте-то не видно. Там, небось, все друг друга знают, как в деревне. А у нас – широта, простор! Когда еще жизнь настроятся, а нахапать надо сейчас. Газ, нефть, лес или рыба – не имеет никакого значения! Что имеем под рукой, то и будем воровать. Ну, допустим, настроилась жизнь, а мы уже при «бабках». Что в этом плохого?

- Плохо, что так жизнь никогда не настроятся.

- Да, бросьте, что за пессимизм? В России всегда воровали. Карамзина, надеюсь, читали?

- Читал в свое время...

- И еще пару нюансов общего характера, – по деловому продолжил Красницкий. – Если повыгонять всех фирмачей, куда руководство будет ездить в командировки?

В Москве оно, практически, и так живет. Вы бы отказались на недельку заглянуть в Париж, Копенгаген или Франкфурт. Дорогие отели, дорогие подарки, длинноногое круглосуточное сопровождение. Фирма все оплачивает. Отказались бы?

- Нет, конечно.

- А почему другие должны отказываться? Все мы люди, все мы человеки. Ничто человеческое нам, так сказать, не чуждо. И еще. Над этой тематикой только в Москве, как минимум, два института работают. Чьи-то дети, жены, племянники. Ходят на службу, получают зарплату, ездят в командировки и отпуска. Пишут диссертации, что-то изобретают. И тут вы – самый умный, со своей самой распрекрасной работой. Решили за всех все проблемы и вопросы на двадцать лет вперед. А у них финансирование, планы научные и все такое-прочее. Что, институты прикажете закрывать? Перепрофилировать? И опять ребром встает извечный вопрос – а кому это выгодно? Так что, если хотите серьезно работать, найдите ответ на этот вопрос. Самостоятельно ни вы, ни мы ничего не решим. Нужны соратники, единомышленники там, наверху. А мы должны придумать, как и чем их заинтересовать.

- Я об этом как раз день и ночь думаю. Раньше казалось, все упирается в деньги. А сейчас думаю, это не главное. Надо выходить на уровень, где деньги не решают все. У этих людей уже достаточно денег.

- Ну, Станислав Владимирович, разве может быть денег достаточно?

- Я имею в виду другое. Несомненно, люди, поддерживавшие нас, в конечном итоге должны заработать, и много. Без этого никак нельзя. Но побудительным мотивом вряд ли будут деньги. Тут скорее надо использовать «человеческий фактор». Кто-то любит славу, на патриотизме можно сыграть.

- Да, нынче модно быть патриотом. И выгодно. Генеральный, например, на совещании в Москве заявит, я вот у себя систему внедрил, нашу, причем, отечественную. Единственную в своем роде. Экономия колоссальная и все такое прочее. Газы на ветер не пускаем. Шутка! Получается, такой вот рачительный хозяин. И передовой, и патриот.

- Прежде, чем он так заявит, не один год пройдет...

- А быстро только кошки родятся, – перебил Стаса Эдуард Семенович. – А сейчас тебя генеральный и слушать не будет. Разве что, кто из замов, да и то отфутболит вниз. Некогда им вникать в теории всякие. Им надо «конфетку» показать, готовую игрушку, чтобы понравилась, и

играться захотелось. Без небольшого макетного внедрения ничего не вытанцовывается.

- Получается замкнутый круг. Связываться никто не хочет, потому что нет внедрения, а внедрения нет...

- Потому что никто не хочет связываться.

- Да, – согласился Стас. – На макетное внедрение тоже нужно финансирование. Кто-то должен принимать решение.

- Значит, будем размыкать этот круг.

Стас предложил Красницкому стать соучредителем фирмы и заниматься решением организационных вопросов. Эдуард Семенович, естественно, согласился. Переоформили у нотариуса уставные документы. Выйдя из нотариальной конторы, пожали друг другу руки.

- Ну что, Станислав Владимирович? Цели наши ясны, задачи поставлены. За работу, товарищи!

- Это, кажется, Хрущев? Насчет коммунизма в 1980-м году?

- Что-то вроде того. Слова красивые, оптимистичные. А не пора ли нам перейти на ты? Эдуард! – Красницкий снова протянул ладонь.

- Станислав! – ответил рукопожатием Стас.

Красницкий вывел фирму из анабиоза. Выполнили несколько работ по программному обеспечению управленческих структур. Это было не то, но зато платили хорошие деньги. Начальники и секретарши нажимали кнопки и на мониторах компьютеров появлялись красивые графики, яркие таблицы, всевозможные диаграммы, стрелки, кружочки и квадратики. Это было непривычно, но интересно и со временем – понятно. Все были довольны.

- Стас, главное, чтобы все было красиво, – говорил Красницкий. – Пусть себе играют в цацки.

- Из пушки по воробьям стреляем.

- Пока по воробьям. Ничего. Дай срок. Хороший рыбак тот, кто умеет ждать.

Благодаря своим связям, особенно в Москве, Красницкий пробил еще два заказа. Уже посерьезнее. Предстояло работать с диспетчерской «Сибгаза». Снаряды ложились все ближе. Фирма встала на ноги, и даже стала обрастать финансовым жирком. Закупили новое оборудование. Стас принял на работу молодых программистов, сбросив с себя рутинную работу. На счету фирмы лежала круглая сумма, вселявшая определенную уверенность в завтрашнем дне. Лето девяносто восьмого года встретили радостно, как всегда в Сибири встречают лето. Стас в конце июля отправился на юг. Эдуард Семенович собирался в сентябре отдохнуть на Кипре.

Глава 35.

Лена и Станислав переживали новый медовый месяц. Только сейчас стало понятно, насколько они отвыкли друг от друга за череду многомесячных расставаний. Лена обнаруживала в муже черты, которые совершенно забыла, а скорее всего, просто не знала. Это был другой Стас, его близнец. Вроде бы все то же самое, но что-то неуловимое не то, чужое. Новизна ощущений ее волновала и возбуждала. Она и сама во многом изменилась за это время.

Алиса ревновала отца к матери. Старалась нарушить их идиллию, вспугнуть голубков. За зиму и, особенно весной, дочка вытянулась. Стала вся какая-то угловатая, неудобная. В характере тоже добавилось ершистости. Она то обнимала и целовала родителей, обрушивая на них приступы нежности. То, вдруг, обижалась по пустякам. Ни с того, ни с сего могла накричать и выбежать из дома. Понимая издержки переходного возраста, родители старались быть максимально терпимыми и великодушными. Поначалу Алису это бесило еще сильнее, но постепенно все притерлось друг к другу и наслаждались отдыхом и нормальным семейным общением.

Глядя со стороны, Лена находила, что муж стал менее многословным. Уменьшился былой оптимизм, зато появилась солидность, основательность. Надежное материальное положение всегда придает мужчине уверенность в своих силах. К коммерческой деятельности жены Станислав относился снисходительно, как к некой женской причуде. Словно это хобби для скучающей особы. Такое непонимание Лену возмущало.

- Ты что, действительно считаешь, что мне это нравится? Я от безделья этим занимаюсь, наверное?

- Не только от безделья. Ты себя реализовываешь, в какой-то степени, - рассуждал муж.

- Именно, что в какой-то степени. Я бы лучше себя реализовывала по специальности, если бы на эти деньги прожить можно было.

- Да брось, ты в своем Доме культуры закисла со всем. А насчет денег, мне кажется, ты сгущаешь краски. Был у меня трудный период, но сейчас, слава богу, он уже позади.

- Стас, ты красавец, конечно! От тебя больше года ни слуху, ни духу, а теперь ты вальяжно сидишь и так красиво рассуждаешь!

- Почему ни слуху? Я же звонил. Насчет ни духу, тут ты права. Чего не было, того не было.

- Он еще шутит?!

- А что мне, плакать?

- Господи! Да ты хоть представляешь, сколько стоит Альку первого сентября в школу нарядить? Тебе перечислить?

- Нет-нет! Не надо! – забеспокоился муж. – Я заранее со всем согласен.

- А в ДК? По полгода и больше зарплаты не выплачивают. Дождутся, пока инфляцией деньги обесценятся и кидают крошки. И зарплатой смешно назвать...

- Лен, я понимаю это и согласен со всем, что ты скажешь. Насчет расходов.

- Откуда ты знаешь, что я могу сказать?

- Догадываюсь. Я о другом говорю. Ты изменилась за это время. Такая уверенная, решительная стала. Даже внешне – вся такая спортсменистая, подтянутая. Как бегунья на средние дистанции.

- Почему именно на средние?

- А средние дистанции самые трудные для организма. Максимальная нагрузка.

- Так на черта мне эта максимальная нагрузка?!

- А ты брось, если не хочешь. Сейчас нет в этом необходимости. Дела у меня пошли. Сиди себе дома, журналы читай, смотри телевизор.

- Спасибо, уже насмотрелась вот так! – Лена приложила пальцы к горлу.

- Вот видишь, – Стас хотел добавить «что и требовалось доказать», но предусмотрительно промолчал.

- Тебе легко сказать – «брось». А как я Инку одну оставлю? В товар деньги вложены... Да и вообще, зачем бросать? Пока дело выгодное. Я ж не собираюсь всю жизнь торговать.

- Аппетиты обычно растут. Скоро захотите свой магазин открыть. Или уже?

- Пока только разговоры. Планируем. Инна присмотрела павильончик. Место неплохое. Конечно, отремонтировать его надо, оборудовать.

- Я так понял, что телевизор ты будешь смотреть по выходным.

- Угу, – Лена уютно забралась к мужу на колени, прижалась и свернулась калачиком.

- Опять?! – в комнату вошла Алиса, она смотрела на родителей со строгостью школьной мымры.

- Опять, доча, опять. Иди к нам, – Лена подвинулась, освобождая место дочери. Теперь обе сидели у Станислава на коленях.

В комнату заглянула мать.

- Вы на море были?

- Да!

- Вечером пойдете?

- Да!

- Компот с блинчиками будете?

- Да! Да! Да!

- А компот холодный? – спросил Стас.

- Да, – ответила Людмила Николаевна, и неожиданно добавила. – Да! Да! Да!

Июльская спека уступила место августовской умеренности. Утренняя прохлада освежала, хотя днем было достаточно жарко. Станислав пару раз звонил в Сибирь. Все было тихо и непривычно спокойно. Эдуард Семенович отправил в отпуск почти всех, кроме себя и бухгалтера. Станислав начал тяготиться слишком продолжительным, как казалось ему, бездельем. Ему не терпелось уже вернуться и взяться за работу. Мысли все время крутились вокруг последнего контракта.

Управлению они красоту в компьютерах навели, теперь предстояло освежить «интерфейс» в главной диспетчерской «Сибгаза». Навести шик и блеск, начистить компьютерам морды.

«А где у нас это?»

«Вот здесь. Нажмите, пожалуйста, кнопку».

«Теперь хотелось бы узнать про то?»

«Будьте любезны, вот эту клавишу пальчиком...»

Стас вообще удивлялся, зачем руководство заказывает им эту работу, ее актуальность для «Сибгаза» была близка к нулю. Вполне могли обойтись тем, что у них есть. Заказывали благодаря Эдуарду Семеновичу, его связям, и – «откатам» от договоров, которыми он подпитывал чиновников в управлении. По большому гамбургскому счету для них это была мелочь, но они и ее не упускали. Для Стаса работа эта была поверхностная, достаточно внешняя и скучная. Но здесь были реальные возможности «увязнуть», зацепиться, вплотную подойти к настоящим проблемам. И

главное, средний уровень управленцев был крайне заинтересован в их разрешении. Они с Эдуардом Семеновичем уже разработали планы по «увязанию». Как и через кого будут осуществлять перманентное вползание в тему, и начинать серьезную работу. Осенью как раз будут решаться вопросы финансирования на будущий год. Эдуард Семенович был уверен, что их «забьют» в план. Тактически все было просчитано. Курочка Ряба, считай, уже на сносях. У Стаса чесались руки в ожидании настоящего дела.

Миновала середина августа. Осталась последняя беззаботная неделя. Решили все вместе возвращаться в Донецк на машине. Стас хотел провести родителей и планировал вылететь самолетом в Екатеринбург. А оттуда уже поездом – рукой подать. Утренний завтрак прервался телефонным звонком. Звонила Инна. Трубку взяла Лена.

- Привет! Что делаем? – беззаботно переспросила Лена. – Кофе пьем. На яхту собираемся. Папа привет тебе, кстати, передает. По-моему он о-очень был разочарован, когда узнал, что ты не приехала.

- Вы что, ничего не знаете?! Робинзоны, вашу мать! Вы новости слушаете?

- Обычно, вечером. А что случилось? – заволновалась Лена. – Война?

- Бог с тобой, какая война. Дефолт в Москве.

- Чего-чего? – не поняла Лена.

- Дефолт, говорю, в Москве случился!

- А что это такое?

- Точно не знаю, но для нас это – полная жопа!

- Инка, ты не ругайся, а объясни все по-человечески.

- Утром в новостях про дефолт этот передали. Что-то вроде банкротства Центрального банка России, я так поняла. А у нас ажиотаж, оказывается, уже с вечера пошел.

- А почему – у нас? В Киеве ж дефолта нет? Или тоже объявляли?

- В Киеве, как в Багдаде, всегда все спокойно. Зато все обменники закрыты, на заправках бензин исчез, как и у нас. Я на украинские новости переключала. Магазины закрыты, везде переучет. Доллар в несколько раз поднялся, и купить его невозможно.

- Так, может Васильевне пока на рынок не выходить? Пусть отдохнет, пока ситуация не прояснится.

- Не волнуйся, дорогая! – успокоила Инна. – Уже команда дана. Сидит дома.

- А Марковичи? Надо позвонить, чтобы не продавали ничего.

У Марковичей, их знакомых бизнесменов, был небольшой магазинчик готовой одежды, куда подруги сдали на реализацию партию товара. С Виолой Лена познакомилась во время одного из бизнес-туров. Приятная веселая собеседница, раньше работала инженером-технологом на пищевкусовой фабрике. Она как раз с мужем открывала магазин и предложила Лене свои услуги. Очевидно, у них не хватало пороку забить его под завязку. А Лену и Инну такое предложение устроило. Приближалось лето, а летние торговые развозы обычно себе дороже. То экзамены выпускные, то – вступительные, то отпуска.

- Ты, прямо, самая умная! Уже звонила им... – Инна замолчала.

- Инн, ну ты не нервничай. Молодец, что позвонила. Вот и хорошо!

- Да ничего хорошего! – продолжала нервничать Инна. – Продали они все!

- Как это – все?! – опешила Лена. – У них же вечно «движения нет, никто ничего не берет». Да врет она!

- Не знаю, может и врет. Виола, говорит, что они сами в шоке. Вчера поздно вечером с дачи вернулись. Позвонили продавщице домой, а та еще в магазине. Доторговывает. Рассказывает, с обеда такое началось! Смели практически все! Пустые прилавки.

- А она что, не врубается у них? Ничего не соображает?

- А зачем ей врубаться? Она у них на процентах. Счастливая, почти весь магазин распродала. В запарке мать и отца вызвала – помогать торговать и выручку охранять. Виола даже плакала в трубку. Говорит, попадалово полное. Они доллары занимали под проценты. Как теперь отдавать, не знает.

- А у нас? – безнадежно спросила Лена. – Тоже попадалово?

- Естественно. Небо в алмазах...

- Инка, ну ты там не падай духом совсем. Прорвемся, подруга, да? Как Влад?

- Нормально, Влад. Уехал позавчера. Ладно... В море хоть плюхаемся?

- Да плюхаемся. Что-то не до моря уже...

- Привет всем. Вечером перезвони.

- Угу, – Лена положила трубку.

Стас тяжело и молча смотрел новости. Затем подошел к телефону и стал крутить диск. Выход на Россию был занят. Стас продолжал монотонно набирать код, слыша в ответ короткие гудки. Каналы связи не

были рассчитаны на такое количество людей, пытающихся прорваться в это царство финансового и прочего беспредела.

В эти минуты происходили колоссальные изменения в жизни людей на одной шестой части Земли. Таяли пенсионерские и трудовые сбережения, частично спасенные от «младореформаторов». Разорялись миллионы людей, поверившие в возможность самим устроить свою жизнь. Рушились, подкошенные «вдруг, откуда ни возьмись появившимся» дефолтом, предприятия, и так уже доведенные до крайности и дышащие на ладан. Они бесильно падали в заботливо подставленные карманы. Так созревшие плоды осыпаются в корзины сборщиков урожая. Людей расчетливых, неэмоциональных и холодных. Как лезвие бритвы. Основным достоинством их при несомненном живом уме и смекалке, были близость к власти и информации и абсолютный цинизм. Собственно, с властью их нельзя было бы разделить. Они и власть являли собой две стороны одной медали. Распыленные по городам и весям капельки и струйки, маленькие денежные ручейки сливались в речушки и реки, объединялись в мощные бурные потоки, выносившие на поверхность страны новоявленные холдинги, альянсы, финансовые и прочие группы. Миллиардеров. Они проявлялись уверенно и неотвратимо, как выдвигаются из подземной шахты баллистические ракеты, несущие ядерный боезаряд. Опасные и равнодушные.

«Где чего сколько убудет, в другом месте столько же добавится» – сотни лет зубрят школьники закон сохранения энергии. «Ничто никуда бесследно не исчезает и не теряется, просто переходит в новое качество или состояние» – всем знакомый с пятого класса круговорот веществ в природе.

Сосредоточив в себе результаты труда многих поколений, наложив холеную наманикюренную пятерню на запасы и недра страны, бывшие выпускники МГИМО, МГУ, на худой конец, МВТУ, спокойно и уверенно проделывали со страной то, что крепостники проделывают с холопами, а рабовладельцы – с рабами. Все, что хотели. Или считали в этот момент нужным. Они знали, что холопы будут терпеть. Терпеть и молчать.

Глава 36.

Пахарь еще дважды звонил Надежде. Оба раза трубку поднимал мужчина. Сомнения и иллюзии рассеялись. Ну что же, ее можно понять. Женщина хочет устроить свою жизнь. От тебя ничего вразумительного не дождалась. А что я мог? Предложить руку и сердце? Зачем так ставить вопрос? Ведь так он никогда и не стоял. На руку вашу никто не претендовал. А вот насчет сердца, уважаемый, надо было что-то решать. Не зажиматься. Определиться с дамой сердца. И для себя, и для нее. Чтоб знала и ждала своего «рыцаря без страха и упрека». А то – трахбах! – два дня горячки, затем два года остывания. Задвинул любимую на дальнюю полку. Пускай пылится себе. Авось соскучусь, достану любезную, полистаю. Так не бывает, дорогой. Не хочешь женщину потерять, не теряй! Будь с ней. Пусть иногда. Пусть по телефону, письмами, да как угодно! Но не теряй, если не хочешь.

Мысль о том, что Надежда близка с другим, была невыносима. Спит, ласкает, будит по утрам, ожидает по вечерам, – и не его?! Она сидела в нем, как заноза, как ломящая зубная боль, постоянно напоминая о себе. Она мучила его, не позволяя примириться с собой. Ее тело, желания, мысли, ее дыхание – все это было его собственностью. Она отдала себя ему. Сама. Добровольно. Он свыкся, сросся с тем, что Надежда – его и ничья больше. Пахарь злился на себя, а больше – на нее. Ненавидел за предательство. Как посмела она оставить его?! После всего, что было между ними! Уйти, бросить?! Он ненавидел, любил и желал ее. Так маленький ребенок начинает вдруг яростно желать свою старую, заброшенную игрушку, которую из дальнего угла достает пришедший в гости сверстник. Он тянет ее к себе, толкает-ся и плачет.

«Моя игрушка! Отдай! Это мое! Мое! Мое!»

Нет, внешне Пахарь был спокоен. Он ел, пил, спал, разговаривал, смотрел телевизор, работал. Он не отказывался от своих интимных попутчиц. Но рана не за-

живала. Кровоточила. Как маленький порез у большого гемофилией.

Наконец-то дочь привезла в городок своего добровольно-ссылного ученого. Добрался-таки до теплого моря «сибирский затворник». Пахарь удивился, он считал, что они скоро разведутся. Не верил в нормальную семейную жизнь, если супруги годами в разлуке. Тут на выходные из дома вырываются и такое куролесят... Насмотрелся. Дочь убеждала, что все нормально, почти замечательно. «Еще немного, еще чуть-чуть»... Сама ударилась в бизнес. Значит, не так все замечательно.

Со Станиславом отношения у тестя не складывались. Да Пахарь особо и не стремился. Нет и не надо. Как говорится, семь лет горох не родил, а голоду не было. О работе своей зять подробно не распространялся, на вопросы отвечал скупно и односложно. Показался нелюдимым, слишком задумчивым. Так, движется на своей волне. Одичал, небось, там в Сибири. Отцу жалко было дочь. Ему, как мужику, было видно – мается она. И ничего хорошего из этой маеты не выйдет. Хотелось бы, конечно, ошибиться.

Двадцатого августа дочь с семьей умчалась в Донецк. Недоотдыхали. Он помог им с бензином. Залили полный бак и еще две канистры положили в багажник. На заправках топлива не было. Не только в городке, и по трассе тоже. Долбаный дефолт скомкал вторую половину августа. В течение нескольких дней паника улеглась, народ быстро привык к очередным форс-мажорным обстоятельствам. У нас вся жизнь – сплошной форс-мажор.

«Лишь бы не было войны».

Пусть, что угодно происходит, лишь бы не было... Как пел кто-то по телевизору частушку:

«С неба звездочка упала прямо милому в штаны. Пусть горит там, что попало, лишь бы не было войны».

Цены взлетели вслед за долларом, и опускаться не хотели. Отдыхающий люд скоропостижно разбежался спасатьжитое добро. Пахарь от дефолта пострадал, как и все. Но не сильно. Он не играл с государством в «веришь – не веришь» и свободную наличность переводил в надежные зеленые бумажки. Количеством этих бумажек он мог удивить разве что соседку бабу Пашу, но, тем не менее, так спалось спокойнее.

В начале августа ему привезли из Питера финские сети. Толщина лесы, ячейка, все, как он заказывал, только длиннее. Длиннее, это не короче. Трехрядные, не сети, а сказка. Резко дернув, он попробовал порвать на краю тон-

кую жилку. Леска выдержала, упруго растянувшись и прорезав кожу на сгибе пальцев. Поверх нее выступила кровь. Да, хорошие сети. Лучше, чем у него сейчас. Не терпелось опробовать.

Он уже пару сезонов вплотную занимался рыбалкой. Ставил вентери на бычка и сыпал сетки на разное. На юге северное слово «вентерь» переименовали в «ятерь». Независимо от названия, снасть работала. Бычок шел неплохо. Улов Пахарь продавал скупщикам тут же, на причале. А вот разное не баловало. Летом основной улов составляли медузы. Ближе к осени они степенно уходили туда, где теплее. Чаще всего попадались глоси. Изредка – калкан. Глосью или глоськой называют небольшую камбалу. Калкан это – камбала большая. И хотя у ихтиологов калкан считается определенной разновидностью камбалообразных рыб, охотники моря различали камбалу по размеру. Маленькая – глоська, средняя – камбала, большая – калкан. Изредка в сетях оказывался пеленгас. И уж совсем редко – осетровые. По закону он должен был их отпускать. А по справедливости? Что значат эти две-три рыбины по сравнению со многими, многими тоннами, добываемыми «конкретными» людьми? Десятки, сотни километров сетей. Эхолоты и спутниковая навигация. Фелюги, оснащенные японскими моторами, по скорости, не уступающие спортивным глоссерам. С инспекторами эти ребята не разговаривали. Все вопросы решались в высоких кабинетах далеко от моря. С любителями покрысятничать, – перебрать чужие сети, не церемонились. Изредка на мелководье находили лодки, якобы, прошитые автоматными очередями. Из местных никто эти лодки не видел, но рассказы такие упорно ходили.

В конце сентября, в один из погожих дней, Пахарь вышел в море проверить, а точнее – «потрусить ситки», как говорят на причале, ударяя на последнем «и». Нина была в отпуске и попросилась пойти с ним. Он не возражал. Ветер был слабый, но включать мотор не хотелось. Пахарь поставил паруса. Торопиться некуда. Хотелось наслаждаться морским покоем, провести день неспешно, впитывая в себя ласковую, мягкую сентябрьскую энергию солнца. Яхта плавно скользила по поверхности, не поднимаясь и не утопая, ровно продавливая покатые морские волны.

Утром дома ограничились кофе, предвкушая завтрак на воде. Жена быстро накрыла «стол», достав из сумок различную снедь. Пахарь сидел на руле, подставив солнцу лицо. Рубашку не стал снимать, ветерок вдали от

берега был по-осеннему свеж. Нина подавала, а Пахарь медленно молча жевал, в унисон с размеренным движением судна. Не хотелось словами перебивать тихий шелест воды, далекие крики чаек, шорох ветра в парусах. Разбавил завтрак беленькой два раза по пятьдесят. Настроение стало и вовсе благостным. Хотелось закрыть глаза, опустить руки, ничего не делать и не думать ни о чем. Погружению в нирвану мешала необходимость управлять рулем и держать курс.

Улов сегодня оказался небольшой. Пару ведер бычков, три глоськи и скат. Пахарь не любил скатов. Те рвали сети своими острыми шипами. Осторожно выпутав ската из сети, надо было немедленно отрубить его грозное оружие – мощный хвост с ядовитым шипом. Рана, нанесенная неосторожному рыбаку этой коварной рыбой, заживала месяцами, долго гноилась и нарывала.

Нина ловко выбирала мелочь. Осталось проверить последнюю дальнюю сеть. Пахарь поставил ее на краю косы, на подводном хребте, в обе стороны которого уходила глубина. Он долго не мог найти ориентиры. Неужели кто-то вытащил? Вряд ли. Вроде бы, все свои. Возможно, снесло течением? Правда, остальные сети стояли точно, где поставил. Ну, наконец-то! Пахарь заметил в воде поплавки из пластиковых бутылок, привязанные к якорям. Сеть сместилась на несколько десятков метров. Это ж, какое нужно усилие, чтобы потянуть тяжелые якоря?! Очевидно, кто-то из рыбаков зацепился нечаянно «кошкой» или еще чем-нибудь.

Пахарь смайнал паруса, захватил багром сеть и попытался ее приподнять. Не удалось. Незвестная тяжесть тянула ее вниз. Зацепилась, что ли? Собрав силы, Пахарю удалось вытянуть верхний канат. Расположившись на корме у руля, он медленно перебирал сеть, раз за разом продвигая яхту на полметра или чуть менее. Сетка была перекручена. Пройдя таким образом метров тридцать, Пахарь остановился. Сеть уходила резко вниз, и поднять ее у него не хватало сил. А вдруг военная мина?! – испугался он. По телевизору как-то показывали эти огромные металлические шары времен Второй мировой войны, с торчащими наружу штырями. Зацепись за такой, только щепки останутся. И немного – крабам на корм. Он пропустил «конец» под канатом сети и привязал его к корме. Передохнул пару минут. Мышцы на руках надулись, стали как ватные. Сердце колотилось.

- Нина! Там в трюме маску посмотри! На вешалке, где штормовка.

- Нашла! – жена протянула ему маску. – Витя, что то я боюсь. Может позвать кого?

- Ну, позови... – Пахарь кивнул головой в сторону. Нина Григорьевна оглянулась вокруг. Вдали, на берегу было пустынно. Коса отдыхала от летних нашествий. На воде, кроме них, качалось несколько чаек. Пахарь разделся до плавок. Примерил маску, затянул ту же резиновый хлястик. – Не спеши паниковать. Щас посмотрим.

- Витенька, ты осторожно только!

- Да знаю я! Не верещи ты под руку.

Он медленно спустился по трапику в воду. Вода оказалась холоднее, чем думал. Понятно, ночи-то холодные. Пахарь осторожно поплыл вдоль уходящей вниз сетки, стараясь не терять ее, и в то же время, боясь зацепиться. Внизу смутно просматривался темный продолговатый силуэт. Лодка? Не похоже, вроде... Стало не по себе. Руки и ноги начали слушаться с запозданием, появилась некая скованность. Инстинкт, животный страх тормозил импульсы, бегущие по нервным волокнам к мышцам. Пахарь остановился, отдышался. Сердце молотом бухало в груди, хотя проплыл он не больше десяти метров. Поправил маску и, преодолевая страх, погрузился в воду. Темный силуэт приблизился, обрел ясные очертания. Под ним находилась огромная пяти- или шестиметровая туша. Он сразу понял, что это не дельфин. Острый хвост и ряды шипов на спине – белуга. Господи, какая рыбина! Сеть несколько раз обвилась вокруг туловища царь-рыбы. Очевидно, зацепившись, и переворачиваясь в попытках освободиться, монстр накрутил на себя сеть. Иначе никакая сила не сдержала бы подводного гиганта. Короткое рыло изредка бессильно открывалось. Пахарь испугался этой громадины. Умом он понимал, что это не акула. В Черном море вообще нет акул. Не водятся и не заплывают – сероводород не пускает. А безобидные катраны не в счет. Но размер рыбы внушал какой-то первобытный, неосозанный трепет. Он молниеносно всплыл и выбрался на яхту, в секунды преодолев расстояние. Его трясло. Не только от холода. Скорее от смеси страха и возбуждения, рыбацкого азарта, разраставшегося внутри. Адреналин заливал его.

- Витя! Ну что?! Что там? – Нина Григорьевна набросила на мокрого трясущегося мужа рубашку. – Там что-то ужасное? Ну, не молчи?! Витя?

- Прекрасное!

- Что-что? Красное? Какое красное?

- Прекрасное, говорю.

- Витя, я не понимаю. Объясни мне.
- Рыба там. В сетке.
- Рыба? – удивилась жена. – Какая рыба?
- Рыба-кит из сказки!
- Господи! Да скажи ты, наконец! Дельфин попался?
- Белуга, белуга попалась. Огромная. Метров шесть.

Почти как яхта.

- Mamочки! – Нина осела, прикрыв рот ладонью.

Пахарь пытался осмыслить ситуацию. Наверное, так чувствовал бы себя разведчик, которого послали за «языком». И вдруг «язык» оказался Гитлером. Такое свалилось! Аж, занадто! Уж, чересчур! Такое рыбацкое счастье выпадает раз в жизни. А может, раз на много рыбацких судеб. Выпало ему. Сорвал куш! Мысли лихорадочно крутились вокруг рыбы, сетки и лодки. Что делать? Как увязать все в одно целое?

- Это сколько ж она весит, а? Витя?

- Полтонны, наверно, – после паузы ответил Пахарь.

- Витя, а разве бывают такие большие рыбы? – начала приходить в себя жена.

- Бывают, если попалась, – резонно заметил Пахарь.

- Помню, малый я был, так рыбаки еще больше вытащили. Метров восемь, не меньше. Ее в грузовик, в кузов положили, так хвост через открытый борт свисал.

- На сети поймали?

- Нет! На удочку! На червячка!

- Вить, я серьезно? – Нина Григорьевна была растеряна от такой фортуны.

- Конечно, на сети. На что ж еще? – Пахарь пытался сосредоточиться, и дурацкие вопросы жены его раздражали. Постепенно в голове созрело решение.

Он начал помалу отпускать сетку, двинувшись в обратном направлении, к якорю. Почти дойдя до якоря, он закрепил канат сетки на корме и отрезал якорный канат, удерживавший край сети. Якорь сетки поднимать не стал, не до него. Можно и потом подобрать, найти по поплавку. Затем завел мотор и на малых оборотах осторожно двинулся ко второму поплавку. Прodelал там то же самое, только закрепил канат сетки на носу. После этого начал поочередно выбирать и крепить сетевой канат то на корме, то на носу. Подтягивал рыбу к яхте, или наоборот. Ладони резались лесой в кровь. Обмотал их тряпками, найденными Ниной в трюме. Он наматывал сетевой канат вместе с лесками на руки, упирался пятками в край борта и откидывался всем телом назад, выбирая до полуметра. Перехватывал и – снова. Несколь-

ко раз на носу, несколько раз на корме поочередно. Нина сопровождала его, обкручивая выбранный кусок сети вокруг леера, и помогая удерживать его, пока муж перехватывал. Спину ломило. Пятки иногда соскальзывали, и Пахарь разбил до крови голени о стойку леера. Но рыба приближалась. Осталось несколько метров. Яхта опасно кренилась. Пусть будет так. Он окончательно закрепил сеть на носу и корме. Откинулся на спину. Полежал несколько минут.

- Дай водки. В бутылке.

Нина протянула ему предусмотрительно открытую бутылку. Пахарь сделал большой глоток. Еще один. Затем полил кровотокающую, израненную мелкими порезами ладонь, водкой. Глухо застонал. Словно зажал в кулак горящие угли. Снова глотнул, вылил остатки на вторую ладонь и бросил пустую бутылку в воду. «Прости, море» – подумал. Перебрался на корму, сел у руля, немного отдохнул. Запустил мотор. Неловко дергаясь, яхта сдвинулась с места. Шла тяжело и коряво.

- С таким балластом несколько часов идти будем. Затемно придем, – заключил он.

- Оно и к лучшему. Меньше ротозеев всяких.

- Меньше или больше, шила в мешке не утаишь. А тут бомба такая... Представляю, разговоров будет.

- Витя, покушаешь? – осторожно спросила Нина.

- Давай.

- А что будешь?

- Да, все равно. Водка есть еще?

- Нет, Вить, – виновато сообщила жена. – В первой бутылке оставалось немного, уронили, пока тут...

- А-а... – протянул Пахарь, и начал жевать что-то, заботливо вставленное ему в рот. Нина Григорьевна кормила его с руки, как маленького. Такого усталого, пораненного всего. Она испытывала прилив сентиментальной нежности. Господи, да что б он без нее?! И гордилась им. Таким сильным, таким настоящим.

Яхта постоянно виляла и выкручивалась, норovia вывернуться налево. Пахарь двумя руками держал руль. Он жевал, не чувствуя вкуса пищи, совсем не думая о ней. Сначала все его мысли сосредоточились на причале. Он представил, какой начнется переполох. Весь город будет на ушах. Это плохо. Можно попробовать сдать оптовикам. Полтонны по два, что по два?! по три, четыре доллара за килограмм... Минимум. А как вытаскивать? Нет, без огласки не обойдется. Оптовики или другие – все равно сдадут с потрохами. Как пить дать. Как два паль-

ца об асфальт... Пахарь невольно улыбнулся новой шутке, освежившей старую мужскую хохму.

Глубина уменьшилась. Вода посветлела. Он отчетливо видел гиганта. Тот бодро шевелил хвостом, а может, это его дергала яхта. Сколько ж ему лет? Или ей? А вдруг она старше меня? Ну и что? Как это, что? Тоже – создание Господа... Еще какое. Мысли смешивались в голове, но постоянно возвращались к рыбе. Его рыбе. Пахарь представил, что когда-то она была маленькой икринкой, потом росла, сама давала потомство. Интересно, что она испытывала при оплодотворении? Наверно, что-то испытывала. Для чего-то ж они наматывают под водой тысячи километров. Что ж это ты сбилась с маршрута, рыба? А? Какого черта тебя понесло к берегу? Ходила б себе там, с подлодками... Он вспомнил головы осетров на рыбном базаре, огромные, неохватные. Отделенные от туловища ровно и гладко. Циркуляркой. А чем еще? Так и моей рыбе оттяпают. Или самому придется. В горле стал ком. Какое право имеет он убивать такую рыбу? Простится ли ему? Какая чушь! Ведь это просто рыба, кусок мяса. А бычков два ведра – это не живые существа? Почему тут не рассусоливаешь? Моя рыба, моя рыба – вертелось в голове. Его душа ловила беззвучный «S S» этого морского пришельца. Пахарь выключил мотор. Яхта сразу же остановилась и закачалась на волнах. Вода беззаботно плепала в борт. Еще светило солнце. Природа изливала на Пахаря безмятежность и вечернее спокойствие, совершенно не разделяя его внутренних терзаний.

- Витя, ты чего? – растревожилась Нина Григорьевна. Муж был взбудораженный, немного как не в себе.

- Сейчас... – неопределенно ответил он. Прошел на нос и бросил якорь. Спустился в трюм, достал большой кухонный нож, моток синей изоляции и весло. Оно всегда валялось в трюме. На всякий пожарный... К рукоятке весла он стал приматывать нож, максимально растягивая изоляцию. Получалось некое подобие гарпуна.

- Витя, это зачем? Что ты будешь делать? Бог с тобой... Витя?

- Сейчас... – продолжая дело, отстраненно отвечал Пахарь. – Сейчас, сейчас...

Его заклинило на этом слове. Закончив мастерить гарпун, он поднял багор. После нескольких неудачных попыток, удалось, наконец, зацепить канат сетки, обвивший рыбу. Потянул его вверх, канат слегка поддался.

- Сможешь удержать? – Пахарь кивнул на багор. – Ты лучше садись, не стой.

- Попробую, – Нина Григорьевна приняла багор, вцепилась в него двумя руками, зажав древко подмышкой.

Пахарь погрузил гарпун в воду и принялся перерезать канат.

- Прими на себя, чтоб я хвост не поранил.

- Я не могу. Не получается. Сил не хватает, Вить.

- Отклонись назад. Вот так.

Через несколько минут канат был перерезан. Затем – еще один, очевидно, нижний. Супруги перебрались на нос. Пахарь зацепил канат как можно ближе к голове рыбы. Нина Григорьевна так же тянула багром канат вверх, а Пахарь пытался его перерезать.

- Ой! – Нина Григорьевна вдруг вскрикнула, нелепо развела руками и опрокинулась на спину. Багор с гулающим звуком ушел под воду.

- Нина!

- Я – ничего! Нормально. Багор вот...

- Да черт с ним с багром! – Пахарь смотрел в воду. Рыба покинула их. Он отвлекся на жену и не увидел, как рыба ушла. Как отодвинулась она от яхты, развернулась мощным движением хвоста и растворилась в темном водном пространстве, украшенная обрывками финской сетки.

- Даже спасибо не сказа... – Пахарь поперхнулся словами. По лицу катились слезы. Простояли молча пару минут. Затем он спустился в каюту. Позвал Нину Григорьевну. Неожиданно обнял со спины и начал тискать грудь.

- Витя, ты чего? Зачем так? Дома, Витя... Ой!

Пахарь не отвечал, только напряженно сопел и млял жене грудь. Затем нагнул и стащил с нее спортивные брюки и остальное.

- Витя, что с тобой? Ну, зачем? Так... Ой! Ой! Ох! Ох... О-о-о...

Солнце садилось, освещая яхту оранжевыми лучами. Ветер лег. Пахарь тоже лежал, заложив руки за голову. Жена сидела рядом. Она, то гладила его лицо, то прижималась щекой к груди, целуя рубашку, соленую шею, лицо или мохнатые руки. С ее лица не сходила блаженная улыбка. Казалось, она улыбается не только снаружи, но и внутри себя.

- Вить, а я думала, уже всё...

- Что – всё? – не понял Пахарь.

- У нас – всё. Ну, это...

- Что – всё? Что – это? Что ты загадками говоришь?

- Ну, это... Что у нас было сейчас. Думала, уже никогда...

- Вот те раз! Чего это ты так думала?
- Так, у нас давно уже – ничего. Ты хоть помнишь, когда в последний раз было?
Пахарь молчал.
- Молчишь... А я помню. Давно – было.
- Разве? А, по-моему...
- Витя!
- Ладно, Нин... Устаем. Вся жизнь на нервах.
- Витя...
- Хорошо. Свистать всех наверх!
- Давай еще немножко полежим. Ну, чуть-чуть?
- Давай. Полежим... – Пахарь закрыл глаза. Гла-
дил жену по волосам. – Плывет она где-то сейчас, рыба
моя.

Он счастливо улыбнулся.

Глава 37.

Два года назад Игорю, наконец, удалось повернуть с немецким нуворишем Клаусом дело, подготовка к которому заняла немало времени. Автосалон принял полтора десятка практически новых джипов и «бусиков». Клаус был доволен. Ему удалось настоять на своей высокой цене, как яростно ни торговались Игорь со товарищи. Подписали контракт. Предварительно адвокаты высоких договаривающихся сторон этот документ тщательно подготовили, скрупулезно оговорив ответственность, все возможные и невозможные обстоятельства, увязав все с законодательством двух стран.

Начало «большого дела» спрыснули грандиозным банкетом в ресторане. Немец набрался до бесчувствия. Вернее – «набрали» его, погрузили в «Мерседес» и в сопровождении двух профессиональных красавиц отправили в фефенебельный номер загородного отеля. Клаус провел с ними двое суток. Блондинка и брюнетка поочередно оживляли его плоть, предвосхищая самые смелые сексуальные фантазии клиента. Он приходил в себя, неясно отличая действительность и сон. Голые женские тела скользили по нему. В открытый рот попадала грудь или что-то мягкое, пушистое. Казалось, что он совсем еще маленький, и рядом – милая теплая «муттер». Потом оказывалось, что это вовсе не «муттер», а он не такой уж и маленький. Массаж расслабляющий переходил в – напрягающий. Непродолжительное протрезвление заливалось водкой, и Клаус плавно погружался в сон. Сначала после очередной стадии любви, – то агрессивной, то садо-мазохистской, то еще какой-либо. Затем плоть забастовала, протестуя против насилия над собой. Все потуги тружениц любовного фронта стали напрасны. Измученный алкоголем и опустошенный девицами организм, требовал отдыха, покоя и восстановления.

Видеокамера, расположенная в спальне за зеркалом, аккуратно фиксировала «экшен» – все самое интересное. Так, на случай непредвиденных обстоятельств. Тем более, что эти обстоятельства не заставили себя долго ждать.

Платежи за машины вовремя не пришли. Пунктуальные немцы забеспокоились. Телефоны в Киеве не отвечали. Примчавшийся из Германии гонец, с удивлением не обнаружил автосалон. Само здание было, но ни салона, ни офиса искомой фирмы не было. Вместо машин стояли различные тренажеры, и модная спортивная публика с энтузиазмом боролась с никелированными железяками, кокетливо косясь в настенные зеркала. Владельцы здания тоже ничем помочь не могли. Да, была такая фирма. Срок действия договора аренды помещений у них истек. Претензий к ним нет. За все платили исправно. Куда делись? А кто его знает? Местные внутренние органы тоже не утешили. Да, есть такая фирма. Или была, скорее всего. Пишите заявление, будем искать. Довольно быстро выяснилось, что фирма зарегистрирована на старичка, который лет восемь, как умер.

В гостинице юридическому посланнику Запада перетянули пакет от девушки. Та немного подождала его в холле и, сославшись на занятость, ушла, оставив свой телефон. Телефон, естественно, оказался «левый». А вот видеокассета из пакета стоила внимания. На кассете шеф, Клаус, занимался любовью с двумя проститутками. Ну, этим в наше время никого не удивишь. Хотя, шеф оказался большой шалун и выдумщик по этой части. Но самое интересное ждало терпеливого зрителя в конце. Клаус, или кто-то похожий на него со спины, но в его трусах, в ванной бил проститутку по голове чем-то тяжелым. Финальные кадры запечатлели бездыханную девушку на кафельном полу всю в крови. Или в томатном соусе. Лица бившего ее не было видно, кадры передергивались, в момент удара камера крупно наезжала на трусы и спину мужчины. Явно – монтаж, к тому же – непрофессиональный. Топорная инсценировка. А в постели – не монтаж. Можно отличить одно от другого. Ясно, что снято все для шантажа. Нужна экспертиза. А кто этим будет заниматься? Местная милиция? Суд? Интерпол? Надо срочно возвращаться для консультации с шефом. Очевидно, консультация с шефом прошла удачно. Для «фирмы» Игоря. Поиски машин и лопнувшей фирмы прекратились.

Для Клауса этот финансовый удар оказался чувствительным, но не нокаутирующим. Нокдаун, чтоб не терял бдительность, не расслаблялся. Было обидно, что его провели так грубо, а он клюнул на подsunутую приманку. С «русскими» он не перестал вести дела, наоборот, это были его основные клиенты. Стал только вовсе неус-

тупчивым и жестким. Оплата сразу, никаких поблажек и реализаций. И платить за все, за каждую гайку, каждый винтик. В общем-то, так было и всегда. Вот только с Игорем прокололся.

Он выгнал русскую экономку, не заплатив ей последнюю зарплату. Обойдется, он и так платил ей слишком много! Эта идиотка надеялась, что он на ней женится. Дура! Через несколько дней на вакантное место принял новую девушку. Тоже русскую. Моложе и симпатичнее, чем предшественница. В первую же ночь взял ее грубо. Делал больно, оставляя синяки на предплечьях и внутренней поверхности бедер. Девушка совсем не сопротивлялась, она прекрасно понимала, что будет работать днем и отрабатывать ночью. Ничего, пусть знает, кто здесь хозяин! Не нравится – вон! Аут! Ихние же другую привезут. Только скажи. Еще и благодарить будут. Швайн!

На следующий день девушка ушла. Клаус не ожидал такого поворота событий. Новая работница ему действительно понравилась. Стройная зеленоглазая шатенка. На немецком она почти не говорила, зато по-английски – вполне сносно. Напрасно он с ней так... Еще надоумят заявить в полицию. Вдруг она еврейка, тогда вообще проблем не оберешься. Комплекс вины, понимает-те ли... Клаус нашел девушку через рекомендовавшего ее знакомого. Извинился. Полное примирение произошло вечером в ресторане. После у них была ночь любви. Самая изумительная в жизни Клауса. Несколько месяцев спустя они поженились. А вскоре после свадьбы на свет появился маленький немецкий Пауль или Павлик, как зовет его мама.

Игорь и компания в это время тоже не скучали. Машины «ушли, как дети в школу». Подняли почти поллимона «зелени». Неплохо. Не все, конечно, в руках осталось после «кроилова». Открыли новую фирму. Естественно, тоже на чей-то «бомжастый» документ. Костяк команды остался прежний. Игорь заправлял. Вася, Костя и Сергей были на подхвате. Ну, еще пара-тройка пацанов, чтоб не возиться по мелочам. Гоша фирму покинул. Работал с отцом на небольшом семейном заводике. Производили и расфасовывали строительные смеси. Тихо и спокойно. Виктор Иванович путешествовал где-то по «ленинским местам». Путешествовал сидя. Но связь с «общественностью» Игорь не терял. Не такие это люди, чтобы связь можно было с ними терять.

Но время Викторов Ивановичей уходило. Старые воровские законы еще были крепки, особенно в зонах и

турьмах. А здесь, на свободе нарождались новые силы, не признающие никаких авторитетов, кроме денег. «Калашников», «Макаров», «Стечкин» еще звучали в городских джунглях, как дурная отрыжка недавнего прошлого, но мало что решали. Так, мышьяная возня. Серьезные вопросы разрешались в тиши кабинетов, за клавиатурами компьютеров.

Множество самых разнообразных бригад «архаровцев» разрабатывали «темы» под «крышами» властных, и не только, структур. Металлолом, дисконт, левая водка или минеральная вода, НДС, еще многое другое. Конечно, основные финансовые потоки проходили по линиям электропередач, газо- и нефтепроводам. Это, так сказать, «базис», неподвластный времени и всякой шустере.

«Фирма» тоже не стояла в стороне от моды. Организовали несколько пунктов по приему металла. Это направление курировал Вася. Костя был ответственный за НДС, тут и Игорь был задействован на всю катушку. Работал с клерками в налоговой и везде, где нужно. Виртуальные составы с грузами пересекали границы, реальные деньги перечислялись на счета виртуальных фирм, растворявшихся после в киберпространстве. Естественно, с деньгами. Об этом писали в газетах, иногда говорили по телевизору. Мол, НДС наносит колоссальный ущерб экономике страны, как и сбор металлолома. Но грузенные металлоломом корабли плыли в Турцию, Индию, Грецию. А то и просто, продавались вполне рабочие суда по цене металлолома. Виртуальные грузы продолжали регулярное пересечение границы. А кто мог это остановить? Кто мог отменить такие законы? Законы сочиняют не для того, чтобы отменять. Их сочиняют, чтобы они действовали. Приносили пользу. Тем, кто их сочиняет и следит за их исполнением.

Сергей занимался операциями с «дисконтом». Приходилось много мотаться, контактировать с людьми. Не всегда удачно. Попадались руководители заводов или фабрик, посылали куда подальше. Один даже грозил милицией. Но такие принципиальные встречались не часто. Некоторые остерегались связываться. И хочется, и колется. А может, крутили свои дела. Но в целом, операции удавались. Казалось бы, какой смысл директору завода давать неизвестной ему фирме товарный кредит на миллионные суммы, например, покрывками для машин? Товар и так ходовой, на складах не задерживается. Для завода – смысла никакого. Фокус состоял в том, что директор получал десять процентов от сделки наличными. Сра-

зу. И желательно в твердой валюте. Что-то перепадало и главному бухгалтеру. Но это уже парафия директора. Затем покрывки оперативно продавались по цене ниже заводской.

Наивный западный экономист с Гарвардским дипломом только покрутил бы пальцем у виска, в очередной раз, убеждаясь в бесперспективности этой странной на его взгляд цивилизации. На что наши Остапы Бендеры только скромно улыбнулись бы в ответ. Наличка! Желанная наливка – вот цель подобной экономической «глупости». Деньги опять «кроились». Часть шла «туда». Часть превращалась в квартиры, офисы, машины, виллы, сауны с девочками, все, что угодно. На остаток закупалась партия чего-нибудь – томатной пасты, проволоки, тракторных моторов. Чего угодно. После череды бартерных сделок с умопомрачительными иррациональными ценами, кредит гасился тоже бартером. Например, автомобиля для администрации или автобусами для рабочих. Цена транспорта, правда, была во много раз завышена. Но об этом рабочим, сидящим месяцами без заработанных денег, никто не докладывал. Кто не хотел ждать, мог получить зарплату чайными сервизами, лопатами, противогАЗами, путевками на курорт, наконец.

Нельзя сказать, что Сергею эта деятельность претила. Было даже интересно, особенно вначале, из ничего делать деньги. И немалые.

«Куй железо, не отходя от кассы. Пока горячо», – решил он для себя.

Но постепенно становилось жарко. Бартерные пирамиды по стране росли и пухли. Об этом много и откровенно писали. Наверху начали создавать видимость борьбы. Попытались запретить бартер и взаимозачеты. Как бы запрещая, но делая при этом исключения и оговорки. Мол, давайте, ребята, шевелитесь в темпе. Уже – звонок. Скоро потушим свет. Кто не успел, тот опоздал.

Сергей был парнем азартным, из тех, «кто любит погорячее». Но, ожегшись раз, не хотелось самому опять «лезть в торбу». Последние сделки проходили очень туго. Игорь подключал нужных «людей», чтобы погасить интерес у органов на местах. Теперь главное – вовремя остановиться. Сергей недавно вернулся из Мариуполя. Как раз закруглял одну из «цепочек». Он сидел в офисе и играл с Костей в нарды. Перед обедом появился Игорь.

- Так, Костя, возьми «ваген», – Игорь протянул листок бумаги. – Созвонишься. Тут написано, кому звонить. Папку передашь и пакет.

- Еще что? – Костя поднялся.

- Оля, что у тебя срочного есть? – повернулся к секретарше Игорь.

- Только письмо в управление завезти. А то по почте два дня идти будет.

- Олечка, тебе факс для чего поставили? Кнопочки нажимать умеешь? – ехидно спросил Костя.

- Ну... умею, конечно.

- Ну, так нажимай, солнце наше. Нечего курьеров гонять. Двадцать первый век на пороге, а мы все лаптем щи хлебаем, – разглагольствовал Костя.

- Короче, кончай заливать! – осек его Игорь.

- Игорь Борисович, у нас кофе заканчивается, фруктов нет, коньяка, по-моему, одна бутылка осталась...

- Меня грузить не надо, – перебил ее Игорь. – Напиши Косте, чего и сколько. Деньги из представительских выдай. Как обычно. Ты факс освоила?

- Конечно, Игорь Борисович! Я...

- Ну, так работай. А ты поменьше умничай! – это уже относилось к Косте. – Серый, зайди ко мне в кабинет.

- Игорь Борисович, вы кофе будете? – спросила Оля вдогонку. – Чайник уже закипел.

- Да подожди ты со своим кофе... хотя, давай. Ты будешь?

Сергей утвердительно кивнул.

- А я? Что за дискриминация? – возмутился Костя. Он, улыбаясь и прихлебывая из чашки, заглянул в кабинет

- Ты еще здесь? Борец за права, блин, – Игорь пытался быть серьезным и солидным Игорем Борисовичем. Получалось несколько неуклюже, особенно, среди своих. Но он быстро научился «фильтровать базар», общаясь с людьми из компетентных структур. И вообще.

- Ты на обед собираешься ехать? – спросил Игорь.

- Вроде, не собирался. Так, думали кофеек, сырок...

- Как насчет «Погребка»? Пиво с сосисками? По паре бокалов, идет? Перетрем кое-что.

- Идет. Пиво там классное, бочковое. И сосиски ничего, – согласился Сергей.

- Охотничьи, да?

«Погребок» – пивной бар в немецком стиле располагался в подвальном помещении в двух кварталах от офиса. Собственно, немецкий стиль ограничивался немецким пивом, действительно вкусным, и большим выбором сосисок, колбас и сыров. Для любителей отечественных

традиций были копченые лещи, тарань, хамса и селедка. Грубоватая деревянная мебель и стены, отделанные под камень, придавали помещению шарм и уют старины.

Заказали по бокалу светлого пива и жареные сосиски. Бармен уверенно наливал пиво по стенке бокала, чуть добавив давления в конце, образовал сверху красивую пенную шапку. Плотная пена упруго колыхалась, не собираясь оседать. Приходилось аккуратно пить сквозь нее, слизывая с верхней губы белые пенные усы. Сергей понимал, о чем будет разговор. Игорь не рассчитался с ним за предыдущую сделку. И с последней он свою долю тоже еще не забирал. Выпили по бокалу, говоря ни о чем. Заказали еще.

- Серый, какие у тебя планы?

- Насчет чего? – уточнил Сергей.

- Да, насчет всего.

- Сложно так сразу сказать... – Сергей задумался. –

Если насчет сделки, то надо завязывать, пока не залетели. Или наоборот, гораздо круче работать. Чтобы нас, как курочку Рябу лелеяли, боялись перышко уронить.

- Мысль интересная, – Игорь рассматривал сосиску на вилке. – Но тут я вижу проблему.

- Ясно, что не без проблем.

- Как только яички золотые закончатся, так курице башку и оттяпают, – Игорь смачно с хрустом откусил кусок сосиски и принялся медленно пережевывать.

- Яйца, – поправил Сергей.

- В смысле?

- Яички – у нас с тобой. А курицы несут яйца.

- Один хрен – яйца, яички. Оттяпают. По-любому, – Игорь отхлебнул из кружки. – Проглотят и не подавятся.

- «Без соли и без лука», как аборигены Кука, – скалмбурил Сергей.

- У меня к тебе есть предложение. Мы с тобой, сколько уже работаем? Четвертый год?

- Ну да. Больше трех уже.

- Так вот. Тут помещение одно намучивается. За долги отдают. Сначала я отказывался. А своей половине случайно сказал, так она загорелась там бар, дискотеку закрутить. Говорит, сколько лет уже дома сижу, осточертело. Она раньше в торговле работала. Институт торговый закончила. Теперь каждый вечер меня достает. Лично мне оно не надо. Не до того мне. Сама она все не потянет. Нужен надежный компаньон. Как тебе такая идея?

- Идея неплохая. Вот только дискотеки уже отходят. Сейчас в моде ночные клубы.
- А какая разница? Там что, водку не пьют и не танцуют?
- Да пьют и танцуют тоже. Клуб – это чтобы уютно было. Хочешь, сиди и балдей, хочешь – танцуй. Артист какой-нибудь выступит. Стриптизерши, ясное дело, крутятся. Тусуется народ до утра.
- Таблетки, небось, жрут. Дурь курят.
- Наверное. Как и везде.
- Понятно. Те же яйца, только вид сбоку, – заключил Игорь.
- В принципе, да... – согласился с ним Сергей.
- Короче, ты вкладываешь в это дело свою долю с последних сделок...
- То есть, деньги я уже не получу?
- Серый, если ты отказываешься, я с тобой по-любому рассчитаюсь. Ты знаешь, с наличкой сейчас туго. Часть получишь. Остальное – вон «бус» любой выбирай. На маршрут поставишь, если хочешь. Ты прикинь грамотно, я тебе хозяином быть предлагаю. Чтобы ты там не на зарплате сидел, а сам людям платил. Чтобы за все душа болела. Врубается?
- Врубаюсь. А жена твоя как?
- Вот, будете там два хозяина. Татьяна и ты. Сядем, посчитаем, у кого какая доля. Кто чем заниматься будет. Документы правильно, по-взрослому оформим. А помещение перспективное.
- Тренажерный зал бы организовать, сауну?
- Поедем. Посмотришь.
- Если честно, Игорь, мне это дело нравится. А от кого мы будем работать? Я в смысле «крыши» и все такое.
- Крыша – это я. Мои проблемы. Порешаем все, как положено. Не такой тут выхлоп, чтобы сильно париться.
- Игорь, я смотрю, мы в последнее время ориентацию поменяли, что ли?
- Не понял? Мы – это кто? – Игорь слегка набылся.
- Я насчет фирмы и «крыши». Раньше Виктор Иванович нас «курировал», потом коллеги его. Сейчас – совсем «не коллеги». Можно сказать, наоборот.
- Серый, что ты крутишь? Ты хочешь сказать, что мы раньше были под «бандитами», а сейчас – под «мен-тами»?
- Ну, я не знаю... Просто думаю.

- Ориентацию мы, блин, поменяли! Жизнь меняется вокруг. Замечаешь?

- Замечаю, конечно.

- Хорошо, что замечаешь. Теперь заметь, твоя ориентация это – я. Надо будет, введу в курс дела. Пока оно тебе не надо. А вообще, ты знаешь, что хорошая хозяйка хранит яйца в разных корзинах?

- В курсе дела.

- Если в курсе дела, так чего тупые вопросы задавать. Ты что, не в курсе, кто у нас самые крутые бандиты?

- Опять получается, что те же яйца, только вид с другого боку, – рассмеялся Сергей.

- Ну да. Получается, что так, – согласился Игорь.

Глава 38.

Заканчивался октябрь тысяча девятьсот девяносто девятого года. Скоро наступит последний год двадцатого века, последний год второго тысячелетия от Рождества Христова. Двухтысячный год – эта цифра всегда казалась Пахарю фантастически далекой, почти недостижимой. Ему исполнится пятьдесят пять. Круглые даты. Сверяясь с ними, хочется подвести итог прожитому, сделанному. Или – несделанному. Понять, что ждет впереди. Были какой-то смысл в его существовании на этой земле? Каково было его предназначение, и выполнил ли он его? Раньше, до «санатория» он мало задумывался над подобными вопросами. Там было, конечно, время поразмыслить за четыре года. Уже пролетело – семь, как вышел. Словно не семь лет, а семь месяцев, семь недель. Семь станций мелькнуло за окном скорого поезда. Сколько еще будет остановок?

С каждым годом нарастало ощущение, что сделал в жизни он очень мало. Ничего не достиг, просуетился как-то зря. Былая руководящая деятельность льстила самолюбию, но она давно отошла в мемориальную фазу. С другой стороны, причин для особой гордости не было. Не космические корабли запускал... И вообще, все это происходило в другой жизни – простой и понятной, в чем-то наивной по сравнению с нынешними нетривиальными временами. Ностальгии по той жизни не было, но вспоминалась она всегда по-доброму, душевно. Плохое память от правляла в дальний чулан. Вынужденные «каникулы» вообще стояли особняком. Они отделяли ту жизнь от этой. Для Пахаря это была точка отсчета. Перевал. Конец эпохи, и начало – другой. До и после.

Хотелось оставить после себя след. Память. Нет, след, конечно же, останется. Дом построил, деревья сажал, дети давно взрослые. Внучка почти невеста уже. Может, Сергей с Мариной разродятся-таки наследником фамилии, продолжателем рода. Но все это так, на уровне обычной человеческой особи, одной из многих миллиардов за де-

сотки, сотни тысяч лет. Родился, питался, размножился, копошился... Глядя на ночное звездное небо, он часто вспоминал слова Галины, что вся наша жизнь это – дым по сравнению с вечностью, звездами, космосом. Мол, все прахом пойдём. Что-то в этом духе. Может, и так. Кто вспомнит через сотни или тысячи лет о нас? И о ком вспомнят? Об Иисусе, наверно... А может, накроет всех огромная цунами? Так гораздо проще. Зачем страдать, напрягаться, мучиться, если все равно рано или поздно, цивилизация наша сгинет во Вселенной? Налетит какой-нибудь астероид. Недавно фильм смотрел...

Встреча с большой рыбой в прошлом году на Пахаря повлияла. Засыпая, он почти каждый раз вспоминал подробности того сентябрьского дня. Проживал внутренне все раз за разом. Рыба снилась ему. Он с ней общался без слов, импульсами, неизвестными волнами, понимая, скорее даже, чувствуя ее. Он ощущал, как выходит она из темной Черноморской пучины в мутный Дунайский поток. Поднимается вверх по знакомым фарватерным глубинам, приближаясь к заветным подводным засекам. Вот оно! Эта томящая вибрация и резкий манящий запах самца. Мышцы судорожно щемяще сжимаются, выталкивая в воду миллионы возможных будущих жизней. Ради этих секунд пройдены тысячи километров, преодолены многие преграды и смертельные опасности. Затем обратный путь. Летние пастбища. Стылый медлительный зимний сумрак.

Размышления прервал телефонный звонок.

- Алло! – трубку подняла Нина Григорьевна. – Леночка, здравствуй! Да. Все хорошо. Да. Нормально. Рядом сидит, телевизор смотрит. Передаю трубку. Пока. Алисочке привет!

Дочь звонила нечасто. Обычно – к праздникам. Иногда – в выходные дни. Пахарь взял трубку. Мысли пронеслись в голове, составив недоброе предчувствие.

- Папа, привет! – дочь приветствовала его бодро, но голос был треснувший. Пахарь понял, произошло нечто серьезное.

- Что случилось? – вместо приветствия спросил он.

- Папа, мне нужна твоя помощь.

- Я понял. Что произошло, Лена?

- Папа, мне срочно нужны деньги.

- Лена, объясни, пожалуйста, что стряслось?

- Я не знаю, что делать? Я боюсь... Они сказали, Алечку... Алечке... Если я обращусь... – дочь не выдержала и зарыдала в трубку. Отец не перебивал ее. Дождь, пока она немного разрядится и возьмет себя в руки.

- Ты успокоилась? Вот и хорошо. Теперь объясни мне, что все-таки произошло.

Из сбивчивого, прерывающегося слезами, рассказа дочери сложилась следующая картина. Несколько дней назад Лена с Инной ехали по городу на машине. Неожиданно по встречной полосе «восьмерку» обогнала и подрезала какая-то иномарка. Лена рефлекторно приняла вправо и ударила в багажник «BMW», внезапно появившийся в правом ряду. Подрезавшая машина, естественно, не остановилась. Все произошло настолько быстро, что Лена даже не успела запомнить номера нарушителя. Инна говорила, что они были заляпаны грязью. Пока ждали гаишников, сочувствующая автомобильная братия объяснила, что «попала ты, подруга, на штуку баксов», не считая ремонта своей машины. Есть, правда, на гаражах умельцы – вполне могут в шестьсот-семьсот долларов уложиться. Хозяева машины, кавказцы, вели себя спокойно и интеллигентно, сочувствуя Лене.

«Какие приятные ребята, наши б уже базар подняли до небес, обматерили бы с ног до головы», – отметила про себя Лена.

У «BMW» был разбит левый задний фонарь, помяты крыло и багажник. У «восьмерки» – разбита правая фара, помят капот и радиатор. Гаишники составили документ, установили вину водителя автомобиля «ВАЗ – 2108». С кавказцами договорились, что Лена оплатит им ремонт машины.

На следующий день Лена приехала на фирму, которую они называли. Здесь машина постоянно обслуживалась. Фирма оценила нанесенный ущерб более чем в десять тысяч долларов. Оказалось, что ко всему прочему «повреждены» еще и мотор, и трамблер, и коробка передач. Список оказался длинный. Проводить экспертизу на другой фирме кавказцы отказались. Поняв, что ее «разводят на бабки», Лена предложила оппонентам решить проблему в суде. Пусть подадут на нее в суд, а она все оплатит по решению суда. В ГАИ документ имеется, есть свидетели, как все произошло. Экспертизу проведет независимая фирма. Раз не хотите по-хорошему, пусть будет по закону.

Приятные ребята сказали что «до суда ты, сучка дрานая, не доживешь, и босявка твоя костлявая – тоже». Господи, откуда они про Алису знают?

«Если ты, тварь, заявишь в милицию, получишь такое, будешь Бога молить, чтоб умереть самой и девке твоей. Понятно? У нас там схвачено все. Ты только позвонишь, а мы уже знать будем. Неделя сроку тебе. Или

десять – за ремонт, или пятнадцать за всю машину. Через неделю счетчик включим. По штуке в день. У нас – дела, а мы стоим из-за тебя, сука! Телефон твой уже на прослушке, понятно?! И не вздумай из города свалить. Тебя бригада пасти будет. Ясно? Ну, что стоишь? Вали за бабками, шевели булками. Или для понятливости тебя в боксе по кругу пропустить?»

«Прошло уже четыре дня. Денег нет. Можно наскрести две, три, от силы четыре тысячи, если занять. Эти звонят каждый вечер. Телефон узнали. Угрожают. Говорят, нет денег, квартиру перепишешь. «Восьмерку» как неустойку заберут, за неудобства свои. За то, что согласятся с квартирой возиться. «На что нам квартира?! Нам дэнги нада!». Вчера вечером в дверь позвонили. Я в ванной была, не слышала. Алиса открыла, сказали «плиту газовую проверить». Вломилось трое. Где деньги, говорят? Ты что дома сидишь, сука? Не шуришишь? Один нож такой огромный вытащил с зазубринами сзади. Может, говорит, начнем пальцы отрезать девке, а? Глумятся, силу показывают. Поржали и ушли. Я как парализованная стою, а Алиса трясется вся от ужаса. Папа, что делать? Я не знаю, что делать? Господи?!»

- Ты мужу звонила?

- Нет.

- Почему?

- Я не знаю, куда звонить. Фирмы нет. Он сам иногда звонит. Второй год, как уехал. Я не знаю... не знаю... – дочь опять разрыдалась в трубку.

- А Сергею?

- Нет, папа, я тебе первому позвонила. Может, они слушают все... плевать...

- Лена, я выезжаю. Ты держись, дочь.

В Донецке Пахарь никого не знал. Разве что, сватов. Он позвонил родителям Станислава. Обрисовал ситуацию Владимиру Антоновичу. Тот всполошился, почему Лена не сообщила обо всем им, пообещал поднять все возможные связи. Пахарь сделал массу звонков в Киев старым знакомым. Его поддержали по линии безопасности и прокуратуры. Дали рекомендации и телефоны начальника местного УБОПа – Управления по борьбе с организованной преступностью. Пахарь позвонил прямо с вокзала, представился. Да, ответили, по вашему вопросу из Киева уже звонили. Подъезжайте через сорок минут. На проходной вас будут ждать. Начальник УБОПа – невысокий плотный полковник молча выслушал Пахаря. Нажал на кнопку селектора.

- Леня, зайди ко мне.

- Разрешите, товарищ полковник? – дверь открыл высокий седоватый мужчина лет сорока, в штатском, ничем не примечательной внешности. Разве что, мешки под глазами. Пьющий, или почки, или недосыпает.

- Заходи, заходи, – полковник отвлекся от бумаг на столе. – Леня, чем вы сейчас заняты?

- Я же утром докладывал, Петр Афанасьевич... – вошедший покосился на незнакомца.

- Да-да. Это я так. К слову. Это Виктор...

- Сергеевич.

- Да. Виктор Сергеевич Пашутин, – полковник прочел в блокноте. И отрекомендовал высокого. – А это Леонид Михайлович, майор. Один из наших лучших оперативников. Леня, людям надо помочь. Ты меня понял?

Майор кивнул головой.

- Отнеситесь внимательно. Привлеки, кого считаешь нужным. Ну, я думаю, ты и своей группой справишься. Если от меня что нужно, я на месте. Или звони по мобильному.

Леонид Михайлович провел Пахаря в свой кабинет. Там находилось еще двое ребят помоложе. Андрей и Эдик. Капитаны. Из группы майора. Тоже в штатском. Свитера, джинсы. Совсем не по-военному. Познакомились. Внимательно выслушали Пахаря.

- Ну что, бойцы, какие соображения? – спросил майор.

- Надо бы с дочерью вашей поговорить. На месте посмотреть кое-что, – начал Эдик. – Магнитофон к телефону подключить. Подергать их в разговоре. Магнитофон есть?

- Я не знаю, – пожал плечами Пахарь. – Можно позвонить.

- Ладно, диктофон возьмем на всякий случай.

- Насчет девочки надо подумать. Есть куда отправить? – спросил Андрей.

- Я думаю – да. Что-нибудь придумаем.

- Вы на машине? – спросил Леонид Михайлович Пахаря.

- Я только с вокзала.

- Понятно. Ладно, Эдик, берешь «шестерку» и езжайте с Виктором Сергеевичем на место. Поработаешь с дочерью. И вообще.

- Там же бензин на нуле...

- Бензина зальем, сколько надо, – решил проблему Пахарь.

- Так. Андрюша, пробей через ГАИ, что за «бэ-эм-вуха». Кто хозяин. Только технично.

- В курсах. Прикроемся.

- Все. В шестнадцать часов встречаемся. Что-то срочное, звоните по мобильнику.

«Шестерка» лихо мчалась по городу.

- Эдуард... Ээ...

- Эдик, да и все.

- Эдик, а почему вы все не в форме? По телевизору ваши в камуфляже, масках.

- Так это ж «маски-шоу», а у нас работа серьезная, незаметная. А цивильное – самый лучший камуфляж. Кстати, заходите будем отдельно. Сначала вы. Минут через десять – я. Замок откройте заранее, чтобы не звонить. Может, действительно, пасут?

Недоезжая до дома, Эдик остановил машину у гастронома. Пахарь прошел с полквартиры, завернул во двор и поднялся к дочери. Встреча оказалась тяжелой. Дочь и внучка обняли его и расплакались. Пахарь как мог, успокоил их и сказал, что скоро придет сотрудник из органов. Им будут помогать.

- Папа, а не будет хуже? Может, заплатит, чтобы не рисковать? Как-нибудь выкрутимся...

- Нет. Хуже не будет. Пока все не заберут, они не успокоятся. Счетчик включают. Придумают убыток, который ты должна дополнительно погасить. Еще что-нибудь. Уж если начнут доить, на полпути не остановятся. Нет, дочь, надо бороться.

- Я понимаю.

- Вот и ладно. Давай, бери себя в руки. Кончайте тут сырость разводиться.

Из окна кухни хорошо просматривался двор. По тротуару вальяжно шел подвыпивший парень. Курточка в руке, заправленный в брюки свитер нелепо пузырился на животе.

«Только обед, а этот уже набрался. Еще простудится. Ветер холодный, – подумал Пахарь, глядя на выпивоху. – Тьфу, черт! Это же Эдик! Ну, артист!»

Эдик так же вальяжно поднялся по лестнице до последнего пятого этажа и спустился на третий. Быстро вошел. Он снова выслушал, теперь уже от Лены, версию случившихся событий. Изредка перебивал вопросами.

- У вас есть их телефон?

- Нет. Они звонят каждый вечер сами.

- Скажите, что насчет денег вы договорились, но сразу всю сумму собрать не можете. В сроки не укладываетесь.

- Так ведь через два дня они счетчик включат.

- А вы настаивайте, чтобы не включали. Торгуйтесь. Доказывайте, что деньги вы для них достаете, и через два-три дня сможете передать часть. Потом – еще. Диктофоном умеете пользоваться?

- Да. Был у нас, пока дочка не сломала.

- Вот! – Эдик достал диктофон. – Здесь нажимаете и микрофоном приставляете к трубке наверху. Записываете все разговоры.

- Эдуард... Эдик, они говорили, если в милицию обращусь, они Алечку... все по очереди. А потом голову отрежут.

- Это они всегда так говорят. Вы не волнуйтесь так. Но, вообще-то, девочку лучше отправить куда-нибудь. Родственники, друзья есть?

- Да, есть, конечно.

- Вот. Вы продумайте, договоритесь. Звоните лучше из автоматов. А мы со своей стороны поработаем.

Договорились встретиться завтра. Около девяти вечера в дверь позвонили. Пахарь взял топор, подошел к двери.

- Кто там? Кто там?

Шум на лестничной площадке стих. Затем послышались удаляющиеся шаги. Через полчаса все повторилось. В одиннадцать ночи раздался телефонный звонок.

- Да! – Лена подняла трубку.

- Что, курва? С ментами связалась? П...дец тебе, б...ть, и сучке твоей!

- Подождите, что вы такое говорите?

- Хана тебе! Мы все знаем! Мента приставили охранять?

- Какого мента? Кого охранять? Ко мне отец приехал. Часть денег привез. И я уже собрала...

- Эти деньги мы тебе в глотку затолкаем. Жрать их будешь, гагара! – на том конце повесили трубку.

Несколько минут просидели в тишине.

- Папа, они знают все.

- Как раз наоборот. Они тебя на понт берут, на испуг.

- Я боюсь... За Альку... Господи! Да что ж это такое?!

- Лена, я тоже боюсь. Не бояться только дураки. А вот паники не надо. Давай рассуждать трезво и логически, – Пахарь старался говорить как можно спокойнее. Пытался вселить в дочь уверенность и твердость. – Если бы они знали точно, что здесь находится милиция, они бы

не приходили. Это раз. И не звонили бы. Это два. Сейчас переваривают, что ты им сказала. Ты им наживку забросила, вот они вокруг нее...

Тираду перебил телефон. Лена подняла трубку.

- Что, красавица, не спится, а?

- Что вы хотите?

- Мы много чего хотим. Трубку старому своему дай.

Поговорить хотим.

- Хотят с тобой познакомиться, – Лена протянула отцу трубку.

- Алло.

- Привет, папаша!

- Здравствуйте.

- Ты че нам лепишь? Папаша х...ев! Вы нас за лохов держите? За бакланов? А?

- Никого мы не держим.

- Ты че восьмеришь? Ты для папаша возрастом не вышел.

- У меня паспорт есть. Могу показать. Завтра.

- Зачем завтра? Скоро будем. Все покажешь. И деньги заберем, что привез.

- Денег здесь нет, и вам тут делать нечего! – категорично заявил Пахарь.

- Что ты дуру гонишь?! Что ты разводишь? Девка твоя сказала, ты бабки привез. Что за пурга?

- Я повторяю, денег в квартире нет.

- А где же они? Во дворе закопал?

- Может, в камере хранения. Может, у друга оставил...

- Ты че, на умняк сел? Подтянемся сейчас, разберемся со всеми. С малой начнем...

- Подтягивайтесь. Только учтите, с охотничьего ружья полголовы кому-нибудь снесу. Для начала...

- Мужик, ты че, крутой?

- Обычный.

- Ну, смотри, мужик, мы хотели, как лучше.

- Я тоже, – Пахарь положил трубку.

- У тебя ружье есть, папа?

- Нет. Это я так, чтобы нервничали. Знают, что народ не может ничем ответить. Вот и борзеют. Теперь подумают, прежде чем сунуться.

Лена приготовила чай. Пахарь подпер входную дверь доской с балкона. Улеглись спать. Топор положил возле кровати. Алису решили отправить с Владимиром Антоновичем к дальним родственникам в Луганск.

Утром Пахарь позвонил Леониду Михайловичу. Тот

был на «пятиминутке». Трубку поднял Эдик. Пахарь рассказал о ночных приходах и звонках. И насчет Алисы. Эдик появился сразу после десяти.

- Лена, а вас не зеленая «Ауди» подрезала? Старенькая такая?

- Ой, Эдуард, я модель не помню. А цвет? Нет, не зеленая. Скорее, болотная... – Лена задумалась. – А колечки сзади, кажется, были.

- Точно. Эмблема «Ауди» – четыре связанных кольца. Кстати, машина эта крутится возле вашего дома. А у «BMW» уже четвертая авария с начала года. Андрей пробил. И все, как под копирку. Подставляются.

- А как это доказать? – спросил Пахарь.

- Практически – никак.

Через чердак Эдик и Алиса попали в первый подъезд. Сначала вышел Эдик, спустя несколько минут – Алиса. Вечером бабушка уехала с внучкой на поезде.

Глава 39.

Несколько вечеров прошли в нервных переговорах с кавказцами. Наконец договорились, что сначала Лена передаст половину суммы и через неделю – остальное. Или же постарается выкупить машину полностью. Деньги должна передавать только Лена и никто другой. Ни отец, ни сват, ни брат. Зато Пахарь настоял, что ни о каком счетчике не может быть и речи. Сумма и так достаточная.

Встречу бандиты назначили возле танка – памятника в честь освобождения города от немцев. Вокруг памятника был сквер. Место немногочисленное, легко просматриваемое. Леонид Михайлович привлек несколько машин. Перекрыли возможные пути отхода. Несколько сотрудников в виде прохожих, дежурных шахматистов или гуляющих влюбленных контролировали «пешеходный» участок. Лена получила от оперативников пакет с помеченными купюрами. Ее жестко проинструктировали: никуда из парка не уходить, вообще поменьше разговаривать, передать пакет и все. Ни в коем случае не садиться к ним в машину. Ни под каким предлогом. Если свидание не состоится, подождать полчаса и ехать домой на такси. Такси ловить со стороны проспекта. Подъедет бежевая «Волга». Там будет сидеть знакомый сотрудник.

День был пасмурный и ветреный. Красновато-желтые листья подхватывало внезапными порывами и они, шурша, перемещались по асфальту. В пятнадцать часов Лена появилась в сквере возле танка. Она прогуливалась туда-сюда, ожидая Аслана. Это был один из тех «приятных» молодых людей, находившихся в машине во время аварии. Именно он решал «технические вопросы» передачи денег, вел переговоры в последние дни.

Аслан был «добрым». Он не ругался матом, не обещал ничего отрезать. Он как бы сочувствовал Лене, что с ней приключилась такая неприятность. Советовал не делать глупостей, чтобы между ними не испортились отношения. «Тонкая» восточная хитрость и коварство. Можно

подумать, сейчас между ними дружба народов и любовное согласие. Не в театр же приглашает? Бесплодно прождав полчаса, Лена уехала, сделав все строго по инструкции. За рулем такси сидел Эдик. На заднем сиденье Андрей. Эдик проехал несколько кварталов по пустынным улицам, затем снова вырулил на оживленную трассу.

- Ну что, на хвост, вроде, никто не упал? – спросил Андрей, посмотрев в заднее стекло.

- Это я так, для самоуспокоения. Они могут у дома ждать и не дергаться.

- Почему никто не пришел? Может, они что-то почувляли? – обратилась к операм Лена.

- Ну почему – никто? Был там один – «шестой» номер. Маленький такой, в ветровке. Не обратили внимания?

- Сутулился все время? Руки в карманах держал?

- Вот-вот, – подтвердил Андрей.

- Я думала, бомжик какой-то... Бутылки, окурки собирает.

- Послали бойца просечь, что к чему. Страхуются.

- А с деньгами что делать? – Лена достала из-под плаща пакет. Сумку могли вырвать из рук по наводке. Так что пакет находился глубоко в джинсах, прикрытый сверху свитером и плащом.

- Деньги давайте нам, – Андрей протянул руку. – Вы их на обратном пути «спрятали» в камеру хранения. Или оставили у кого-то. Лучше – камера хранения на автовокзале. Это, практически, по пути.

- По пути... – понятно согласилась Лена. – А мне что делать теперь?

- Ничего. Ждать. Позвонят, будем решать, что делать. Старайтесь быть спокойнее. Не волнуйтесь.

- В смысле «не волнуйтесь, больной, это – рак. Это пройдет».

Андрей и Эдик рассмеялись.

- Нет, вы переживайте, бойтесь, конечно. Ведите себя естественно. На вас сейчас наезжать начнут. Прессинговать будут. А вы стойте на своем и все. Обвиняйте, что они голову вам морочат. Гните свою линию, – Андрей похлопал Эдика по плечу. – Ты останови заранее, а сами минут десять покатайтесь.

Эдик кивнул головой. На улице начало смеркаться. Андрей вышел. Эдик небыстро проехал несколько кварталов туда и обратно. Подъехал к дому.

- Счастливо вам, Лена!

- А вы не зайдете?

- Нет, я же таксист. Мне возвращаться надо.

- А Андрей? Разве вы его не подождете?

- Нет. Он у вас побудет, сколько нужно.

- Спасибо вам. До свиданья! – Лена захлопнула дверцу машины.

- Такси! Такси! – от соседнего дома спешила полная женщина с сумками. – На вокзал отвезете?

- Вообще-то, я в парк. У меня смена кончилась, – водитель посмотрел на запыхавшуюся женщину. Улыбнулся задержавшейся Лене. – Ладно, садитесь. Давайте сумки в багажник положим.

Дома свет не включали. Сидели в полумраке на кухне. Отец, Владимир Антонович и Андрей.

- А Эдик вас не стал ждать. Уехал, – сообщила Андрею Лена.

- Ничего. Я пока у вас останусь. Если что, сам доберусь. Я уже не маленький, – намекнул на свой почти двухметровый рост Андрей.

- Андрюша, а давайте я вас покормлю. С вашими габаритами надо хорошо питаться.

- А я и не отказываюсь, – легко согласился тот. – Вот только шторы надо плотно задернуть. И света поменьше бы.

- Сейчас, – Лена принесла из Алькиной комнаты настольную лампу. Поставила в углу на пол.

- А мы тут со сватом уже перекусываем, напряжение снимаем.

- Да уж заметила, – Лена покосилась на кухонный стол. Стол был сервирован по-мужски. Хлеб, сало, банка рыбных консервов, огурцы, лук и колбаса. Вся снедь сосредоточилась вокруг начатой бутылки водки.

- Андрюша ввел нас в курс дела, Леночка, – участливо сказал свекор. – Вот пишут часто, милиция то, милиция это. А какие там замечательные ребята работают! Виктор Сергеевич, вы согласны со мной?

- Я не только согласен. Я считаю, мы должны за этих прекрасных ребят выпить. За их здоровье. Андрей, ты как?

Образцовый работник правоохранительных органов умолотил под комплименты глубокую тарелку борща и добивал пюре с котлетами. Андрей посмотрел на часы.

- Официально мой рабочий день закончился час назад.

- Намек понял. Вот и отлично! Ленка! Я тебе тоже наливаю. Тебе нужно! – Пахарь достал еще рюмки. На столе появилась вторая бутылка водки.

- Шеф послал охранять вас, – обратился Андрей к Лене. – А у вас тут целый вооруженный батальон.

- В каком смысле? – не поняла Лена.

- Да вот, Владимир Антонович привез, – Пахарь вы-

нес из прихожей двустволку и подводное ружье, заряженное гарпуном.

- Ну, папа, вы даете! – приятно удивилась Лена.

- А что? Раз такое дело, поговорил с главным инженером, он у нас заядлый охотник. А сын у него подводной охотой увлекается. Хороший мужик, одолжил на время. Объяснил, как пользоваться.

- А что там сложного? – удивилась Лена. – На курок нажимай да стреляй.

- Неприятности могут быть у вашего главного инженера за такие вещи, – произнес Андрей.

- Надеюсь, до этого не дойдет. Если, не дай Бог что, договорились, что я сам взял. У нас дачи рядом и ключи есть, у них – наши, а у нас – их. Поливаем там и все прочее. Вот такой вариант.

- Это ж самооборона, Андрей, – поддержал свата Пахарь. – Мы ж не банк грабить собираемся.

- В Америке «Кольт» уравнил всех в правах, – развил тему Владимир Антонович. – Полез, куда не надо, получи! И ни о каком превышении разумных пределов самообороны не говорят.

- Тем не менее, преступность там высокая. Особенно в больших городах, – Андрей вяло пытался спорить.

- Это – статистика. А главное в принципе, что простой человек, обыватель может сам себя защитить, – постепенно заводился свекор. – Решил негодяй кого-то ограбить, будь готов, любезный, иметь дырку в животе!

- Вы за то, чтоб любой мог приобрести оружие, значит? – спросил Андрей.

- Почему любой? Справка от врача, разрешение от милиции должно быть. Разработать критерии, кому покупать, как хранить...

- И что это будет? Все население вооружится?

- А оно и так уже вооружено. Население наше. Только худшая его часть. Без справок и разрешений. И море по колено.

- Ладно, ковбой, – примирительно произнес Андрей. – Вы, главное, себя не пораньте.

Водка давно закончилась. Пили кофе. Потом чай. Перебрались в комнату к телевизору. Послушали вечерние новости по разным каналам. Телефон молчал. Ожидание и неопределенность действовали на нервы.

- Андрюша, мне, честное слово, неудобно, – обратилась Лена. – Вас дома, наверно, семья ждет, а вы тут сидите.

- Они привыкли уже. Я редко домой вовремя возвращаюсь.

- А у вас дети есть?

- Сыну семь лет.

- А как зовут?

- Георгием. Жорик. Он в мае родился, как раз на Георгия Победоносца. Так и назвали.

- Хорошее имя. Давайте я вам постелю в детской? Вы не возражаете?

- Лена, я поеду домой. Охрана у вас есть. При оружии. Чего вас стеснять? Вот телефон мой. Вдруг, что срочное, звоните в любое время.

- Телефонные провода могут перерезать, – предположил Владимир Антонович.

- Папа, не волнуйтесь, мне Инна свой мобильник оставила. Работает без проводов.

Андрей ушел. Договорились, что утром Лена позвонит в управление. К полуночи улеглись спать. Около часа ночи зазвонил телефон. Это хорошо. Значит, им нужны деньги. Значит, о милиции они не знают. Во всяком случае, наверняка. Лена долго не подходила. Телефон замолчал. Затем зазвонил снова. Долго и настойчиво. Лена включила диктофон, подняла трубку.

- Эй! Ты что молчишь? Голос потеряла? – это был не Аслан.

- Я слушаю.

- Ты не слушать, сука, должна, а умолять и ползать, понятно?

- Понятно, – ответила Лена и положила трубку.

Спустя несколько секунд звонок раздался снова. Лена молча взяла трубку.

- Ты, проститутка, ты чего трубку бросаешь? Еще раз бросишь, мы ее тебе в задницу засунем. Вместе с телефоном. Ох...ла, что ли?

- Слушайте, как вас там! Кончайте ругаться, если хотите разговаривать. Я все сделала, как договорились. Принесла деньги, полчаса прождала. Что вы от меня еще хотите?

- Ах, ты б...ть, еб...ая в рот!

Лена положила трубку. Ее била нервная дрожь. Она медленно присела на диван. Отец обнял ее и гладил по голове. Через двадцать минут телефон снова нарушил ночную тишину. Совецались, что делать, видимо. Выждав с полминуты, Лена снова включила диктофон и подняла трубку.

- Лена? Привет, дорогая! Это Аслан.

- Да.

- Ты не обижайся на товарища нашего. Он нервный, понимаешь? Расстроился. Думает, что ты с ментами рабо-

таешь. Обижается, понимаешь? Хочет меры принимать. Мы прямо с трудом его сдерживаем.

- А вы не сдерживайте. Тогда денег не получите.

- Это плохой разговор, Лена. Мы ведь договорились обо всем.

- Я и делаю, как договорились. Ко мне какие-то претензии есть?

- Лена! Я тебе верю. Но ребята, понимаешь, волнуются. Показались им ментовские дела в парке. Машины там подозрительные стояли. Ты докажи нам, понимаешь! Чтобы конкретно мы знали. Уверены были в тебе.

- А как я вам докажу? Может, пойдем в церковь крест целовать? – неожиданно мелькнула идея, о которой не с кем было посоветоваться, но она решилась на экспромт. – Ты знаешь, дорогой, мне люди, которые по понятиям, уже советовали за пару «штук» отмороzków нанять, чтобы грохнули вас вместе с вашей машиной. И «штуку» премии дать, как урют. На эти деньги «нарики» целый год колоться будут. Им за счастье.

- Э-э, Лена! Машину нам разбила. Все дела у нас стоят. Одни убытки, понимаешь? И такое говоришь... Со всем плохие слова. Мы что, конченные какие-то? По-хорошему хотим.

- Я тоже. Что дальше?

- Завтра дома будь. Я перезвоню.

Лена положила трубку. Пошла на кухню. Поставила на огонь чайник. Отец и свекор не спрашивали, а у нее не было сил рассказывать. Чай пили молча.

- Выпить, ничего нет? – произнесла вслух Лена.

Мужчины отрицательно покачали головами.

- Кстати, есть медицинский спирт. Я же брала Альку растирать! – обрадовалась Лена, достав из шкафчика бутылочку.

- Сто пятьдесят миллилитров. Считаю, почти бутылка водки, - быстро произвел расчет Владимир Антонович.

- Я буду пить неразбавленный, – категорично заявил Пахарь.

- Папа, что это за ультиматумы?

- Да, сват, девяносто шесть градусов, зачем травмировать желудочно-кишечный тракт? Леночка, есть какой-нибудь сок?

- Томатный пойдет?

- Не просто пойдет, а еще как пойдет. Полетит! – Свекор смешал две жидкости в строгой пропорции, получив искомые сорок градусов. Сделал поправку на то, что медицинский спирт сейчас не дотягивает по градусам до нормы.

- За тебя, дочка! Держись!

Глава 40.

Аслан позвонил через день. Назначил встречу в людном месте. Возле огромного по старым советским меркам универмага «Белый лебедь». Лена прождала около получаса. Никто не пришел. Уже собралась уходить, как из-за спины неожиданно появился Аслан.

- Здравствуй, дорогая! Задержался чуть-чуть, извини. Дела, понимаешь, – сходу затарахтел он и взял ее под руку. – Пройдемся, давай. Поговорим. Свежим воздухом подышим.

- Зачем идти? Говори здесь, – Лена подняла и высвободила руку.

- Лена, дорогая, что мы будем здесь стоять? Давай прогуляемся, в кафе зайдем. Посидим.

- Зачем нам в кафе идти? О чем, вообще, говорить?

- Ну, Лена, есть разные обстоятельства. Почему не обсудить? Два умных человека всегда найдут интересную тему.

- Аслан, я ни о чем с тобой говорить не буду. Ты за деньгами пришел – забирай. Через неделю остальное отдам.

- Деньги, деньги! Разве это главное? Главное, чтобы люди понимали друг друга. Тогда и проблем будет меньше. Леночка, дорогая, я прошу, идем, – Аслан снова взял ее под руку. На этот раз крепко. Стал вплотную перед Леной.

- Что ты меня тянешь?! Я сейчас... – закончить фразу она не успела. Короткий точный удар в солнечное сплетение, под «дых», перекрыл дыхание. Если б не его рука, она сложилась бы пополам и упала. Он обнял ее за талию и быстро потянул к подъехавшей машине.

- Э-э... ну зачем было столько пить, дорогая? – виновато улыбаясь, говорил он для встречных. Но вечно спешащий люд и так не обращал на них никакого внимания.

Лена не могла ни крикнуть, ни позвать на помощь. Только нелепо открывала рот, бессильно пытаясь вдохнуть. Аслан затолкнул ее на заднее сиденье к Гарику. Сам запрыгнул вперед. Дать команду водителю он не успел – кто-то уже выволакивал того на улицу. Почувствовал, как в ухо давит холодный металл.

- Руки! Руки!!!

Он держал руки перед собой на уровне груди. Как заклинатель или гипнотизер.

- Из машины!!! – чья-то рука высмыкнула его из автомобиля.

- Лежать!!! – одновременно с командой он получил удар в затылок, сваливший его на асфальт.

- Ноги раздвинуть! Руки за спину! – каждая команда сопровождалась жестоким ударом ботинка в бок. Но боли он почти не чувствовал, она достанет его потом.

«Сука! Сука! Сука!» – отдавалось в мозгу с каждым толчком пульса.

На руки надели наручники и загрузили в подъехавший милицейский «Уазик». У Гарика были мокрые штаны. Он стыдливо отворачивался. Обоссался! Аслан посмотрел на – свои. Нет. Он не обоссался.

«Сука! Сука! Сука!»

Лена написала заявление. К делу приобщили диктофонные кассеты. На всякий случай Лена сделала себе копии. Имелась оперативная видеосъемка встречи у «Белого лебедя».

В милиции Аслан тупо все отрицал. Лену не знает, видит первый раз. Проходил мимо. Она сама попросила подвезти ее до больницы. Наверно, что-то съела или выпила. От души хотел помочь женщине и такая черная неблагодарность! Ничего, Аллах все видит! Деньги?! Разве он брал у этой женщины деньги? Требовал? Да она пьяная! Что вы ее слушаете? Какие звонки?! Да он телефон ее не знает! Звонки какие-то?! Голос на кассете не его. Мало ли, кто ей звонит. Может, полгорода ей звонит, он что, за каждого отвечать должен? Голос похож? Мало ли, кто на кого похож. Вон, китайцы тоже все на одно лицо. А их целый миллиард. Полтора уже? Тем более. Экспертиза покажет? Давай, начальник, делай экспертизу. Какая авария? Какой «бэ-эм-ве»? Когда? Да в этот день он вообще в другом городе у брата был. Пожалуйста, и свидетели есть. Гаишники его опознают? Опознавай, начальник. Лепи «лепила». Какие проблемы? Эта его видела? Она ж больная, сумасшедшая. Если бабу не трахают, у нее крыша едет. Откуда я знаю, что одна живет? Ничего я не знаю! Что вы цепляетесь?! Сама говорила, «подвези в больницу, а то муж уехал». Водитель и Гарик тоже «ничего не знали, и не понимали, за что их задержали».

Дневные и ночные телефонные звонки продолжались. То угрожали и кричали, что видели они на х...ю и УБОП, и всех и вся. Обещали отрезать все, что возможно и невозможно, если пацаны завтра же не выйдут. То по-доброму увещевали забрать «заяву» и разойтись мирно краями. Лена педантично записывала все на кассеты. Главное, что

Альку отправили из города. А с отцом было спокойнее.

Лена периодически созванивалась с Эдиком и Андреем. Рассказывала об очередных звонках. Они держали ее в курсе дела. Как дело продвигается. А продвигалось оно туго. Не было в деле главного – Аслан не взял в руки деньги. Остальное – так, эмоции. Вменяли попытку похищения, но на фоне общего криминалитета, выглядело это довольно хило. Опера понимали, что дело весьма и весьма «тухлое». И как оно выкрутится в суде очень даже неясно. Тем более, начальнику были звонки из администрации и прокуратуры с просьбами «объективно разобраться, не перегибать палку, не мелочиться». Ясно, что на судью тоже надавят.

Как-то вечером позвонил мужчина. Говорил без акцента. Представился Иваном Ивановичем. Предложил встретиться и уладить конфликтную ситуацию. Сказал, что с их стороны есть реальные предложения, которые всех устроят. Где и когда встретиться, пусть решает Лена. Не возражал, если Лена будет не одна. Желательно, конечно, без взвода охраны. Лена назначила встречу недалеко от дома, на троллейбусной остановке. Иван Иванович оказался пожилым человеком лет шестидесяти, похожим на французского актера Жана Габена. Лена и Пахарь ждали недолго. Минут пять. Иван Иванович сам подошел к ним. Представился. Чтобы не мешать пассажирам, отошли несколько в сторону.

- Елена Викторовна, я считаю, пора уже нам с вами помириться. Вы согласны? – начал разговор ухудшенный вариант Жана Габена.

- А я с вами и не ссорилась.

- Вы понимаете, о чем я говорю.

- Не совсем.

- Я имею в виду, что мы хотим договориться с вами по-хорошему, по справедливости. Нет смысла доводить дело до суда. Вы будете нервничать. Нам тоже проку от этого никакого.

- Бойцы ваши пока будут сидеть, – вставил Пахарь.

- Ну, допустим, сидеть им осталось недолго. Через три дня возьмут с них подписку о невыезде и выпустят...

- Я, между прочим, сразу хотела все решить по-человечески. Оплатить ремонт.

- Вот и надо было так сделать, Елена Викторовна. А вы зачем-то в УБОП обратились...

- Вы извините, Иван Иванович, ремонт машины реально стоит меньше тысячи долларов, и уж никак не десять. И по ночам с ножами я ни к кому не вламывалась, уважаемый.

- Знаете, Елена Викторовна, насчет ремонта, это как посмотреть. Есть скрытые повреждения...

- Стоп! – оборвал Ивана Ивановича Пахарь. – Вы нас что, торговаться сюда пригласили? Пускай суд во всем разбирается. Давайте эту бодягу заканчивать. Есть конкретные предложения – говорите. Нет – до свиданья.

- Хорошо. Конкретно. Вы забираете заявление. Оплачиваете ремонт машины. И мы тихо-мирно расстаемся.
- И сколько ж вы хотите за ремонт? – поинтересовалась Лена.

- Две тысячи долларов.

- Но ведь ремонт машины стоит меньше тысячи?

- Ну, понимаете, уже две недели машина стоит. Мы несем определенные убытки...

- Убытки вы несете... – тихо произнес Пахарь. – Может, о наших убытках поговорим? Ребенку голову обещали отрезать, девочка теперь без снотворного уснуть не может. От страха трусится. Или это не убыток? Дочь терроризируете. Что б вы с ней делали, если б увезти удалось? По частям нам присылали? Авария эта липовая – подстава полная.

- Ну, знаете, в протоколе ГАИ по-другому написано.

- Я тебе без протокола говорю, – перешел на «ты» Пахарь, – как есть. Так вот, предложение такое. Твои пацаны аварию устроили, значит, «восьмерку» отремонтируете. И за моральный ущерб пару тысяч заплатите. Тогда заявление заберем.

Иван Иванович молчал. Глаза сузились. Он с ненавистью смотрел на Пахаря.

- Что? Не нравится такой расклад?

«Жан Габен» не отвечал. Собственно, сейчас он и не был похож на обаятельного француза. Ничего доброго в лице не осталось.

- Ладно. Не шифруй, Иванович. Или как там тебя? – примирительно сказал Пахарь. На «Ивана Ивановича» – прокурора на блатном жаргоне «Жан Габен» явно не тянул. – Есть вариант, можем разойтись. Мы «восьмерку» сами отремонтируем. Вы свою – сами. Так и разойдемся, как в море корабли. Пишите бумагу, что к ней претензий не имеете. Закроем эту тему, потом заявление заберем. И учтите, не дай Бог, с ними что-нибудь случится, я из-под земли достану, пару-тройку ваших завалю. Где искать, знаю. Не я, так другие. Подписаться, есть кому.

- Прямо, напужал, – выдержав паузу, произнес Иван Иванович. – Что, тоже тянул?

- Бывало... – неопределенно ответил Пахарь и повернулся к Лене. – Ладно, дочь, пошли.

Спустя два дня позвонил Иван Иванович. Встретились у нотариуса с владельцем «BMW». Заверили доку-

мент об отсутствии претензий. УБОПовцы не возражали спустить дело на тормозах. Освобождая Аслана под подписку о невыезде, Андрей провел с ним профилактическую беседу. В том смысле, чтобы забыл телефон Лены и вообще, как она выглядит. Предупредил, если с Леной или дочерью что-то произойдет, Аслану крупно не поздоровится. Привлекут по-любому. За хранение оружия или наркотиков, например. Аслан заявил, что он не совсем еще дурак, оружие и наркотики хранить. Надо будет, будешь и хранить, и носить. Понял? Да уж, как не понять? В кабинете они были одни. Андрей подошел к Аслану. Приказал встать. Коротко, без замаха ударил чугунным кулаком в живот. Придержал, чтобы тот не упал. Аслан задохнулся и осел на стул. Андрей налил водички в стакан. Подвинул Аслану. Надо попить, быстрее полегчает. Подписал пропуск. Ты свободен, Аслан. Вперед. Береги себя.

Владимир Антонович остановил «Жигуля» на служебной стоянке возле здания УБОП. На проходной Пахарь объяснил, кто ему нужен. Дежурный связался по внутреннему телефону. Через несколько минут к проходной спустился Эдик. поприветствовали друг друга.

- Эдик, надо проконсультироваться с тобой. Чтобы ты посмотрел...

- Что посмотрел? – не понял Эдик.

- Ну, там, в багажнике... пошли на стоянку.

- Виктор Сергеевич, может, в другой раз? У нас такая запарка.

- Эдик, это одна минута. Вышел, вернулся. Ваши машины стоят там?

- Да, есть.

- Ну, вот. Перекинем к тебе в багажник и все.

- Ладно, вы идите на стоянку, а я за ключами и – назад.

Вскоре Эдик появился. Пахарь открыл багажник. Внутри находился ящик водки и два больших пакета. В одном – пластиковые бутылки с напитками. Во втором – несколько палок колбасы, круг сыра, банки с консервами.

- Это что? – задал ненужный вопрос Эдик. – В смысле, зачем?

- Где ваша машина?

Эдик показал на синюю «шестерку».

- Сват, задом сдавайте. Еще. Вот так. Эдик, открывай багажник.

- Виктор Сергеевич, неудобно это...

- Эдик, я вас несколько дней знаю, а вы с Андрюшкой мне, как родные стали. Всем нам. Это от души, доро-

гой! Вот, хочу, чтобы после работы вы посидели с шефом, с Ленией, Леонидом Михайловичем. Расслабились. За свое здоровье выпили. За наше. Работа у вас такая, что без расслабления нельзя.

- Это уж точно! – Эдик открыл багажник «шестерки». Быстро переложили туда ящик и пакеты. – Спасибо. Это ж о-го-го, как посидеть придется!

- А вы постарайтесь растянуть удовольствие, – посоветовал Владимир Антонович.

- Постараемся! Кстати, у этих, Аслана и компании, в администрации «крыша» есть. Может, не совсем «крыша». Так, прикрытие. Дочка одного из замов у них на фирме числится. На работу не ходит, а по штучке долларов в месяц получает. Зам этот напрягал шефа звонками. Сам и «по каналам». В прокуратуре тоже, кажется, подвязан кто-то. Правда, пока не выяснили. Ладно, не будем о грустном. Ну, по рукам!

- По рукам! Дай краба! Это вот так, – сходу показал Пахарь. Попрощались.

Владимир Антонович предложил отвезти его к дочери.

- Ну что, сват? Слава Богу, закончилось все! – облегченно выдохнул Пахарь.

- Будем надеяться, – осторожно согласился Владимир Антонович. – Алисочку не надо пока спешить забирать. Девочка все-таки травмирована. Пусть восстановится. Да и тут все прояснится как раз.

- Да, вроде бы, прояснилось уже.

- Это – дай Бог, дай Бог!

- Дорогой сват! Где же зять любимый пропал-то? А? Дочь вразумительного ничего не говорит. Сам я толком тоже немного разумею. Может, вы, как отец, мне все объясните. Живут они или не живут? Что происходит вообще? Что это за семья такая?

Владимир Антонович как-то сжался за рулем, ссутулится. Лицо заострилось и стало отрешенно задумчивым.

- Мы с женой извелись уже. Звонит редко. Определенного ничего не говорит. Как он там живет и на что? Лена с Алисой тут... Тоже сердце за них болит. Жена, как на пенсию вышла, так в церковь стала ходить. Молится за него. За всех. Службы разные заказывает. Каждый вечер плачет... Думали опора будет на старости лет, а только горе одно. Что я могу сказать?

Глава 41.

В прошлом году в последних числах августа Станиславу удалось-таки добраться до Северска. Офис встретил его запустением. Вскоре подошел Эдуард Семенович. Спустился с четвертого этажа.

- А где все? – после приветствия поинтересовался Станислав.

- А кто – все? – Эдуард Семенович неопределенно пожал плечами. – Все, Стасик, это – мы. А остальные – ненужный рабочий материал.

- Почему никто не работает?

Вместо ответа Красницкий протянул письмо. Станислав сел, начал читать. Руководство «Сибгаза» уведомяло их о расторжении договора «в связи с изменившимися обстоятельствами и необходимым режимом максимальной экономии средств».

- Эдуард Семенович, неужели ничего нельзя было сделать? Заморозить договор, отложить? В конце концов, мы сами могли бы предложить изменить условия. Выполнили бы работу за символическую плату, да хоть бесплатно! Лишь бы не расторгли. А теперь попробуй, доказать им обратное! Решение принято, а они ведь не ошибаются никогда. Будут настаивать, что все правильно. Начальники не любят менять свои решения. Надо ж было предупредить?! Эдуард Семенович?!

- Да как-то не сориентировался в горячке... – равнодушно произнес Красницкий. – Тут и так полный абзац был.

- Что у нас на счете?

- На счете – ёк! Или – пшик. Как вам будет угодно.

Банк платежи пересчитал, аренду, то да се...

Станислав включил компьютер.

- А где бухгалтерские файлы? Кто их стер?

- Откуда я знаю? – Красницкий безучастно смотрел в окно. – Бухгалтер, наверно, когда увольнялась.

- Зачем вы ее уволили?

- А я всех уволил. Что им тут сидеть? Работы нет – «янки, гоу хоум».

Стас сосредоточенно стучал по клавиатуре. Этот хлюст удалил все расчеты. Ну и ну! Ничего, зайдем с другого конца. Что-нибудь да выкрутится. Вот, не всех война поубивала...

- Эдуард Семенович, а вы знали о дефолте заранее?

- Почему ты так решил? Откуда я мог знать?

- Уж не знаю, откуда, только вот все деньги со счета накануне были сняты. Пожалуйста, можете посмотреть на экран. Банк показывает, когда обналичен счет. Или это секретарша деньги забрала?

Эдуард Семенович закурил сигарету, повернулся к окну. В комнате повисла напряженная тишина. Красницкий ждал этот разговор и был внутренне готов к нему.

- Станислав Владимирович, если бы я не снял деньги, они так же пропали бы.

- Что значит, так же пропали? Вы ведь сняли деньги?!

- Не спешите. Не предвосхищайте события. Вы, очевидно, наивно полагаете, что можно было вот так за два дня прийти и взять наличку?

- Вы же взяли.

- Да, взял. Но семьдесят пять процентов сразу же отдал. За то, что деньги выдали, за своевременную информацию.

- И вы предлагаете мне поверить в этот бред?

- А мне все равно, Станислав Владимирович, поверите вы или нет. У меня был выбор. Или ничего, или двадцать пять процентов. Я выбрал последнее.

- Пускай, допустим, что так, – Станислав быстро произвел в уме нехитрые арифметические действия. – На эту сумму фирма могла бы несколько месяцев просуществовать, наладить дела.

- Дела будут налаживаться, Станислав Владимирович, года два-три, как минимум.

- То есть, фирма вас уже не интересует?

- При таком пасьянсе – не интересует.

- Хорошо. Плохо, конечно, – поправился Станислав.

– Не хотите больше работать, не надо. Но тогда верните хотя бы половину от того, что получили!

- Нет.

- Как это нет?

- Нет, это – нет! – четко произнес Красницкий. – Если бы мы оба были в отпуске, разве от денег что-то осталось?

- Что-то бы осталось.

- Бросьте, ничего бы не осталось. Вы это прекрасно

знаете. Откройте любую газету и почитайте. Только об этом и пишут. Я не претендую на оборудование и мебель. Вам нужна фирма, забирайте себе. С «Сибгазом» можно повоевать. Кроме аванса они еще должны за выполненную работу. Как говорится, вам и карты в руки.

- У вас какая-то извращенная логика, Эдуард Семенович. А если бы вы уехали, а я остался? Я бы себе все захапал, что ли?

- Знаете, Станислав Владимирович, я не люблю со-слагательное наклонение. Если бы, да кабы. «В жизни все бывает, как бывает, а не так, как хочешь, чтобы было». Давно в каком-то журнале прочел. Кажется, когда был студентом. Хорошая фраза, правда? – не получив ответ, Красницкий продолжил. – Кстати, если б я даже захотел вам деньги отдать, их у меня нет.

- Ммда. Чем дальше, тем чудесатее и чудесатее... – усмехнулся Станислав. – И куда ж подевались денежки?

- Передал дочери в Москву. Они там с зятем влетели по-крупному.

- А как же информация, Эдуард Семенович?

- Звонил. А как же? Ничего у них не получилось. Слишком сошка мелкая.

- А вы знаете, у меня тоже есть дочь. И жена.

- Я знаю об этом.

- И что мне делать теперь?

- Сами решайте, что вам делать. Я беспокоюсь о своей дочери. У меня нет возможности думать о чужих детях. Быть альтруистом.

- То есть, пойду по черепам, и пусть хрустят? Так?

Красницкий молчал.

- Вы подлец, Эдуард Семенович! Подлец и негодяй!

- Это уж как вам угодно. Бить меня вы не будете. Вы слишком интеллигентны. Может, перчатку бросите? Нет? Тогда я пошел к себе в отдел, – Красницкий направился к двери.

- Хорошо, хоть компьютеры и мебель не успели продать. Или сейчас придут грузить?

- Да нет, не придут, – Эдуард Семенович с сожалением оглянулся.

- Да-а. Недоработка вышла, – усмехнулся Станислав.

- Это точно. Ну, ничего. Не все коту масленица, – Красницкий вышел, закрыв за собой дверь.

- Скоту... – поправил его Станислав. Негромкое слово толкнулось в закрытую дверь и не дошло до адресата.

Станислав сидел в пустом помещении. Верить или

не верить в байки Красницкого? Делился он, не делился, ясно, что деньги он в любом случае не вернет. Все просчитал. И его, Стаса реакцию, – тоже. Воевать с «Сибгазом»? За что? После всех пересчетов останутся крохи. Притом, что они захотят пересчитывать. Еще как считать? Может, мы им должны будем? Мы...

Итак, что мы имеем? Фирмы нет. Денег нет. Компания нет. Перспектив нет. Пока. Сколько будет длиться это пока? Годы? Это пассив. А что в активе? Три компьютера и офисная мебель. Если продать, можно протянуть какое-то время. Есть еще идея.

Уже полгода ему не давала покоя одна и не мысль, и не идея, а скорее подход, метод в решении сложнейших физико-математических проблем. Мелькнуло в мозгу догадкой, осенило, как можно увязать и состыковать то, что в науке и практике друг с другом не увязывается и не стыкуется. Сначала все казалось до смешного просто, но на самом деле тема была огромная. Неподъемный пласт. Раньше он об этом только думал. Заняться вплотную, не было времени. Теперь, кажется, свободного времени будет достаточно. Тема увлекла его. Он днями и ночами сидел у компьютера, все глубже погружаясь в космос цифр, алгоритмов, графиков, зовущих в бесконечность. Очередной прорыв оказывался вершиной, с которой открывались все новые горизонты. Далекие и манящие. Станислав впал в азарт, понятный немногим на этой земле.

Что за радость потратить лучшие годы жизни на решение, например, теоремы Ферма? И не решить. А вокруг столько всего интересного. Кто остается в памяти поколений? Повеса, проведший жизнь в кабаках и постелях красоток? Или Джордано Бруно, отдавший жизнь за свои открытия, за то, что почти никто из современников не понимал. Станислав, конечно, выбрал бы великого итальянца. Но и красивая женщина не оставляла его равнодушным.

Пустой холодильник иногда напоминал о другой не виртуальной жизни. Незаметно в однообразии дней пролетел год. Из средств к существованию остались только два монитора. Продать и можно еще несколько месяцев протянуть в режиме жесточайшей экономии. Аскетизм его не пугал. Главное, он продвинулся в своих изысканиях. Работа обрела стройность, гармонизировалась, и теперь сама вела его за собой. Поехать к семье не было денег. И какой смысл ехать сейчас, на нулях? Вот он закончит работу, и это будет бомба! Да еще какая! Она рванет на весь мир. Дай срок.

Станислав почти перестал звонить родителям и жене. Мать плакала в трубку, а жена его не понимала. Эгоистка. Она и представить не могла, как ему тяжело. Одному взвалить на себя такое. Целые институты, коллективы ученых бесплодно бились, а он решил! Практически, уже решил. Осталось отшлифовать некоторые детали.

Периодически его посещала Раиса Алексеевна, хозяйка снимаемой им двухкомнатной квартиры. Четыре года назад она похоронила мужа. Не вышел из запоя. После двух лет одинокого существования, хозяйка сошлась с таким же одиноким пенсионером и перешла к нему жить. Была у нее дочь. Жила с семьей в Киргизии, в бывшем Фрунзе. С фотографий на стене смотрела милостивая блондинка. Она работала там в школе учителем русского языка и литературы. Раиса Алексеевна предупредила жильца, чтобы к Новому году освободил одну комнату. Дочь придет узнать насчет работы. И вообще, ищите другое жилье. Скоро вся семья ее переедет сюда жить.

В конце декабря дочь приехала. Стас освободил спальню, оставив себе «большую» проходную комнату. Перестелил постель с широкой металлической кровати на диван. Вот и все «освобождение». Анастасия Сергеевна, так звали дочку хозяйки, не возражала. В жизни Настя выглядела немного старше, чем на фотографии. И не блондинка. Фото снималось лет десять назад. Наверно, красилась. Сейчас цвет волос был естественный, чуть темнее, чем пшеничный. Высокая. Стас сказал ей, что она похожа на Аксинью из «Тихого Дона». Оказалось, ей многие это говорят. Дежурный комплимент. Все равно было видно, что женщине приятно. Интересно, сколько ей лет? Наверно, как Ленке.

Настя ночевала у матери. Пару раз за чем-то заходила днем. Пили кофе на кухне. Болтали «за жизнь». Говорила в основном она. Насте сразу предложили работу в одной из школ. Она была довольна. В Бишкеке ее специальность становилась все менее актуальной. К тому же теперь от нее требовалось знание киргизского языка. Очевидно, скоро придется русский язык преподавать на киргизском. Национальные чиновники толком сами не понимали, чего они хотят, и как все это воплотить в жизнь. Зато они точно знали, чего не хотят. Неожиданно проснувшееся национальное самосознание отторгало все русское, то к чему раньше они так настойчиво стремились, забывая о родном, открещиваясь от своих корней. Вечные людские перехлесты. Теперь ясно, кто во всем виноват. Не Ленин — особа немецко-шведско-татарско-еврейско-русской наци-

ональности. Не грузин Сталин. Не свои бонзы. А – русские. Вот кто всем жить не дает!

Настя сетовала, что атмосфера там становится все более гнетущей. А за подъемом самосознания просматриваются вполне шкурные интересы. Если выгнать русских, можно занять освободившиеся квартиры и должности. Сын летом заканчивает школу. Поедет поступать в Москву. У мужа там родственники. Есть, где остановиться. А вот мужу работу по специальности здесь найти будет непросто. Он спец по турбинам для гидроэлектростанций. В конце концов, можно и сторожем пойти, и охранником.

Новый 2000-й год Настя встречала у матери. Стас корпел за компьютером. Ему было все равно, какое сегодня число. Тридцатое, тридцать первое или семнадцатое. Главное, чтобы никто не мешал работать. Из соседних квартир слышался веселый застольный шум. Народ провожал Старый год. В дверь позвонили. Кого черт принес?! Стульев, небось, не хватает, или посуды. Стас открыл дверь. На пороге стояла Настя, смущенно улыбаясь. В руке она держала бутылку шампанского.

- С наступающим! – сказала она.

- Да. Спасибо. И вас – тоже, – Стас посторонился, пропуская женщину. – У вас же ключ есть...

- Я вас от работы оторвала? Извините. Тогда я пойду...

- Ничего-ничего. Я как раз собирался перерыв сделать, – он помог женщине снять пальто.

- У матери старики собрались. Сплошной нафталин. Только и бубнят «в наше время, Сталин, расстрелять». У меня от них зубы разболелись.

- И все еще болят?

- Что? – Настя кокетливо наклонила голову. Очевидно, она уже немного приобщилась к проводам Старого года.

- Зубы уже не болят?

- А! Сейчас... – женщина несколько задумалась. – Нет! Не болят. Давайте телевизор включим. Что-нибудь веселое.

- Да, конечно! – спохватился Стас. Он включил телевизор. По первому каналу шел концерт в стиле ретро. «Старые песни». – Я сейчас.

Он быстро переделся и организовал какой-никакой стол. Точнее – никакой. К бутылке шампанского, гордо возвышавшейся на небольшом журнальном столике, добавились маринованные опята, хлеб и банка варенья.

- Вы уж извините за такой стол. Я не готовился совсем.

- Очень даже ничего, даже оригинально, – успокоила его Настя. – Обо мне можно не беспокоиться. Я у мамы поела. Вы любите «оливье»?

Стас утвердительно кивнул головой.

- А селедку «под шубой»?

- Да, конечно.

- Холодец?

- Нет. Вот холодец как раз не перевариваю. Этот студень, хрящики. Бр-р-р!

- А я больше всего люблю «белочку». Сырный салат. Только чтоб не из плавленых сырков, с желтками, маслом... Как положено. С чесночком.

- Мадам, у вас фамилия, случайно, не Гурман?

- Отнюдь. Раздаева Анастасия Сергеевна. В девичестве Черноусова. Прошу любить и жаловать.

Стас бросил быстрый взгляд на женщину.

- Мне нравится ваше предложение, – он красиво открыл шампанское. Профессионально. Строго под углом в сорок пять градусов, чтобы кромка вина совпала с краем овала на этикетке. Шикарный хлопок. Традиционный женский визг. И ни одной пролитой капли. Наполнил бокалы. До Нового года оставалось несколько минут. Президент обращался к народу.

- Проводим Старый? – Стас почему-то встал.

- Да ну его... – Настя тоже поднялась.

Она стояла близко. Слишком близко. Он ощущал пряный, дурманящий запах ее волос. У него задергались крылья носа. Он задышал тяжело, засопел, как бык перед корридой.

- Станислав, Слава, ничего, что я так? Давайте выпьем за Новый год! За все новое! И пусть это новое будет только хорошим! Прекрасным!

Чокнулись. Стас залпом выпил вино. Женщина пила нарочито медленно, поглядывая на кавалера. Выпив до дна, несколько секунд рассматривала то ли бокал, то ли Стаса через бокал. Затем так же неспешно поставила его на столик.

По телевизору звучала тишина. Между ними тоже возникла некая секундная «замятня». Мысли опережали действия. В головах уже происходило все. Первый торжественный аккорд гимна прозвучал сигналом. Они бросились друг на друга. Слились губами. Руки лихорадочно сжимали все, что могли. Не отпуская его губы, она растегнула и сняла с него рубашку. Стас сбросил брошки. Юбка, блузка и все остальное отправились на пол к мужским штанам. Он осторожно вошел в нее. Ей было особен-

но хорошо с ним, словно они были близки много лет, знали каждую клеточку тела друг друга. Было безумно приятно. Оргазмы сливались, и ей казалось, что она сходит с ума. Или уже сошла, и только иногда наступает просветление, когда любовник уходил в душ на несколько минут. Он возвращался, и все повторялось, сливаясь в одну чувственную судорогу. Она была раздавлена, упоена и пресыщена сексом. Он в очередной раз вернулся из душа.

- Славик, ты остановишься когда-нибудь?

- А что? Тебе неприятно?

- Приятно. Ох, как приятно! Но я уже не могу. Мне так приятно, что скоро стошнит.

Станислав сел на край дивана и обиженно уставился в телевизор.

- Слава, ну не обижайся, глупенький! Так сразу и так много. Меня действительно подташнивает. Наверно, слишком много гормонов в крови. Перенасыщение. Организм не справляется с такими залповыми выбросами. Ну, иди ко мне!

Стас лег на диван. Настя устроилась у него на плече.

- Ну, успокаивайся. Отдыхай.

- Как я могу успокоиться, если ты меня все время гладишь.

- Я не знаю... я не могу не гладить... не-мо-гу. Боже мой! Я с прошлого года ничего не ела! Ты хочешь мяса?

- Хочу!

- Такого горячего, жареного! С кровью.

- Нет, с кровью не хочу, – возразил Стас. – Лучше прожаренного. Без хлеба, но с овощами. С листьями салата, огурцами свежими. Только маленькими такими, в пырышках. И с майонезом.

- Все! Я не могу! Ты просто гастрономический садист. Где тут грибы? – Настя засмеялась, накалывая опенка вилкой.

В Бишкек ей возвращаться расхотелось. После зимних каникул она пойдет на работу здесь. Копия диплома у нее с собой, а трудовую книжку муж вышлет по почте. И деньги тоже. По телефону она убедила мужа в правильности принятого решения. Кто-то же должен, так сказать, готовить почву. Несмотря на все сложности, она готова принять эту обузу на себя. Сын учится хорошо, мальчик серьезный. Когда будет поступать, она обязательно поедет с ним в Москву. Пока будет звонить.

Постель снова переместилась из большой комнаты в спальню. Металлическая панцирная сетка не справлялась

с нагрузкой, пружинила, сбивая с ритма. Стас положил сверху сетки доски. Стало жестковато, но гораздо удобнее. Любовники притирались друг к другу во всех смыслах этого слова. Стас увлеченно посвящал Настю в громадьё своей работы. Он проговаривал это вслух больше для себя, но внимательный слушатель был необходим. Настя не все понимала, вернее, почти ничего не понимала, но голос Стаса, его искренняя убежденность действовали на нее завораживающе, гипнотически. Она была уверена, его время скоро придет. Оковы падут... И это будет победа! Их победа.

Настя наладила быт. Готовила и убирала после уроков. Стас сидел за компьютером. Ночью он обрушивал на нее ежедневный, вернее, еженощный любовный вулкан и, оставляя в сладком изнеможении, возвращался к работе. И если днем у нее проскакивали иногда смутные, неясные сомнения насчет будущего, то ночь начисто смывала всё. По большому счету, она и жила-то в последнее время только ради этих ночей. Думала об «этом» в школе и по дороге, моя посуду, и находясь в душе.

Мониторы давно были съедены. Ее зарплаты и денег мужа хватало впритык. Мать помогала консервацией, соленьями и вареньями. Раиса Алексеевна разгадала все сразу. Когда Настя взяла со стола шампанское и пошла одеваться. А может даже раньше. Она не вмешивалась. Взрослые люди, сами разберутся. Дочь расцвела, вся светилась счастьем, и мать ее понимала. И даже немного завидовала. Отец-то променял все на бутылку. А этот, видно сразу, жеребец, думала она про жильца. Пусть живут, а там видно будет.

Глава 42.

Зимой Пахарь почти не вспоминал о своей большой рыбе. Нет, он не забыл о ней. Просто осенние события, случившиеся с дочерью, не отпускали его. Он часто звонил. Все было тихо и спокойно. Лену никто не преследовал, не терроризировал, а душа все равно была не на месте, не находила покоя. Все-таки, девчонки там одни. Кто знает, что можно ожидать от этих подонков? Молчат, не звонят. Напьются или обкурятся, неизвестно, что им в голову сбрендит? Он помог Лене с ремонтом «восьмерки». Дела у дочери потихоньку наладились. Они по-прежнему бизнесменовали с Инной. Сами уже на торговлю не ездили. Арендовали павильон и открыли в нем магазин. Двадцать третьего февраля, отметив с Ниной Григорьевной армейский праздник, позвонил дочери. У Лены все было «нормально». Алька уже спала. По словам дочери, его тревоги были совершенно напрасны. Уже прошло четыре месяца, и если бы Аслан и компания хотели с ней «разобраться», то совершили бы какие-то движения. Пахарь хорошо выпил за армию и был утомительно заботлив.

- Папа, я все поняла. Да. Так и делаем. Не волнуйся так сильно. Нет. Да. Папа! Ну, я же не маленькая девочка?!

«Наивная! Конечно, ты для меня маленькая девочка. Была, есть и будешь. Как Алиска для тебя. Ничего, поймешь потом».

- Доча! Я ведь отец? Отец волнуется, понимаешь, ты... Вот, только позови, и я тут как тут... Ик! Понимаешь... Одни вы там. Ик! Совсем...

- Папа! Ну-ка, скажи «выкристаллизовался»?

- Э-э... Выпал в осадок. Вот! Ты думаешь, батька пьян?

- А что мне думать? Я это слышу.

- Она слышит?! Народный контроль!

- Папа, ложись отдыхать, — как можно спокойнее предложила Лена.

- А я и так отдыхаю! Давно отдыхаю, понимаешь...

- Папа, ну серьезно? Не беспокойся.

- А чего мне беспокоиться?! Сережка, брат твой – подлец! Наследника нет! Чем они там с Маринкой занимаются?! Ты тоже... как рыба об лед. И – «папа, не беспокойся!»! Начнут сейчас дверь выламывать, а папа «у самого синего моря»...

- Папа! – перебила его Лена. – Я трубку дам одному человеку, ты его знаешь. Он тебя успокоит. Все. Целую!

- Алло! – произнес мужской голос на том конце провода.

- Да! – ответил Пахарь.

- Здравствуйте, Виктор Сергеевич!

- Здравствуйте...

- Это Эдик говорит.

- Эдик? – напрягся Пахарь.

- Ну, Эдик, Андрей... Мы с вами в октябре встречались.

- А! Эдик! Дорогой ты мой! – он радостно вспомнил опера из УБОПа. – Так бы сразу и сказал, что Эдик. Как у вас там дела? Как Андрюша? Леонид Михайлович?

- Да, нормально все. Шефа повысили. Он теперь в столице работает.

- Молодец! Увидишь, передай мои поздравления.

- Спасибо. Передам.

- А вместо него кто?

- Я, – скромно ответил Эдик.

- Ну! Молоток! А звездочку добавили?

- Добавили. Майор теперь.

- Так теперь ты – Эдуард... Как тебя по батюшке?

- Это не обязательно. Виктор Сергеевич, я, что хочу сказать? Вы не волнуйтесь за Лену и Алису. Тут все под контролем. В обиду не дадим. Так что, живите спокойно. Кстати, с праздником вас!

- И тебя!

Пахарь положил трубку. Посмотрел на часы. Двадцать два тридцать пять. Алиса спит. Понятно. Все под контролем. Блин! Он действительно успокоился, но было как-то досадно. Сколько сейчас дочери? Летом тридцать шесть исполнится. Да. Большая уже девочка.

- Мать! Давай еще по одной и спать.

- Витя, может, хватит уже? – робко возразила Нина Григорьевна.

- Это что, бунт на корабле? Кто здесь капитан?

- Ну, все-все, тихо-тихо, – жена наполнила рюмки. – Я себе половинку, хорошо?

Весной он стал думать о своей рыбе чаще. Пробудилась, наверно. Отошла от недвижимой зимней летаргии. Пахарь чувствовал, как между ними восстанавливается

связь. Незримый, непонятный ему контакт. Возможно, это просто его фантазии. Игра воображения. Нет, не фантазии. Такое с ним в жизни никогда раньше не происходило. Ему иногда казалась рыба со стороны. Не снилась, не чудилась, а именно – казалась. Он словно плыл рядом с ней и наблюдал. Иногда он не видел ее. Но как локатор, ловил ее ощущения и чувства. Такое приходило обычно во сне. Он просыпался и еще какое-то время ощущал всем телом комфортную прохладу и незнакомые далекие вибрации. Нине Григорьевне он ничего не говорил. Вообще, ни с кем не делился.

В конце мая с ним случился приступ. Ночью, ближе к утру ему стало плохо. Он задышался. Растолкал жену. Она открыла окно. Все равно дыхания не хватало. Невидимая сила сдавила и не давала вдохнуть полной грудью. Он чувствовал, как силы покидают его, вытекают, словно вода из опрокинутого сосуда. Тело покрылось липким холодным потом. Ему стало отчаянно жалко себя и беспросветно страшно. Горло стиснул спазм. Из глаз стекали горячие слезы. Всё. Это край. Он стоял над пропастью, видя, как тает миг, отделяющий его от последнего полета. Неужели это конец?! Сейчас?! Нет!!! Не надо! Я не хочу. Не хочу... Как просто... Вот так? Но внутри разливалось стылое, равнодушное успокоение. Полет начался. Медленное безысходное парение. Навстречу последнему, уходящему от него закату. Появилась удивительная неземная легкость. Он плавно, без всякого усилия рассекал пространство, минув, давно забытые, знакомые места. Какие-то давние события, шумы и запахи. Их причудливая и нереальная смесь. Оранжевый, огненный серп солнца скрылся за горизонтом. Посерело. Все звуки и запахи неожиданно исчезли. Остался только тихий свист в ушах. Откуда этот свист? И темнота. Почудился щелчок выключателя. Свист пропал. Исчезло ощущение движения. Миллиардами, квадриллионами атомов он растворялся в пространстве. Темнота принимала его.

Пахарь не слышал, как в комнату вошел врач. Он не чувствовал иглу, нервно в спешке коловшую безвольную руку. Наконец из вены в шприц брызнула темная кровь и вернулась обратно вместе с лекарством. Санитары трясли его тело, спускаясь по лестнице к машине. Молоденькая медсестра обтирала стенки подъезда, лавируя между ними и носилками. Как факел, несла она капельницу, прикрепленную к его руке прозрачным поводком. Нина Григорьевна, постаревшая на десять лет за этот час, тяжело ступала вслед за санитарями.

К обеду Пахарь пришел в себя. Сначала он услышал чириканье птиц, неясный гомон в больничном коридоре. Лицом поймал свежую воздушную волну из приоткрытого окна. Сжал руку в кулак. Открыл глаза навстречу яркому белому свету.

- Нина! – неловко произнес он. Язык был непривычно большой и неловкий. Мешал. Жена прижала его руку к груди и беззвучно заплакала.

Еще несколько дней он провел в палате. Ему ставили капельницы, делали «болючие» уколы в ягодицы, давали какие-то маленькие желтые таблетки. А по утрам зачем-то измеряли температуру, отмечая на прикрепленной к спинке кровати карточке, неизменные «тридцать шесть и семь». Его осмотрел невропатолог. Рефлексы были в норме. С закрытыми глазами Пахарь точно попадал указательным пальцем в кончик своего носа. Окулист изучил глазное дно. Учитывая возраст, ничего особенного. Пьете? Выпиваете. Понятно. Надо сократить, а лучше прекратить вообще. В вашем возрасте надобно беречь себя, уважаемый Виктор Сергеевич. Лечащий врач и зав. отделением к единому мнению не пришли. Давление было несколько повышенным, но вполне соответствовало возрасту. Отметили незначительную сердечную слабость. На кровоизлияние или что-либо инсультоподобное тоже не было похоже. Вернее, похоже было только в первый день, когда он поступил.

Его выписали, назначив укрепляющее, восстанавливающее лечение и витамины. Дали направление в поликлинику на подробное обследование. Чувствовал Пахарь себя хорошо. Он даже посвежел и помолодел. Таблетки принимал, но нерегулярно. Ему понравились укрепляющие настои на разных травах и корнях. Он увеличил утреннюю дозу со столовой ложки до полной рюмки. Что там баловаться какими-то ложками? Обследоваться в поликлинику, естественно, не пошел. Отложил на зиму. Некогда сейчас обследоваться.

Жизнь шла своим чередом. Он работал и отдыхал. Засыпал и просыпался. Иногда выпивал. Вроде бы ничего не изменилось, но он чувствовал, что-то не так. Что-то изменилось, но он не мог понять, что. Уловить. Как-то в вечерних новостях по телевизору шел репортаж о борьбе с браконьерами на Каспии. Он смотрел на экран, но уже не слышал, о чем там говорят, а затем и не видел. Он понял все. Ему открылось. Её больше нет. Это было ясно, как то, что он есть. А её нет. Его рыбы – нет. Вот почему все эти дни в больнице и после он не думал о ней. Она не явля-

лась, не звала и не казалась. И сейчас. Нет. Ничего. Ни сигналов, ни связи. Только пустота. Мысли не шли дальше собственной черепной коробки. Как раньше. Как всегда, до нее. Канал закрылся. Он не хотел думать, как она погибла. Запутавшись в сетях или под винтом лайнера. Какая разница? Он все равно никогда не узнает. Он только знал, что услышал её «S S». Последний раздирающий смертный клик. И чуть не погиб сам, приняв запредельный сигнал.

Пахарь пошел на кухню. Налил себе стакан водки, рюмку жене. Позвал ее.

- Витя, ты что?! Тебе же...

- Давай.

Нина Григорьевна осеклась. По его тону поняла, что лучше не спорить. Протянула руку.

- За что пьем?

- Не чокаясь. Ну... пухом... – он залпом осушил стакан. Жена пригубила.

- Витя, а что... умер кто? – осторожно, боясь раздражить, спросила она.

- Сейчас... – Пахарь задумался. – Помнишь, мы рыбу поймали большую?

- Ой, ну конечно!

- Так вот, нет ее больше. Погибла она.

- Откуда ты знаешь? Кто-то сказал?

- Знаю. Откуда? Откуда? Знаю и все.

- Так мы за рыбу, что ли, пили? – недоуменно посмотрела на мужа Нина Григорьевна.

«Странности какие-то после больницы. Когда больше пил, проще с ним было».

«Господи! Ну, как объяснить ей?! Какими словами?!»

– Пахарь понимал, что объяснить это невозможно. Он не знал таких слов.

- При чем тут рыба? Это я так... В новостях передали, умер... товарищ мой, еще по институту. В министерстве работал... рыбного хозяйства.

- А-а... – понимающе протянула жена, сиюсь вспомнить. – Это кто?

- Все равно уже, кто. Умер и умер... – закрыл разговор Пахарь.

Глава 43.

В один из летних вечеров на причале к нему подошел высокий парень лет двадцати пяти.

- Вы Виктор Сергеевич?

- Да, — Пахарь утвердительно кивнул головой.

- Пашутин? — уточнил незнакомец.

- Именно он. А в чем, собственно, дело?

- Насчет яхты, хотим на завтра договориться. Вы не заняты?

- На завтра не получится. Яхта заказана. Послезавтра — пожалуйста.

- Можно и послезавтра. Мы недавно приехали, правда, ненадолго, — легко согласился молодой человек. Белая, не обласканная солнцем кожа, выдавала вновь прибывшего.

- А почему именно ко мне?

- Знакомые посоветовали.

- Понятно. Обычное дело, — Пахарь возился с мотором.

Парень молча наблюдал за его работой. — Сколько вас будет?

- Нас четверо. Мы с женой и двое детей.

- И все?

- Да. А что?

- Я беру не меньше восьми. Друзья есть какие-нибудь?

- Здесь нет.

- Детям сколько лет?

- Шесть и пять, — ответил молодой человек.

- Тогда, может, я подберу вам компанию? Что-то семейное. Идет? — Пахарь легко управлялся и с детьми. Раздавал им звания, нагружал «важными» поручениями. Дети были при деле. Рапортовали и создавали «рабочее» движение.

- Да? — задумался парень. — А можно, мы будем без компании? Вы скажите, сколько это стоит.

Пахарь назвал сумму.

- Устраивает. Вот, возьмите задаток.

- Во сколько сбор? — привычным движением Пахарь отправил купюру в карман.

- Как вам удобно, — клиент попался без претензий.

- Как вы скажете, так мне и будет удобно, хоть в пять утра, – сказал Пахарь.

- Завтрак... Давайте в девять часов.

- Идет, – Пахарь опять вернулся к мотору. Парень не уходил. Он подошел к яхте. Внимательно смотрел на нее.

- Это – ваша яхта? – парень показал на «Надежду».

- Она, – не поднимая головы, подтвердил Пахарь. Другой яхты поблизости не было.

Парень смотрел на яхту. Зачем-то погладил борт.

- Меня Антон зовут. Ну, а вас я знаю – Виктор Сергеевич.

Пахарь согласно кивнул, вытирая тряпкой промасленные руки.

- Я тогда пойду, – то ли спросил, то ли сказал Антон.

- До свиданья. До послезавтра.

- Пока.

Послезавтра около десяти утра появился Антон с семьей.

- Извините, мы задержались немного.

- Для меня не имеет значения. Лишь бы вам было хорошо, – произнес дежурную фразу Пахарь.

Антон представил жену. Невысокую миловидную брюнетку Наташу. Дочку Полину, похожую на мать. Такую же темную и раскосую. И сына Витюшку, шустрого мальыша в светленьких завитушках. Вояж выдался спокойным, даже скучным. Долго стояли на «банке». Купались, обедали. Потом снова купались. Дети снова кушали. Загорали. Пригласили к столу капитана. Пахарь выставил бутылку водки.

- Ой, я водку не пью, – отказалась Наташа.

- Шампанское, пиво – на выбор, – предложил Пахарь.

- А есть «джин-тоник»?

- Посмотрим сейчас, – Пахарь спустился в трюм. – Вот. Нашел «ром-колу». Но лучше шампанское. Одесское, полусладкое. Идет?

Наташа не возражала.

Выпили за хороший отдых. Болтали, как всегда в таких случаях, о том, о сем. Антон закончил учиться заочно. Работал в строительном бизнесе. На фирме отца. Дела шли хорошо. Наташа работала дома. С детьми. Именно работала. «Сидеть» не получалось. Спросили Пахаря о его детях. Он ответил. Выпили за всех детей.

- Мне что-то вино в голову ударило, – призналась Наташа.

- А нам нет, – Антон показал на пустую бутылку. Остатки Пахарь разлил по рюмкам.

- Давайте за вас, ребята. За вашу молодость. Чтобы все у вас было хорошо! – предложил тост капитан. Выпили. – Вот молодцы вы! Все бы так! Девочку, мальчика. Подряд! И детям расти веселее. Сколько им?

- Вите пять, а Поинка старше чуть-чуть, – ответила Наташа.

- На полгода, – уточнил Антон.

- Ага, – Пахарь машинально кивнул головой. «На полгода»?

- Антоша, ну зачем ты? – Наташа расстроено махнула рукой.

- Что, зачем? Мы, кажется, с тобой договорились? Я маме обещал. Я должен, ты это понимаешь?!

Пахарь чувствовал, что он как-то связан с этим разговором. Он ждал, что будет дальше. Позавчера парень спрашивал его неспроста.

- Витя младше Поли на полгода, – четко повторил Антон.

«Ну, хорошо. Дальше что?».

- Он мне не сын, – продолжил Антон. Остановился. Каждое слово давалось ему тяжело. – Витя – мой брат.

Пахарь смотрел поочередно на Антона, на Витю. Антон, Антон... Антон?! Надя!!! Он перевел взгляд на ребенка. Неожиданно в лице малыша проявились знакомые, родные черты. Словно со старых, черно-белых фотографий на него смотрел еще один маленький Пахарь. А эти завитки волос? Это – ее. Он помнил их запах. Их шелковые прикосновения.

- А мать... мама... Надя, почему не приехала? – преодолев неловкость, спросил он.

Между взрослыми возникла напряженная пауза. Дети беззаботно игрались на палубе.

- А мама... умерла... – с дрожью в голосе произнес Антон. Его глаза наполнились слезами. Наташа отодвинулась к детям и прижала к себе Полину.

- И меня! Мама! И меня! – Витя тоже бросился обниматься.

Пахарь сидел опарашенный горем. Он ссутулился, лицо заострилось. Левая ладонь мелко дергалась нервным тиком. По белой щетине стекали слезы.

- Мама умерла в конце мая, три месяца назад, – продолжил Антон. – У нее оказался рак груди. Сделали операцию, но было поздно. Уже пошли метастазы. Врач сказал, что ей не повезло – какая-то быстрая реактивная форма рака. Она просила, чтобы я с Витей съездил к вам. Вот... и все.

Пахарь подвел яхту к берегу. Помог выгрузить нехитрые вещи.

- Антон, вы это... понимаешь, ты... приходите завтра. Хорошо?

- Хорошо, придем. Обязательно. Мы через три дня уезжаем. Мне с первого на работу. А Полинке в школу.

Пахарь поднял на руки Витю.

- Ну что, моряк, капитаном будешь?

- Не-а! Я покемоном буду, когда вырасту! – разрядил напряжение малыш. Взрослые улыбнулись.

Пахарь поцеловал его в щеку, коля щетиной. Опустил на землю.

- Ну, бывай, тезка! Дай краба!

- А как это? – спросил Витя.

- Вот так! – показал ему Пахарь, протянув ладонь с растопыренными согнутыми пальцами. Мальчик тоже протянул ему руку. – Моряком! Моряком будешь! Капитаном!

Пахарь из каптерки позвонил жене, что не вернется сегодня. Будет ночевать на яхте. Так надо. Спустился в каюту. Налил два стакана водки. Один взял в руку.

- Прости. Прости меня, родная. Если сможешь. Я люблю тебя. Всегда любил. Ты слышишь меня? Дурака старого. Прости, что не остался с тобой. Тогда. Совсем другая бы жизнь была. Спасибо, что ты была, что ты есть у меня. Я всегда с тобой. Не забывай меня там. Я так люблю тебя!

Пахарь медленно выпعدил стакан. Сел, уронив потяжелевшую голову в ладони.

«Где ее взять-то, другую жизнь? Как прожить по-другому? Лучше. Правильней. Прожил, как прожил. Как получилось. Какая есть, а это моя жизнь. Моя! И почему – прожил?! Впереди еще столько рассветов! Я тебя очень многому должен научить, сынок!»!

Пахарь поднялся. Плеснул в стакан водки.

- За тебя, малыш!

* * * * *

*Олег Любимцев
2004 год, май. Городок*

Книга вторая

**ВРЕМЯ
НЕГОДЯЕВ**

*«Идя путями млечными,
Мы жгли мосты
Над бесконечностью
Из Красоты.
Мы рвали флаги Радости
И шли по швам
Из Неприятностей,
По островам
Людских оплошностей.
Врываясь в храм,
Мы пахли пошлостью...?
Воздастся нам...»*

Глава 1.

Сон не шел. Настя долго крутилась в постели, несмотря на усталость после семи уроков, факультатива и классного собрания. Слушала с закрытыми глазами мерцающий в темноте телевизор. Батарейки в дистанционном сели. Безысходная тоска придавила ее к кровати, не давала подняться и переключить канал. «Мыльный» идиотизм сериала раздражал, как, собственно, и все, происходящее в окружающем пространстве в последнее время. Почти все. Зато – не тишина, сжимающая сердце и наполняющая голову роем несущихся мыслей. Мысли смешивались, рассыпались и снова звучали, забывая друг друга, как несколько коротковолновых станций, сцепившихся в эфире на одной частоте. Она перевернулась на спину. Тело распрямилось. Пятки, ягодицы и лопатки через поролон матраца ощутили приятную жесткость деревянного настила. Настя улыбнулась. Стас любил жесткую постель. Она тоже быстро привыкла. И к постели, и к небольшим упругим подушкам, больше похожим на валики. И к Стасу. Настя снова улыбнулась и открыла глаза.

Прошло только два года, как они вместе, а ей кажется, что это было всегда. Ну, может, и раньше что-то было, какая-то жизнь. Но все это была подготовка к этой, теперешней жизни. К Стасу. Прошлые годы сжались в серую хронологическую ленту. Школа, институт, работа. Замужество – обыденное и скучное. Нет, были, конечно, и в той жизни веселье и радость. Отпуска, море, турбазы. Любящий и заботливый муж. Преданный. Слишком уж преданный. Как собака. Ребенок. Все, что с ним связано – светлое и тревожное. Но дети, и не только чужие, имеют свойство быстро взрослеть. Сын вырос удивительно скоро. Учится в институте в Москве. Взрослый сын, а она опять чувствует себя юной, свежей, обновленной! Ей так хочется жить, дышать, любить! И хочется родить. Девочку. Господи, как хочется дочку... а потом еще мальчика. А может еще одну дочку. Может быть... может быть...

Первый год она была пьяна любовью, чувствами, захватившими и закрутившими ее, как ураган поднимает листик, былинку. Она сорвалась в водоворот и радостно отдалась стихии. В ее жизни появился Стас. Это был «он». Она ждала, верила, что он рано или поздно появится, и это случилось. Она не знала раньше, что может быть так хорошо вдвоем. Так вот что значит «раствориться друг в друге!» Она любила и желала Стаса каждое мгновение каждой клеточкой своего тела. Ночи любви выматывали, но давали такой заряд! Такую энергию! Ей казалось, вместе они перевернут мир. Ну, это немного слишком. Пусть не перевернут, но будут жить по-особенному, по-другому. Не так как она раньше. И не так как все. Иначе. Как именно, она представляла смутно, но знала, что эта жизнь должна быть прекрасна.

Шло время. Мир не переворачивался. Ничего из ряда вон примечательного не происходило. Стас монотонно сидел за компьютером – «компом» или «комком» как, тихо ненавидя, называла его Настя. А однажды она обнаружила у себя «вирус». Не гриппа, и не гепатита, и не какой другой страшной болезни. «Вирус» не боролся с ее телом, не нападал на железы, не вызывал насморк, не заставлял першить горло. Он разжедал душу. Исподтишка, ехидно, этот маленький то ли чертик, то ли мультяшный червячок являл вопросами и саркастически кривился.

«Ну что, съела? Получила? Хе-хе-хе... Как дальше будешь лелеять-то свое счастье, а?»

«Да пошел ты...» – Настя загоняла «вирус» подальше, в самые закоулки. «Вирус» неделями не покидал свое убежище, но постепенно осмелел. Стал появляться чаще. Она привыкла вести с ним внутренние диалоги.

«Ну-с, уважаемая, сакраментальные, блин, вопросы к вам-с. Что происходит? Кто виноват? И что делать? Извольте-с...»

«Не знаю я, что делать. Если бы знала, давно уже сделала. Если бы знала... если б только знала...»

Стас работал, осуществлял какие-то безответные рассылки, сбрасывал кому-то информацию. Изредка получал по электронной почте – «мылу» ответы, на которые громко ругался матом, если Насти не было дома. Или негромко, если она дома была.

- Мне надо подумать, – часто говорил он и уходил из дома надолго. Думалось два, три, иногда пять часов.

В постели он тоже был молчалив, но по-прежнему активен. Душевные ниточки, связывавшие их, таяли. Он перестал говорить с ней о своей «работе». Замкнулся. Настя

заметила, что иногда Стас часами играет с «комком» в карты. Монотонно. Как робот. Погруженный в свои мысли. Он ускользал от нее, от себя. Настя чувствовала это. Тревога и отчаяние поселились в ее душе.

В отсутствие Насти Стас принес домой две иконы. Закрепил их в углу под потолком. Внизу поставил тумбочку, оборудовав некое подобие алтаря. В конце марта, вернувшись из Москвы от сына, Настя обнаружила изменения в интерьере и значительные перемены в любимом человеке.

- А это... откуда? – она удивленно смотрела на образа.

- Мне иконы отец Максим передал.

- Как это – передал? Кругом пишут, иконы баснословные деньги стоят.

- Старинные – да, и то не все. А эти иконы ценны в основном духовно. При церкви что-то вроде художественного кружка существует. Там самодеятельные художники иконы рисуют. Вот мне отец Максим и подарил.

- Так передал или подарил? Что-то я не пойму.

- Какая разница, передал или подарил? Денег я за них не платил!

- Стасик, ну чего ты заводишься? Не в деньгах дело. Я просто сказала, что бывают иконы дорогие... коллекционируют их... Фильм даже есть, как редкую икону украли... ради Бога...

- Вот только не надо Бога всуе! – Стас продолжал горячиться. – И сколько раз я тебя просил не называть меня этим дурацким «Стасиком»!

- Господи... ой! Ну, прости меня, – Настя обняла Стаса и прижалась к нему всем телом. – Давай не будем ругаться. Я так соскучилась. В поезде почти двое суток только о тебе и думала. Засыпаю под стук колес – о тебе. Ночью ты мне снишься. Проснулась – опять о тебе. Что делаешь? Спишь, работаешь, думаешь? Боже мой, я так люблю тебя... ну, прости.

Настя гладила Стаса по волосам. Целовала в губы, глаза, шею. Она почувствовала ответную мужскую волну.

- Стоп, стоп, стоп! Тихо-тихо! Я побежала в душ, а то закопченная после дороги как вобла, – она ловко выскользнула из объятий. – А ты пока на кухне организуй встречу любимой.

- А все уже организовано.

Десятки горячих плотных струек душа разбивались об упругое тело, неся приятное расслабление и истому.

- Тебе спинку потереть? – голова Стаса появилась в дверном проеме.

- Поздно, дорогой.

- А, может быть, все-таки? – не терял надежду Стас.
 - Спасибо!
 - Спасибо – да, или – нет?
 - Спасибо – нет, дорогой!
 - Если женщина говорит «нет», это в девяноста процентах случаев означает «да». – Стас намылил мочалку.
 - Что-то ты неправильно спину трешь!
 - Уже правильно! – Стас сбросил одежду и забрался в ванну.

- Как я соскучилась! Я так хочу тебя! – она прижалась к нему, ощутив животом горячую мужскую плоть.

Она целовала его в губы, широко раскрыв рот, кусая язык. Он отвечал тем же. Гладил ей спину и сжимал ягодицы. Душ уютно поливал их десятками горячих маленьких водопадов.

В большой комнате настенные часы пробили один раз, вернув Настю в действительность из, в общем-то, совсем недавнего прошлого. Час ночи? Или половина второго? Она поднялась. Пол-первого. Стерильную белизну холодильника в числе немногого украшала бутылка наливки. От матери. Настя налила полстакана. Слишком сладкая. Разбавила холодной водой. Как компот. Стаса нет. Волнений не имело места быть. Он приучил, если его нет, значит так надо. Захотелось принять душ. Она доверила тело горячей успокаивающей струе. Сквозь шум воды услышала звук входной двери. Простояла под душем еще минут пять. Подождала. Никого.

- Привет... – Стас сидел за «комком» и просматривал какой-то текст.

- Привет... – Настя прислонилась к стене и смотрела на Стаса.

«Может, ты еще что-нибудь скажешь, любимый?»

Прошло две-три минуты.

- Я в церкви задержался. Сегодня очень важная служба была, – Стас повернулся к Насте. Он хотел, чтобы это прозвучало просто информативно. Как, например, «московское время – пятнадцать часов двенадцать минут». А получилось как оправдание. Стало досадно.

- И чем же эта служба оказалась так важна для тебя? – Настя чувствовала, как поднимается раздражение.

- Ладно, не будем. Какая разница, – он знал, разговор этот ни к чему хорошему не приведет и решил не продолжать.

- Нет, ну все-таки, объясни мне. Объясни мне, пожалуйста! В конце концов, я имею право знать. В конце концов... – Настя начала закипать.

- Ну... тебе сложно будет понять.
- А ты попробуй объяснить. Может я не такая уж дура? А вдруг пойму? Представь себе?!
- Я не говорил, что ты дура. Не надо передергивать.
- Да в задницу дуру! Ты объясни мне, пожалуйста...
- она смотрела на Стаса. Понимала, что любит этого человека больше жизни, но готова броситься на него, впиться зубами, рвать ему волосы и царапать лицо.
- Хорошо, если ты так настаиваешь.
- Я настаиваю. Определенно настаиваю.
- Сегодня в церкви была исповедь, литургия и причастие. Достаточно?
- Ой-ой-ой! Прямо целый спектакль в трех действиях! Три в одном!
- Настя, я прошу тебя, давай не будем... – Стас поднялся.
- Нет уж, давай будем! Очень даже будем. С литургией и причастием мне все предельно ясно. Обедню отслужили. Мессу без органа. В курсе дела, дорогой. А ты, признаться, не ожидал, да? Бога ради, если уж такая насущная необходимость. Уточни насчет исповеди, пожалуйста? Ты что, исповедался?
- Да, – Стас видел, что Настя идет в разнос, и хотел быть максимально корректным и терпимым, надеясь своим спокойствием погасить разгорающийся конфликт.
- Та-а-к... И перед кем ты исповедался?
- Перед отцом Максимом.
- И что ты ему рассказывал? Посыпал голову пеплом? В грехах каялся? Может, ты и обо мне доложил?
- Я не могу об этом говорить – это тайна исповеди.
- Господи! Да зачем тебе это?! Зачем перед посторонними людьми душу на изнанку выворачивать? Зачем?!!
- Это сложно объяснить... – Стас замолчал. Настя ждала. – Может быть, мне так легче будет...
- Понятно. Тебе тяжело. А кому легко? Мне легко?!
- С утра до ночи как ломовая лошадь...
- Я не говорил, что тебе легко...
- А ты поговори. Поговори со мной. Я может, каждую секунду жду, что поговоришь, наконец. Зачем к отцу Максиму ходить? Ты мне расскажи, а я – тебе. Может нам обоим легче станет?
- Не знаю... Давай этот разговор потом продолжим. На свежую голову.
- Зачем на потом откладывать? Потом мы опять два года будем ждать. Молчать по разным комнатам...
- Настя, я люблю тебя. И очень виноват перед тобой.

Я хочу, чтобы ты простила меня... И перед другими виноват... Я не хочу... Мне трудно это все...

- А мне не трудно смотреть, как ты себя хоронишь? Ты утром и вечером молишься. В церковь на службы ходишь. Науку забросил, работу свою. Зачем ты себя и меня мучаешь?!

- Не забросил я ничего... просто... просто... показываешь людям... вот, вот же оно! А вы думали, так не бывает?! А тебе отвечают – «может, бывает, может, это и супер, да только нам на ваше «это» глубоко и конкретно насрать. Некогда нам, воровать быстрее надо! А вы тут со всякой ерундой под ногами путаетесь»... – Стас ладонью вытирал потмокревшие глаза.

- Стасик! Родненький! Ну, давай жить по-другому? Может, время твое еще не пришло? Подождем. Вместе. Ты же умный, сильный, красивый! Ты работу себе найдешь хорошую. Ты ведь умница! Будем жить. Телевизор смотреть. Дочечку родим. Или сыночка. Хочешь сыночка?

- Господи! Как ты не можешь понять?! Ну не могу я жить... с телевизором. Не могу! Не хочу я сидеть на диване! Лежать! Чай на кухне пить! Да я лучше повешусь!! Ненавижу я это все!!!

- Ненавижу?!! Ах ты, гад! – Настя вlepила Стасу тяжелую пощечину.

Он отбросил ее руки и с силой схватил за шею, с ненавистью глядя в перекошенное лицо женщины. Настя захрипела. Стас мгновенно пришел в себя и отпустил руки. Настя тяжело осела на пол.

- Господи, что мы делаем?! Что происходит с нами? – Стас смотрел на свои руки, по лицу катились горячие слезы.

Настя сидела на полу, испуг прошел. Она нормально дышала, только в горле стоял ком, словно застряла какая-то липкая каша.

- Надо воды попить, надо воды попить, я для него все... все бросила, я ему... ему... а он... он... – мелко причитая, она поднялась, прошла на кухню и попила столь желанной воды. Вернулась мимо Стаса в спальню и закрыла за собой дверь.

Стас проснулся в десять. Он лежал на диване в «большой» комнате. Значит, это не был дурной сон. Настя давно ушла в школу. Зашел в спальню. Постель аккуратно прибрана. Он смотрел на кровать, на старомодные с рюшками занавески, прошелся по квартире. Заглянул на кухню, поставил чайник. Отрезал горбушку хлеба. В душе была грусть и решимость. Он прощался с этой жизнью и ухо-

дил в другую. Совсем другую. Многократно более трудную, чем та, что была до того. Но – другую. Эта была ему невыносима. Стас сложил в рюкзак одежду. Взял несколько фотографий, передумал и выложил их на стол. Принес из спальни гантелью, постоял минуты две возле «компа», и со всей силы ударил в экран верой и правдой служившего ему монитора. Написал записку: «прости». Затем скомкал ее и положил в карман куртки. Ключи оставил на кухонном столе. Захлопнул дверь и резко, без душевных прощаний пошел прочь.

Зайдя в церковь, он попросил служку позвать отца Максима. Пока ждал, молился. Неожиданно стало страшно и одиноко. Засосало под ложечкой. Накатилась волна смятения. Но сомнения и паника не успели захватить его.

- Здравствуй, сын мой.

- Здравствуйте, отец. Я пришел.

Глава 2.

Южные зимы перестали, как раньше, быть снежными и морозными. В основном. Погода, как это часто бывает, не оправдывала возложенных на нее прогнозов. Снег иногда выпадал и даже задерживался на улицах несколько дней, быстро превращаясь в серую грязную массу, но неизменно таял под напором частых и непривычных зимних потеплений. Переносить зимы стало труднее. Ясные трескучие морозы уступили место сырой и ветреной промозглости.

Лена и Инна продолжали вносить свой скромный вклад в победу капитализма в отдельно взятой стране. Правда Инна к бизнесу откровенно охладела, передвинув стрелки основных забот на компаньонку, но продолжала тянуть попустившую лямку скорее по инерции, из «любви к искусству».

«А не сходить ли мне сегодня на работу? – частенько думала утром она. – Не сходить».

И не шла. Ленке ближе. Позвонит, ежели что.

От приятных посещений налоговой с отчетами и прочим бюрократическим хламом она себя освободила. Могла еще изредка сгонять на закупку или пройтись свежим взглядом по магазину. Житейскую скуку необходимо было чем-то разбавлять. Да и совсем бросать подругу одну было не того... как-то не очень...

Муж Инны – Влад бороздил моря и океаны на современных классных судах, а не на ржавых стрёмных посудинах, как было лет десять-двенадцать назад. Он добился таки своего «блюдечка с голубой каемочкой»: выиграл какой-то серьезный заморский конкурс «на лучшего по профессии», получил солидный международный сертификат, в совершенстве владел английским, изучал испанский. Соответственно изрядно и регулярно пополнял валютный счет супруги, вселяя в нее все большую уверенность в завтрашнем дне. И в послезавтрашнем – тоже. Более весомый счет имелся в облакканной теплом и океанскими приливами оффшор-

ной зоне, недоступной отечественным изобретателям «черных вторников и понедельников», искусным наследникам «красных конфискаторов».

Изредка, между рейсами появляясь на исторической родине, Влад все больше ощущал себя чужаком. Его загорелая раскрепощенная и уверенная в себе физиономия резко контрастировала с напряженными «фэйсами» соотечественников. И пиво пилось, к примеру, в Антверпене несколько не хуже, а даже лучше и вкуснее, чем в наших «погребках» и «пивбарах». Ну, а английские «пабы» – разговор вообще сверх особый. Отпрыск Валерка, единственный и неповторимый сын любящих родителей, учился на первом курсе Одесской мореходки. Пойдет по стопам отца. Папа к тому времени подготовит, куда ступать.

У Лены жизненные перспективы складывались не так радужно как у подруги, однако, к удивлению обеих это не вносило, казалось бы, обязательный диссонанс в их отношения. Алиса училась в девятом классе. Из музыки и спорта ничего серьезного у нее так и не выкрутилось. Муж окончательно пропал – почти два года Стас не связывался ни с ними, ни с родителями. Лена пыталась звонить по известным ей телефонам. Сначала мужа и его фирму еще кое-как вспоминали. Потом просили не беспокоить – таковых здесь нет. Не работают. И не работали. Не знаем. До свиданья. В прошлом году свекровь подала запрос в милицию. Информацию там приняли. Обещали сообщить, если что-либо выяснится. Само собой, пока ничего не выяснялось. Родителям мужа Лена звонила редко. Разговоры с ними угнетали и удручали, выбивали из колеи. Общение ограничилось формальными поздравлениями с праздниками.

Роман с Эдуардом тлел, не разгораясь, и не затухая. Он был моложе ее на два года. Шатен. Выше среднего. Лоб высокий. Глаза карие. Из особых примет – на правой кисти татуировка «В. Д. В.». Не киношный красавец. А зачем он нужен – киношный? Семейное положение Эдуарда было более определенным, чем у Лены, но тоже непростым. Он был разведен, однако, проживал вместе с бывшей женой и сыном в двухкомнатной квартире. Разменять квартиру не удавалось, а уходить ему было некуда. История Эдуарда была анекдотически банальна, но в отличие от анекдотов абсолютно не смешна. Во всяком случае, для него. Он должен был уехать в командировку ночным поездом, но буквально за полчаса до отхода поезда все переигралось и он ночью вернулся домой. Тихонько, боясь разбудить, он открыл дверь и обнаружил в спальне жену, сладко спящую подмышкой у «кума». Так же тихо закрыл дверь и ушел. После развелись.

Лена к себе его не звала. Алиса все еще ждала папу. Для дочери отец был мифическим полубогом. Далеким, во многом придуманным детскими фантазиями, но от этого еще более прекрасным. Героический папа – вечный космонавт, полярник или разведчик. И для самой Лены отношения с мужем были кровоточащей раной. В душе собралось столько обид, оскорбленности и злости, осколков любви, нежности и желания. Этот крутой замес поливался волнением, тревогой, непониманием и усталостью. Дикой многолетней душевной усталостью. Она устала быть одна, устала надеяться только на себя. Устала бесплодно ждать и понимать, что ожидание это сушит, уничтожает ее, вынимает душу. Не было у нее другой жизни, чтобы отложить счастье на потом, на следующий раз. Хотелось здесь и сейчас. Собственно, никто не думал о чем-то необыкновенном, сказочном, особенном, о счастье как таковом. Хотелось просто быть нужной, желанной, любимой.

Она вряд ли любила Эдуарда. В том смысле, что «ах!» не было. Просто хотелось на кого-то опереться, прижаться, уткнуться. Они сначала таились от дочери. Эдик приходил поздно, а уходил рано. Потом надоело – он остался на выходные. Лена поговорила с дочерью. Алиса отнеслась ко всему происшедшему спокойно, во всяком случае, внешне. Но холодок в отношениях пробежал. Дочь была уже взрослая, все понимала. Типа. Или – как бы. Мать не видела. Но «осадок остался».

Однажды в магазин зашли двое. В кожаных куртках, спортивных штанах, черных спортивных шапочках. Лет двадцати-двадцати двух. Лена как раз возилась в подсобке с остатками летнего товара. Продавщица позвала ее. Посмотрев на «клиентов», Лена «сразу отдуплилась», что «будет тема для базара». Магазин тогда работал недавно, и такая встреча вполне предполагалась.

- Слышь, ты тут рулишь, что ли? – обратился к ней тот, что повыше. Второй при этом демонстративно сплюнул на пол сквозь зубы в ее направлении.

- Во-первых, молодые люди, не «ты», а «вы». А во-вторых, если у кого-то повышенное слюновыделение, выйдите, пожалуйста, на улицу.

- Ты че гонишь, коза? Не по делу...

- Короче! – перебила высокого Лена. – По делу или не по делу, поговорить хотели, говорите. Только постарайтесь членораздельно, чтобы я смогла понять с первого раза.

- Смотри, деловая, да? Шчас объясним – быстро все просечешь. Вобщем так, наша бри... команда... ну... пацаны прислали сказать... ну... мы тут типа охраняем все... И

барыги отстегивают кусок. А мы чисто в обиду не даем. Ну, там, если типа кто-то наезжать будет...

- Короче, вы – крыша. А я должна вам бабки за это отстегивать, – подвела итог Лена, ускорив процесс переговоров сторон.

- Ну да! – довольно согласился который пониже. – Стопудово.

- Вы серьезные пацаны, я так вижу, но извините, уже опоздали.

- А че? – «кожаные» переглянулись.

- У нас уже есть крыша.

- Не понял!... Да ты гонишь, слышишь! – высокий вытащил руки из карманов. – Какая еще крыша? Здесь мы конкретно работаем. Стрелку забьем – быстро разберемся, кто пятак свой сунул. Крыша... какая крыша?

- Наша крыша – заместитель начальника городского УБОП, – спокойно произнесла Лена. – Если надо, давайте стрелку забьем. Как скажете.

Лена спокойно с удовлетворением смотрела на «гонцов» местной ОПГ. Те замешкались, переваривая услышанное, и напряженно вычисляли правильное решение.

Эдик не был заместителем. Он был начальником отдела. А может начальник отдела автоматически является одним из замов? Какое это имеет значение? Сейчас ей было приятно, что у нее есть Эдик, что не нужно труситься по ночам. Да и днем тоже.

- Ладно, мы с пацанами тему перетрем. Если что, еще побазарим.

Лена молча кивнула. «Кожаные» направились к выходу.

- До свиданья! – невысокий неожиданно повернулся в дверях.

- Бувайте, хлопцы! – за Лену ответила баба Люся.

Сегодня вечером должна заехать Инна. Лена купила «киевский» торт, бутылку «Кагора», зная вкус подруги. Да и Инка всегда с собой что-то вкусненькое приносит. Дверной звонок запиликал ламбаду.

- Привет! – Инна как всегда была полна жизненной энергии. – А где все?

- Алька у подружки в соседнем подъезде. Математику вместе делают.

- Якобы! – Инна понимающе повела бровями. – У нас тоже так называлось. То рефераты готовили, то к экзаменам готовились. А через девять месяцев – в роддом!

- Да брось ты, она действительно у подружки. Там отец – кандидат наук. Помогает решать.

- Подружка или кто там еще, а презервативы у нее, то есть и у тебя, всегда должны быть под рукой. Пошла куда-нибудь, ты ей парочку в карман. Никогда не помешают.

- Инка, бойся Бога, ей только пятнадцать исполнилось.

- Ха! На четырнадцать-шестнадцать, как раз пик приходится. Лиха беда начало! Эх, мать, где мои шестнадцать лет? Ты хоть просвещаешь ее?

- Ее? Проехали мы уже давно эту станцию, благодетельница ты наша! Тоже мне, мать Тереза нашлась. Кого просвещать? В каждом сериале хоть днем, хоть вечером, как ни включишь, ноги выше плеч. Прямо неловко иногда. В журналах подростковых все подробно расписано.

- С ногами и всем остальным что делать, это им давно известно. Главное, не залететь по глупости. Валерик мой на каникулах был, так, когда уезжал, я ему этих резинок насыпала и в сумку, и в карманы... А сейчас какие пошли... И с банановым вкусом, и с малиновым. Примочки там всякие. Класс! Не то, что раньше.

- Инн, ты не перегибаешь палку? Все-таки он же еще и учиться должен. Сейчас требования везде такие – голову от учебника не поднимешь.

- Знаешь, дорогая, как говорится, одно неверное движение – и ты отец. В этом деле лучше перегнуть, чем недогнуть. Зато в подоле какая-нибудь красавица не принесет, и гадость не подцепит. А, кстати, где твой Джеймс Бонд? – Инна приложила руку к голове, отдавая честь.

- Сегодня его не будет. Не волнуйся.

- А чего мне волноваться? У вас, прямо, как по расписанию. В календарике крестики не ставишь? Крестик – нолик, крестик – нолик. Сегодня – нолик.

- Ну, какое расписание?! На выходные приходит. Иногда среди недели. Чаще я сама не хочу. Так проще.

- А может он там, у себя, со своей бывшей тоже спит? Воюет, так сказать, на два фронта. Союзничек. Эт-то очень даже часто бывает. Она ему теперь тоже вроде как чужая. А мужиков это заводит. Не боишься?

- Не знаю. Наверно боюсь. Я не хочу думать об этом. Говорит, что любит.

- Знаешь, если мужчина говорит что любит, не обязательно, что он любит только тебя.

- Спасибо, добрая подружка. Утешила.

- Ленка, не дуйся. Я ж за тебя переживаю, дурочка, – Инна нежно обняла Лену. – А если они опять сойдутся?

- Сойдутся, значит сойдутся. Бороться я не собираюсь.

- А знаешь, возможно, так и лучше. Вернее. Мужик, он конь такой своенравный, если привязывать начнешь, сразу захочет отвязаться. Ну что, погурманим чисто по-женски? Нарушим, так сказать, кислотно-щелочной баланс?

Подруги прошли на кухню. Вскоре к ним ненадолго присоединилась Алиса. Отрезала себе торта и отправилась к телевизору.

- Лен, я не просто так приехала. У меня к тебе разговор серьезный.

- Две новости – хорошая и плохая?

- Не перемайся, дорогуша, я думаю, сильно плохого ничего нет. Обычная «се ля ви».

- А что, бывает средне-плохое?

- Лен, я весной вместе с мужем в плаванье уйду. Месяцев так на «сэм-восэм».

- Как это вместе? А кем ты там будешь работать? –

Лена была удивлена и огорчена одновременно.

- Работать буду женой. Он главный механик на корабле, огро-о-омная каюта, полный фарш – телевизор, туалет, ванна, биде-э-э...

- Зачем это на корабле в каютах биде?

- Как это зачем? А вдруг жена решит навестить. Как она без этого самого биде обойдется. А там, считай, в каждом порту – «жены».

- Может, там и джакузи есть?

- Точно – джакузи! А я сама думаю, ну на хрена мужикам на корабле биде. Но это все фигня. Главное, у них разрешается раз в два или три года брать в рейс жену. Не всем, конечно, только руководящему составу.

- А как же гражданство? Визы?

- По барабану гражданство. Экипаж у них – сборная солянка. Загранпаспорт оформляю. Влад говорит, этого достаточно. Они же – подфлажники. Надоело быть месяцами одной. Вечно корпеть над квартирой. Хочется без напрягов, по течению поплыть. Вольным стилем. Мир посмотреть. Тропик Рака, Капо Верде, Барбадос – тебе ни о чем это не говорит?

- О географии говорит. И звучит красиво.

- Вот-вот. Красиво. Я хочу туда. Где красиво. Понимаешь меня?

- Конечно, понимаю. Все хотят туда, где красиво. Разве кто-то хочет туда, где некрасиво?

- А ты думаешь, нет? Мало ли экстремалов там всяких. Дигтеров. Что-то мне хорошо так стало. Винца выпила и уже ехать никуда не надо... Уже – хорошо.

- Инн, а как же магазин?

- А что магазин? Ты и так почти все сама тянешь. Справишься. Тем более, я ж не на всю жизнь уезжаю, уплываю... Нет, уйду. Моряки, они по воде ходят.

Разговор прервал частый телефонный звонок.

- Да! – Лена подняла трубку.

- Алло! Алло! – сквозь шипение эфира звучал далекий незнакомый женский голос. – Алло! Вы меня слышите!

- Да. Я вас слышу. Только плохо. Говорите громче! Куда вы звоните?

Наверно ошиблись номером.

- Алло! Мне нужна Елена!

- Да. Это я. С кем я говорю?

- Вы – Лена? Жена Стаса?

- Да, жена... – у Лены подкосились ноги. – Стас жив? Что с ним? Что случилось?

- Да. Жив... Наверное.

- Господи! Как это – наверное?! С кем я говорю? Откуда вы звоните? – Лена побелела. Инна с испугом смотрела на подругу, мимикой спрашивая «что такое?», «что случилось?».

- Я из Северска звоню. Меня Анастасия, Настя зовут. Стас у моей матери квартиру снимал.

- Почему – снимал? Где он теперь? Господи! Да объясните же вы?! – выдохнула Лена. Затаившая дыхание Алиса стояла возле матери. – Откуда вы телефон наш знаете?

- Я телефон в вещах его нашла. Алло! Алло! Вы слышите?

- Да! Я слышу. А где Стас?

- Я думала, может, вы знаете. Он не звонил? Алло?

- Нет. А вы кто? Анастасия! Алло? – женщина на противоположном конце провода молчала. – Вы его?... Алло! Вы меня слышите?

- Да.

- Вы с ним живете... жили?

- Да, – после паузы последовал ответ. – Мы с ним жили... два года... а месяц назад он ушел. Пропал... Алло?

- Да! Я слушаю, – Лена внутренне несколько успокоилась. Живой, слава Богу. Нервная дрожь прошла.

- Понимаете... мы поссорились... – женщина заплакала, но продолжила, перемежая слова всхлипами. – Он ушел. И его нет... месяц уже... я думала, может вы... может он... сейчас...

- А вещи? Он что, зимой без вещей ушел?

- Нет. Он одежду забрал. А так... кое-что оставил... книги... записи... – женщина замолчала.

- Алло! Анастасия? Настя? Вы слышите?

- Да. Слышу.
- Вы не молчите. Вы в милицию обращались?
- Нет. Это напрасно.
- Почему напрасно?
- Я и вам позвонила зря. Извините... просто, может, чтобы поговорить о нем... надеялась... простите меня... мне отец Максим ничего не говорит... наверно, Стас его так просил... не говорить...
- Какой отец?
- Священник здесь. Местный. Стас часто к нему ходил...
- Анастасия? Настя! Вы объясните толком. Я ничего не понимаю.
- Стас в монастырь ушел.
- Куда?! – Лена почувствовала, как пол уходит из-под ног. Вместе со стулом.
- В монастырь... – Настя замолчала.
- А... а... – Лена силилась произнести «алло». Перехваченное спазмом горло не пропускало слово. Раздались короткие гудки. На том конце положили трубку.

Глава 3.

— **А** ты не боишься, что когда-нибудь шеф тебе голову отвинтит за такие дела? — Татьяна иронично поглядывала на партнера и медленно с удовольствием затягивалась длинной коричневой сигаретой. — А, красавчик?

- Остерегаюсь, — заметил Сергей, так же неспешно выпуская сигаретный дым из легких. — Впрочем, это одно и то же. Так что, объявление в газету давать не будем. Пусть общественность, и в том числе шеф, пребывает в счастливом неведении.

- Интересно, а как же — крепкая мужская дружба? Это у нас, баб, дружба такая, что лучшая подруга с потрохами тебя готова слопать. А не то, что с чужим мужем переспать. Это просто вопрос времени.

- Ууу, ты какая! — Сергей затушил окурок. — Между прочим, ты знаешь, что для мужчины лучше женщины?

- Другой мужчина?

- Я ж не про голубого спрашиваю?

- Водка? — Татьяна неопределенно пожала плечами.

- Это для алконавта. Для мужчины лучше женщины, ее подруга.

- А если она при этом жена друга? У вас же, мужиков, все по-настоящему. А? — Татьяна приподнялась на локте и чертила наманикюренным ноготком витиеватые узоры на мужской груди.

- Тань, ты права. Мужская дружба — это очень круто. Игорь — хороший парень, но в постели все-таки ты мне нравишься больше.

- Что-о?! Больше? — глаза у Татьяны округлились. — Чем кто?

- Щютка. Не надо так волноваться.

- Конечно, начнешь волноваться с вами. Два мужика — и оба вездеходы, получается. Тоже мне, веселенькие перспективы!

- Ладно тебе. Во-первых, мы с Игорем, пардон, не вездеходы. А во-вторых, с Игорем Борисовичем мы не совсем друзья.

- Коллеги по работе?
- Вот-вот. Субординация. Он начальник, я... подчиненный.

- Месть дурака?

- Я себя дураком не считаю. Если есть другое мнение, это не мои проблемы, – Сергей сел, отвернувшись к Татьяне спиной.

- Извини, ненаглядный. Я это так. По пословице. Совсем не хотела тебя обидеть, – Татьяна обняла партнера сзади, склонив голову на мужское плечо.

- Зачем копать так глубоко. Отчего да почему? А может это просто секс? Ты – привлекательная женщина, я – «чертовски привлекательный мужчина»...

- «Приходите в полночь к амбару – не пожалеете»?

- Вот-вот. В десятку. Ты симпатичная, умная, так что спать с тобой не только приятно, но и интересно.

- Спасибо за комплимент. Осчастливил.

- Только без лишних наворотов. Не стоит обременять отношения.

- Ах, как вы, мужчины, не любите сложности!

- Женщина, не создавайте себе чужих проблем! – Сергей произнес с одесским прононсом. – И я как-то не понял, у кого это сложности? В конце концов, кто у «И. Б.» жена, я или ты?

- То, что ты не жена, драгоценный мой, это точно. Милый друг.

- А вообще, мужчина не несет ответственности за свой член. Мужик сам по себе, а тот сам по себе.

- Интересная теория. Главное, очень удобная. Сам сочинил?

- Почему сам? В журнале прочел. Самец – существо полигамное. Он эволюцией так настроен, оплодотворить как можно больше самок. Чтобы вид не исчез.

- О! Так ты у нас, оказывается, природе помогаешь. В широком смысле. Помощничек!

- Вот, прямо в нее.

- В кого?

- В дырочку. Какая была установка? Во всем тебе помогать. Я и помогаю. Во всем. А Игорь теперь государев человек. Депутат. Высокая ответственность, понимаешь, – Сергей, усмехаясь, поглядывал на партнершу.

Сорокалетняя или около того холеная штучка. Явно застоялась кобылка. Шейпинг, массаж, тренажеры, бассейн, сауна – Татьяна себе ни в чем не отказывала. Имела такую возможность. И результат был налицо. Точнее, на все тело. Стройная, подтянутая, без капли лишнего

жира. Крашенная шатенка – стрижка «под мальчика» с модным пегим чубчиком или хохолком. Выглядела минимум лет на десять моложе. В постели она Сергея почти всегда «загоняла» своей выносливостью и неутомимостью. Слегка ухекавшись, он по-рыцарски великодушно предоставлял ей возможность самой активно выплеснуть энергию. Партнеры в работе и личной жизни, в бизнесе и сексе – так прагматичней и современной, расслаблялись на широченной кровати белого итальянского будуара с тонкой золотистой отделкой.

- Ну что, продолжатель рода человеческого, стенд ап, пли-из, – Татьяна пружинисто поднялась и на носочках направилась в ванную.

«Кокетство, – про себя отметил Сергей. – Как будто на каблуках. Чтоб ноги казались длиннее. Маринке тоже не мешало бы походить в бассейн. Раздобрела после родов».

- Послушай, тебе напарница не нужна? В спортзал ходить или в бассейн, – он обратился к вышедшей из душа Татьяне.

- Не знаю. Как-то не думала. А что?

- Может жену к тебе приобщить? Вместе будете заниматься. Не так скучно.

- Оригинально. Я, в общем-то, не скучаю. Хотя, почему бы и нет? Будем дружить домами?

- Дамами.

- А ребенка с кем оставите?

- Придумаем что-то. Может, теща посидит. Или няньку найдем.

- Няньку? На молоденьких потянуло?

- Да ну, ерунда. Какую-нибудь тетеньку или бабульку пригласим.

- Это мы проходили. «Бабулек». Три штуки у нас были. И шеф твой ни одну не пропустил. Везде отметил-ся.

- Пришел. Увидел. Наследил, – Сергей лениво вальялся. Вставать не хотелось. – Тут кофе в постель подают?

- Поддают тут в постели. Давай, мавр, поднимайся.

- А если мавр еще раз хочет сделать дело, прежде чем уйти?

- Сделал дело – оставь тело! – Татьяна посмотрела на часы. – Давай, мавр, жми на педали. Тебя на работе скоро в розыск объявят.

- Да. Сложно с вами, дамочка! Палец в рот не клади, – Сергей не спеша, прошлепал в ванную. – И где ты всего этого понабралась?

- «Было-было-было, да прошло...» – женщина быстро навела в комнате первозданный ажур.

Муж Татьяны – Игорь, теперь Игорь Борисович, сокращенно «И. Б.», в данный момент находился в глубинке на острие политической борьбы. Приближались парламентские выборы, и как активный член партии он встречался с избирателями. Резал правду-матку народу по городам и весям. Не будучи по своей природе и по жизни пламенным трибуном, он четко произносил короткий понятный всем, и ему в том числе, спич. А потом отвечал на вопросы избирателей. Вопросы были предсказуемы. За спиной находился башковитый яйцеголовый «референт», всегда готовый прийти на помощь в затруднительных ситуациях. Но таковые случались крайне редко. Везде людей волновали одни и те же проблемы. Люди хотят хорошей жизни, а им все время устраивают веселую. Конкретные ответы были заготовлены заранее. Игорь их чеканно немногословно озвучивал, создавая образ солидного, ответственного, знающего, что и как делать политика. Время «болтунов» закончилось. Соль жизни в том, что она не сахар. Надо работать. Он всецело соответствовал выбранному «имиджу». Иногда даже сам начинал верить себе.

Партия, в которой имел честь состоять Игорь Борисович, называлась просто и понятно, но не без изящности – ПЭПСи. Партия Экономического Прогресса и Справедливости. Вот так. Ни много, ни мало. Одним махом всех побиваю. И экономика будет расти, и всем по справедливости. Что еще людям надо? «Хороший дом, хорошая жена...». Уже два года Игорь Борисович был депутатом городского Совета. Не какого-нибудь там Крыжополя или Мухосранска, – столицы. Теперь партия ставила перед ним задачу замахнуться повыше. Партия задачу ставила, она же ее и воплощала.

Партия ПЭПСи возникла лет пять-шесть назад. Ряд серьезных бизнесменов, промышленно-банковских нуворишей, в своей деятельности вышли на уровень, когда необходима была не только поддержка сверху, не просто «решение отдельных вопросов». Жизнь не стояла на месте – вопросы решались, каждый стоил свою цену, но это были, так сказать, бои местного значения, разовые стычки с такими же командами. Возникла потребность в определенной политической структуре, которая на различных уровнях являлась бы проводником интересов этой «группы зубастых товарищей». Назрела необходимость в системе тактического, а глав-

ное стратегического лоббирования. К партийному строительству привлекли бывших комсомольских, профсоюзных функционеров. Особенно приветствовались «гэбэшные» и «внутренние» кадры. Прозябавшие в безвременье спецы и эксперты взялись за дело партийного строительства с энтузиазмом и огоньком, щедро подпитываемым теньвыми командорами.

Название партии предложил кто-то из «молодых». На слух оно всем сразу и очень понравилось, но когда увидели аббревиатуру, раздался недовольный вой.

«Это что за пепси-кола получается? Легкомысленно! Эт-то несерьезно! Избиратель за нами не пойдет!»

Но старую гвардию и сомневающимся удалось убедить в том, что смысл названия очень даже серьезный и правильный. Разве можно возражать против прогресса и справедливости? Спорить не о чем. А аббревиатура с «западным» намеком и легкой самоиронией привлечет молодежь. Что там «новое поколение выбирает» по телевизору? Нас выбирает! С другой стороны, при желании к любому названию можно прицепиться. То будет похоже на большевиков, то на националистов. А здесь солидно по смыслу и элегантно по форме. Легко запоминается. Поведали «старперам» что такое «бренд», чем он отличается от бренди, и как его продвигать. Если на первых порах действительно в прессе было много насмешек и шуток по поводу «пепси», то со временем шуточки позабылись, а «бренд» успешно продвигался.

Как бизнесмен Игорь Борисович поднялся и разросся, заматерел, сосредоточив в своих руках разношерстные и не всегда легальные движения братков по разуму, объединив их разрозненные усилия, придав цивилизованность и респектабельность. Очевидно, за ним кто-то стоял, направлял процесс. Рулил. А может, и сам «И. Б.» оказался такой прыткий. Решительный и способный. Игорь был разумно скромен по жизни. Не пускал пыль в глаза. Ничего из ряда вон вызывающего и примечательного. Финансы направленно вливались в акции предприятий, преимущественно химических и металлургических. Приобреталась недвижимость, которая пухла в цене сама по себе. Ну и НДС, пока продолжалась такая лафа. Но не топорно и тупо, а технично и под прикрытием, с конкретными откатами. Дурные деньги выгодно вложить в человека. Отдача будет в кратном размере. Точек своего рода акционирование. Ангажемент. Человеческий фактор. Компания крепчала, превращаясь по факту в «... холдинг компании».

Сосредоточившись на клубе, Сергей не владел полной информацией о бизнесе фирмы и не стремился к тому. С одной стороны он и раньше «курировал» отдельный сектор и не имел всей широты охвата. А с другой стороны, ему это и не было нужно.

Машина резво неслась в многополосном городском потоке. Татьяна и авто на дороге представляли одно целое. Сливались в экстазе. Спортивные, стремительные и агрессивные. Муж недавно подарил ей «Пежо-206» и руль этого технического шедевра она не уступала никому. Водила резко, с адреналином. Мощность мотора позволяла. Еще больше адреналина выделялось у пассажиров. В данном случае у Сергея.

- Может не стоит так торопиться на кладбище? Без нас не начнут, – Сергей с сомнением поглядывал на стрелку спидометра. – Я, наверно, все-таки пристегнусь.

- А что такое? Какой-то русский не любит быстрой езды? – Татьяна ловко лавировала под энергичный современный рев многоваттных динамиков, периодически слыша за собой возмущенное бибиканье «чайников».

- Некоторые женщины превосходят мужчин даже в равенстве.

- Почти смешно. Юморист. Сам придумал?

- Отнюдь. «Русское радио», или еще где-то слышал, – Сергей потянулся, насколько позволял салон. Заметил о музыке. – Не думал, что тебе по вкусу такая чепуха.

- Это на кухне можно «Мелодию» слушать. Или «Шансон».

- Лучше «Европу-плюс».

- Без разницы. В такой машине должна звучать крутизна. Двадцать первый век! А не сопля размазывать.

- В тебя прямо дух какой-то вселяется за рулем. «Найт райдер». Ййесс! Тихо-тихо! Справа!

- Вижу! Не волнуйся, робкий ты мой, тут прекрасные подушки безопасности.

- Уже опробовала?

- Пока нет.

- А как Игорь? Замечания по вождению делает?

- А он со мной просто не ездит.

- Понятно. Кстати, если выборы пройдут нормально, будем шефа наблюдать по телеку не только по ТРК «Киев».

- А что? Игорек очень даже может. Он у меня мальчик способный. Летом получит диплом в юридическом, – Татьяна всячески поддерживала супруга в его политической карьере. – Без разницы, что заочно. Лишь бы ко-

рочка была. Как говорится, плох тот солдат, который не хочет стать генералом.

- ...спать с генералом.

- Что-что?

- Я говорю, плох тот депутат, который не хочет стать парламентарием.

- Вот и домчались, а ты переживал, – машина ловко вывернулась и плавно затормозила на стоянке перед клубом. Быстро подбежал молоденький охранник. Весь в черном, в новых скрипучих ботинках – «берцах».

- Помочь, Татьяна Михайловна?

- Спасибо, не надо... Пока.

Глава 4.

Три года назад Сергей согласился с предложением Игоря заняться новым для себя бизнес-проектом – ночным клубом. Вместе с Татьяной. Жена Игоря скучала в «золотой» клетке и рвалась в бой. Сложив «плюс и минус, минимум и максимум» определили соотношение паев – семьдесят на тридцать в пользу стороны Игоря. Ремонт, оборудование, то да се заняли более полугода. Изначально поделили сферы деятельности. Татьяна командовала баром, кухней, снабжением, бухгалтерией. Парфией Сергея были оформление, звук, свет, охрана, программы, шоу. Все, что связано с «развлекухой». Долго ломали голову над форматом, концепцией, так сказать.

Посещение десятка столичных «найтов» еще более убедило в необходимости чего-то оригинального, какой-то своей фишки. Везде имелся определенный джентльменский набор. Это – дискотека, бар, кухня – обычно весьма скромная, но специфическая, с претензией на изюминку. Обязательно – стриптиз. В особо крутых «клубах» – топ-лесс официантки. Но это редко. Клубы пытались выдерживать определенные стили. Одни были демократичные, молодежные, без фэйс-контроля и дресс-кода. Здесь всегда было весьмалюдно и относительно недорого. «Пипл», преимущественно студенческий, оттягивался, пил пиво, им же запивал «колеса», беззаботно курил дурь – план, коноплю, марихуану, как нравится, и тащился под оглушительную «кислоту». Тут не было предварительных программ, солидных эстрадных номеров. А если и были, то студенчески-самодельные, отрывные, веселые и бестолковые. Были среди клубов «солидняки» с бильярдными, боулингами, казино и VIP-кабинетами с девочками. Многоэтажные развлекательные комплексы для «мажоров» и «крутелеков». Здесь выступали местные и заезжие звезды. И цены были соответствующие. Но это другой уровень вложений, до него надо было еще дорасти. А с другой стороны и не хотелось такой громоздкости. Сергей склонялся к чему-то среднему, чтобы без малолеток, но и не слишком чопорно.

Музыка вызывала головную и зубную боль. Танцевальные программы практически везде были однообразны: «кислота», «рэйв», «драм-н-бас» или разнообразный «хаус». Разнообразию это улавливалось, а скорее даже придумывалось мастаками, далекими от натуральной подлинной музыки. Обладая потребным минимумом музыкальных и технических знаний, а главное – определенным набором современной техники, всю эту «музыку» можно сочинять вагон и две тележки в день. Да и музыкой это назвать трудно – так, необремененное гармониями функциональное мощное ритмичное звучание. Ритмический шум. Основная задача – поддерживать в мозгах стабильный уровень балдежа.

С середины девяностых годов прошлого века эта «эйсид-техно-хаусная» примитивная зараза поперла по свету из английских клубов как приложение к таблеткам «экстази». И успешно завоевала примитивный «клубный» мир, как модная воздушно-капельная ОРЗ-ежная инфекция. Затуманенным «клубным» мозгам ничего другого и не надо – тяжелая, размазывающая публику по стенке «биг бит» бочка, и жестокий «бас», смачно дающий под дых. Сверху посыпать незатейливым электронным пиликаньем. И этот вязкий монотонный коктейль можно жевать всю ночь.

Несмотря на разные названия клубов, туго придуманные форматы, обязательные или необязательные программы и номера, после часа ночи практически везде толпа колбасилась под огушительную техноподобную хренотень. До утра. За редким исключением. Исключения за еще более редким исключением рафинированно прозябали.

Проблемы с оригинальной концепцией и поиском своей «фишки» надолго не затянулись. Решение пришло во время употребления пива в компании с Джимми. Джимми работал инженером на фирме, где Сергей закупал акустику и усилители. В миру он был Евгений Васильевич, Евгений, Женья, но в душе это был самый настоящий Джимми. Не Хендрикс и не Пейдж, конечно, но где-то так недалеко. Внешность нового знакомого не была заурядной, но и не выдающейся. Высокий, под метр девяносто, брюнет. В лице что-то птичьё, наверное, близко посаженные черные глаза и с горбинкой нос, напоминающий клюв. Выслушав запросы Сергея, Евгений Васильевич предложил поехать в клуб, где произвел соответствующие замеры, осмотр и тому подобное.

Помимо аппаратуры на фирме продавались и инструменты. Свои технические обязанности инженера Евгений Васильевич совмещал с демонстрацией гитар. Гитарист он был просто охрененный. Или даже – обалденный. Когда брал в руки «Ибанес» или «Крамер», магазин вста-

вал на уши. Все сбегались послушать и посмотреть «шаровой» рок-концерт. Но самая агрессивная «кляшкa» – это, блин! «Чарвел-Джексон», ну, и «Джибсон», конечно же. Вау-ррр-дррр-вау!!! Там-там-там... там-там та-там.... Джимми заржал по полной.

- «Дым над водой»? – проявил познания Сергей.

- Он, родимый! «Smoke on the water». «Пёплы». Семьдесят второй год, – охотно подтвердил Евгений Васильевич.

- Из «Made in Japan»?

- Нет. «Джапан» – это зальник. Сборник. А «Smoke on the water» натурально из «Machine Head», – уточнил Евгений Васильевич. – Слава богу, хоть «Пёплов» еще кто-то помнит. А то иногда кажется, что весь рок с «Раммштайна» начался. Им же и закончился.

Сергей предложил инженеру подработать у них – смонтировать звук и свет. Тот, само собой, не отказался. В процессе работы познакомились ближе. Немного сдружились. Иногда потребляли пиво в соседнем «погребке», закусывая сосисками, сыром. А чаще «под рыбу». Сергею было интересно общаться с этим своеобразным персонажем. Женья был старше Сергея, но в душе полон молодого рокерского задора. Сам называл себя «старым рокером». Кокетничал и льстил себе. Старым он не был еще, а рокером – уже. «Де-юре». А «де-факто» рокерство для Джимми было состоянием души. Наверно, понимал, что рокером и помрет. Потому и – «старый». Сетования Сергея на отсутствие формата будущего клуба, этакой фишки Евгений Васильевич разрешил легко и просто. Мало найти свою нишу. Надо найти ее первым. Во всяком случае, в данном конкретном месте.

- А почему бы вам не сделать клуб в стиле «Хард-рок кафе»? – предложил он.

- Кафе? У нас же ночной клуб, – не врубился Сергей.

- Это система такая – по всему миру куча клубов в хардовском стиле. И весьма популярны. Направление такое – старый добрый рок, ну и все, что рядом валяется. Стандартный вариант. Интерьер, музон соответствующие. Эдакий роковый «Макдональд».

- Вопрос, конечно, интересный... – задумался Сергей.

- Да, интересный вопрос, – Евгений Васильевич не спеша, смаковал полоску копченого леща, запивая «Баварией».

- В принципе, с оформлением проблем не должно быть.

Плакаты, гитары, старые диски...

- Кожу, клепки, прибабасы рокерские – это все подобрать можно. Ну и художники чтоб оформили соответствующе. Можно в «сети» поискать, с чем эти «хард-рок кафешки» кушают. Там все найдется.

- В какой сети? – не понял Сергей.

- В Интернете.

- А-а. Я думал, в маркетах. Ну что, Евгений Васильевич? Пацан сказал – пацан сделал. Вот и будете этим заниматься.

- Базару нема – ваши гроши. И давай без Васильевича.

Мужчины привстали и обменялись символическим рукопожатием.

- А народ не заскучает? Рок да рок? – сомневался Сергей.

- Нет, мы же про фишку говорим. Это, так сказать, мейнстрим...

- Что-что?

- Мейнстрим, – повторил Женя. – Основное направление.

- Понятно.

- Рок, рок-н-ролл, буги-вуги, джайв – тут воротить можно сколько угодно. Арт-рок, джаз-рок, прогрессивный, кантри, хард, металл, поп-рок – всего не перелопатить. А если люди напились и хотят гопака танцевать или под Сердючку, так никто не имеет права им отказать. Наоборот. Захотят «совдепию»? Пожалуйста – любой каприз.

- Вот. Это мне нравится. Не зацикливаться. Клиент всегда прав, – Сергей оживился.

- Естественно. Война план покажет. Тем более, помещение у вас не очень большое. Не Дворец культуры. Публику надо привлечь постарше, денежную. Без малолеток и ссыкунов – банку пива возьмут и до утра дергаются. Пускай в другом месте дергаются.

- Нет, вот как раз девочки не помешают, – Сергею такая категоричность претила.

- Мелочи отработаются по ходу дела, – согласился Женя. – Как говорил Наполеон, «главное – ввязаться в сражение».

Концепция была разработана подробно. В письменной форме. Высший совет акционеров под председательством Игоря Борисовича с концепцией ознакомился. Сделал несколько замечаний коммерческого характера, но в целом одобрил.

«Лёд тронулся», господа любители ночных развлечений! А может быть, «Лёд Zeppelin»?

Название пришло практически сразу. Само собой. «Machine Head» – «механическая голова», по названию знаменитого альбома «Дип Пёпл». Все четко и понятно. Ну и достаточно сурово. Вполне по-рокерски.

Клуб работал. Народ пил-кушал, зажигал или просто расслаблялся – «убивал вечерухи». Постепенно дело вошло в колею и двигалось. Ни шатко, ни валко. Охрана на входе осуществляла «фэйс контроль» – чтобы не сильно пьяные, и «дресс код» – к одежде не цеплялись, галстук и бабочку не требовали, разве что не пускали в спортивных костюмах. Mistake. Ночной клуб все-таки, не танцплощадка в парке. Ди-джеи «бомбили» народ со второго яруса. После полуночи на сцене вокруг шеста крутились стриптизерши, избавлялись от атрибутов стильного «металлового» прикида. При желании, а главное – возможности, клиент мог заказать «тэйбл дэнс» – девушка станцует специально возле вашего столика. В перечень услуг входила и «консумация». Что означает это странное слово, никто не знал. Очевидно, происходило от английского «consume» – потреблять, поглощать, расточать. Клиент приглашал понравившуюся танцоршу за свой столик, общался с ней и угощал обязательным коктейлем – безалкогольным, но достаточно дорогим. Продолжение «консумации» в отдельном кабинете в клубе предусмотрено не было, хотя насущную потребность в этом многие клиенты испытывали. Сергей категорически возражал против проституции. В клубе этого не должно быть, а о чем там «консумируют» за столиками, это дело такое... Каждый имеет право. Право на лево. После работы. А может это для девушки судьба? Или шанс? Или просто бизнес. Клуб не мог контролировать личную жизнь сотрудников, особенно тех, кто работал, так сказать, на стыке жанров. Или на грани фола.

Игорь Борисович со временем оборудовал на втором этаже трехкомнатные апартаменты с мягкой мебелью. Изредка расслаблялся сам. Чаще водил туда VIP-ов. «Важные персоны» предпочитали «консумацию» вдаль от публики. Частенько процесс затягивался до утра. В одной из комнат как раз напротив широкого дивана в стену было вмонтировано большое зеркало. Business as usual. Сергей не лез в дела шефа.

Арт-директором клуба работал Джимми. В прошлой жизни такая должность называлась «художественный руководитель». Но это во всяких там ископаемых ДК. А в ночных клубах, да и вообще в новой жизни «худруки» не каналы. Джимми был для Сергея находкой. Кроме художественного руководства, он во многом определял стиль клуба, приглашал соответствующих музыкантов. С удовольствием сам мог заполнить «дырку» в репертуаре – давал несколько номеров на гитаре под «болванку минус один». То есть ставил им же записанный диск с фонограммой без соло-

гитарной партии. И выдавал «на гора». Отрывался по полной. Мог беспечно лабать под караоке. Иногда приходили его знакомые – такие же невостребованные рок-жизнью «рок-герои», слегка побитые временем. Устраивали импровизированный «сейшн». Ритм-секцию запускали с компьютера. Остальное – кто на что учился. Получалось весьма живо и беззаботно. Джем. Людям нравилось.

Публика не возражала против рока. В небольших дозах. Были завсегда, но основная масса приходила просто отдохнуть, выпить, оттянуться, снять или сняться. Жизнь у них была такая непростая. Кочевая. Сегодня в одном клубе, завтра в другом. Расслабление тоже требует определенной выносливости. Кому-то клуб нравился, другие жили поблизости, некоторые «вот только здесь еще не бывали». В обиходе название трансформировалось в «Машину», хотя по-прежнему в ночи гордо сияло зеленым неонem «Machine Head».

Клуб позволял Сергею существовать безбедно, но и не злоупотреблять излишествами. Однажды вечером его, как исполнительного директора клуба, пригласили за столик два незнакомца. Познакомились. Оказались кавказцами, в чем он не сомневался до того. Начали с комплиментов. И клуб им нравится, и музыка, отдыхают очень хорошо. Замечательно просто. А девочки будут? После двенадцати? Очень, очень хорошо. Полчаса осталось. Конечно, подождем. Куда спешить, дорогой? Как раз поговорим, есть тема. Ясно, что поговорим, чего-то ж вам от меня надо, джигиты? Побакланним. Не погоду ж позвали обсуждать?

- Сергей, да? – переспросил тот, что представился Вахой. – Разговор есть такой... тема, понимаешь, интересная. Можешь хорошо заработать, братан. Если подружимся, конечно. Как тебе, а?

- Начало заманчивое, – согласился Сергей.

- Молодец! На лету ловишь! – Ваха дружески похлопал собеседника по плечу. – Чувствую, сработаемся, да?

- Зависит от предложения, – дипломатично заметил Сергей. – Бывают такие предложения, от которых трудно отказаться.

- Точно! – обрадовался Ваха. – Нет, точно ты молодец! Да?

Вопрос уже относился к напарнику. Тот молча кивнул головой, подтвердив удивительную догадку Вахи.

- Так вот, – наконец перешел к делу кавказец. – У нас есть товар. Очень хороший товар. Чистый. Для тебя – со всем недорогой.

- Товар-то, какой? – уточнил Сергей. Обычно «жуч-

ки» типа этих предлагали героин, реже – таблетки. Иногда кокс – кокаин, но это для элиты. Для «сынков» и «дочек».
– Апельсины-мандарины?

- Есть все, – понизил голос Ваха. – Есть «гера», метадон, «крокодил», «кокс». Цена хорошая. Расчет сразу. Если будешь постоянный клиент, скидку сделаем, можем под реализацию давать. С оттяжкой.

- Пацаны, я не по тем делам, – Сергей поднялся.

- Брат, не спеш. Возьми, попробуй. Сравнишь с нашим товаром. Доволен будешь, – настаивал Ваха. – Многие тоже, как ты отказывались, а теперь только с нами работают.

- Мне нечего сравнивать. Это не мой бизнес.

- Напрасно, друг. Подъем какой?! А тебе здесь и пальцем шевелить не придется.

- Я уже сказал.

- Не обижайся, брат. Подумай. Мы еще подойдем.

Наркодилеры ушли, не дожидаясь стриптиза. Также регулярно поступали предложения заняться поставкой «девочек» возрастом от шестнадцати до сорока. Некоторые «работорговцы» приносили даже отпечатанные, правда, без реквизитов, прайс-листы с указанием всех возможных данных. Вес, рост, возраст, цвет волос. И т. д. и т. п. Основных направлений движения живого товара было три: Турция, Европа и Москва. Самыми щедрыми почему-то были москвичи. Предлагали от восьмисот до тысячи долларов за красивую девочку нужного калибра. Деньги, правда, обещали выплачивать не сразу, а в течение полугода. Звездуны. А хотя б и нет. Сергей энд компани несли великие убытки. Вернее, теряли потенциально-возможные доходы. Татьяну тоже «искушали» легкими деньгами. Насчет наркотиков она не заикалась, а вот «женская тема» ей не давала покоя. Зудела. Ну и столкнулась с Сергеем на этой почве.

- Серез, что тут такого? Многие девчонки сами хотят поехать. Почему бы и нет? Глядишь, кто-то судьбу свою устроит. И нам хорошо.

- Тебе денег мало?

- Почему мало? Чего ты в пузырь лезешь? Сама хочет – пусть едет. У каждого своя голова на плечах.

- Какая у них голова? – злился Сергей. – Полторы извилины?

- Им хватает. Они и с этими извилинами прекрасно подрабатывают. И представь себе, не на кирпичном заводе.

- А ты дочку свою отправь. Сколько ей? Восемнадцать уже есть?

- Ты что, спятил? Чего это Светке куда-то ехать? У нее и так все есть.

- А если б не было? Вот не было бы денег? Что, в проститутки дочку отдала?

- Дочку б не отдала, – задумавшись, ответила Татьяна.

- А чего? Слабо? Ведь проституткой так здорово. «Классика, орал, анал, групповой. Телефон такой-то». Супер!

- Ладно... достал. Моралист...

- И наркота – кайф! Покурить, нюхнуть, ширнуться. Весело! Сознание расширяется.

- Я об этом ничего не говорила.

- Только думала? – злился Сергей. – А что тут такого? Ну, посадим кого-то на иглу? Зато подъем большой. Мы ж никого не заставляем? Человек сам этого хочет.

- Ну, все. Ты уже заколебал! – Татьяна злилась и на него, и на себя. – Ты нудный такой, прямо зубы от тебя сводит.

- Пусть я нудный, но в клубе этого дерьма не будет.

- Проснись, милый. Да они уже со стеклянными глазами сюда приходят.

- Я «убивать» никого не собираюсь. Приходят убитые – это их проблемы, как они приходят. Но в клубе никто подгонять «ширку» и «колеса» не будет. И девочек никто никуда отправлять не будет.

- Смотри, какой ты командир! Будет – не будет... Прямо полиция нравов.

- Не нравится – пожалуйста! Хотите притон – делайте притон. Только без меня. Обсуди с шефом расширение бизнеса. Может, ему тоже денег мало. Но – без меня!

- Проехали, все. Не ерпенься, – Татьяна подошла вплотную. Прижалась. – Ты зануда. Знаешь?

- Это почему?

- С ним проще переспать, чем отказаться. А я хочу. Я возбуждаюсь, когда ты нервничаешь, заводишься. Я хочу вас, господин полицейский... а-ах... хочу вас... трахнуть так, чтоб мозги повывлетали! А-ах... Сереженька, давай закроем дверь.

Обсуждала или нет Татьяна с Игорем «легкие деньги», Сергей не спрашивал. Но больше разговоров на эту тему не вели.

Глава 5.

Потеря Надежды и неожиданное появление маленького сына внесли в жизнь Пахаря душевный надлом. Чувство вины перед любимой не проходило. Рана саднила в груди то затихая, то воспаляясь от воспоминаний. Если б вернуть все назад. Отмотать пленку жизни на несколько лет. И что? Ничего... Бессмысленные терзания отпускали при мыслях о малыше. Прошлым летом Антон с женой и детьми – Полиной и Витей, приезжали на три недели. Как и все на курорте, отдыхали, загорали, купались в теплом море. Катались на яхте, ходили на косу – выгревались на белом накаленном песке. Дети резвились, а взрослые находились в состоянии смутной неловкости.

Статус Пахаря в отношении сына был раздражающе неопределенным. Находясь в здравом уме, он не имел никаких притязаний на роль отца. Но пребывать просто «дядей», «капитаном» или безликим «вы» было горько и досадно. Хотелось, чтобы какие-то сердечные ниточки все-таки связывали его и этого мальчугана, спаявшего в себе черты маленького Пахаря и Надежды – ее взгляд, улыбку, упрямые светлые завитушки волос. Решение подсказала Наташа, жена Антона. Перед отъездом окрестили Витю в местной церкви. И Пахарь стал крестным собственного сына. Теперь можно было иногда звонить, сюсюкать и болтать. Ни Ленка, ни Сергей о существовании младшего братика не знали. Законная супруга Нина Григорьевна, тоже пребывала в счастливом неведении.

Сын и невестка поддержали сами того не ведая фамильный демографический бум. После более чем двенадцати лет бесплодной семейной жизни, неожиданно для всех, разродились продолжателем рода и наследником фамилии, уходящей генеалогическими корнями в орловские дебри. Неожиданно было для посторонних, а для Сергея и Марины это была третья попытка по оплодотворению «in vitro» – в пробирке, с последующей подсадкой эмбриона. Так вполне технологично, в духе времени, появился на свет божий Виктор Сергеевич Пашутин – второй. А если считать по Викторам, то третий.

В общем, жизнь продолжалась во всем своем разнообразии. Горе сменяла радость, веселье – грусть. Это неизменное природное чередование, неизбежное как ночь и день, луна и солнце, подхлестывали, не позволяли впасть в бесконечную тоску или в безудержное долговременное веселье. Эти естественные кнут и пряник бытия поддерживали тонус в сосудах, ясность в мыслях. Человек откликнулся на вызов жизни, значит, был еще жив и способен на многое.

В быту, работе существование Пахаря не претерпело каких-либо примечательных, заметных изменений. Весну и осень в большей части он посвящал рыбалке. Спокойно, без надрыва. Сочетая удовольствие и необходимость. После той, «большой рыбы» он по-рыбацки «перегорел». Опустошился. Испытал неведомые ранее чувства, во многом изменившие его.

Его часто преследовал сон – он режет сеть, отпускает рыбу, а в последний момент видит, что это – Надежда. Тонет, опускается на дно. А он на яхте – связан проклятой сетью по рукам и ногам. Не может двинуться, помочь. И нечем дышать. Пахарь просыпался. Долго лежал без сна. Он знал, что они ушли от него в один день. Обе. Надежда и рыба. Понять, объяснить даже самому себе он этого не мог. Но он это знал. Чувствовал.

В сезон Пахарь катал отдыхающих на яхте. На «банку», на косу, с ночевками и без. Как обычно. Летние заработки позволяли тихо-смирно перебыть зиму. Нина Григорьевна окучивала его со всех сторон незатухающей заботой и любовью. С ноября по апрель он латал сети, валялся на диване с газетами, сладко дремал под бормотанье телевизора. И главное – чинил яхту. Часто возился по пустякам с КПД близким к нулю. Лишь бы не сидеть дома. Сидеть дома было тошно. Каждую весну судно белоснежной чайкой спускалось на воду. Обновленным ультрамарином сияла по борту – «НАДЕЖДА».

В первой половине февраля Пахарь собрался проведать сына, посмотреть на внука. Решил позвонить киевскому приятелю Алексею. Они уже пару лет как потеряли друг друга из вида. Алексей руководил крупнейшим рыбо-разводным комплексом. Они встречались в столице сразу после освобождения Пахаря. Потом приятель с семьей заезжал к нему в гости. Звал к себе на работу – поднимать новое дело. Он тогда как раз ушел из министерства. Пахарь отказался. Не хотелось менять вольную жизнь на подчиненную, какой заманчивой она бы ни казалась. После тюрьмы и зоны он по-особому стал относиться к этой воле. Качаться на волнах, слышать шум чаек и плеск воды. Встре-

чать жаркое июльское солнце открытой грудью. Никому не подчиняться и не командовать. Сам себе режиссер. Променять все на сомнительную в его положении карьеру? А смысл? И возраст... Карьера, эта избалованная и развращенная особа, предпочитала партнеров молодых и рьяных, азартных, бьющих в нетерпении копытом. Молодую кровь. А тут самое время собирать камни. Думать о душе.

Звонил Алексею три вечера подряд. Никто не отвечал. Наконец, пробился с четвертого захода.

- Алло! Я слушаю, – раздался в трубке женский голос.

- Ирина, ты?

- Да. С кем я говорю?

- Это Виктор. Пашутин. Не узнала?

- Извини, не узнала.

- Я не разбудил? Может, не вовремя? – Пахарь не чувствовал энтузиазма в женском голосе.

- Да нет. Мы так рано не ложимся. Как у тебя дела?

– Ирина говорила совсем неэмоционально, однотонно.

- А что у нас тут? Какие дела? Более-менее все в порядке. Хочу вот в Киев на днях приехать. Кстати, у меня внук родился!

- Поздравляю.

- Как там Лёня? – спросил о сыне. Сдержанный тон Ирины начал выводить из равновесия и нервировать Пахаря.

- Спасибо. Все хорошо. Учится в юридической академии.

- Молоток! Ирина, Алексей дома?

- Нет. Пока нет.

- Слушай, а где... у вас все в порядке?

Женщина молчала.

- Алло? Ирина! Ты слышишь? – Пахарь решил, что прервалась связь.

- Я слышу, Витя. Слышу.

Она снова взяла паузу. Пахарь не торопил. Ждал, не докучая вопросами. Собравшись с мыслями, Ирина продолжила разговор. Оказалось, не все у них в порядке, но детально распространяться по телефону она не захотела. Это естественно. Договорились, когда Пахарь появится в Киеве, обязательно встретиться.

Внук, наследник фамилии и продолжатель рода, порадовал тискавшего его деда мощной струей.

- Молодец! Вот это уделал! – совсем не расстроился Пахарь. – Моряк! Точно, моряк. Капитан!

- Папа! Что же вы так?! Я как раз памперс приготовила, – Марина укоризненно и одновременно виновато смотрела на свекра.

- Черт их знает, эти ваши памперсы! Тело должно дышать, а не париться. Мы вот выросли безо всяких там памперсов. И ничего!

- Вам ничего, а мне все это стирать.

- Да что тут стирать? В машину закинула и красота!

- А вынимать, развешивать, гладить? Пусть лучше ползает в памперсах.

- Вот жизнь пошла? Сникерсы, памперсы, тапаксы.

- Это, кажется, совсем из другой оперы, – резонно заметила невестка.

Марина после родов вся укрупнилась. Даже, казалось, стала выше ростом. Это оттого, что вместе с бедрами и грудью поправились, налились руки и плечи. Сергей бывал дома только в первой половине дня. После обеда уезжал, а возвращался уже поздно ночью или под утро.

Пахарь посетил ночной клуб сына. Сергей пригласил. А почему бы и нет? Интересно, чем он там занимается. Пили скотч и виски. Экзотика произвела сомнительное впечатление. Близко к нашему самогону. С интересом смотрел стриптиз. Одна из танцовщиц спустилась в зал и томно повыгивавшись перед их столиком, неожиданно присела к Пахарю на колени. Непринужденно обняла за шею. Публика аплодировала девушке, Сергей рядом смеялся. А Пахарь ступешевался и разволновался от близости голого женского тела. Он осторожно, как нечто хрупкое и воздушное, придерживал стриптизершу ладонями, принимая и пропуская сквозь них эротический заряд. Притяжение женского тела оказывалось сильнее разума. Смущаясь, и не зная, что делать с этим доступным богатством при таком стечении народа, Пахарь вспомнил какой-то западный фильм и неловко полез в карман. Девушка соскочила с коленей и в такт с музыкой крутила бедрами в опасной близости от его лица. Он протянул ей купюру. Стриптизерша улыбалась и продолжала покачивать бедрами. Руки она держала то за спиной, то высоко над головой, ненавязчиво предлагая ему махонький треугольник ткани, символизирующий трусики, их очень отдаленную манюсенькую родственницу. Пахарь осторожно сунул туда купюру, ощутив кончиками пальцев мягкий пушок волос и шелковистость кожи. Приятный импульс от подушечек пальцев пробежал по всему телу. Девушка повернулась и, исполнив несколько высоко эстетичных па голой попой, неспешно удалилась, еще раз сорвав аплодисменты. Пахарь хлопал громче всех.

- Ну, как тебе? – Сергей с улыбочкой смотрел на отца.

- Небось, ты подстроил, да? – Пахарь тоже улыбался, но пытался быть серьезным.

- Это имеет значение? Понравилось? Как тебе девочка?

- Конечно, понравилось. Кому ж не понравится? Этакое... – Пахаря немного смущала тема, но он старался быть или казаться непринужденным. – Эх! Давно не брал я в руки пашек...

- Так, может, пригласить? Познакомишься поближе. И кабинеты у нас есть... Так что, батя? «Поедем в номера»?

- Сергей, прекрати! Что за глупости! Она мне во внучки годится, наверно. А ты – пригласить...

- Ну и что? А тут ровесников не ищут. Ничто человеческое...

- Все! Хватит! Меня этот вопрос не интересует! – Пахарь злился на сына, на девушку за ее молодое желанное тело, на себя, что не может взять и сказать «да! хочу! заворачивай!» и прыснуть в «кабинеты». Кабинет... блин!

- Ладно-ладно, знаем, как вы не умеете играть в пашки, – сын наполнил рюмки. – Ты будешь джин с тоником?

Пахарь залпом опустошил свою емкость, не дожидаясь Сергея.

- Это что было? – напиток по вкусу напоминал крепкую медицинскую настойку.

- Это джин, папа. Без тоника.

- Ну, теперь давай с тоником.

Глава 6.

Сегодня на шесть вечера он был зван к Алексею и Ирине на ужин. Прихватив по пути бутылку дорогой водки, шампанское – «Артемовское» розовое полусладкое и букет цветов, Пахарь пунктуально в шесть нажал на кнопку домофона. Назвал себя. Металлическая дверь отворилась. Лифт благополучно доставил его на седьмой этаж. Хозяйева уже ждали.

- Витенька! Боже мой, как приятно. Цветы! Это мне?! – деланно удивилась Ирина, подставив вкусную щеку для поцелуя.

- Не мне же! Проходи, проходи! Ну, вот это не обязательно совсем... – Алексей обнял Пахаря, принял «фугасы». – Давай уже. У нас этого добра, знаешь...

- Я уже и не помню, когда ты мне цветы дарил, – Ирина кольнула мужа. – Учись.

- Главное, чтоб про шубы не забывала да побрякушки разные. А могу и цветы – гораздо экономнее.

Киевляне встретили Пахаря радушно. На просторной кухне был накрыт стол. Разнообразная нарезка, сыры, грибы, закуски. На плите под вытяжкой негромко булькали современные металлические кастрюли. Аппетитный аромат, влекомый воздушным потоком принудительной вентиляции, настраивал на приятное гастрономическое времяпрепровождение.

- Это ж, сколько мы с тобой не виделись? Года три, четыре, пять? – хозяин наполнил рюмки.

- Где-то так... – подтвердил Пахарь.

- Ну что, друзья? Тогда – за встречу?

Алексей за это время раздобрел животом, лысина окончательно захватила спорные территории на его голове. В битве с возрастом он помалу сдавал позиции. Ирина – наоборот. Сопротивлялась успешно. Совершенно не изменилась, даже похорошела и постройнела. Может, просто давно не видел? Дамочка она была статная – не гренадерского, конечно, фасона, но и не субтильная

Дюймовочка. Круглое лицо, выразительные полные губы, зеленые глаза, каштаново-рыжие волосы «под каре» до плеч. Легкая курносость ее молодила. Кажется, занималась в молодости волейболом. Крепкая фигура. Все на месте. Пахарь прикинул, когда они познакомились – получалось Ирине где-то сорок три, от силы сорок четыре. Так сразу и не скажешь. Алексей был старше жены на четыре года.

- Так... быстро выпитый стакан не считается налитым, – хозяин привычно и крепко держал бразды застольного правления, после легкой закуски оперативно «освежил» пустые рюмки. – Пить без причины – признак дурачины. А умные всегда причину найдут. За понимание!

Выпили «за понимание», «за дам» присутствующих и отсутствующих. Особенно – присутствующих.

- Почему студента вашего не видно? – поинтересовался Пахарь.

- Леньку, что ли, охламона этого? – оживился Алексей. – Ты что, он у нас уже взрослый. Мужчина. Он теперь с «телкой» кантуется. Это у них – «типа живет».

- Лёша, ну что ты так про мальчика? – укоризненно возразила Ирина. Мать всегда оказывается на стороне ребенка.

- А как это у них называется? С «чувихой»?

- Лёш, ты ошибаешься, «чувихами» у нас называли, – Пахарь непроизвольно улыбнулся.

- Живет с «телкой», снимает «хату», под окном «тачка» торчит. От горшка два вершка, а уже «крутняк».

- Лёша, ну какая «тачка»? Столетний «Жигуль» – все равно ты его на запчасти хотел продать, – Ирина защищала сына. – А то, что с девочкой решили пожить, очень даже разумно. Это лучше, чем разводиться через полгода. И гигиенично.

- Ладно, хоть не шляется с кем попало по помойкам. Недавно говорит, «па, мне прикид поддохматить надо, подкинь трешку». Вот так, чуть что – и к «родокам».

- А к кому он должен идти, как не к родителям? – адвокатствовала Ирина.

- Вы о чем? Я что-то недопонял. Расшифруйте, – Пахарь разбавил семейный междусобойчик.

- Вот-вот. Я ему тоже говорю, сын, переведи на русский, чи ридну мову. Оказалось, шмотки ему надо купить новые, и триста баксов папа – дай.

- А «рудаки»?

- «Родоки» – это мы. Родители. На лекциях они

«втыкают», под «кислоту» «тащатся», по вечерам «шарятся», – Алексей махнул рукой, и принялся освежать рюмки.

- Про «кислоту» я недавно слышал. Кажется, музыка такая. Бум-бум-бум.

- Старик, ну тогда ты продвинутый «фазер»! – удивился Алексей. – Это типа – отец.

- Просто с сыном недавно были в ночном клубе, – непринужденно сообщил друзьям Пахарь. Мол, что там те клубы? Тоже мне, невидаль...

- Так ты, пижон старый, оказывается, «зажигашь круто»?.. – Алексей поднял рюмку. – Выпьем за детей. Да, мамочка?

- Алаверды, – подхватил Пахарь.

- Давай!

- Чтоб всегда было у них, что похавать и бухнуть, чтобы кенты не подводили, гёрлы любили, фрэнды, чтоб бабки были... что там еще?... – Пахарь напрягал память. – Ну и чтоб нас, стариков, не забывали.

- Витя, какой ты умничка! Я поцелую тебя, – Ирина перегнулась через стол. Глаза у Пахаря невольно упали в глубокий вырез платья. – Ведь такие же были раздолбай! Просто молодости ты завидуешь, папочка. Ревнуешь!

С разговорами засиделись далеко за полночь. Пахарь рассказывал мало. О чем? Из его «норы» был виден небольшой клептик неба. А вот из ихнего «окна площадь Красная видна». Допустим, не Красная, но тоже площадь. Да еще какая. Ирина иногда вклинивалась в сентенции мужа, но больше слушала, хлопотала по-женски и подносила снаряды. Ну и сама не пропускала. У Алексея, чувствовалось, наболело, но в разговоре он был внутренне сдержан. Больше говорил в общем, не переходя на персоналии.

- Знаешь, Витя, у нас в Киеве в последнее время многое меняется. Не все сразу, не в один день, но меняется. Вы там, в провинции живете, вас вроде и не касается. Только остаточные волны докатываются.

- Отдаленная канонада, – уточнил Пахарь.

- А у нас тут «холодная война» идет.

- За теплые места, – ввернула Ирина.

- Ну да, мы у себя как в лесу – наверху шумит, а внизу не слышно, только шишки падают, – согласился Пахарь.

- Вот-вот – падают. Опадают. Я год замминистра не поработал и тоже упал. Как шишка.

- Замминистра? Ого! А я и не знал! А почему – рабо-

тал?

- Да потому что уже не работаю. Ушли. Вернее, сам ушел, сыграл на опережение. Опердил.

- Хлопнул дверью, что ли?

- Ну да. Как сейчас говорят, подал в отставку. По этическим соображениям. А ты разве не слышал? По телевизору передавали.

- Ни сном, ни духом! – удивился столичным мета-морфозам Пахарь.

- Хотя, правильно, это ж по местному каналу было, городскому. В Интернете печатали. У тебя есть Интернет?

- Лёш, зачем мне? Это пусть молодежь, дети занимаются.

- Напрасно, старик, напрасно. Хотя, действительно, на хрена козе баян.

- Лёша! – Ирина цыкнула на мужа за бестактность.

- Ир, все нормально, – рассмеялся Пахарь. - Ну, вы тут даете? А как же твой комплекс?

- Вот с комплекса все и началось. Мы там акционирование быстренько провели.

- Кто это мы? – Пахарь задал вопрос и понял, что не в ту степь.

- Витя, мы это – все. Я же не просто так туда попал. Сидел себе в отделе штаны протирал... В замы к министру – тоже.

- Понятно.

- Понятно... Мне самому, Витя, многое неясно. Откуда ветер дует. Вроде, одна команда и вдруг – раз, подсечку проводят. И ты на лопаточках лежишь, глазами хлопаешь и ничего не понимаешь.

- Что тут понимать? Как пауки в банке. Не поделили и начали грызться, – Ирина рассуждала с женской непосредственностью. – А из тебя козла отпущения сделали, вот и все.

- Это слишком просто, Ира! – Алексею не нравилась отведенная ему роль. – Хотя какой-то резон в этом есть. Сэнс у цём маэ буты.

- Ты же помнишь? В октябре, мы только с Мальдивов вернулись, ну, и началось...

- Откуда вернулись? – не понял Пахарь.

- С Мальдивских островов. На недельку смотались отдохнуть, – небрежно пояснил Алексей.

- Понятно. Не расслышал сразу.

- Наступили нам на хвост с этим комплексом. Весь фокус в том, что комплексу порядка тысячи гектаров

заповедной земли было выделено. Вроде как на вторую очередь строительства, а второй этой очереди ни в проекте, ни в помине – нет. А какое у нас главное богатство в стране?

- Ясно – земля.

- Так, давай выпьем за ясность, – Алексей разлил коньяк из красивой бутылки, знакомой по далеким, побитым пылью советским временам. – Нет, дорогой друг, главное богатство у нас – это люди. Народ. Гегемон. А потом уже – земляца родимая. Смекнул?

- Смекнул, – Пахарь опрокинул рюмку. – Уразумел. Хороший коньяк. Как называется? «Ахтамар»...

- Хороший-хороший. Плохого не держим. Не одной единой... так вот. Пустили на меня для затравки «зеленых». Подняли шум в парламенте. «Народное достоинство, неприкосновенный фонд». Слишком лакомый кусок. Подавились. Факир был пьян и фокус не удался. Оказалась «не по Сеньке шапка»... Ну а я как пионер – в ответе за все.

- Но ты же не сам, не один все это... – Пахарь постигал особенности национальной «политэкономии». Специфику местного разлива.

- Вот это меня и подкосило. Свои же подставили и с потрохами сдавать начали. О работе я уже не говорю, дело завели, подписку взяли. Навалились на новенького. Еле разгрёбся. «Ценой значительных потерь вышел из окружения», – низким под Левитана голосом произнес Алексей и от себя добавил. – Старая гвардия... их мать! Красные директора, б...дь!

- Алексей! – прикрикнула супруга.

- Лёш, ты не кипятишь, – успокоил друга Пахарь. – Жив-здоров, это главное. Давай, инвестируем еще по пятьдесят граммов.

- Окей! Но, Витя, согласишься, я ведь тоже не половая тряпка, чтобы ноги об меня вытирать? Пригласили играть, так давайте играть по правилам, вашим же правилам, а не менять их, кому как заблагорассудится.

- Ты же знаешь, прав тот, у кого больше прав. А незаменимых в стране нет. Еще товарищ Сталин учил.

- Учил, учил... надергать можно все, что хочешь из наследства. Товарищ Сталин учил, что «кадры решают все». Кадры надо ценить, лелеять, а не разбрасываться налево и направо. Доразбрасываются. А мэни шо робыть? Переговорил кое с кем, проконсультировался и сделал свою ставку. Короче, открестился... проявил гражданскую позицию... – Алексей сжал в высоко поднятой руке

бутылку. Задумался. – Непросто это, Витя, поменять позицию на оппозицию. Но думаю, в перспективе выиграю приз. И кусочек-чек пирожочечка.

- Прекрасился, что ли?

- Не то что, прекрасился... сменил оттенок. Дружище, нельзя стоять на месте. Надо двигаться вперед. А если серьезно, у меня своя теория есть насчет всей этой борьбы – битвы гигантов, – Алексей замолчал, глядя сквозь коричневое стекло бутылки. – И если моя теория права, буду на коне. И со щитом. Кто не рискует, тот не пьет шампанское!

- Тогда наливай, теоретик! – Пахарь подвинул рюмку. Выпили «за риск» и шампанское.

- За оправданный риск! – уточнил Алексей.

- Лёша, насчет теории ты намекал...

- Теория проста, как двери. В стране происходит столкновение элит. Каким образом эти элиты образовались, бог им судья и все мы тоже. Да, собственно, это ни для кого не секрет. «Как там, батюшка, на родине-то? Воруют, барин». Еще Форд, помнишь старика Генри? говорил, я могу отчитаться за любой свой доллар, кроме первого миллиона. Так вот, грядет война миллионеров с миллиардерами. Пока противостояние латентное, скрытое. Осторожное. Но только – пока. Инкубационный период.

- Лёша, ты не слишком ли углубился в свою теорию? – Ирина уже зевала и «тактично» посматривала на часы.

- Мать, не торопи. Еще по маленькой. «Отлично, Григорий! Нормально, Константин!». Итак, вернемся к нашим баранам. Сейчас это напряжение, борьба обществом ощущаются слабо, а вот через два года – все может быть. Но мы явно наблюдаем некий перекос. Одни нахапали много, а другие – ну, о-очень много, до безобразия. А природа, общество – та же природа, не любит перекосов. Система стремится к равновесию. Качели качнутся, двинутся в обратную сторону. Я так думаю. И многих от этого движения затошнит. Может, даже всю страну.

- Главное, чтобы не вырвало, философ, – заметил Пахарь.

- Все может быть. От этого никто не застрахован. Примеры имеются самые разнообразные, на любой вкус – Чехия и Словакия, Румыния, Югославия. Бывшая. Кого хочешь, выбирай.

- А почему ты уверен, что сделал правильную ставку? – Пахарь наполнил рюмки. – За ставку. Чтоб не про-

махнулся.

- Да, чтоб выпало. А я вовсе не уверен, дорогой ты мой Витя. Я так думаю. Анализирую, – Алексей опрокинул рюмку. Постучал себя пальцем по лбу. – Тут очень важен вопрос о тренерах или дирижерах. Кто всю эту музыку заказывает.

- И кто?

- Кто? – переспросил и задумался Алексей. – Тот, кто все время выигрывает.

- Понятно, – политически прозревал Пахарь. – Добрый дядя Сэм?

- Ну да, скажем так условно, и еще разные хорошие дяди... цивилизованные и богатые, – Алексей снова разлил коньяк. Ирина предусмотрительно убрала свою рюмку в сторону. – Вопрос в том, как долго они готовы нас за ручку водить? И не являемся ли мы разменной картой в более крупной геополитической игре?

- И как ты думаешь насчет разменной карты? – Пахаря увлекли аналитические изыскания друга. – Вообще-то, не почет быть марионеткой в чьей-то борьбе. Не хотелось бы...

- Конечно. Не хотелось, чтобы тебя... и фьють за ненадобностью! – Алексей брезгливо подержал нечто невидимое двумя пальцами и выбросил. – Но надо смотреть на вещи здраво, реально. Чтобы не было потом мучительно больно. Надо заранее снять розовые очки. Без иллюзий – все волки. Абсолютно все. Что там под каракулем? У-у, какие у нас зубки! Хороший... хороший...

- Ну, допустим, сняли очки, и что? Являемся мы картой?

- Конечно же, являемся. И вовсе не крупной – «девятка», «десятка», в лучшем случае – «валет».

- Так что же нам делать? – Пахарь искренне расстроился. Печально это все. Дома как-то было спокойнее на душе, без этой столичной политики и напряженки.

- Использовать ситуацию в своих целях. Они используют нас, а мы будем использовать их. Всех. И постараться получить дивиденды от столь сложного акта. Насчет удовольствия – это вопрос риторический и проблематичный.

- Мда... закрутил ты сюжет... без розовых очков... – покачал головой Пахарь.

- А ля гер, ком а ля гер. На войне, как на войне, шановный мсье Виктор, – с ударением на «о» произнес его имя Алексей.

- Без бутылки и не разберешься.

- Понял... усугубим, так сказать, – Алексей потянулся за бутылкой. – Витя, старичок! Ты не расстраивайся, все не так плохо как мы думаем...

- В действительности все обстоит гораздо хуже, – закончила за него фразу жена.

- О, женщина! – Алексей оглядел компанию осовевшим взглядом, словно за столом находились еще несколько человек. – Да убоится жена... эх! где наша не пропадала... а она пропадала прак...тически...ки... везде...

Теоретические изыскания мужа были многократно слышаны-переслышаны. Он подробно советовался с ней и обсуждал свои тактические ходы и стратегические планы. Проговаривал вслух. Шлифовал детали. Алексей с его кругозором, неординарным живым мышлением пришелся ко двору оппозиционной команды. Цену он себе знал, но этого мало. Надо пользоваться спросом. Тут треба зачекать трохи. Пока он обосновался во втором эшелоне, но знал, что наступит время «Ч» и ему найдется настоящее серьезное дело. И кусок пирога, если он прав и еще повезет. Но это держим в уме. А фигу в кармане. На удачу. Предстоящие в марте выборы в парламент – Верховную Раду, были для Алексея пристрелкой, разведкой боем. Проверкой, на что способен в новой команде бывший управленец, приспешник «злочинного режима», вовремя отмазавшийся от высокопоставленных «патронов». Или не вовремя и напрасно. Время покажет.

- Лёша, кончайте. Надоело уже! – Ирина явно заскучала и засиделась.

- Чудесно! Я помолчу, а ты лучше расскажи, как тебя с работы выперли. Фью-ить! А мы пока по чуть-чуть... – Алексей потянулся к коньяку. Бутылка оказалась пуста. Он потрусил ее. Заглянул в горлышко. – Понял. Щас.

- Как это выперли? С таможни? – удивился Пахарь. Действительно, изменений у киевлян было выше крыши.

- С таможни... – спокойно подтвердила Ирина. – Если уж выбрали «слабое звено», то решили отработать со всех сторон. Комплексно. Так что вместо положенного повышения ушла «по собственному желанию».

- Даже так? А побороться? Никак?

- Витя, понимаешь, таможня сложная штука. Например. Грузы оформляются как транзитные, а потом благополучно растворяются. Страна большая. А пошлина с транзита маленькая по сравнению с растаможкой. Плюс транзитный транспорт обычно не досматривают. Куда

разница идет? Улавливаешь?

- Улавливаю. Но это ж легко проверить, если машина не выезжала из страны...

- Вот. Для таких умников как ты, на «выходе» нужный человек отметит пересечение границы. Хочешь – машины. Есть и железная дорога. Водный транспорт...

- Понятно – контора пишет. А какие к тебе претензии?

- Какие? Витя, ты же знаешь, было бы желание, а претензии найдутся.

- Знаю, – Пахарь понимающе вздохнул. – Это мы проходили.

- Шеф вызвал. Говорит, Ирина, я тебя ценю, уважаю, но такой расклад. Я человек подневольный. Давай похорошему. Вот и весь коленкор, Витенька. А воевать, знаешь, худой мир лучше доброй ссоры.

- Ясно... Точно что, война. Бои местного значения.

Пахарь расстроился за друзей, но нужные слова утешения не приходили на ум. Столкнувшись в свое время с карательной системой, пройдя через жестокие, бездушные жернова, Пахарь ограничил свое общение с государством до минимума. И находил в этом удовлетворение. А если играть в серьезные игры, то партии надо продумывать на много ходов вперед. Наверно, как Алексей. И свести к минимуму импровизации. Вспомнилось насчет соломки...

- Лёша теперь политикой увлечен. Окунулся в выборы. Подготовительный этап... – продолжала Ирина.

- Ну, блин, вы даете... – действительно они давно не общались. – Как мы учили в институте? Политика – производное экономики. Или наоборот? Точно уже и не помню.

- Что-то в этом духе.

- А ты сейчас безработная? Домохозяйничаешь?

- Нельзя сказать, что – совсем. Подстраховалась на черный день.

Ирина заранее присмотрела на окраине неплохое помещение бывшей общепитовской столовой. Пользуясь связями, оформила его на Веру – двоюродную сестру, приватизировала и оборудовала цех по производству пельменей и вареников. Так вот приземленно и прозаично. Не бутик «Армани» или «Дольче и Габбана», конечно, но продукция бойко развозилась по «маркетам», гастрономам и магазинам. Вера с мужем, бывшим учителем физики, были менеджерами, а Ирина – генеральным директором. Недавно еще один такой же цех открыли в старом

помещении телеателье. Запасные «аэродромы» смягчили временную аварийную посадку. На очереди стоял третий гастрономический клон. Аппетит пришел.

Пахарь понял так, что, несмотря на все катаклизмы, голодная смерть киевским приятелям не грозит. Это в определенной степени успокаивало.

- А вот и я! – нетвердо шагая, вернулся Алексей с бутылкой в руке. Остановился в кухонном проеме. Замер, как могильщик из «Гамлета» в сцене «бедный, Йорик!». – Ну, что в ней особенного, друзья? Це-два-аш-пять-о-аш. Химия. Отрава. Гадость! А выпил – и как хочется жить! Как сближает...

Глава 7.

Проснулся Пахарь относительно рано. Часы показывали семь тридцать. Алексей настоял, чтобы он ночевал у них. Куда ехать в три часа ночи? Рассольчик с утра, да? А лучше – сок квашеной капусты. О-о, напиток завтрашнего дня! Пахарь согласился на утренний сок и лег в одной из спален. Гостевая, объяснила Ирина. Всего комнат было пять. Хорошая квартира, просторная. Алексей особенно гордился длинными лоджиями. Их осмотр отложили на светлое время суток.

Вставать не хотелось. В голове слегка шумело. С кухни долетали негромкие хозяйственные звуки. Послышались мягкие шаги. Пахарь закрыл глаза. Эх, вздремнуть бы еще минут шестьсот! Шаги достигли спальни и стихли.

- Ты спишь?

- Нет, – выждав паузу, не раскрывая глаз, ответил Пахарь. Тишина.

- Витя?

- Да, – он, наконец, поднял веки. В дверном проеме стояла Ирина, в желтом махровом банном халате, перевязанном поясом.

- Как дела? – Ирина неопределенно улыбалась.

- Еще не знаю, – он смотрел на женщину. Косметики на лице не было. Только утренняя свежесть. Женщины так умеют.

- Голова не болит?

- Вроде нет.

- Алексей уже с утра аспирин принял. И две тарелки борща.

- Это серьезно. А как насчет капустного сока?

- Тебе принести?

- Принеси, – Пахарь приподнялся в постели. Подождал. Неспешно с удовольствием выпил освежающую оранжево-мутную жидкость. Морковки не пожалели.

- Ну, как? – Ирина приняла кружку.

- Лучше не бывает, – Пахарь снова откинулся на подушку. Что-то слишком тихо.

- Хочешь, массаж сделаю? – Ирина посмотрела Пахарю прямо в глаза. Отвернулась к окну. Сдвинула и вернула на место шторку. Он молчал. – Алексея срочно вызвали. Раньше обеда не вернется. Просил, чтобы ты его обязательно дождался.

Пахарь перевернулся на живот, вытянул руки вдоль тела, расслабился насколько возможно и старался ни о чем не думать. Ирина убрала из-под его головы подушку и начала поглаживать шею, разминать мышцы спины. Интенсивность воздействия постепенно нарастала. Пахарь иногда издавал сдавленные звуки. Ему делали иной раз массаж профессионалы. Ирина ни в чем не уступала. Она тщательно и крепко прорабатывала широчайшие мышцы спины, межреберные, позвоночник. Неотвратимо спустилась к ягодицам. Пахарь перевернулся на спину.

- Ты где так массаж научилась делать?

- Это еще со спорта... друг другу делали... – она стояла в распахнутом халате. Пояс упал. Под халатом ничего не было. Из одежды. Было только призывное пьянящее женское тело. У Пахаря замлело в груди. Внутренней дрожью перехватило дыхание. Он притянул ее к себе. Халат сиротливо скользнул на пол.

Ирина опустила на него. Спешно, боясь не успеть, целовала лицо, шею, плечи. Он гладил ее спину, плотные ягодицы. Она приподымалась, и он целовал грудь, бока, с темно-коричневыми твердыми сосками. Целовал и мял ее. Мял истово, не жалея. Ирина стонала и сжимала его руки на своей груди еще сильнее. Она распрямилась, ввела его в себя и бросилась в иступленную гонку, то наклоняясь над ним, то неистово откидываясь назад. Атакуя его, то бешено и разъяренно, то медленно и нежно. Не останавливаясь ни на секунду. Соленые капельки пота падали на него, стекали прерывистыми струйками из ее подмышек. Это еще больше заводило. Ирина делала все ловко, чувствовала партнера внутри и умело управляла им, вовремя тормозя или ускоряясь. Всем телом уловила она мощный спурт, слилась с мужчиной в упоительном чувственном экстазе. И максимально продлила удовольствие, двигаясь медленно и легонько поджимая внизу. Ему было безумно приятно. Это нечто свежее в его разнообразном многолетнем общении с женским полом. Он понемногу отходил, а она продолжала медленно перемещаться, доставляя партнеру затухающее наслаждение. Наверно – и себе.

- Как тебе это удастся? – он нежно гладил обмякшую влажную грудь.

- Что – это? – Ирина с закрытыми глазами откинулась на невидимую спинку.

- Сжимать его. Как у тебя получается?

- Всегда могла. Немножко. И тренировка.

- Тренировка? Зарядка, что ли? – Пахарь окончательно вернулся в действительность.

- Да, милый, тренировка. Определенных групп мышц. Все очень просто.

- Так просто... Другие что-то не больно тренируются.

- Лень. Обычная лень. Я за других не в ответе. Кстати, на Востоке в гаремах особенно ценятся жены, которые, абсолютно не двигаясь, только таким образом могут довести какого-нибудь эмира или шаха до оргазма. Это у них – потолок. Высшая степень гаремного мастерства.

- И ты так можешь? – Пахарь живо заинтересовался.

- Нет, я такой высший пилотаж не освоила, – Ирина ловко перебросила ногу, соскочила с кровати, подхватила с пола халат. В дверях повернулась. – Хотя, при желании можно попробовать.

Удивительно, но Пахарь почему-то не чувствовал себя негодяем и подонком. Он только что переспал с женой многолетнего друга. Пригласившего в гости, предложившего кров. Можно сказать, доверившегося. А «друг оказался вдруг, и не друг, и не враг, а – так»... Как так? Непонятно. Чувство вины себя никак не обнаруживало. Он никого не заставлял, не принуждал и не упрашивал. Даже не предлагал. Вообще ничего не говорил. Согласился на массаж. Это не преступление. Не под кровать же прятаться? В конце концов, это был ее выбор. Ее проблема. А на его месте, наверное, мог оказаться кто-нибудь другой. Почему – наверное? Ирина – какой ас. Тренировка... Оттачивает мастерство, понимаешь. Век живи – век учишься. Так завещал великий вождь пролетариата. Нет, он завещал по-другому. Учиться, учиться и учиться. На другую тему, правда. Хотя, сам тоже был ходок еще тот, товагищ ..енин.

Ирина, Ирина... да... А интересно было бы попробовать. Получится? У нее. А у тебя? Это слишком долго – лежать так без движения. Нет, что-то же будет шевелиться? Как на Востоке. Куда этим эмирам торопиться? Нефть капает себе. Лежи и экспериментировать. Кальян можно по ходу дела выкурить. Восток – дело тонкое, Алех! Кстати, который уже час?

Пахарю Ирина и раньше нравилась, как всякая эффективная женщина, но держала она себя с ним всегда отстраненно, на определенном расстоянии, с таким столичным холодком. Вот так-так. Кто бы мог подумать?

Да ты сам же и думал. Всегда думал. И когда в гости шел, думал. И за столом. В декольте чуть с головой не нырнул. Забыл? Врешь, шалишь! Только и думал, как завалить бедную женщину. Ерунда! Если б она не пришла, ничего бы не было. И пальцем не пошевелил бы. Так что, Лёшка, не обессудь, дружище. Сама пришла. «Барыня легли и просят». А иначе, сидели бы на кухне, чай-кофе гоняли. А кофе, между прочим, не помешал бы, даже очень. Рифмоплет, понимаешь. «Я поэт, зовусь Незнайка. От меня вам балалайка». Да, такая вот балалайка получается.

Грустная философия жизни – пока одни сгорают в горниле политической борьбы, или еще где-нибудь, другие банально и пошло спят с их женами. Вывод? Меньше политики, больше любви. Какой там лозунг был у хиппи сто миллионов лет назад? «Make Love. Not War». Актуально на все времена. И главное – приятно.

- Ты какой кофе любишь? – Ирина открыла дверцу подвесного шкафа.

- Все равно, любой... – Пахарь расслабленно, уютно расположился на диванчике мягкого уголка.

- Есть растворимый, есть в зернах.

- А ты что предпочитаешь?

- Конечно, в зернах. Растворимый – это так, на скорую руку.

- Давай будем пить, как ты любишь.

- Тогда работай! – Ирина протянула ему кофемолку с ручкой. – «Пилите, Шура, пилите».

- Это где вы такую диковинку откопали? Возле лампы Аладдина лежала? – Пахарь крутил ручку и с интересом рассматривал попавшее в руки техническое устройство. Кофемолка представляла собой два медных цилиндра, плотно входящих друг в друга. Он вращал ручку, и внутри раздавалось хрусткое потрескивание.

- Почти в яблочко. Это мы у друзей в Армении отдыхали. Давно. Я, кажется, еще в комсомоле работала. Дедушке одному понравилась, он и подарил. И еще – кофеварку. Говорил, очень древние вещи – ему от деда достались. А тому – тоже, и так далее. Семейная реликвия.

- Наверно, дедушке ты очень приглянулась.

- Ты прав. Предлагал даже замуж за него выйти. Вдовец. Баранов у него много, уж не помню сколько, имелось.

- Да, запал старичок. Отчего ж не согласилась? Бараны все-таки... – Пахарь развеселился, представив, как Ирина управляется с отарой.

- Во-первых, я с мужем была. Алексеем. А во-вторых, дедушке лет под восемьдесят было, если не больше...

- А если бы украл, джигит?

- Тогда кофе тебя угощала бы другая женщина, – Ирина игриво взглянула на него и рассмеялась. Пахарь тоже.

Он перемолол зерна в порошок. Ирина высыпала кофейную пыль в древнюю кофеварку. Поколдовала с ней над огнем. По кухне распространился потрясающий кофейный аромат. Разлила напиток в маленькие фарфоровые чашечки. Пахарь осторожно пригубил.

- А ведь действительно, вкус удивительный! Никогда не пил такой кофе, – он смотрел на густой черный напиток, силясь понять секрет вкуса. – И в чем тут фокус?

- Не знаю. Может, в металле или в возрасте этих предметов. Хранят аромат зерен за сотню лет. Главное, с любовью готовить, – Ирина допила кофе. Присела возле Пахаря. – Ты, наверно, думаешь, что я стерва? Сама к мужику в постель залезла.

- Глупости! Ты очень симпатичная, славная женщина, – возразил Пахарь.

- Знаю, думаешь. Шлюха. Под каждого встречного ложится... – Ирина тяжело вздохнула.

- Прекрати! – он обнял ее. Гладил по густым каштановым волосам. – Ты мне всегда нравилась, но такая строгая, неприступная... Я даже и не думал. Тем более, Лешка...

- Понимаешь, Вить... ты тоже мне... симпатичный... Просто с мужем у нас... давно уже... – Ирина провела по ресницам, смахнула невидимую слезу. – Он все время занят, работа, дела... не до меня. Храпит рядом, а у меня мурашки по телу, волосы на голове шевелятся, так хочется любви, ласки...

- Ну, все. Успокойся. Ты очень хорошая, милая и добрая. Я все понимаю, – Пахарь почему-то подумал о жене, Нине Григорьевне. Она тоже, бывает, долго не может уснуть. Крутитесь. Пьет таблетки. Идет на кухню читать. Да ну, чепуха! Обыкновенная бессонница.

- Спасибо, Витя. Ты хороший... – Ирина обняла его, прижалась к губам. – Я хочу тебя. Прямо здесь.

Сбросила халат и прильнула к нему большой теплой грудью. Пахарь ласкал женщину. Она трепетала как птица. Ему был приятен ее чувственный напор. Измученная телесной жаждой, она спешила припасть к живительному источнику. Утолить жажду впрок.

- Хочешь, я лягу на стол? – Ирина поднялась.

На стол, так на стол. Пахарь не возражал, но испытывал неловкость. Кухня. Свет. Открытое окно. Далекие дома и небо. Голуби на карнизе – воркующие очевидцы адюльтера.

- Лучше повернись.

Резкий сигнал домофона прервал начальную фазу смелого эксперимента.

- Еле отвязался! – радостно заполнил собой свободное пространство Алексей. – С этими заморочками, ну их до биса, и пообщаться некогда. Ну, привет!

Они обнялись с Пахарем. Прошли на кухню.

- Кофе у вас знаменитый! – Пахарь намекнул на пустую чашку с коричневым осадком.

- Кофе – да! Иришка у меня мастер, – он обнял жену за талию. Поцеловал в висок. Фамильярно шлепнул ниже спины. – И не только по части кофе.

- Ну... да... – расплывчато согласился Пахарь. Мастер. На все руки. Специалист.

- А что это вы – еще только кофе пьете?

- Лёша, а куда торопиться? Хоть выспался, наконец, – Пахарь сладко потянулся и выцедил из чашки последние миллилитры, прихватив гущи.

- Отлично! Тогда день начнем с коньячка. У меня на лоджии пара бутылочек. У схованци, – Алексей оживленно потер ладонями и отправился за алкогольным сокровищем.

Ирина бросила бессмысленное копошение и повернулась. Всей грудью набирая воздух, пронзительно впиалась Пахарю в глаза, стремясь выпить его до дна этим магнетическим взглядом. Он стушевался, глупо улыбнулся и пожал плечами. Ирина прыснула, зажав ладонью рот. Произошедший разряд выпустил пар, стравил опасное напряжение. Грозовые тучи на кухне рассеялись. Засияло безмятежное солнце.

- Вот он, родименький! – Алексей поставил на стол бутылку чайного цвета. – Французский.

- А звездочки? – Пахарь с интересом рассматривал незнакомую этикетку.

- Все звездочки здесь внутри, – компетентно заявил Алексей, расставляя маленькие пузатые рюмки. – Имидж – ничто. Жажда – все. Наливай! За настоящую мужскую дружбу! Ну, родные мои, поехали!

Глава 8.

Небольшой белый пароходик пенсионного возраста, неспеша, отмерял по водной глади привычное расстояние. Как престарелая полуслепая лошадь спокойно приходит домой по годами нахоженной дороге, так и речной трамвай – свидетель века, ковьялял по реке, наизусть выучив фарватер, частые повороты русла и мели, коварно притаившиеся под безмятежным зеркалом реки. Мотор работал натужно, с каким-то тревожным надрывом, передавая корпусу судна неровные толчки и вибрацию. Это был еще не «последний путь», но актуальность хирургического вмешательства в машинном отделении сурово и неумолимо веяла над ветхим плавучим средством. Как озон в воздухе перед грозой. В таком двусмысленном состоянии пароходик бегал последние лет двенадцать, махнув лопастью винта, не рукой же! на собственное техническое здоровье, не надеясь на хмурых, озабоченных собственным безденежьем, речников.

Среди нескольких, привычных к окрестным красотам пассажиров, расположилась и Лена. Она сидела на краю широкой скамейки, больше подходящей для ЦПКиО, и, игнорируя рокот мотора и запах солярки, наслаждалась изумительным по красоте пейзажем. В непривычно-бурой воде отражалось низкое иссиня-голубое небо и плотные белые облака, тяжелыми рыхлыми кусками ваты разбросанные до близкого горизонта. Лена привыкла к родным причерноморским ландшафтам – просторным, широким, по ступеню однообразным. Сибирские красоты волновали и удмиротворяли душевное смятение первозданной лепотой. Река извилисто, вычурно прорезала тайгу. По берегам поднимались ровные корабельные лиственницы и сосны, изредка уступая место ивняку или другому кустарнику. На поворотах вода вгрызалась в высокие желто-серые скалы. Они монументально возвышались над рекой, являя миру разноцветные геологические пласты обнаженной породы.

Лена путешествовала уже несколько дней. Сначала поездом до Москвы. Пересадка. Затем с Казанского вокзала

снова поездом до Тюмени и опять пересадка. В Северск приехала под утро. Просидела в зале ожидания пока рассвело. Анастасия больше не звонила, где и как искать ее Лена не представляла. Оставался некий отец Максим. Единственная реальная зацепка. Незнакомка упоминала о нем в разговоре. Из двух церквей, расположенных в городе, Лена на автобусе отправилась в ближнюю. Ей повезло – отец Максим обретался именно здесь, но пришлось ждать до обеда, пока закончится воскресная служба. Лена расположилась в небольшой уютной беседке во внутреннем церковном дворе. Так посоветовал ей служитель, к которому она обратилась. Набросила плащ. Хорошо, что взяла. Несмотря на конец мая, воздух был свеж, а от земли тянуло холодом. Когда уезжала, дома стояла почти летняя жара. Лена несколько раз прогулялась по дворику, стараясь ступить по солнечным пятнам на асфальте.

Решение найти Стаса далось ей с трудом. В своих чувствах она разобраться до конца не могла. А скорее, не хотела и боялась посмотреть правде в глаза. Исподволь, по-мазохистски хотелось продлить многолетнее нетерпимое ожидание. Такое уже привычное. Страшилась признаться себе – конец, приплыли, «финита». Что муж жил с другой, ее ранило, но она к этому была готова. Вполне предполагала. Зная Стаса, трудно поверить, что он годами может оставаться один. Ее поразил, ошеломил уход мужа в монастырь. Лена пыталась постичь, что творилось в его душе. Через что он прошел? Какие муки? Чтоб совершить этот шаг. И ей становилось невыносимо жалко его, сильнее, чем себя или дочь.

Новость о сыне свекровь восприняла с облегчением и удивительным образом успокоилась. Раз сын решил посвятить себя Богу, то и Бог его не оставит, говорила она. Свекор, Владимир Антонович, как человек нерелигиозный, конечно же, переживал сильнее. Но отнесся к происшедшему по-философски даже оптимистично. Слава Богу, что жив, а остальное – неисповедимы пути твои...

Для себя и других Лена решила, что с мужем она должна встретиться ради Алисы и родителей. Дочь не может вечно жить иллюзиями, лучше один раз перестрадать, но знать. Собственно, все это также относилось и к ней самой. Надо перейти Рубикон, перевернуть страницу или вообще, захлопнуть эту мучительную книгу. И выкинуть ее в окно поезда. На полном ходу. Эдуард отнесся к ее затее скептически, но, учитывая «интересы дочери и родителей», не отговаривал. Все понимал. Все принимал. Алиса рвалась ехать с матерью, но Лена этого не хотела.

Очевидно, служба закончилась. Сосредоточенные тетки и бабушки засновали по дворику туда-сюда. К Лене подошел невысокий священник в красивой, очевидно праздничной, рясе. Аккуратные усы, бородка. Очки в тонкой золотистой оправе. Внешне он напоминал Антона Павловича Чехова. Отец Максим внимательно выслушал ее, понимающе кивая головой. Посмотрел на фото, где Стас был запечатлен с ней и дочерью, с родителями. Попросил подождать немного и ушел в церковь. Вскоре вернулся. Сказал что, несмотря на просьбу Стаса, он не вправе скрывать от супруги местонахождение мужа. На все воля Божья. Протянул Лене лист – где Стас находится, как добираться, к кому обращаться. Предупредил, что женщин в монастырь пускают только в юбке и с покрытой головой. Дал пояснения насчет дороги. Благословил, перекрестив три раза.

До Троицка она добиралась на поезде. Опять с пересадкой. И вот теперь – последний рывок, катером до села Алсуфьево. Там за селом расположен Алсуфьевский мужской монастырь. Конечный путь ее многострадального маршрута. Троицк удивил обилием старых двухэтажных деревянных домов, черно-коричневых от времени и погоды. Хотя, город довольно большой.

«У нас бы покрасили. Или обшили досками, а лучше вагонкой. Беленькой. Нет, столько вагонки не бывает. Чепуха, было бы желание. Наверно, просто привыкли, и глаз не режет».

Пароходик уверенно приближался к деревянному дебаркадеру, небольшому, но крепенькому вполне. Берег от пристани поднимался пологим холмом. Ближе к вершине начинались дома. К ним вела длинная деревянная лестница.

«Потемкинская, как в Одессе».

Судно мягко ткнулось в привязанные к дебаркадеру старые автопокрышки. Рыжий увалень принял носовой конец, закрепил. Затем – кормовой. Публика чинно покинула лайнер. Лена перебросила дорожную сумку через плечо. Деревянные ступеньки уютно, по-домашнему поскрипывали под ногами. Лестница оказалась гораздо длиннее, чем виделось с воды. Лена слегка запыхалась и разогрелась, пока поднялась наверх. Ей объяснили, куда идти. Пройти село, а там сами увидите. Дорога одна, не ошибетесь. Миновала село – одну улицу, вытянутую вдоль реки, за четверть часа. Дома стояли негусто, просторно отделяясь хозяйством и огородами. За селом низкой весенней рожью зеленело поле, окаймленное темной синеватой полосой тайги. Вдалеке виднелась золотистая маковка монастырского храма.

- Здравствуйте! – с ней поравнялась телега. Управлял лошадей мужичок в зипуне. Рядом сидела женщина, одетая тоже не по сезону. В фуфайке.

- Добрый день! – Лена продолжала движение.

- Тпрррр! – мужичок остановил лошадь. – Садитесь, барышня. В ногах правды нет.

- Спасибо, – Лена кинула сумку в телегу и села на край.

- Нноо-х! – возница поддернул вожжи. – Ноги смотрите, чтоб в колесо не встряли.

- Угу, – Лена посмотрела на ноги, убедилась, что сидит она правильно и никакая травма ей не грозит.

- К святым отцам? – разгонял скуку мужичок.

- Да. В монастырь.

- Чё ты пристал, ботало? – неожиданно резко женщина налетела на мужичка.

- А чё такого спросил?

- Да что вы? – обратилась к попутчице Лена. – Даже хорошо с разговорами, веселее, правда?

- Ну вот! Вишь, – обрадовался мужичок поддержке незнакомки. – Монастырь-то мужской... а? Слыхали?

- Я знаю, спасибо, – Лена ерзала, пытаясь устроиться поудобнее. Не получалось. Круглая боковая деревина жестко давила на ноги снизу. Особенно на кочках.

- А... по делу иль как?

- Как? Как? Что ты заладил? Кверху каком! Вот как! – женщина явно была не в духе. А, может, просто у них был такой стиль общения.

- Да, по делу, – ответила мужичку Лена. – Статью в газету поручили написать.

- Журналистка, никак? – оживилась попутчица.

- Корреспондент.

- Ух, ты! – возница восхищенно посмотрел на Лену. Делово добавил. – Ты жопу-то попусти вниз, корреспондент. До конца. Вот так, чтоб под коленками уперлось. Удобнее?

- Удобнее, – подтвердила Лена, сделав ударение на предпоследнем «е», как мужичок. Теперь пришлось напрягать спину, чтобы не завалиться. Прямо, пловец перед стартом. Ладно, лучше хоть как-то ехать, чем хорошо идти. – Мне говорили, главный в монастыре игумен Иннокентий...

- Да. Самый он, – удостоверила женщина. – Сурьезный мужчина. Строгий.

- А как правильно обращаться к нему? Батюшка? Отче? Ваше...

- Да так и обращайтесь – отец Иннокентий. Сама-то, откуда будете? – вежливо поинтересовался доброжелательный кучер.

- Из Москвы, – не придумала ничего лучше Лена.

- Ух, ты! – он опять повернулся и еще раз внимательно посмотрел на Лену, ее сумку. Надо запомнить это событие, о котором придется рассказывать соседям. Не раз и не два вспоминать долгими зимними вечерами. Мол, вез как-то раз я корреспондента из Москвы. Мол, из столицы самой. Так вот...

- Извините, а вам не жарко так ехать? – решила утолить любопытство самозваная «москвичка».

- Пар костей не ломит, милая гражданочка, – назидательно заметил мужичок. – Вертаться затемно нам. Будет как раз. И комар не прокусит.

Пустые разговоры отодвигали напряжение. У возницы и его, как оказалось жены, была масса тем для столочной газеты. Третьего дня у тетки Нюрки корова пропала. Думали, зверь, какой задрал, а вчера явилась. Нарисовалась! А главное – вымя-то пустое, доенная уже. Ну, не гады?! Ты бы, дочка, отметила факт. А председатель наш? Вырубкой втихаря промышляет. Думает, никто не видит, не слышит. Кедрь выбирает. Циркулярка во дворе только и вжикает. А этот, участкового сынок, до чего додумался? На взрывчатку рыбу ловит. Шашки тротилловые на карьере за поллитру берет и жахает с дружками. Ты замечаешь, дочка? «Дочка» согласно кивала головой. Замечала. Дорога миновала быстро.

Глава 9.

Мужичок высадил ее на развилке и поехал дальше со своей немногословной и суровой спутницей жизни. До монастыря оставалось пройти метров триста. Лена их миновала. Остановилась. Сердце бешено колотилось. Повязала скромный серый платок. Прошла в приоткрытую калитку. Настоятеля, игумена Иннокентия, в монастыре не оказалось. В отъезде. Лена тщетно обращалась к нескольким монахам пока, наконец, не позволили отца Илию, плотного мужчину с комплекцией штангиста-тяжеловеса. Дикую? Похож. Ряса придавала ему еще большую громоздкость. Он участливо слушал Елену, но без особых эмоций. Пытался понять, о ком идет речь. Лена достала из сумки фотографии. Отец Илия узнал Стаса.

Он объяснил, что Стас не монах и даже не послушник. Человек, облеченный узами брака, не может быть принят в монастырь, пострижен в монахи, ибо у него есть определенные обязанности в миру, в частности, перед семьей. Это с одной стороны. С другой – бытие всегда сложнее нами же придуманных правил. Оттолкнуть душу, искренне стремящуюся к Господу, подобно, как выбить палочку из рук слепого. Монастырь дает возможность успокоиться мятущейся душе. Пожить, приглядеться, поработать на благо обители. Во славу Божию, с радостью и смирением. Молитвы, службы, совместная с братией работа и бытие. Придет человек к Иисусу – это его стезя, его призвание. Но, пока не принял постриг, всегда волен вернуться в мир, и мы в том не препятствуем. У каждого своя дорога. Ведь в монастырь приходят не ради хлеба куска, приходят к Богу. А Стас, да, живет в монастыре. Не в братском корпусе, правда, а в келье, каморке при часовенке. Отец Илия показал на небольшое здание. Попросил подождать. Вскоре вернулся. Сообщение для Лены оказалось унылым – Стас находится на подворье, это километрах в двух от монастыря. И вряд ли сегодня вернется. Отец Илия предложил ей послушника в провожатые.

Послушник – молодой долговязый парень, бережно

нес ее сумку и, пользуясь случаем, тархтел без умолку всю дорогу. За полчаса Лена узнала про всю его жизнь, сложную службу в армии, про девочку, которую он любил еще в детском саду, а сейчас у нее уже двое детей. Мальчик и девочка. Нет, первая была девочка. Дети от него? Бог с вами! Господи, борони! Парень много раз испуганно перекрестился. Но он все равно любит ее ту, маленькую. Как брат? Да, конечно! Как вы все чудесно понимаете! Подворье, что это такое? Хозяйство, как колхоз небольшой. Что делаем? Да все делаем. За скотиной ходим, за птицей, в огороде – тоже приходится. И братия помогает, когда надобно. А так – больше трудники да послушники. Послушники? Это кто к постригу готовится, испытывает себя на монашеском пути. Трудники кто такие? Как сказать... просто люди. На подворье живут, а кто – в монастыре. Как настоятель, отец Иннокентий уложит. На службы ходят. Не так строго, правда, как братия. Молятся, душой лечатся, чтоб ближе к Господу. Работают, а обитель им кров и стол дает. Что ж, понятно. Значит – трудники. Трудятся.

Подворье оказалось хозяйственным двором с невысокой срубленной избой, сараями, сараяшками и какими-то навесами. По двору живо расхаживали разноперые куры. Крупный пестрый петух осатанело топтал, подернувшуюся пернатую наложницу. Природа брала неприкрытый каждодневный реванш у чинных хозяев и разношерстных обитателей своеобразной сельской коммуны, унявших свои собственные страсти. За плетнем недалеко степенно паслись коровы, лениво отмахивая хвостами летучую кровососущую гнусь. Лена остановилась в нерешительности возле длинной плетеной калитки. Послушник аккуратно поставил сумку на траву и отправился за Стасом, пропав в темноте за низенькой дверцей избушки.

Один из работников в дальнем углу двора «журавлем» набирал воду в колодце. Набрав два ведра, он медленно, с остановками пил из корчажки. Лену шилом кольнуло в сердце. Такой знакомый разворот широких, Господи! каких худых, плеч. А шея? Длинная стала, Боже мой... спортивные штаны. Она две пары тогда положила в чемодан. Нелепо широкие и короткие. Как подстреленные. Зеленая клетчатая ковбойка. Цвет Стасу не нравился, но единственная подошла по размеру. Остальные были малы. А свекру подарили в сочную красно-черную клетку. Стас прикрыл колодезь крышкой и направился в избу. В дверях столкнулся с послушником. Опустил ведра. Повернулся. Заслонившись ладонью от заходящего солнца, смотрел на явившуюся жену. Приблизился.

- Привет! – она произнесла это глупое дурацкое слово, так же глупо улыбаясь. Казалось, перестань улыбаться, и она разрыдается, вззоет, завопит и просто разорвется на части. Губы сводило судорогой. Глаза наполнились горячей влагой.

- Здравствуй... – ей показалось, он хотел обнять. Лену тоже качнуло, но Стас взял ее за руку. Держал, осторожно перебирая пальцы, рассматривал их, стараясь не смотреть в глаза. – Лена?

- Да?

- Здравствуй, Лена...

- Здравствуй, да... здравствуй... – она смотрела сквозь слезы на мужа. Волосы реже стали... и сколько седых... Раньше не замечала. Худым таким никогда... даже когда познакомились. Когда учился... Галоши на босу ногу... резиновые... в навозе.

- Как Алечка?

- Нормально. Все хорошо, – подбородок мелко трясло, но она старалась четко выговаривать короткие фразы.

- Учится?

- Да. Учится.

- А ты?

- Я не учусь.

- Я понимаю. Ты работаешь?

- Работаю. Да... так же...

Ее муж – Стас, Алечкин папа, – энергичный, яркий мужчина, куда-то исчез. Растворился. Рядом стоял сторонний чужой человек со знакомыми чертами лица. Просто похожий. Что же было тогда все эти годы? Что? А, может, она и не знала его никогда? По-настоящему. А сам он себя знает? Знал? Какое-то дикое наваждение. Зазеркалье. Ехать через всю страну... и этот человек?! Блеклая тень.

- С Инной? – слышался вопрос из другого измерения.

- Да. С Инной.

- Как остальные твои?

- Нормально. У Сережки и Марины сын родился.

Неожиданно.

- Молодцы. Поздравь. Как назвали?

- Как деда – Виктором.

- Победитель... Родители как?

- Нормально родители. Болеют, лечатся. Как и все.

Рады, что ты жив... что живой оказался... счастливы... – Лену прорвало.

Она закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала, давая всхлипы. Пытаясь укрыть голову плечами. Было дико

жалко его, как он мучает и изводит себя. Жалко себя и дочь. Стольких лет пустых ожиданий. Боясь признаться самой себе, она и ехала-то сюда, чтобы избавиться от последней надежды, еще теплящейся в сердце. Рассудок давно зачеркнул это слово, а сердце все не давало покоя. Она плакала, и ей становилось легче. Слезы очищали от ненужных иллюзий, ничемных сомнений. Да, он жив и будет жить. Как считает нужным. Но жизнь ли это? Разве это жизнь?!

Стас не знал, что ему делать и поэтому не делал ничего. Не успокаивал, не гладил, не обнимал. Все было б зря. Напрасно. Он просто ждал, когда Лена проплачется, освободится от переполняющих эмоций, придет в себя. Он стоял, смотрел на рыдающую жену и беззвучно, про себя молился. За Лену, Алису, мать и отца, брошенную Настю. Чтоб им было хорошо. И покойно. Это лучшее, что он мог сделать для них. Во всяком случае, он так считал.

Потрескивание костра, языки пламени, облизывающие поленья, первобытное тепло огня наполняли душу философским покоем и безмятежностью. Время от времени костер хлопающе, поддываясь под слабосильные китайские петарды, выстреливал в космос искрами. Поленья попадают сырые, пояснил Стас. Лена удобно устроилась на широкой низкой чурке, прижав подбородок к коленям. Ночной холод и упавшая сырость прибили вездесущее комарье. Стас сидел рядом, изредка отлучаясь к поленице за дровами.

Только потемнело, а уже за полночь. У нас темнеет рано. К десяти уже чернота. Другая широта – ближе к полюсу, эклиптика, эффект белых ночей и все такое – разжевал быстренько Стас. Засосало под ложечкой – захотелось чего-нибудь жевнуть. К ужину она почти не притронулась. Сослалась, что не хочется с дороги. Бригада работников на подворье состояла из пяти человек, включая ее мужа. Одна женщина, лет пятидесяти пяти, – готовила, убирала, стирала, и четверо мужчин. Трапеза была постная – кислые щи с грибами, картофель «в мундирах», темный хлеб, квас. На Лену все посматривали с интересом, но вопросов не задавали. Место для ночлега им отвели на полатах под потолком. Старинный вариант поездной верхней полки, только в избе возле печки. Ложиться пока не стали, их встреча все же предполагала некоторое общение. И не в присутствии четырех невольных слушателей. Густой пертый дух помещения тоже гнал на свежий воздух.

Стас спрашивал ее. Она отвечала. Она спрашивала. Он тоже отвечал. Разговор, как преграда от мыслей, чувств

и переживаний. Они спрятались в скорлупу внешних фраз, обыденных, знакомых, мало значащих, в сравнение с тем, что творилось в их душах.

- Как ты узнала, где я?

- Отец Максим.

- Понятно, – Стас подсыпал мелкой щепы. Для жара. Значит, и о Насте Лене известно. – Ты одна живешь?

- Трудно сказать...

- Понятно... – Стас вздохнул. «Не одна. Разумеется. Все ж таки приехала».

- Ты не болеешь? – Лена смотрела на его крупные, костлявые кисти, подсвечиваемые играющим желтым пламенем.

- Да нет. В основном.

- Ясно... – повернулась к огню боком, ногам жарко, а спина стынет. В основном... болеет, конечно. Такой худой, как не заболеть? – Питания хватает?

- Да. Нормально. Разве что, весной трудновато было. Но посты соблюдаем, хотя у нас такой строгости нет, как у братии.

- Это хорошо... что нет строгости, – она вспомнила, Стас редко отказывал себе насчет покушать. Особенно, вкусненькое. Еще и посты... – Работаешь главным образом здесь?

- Больше здесь, на подворье. Тут и огород, и парники. Коровы. Куры...

- Видела. Красивые курочки. Петух особенно. А в парниках что?

- Огурцы высаживаем. Помидоры пробовали, но тепла им не хватает. Осенью турнепс уродил. Это на огороде.

- Турнепс?

- Репа такая. Неприхотливая. Салат из нее вкусный получается. Если масло добавить.

- Ясно... турнепс, – Лена задумалась. С маслом-то перебои, поди? Наверно, только по праздникам. – Ты, прямо, завзятый труженик полей стал. А в монастыре чем занимаешься?

- В обители? Да всем, чем надобно. Смешно сказать, недавно компьютеризацию проводил.

- Что-что? Я не ослышалась?

- Не ослышалась, – Стас усмехнулся. – Компьютер монастырю пожертвовал спонсор или меценат, не знаю, как правильно. Вот я в библиотеке его устанавливал.

- Прямо на гребне волны – не отстаете от прогресса?! – удивилась Лена. – Надо же? Глушь такая и компьютеризация.

- Да. Настоятель, отец Иннокентий, не чурается, так сказать, веяний. Как сейчас говорят – передовой.

- Продвинутый, – поправила Лена.

- Точно. Продвинутый. Все никак это слово не мог вспомнить.

- Мне сказали, уехал он.

- Да. В Троицк поехал. В том числе насчет радиосвязи решать. И телефон, и к Интернету можно будет подключиться. А это – почта, периодика церковная. Чтоб не ждать мешок раз в три месяца.

- Сейчас церкви модно помогать.

- Почему модно? Многие искренне поддерживают, от души. – Стас замолчал. Разговор вообще больше состоял из длинных пауз между фразами. – Ты фотографии не брала?

- Брала, – Лена достала из кармана плаща две фото.

- Спасибо, – Стас долго рассматривал снимки. Аля совсем еще подросток. Костлявая и угловатая вся. Когда они снимались? Года три назад? Интересно, какая она сейчас? Моя дочь. Алиса. Аля... – Не возражаешь, я оставлю себе?

- Оставляй.

Он кивнул головой. Это означало «спасибо». Светало. Костер прогорал. Уютно пощелкивали обуглившиеся головешки.

Все пыль и тлен. Взять хотя бы вот эти дрова. Прорастало семя побегом, деревцем, мощным деревом. Корнями уходило в землю, питаясь ее соками. Выросло кроной, обласканной солнцем, неподвластной ветрам. А закончило путь свой в костре, обогрев теплом две одинокие души. Оставив после себя кучку золы, в землю же и уйдя. Утро набирало силу.

- Я наверно пойду, – Лена поднялась.

- Я провожу. Пять километров до деревни. Наброшу только... – Стас пошел в дом. Вернулся в куртке. Закинул на плечо ее сумку.

Всю дорогу шли молча, изредка перебрасываясь дежурными фразами. Ближе к «финишу» скованность, напряжение нарастали. Каждый был погружен в свои мысли и переживания, свою правду.

«Он просто оказался слаб. Не выдержал столкновения с миром – колючим, жестким, но и – прекрасным. Струсил, убежал, спрятался – нашел выход. От жизни, от нас. А от себя? Красивый, умный, сильный человек – и в навозе... Он верит! Пускай. Хорошо. Разве вера должна разрушать его жизнь, нашу? Заставлять так страдать? За-

чем? Кому лучше от такой веры стало? Ему? Мне? Родным? Кому? Почему другим удается – живут, работают, отдыхают, детей рожают. И – верят при том. И ничему вера не мешает, не разрушает. Наоборот, только лучше становятся, кто верит. Духовно растут. Следуют заповедям. Детишек в воскресные школы водят... К чему эти крайности? Надрыв? Зачем истязать себя так? Хоронить заживо? Зачем?!

«Господи! Как знаю я все, что она думает обо мне! Как знаком мне этот взгляд! Жалела и сострадала. Галопи, еда, одежда... Боже мой, какая все пыль! Для духа, со знающего силу свою, нет внешней власти! Но как объяснить ей? Им? Как им понять меня, если веры у них нет? Если находятся в заблуждении? Как рассказать, что есть снег африканцу, не выдавшему его никогда? Так и вера. Трава, птицы, кошки – они просто живут, плодятся и умирают. Я не трава и не животное! Кто я?! Из вечного мрака пришел и туда же уйду. Ужель только «покойник в отпуске», из темноты отпущенный на Землю? Так для чего я пришел? И зачем я здесь? Что моя жизнь? История болезни? От детских прививок до протокола вскрытия. А душа? Душа болит, значит, она есть. Зачем дана она человеку? В чем замысел Его? Душа моя стремится к Нему. Я знаю. Открылось мне. Господи!»

Лена остановилась перед деревней.

- Спасибо. Дальше не надо, – она протянула руку за сумкой. – Если нужен развод, пришли заявление. Оформлю. Вышлю.

- Спасибо. Если возникнет...

- Пожалуйста! – перебила Лена ненужные объяснения. – Адрес знаешь.

- Да, помню... Может, все же на катер посажу? Ждать... Вдвоем веселее.

- Нет. Я не хочу. И так... весело... – Лена смотрела в сторону. Руки засунула в карманы плаща. Ее знобило от утреннего холода, неспянья и нервов.

- Тогда я пойду, – Стас снял с плеча и поставил сумку на землю.

Он понял, что это – все. Бессмысленно тянуть еще несколько часов тягостное расставанье. Произносить вымученные слова. Все сказано. Они поняли друг друга. Или не поняли. Он хотел обнять и поцеловать ее, чтобы это осталось в памяти и вспоминалось иногда. Но Лена упершись, смотрела в сторону. Стас повернулся и пошел. Она подняла сумку и тоже пошла, не оглядываясь на него. Чтобы не запомнить.

Глава 10.

Выборы для Игоря Борисовича прошли нормально. То есть – хреново. Потому что «нормально» – это не «хорошо» и не «отлично». Нормально – это могло быть и лучше. Избирался он по партийному списку. Набрал определенный процент голосов электората, партия получила соответствующее количество мандатов в парламенте. Раздача мандатов как раз непосредственно перед Игорем Борисовичем и закончилась. Он попал в ближайший резерв, на скамейку запасных. Это не было фиаско или какая трагедия, просто прорыв в высшие эшелоны немного затягивался и откладывался на неопределенное время.

Но жизнь есть жизнь. Все течет. Меняется. Разумеется, медленнее, чем течет. Любое рождение непременно предусматривает смерть. Начало – конец. И тому подобное. Совсем не обязательно сидеть и ждать, что кто-то из когорты «отойдет». Спать и видеть. Желать недоброе. Качественное питание и хорошее своевременное лечение не способствуют преждевременному переходу народных избранников в иной, иррациональный, но абсолютно справедливый мир. А неприкосновенность, пресловутая «недоторканность» делает их и вовсе непотопляемыми дреднотами в житейском море-окияне.

Но в жизни людей случается всякое, иногда даже – хорошее. Достойные индивидуумы поднимаются наверх по общественной лестнице, занимая более значимые ниши, тем самым, освобождая ступеньку для одного из подпирающей массы. Случай пробегает мимо, блажен, кто хватит его за волосы. Кажется, так сказано в Святом писании. Игорь Борисович писания не читал, пробегающий мимо случай не хватал. Пронесясь мимо на сверхзвуковой скорости, случай взял и улыбнулся, помахал рукой именно ему. Игорю свет Борисовичу. Через два месяца после выборов одного из депутатов фракции ПЭПСи определили на работу в замы к министру. А «И. Б.» автоматически переместился из городского Совета в парламент на насиженное теплое местечко. По

партийному списку. Сие знаменательное событие было обильно вспрыснуто на щедром банкете в ночном клубе. «Машина» мощно гудела до утра только для своих и особо приглашенных. Для посторонних на закрытых дверях зверским оскалом псевдокапитализма сияла латунная табличка в духе новейшего времени – «Корпоративное мероприятие. Извините, пожалуйста».

Сергей и Джимми постарались в плане шоу. Публику забавляли штатные теле-юмористы, томно и эротично «пели» блондинистые «старлетки», претендующие вскоре засиять на доморощенном попсовом небосводе. Никаким роком и близко не пахло. Фоном звучал фешенебельный «софт джаз», придавая отечественному веселью некий западный шарм. Татьяна тоже проявила изыск. Столы не ломались, наоборот, были утонченно, подорогому обставлены и просторны. Для любителей «вздоргнуть» и загрузить утробу предусмотрели неиссякаемый «шведский» стол. Целый столик. Обязательная программа со спичами и тостами приятно удивила своей непродолжительностью.

Вновь испеченный парламентарий не выпячивал себя, был в меру скромнен, отдавая должное не личным заслугам, а партийному влиянию и попечительству. Это импонировало. Вообще, виновник торжества больше отсутствовал. Удверился в апартаментах с солидными мужами. Иногда наверх поднимались девочки из стриптиза. «Консумировать». Наверно. Этот пункт «устава» клуба Сергей не контролировал. Игорь играл в свою игру. Приглашенные гости развлекались ненавязчиво, в автономном режиме. Роились возле «дармовщины», танцевали, разбрелись по темным уголкам. Было много старых знакомых – Костя, Василий, секретарша Оля. Другие. Но были и незнакомые, но известные лица.

Подошел охранник. В костюме, при галстукке. Двое крепких ребят всегда неприметно сидели в зале.

- Сергей Викторович, у нас проблема.

Алкоголь, стриптиз, атмосфера облегченности и эротичности приводили время от времени к одним и тем же проблемам.

- Пошли, – Сергей поднялся из-за столика.

Направились к подсобкам, где располагались гримерки стриптизерш. «Бытовые помещения», как указывалось в актах санэпиднадзора и пожарной инспекции. Один из гостей, подогретый «консумацией», прошипел за девушкой и теперь агрессивно требовал продолжения банкета в какой-либо интимной форме. Он хорошо покушал, еще

лучше принял на грудь и теперь не мог совладать с трубным зовом плоти. От эротики как искусства хотел лично с девицей перейти к порнографии – как жизни. Оперативно. Ширинка расстегнута, из нее пикантно торчит белый уголок рубашки. Сергей узнал в буяне одного из соратников шефа по партии. Кажется, служба охраны или внутренняя безопасность, что-то в этом роде. Изредка мелькал у «И. Б.» в офисе. В клубе Сергей наблюдал его впервые. Девушка сидела в углу дивана. Она не испугалась, да и взволновалась мало, ей просто было противно – всякое пьяное бычье цепляется. Нет, чтоб красиво поухаживать – что-то приятное сказать, заинтересовать, ненавязчиво помочь бедной девочке материально, а потом уже «намекать» на интим. Так нет, штаны нараспашку и прет со своими достопримечательностями наизготовку, как пехотинец со штыком. Смотри! Один ты тут такой остро нуждающийся... шаровик. Обломайся, дядя!

Сергей вежливо представился. Пожал липкую ладошку чересчур пылкому представителю «секьюрити». Выразил спокойное восхищение от знакомства с таким важным партийным работником. Извинился, что девушки вынуждены работать. Контракты. Их, в том числе и Наташу, ждут в зале все гости. Пригласил «партийного особиста» за свой столик – оказать честь. Наташа освободится и присоединится к нам. Если возжелаете.

- Да, Наташа?

- Ноу проблем, Сергей Викторович, слово начальника – закон для подчиненного, – девушка скорчила гримасу и показала за спиной клиента дулю.

Сергей с пиететом провел бузотера в зал. За столиком сидел Джимми.

- Это Евгений Васильевич – наш шоу-идеолог, можно сказать, – представил Сергей гостю коллегу.

- Хорш... – оперативных дел мастер равнодушно посмотрел сквозь Джимми, не стремясь навести резкость, и плюхнулся в небольшое кресло. Его больше интересовали бутылки на столе. – Ну-ка, что тут... б...дь, не разберу... нах...

- Как насчет текилы? Окей? – Сергей прервал изучение этикеток. – Текила?

- Текила? Текила-джаз? Окей... йес... факин битч... – согласился новый знакомый на английском и пропел мимо нот, – текила – кровь... текила – любовь... нах... фак... ее маму...

Сергей подозвал официантку. Та оперативно доставила зеленоватую, с удлиненным горлышком, бутылку. Разлил.

- Ну что, опричники? – Сергей поднял тяжелый рифленый стакан. – За разгул демократии? А, государево око?

- За... ик... разгул... нах... – подтвердил славный «партийный товарищ» и хватил почти полный стакан многоградусной огненной воды. Силы, находившиеся и так на исходе, оставили его.

- Что это с ним? – за столик подсел, покинувший апартаменты Игорь Борисович.

- Интервью пытался взять. У Наташи. Не рассчитал силы, – пояснил вкратце Сергей. – Временно в состоянии негатива.

- На такси отправишь, когда проявится. Проследи сам. Чтоб не развонялся потом.

- Будет сделано, шеф! – Сергей знал обязанности, можно было и не говорить.

- Ладно, сам знаешь. Я покинуть должен... вот, кстати, и уже, – Игорь поднялся навстречу солидному мужчине в очках, похожему на большого пузатого бобра. «Бобер» тоже спустился из «кабинетов». – Бывай, замести-тель. Ну как? Все в порядке?

Это уже относилось не к Сергею. «Бобер» утверждающе кивнул головой, и они направились к выходу.

«Раньше «заместителем» не называл. Произнес с ухмылочкой. Или показалось? Черт его знает».

Банкет входил в неизбежное пике. Народ развезжался и распозался. Продолжали гудеть молодые наиболее случайные гости, регулярно подсыпая овса у «шведской» самобранки. Но и там уже образовались упаднические прогалины. Подошла Татьяна. В течение вечера они не общались, может, перебросились парой фраз.

- Сергей, мне поговорить с тобой надо. Срочно обсудить один вопрос. Я в бухгалтерии, – не ожидая ответа, она ушла.

«Поговорить. В бухгалтерии. В четыре утра. Действительно... важно. Доиграемся в срочные вопросы. Но – не киснуть. Гардемарины, вперед! Нег. Вперед, зам по тылу».

Сергей закурил. Выждал несколько минут.

- Не спешишь домой? – спросил он Джимми.

- Да так... – тот расплывчато пожал плечами.

- Тогда подожди меня. Вместе поедем. Отправь пока этого на такси, – он кивнул на сладко посапывающего «интервьюера».

- Йес. Обсуждение надолго не затягивай.

- Постараюсь, – Сергей поднялся.

Татьяна стояла спиной к нему. В черном тонком платье, больше похожем на комбинацию. Курила. Он прикрыл дверь. Остановился.

- Закрой на замок, – нервно потушила сигарету в пепельнице.

- Игорь, наверно, догадывается, – Сергей провернул защелку.

- Откуда ты знаешь?

- Не знаю. Мне кажется.

- Он тоже не святой.

- Одно дело, когда сам не святой. Другое – когда твою жену...

- Ты просто боишься.

- Возможно. Это естественно. А ты?

- Плевать. Подойди! – Она чеканила слова, не поворачиваясь.

- Может, в другой раз? В другом месте?

- Заткнись! – неуловимым движением она сбросила платье. Оно плавно спустилось, тцась зацепиться скользкой материей за пузырьшки кожи. Под платьем ничего не было – только упругое женское тело. Он обнял ее сзади. Целовал шею, плечи. Нежно сжимал грудь руками.

- Все. Хватит уже. Давай! – она наклонилась вперед, прижав сосками к бухгалтерскому столу какой-то «ассортиментный перечень».

Глава 11.

Июнь – не самый удачный месяц в индустрии развлечений, к коей Сергей имел непосредственное отношение. Говорим «не самый удачный», а подразумеваем – труба. Белый песок на просторах тундры. И без того скудноденежная молодежь занята штудированием конспектов и учебников, грызет гранит. Публика постарше и, соответственно побогаче, тяготеет к пленэру – дачам, пикникам, шашлыкам и «барбекю». Летом вообще – мертвый сезон. Оживляж происходит в сентябре, набирая обороты параллельно с падением температуры воздуха на улице и ухудшением погоды. В июле – августе клуб действительно закрывали, разъезжались на моря. А в июне еще тянули kota за хвост, добывая издыхающий развлекательный сезон по инерции. Дорогостоящих «гостей» не приглашали. Вообще – никого. Разве что, продюсеры сами предлагали засветить в клубе «фьючер стар». Большею частью Джимми импровизировал на гитаре, Сергей скучал, потягивая пиво, перебрасываясь в нарды с кем-нибудь из знакомых. Иногда вместе вели беседы, «за жизнь, политику и экономику». Сергею с Джимми было интересно, тот был основательно начитан, владел информацией, много знал. И не по верхушкам, как Сергей. Трепались о разном, перескакивая с пятого на десятое. Музыка звучала негромко, комфортабельно, не вынуждая кричать и переспрашивать.

- Женья, я как-то статью читал про эволюцию, – Сергей сделал небольшой глоток, – так вот не сходятся там концы с концами у «товарищей ученых». На мой дилетантский взгляд.

- Какая тема? И в чем проблема? – Джимми сегодня предпочитал сухое красное вино. Он любил пофилософствовать под легкий звон бокала.

- Пишут, самцы, получается, и мы, мужики, полигамны...

- Окей. Понятно. Рассеивание генофонда для обеспечения максимальной выживаемости вида, – отбарабанил Джимми. – А что тебе неясно?

Сергей удивленно посмотрел на невозмутимого собеседника. Строчит как из пулемета.

- Тут все ясно. А вот самки – моногамны.

- Преимущественно, – уточнил Джимми.

- В смысле?

- Не все, а большинство. Тенденция.

- Ну да. Так вот. Самка, те есть женщина, стремится выбрать самца покачественнее. Чтобы детеныши, то есть, дети лучше были...

- ...для обеспечения наиболее жизнеспособного потомства, – четче сформулировал мысль Джимми. – И в чем противоречие?

- Сечешь. Итак. Почему тогда самки... женщины так же, как и мужики гуляют? Изменяют. Нашла себе пару – и сиди дома, не дергайся. А получается, самки тоже озабочены... генофондом.

- Есть некая направленность, опять же тенденция... – задумался Джимми, – но никакого противоречия нет. Рассматривать вопрос только с точки зрения биологии односторонне. Человек существо социальное. Воспитание. Эмансипация. Сексуальная революция. Размывание нравственных ориентиров. «О – времена, о – нравы!». Информационный бум. Она ж не в пещере сидит и ждет, когда он ляжку от мамонта притарабанит. Сравнивает. Когда замуж выходила, самец, ух какой! был. Хвост веером, хохолок красненький. А со временем и хвост поизносился, и с хохолком не того...

- И поворот налево происходит, – заключил Сергей.

- Сначала неудовлетворение накапливается, протест. Комплексы всякие развиваются. После происходит выхлоп. В противном случае развивается невроз. А если еще психоанализ подключить, да социологические исследования...

- Целая диссертация получится.

- Если не диссертация, то уж монография – точно. Но, думаю, с точки зрения больших чисел все подтвердится – наше дело охота, а их – очаг. А неудовлетворение, кстати, колоссальный движущий фактор.

- Это почему именно неудовлетворение? – Сергей заканчивал бокал.

- Взять Петрарку. Это поэт такой был.

- Спасибо, я в курсе. Лаура, сонеты...

- Все свои сонеты он посвятил недосыгаемой любимой. А если б она на кухне возилась. Из подмышек пахло. Что он ей написал бы? «Дорогая, прими душ»? Художники – тоже. Страстями обуреваемые... творили.

- Песни, все больше про несчастную любовь, – заметил Сергей.

- Да. Про – счастливую, меньше пишут. Сублимация нереализованной сексуальной энергии в творческую.

- Женья, ну а ты в жизни всем доволен? Я понимаю, что не всем... короче... – Сергей старался подобрать правильные слова. – Вот, какова твоя тенденция?

- Вопрос ясен. Конечно – не всем. Были идеи, мысли, желания. Что-то реализовалось. А в целом – ни хрена. Ты в сложные дебри полез, старик. Редко кто, удовлетворен всем, на сто процентов. Как альпинисты – стремятся все выше и выше. Всегда им чего-то не хватает, – Джимми, Женья, Евгений Васильевич замолчал. Погрузился в свои мысли. Разговор задел его за живое.

- Время сложное, чтобы реализовать себя, – глубоко-мысленно изрек Сергей. «Оракул хренов».

- И время сложное, и страна сложная. Хотя, многие себя реализовали и очень даже круто. Но это, как повезет или какой характер у человека. Если насчет себя говорить... С музыкой все в порядке – она здесь давно умерла. Rock-n-roll is dead. И не надо мучиться. Доказывать что-то себе и другим. А попса всякая, трали-вали, всегда будет. Хотя, в свое время в разных бэндах я поколбасил. Подал пасту.

- Серьезно? А в каких?

- «Маунтейн» слышал? «Крематорий»?

- Не-а...

- Ну а «Черный кофе»? «Коррозия металла»?

- Эти слышал. «Кофе» даже кассеты когда-то были.

Но так, не очень... А «Коррозия», это где телки голые по сцене нарезали?

- Точно! – подтвердил Джимми. – В «Маунтейн» я был «папа». А в других – «special guest». В «Кофе» гитариста во время тура замещал. И с «Коррозией» как приглашенный гитарный агрессор на рок-фестивале выступал. С «Арией» – тоже. А что мне? Лабаю с листа, без репетиций. Приглашали в тур тогда еще по Союзу, а я как раз разводился. Потом, дурак, второй раз женился. Короче, в свое время опоздал на стартплощадку. Поезд ушел. А потом и рок наш потух, попух, отдал концы. «Бобик» сдох. Отправился к матери Вениамина.

- Чьей матери?

- Вениамина. Венечкиной, Бенечкиной, к Бени матери.

- Понял! – рассмеялся Сергей и возразил. – Да брось, всегда говорят, рок умер, рок-н-ролл мертв, а на самом деле «принесли его домой, оказался он живой»!

- Где-то – да, жив еще. Под капельницей. Но только не у нас. А у нас – все. Отстрелялись. И виагра не поможет.

- Хорошо, а «Машина», «Аквариум», «ДДТ»? Кто там еще?

- Как раз, почти никого. Динозавры вымирают. Кто-то по ящику рассказывает, как яичницу жарить. А если серьезно, рок нам, я в целом беру, народу, основной массе – чужд. Менталитет не тот, внутренний ритм. Язык тоже много значит – культурный код, матрица, которая с роковым кодом ни хрена не контактирует. Не пролазит монетка в ячейку, хоть тресни сто тысяч раз! Это с точки зрения больших чисел. А исключения только подтверждают общее правило.

- А кроме музыки, Евгений Васильевич? – Сергей неожиданно перешел на вы. Сегодня Джимми был умный, рассудительный как Евгений Васильевич.

- Специалист. Технар. Вот... прозябаю на «фирме»...ковыряюсь. И у вас по вечерам.

- Мне кажется, как спец вы могли бы...

- Уехать? А куда? Нигде не ждут. И возраст уже не перспективный. В Австралию только до тридцати пяти лет принимают... Никуда я не мог бы. На Западе таких пруд пруди. Только молодых и энергичных. А я и английский уже подзабыл порядком. Практики нет. Стимула тоже. Были варианты – предлагали раньше заниматься и бензином, и газом, и металлом. Не рискнул. Протормозил. Если честно – побоялся. Сейчас бы на вертолете летал, – Джимми усмехнулся. – Зато сплю спокойно. Без охраны. В компании собственных фрустраций.

- Чего-чего? – не понял Сергей.

- Фрустрация – неудовлетворение. Мы об этом говорим?

- Обо всем уже говорим.

- Вот, в свободное время изливаю свои комплексы и фрустрации компьютеру.

- Общаешься через компьютер с народом? – у Сергея знакомый «поехал» на этом компьютерном общении. Дни и ночи сидел у экрана, поставил на монитор камеру, транслировал себя и наблюдал таких же одержимых виртуальным общением.

- Зачем с народом? Сам с собой общаюсь. Музыкашку пишу. В клубе играю. Для души. Еще и деньги платят. Как тебе мой музон? Нравится?

- Да, мне нравится. Особенно, под «латинос» у тебя есть пара вещей. И медленная такая, правда, она на «In The Army Now» смахивает.

- Серега, даже такой великий композитор, как Крутой Игорь, сказал, что нот-то всего семь, братцы?! Какого ж вы хотите? Ты, кстати, в армии служил? – неожиданно повернул Джимми.

- А как же? Служил. В спортроте, здесь же, в Киеве. А ты?

- У меня служба была – ну, полный атас! Колбасиво! Сплошной «хэви металл».

- С этого места поподробнее, пожалуйста, помедленнее и два раза, – Сергей жестом показал официантке «освежить» стол.

- Сначала – полгода в учебке. Никакого драйва, а просто дерьмо и топталово! – начал армейское повествование Джимми. – А вот затем «тяжелый металл» сопровождал меня полтора года. С ним невозможно было расстаться. Лом и лопата – оружие жел-дор-бата. БАМ! Байкало-Амурская магистраль.

- Ты был на БАМе? – удивился Сергей. БАМ – нечто запредельно далекое. Из другой галактики. – В железно-дорожном батальоне?

- Ха! Мы покрыли триста пятьдесят километров от Тынды до Зеи и далее. Батальон мигрировал, как казаки Ермака или первопроходцы. Мы несли цивилизацию в сибирские, полные гнуса и комаров, джунгли. А я нес «слово»! Long live rock-n-roll! Свое «хардовское», «металловое» слово.

- Ты что, и там умудрился колбасить?

- Сирожал! Скажите нет, так да! – Джимми слегка развезло. В лексиконе неожиданно появились одесские и «западенские» интонации одновременно. – Учитывая культурный уровень меня, я был назначен начальником батальонного клуба. Обычный вагончик. И в моем распоряжении куча «железа». Барабаны, гитары «Урал» Свердловской фабрики, ламповые усилители, «кинаповские» колонки и два рупора – громкоговорителя. В ответ на нежные, тоскливые письма мама присылала сыночку сгущенку, печенье, вафли, конфеты и обязательно – записи. Она заказывала в студиях что поновее и потяжелее. И я был рад всему. Основной контингент батальона составляли представители разных нацменьшинств. «Абреки», впервые спустившиеся с гор, покинувшие дальние аулы. И еще – «дауны», заботливо собранные во всех уголках бескрайнего Союза. И я давил их тяжелым роком через рупора, как тараканов. Культурно просвещал массы, до этого ни хера не слышавшие. Прощуровал весь батальон вдоль и поперек «по сами вуха», как говорил сержант Загорулько, жиз-

нерадостный и прожорливый соотечественник Степана Бандеры. Я фаршировал им мозги «металлом» жестко, никого не спрашивая, нравится или нет! Я хозяин клуба! Значит, слушай! Офицеры не возражали – ведь другого-то ничего не было. Ни пленок, ни кассет. БАМ – туда ни фиги! Назад – ни фиги! Когда командный состав уставал, я выключал. Передышка. На время. Весь батальон знал, «хард» – это де-факто. Вбито жестоко, как гвоздь в сваю. И спорить тут не о чем!

- Я не пойму, у тебя служба была или сплошная «железная» рок-дискотека? Ди-джей «металлический Джимми»?

- Отнюдь. Еще я любил, а главное, мог, рисовать. Стенгазеты, плакаты – это все пыль. Моя черная форменная Бамовская куртка на всю спину была украшена эмблемой «АС/ С». И молнии по бокам. В последнее время мы стояли возле Китая. Километрах в тридцати. Там было валом дешевых китайских шмоток. Уже тогда. На трехрублевых футболках я делал «крутые» надписи и картинки. Изготавливал многослойные трафареты. Один основной, и три-четыре на полутона. Кулак, сжимающий радугу, рвущие небо гитары, кресты, разные монстры. Подтягивается офицер на турнике, а на груди у него «якись дэмон роатый», как опять же говорил любитель сала Загорулько, проглатывая букву «г». Это была сила! Я отвечаю!

- Полтора года на железной дороге в вагончиках? Слишком тяжелый рок. Это, блин, все-таки грустно, – заметил Сергей.

- Бывало и весело. Прямо перед «дембелем» мы стояли в селе Укурей, на транссибирской магистрали. Жили в этой глуши несчастные потомки членов банды атамана Семенова и иже с ними. Сосланные туда строго и навеки. До седьмого колена. Советская система тогда действовала, закон был суров. уга лех... забыл... на фиг... sed lex, кажется. Плевать! Ни внуки, ни правнуки «семеновцев» не имели права покидать село, разве только, женившись или выйдя замуж за кого-то со стороны. Приближалась некая годовщина Октября. Комбат дал приказ «сыграть самодетельность». Приказ есть приказ. Я по-быстрому склепал «бэнд». На басу колбасил питерец Гуня, моего призыва, он же – вокал. Ударник – старлей из Москвы. Стучал еще в училище. Я – лидер-гитара. Классический «хардовский» состав. Как, например, «Гранд Фанк». Репетировали недели две в вагончике.

- А что репетировали?

- Ясно, что. Не сбивай с ритма! – Джимми решительно махнул рукой. Он серьезно ударился в армейские воспоминания. – Итак. Торжественный вечер. В актовом зале деревенского клуба собрались солдаты батальона и, наверное, все жители села. Битком. Стол накрыт красной материей. Графин с водой. В начале, как обычно, доклад. Зал тихонько жужжит. Затем концерт. Хор местных бабушек пронзительно озвучил «якусь херню», такую же древнюю, как они сами. Вторым номером выступала продавщица из сельпо. Спела две песни из «Иронии судьбы». Про милую нашему сердцу железную дорогу – «вагончик катится» и жалостливое – «у зеркала спрошу...». Мы с Гуней подбрынькивали ей на гитарах. Продавщица несколько раз приходила в вагончик на репетиции. После репетиций старлей беспощадно пер ее в маленьком темном чулане, громыхая ведрами и швабрами. Потом выступили местные «юмористы-сатирики». Стишки-частушки из столетнего «Крокодила». Пока они хохмили, мы подключили гитары в ламповые усилители на микрофонный вход. На «запор».

- А сейчас выступает вокально-инструментальный ансамбль «Железный Батальон»! – прочла по бумажке габаритная, с писклявым голосом, ведущая. Почти что, «Iron Butterfly».

- Раз-раз! – опробовал микрофон Гуня. – ne, two, three, four!!!

И мы вломили. Врезали. Прокачали. Нет. Впердолили! «Black Sabbath»!!! Это было нечто. Страшный гитарный рев. Истошные англо-подобные вопли Гуни, весьма напоминающие Оззи. Играли мы просто зверски. Конечно, батальон был готов, но селяне... Надо было видеть эти изумленные, перепуганные глаза. Эти «переляки». Ошалаевший председатель местного колхоза опрометью выскочил их зала. Думал, что-то случилось, авария или погром. Какие-то тетки с покривленными лицами пытались прорваться за кулисами к розеткам, но тылы были заранее плотно прикрыты нашими. Мы колбасили безжалостно и жестко, практически без остановок. «Nazareth»! «АС/ С»! Батальон ловил кайф. И «абреки», и «дауны», и офицеры. После концерта мы забухали с местными девками. А потом пялили их направо и налево. В каждом углу и даже на столе, покрытом красным кумачом. Абсолютно всех. Батальон долго не видел женщин и хотел оттянуться по полной, на всю катушку. А популяция местных женщин, преследуя иллюзорные брачные цели, любым путем пыталась «урваться» в Европу, зацепиться хоть за кого-то, что-

бы свалить из забытого Богом села. Потому что Укурей – это полная жопа! Если не сказать более. А некоторые, не надеясь вырваться, стремились разнообразить водкой и солдатами многолетнюю глухоманную сельскую тоску.

- Да... интересно было «In The Army Now»... – на Сергея аудиомемуары Джимми произвели впечатление.

- Not now, but then – не сейчас, а тогда. Many, many years ago in other life. When we been young and crazy. – Джимми умолк. Допил вино.

Он выплеснул на Сергея часть своей неординарной «драйвовой», «хардовской» жизни. Сам погрузился, окунувшись в воспоминания молодости. Память отодвигала в сторону сорокаградусные морозы, работу до упаду, до изнеможения, чтоб начальство вовремя отрапортовало. К Маю или Октябрю. Жестокие драки с «абреками». Гонорею, которую подхватил в сибирском селе. Память избирательно являла из небытия радостное и светлое. Джимми, Женя, Евгений Васильевич пожал Сергею руку и, твердо ступая, направился к выходу.

Сергей проснулся в одиннадцать, взбодрился под контрастным душем, побрился, обработал себя французским парфюмом. Марина вышла «подышать» на улицу с ребенком. Жена загорелась посещать бассейн и спортзал с Татьяной, но нянькой пока еще не обзавелись. Вопрос находился в стадии решения. Марина поправилась, и в этом были свои прелести, приятное разнообразие. Надо пользоваться, пока есть возможность. Малыш после прогулок прекрасно спит. Где же они пропали? Самое время избавиться от накопившихся фрустраций.

Глава 12.

Пребывание в столице оказалось приятным и не затянулось. Проведав наследников рода по мужской линии, многообразно и плодотворно пообщавшись с давними друзьями, прислонившись одним боком к божественной ночной жизни, вкусив плодов, так сказать, Пахарь благополучно отбыл на историческую родину. Соскучился за родным, тихим городком. Как говорится, где хорошо, там и тоска по родине. И хотя посещение памятных мест, музеев и реликтов славянского зодчества предусмотрено не было, он сходил в церковь. Поставил две свечки. Зажег. Помолится, как мог, своими словами.

Не будучи религиозным человеком и не особо задумываясь в предыдущие годы над сложностью мироздания, в последнее время мысли о вечном все чаще посещали его. О «вечном» не в смысле потустороннего, загробного мира, «жизни после смерти» – наивной обывательской тяги к бессмертию вопреки законам природы. Нет. Просто он на себе испытал наличие, присутствие рядом какого-то другого измерения, в обычной жизни не ощущаемого. И чувства. Другие, отличные от привычных. Может быть Там, расставшись с телом, мы будем продолжать бытие этими неведомыми в повседневности чувствами, энергией, квантами, рассекающими безмерные и вневременные пространства Астрала? Хотелось бы. Перспективней, чем мрак небытия. И гораздо утешительнее. Разумеется, возраст предполагает склонность к философским обобщениям. Но – не только. Пятьдесят семь, безусловно, не двадцать семь и даже не двадцать восемь. Главное – не паниковать. Расслабиться и получать от жизни удовольствие. Дышать полной грудью. Не бояться жаркого солнца и свежего ветра, крепкого слова.

Историческая родина совсем не обратила внимания на его столь непродолжительное отсутствие и даже не успела стосковаться, за исключением, разве что, верной супруги Нины Григорьевны, ждавшей мужа, считавшей дни, часы и минуты. Нина Григорьевна встре-

тила любимого обильным столом и запотевшей, только с холодильника, бутылочкой беленькой.

Городок и его славные приморские обыватели были привычны и к солнцу, и к ветру, и к дождям, и к зною. Смирились с сомнительной, как оказалось теперь по прошествии лет, неизбежностью таких вот общественно-экономических пертурбаций и перемен. В последнее время жизнь вроде как-то устоялась, вошла в колею. Заоблачные перспективы ранней эпохи красивых обещаний там за облаками и остались. «Там – за облаками. Там, там, там-там» – из такой же далекой, безвозвратно канувшей песни.

Но не все население страны осталось с пустыми карманами и обещаниями. Определенный контингент товарищей успел подсутиться. Кому-то повезло, кому-то на роду было написано. Бывает так иногда. Берет, например, хороший человек в банке кредит. Большой-пребольшой кредит. Огромный. Колоссальный. Просто офигительный. Но только в национальной валюте. Родной и любимой. Иначе ничего не получится. Одни только неприятности с этими неувядаемыми зелеными бумажками – ничто их не берет. И так случается, что вдруг, откуда ни возьмись, налетает ужасная тысяче-процентная инфляция. Будь она неладна! И остаются к концу финансового года от несчастного кредита рожки да ножки. Государству. И так много-много раз. Как в старом анекдоте. Только вот хорошо смеются далеко не все. Многие блюют от такого веселья. Кого-то подташнивает. А кому-то, наоборот, просто хочется кушать. Живот бурчит и сводит, но никак не может себя заставить. Нечего, собственно говоря...

Схем всяких много. И отнюдь, не сложных. Главное – информация. Оказаться в нужном месте в нужное время, с нужными людьми. Но годы инфляционных потрясений, слава богу, минули. Сколько ж можно! Тщательно планируемые хозяйственные катастрофы стали невыгодны всплывшим на поверхность зубастым олигархам. Все что можно и нельзя порушили, захапали. Процесс капитализации системно структурировался – звучит красиво и современно. Птицы с похожим оперением имеют свойство собираться в стаи, деньги липнут к деньгам – так понятнее. Получилось так, что всем всего не хватило. Всех много, а всего – мало. Ничего, народ озаботили собственным, его же народа выживанием. Чтобы был при деле и не думал, чего не надо. Немного поредевшее население приободрилось и принялось активно выживать. И городок наш не исключение.

Маломощная ранее местная промышленность ныне лежала не в руинах, в – пустырях. Сначала порезали и вывезли металлоконструкции, затем камни и кирпичи. Экономическая активность и рабочие места переместились на рынки, в бары, магазины, магазинчики, павильоны, палатки и ларьки. Каждый выживал, как умел, соответственно собственной фантазии и возможностям. Курортный сезон компенсировал зимнюю безденежность и безнадежность. Народ расслабился в отсутствие перемен, начал становиться на ноги, распускать перья. А изменения зачастую происходят самым случайным образом, не связанным ни с логикой момента, ни с общественной или какой другой необходимостью. Но есть логика в зависимости от случайности. В уязвимости.

Городок мало ощущал присутствие родной милиции. Все знали, она есть и, вероятно, что-то делает. Но как-то слишком незаметно. Без выпячиваний. Не афишируя себя. А может, это и хорошо. Солдат спит, служба идет. Во всяком случае, внешне создавалось такое впечатление. Иллюзия отсутствия. Активно обнаруживали себя только гаишники, но пили водительскую кровь в меру. Можно сказать, профилактически. Хотя, в отчетах был полный аврал. Борьба с преступностью шла на грани, а чаще за гранью милицейских и человеческих возможностей. И вдруг в один день все изменилось. Король умер, да здравствует король!

Неприметный старой закалки полковник ушел на заслуженный отдых. Прислали другого. Настоящего полковника. Современного, энергичного, рьяного. Варяга. Хищника. Неизвестно за какие заслуги и в честь какого праздника, но городок ему дали даже не «на кормление», как в стародавние седые времена. Отдали, как захватчику, на разграбление. Это была его добыча. Именно так он и относился к населенному пункту и его обитателям. Сразу вспомнилась теория о роли личности в истории, тем, кто о ней читал. Наиболее деятельная часть населения очень быстро почувствовала железную хватку пришлого хранителя права.

Предприниматели разного калибра, владельцы баров, магазинчиков и ларьков, таксисты и прочие были сурово построены. Дана установка – помогать внутренним органам. Материально. Определена разрядка. Выделен офицерский состав для сбора мзды. К «отказникам» сначала применялись мягкие меры воздействия в виде проверок, штрафов. К особо упорствующим – легкие меры устрашения в виде личной беседы. Обычно этого оказывалось достаточно, более чем. Начальнику ГАИ тоже определена месячная сумма сбора для передачи «туда». Наверх.

В небольшом городке, где почти все друг друга знают, казалось, такое невозможно. Менты извинялись, стыдливо прятали глаза, говорили, что им самим тошно, но делали дело. Деваться некуда. Многочисленные звонки и письма – анонимные и с подписями, коллективные и одиночные гинули в государственном бюрократическом болоте. Значит, такая дана сверху установка – другого объяснения не находилось. Не перешибить. Против лома нет приема. Единственное – оставалось возмущаться, колебать воздух. Платить. И ждать.

Пахарь пришел на причал с воды. Сдал выгрушенную рыбу оптовикам. Мотор утомлял непредсказуемым своеобразием. Решил в очередной раз перебрать. Подошел Захарович.

- Витька, привет! – директор причала крикнул издалека.

Пахарь молча кивнул.

- Что там на воде? Как дела? – Захарович подошел ближе.

- Нормально дела, - буркнул под нос Пахарь. – Там пакет у руля, черный. Тебе. Да, этот.

- Спасибо, Вить. Старая будет рада бычкам, а то за зиму-то соскучились. Да и я сковородочку за милую душу уломаю под это дело, – «морской волк» щелкнул себя по горлу. – Моя гонит замечательный. Может, тяпнем по одной?

- А чего по одной? Можно и не по единой, – Пахарь подстыл, да еще намочил ноги. Самогон как раз и не помешал бы.

- Щас! – обрадовался Захарович и метнулся в каптерку. Вернулся скоро. С поллитрой и двумя залапанными стаканами. Сполоснул их морской водой. По-быстро-му разлил.

- Уно моменто! – Пахарь достал из трюма заскорузлую краюху хлеба и банку овощных консервов. Матовые алюминиевые ложки. Разложил на газете, на корме. Окаменевший хлеб наломал кусками. – Твое здоровье, Захарович!

- Будьмо! Здоровья лишнего не бывает, – старик опрокинул внутрь полстакана.

- За него! – Пахарь тоже выпил. Жидкость приятно обожгла луженые внутренности. Зажевал овощной икрой. Смачно выдохнул. – Хху! Бабушка твоя не переборщила с градусами?

- Трехи есть такое дело, – Захарович налил еще по сто грамм. – Тебя, кстати, «этот» спрашивал. Звонил два

раза. Наказал передать, чтоб сегодня к пяти был у него в кабинете.

Пахарь посмотрел на часы. Восемнадцать десять.

«Да пошел он... «этот», сам к себе на прием. Или подальше. Поговорить захотелось по душам – присылайте повестку».

Начальника милиции по имени отчеству не называли. Брезговали. Ненавидели и боялись. Приклеилось «этот» в сочетании с кивком головы в сторону и наверх. Рыбаки попытались, было воспрять, стали сгружать рыбу «на нычках» по берегу. В ответ на такое непонимание и нелояльность к власти на побережье был брошен весь подвижный состав райотдела. Бунт подавили в зародыше, прижав попутно всякую браконьерскую шущеру. Привели к присяге. Решительно и бесповоротно построили всех, кто пытался брыкаться.

Лет десять назад, на заре демократизации, поддавшись веяньям моды, местная уголовная тусовка городка решила заделаться рэкетирами и обложить трудовое бизнесующее сообщество данью.

- Колька! Ты что, теперь рэкетир?! – удивлялись метаморфозам потенциальные данники. – А на бочке уже не ездить? И Васька рэкетир? Ну, пацаны, вы даете!

Местный рэкет не успел расправить крылья, как по нему был нанесен ответный удар. Одиноким полночным ковбой разрядил в ресторане обйму пистолета в новоявленных гангстеров. Местный Аль Капоне был сражен насмерть первой же пулей. Мафиози рангом ниже отделались незначительными ранениями и значительным испугом. Спасли перевернутые столы и быстрая реакция. Народного мстителя впоследствии не нашли. Видно, капитально обидели парня. Эхо выстрелов донеслось и до области, а то и выше. «Распустили там черти что, понимаете!» Органы быстро прижали «черти что» к ногтю. Те попытались переключиться на окрестных фермеров, но бедовый фермерский люд ничтоже сумняшея отстреливался из охотничьих карабинов. Так что, тема рэкета сама собой сошла на нет. И вот теперь, в двадцать первом столетье, с десятилетним запозданием, городок узнал, что такое реальный чисто конкретный рэкет. Даже не верилось. И тем не менее. В криминальной хронике по телевизору разоблачали «оборотней в погонах». Там. Где-то там. Там, там-там.

- Ну, давай, Витя! За тебя и Женьку. Двое вас осталось, – Захарович выпил. Понюхал неудобоваримую корку хлеба. Закусил икрой. – Тот тоже наотрез! С такой

рыбалкой, говорит, лучше к еб...й матери уеду на заработки в Россию. К брату. А башлять никому не буду! Нема за шо! За машину еще долги висят, говорит.

К Пахарю подходил бригадир рыбаков Анатолий. Говорил, что громада постановила не заедаться с «этим» и отстегивать как все. Сильно щемят. Перетерпим. Не может быть, чтоб это надолго. У Женьки вон, все яteria забрали и машину на штрафплощадку поставили – как средство незаконного лова. Ни за хер. Разбираются. А что разбираться? Он в бригаде, план сдает. Снасти зарегистрированы. Пальцем ловить, что ли? Да понятно, длина, ячейка, высота, можно и к столбу... при желании.

Пахарь в бригаду не входил. Брал отловочный билет и работал самостоятельно. Платить «этому» не собирался. Нет и все. Не умрем. Прорвемся. Правда, с отдыхающими проблема. Придется идти в налоговую, оформлять бумаги. Век бы их не видеть – ни бумага, никого.

Захарович разлил остатки жидкости. Потрусил горлышком. Подождет, пока упадут последние капли.

- Ну что, Витя, по последней?

- Если больше нет... – дипломатично намекнул Пахарь, поднимая стакан.

- За что пьем? – Захарович пропустил намек мимо ушей.

- Третья всегда за дам. За женщин. За любовь!

- За любовь?! Витька, брось ты молодиться! Тоже – немолодой уже хрен. За дам? – старик передразнил Пахаря.

- А чего ты так испугался?

- Чего это я – испугался? Тоже мне, напугал ежа голый жопой. Не люблю, когда треплются и выпендриваются, хоть тебя и люблю, расп...дая такого.

- Давай, Захарович, за любовь в широком смысле, – Пахарь примирил начальника причала с содержанием тоста. Смелым для его, старика, возраста. – За детей, внуков, жен. И за женщин, которые «дам». Не возражаешь?

Слегка захмелевший старый «морской волк» не все уловил, но и не возражал.

Глава 13.

— **Р**аспитие в общественном месте спиртных напитков... — за спиной Захаровича неожиданно появился «этот». Плотный среднего роста мужчина лет сорока пяти. В черном цивильном костюме и затемненных очках. Жидкие волосы радикально зачесаны наверх, уложены гелем, чтобы не рассыпаться по скользкой проплешине. Он вынул из руки «морского волка» пустой стакан, понюхал, — ...кустарного производства. Самогонование. Статья... от пятидесяти необлагаемых минимумов с конфискацией технических приспособлений для самогонования. Что ж, поздравляю вас с наступившим алкогольным отравлением!

— Я сейчас... кажется, телефон... в подсобке... я быстренько... — Захарович согнулся, словно попал в невысокий проход, и, пятясь задом, зачем-то кланяясь, экстренно ретировался.

— Ну-с, уважаемый Виктор Сергеевич, почему это вы игнорируете правоохранительные органы?

— Я никого не игнорирую, — Пахарь сосредоточил свой взгляд на горизонте.

— Разве? Вас дважды приглашали для беседы. Вы не приходите. Избегаете нас. Вы чего-то боитесь? — полковник держал руки за спиной. Широко расставил ноги, слегка приподнимался и опускался на носках. Мостик под ним немного поскрипывал.

— Мне нечего бояться.

— Прекрасно. Так в чем дело?

— Я не барышня, чтоб меня приглашать. Поговорить хотите, присылайте повестку.

— Можем и повесткой, но зачем так ставить вопрос, Виктор Сергеевич? Недружелюбно.

— Я никакие вопросы не ставлю. И говорить нам, я думаю, не о чем.

— Вот видите, вы изначально негативно настроены, хотя и не знаете суть нашего к вам интереса.

— Да знаю я суть. Полгорода на ушах стоит от вашей сути.

- Если уж вы так хорошо информированы, то с чем вы несогласны? Или помогать органам правопорядка не обязанность каждого сознательного гражданина?

- И в чем моя помощь должна заключаться?

- Отлично. Мне нравится напрямую, без хождений вокруг да около. По-мужски. Вы прекрасно знаете, как-то сейчас финансирование внутренних органов. Оно не выдерживает никакой критики. Ремонт транспорта, горючее, оргтехника – все необходимо решать своими силами. Куда в наше время без компьютера? Вот мы и обращаемся ко всем сознательным гражданам, предпринимателям и бизнесменам, внести посильный вклад в обеспечение органов внутренних дел, соответственно, в борьбу с преступностью.

- Вклад, я так понимаю, финансовый? – уточнил Пахарь.

- Естественно. Можете перечислять на счет. Можно – непосредственно. Ручка есть?

- Нет.

- Вот возьмите. И листок, – полковник протянул Пахарю листок из блокнота и авторучку. – Запишите телефон с кем держать связь. Нюансы в процессе отработаете. Вам объяснят. Ну?

- Не надо. Я ничего писать не буду. И платить – тоже. Я налоги плачу. Достаточно, – Пахарь сидел на корме яхты. Продолжал изучать горизонт.

Полковник стоял на мостике. Он перестал раскачиваться. Лицо побагровело.

- Встать!!! Ты перед кем расселся?! – рявкнул «заслуженный работник правоохранительных органов».

Пахарь от неожиданности поднялся. Посмотрел сверху на блестящую плешь. Спустился на мостик. Встал вровень с районным милиционером.

- Что ты корчишь тут из себя, ты – зек?! – полковнику надоело иезуитское словоблудие. – Овца паршивая.

- Что, стадо порчу? – Пахарь смотрел в очки. Сквозь слабое затемнение линз было видно, как полковник вращает глазами.

- Да что вы возомнили тут о себе, черви?! Вы черви все! Ты понял, зек?! И будете ползать у меня по ниточке. Как положено! Понял, ты?! Пыль...

- Понял. Доходчиво. Так бы начинал, – на Пахаря полковник произвел впечатление. Настоящая мразь. Но от души. Не стесняется. – А кто ты тут такой? Царь? Бог? Вершитель судеб? Кто ты такой?!

- Я – пастух. Вас здесь пасти. Понял, зек? Пасти и трахать, когда захочу. И как захочу!

«А может, убить его сейчас, прямо здесь? – мелькнуло в мозгу. – Упыря. Раскаянья не будет. Доброе дело, удобное. Только спасибо скажут. Жалко собственной жизни. Коту под хвост».

Мысль мелькнула и потерялась.

- А ты гад, полковник. Хуже любого зека. Скольким же ты душу вынул, жизнь растоптал, а? Из какого Гулага ты вылез, вертухай?

- Ничего, скоро узнаешь... пожалеешь еще... зечара... – полковник повернулся и решительно зашагал к стоявшей невдалеке служебной машине.

Мостки его выдержали, легко пружиня под центнеровым весом. Земля тоже не разверзлась, не поглотила воплощенное зло и не отправила его в преисподнюю, где ему было самое место.

«Странно, – подумал Пахарь, глядя на удаляющуюся тренированную фигуру. – У него есть дети? Наверняка. Наверно, любит. Балует. Деньги дает. С деньгами проблемы нет. А остальное? Как же они такими становятся? Или рождаются уже готовыми?».

Разговор по душам с начальником милиции произвел мрачное впечатление. Тяжкое и гнетущее. Понятно, что «этот» будет мстить. Попытается раздавить. Размазать червяка по асфальту. Спрятаться? Не выходить из дому? Сколько? Год или два? Ерунда. Плевать! Буду жить, как жил. Что мне прятаться? Я ничего плохого не сделал, не совершил. Пусть «этот» прячется. Когда-нибудь отвечать придется. Пахарь понимал, это бравада, но выбора у него не было. Во всяком случае, он его не нашел.

Морально убивало, что такое есть почти везде. Где-то нагло и цинично, где-то осмотрительно и завуалировано. Эта подлая ржа разьедала души, яд неверия отравлял жизнь. Лишал надежды на достойное нерабское существование. Отнимал веру в свои силы и самоуважение.

Июнь набирал обороты. После общения с «этим» прошла неделя, другая, третья. Эмоции поостыли. Осадок лег плотно на дно и не мутился. Пахарь был осторожен и внимателен. Даже заходя вечером в темный подъезд. Ничего экстраординарного не происходило. Можно было бы успокоиться, но Пахарь знал, что-то будет. Просто так такие беседы не заканчиваются. И «оно» не заставило себя долго ждать. В три часа ночи разбудил телефонный звонок. Звонил Захарович с причала.

- Сергеич? Виктор? Яхта горит! Все! Я побежал! - Захарович бросился тушить. Вместе с дежурным.

Пахарь стремглав рванул на причал. На ходу что-то крикнул жене.

«Вот оно, началось! Первая ласточка. Хорошо еще, что Захарович оказался ночью на причале. Что он там делает? Да какая к черту разница! Яхту твою тушит! Что делает?».

Ворота оказались закрыты. Не помня себя, Пахарь перескочил через высокую металлическую ограду. Пронесся к мосткам, к яхте. Захарович и еще кто-то, в сумраке Пахарь не разобрал, устало сидели на мостике. Судно сиротливо качалось на тихой воде, слабо подсвечиваемое далеким рассветом. Воняло гарью и жженой краской. Могло быть и хуже. Выгорела часть каюты. Паруса - это понятно. Жалко, практически новые. Мачта вроде цела. Корпус тоже. Рассветет, посмотрим. Изучим.

- Спасибо, ребята, - Пахарь присел возле Захаровича. - Ну что, отец? С меня магарыч.

- Уж это как пить дать. Вон, Петро благодари.

Пахарь согласно кивнул, Пожал руку рыбаку.

- А ты чего ночью на причале торчишь, Захарович? Дня мало?

- Витька! Ну, ты чудак! Чего торчу? Пиво мы с Петей пили вечером. Разомлел, да уснул. Чего торчу? Петро ночью посать вышел, вдруг, как полыхнет!

- Бензином плеснули. Видно на паруса попали, - выдвинул версию Пахарь.

- А то, - согласился Захарович. Он был в несколько приподнятом героическом настроении от совершенного подвига. - Мы за ведра и бегом сюда. Только позвонил.

- Корпус, вроде бы, целый. А с каютой придется повозиться. Мачта обгорела, но то ерунда. Зачистить. Опять же, красить по новой, - заключил Петро.

- В милицию заявлять будешь?

- А смысл? - Пахарь пожал плечами.

- «Этот»? - понимающе спросил Захарович.

- А разве есть другой? - Пахарь поднялся.

- И что будешь делать?

- А что делать, Захарович? Чинить буду. Что делать?

- Ясно, чинить. А с «этим»?

- А что я с ним сделаю? Ничего. Как говорится - хусим.

- Чего-чего? - не разобрал Захарович.

- Слово такое волшебное есть. Ху-сим. Понятно? – по слогам произнес заветное слово Пахарь.

- Понятно, так сразу б и сказал...

- Пошли, «спасатель Малибу», ворота откроешь. За водкой схожу.

- Какая водка в четыре утра?

- Захарович, магазины есть круглосуточные, – подержал Пахаря Петро. – Прилить не мешало б такое дело...

- Тогда идем, – директор причала заковылял по мосткам. – Дело святое.

Глава 14.

Ремонт яхты занял две недели. Поменял люк на носу. Заделал обгоревшие места надстройки на верхней палубе. Повозился с комингсом. Отверстие в палубе Пахарь в свое время обшил пластиком, теперь пришлось отдирать и счищать черную запекающуюся массу. Зашкурил опаленную мачту и гик, покрыл лаком. Металлические ванты не пострадали. А фалы и шкоты погорели вместе с парусами. С канатами-то проблем нет. Какие угодно можно набрать – капроновые, любой толщины. А вот с парусами беда. Старые, в желто-бурых пятнах от долгого лежания в гараже, вряд ли удастся восстановить. Нитки на швах погнили, и куски расплзались даже при незначительном усилии. Реставрировать рухлядь не имело резона.

Позвонил Сергею. Обрисовал ситуацию, не вдаваясь в подробности. Сын расстроился, но пообещал помочь. Через пару дней перезвонил. Сказал, что договорился на фирме при яхт-клубе пошить новые паруса.

- А ты узнал, сколько это будет стоить? Я вряд ли новые потяну, – Пахарь представлял примерную стоимость подобного удовольствия.

- Да, все узнал. Батя, не рви сердце. Это будет мой подарок.

- Сергей, ты эти глупости прекращай. Тоже мне, спонсор нашелся.

- А что? Могу себе позволить. Стоимость подъемная. Ткань вполне приличная.

- Какая именно? – профессионально поинтересовался Пахарь.

- Лавсан. Наш, отечественный. В смысле, российский. Предлагали дакрон, но очень дорогой. Еще кевлар показывали – это вообще. Паруса поставить, что машину купить. Недешевую. Зато легкий – просто сказка!

- Лавсан, по-моему, тоже недешевый.

- Нам из некондиции пошьют. Для гоночных яхт некондиция, а для прогулок прочности с головой хватит.

- Принимается. Спасибо, сын! – Пахарь даже расстрогался от наплыва чувств, но Сергей этого, естественно, не увидел.

- Тогда запиши, какие данные мне необходимы, – Сергей подождал, пока отец возьмет бумагу и ручку. – Готов? Длина гика, высота мачты от крепления гика, расстояние от мачты до нижнего крепления стакселя на носу, водоизмещение... это так. Наверно, все. Остальное по ходу дела.

В первых числах июля Сергей с Мариной и наследником приехали к морю на лето. Набираться здоровья и загара. Прибыли на новой машине «Мицубиси-Харизма». Остановились как всегда у матери. Три дня ушло на установку парусов. Возились вдвоем. Сын с удовольствием подгонял, закреплял, доводил. Наконец, все было закончено. Предстоял пробный выход на большую воду. После полудня натягивал легкий юго-запад. Сергей провел яхту вдоль мостков. Поднятый стаксель легко поймал ветер, и яхта свободно заскользила по воде. С научной судостроительной точки зрения яхта Пахаря представляла собой удачный гибрид небольшой килевой яхты и мелкосидящего швертбота с плоским выдвигаемым килем – швертом.

- Опустить шверт! – Пахарь сидел на корме. Рулил.

- Есть, капитан! – Сергей с удовольствием выполнял команды.

- Вира грот!

- Есть, вира грот! – сын начал выбирать фал. Парус заполоскало на ветру. Пахарь полностью отпустил шкот гика. Подождал, когда Сергей до конца поднимет основной парус, и принялся выбирать, натягивать шкот. Парус объемно наполнился. Яхта бегло увеличила ход, слегка накренившись под ветром.

- Ну, как? – сын победно смотрел на белоснежные ветрила.

- Класс! – отец утвердительно покачал головой. – Ничего себе, некондиция!

- У тебя теперь не просто грот, а «грот бермудский».

- Бермудский треугольник?

- Нет, пап, это фасон такой. Козырный. А «пузо» какое! А? – Сергей имел в виду особый крой паруса, когда посредине паруса создается гуля – некое подобие пузыря. Лучше держит ветер.

- Не великовато «пузо»?

- В самый раз. Ну что? Бог любит троицу. Запускаем спинакер! – сын взялся ставить третий дополнительный

ный парус. Выбрал фал. Закрепил на носу нижние канаты. Спинакер упрямо хлопотал на ветру, проявляя норов. Сергей провозился минут десять, попустил фал, несколько раз перехватывал внизу, пока, наконец, полотнище не надулось вытянутой полусферой. Яхта еще добавила ход.

Пахарь никогда не ставил спинакер. Для местных яхтсменов в том не было необходимости. Это для гонок, понятное дело. А так, только возни больше. Понты для приезжих. Баловство. Погорячился сынуля. Но моряцкое сердце радовалось. Красота! Вверху впереди носа блестяла сочная упругая желто-голубая полусфера. Гигантская чашечка купальника влекла яхту за собой. Вперед!

- Решил под государственный флаг? – спросил сына. Лучше бы все паруса были одинаковые. Белые. Как обычно.

- Нет. Просто в тот момент на спинакер только такая ткань была. Парашютная. Тоньше, чем лавсан. Из куполов шьют. Тебе не нравится?

- Почему, не нравится? Очень даже нравится. Ще нэ вмэрла Украина!

Сергей много времени проводил на яхте. Марина бывала реже. Когда мать сидела с малышом. В. С. – младшему еще не было года, ему вполне хватало чистого воздуха, солнца и домашних морских ванн, где он хлюпался долго и с удовольствием. Жена начала стройнеть и возвращаться в исходную форму без специального тренинга, хотя спорт и нянька остались в планах на осень.

Как-то позвонила Татьяна. На экране мобильного высветился незнакомый номер с непонятными первыми цифрами кода. Оказалось – она.

- Алло!

- Привет, Сереженька. Это я.

- Привет! – Сергей узнал Татьяну. – У тебя телефон новый?

- Да, новый. Старый здесь не берет.

- Где здесь? – не понял Сергей.

- Мы в Европе. Я из Хорватии тебе звоню, сладкий ты мой.

- Ого! И что вы там делаете? – задал глупый вопрос «сладкий».

- Отдыхаем. Загораем, в море купаемся. Адриатическом. Развлекаемся. В ночные клубы ходим.

- Дома не надоели ночные клубы?

- Дома надоели. А здесь нравится. Публика интересная, иностранцев много, особенно немцев. А в остальном все примерно то же самое.

- Понятно. А... живете где?

- В пансионате, забыла, как он у них называется, в домике отдельном. А сейчас мы в Дубровнике.

- Где-где? – не разобрал Сергей.

- В Дубровнике на экскурсии. Город такой средневековый. Красивый. Слышал?

- Вроде слышал... Там же война была, в Хорватии, в Югославии?

- Говорят, была. Но так ничего не видно. Поштукатурили. Пару раз показывали разрушенные дома, когда на автобусе ехали. А в целом нормально. Ты-то как отдыхаешь, ласковый?

- Да, ничего. На яхте с отцом. За...

- Все. Пока. Светка с Игорем идут! – не дожидаясь ответа, Татьяна отключилась.

Отношения с Татьяной не утомляли Сергея. Все у нее получалось легко, по-деловому, без телячьих нежностей и сюсюканья. Ощущался внутренний дискомфорт перед «И. Б.». С дискомфортом он справлялся самостоятельно.

Сегодня отправились на яхту пораньше. Навели шмон и марафет. С восьми утра будут прогуливать иностранцев. Две семейные пары. Кажется, шведы. Позавчера на причал приходила Вика из турбюро. Договорилась с ними. Капиталисты платят двести евро, но полтинник Вика забирает себе. С их доли. С туристов собьет отдельно. Девушка зубастая, крученная. С другой стороны, и такая сумма в новомодных, разноцветных бумажках на дороге не валяется. Пахарь такому приработку был очень даже рад. Освежили содержание трюмного бара. Капиталисты тоже пьют водку. Не хуже рабочего класса. Это у себя дома они экономно цедят сквозь зубы, по два часа нюхают несчастную рюмочку, а у нас отрываются, будь здоров!

В восемь пятнадцать на турбюровском «бусике» Вика доставила международных гостей на причал прямо к мостику. Объяснила, что в семнадцать часов она их заберет, а до того – кататься, купаться, развлекаться. Переговорила с иностранцами. Представила им экипаж в составе Пахаря и Сергея. Экипажу – заслуженных скандинавских пенсионеров. И укатила по неотложным туристским делам. Сезон перевалил через экватор, надо успеть «срубить капусту» – запастись на зиму.

- Капитан! – Пахарь протянул руку.

- ! Yes! Captain. Cap. kay! –сократили шведы Пахаря до «кэпа».

Сергей назвался для простоты юнгой.

- ! Young! kay! – юнга стал Янгом. Шведы общались с аборигенами на английском, между собой тараторили по-своему, очевидно, по-шведски. Действительно, с какой стати им говорить на суахили?

Две бабушки были похожи как молочные сестры. В темных очках, одинаковых шляпках, сходных рубашках навывпуск, хэбэшных бриджах песочного цвета. Одну звали Ума или Урма. Решили, что Ума. Вторую Хэлен.

- I have a sister. Her name is Helen, – блеснул знаниями на уровне второго класса Сергей, то бишь Янг.

- ! Good! Very good! – искренне обрадовались совпадению иностранцы.

Высокого старичка в бейсболке с длиннющим козырьком звали Улаф. Второго, пониже ростом, в пробковом «плантаторском» шлеме – Берни. Вообще-то, он называл длинное неудобоваримое имя, Бьерн-герн-херн-тр-прдыр, но сократили до первых пяти букв.

Скандинавские пенсионеры отдыхали размеренно и безмятежно, без славянского надрыва. Натирались кремами, загорали, купались на конце, веревке, которую Пахарь спускал в воду, максимально сбрасывая ход, и на «банке», традиционной остановке маршрута. Фотографировались и снимались на камеру. На «банке» им понравилось больше всего. Они бродили по меляку по грудь в воде, нащупывая ногами ракушки. Радовались как дети, когда находили. Сергей пытался узнать, что они еще хотят, может, перейти на косу? Вряд ли они поняли. Все и так было «гуд», «окей» и «don't worry».

В полдень шведы достали из сумок прозрачные пластиковые коробочки, пакетики, термос с кофе. Пахарь застелил на верхней палубе клеенку.

- kay! Thank you, captain!

Пахарь глядел на эту «комедию» и ему становилось смешно. Маленькие кусочки хлеба, фасованные ломтики сыра и ветчины в вакуумной упаковке. Прозрачные коробочки с джемом. Пластмассовые ножички, вилочки. Все такое игрушечное, микроскопическое.

- Сергей, я не могу смотреть на этот детский сад. Это издевательство над собою.

- Папа, люди так привыкли. Считают – нормально. У них свои обычаи.

- Спроси, может, хоть пиво будут?

Сергей выяснил отношение компании к пиву, то есть к «бир».

- No, no! nly coca-cola. nly coca-cola! – при этом высокий взялся за голову и показал, как она у него болит.

- Last night was too bad... – пояснил второй.

- Worst! – добавила Ума или Хэлен, и вся компания дружно рассмеялась.

Женщины, однако, против «бир» не возражали и с удовольствием потягивали освежающую ячменную жидкость из баночек, которые Янг оперативно доставил из самодельного пенопластового холодильника.

Сергей объяснил отцу, что, очевидно, вчера шведы хорошо приложились.

- Да понятно и так, – по жестам сделал вывод Пахарь. – Пора ж и опохмелиться. Объясни викингам. Сергей объяснил, как мог. Что, собственно, объяснять? Водка, она и в Африке водка.

- No, no! nly coca-cola! – отрицательно покачал головой Улаф.

- Ullu! Maybe a little? – «плантатор» Берни засомневался, показывая компаньону минимальный просвет между большим и указательным пальцами.

- nly, only coca-cola... after vodka... – Улаф не проявил нордическую твердость и стремительно капитулировал.

Из холодильника быстро появилась покрытая испариной бутылка, затем вторая. Миниатюрные закуски, исчезнув в пищеварительных трактах, уступили место бородинскому хлебу, чесночному салу с доброй прослойкой, копченой колбасе, луковице, нарезанной непривередливо, на четыре части. Холодные скандинавские леди не отставали от мужей, перейдя с пива на беленькую. Все веселились и хохотали, похлопывали друг друга по спине.

- Сергей, как будет «мир»? – Пахарь захотел сказать тост.

- «Пис», кажется.

- За пис во всем писе, что ли?

- Или пису пис, если хочешь, – Сергей засмеялся. – Let's drink!

- Короче, за здоровье! – Пахарь поднял рюмку. – Дринкаем!

- kay! Prosit! – дружно поддержали «Тре Крунур».

Двинулись назад. Сергей поставил яркий желто-голубой спинакер. Понтанулся.

- ! Swedish colours! – показал на парус Берни.

- Да! Наш украинский флаг, – согласился Пахарь. – Еще от Рюрика.

- Roarih! He's the greatest! The best! Good! – Улаф утвердительно покачал головой. Никто, собственно, и не возражал.

Выпили за варягов и славян, за Рюрика и весь род Рюриковичей. За Петра Первого и Карла Двенадцатого. Повезло вам, блин, что начистили шведскую тыкву под Полтавой. А то гляди, варяги, такую б машину на себе тащили!

К причалу подошли, распевая все вместе футбольный гимн – «оле, оле, оле, оле!», дальше Пахарь и Сергей слов не знали, и миролюбивые потомки неукротимых разбойников и завоевателей пели сами.

Глава 15.

В начале августа на две недели приезжали дочь и внучка. Семейно выходили на яхте в море. Сергей хвастался парусами. Опять мучился со спинакером. Елена поведала, что навестила в мае мужа. Отыскала его в каком-то глухоманном сибирском монастыре. Все бросил. Живет интенсивной духовной жизнью. Молится. Вкалывает на обитель от рассвета до заката. Детали Лена опустила.

- Это серьезный случай, – сделал вывод брат.

- Не серьезный, а тяжелый, – поправил отец. – И что собираешься делать?

- Ничего. Все что могла, уже сделала. Зачеркнуть – и все.

- Ну, это вряд ли удастся! – брат запел. – «Зачеркнуть бы всю жизнь, да сначала начать. Полететь к ненаглядной голубке своей. Что хранил, потерял...».

- Сергей, прекрати! – Пахарь оборвал сына. – Нашел повод для шуток.

- А чего? Ленка, давай мы тебя замуж выдадим? За депутата какого-нибудь, а? «И. Б.» их пачками в клуб таскает.

- Кто-кто? – не поняла Лена.

- Шеф. Игорь Борисович. Сокращенно – «И. Б.». А ты что подумала?

- Дурак!

- Сколько тебе? Тридцать восемь? Выглядишь вполне... аппетитно. Как живая... почти, – не унимался Сергей. Тридцать восемь, как Татьяне.

- Депутаты все женатые. И вообще, отстань! – Лена легла на палубу загорать. – Ты в своем клубе явно деградируешь.

- А мы разведем, – не обращал внимания на шпильки брат. – Вон в Германии Герхард Шредер четвертый раз уже женился. Отец нации.

- Дядя Сережа, оставьте маму в покое! – не выдержала Алиса, ей эта тема была неприятна. – У себя дома разбирайтесь!

- Вот так! Получил? – дед обнял внуку. – С такой защитой Ленка не пропадет.

В конце августа с прицелом на сентябрь прибыли ленинградцы из Санкт-Петербурга. Нонна Ивановна и Юлий Георгиевич. Нонна доводилась Людмиле, первой жене Пахаря, двоюродной сестрой. Когда училась в Ленинградском университете, познакомилась и вышла замуж за коренного ленинградца Юлия. Всю жизнь тот был весьма законспирированным человеком, что касалось работы. Делал нечто для подводных лодок, сочинял на предмет сего диссертации, изобретения. Данная тема для разговоров была закрыта. В остальном Юлий был человеком довольно общительным, разносторонним и компанейским. Прекрасно играл в шахматы, каждый год участвовал в городских чемпионатах, не добиваясь, впрочем, высоких спортивных результатов. Много и постоянно читал, преимущественно философское, историческое, мемуары. В свободное время бродил с рюкзаком по лесам, собирая ягоды и грибы. Из ягод делал изумительные наливки. С удовольствием мог «тяпнуть» под настроение. И не обязательно собственного изготовления. Внешне напоминал красного дипломата Чичерина – тоже с усами и бородкой, в очках. Но лицо круглее и добрее, чем у «ленинского гвардейца».

Бывшие ленинградцы, а ныне петербуржцы, наведывались в городок нечасто, с перерывом в пять-шесть лет. Раньше, когда дети были маленькие, отдыхали каждое лето. Оздоровливали хилых дочерей – выгревали северные бронхиты. Дети давно уже выросли, разлетелись, кто куда. И вообще все изменилось. Разные государства, границы, таможни. Разные деньги. И Юлий, и Нонна были уже на пенсии. В городок прибыли с двумя внуками-погодками десяти и одиннадцати лет. Шоколадно-молочными мулатками. Младшая дочь была замужем за летчиком-кубинцем. Кубинцы бывают разные. У зятя Юлия и Нонны в наследственности преобладали африканские гены. Какой уж попался. Муж-летчик и дочь оформляли политическое убежище в Канаде, и на время сбросили плоды интернациональной любви бабушке и дедушке. Остановились у Людмилы. Наполнили опустевший дом детским англо-испанно-русским гомоном.

Лето, начавшись с запозданием, в сентябре не спешило сдавать права. Ласкало нежным теплом природу и многочисленных отдыхающих, неотъемлемой частью этой самой природы являющихся. На сегодня турбюро в лице реактивной Вики подбросило Пахарю клиентов. Пять человек. На девять тридцать, сразу после завтрака в доме

отдыха. Отечественный туристский контингент, в отличие от долларового или евро-клиента, должен был прибыть на своих двоих. «Одиннадцатым маршрутом». Накануне вечером на причале слегка «посидели» по душам с Юлием. За встречу. Пахарь пригласил его на яхту. Не помешает. Где пять там и шесть. Юлия Георгиевича устраивала любая программа, лишь бы не томиться дома. Моторные малышки утомляли несоответствием биоритмов и взрывной энергетики размеренному внутреннему спокойствию и возрастной созерцательности. Пахарь появился на причале в пять минут десятого. Дисциплинированный муж двоюродной сестры его первой жены уже ждал.

- Привет! Юлий, сколько помню тебя, ты всегда с рюкзачком.

- Доброе утро! – Юлий Георгиевич приветливо ответил на рукопожатие. – Привычка, Витя. И удобно – руки свободны.

- Понятно. Свободные руки, это хорошо, – Пахарь расчехлил яхту. – Как после вчерашнего, голова не болит?

- Нет, все нормально. У меня дома настоечка есть мятная для такого случая. Славно помогает.

- Георгиевич, может, по маленькой? За утреннюю звезду? – пустое ожидание тяготило Пахаря. Яхта колыхалась на мелкой волне с полной выкладкой.

- Витя, ну что ты? Прямо с утра. Весь день на солнце потом, – Юлий Георгиевич не разделял столь раннего энтузиазма отдаленного родственника.

- Может, тогда по пивку? Прохладненькому? – Пахарь не терял надежды. Одному пить не хотелось.

- Спасибо, Витя. Я пиво вообще не употребляю. Печень не пропускает, я и не усугубляю.

«Что значит, печень не пропускает? Кто ее, эту печень, спрашивает? Вообще, где она? Кажется справа».

Пахарь пощупал под ребрами справа. Слева. Ничего не нашел. Одинаково. Бог с ней.

- Что-то задерживаются туристы... – он посмотрел на часы. – Без пятнадцати десять уже.

- Кстати, Витя, я наливку взял брусничную. Ты всегда любил, – Юлий Георгиевич намекнул на рюкзачок.

- Вот! А я уже думал, человек потерял для общества, – воодушевился Пахарь. Достал из каюты стаканы.

- Прямо, потерял! Ты, Виктор, не преувеличивай мою общественную значимость, – Юлий Георгиевич выудил из рюкзака прямоугольную стеклянную бутылку с закручивающейся пробкой. Разлил по стаканам вязкую темно-малиновую жидкость.

- Почему в стеклянной? – поинтересовался Пахарь.
– Лишний вес. Проще в пластиковой.

- Из пластика фенолы, формальдегиды, короче, всякая гадость выделяется, – не ударяясь детально в органическую химию, пояснил Юлий Георгиевич. – Мало того, что вредно, еще и органолептические свойства напитка ухудшаются.

- Какие свойства?

- Вкусовые...

- Давай, теоретик. Прогдегустируем свойства. Ваше здоровье! – Пахарь поднял стакан.

- Прозит!

- Про что? – не разобрал Пахарь. По-соседству как раз завели лодочный мотор.

- Прозит. Проз ит. За это. Сокращение от латинского – «пью за ваше здоровье».

Наливку положено пить не спеша. Смаковать. Пахарь и Георгиевич так и делали.

- Приятный компотик, – Пахарь дегустировал последние капли. – Повторим?

- Насчет компотика, Витя, я сомневаюсь. Все-таки двадцать восемь градусов.

- Откуда такая точность?

- По спиртометру. Строго по рецепту, – Юлий Георгиевич тоже опустошил свой стакан.

- А рецепт чей?

- Мой собственный. Путем многолетнего эксперимента.

- Приятный эксперимент, – заключил Пахарь. – И вот это слово мне понравилось – «многолетний».

Продолжение дегустации нарушила явившаяся компания. Пять человек, как и было договорено. Двое мужчин и три женщины. Все примерно одного возраста – за шестьдесят и более. Но вполне транспортабельные. Добавить к ним Юлия, прямо «пензионерский заплыв» получается. Яхта престарелых. Призраков времени. Короче, «летучий голландец». Пока отходили, небо подернуло тонкой дымкой. Посвежело. Купаться решились не все. Бодро метнул себя в зеленую воду жизнерадостный идеальный лысый толстяк – Анатолий Иванович, потомственный горняк. Его супруга, Галина Федоровна, не разделяла мужнин задор. Зато поддержала Ульяна Михайловна, дебелая, не без кокетства, хотя и в возрасте, бывшая украинская красавица. Ее муж, Богдан Николаевич, мужчина средней комплекции, белый как лунь, остался на яхте. Также к купальщикам присоединилась Оксана Филипповна, бабушка без дедушки.

После купания на «конце», не напрягаясь, добрались до «банки». Попытались, было ловить бычков, но клев, вернее его отсутствие, свернул рыбалку на нет. На «нывэць». Юлий Георгиевич и Богдан Николаевич сыграли пару партий в шахматы. У обоих интерес к интеллектуальному состязанию быстро угас ввиду явного преимущества северной столицы, города на Неве. В конечном итоге все свелось к обязательным, раз уж вышли в море, купаниям. Вялым, без летнего азарта. И перманентному перекусыванию, размеренному и неторопливому, естественно, под водочку. Причем, славянские женщины, как было подмечено еще поэтом, не уступали сильному полу. Вообще, компания не налегала на еду и питье. Главным было общение, беседа, плавно текущая, меняющая направление произвольно, случайно зацепившись за слово или мысль, ни к чему участников не обязывающая, тем и приятная.

- Богдан Николаевич, отбился от коллектива! – Анатолий Иванович разлил по разовым стаканчикам водку.

- Иду-иду! Уже... – Богдан Николаевич заканчивал выгираться махровым полотенцем.

- На корабле должна быть железная дисциплина. Как в армии. Я правильно говорю, капитан? – Анатолий Иванович обратился к Пахарю.

- Несомненно, дисциплина юбер аллес, – подтвердил капитан. – А вы военный?

- Нет, я горный инженер. Но служил в свое время.

- Каждый день службу вспоминает, как в зеркало смотрится, – супруга, Галина Федоровна пошлепала мужа по круглой лысой голове.

- Это в каком смысле? – присоединился к компании освежившийся Богдан Николаевич.

- В армию жена провожала с шевелурой, а вернулся через три года вот такой, – Галина Федоровна на этот раз ласково погладила совершенную «нулевую» прическу мужа.

- Любовь оказалась сильнее радиации, – сделал вывод пострадавший от активных изотопов супруг.

- А вообще... на здоровье, извините, очевидно, тоже как-то отразилось? Радиация все-таки... – замялась Оксана Филипповна, бывший преподаватель математики в вузе.

- Удивительно, что никак! – поспешила заверить Галина Федоровна. – Он у меня всю жизнь здоровый, как бычок. И вообще – все в порядке. И в этом деле...

- Да, сразу после свадьбы сына забарабанили! Потом дочку, – пояснил Анатолий Иванович. – Вообще-то, лет пять-шесть усталость была. Утомлялся быстро. Потел. Но с годами прошло. Выветрилось.

- Винцом вымылось, – уточнила супруга.

- Ну, мать, не без того. И не без этого, – Анатолий Николаевич поднял стакан. – За здоровье присутствующих!

Возражений не поступило. Актуальность тоста каждый чувствовал на себе. С годами все больше и больше. Здоровья много не бывает. Дружно по команде выпили. Зажевали колбасно-овощной нарезкой. Сальцем. Сочным болгарским перцем.

- Вы, наверно, в ракетных частях служили, Анатолий Иванович? – поинтересовался, загрызая лучком, Богдан Николаевич.

- Служил в пехоте. Вряд ли тогда ракетные части были. В пятьдесят четвертом, я как раз сержанта получил, участвовали в учениях где-то в Оренбургской области. В сентябре...

- Я слышал об этих учениях, – Юлий Георгиевич держал на вилке обвисший кусочек сала. Отвлекся. Не закусил за разговором. – «Прорыв обороны противника с применением ядерного оружия». Кажется, так назывались?

- Нам названия не докладывали, – Анатолий Иванович пожал плечами.

- На Тоцком полигоне? – спросил Юлий Георгиевич.

- Да... кажется так, Тоцк... – задумался, облученный по молодости горняк.

- А почему применялось ядерное оружие? – немало удивилась Ульяна Михайловна. – Ведь испытания давно запрещены.

- «Давно» это потом произошло. В начале шестидесятых запретили наземные взрывы и в атмосфере, а позднее уже и подземные, – Юлий Георгиевич по роду своей деятельности и вследствие любознательности владел информацией. – А тогда взрывали и не церемонились. Под Семипалатинском, на Новой Земле. Ковали атомный щит. Или меч.

- Подождите, Анатолий Иванович, вы что, участвовали в испытаниях атомной бомбы? – Ульяна Михайловна никак не могла сложить мозаику в картину.

- Можно и так сказать. Участвовал. Как подопытный, – бывший пехотинец, сержант Советской Армии, снова разлил по кругу. – Заряд жажнули, огненный шар прошел и «в атаку! танки! пехота! за Родину! вперед-е-ед!».

- Куда вперед? – Ульяна Михайловна закрыла рот ладонью.

- Куда-куда? Именно туда, – доходчиво объяснил жене Богдан Николаевич.

- Извините, Анатолий Иванович, а взрыв наземный был? – спросил Юлий Георгиевич.

- Нет. В воздухе взорвали. Как потом говорили, на отметке пятьсот метров. Зрелище, конечно... все обуглено, трубы металлические оплавлены, камни тоже. Жуть!

- «Ярче ста тысяч солнц. Я стану Смертью! Истребителем миров!», – процитировал древнюю восточную поэму Юлий Георгиевич. – Это Опленгеймер произнес, когда впервые ядерный шар увидел в Неваде. Вспомнил индийский эпос.

- А как же люди, солдаты, мальчики... – на добрейшую Ульяну Михайловну рассказ подопытного сержанта произвел тягостное впечатление.

- Ульяна Михайловна, кто о людях тогда думал? – Анатолий Иванович провел ладонью по блестящей лысине. – Подписку на двадцать пять лет дал. О неразглашении государственной и военной тайны. Никому – ни родным, ни близким. Вот и вся забота.

- Народ – материал истории. Где его убудет, в другом месте добавится. И не надо его, народ, жалеть. Кажется, так Вождь народов вещал? – Юлий Георгиевич на этот раз процитировал слова незабвенного Иосифа Виссарионовича.

- Какой ужас! – Ульяна Михайловна с опаской смотрела на опаленную радиоактивным ветром лысину, очевидное и абсолютно вероятное свидетельство титанической борьбы двух систем. – Боже мой! Какое зло...

- Это спорный вопрос, что есть зло... – осторожно заметил Юлий Георгиевич.

- Почему спорный? – восстала Оксана Филипповна. – Вопрос самоочевидный. Давайте определимся.

- Давайте, я не возражаю, – Юлий Георгиевич пожал плечами. – Но полагаю, это будет непросто.

- Примем за основу тезис. Добро – все, что способствует жизни. Зло – наоборот, что жизни не способствует, – предложила Оксана Филипповна.

- А если еще налить, это добро или зло? – Пахарь поднял из трюма бутылку. Протянул Анатолию Ивановичу.

- Зло – не выпить, если есть такая возможность! – горняк ловко скрутил пробку.

- Уважаемая Оксана Филипповна, если вернуться к нашему вопросу, – Юлий Георгиевич, не глядя, подставил свой стакан разливающему. – Так вот. С точки зрения людей пострадавших, это безусловное зло. Вопрос ясен. Но благодаря этому злу, я вообще об испытаниях, мы дос-

тигли паритета с Америкой. Предотвратили третью мировую войну. Сколько было планов уничтожения СССР? Всех крупных городов. Стереть с лица земли предполагалось. А в конечном итоге мы с вами качаемся на волнах, наслаждаемся природой и, хотя бы тем, что в стаканах. Все относительно. Две стороны одной медали.

- Юлий, извини, я тебя прерву. За взаимопонимание! – Пахарю надоело держать стакан. Все согласованно выпили. Ведь взаимопонимание крайне важно. Как между индивидуумами, так и между народами. Все беды от непонимания. Все зло.

- Закончу, – Юлию Георгиевичу зудело доформулировать. – В том понимании, как вы поставили вопрос, Оксана Филипповна, дать определение понятия добра и зла проблематично. Если не брать понятные частные случаи, как то убийство невинного, геноцид, фашизм, сталинизм...

- Извините, Юлий Георгиевич! – торопливо перебила его знаток точных наук. – Вы сказали «невинного». А кто имеет право отнять жизнь? Даже у виновного? Жизнь дает Бог. Только он вправе. Бог есть добро. Сатана, Дьявол – зло!

Все на яхте притихли, с интересом наблюдая за нарастающим идеологическим противостоянием.

- Смешно. За бутылкой водки, вот так с кондачка мы с вами решаем вопросы космического, вселенского масштаба, над которыми столетьями бьются величайшие умы. Философы, теологи... – Юлий Георгиевич сокрушенно покачал головой. – Что есть добро? Что есть зло?

- Это вам не хухры-мухры! – Анатолий Иванович снова разлил по кругу.

Пахарь положил в тарелку родственнику несколько тонких кружков копченой колбаски. Не помешают? Юлий не возражал. Оперативно, чтобы не прерывать диспут, выпили за прекрасных дам – неоспоримое добро в самом ярком проявлении. Присутствующих и отсутствующих. Женщина – что может быть на Земле добрее, красивее, интереснее? С одной стороны.

- Юлий Георгиевич, я жду, – Оксана Филипповна выпила, закусила и пребывала в приподнятом полемическом расположении духа. В полной боеготовности дать отлуп сомневающемуся рефлекслирующему оппоненту.

- Не знаю... честно говоря, не место... и нет настроения... – Юлий Георгиевич замылся, задумался, но все же продолжил. – Бог творец всего и, создав Сатану, падшего ангела – источник зла, тоже ответственен за это зло. Будучи всеведущим, он должен был предвидеть...

- Бог создал души, наделенные свободной волей. Не настолько силен Дьявол, как слаб дух человеческий. Укрепление духа... – Оксана Филипповна не успела закончить мысль.

- Юлий, давай на нос! – скомандовал капитан.

Яхта подошла к причалу. Все поднялись собираться. Грот Пахарь смайнал заранее и сейчас опускал стаксель. Перепрыгнул на мостик. Принял у Юлия носовой конец. Закрепил. Кормовой. Юлий Георгиевич пошел с компанией, продолжая с Оксаной Филипповной полемику, изначально не имеющую непротиворечивого решения. Пахарь убрался на яхте и направил свои стопы домой.

Стемнело. Машина – старая «копейка» стояла в гараже. На причал и обратно ходил пешком. Расстояние, что от гаража до дома, что от причала было одинаковое. К вечеру дымка развиднелась, и звезды ярко и четко смотрелись на небе. Большая Медведица. Он отсчитал от крайних точек ковша пять расстояний. Полярная звезда. Север. Ветер северо-восточный поднимается. Похолодает. – Слышь, мужик, закурить есть? – на перекрестке дорогу преградили две фигуры.

- Не курю, – Пахарь вытащил руки из карманов. – Бросил...

- Тогда – получай!

Пахарь едва уклонился всем корпусом и одновременно ударил напавшего ногой в колено. Подкосил. Второй широко размахнулся чем-то в руке. Пахарь резко кинулся на него. Сократил дистанцию. Успел ударить в подбородок. Снизу вверх. И толкнуть. Получил удар, но не битой, а рукой по плечу. Деревянная бита пролетела за спину, вырвалась из руки нападавшего и зацокала по асфальту. Первый медленно поднимался. Второй лежал. Пахарь быстро поднял биту. Вооружился.

- Еще встретимся, сука! – прихрамывая, неудачливый налетчик скрылся в темноте. Его подельник лежал.

Метрах в пятидесяти включились фары. Завелась и подъехала машина. Осветила. Милиция. Вот и хорошо.

- На колени! Руки за спину! – милиционер направил на него ствол.

- Ребята, да вы что?!

- Молчать! Руки за спину! Выполнять команду!

Пахарь нагнулся. Сзади на запястьях защелкнулись наручники. Ладно. Разберутся.

- Их двое было. Один убежал, – пояснил он стражам порядка.

- Выясним! – водитель убрал в кобуру пистолет. – Посмотри, что с тем?

Напарник потрогал лежащего. Тот застонал.

- «Скорую» надо по радию вызвать. Голова сильно разбита, – милиционер вытер платком с ладони кровь. – Видно, палкой хорошо саданул. Алло! Первый, первый! Я – «сокол»! «Скорую» на перекресток Черноморской и Шевченко пришлите. Да. Рядом здесь. Нападение. Есть потерпевший. Да. Задержали на месте.

- Это он напал. Они. А я палкой не бил. Кулаком только. Может, когда падал, ударился?

- Разберемся. Кто на кого напал. А ну дыхни? Еще и пьяный!

- Да какой я пьяный, ребята?! Вы что, с ума сошли?

- Мы с ума не сошли. И не «ребята» мы тебе. Нашелся тут... пацан. Биту осторожно бери! – скомандовал водитель, очевидно старший. – Отпечатки не затри.

Подъехала «скорая помощь». Забрала «потерпевшего». Пахаря затолкнули на заднее сиденье милицейской «Самары».

- Разберемся, зечара!

Глава 16.

Сентябрь для Лены являлся торговой жнивой. High season, как говорил любимый братик. С последней декады августа продажи оживились и шли бойко. Приходилось раз в неделю мотаться на закупку. Инна дрейфовала и кайфовала где-то в Индийском океане, судя по сообщению на автоответчике. Алиса в изнеможении штурмовала уроки до полуночи и позже. До рези в глазах. Лена давно расписалась в собственном бессилии помочь дочери по математике, физике, химии. С каждым новым учебным годом добавлялись и новые неподъемные для родителей предметы. Ну, к чему вдалбывать детям всевозможные архисложности, потребные только новореформаторам педпроцесса для диссертаций? Лучше бы больше внимания уделяли литературе, языкам, спорту. А интегралы и в институтах можно изучать, кому это интересно и необходимо. Вот ей самой, к примеру, ни разу в жизни не пригодились косинусы, арктангенсы, системы уравнений, валентность, законы термодинамики. А сколько копий с родителями было сломано, пролито слез? В Америке, сама читала, вся математика в школе завершается дробями. И правильно, не пудрят подросткам понапрасну мозги. А калькулятор на что? Счастье еще, что в этом году заканчивает десятилетку. Выпускается. Все школы уже на двенадцатилетнее образование перевели. Равняемся на Запад. Уж что-что, а образование-то раньше было на солидном уровне. Сейчас бы да тех учителей! И десяти лет вполне хватало. Скоро в самый раз будет в школах детские комнаты открывать. Пришли, сдали малышей, поучились и покатили коляски домой. Уроки учить.

Эдуард занимал в жизни Лены три-четыре дня в неделю. Не целые дни, а вечера ближе к ночи, саму ночь и раннее утро. И то не всегда, учитывая его ненормированную сумасшедшую работу и частые командировки. Он мягко настаивал, что им пора жить вместе и прекратить дергаться. Лена сильно не сопротивлялась, но окончатель-

ное решение все время откладывала. То у Али была последняя четверть, потом Лена путешествовала, следом – лето, море. Эдик не смог составить им компанию – у него по графику отпуск приходился на ноябрь. В сентябре Аля втягивается в занятия. Это очень важно – выпускной год. А у Лены горячая торговая пора, реабилитация летних простоев. Дальше у Эдуарда отпуск. Поедет в какой-нибудь ведомственный санаторий или дом отдыха восстанавливать нервы, истрепавшиеся в борьбе с упорно сопротивляющейся, постреливающей преступностью. А там и видно будет. После поездки в Сибирь она душевно успокоилась, перешагнула внутреннюю черту. Исчезла «эта мучительная неизвестность».

Лена сидела на диване перед телевизором. Переключала пультом каналы, тщетно пытаясь за что-либо зацепиться. Китайские настенные часы показывали двадцать три десять. Эдик задерживался, как это нередко случалось. Алиса, сутулясь, вышла из своей комнаты. Под глазами синие круги. Присела к матери. Обняла.

- Mam, я уже не могу. Ничего не соображаю. Торможу. Наверно, в голове вместо мозгов тормозная жидкость.

- Ложись спать. Я утром тебя раньше подниму, на свежую голову дозанимаешься, – Лена поцеловала дочку в пробор волос.

Какая большая уже. Совсем взрослая. Незаметно выросла. Вроде бы вот, только-только в садик водили, в первый класс с букетом пошла, а уже школу заканчивает. Скоро – невеста. Исчез угловатый костлявый подросток. Началась трансформация утенка в лебедя. Нельзя сказать, что Аля налилась. Просто выпиравшие косточки укрылись приятными округлостями. Словно невидимый волшебник – природа, вдохнул в девочку новое содержание. Мальчики за ней бегали – провожали домой после школы, морили телефонными звонками, но дочка не страдала от детско-подростковых влюбленностей. Лена ничего такого не замечала. Дочь в свою очередь ничего особенного не рассказывала. Делиться с матерью было нечем. Изменения произошли во время поездки в Сибирь.

Вернувшись, Лена обнаружила в дочери давно назревавшие метаморфозы. Алису не травмировали сглаженные подробности нового, весьма оригинального папиного бытия. Она, конечно, привычно переживала, но симпатичная юная головка была забита другим. Дочь поведала матери, что влюбилась. Избранник сердца – Кирилл. Живет через три дома в «девятизтажке». Старше Али на два года. Заканчивает первый курс политеха.

«Тот же политех – закон парных случаев», – подумала Лена.

Он такой классный, мама! Вот увидишь! Лене, кажется, уже посчастливилось лицезреть Алиного протезе. Приходил как-то звать дочь на улицу. Такой долговязый, длинноволосый с пробором посередине? Да, это он! Ничего особенного, обычный молодой человек. Пройдешь мимо и не обратишь внимания. Не сравнить с Алиным папой в свое время. Юноша не понравился Лене. Небрежность в одежде – пузырящаяся, на два размера больше толстовка. В принципе, это ерунда. Не понравился взгляд. Прямой, оценивающий. А, может, показалось. Она и видела-то его несколько секунд. Обычная материнская ревность.

Лена серьезно поговорила с дочерью насчет отношений. Не в том смысле, что «не дай Бог!» и «низь-зя!» – словами мало что запретишь. Увещевала дочь, чтоб не теряла головы, не спешила, еще все впереди. Если парень как условие, будет ставить близость, значит, не любит. Не иди на поводу, а не дай Бог! не дай Бог, случится, чтоб обязательно предохранялись. Аля маму успокаивала, она взрослая, все уже знает, понимает. Не волнуйся, мама. Все будет хорошо. «Все будет хорошо – я это знаю!» Короче, «мама, не горюй!» Но в данный момент переживания можно отодвинуть – дочка сладко спала на своем раздвижном диване. Эдуард продолжал задерживаться. Зазвонил телефон. Поздновато. Очевидно, Эдик. Привычные «объяснялки».

- Да, я слушаю, – постаралась быть максимально холодной, индифферентной. Пусть знает, она совершенно спокойна. Как айсберг.

- Алло! Лена, ты?

- Да... это вы, Нина Григорьевна? – узнала по голосу жену отца.

- Да. Здравствуй, Леночка!

- Здравствуйте! Как дела у вас? Что-то случилось?

Отец редко звонил так поздно, а жена его, тем более. Разве что, на Новый год.

- Ой, Лена... дела у нас. Витю, то есть папу нашего закрыли. В КПЗ.

- Как?! – опешила Лена. – Кто закрыл? Почему?

- Милиция. За драку, Лен. Говорят, избил какого-то парня. Тот в больнице лежит. Такой, палкой, что играют...

- Ключкой?

- Нет. Битком...

- Битой?

- Да. Этой... битой, говорят...

- Нина Григорьевна, это же бред. Папа – и битой? Откуда у него бита?

- Леночка, я сама не понимаю. Еще говорят, пьяный он был. Медэксперт освидетельствовал. Кровь брали на анализ.

- Кто говорит?

- В милиции мне так сказали.

- Господи, да что ж это такое?! Неужели опять?! Нина Григорьевна, когда это все случилось?

- Вчера. Поздно вечером. Вот всегда – досидится на причале и затемно идет. Я сколько раз, сколько раз...

- Нина Григорьевна! – перебила теперь совсем напрасные правоучения Лена. – Вы с папой виделись уже?

- Нет, Леночка. Сказали, до предъявления обвинения никаких контактов. Это еще два дня. С адвокатом уже договорилась. Женщина молодая, но грамотная. Хвалят.

- А в больнице у парня этого были?

- Нет, Леночка. Адвокат не советует пока. У меня там медсестра знакомая работает. Так я через нее. Парень этот, знакомая говорит, ходит, курит. Дружки к нему приходили, следовательно, само собой.

- Хорошо... – Лена слушала Нину Григорьевну. Боже мой! Да что хорошего?! Где же Эдик? Когда он уже придет?

– Нина Григорьевна, вы Сереже звонили?

- Да, Леночка. Его не было, так я Марине передала. А недавно он сам перезвонил. Рассказала все.

- И что Сергей?

- Сказал, займется, – Нина Григорьевна всхлипнула, очевидно, вытирала платком слезы. – Понимаешь, Лена... ты же знаешь нашего папу?

- И что? – Лена почувствовала, сейчас будет главное. Эта странная драка не просто так им на голову свалилась.

- С новым начальником милиции папа заелся, – Нина Григорьевна понизила тон, словно это имело какое-то значение. – Отказался платить, как все. Поругался. Это он мне в сердцах проговорился. Уже потом, когда яхту подожгли.

- Так с яхтой – не просто случайность? – теперь для Лены обстоятельства прояснились. – А Сережа знал?

- Как же – знал? Вот полчаса только, как ему дожила. Ты же знаешь отца? Он у нас гордый, сам по себе. Никакой помощи ему не надо. Все сам. Вот и досамкался.

Нина Григорьевна переживала за любимого мужа, но при этом ей было обидно и досадно до слез, что отец не поделился с детьми, а главное – запретил ей. А она, дура такая! послушалась. Только сказать – дети. У дочери, вон,

в ухажерах начальник милицейский. Мог бы посодествовать. У сына тоже связи всякие. С депутатом Верховной Рады работает. Что стоило предупредить? Уже ж научен горьким опытом. Точно, что битому нейдет.

- Вы там держитесь, Нина Григорьевна! – Лена была ей признательна за отца. Вернее, преданнее жену, чем Нина Григорьевна, трудно представить. – Я с Сережей тоже свяжусь и по своим каналам попробую что-то сделать. А вы звоните, если что нужно и вообще. И я буду звонить. Хорошо?

Лена набрала Киев. Марина не спала. Сергея дома не было. Пришел, наконец, Эдик. Лена обрисовала ему ситуацию. Ситуация... черт ее побери!

Глава 17.

Накануне вечером, вернее уже ночью, Сергей никак не мог связаться с Игорем. И Татьяны в клубе не было. Домашний телефон не отвечал. Мобильники тоже. Набрал номер, оставшийся в записной книжке «Моторолы» после летнего звонка из Хорватии. Ответил сам «И. Б.». Предложил Сергею говорить быстро, так как они с Татьяной находятся на важном мероприятии. Сергей изложил суть проблемы предельно понятно и конкретно. «Менты закрыли отца. Полная подстава. Беспредел». Попросил помочь. Шеф размышлял секунд десять.

- Коротче так. С восьми часов жди меня в офисе. Могу задержаться. Ольге передашь, пусть пока оформит тебе удостоверение помощника. Ясно?

- Да, все ясно.

- К девяти буду по-любому. Кстати, откуда у тебя этот номер?

- Не помню, - Сергей лихорадочно соображал. - Из телефонной книжки. Наверно ты звонил?

- Ладно. Конец связи! - Игорь отключился.

К восьми Сергей появился в офисе. Оля выписала ему удостоверение. Осталось за малым - подписать «И. Б.», и Сергей станет важной общественной персоной - помощником народного депутата. Миловидная секретарша Олечка угостила Сергея кофе. И себя - за компанию. Заглянул на пару минут Костя, теперь Константин Николаевич, начальник отдела грузоперевозок фирмы. В костюме и белой рубашке, при галстучке. Строго. В офисе было по-деловому малоллюдно. Внешние шевеления и суета переместились в общественную приемную народного депутата.

В десятом часу появился Игорь Борисович. Прогрешел в кабинет. За ним Сергей.

- Оля! Нам два кофе и тырсы какой-нибудь насыпь - орешков, что ли? Фисташки есть?

- Да, Игорь Борисович, все есть. Сейчас, пара минут! - донесся из приемной голос безотказной и заботливой

Оли. Запас «тырсы» – любимых шефом фисташек, всегда своевременно пополнялся.

- Давай, заместитель, выкладывай подробнее, в какую халепу батя твой угодил.

Сергей обстоятельно, насколько знал, изложил суть дела. Игорь слушал и одновременно делал заметки на листке бумаги.

- Мда... замануха. Твои предложения? – шеф поднял голову от бумажки.

- Адвоката надо хорошего. На начальника областного отдела выйти...

- Туфта это все! – прервал он Сергея. Очевидно у «И. Б.» сформировался свой радикальный план действий. – Адвокаты, начальники – только время затягивать. Если такой расклад, могут и в камере прессануть так, что до суда не дотянет.

- Я тоже об этом думал. Если бы вы, Игорь Борисович, как народный депутат...

- Короче, Серый, план такой. Выезжаем ночью. К утру в вашем «урюпинске» будем. Сколько часов туда ехать?

- Я на своей за восемь доезжаю. Еще час на всякий случай накинуть.

- Значит, Федя за семь добежит.

Федя – незаменимый и любимый штатный водитель «И. Б.». Рулил он классно, но не жалел на дороге кошек. За это его все втихаря ненавидели. Кроме шефа.

- Я думал, на моей поедем, – Сергей имел в виду «Митсубиси-Харизму». Отличная тачка. Новая, скоростная, комфортабельная. Полный фарш. Ни в чем не уступает популярным европейским аналогам. Разве что, в цене. Именно этот аспект Сергея как раз и устраивал.

- Сергей, я к джипу привык. Федор хоть и бывший автогонщик, а водит хорошо, – Игорь одновременно лущил орешки. – Я на трассе спокоен, могу расслабиться.

- Согласен. Еще и лучше! – Сергею решение шефа понравилось. Другой бы возражал, но не он. Ночью не за рулем. Да и «Форд Эксплорер» внушительнее, чем хорошая, но японская машина. Не к лицу «крутым столичным перцам», а именно в этом качестве они и намеревались посетить славный приморский городок, всякие заштатные «японцы».

- В час ночи выезжаем, – продолжил Игорь. – Ориентировочно к восьми-деяти «забьем стрелку».

- А вдруг начальника на работе не будет? – предпо-

ложил Сергей. – Командировка какая-нибудь. У начальства это часто случается.

- Должен быть. Предупредят, чтоб не отлучался.

«Ого! «И. Б.» времени даром не теряет. Уровень!».

- А на месте? – поинтересовался дальнейшим планом вторжения Сергей.

- На месте сам разберусь. Покажется мало – подключим, кого следует. Вопросы есть?

- Нет. Спасибо, Игорь.

- Спасибо рано говорить. Всему свое время.

- Нет, серьезно, Игорь. Я без всякого... спасибо, так отнесся... – Сергей действительно не ожидал от шефа такой быстрой и заинтересованной реакции. Он был благодарен Игорю и испытывал неловкость за себя в связи с Татьяной. Черт, так не по-людски все получается...

- Так и отнесся. Время вернуть должок.

- Кому? – спросил некстати Сергей и вспомнил, что когда-то отец туманно говорил, что для компании Игоря что-то сделал.

- Дяде одному. Короче, Склифосовский. С Федором уточни насчет отъезда, он у входа стоит. А мне еще пару звонков сделать надо. И поработать... с документами.

- Окей! – Сергей направился к Фёде для окончательной рекогносцировки.

Уже на лестнице вспомнил, что забыл забрать удостоверение помощника. Вернулся. Дверь приемной оказалась закрытой на ключ. Понятно. Идет работа с документами. Роман с секретаршей мало для кого на фирме был секретом. Он длился у Игоря Борисовича и Ольги уже несколько лет. С момента, когда она совсем девочкой после школы попала на сию ответственную работу. Придется зайти за «ксивой» после обеда. Не забыть, позвонить Маришке, чтоб костюм приготовила.

В восемь часов сорок минут поутру модный внедорожный рыдван под названием «Форд», который «Эксплорер», то есть – «исследователь», прибыл к районному отделу внутренних дел городка и, соответственно, всего района. Прибыл исследовать сложные и порой противоречивые взаимоотношения исполнительной власти на местах с отдельными представителями электората. Игорь уже час как проснулся. Он побрился от прикуривателя электробритвой. Привел себя в презентабельный вид и отправился на встречу с визави в погонах. Вернулся почти сразу – пятиминутка. Поковырялся зубочисткой в зубах минуты три, как выбежавшая секретарша пригласила прибывшего парламентария, члена комитета парла-

мента по вопросам законодательного обеспечения правоохранительной деятельности, на прием. Через двадцать семь минут у Сергея запиликала «мобилка». Игорь Борисович вызвал его в приемную.

- Добрый день! – Сергей закрыл за собой дверь, обитую мягким дерматином. За Тэ-образным столом сидели друг напротив друга Игорь Борисович и местный начальник. На столе стояли маленькие чашки с кофе, рюмки, бутылка коньяка, тарелка с кружочками лимона, посыпанными сахаром.

- Сергей Викторович Пашутин! – с упором на фамилию представил Сергея шеф. – Мой официальный помощник-консультант, заместитель по... важным вопросам. Правая рука, можно сказать.

- Очень приятно, Николай Николаевич! – полковник поднялся навстречу Сергею с рукопожатием. Фамилию Сергей не разобрал. Что-то длинное и в конце «енко». – Присаживайтесь, пожалуйста, Сергей Викторович, к нашему очагу. Вот. А мы с Игорем Борисовичем обсуждаем, как тесен мир. Оказывается, столько общих знакомых. Просто удивительно! А, казалось бы, столица, три миллиона.

- Большая деревня! – многозначительно заключил «И. Б.».

Полковник разлил коньяк по рюмкам.

- За знакомство, Сергей Викторович! – полковник кивнул Сергею. – И, давайте, за нашу команду. Насколько я понимаю, мы с вами на одной стороне. За командную игру.

- Давайте! За команду, так за команду, – Игорь легко хлопнул рюмашку. Занюхал и закусил лимоном. Сергей выпил молча. – К слову, насчет командной игры, уважаемый Николай Николаевич, если Сергей Викторович к вам обратится, это считайте, что я.

- Что вы, Игорь Борисович, не вопрос! – Николай Николаевич улыбался ртом, щеками, бровями. Глаза в мимике участия не принимали. Смотрели на «игроков одной команды» цепко и жестко. Сверлили. Прожигали насквозь. Поиграли б вы у меня в команде, субчики! Ох, поиграли! До кровавых мозолей.

- Приятно было познакомиться. Не будем отвлекать вас от выполнения важных обязанностей, – представитель законодательной ветви власти поднялся из-за стола. Сергей и начальник милиции последовали его примеру. – Маю на увази, мы знайшли поразуминня, Мыкола Мыколаевичу.

- Вне всякого сомнения, – заверил полковник. – Передавайте большие приветы Ивану Ивановичу и Владимиру Никитичу.

Игорь Борисович без труда взялся доставить приветы важным столичным персоналиям. Пожали друг друга руки. На том и распрощались. Лет сто бы не видеться.

- Что-то жрать хочется! – Игорь забрался на переднее сиденье джипа. – Где тут в вашем Гонолулу пристойно готовят?

- Трудно сказать... – Сергей задумался. – Может, в «Феликсе»?

- Ты меня спрашиваешь? – Игорь рассмеялся. – Я тут был один раз в жизни и то – в прошлом веке.

- Тогда поехали в «Феликс». Мы с Мариной заходили летом – кухня приличная. Чебуреки вкусные. Салат из крабовых палочек с кукурузой и грибами жене особенно понравился. Интерьер – более-менее.

- Нам интерьер до одного места. Да, дядя Федор? – Игорь хлопнул водителя по бедру. Федя кивнул головой так, что было ясно – интерьер ему и на... не нужен. Как шеф скажет, так и будет.

Сергей объяснил, куда рулить. Спустя десять минут уже сидели в небольшом ресторанчике.

Разминались горячими чебуреками с холодным пивом. На подходе был хваленый салат. На шампура нанизывалась свиная мякоть вперемежку с кружками лука и дольками помидоров. В скворчащее на противне масло засыпалась картошка фри. Холестерин, канцерогены, лишние калории – ужасающий конгломерат, запиваемый старым добрым «Жигулевским» сарматского разлива, был, тем не менее, вкусен и питателен. Пальчики оближешь!

- С рогами оказался ваш начальник. Уперся, как лось сохатый и буром попер, – после первого бокала начал Игорь. – Бык. Представляешь?! Говорит, у меня разговор на диктофон пишется. Сейчас вас за коррупционные действия арестуем.

- И что ты ему сказал?

- Говорю, ты кого собрался арестовывать, дядя? Народного депутата? Да мне пое...ть твой диктофон. У меня тоже, говорю, все пишется. И отворачиваю лацкан пиджака. Типа жучок.

- И он обломался? – Сергей не ожидал, что путь к консенсусу окажется настолько тернист.

- Ты знаешь, не сразу. Огрызается. Говорит, а мне тоже пое...ть, что ты там пишешь, зек. Я, говорит, тебя насквозь вижу. По тебе зона плачет.

- Ни себе кого! Борзый! Точно – лось бешеный.

- Лосяра еще тот! Говорю, давай, чтоб не пылить зря, поговоришь с одним столичным человеком. Ноль эмоций. Говорит, у меня там свои люди есть. Можешь сам хоть до ночи с ними разговаривать, пока не надоест.

- Слушай, Игорь, действительно – крепкий орешек этот мент.

- Короче, я закрываю мобилку и поднимаюсь. Говорю этому Брюсу Виллису местному, базару нема, не хотите говорить с Владимиром Никитичем – ваше конституционное право. На нет и сюда нет, и туда нет. Только через пять минут вам Владимир Никитич сам позвонит. Что он вам скажет, мы оба знаем. Я еще мясо буду из зубов выковыривать, а ты уже будешь дела сдавать. Внутренняя безопасность поинтересуется, что там в папочке на тебя лежит? Что-то многовато обращений на тебя, шериф, от добросовестных налогоплательщиков? И за что это мы в тебя такие влюбленные? Сквозь пальцы смотрим? Самое время тебя в другой кабинет переводить на кичу. Показываю на пальцах небо в клеточку и иду к двери.

- Ну, ты придавил конкретно! – на Сергея произвела впечатление суровая хватка шефа. Питбуль.

- Так опыт какой – по ушам ездить? – Игорь скорее имел в виду «стрелки» и «разборки» времен романтического бандитизма, чем предвыборную риторику и способность понятно выразить мысли в сессионном зале. А может, то и другое вместе.

- Ты до двери-то дошел?

- Не совсем. Ладно, говорит, набери. Я, говорит, Владимира Никитича очень уважаю. Ну, я набрал. Поздоровался. Извинился, что отвлекаю. Объяснил, где и с кем нахожусь. Дал трубку вашему полковнику.

- И как он с Владимиром Никитичем разговаривал?

- Да никак. Покраснел. Афиша у него перекосилась. Жара пошла. Пот платочком вытирает. Приседает на месте – «есть! сделаем! будет исполнено!». Вот и весь разговор. Потом секретаршу позвал, коньяк появился, кофе. Приказал принести протокол задержания, следователя вызвать.

- Принесли? И что там, в протоколе?

- А на... они мне нужны! И протокол, и следователь. Так ему и сказал. Ты, говорю, уяснил задачу? Вот и выполняй. С высоко поднятой головой. И тебя позвал.

- Вот, не подумал бы, что так все... А как же «будьте любезны», «приятно познакомиться», «приветы»?

- Ша! Мы же интеллигентные люди! Шоб я так жил, как вы прибедняетесь!

Рассмеялись. Завершив плотный завтрак, «И. Б.» отбыл в столицу. Сергей, как полномочный представитель, остался проконтролировать ситуацию, лично убедиться в скоро ожидаемом хэппи-энде. Прощаясь, благодарил Игоря.

- Бате привет передавай, заместитель.

- Обязательно! – Сергей тряс крупную мясистую ладошку шефа.

- Кстати, вспомнил насчет номера мобильного, – уже из отъезжающей машины сказал Игорь. – Я не звонил тебе, Серый!

Глава 18.

Благодаря вмешательству Сергея, вернее его шефа, как поняла Лена, кризисная ситуация с отцом благополучно разрешилась. Уже через два дня вечером они звонили ей домой. Оба подшофе, отмечали счастливое освобождение. Папа хорохорился, но чувствовалось, что мандраж он поймал, и немалый. Сергей бравировал, отражаясь в лучах нардеповской славы. Рассказал, хоть отец и кричал за кадром «прекрати», что в камере папа тоже успел отметить. Подрался с местным уркой за собственную куртку. Брат радовался сочиненному каламбуру. КПЗ-ешному хулигану приглянулась старая отцовская «кожанка». Пришлось в рукопашную отстаивать личное имущество. Когда покидал «заведение», пожертвовал порванную куртку уже бывшим сокамерникам. А ему на память остался синяк под левым глазом. Нина Григорьевна, было слышно в трубку, суежилась вокруг мужчин. Обхаживала чудесно спасенного и спасителя-победоносца. Лена тоже была счастлива, что беда так фантастически быстро миновала.

История с отцом показала ей зыбкость нашего бытия. В один миг мир может опрокинуться по чьей-либо злой воле или в силу обстоятельств. Когда смотришь соответствующие телепередачи, читаешь газеты, слушаешь скупые замечания Эдуарда, кажется, все это далеко, в другой сфере и с тобой или близкими произойти не может. Легко забываются свои не столь давние злоключения. Не хочется думать, что это и есть наша жизнь, стоит только переступить порог. А зачастую и переступать не нужно – сама ломится в закрытую дверь. Вспомнился «звериный оскал империализма» – замусоленный пропагандистский штамп давней «совейской» эпохи. Точно что, «звериный оскал». Подходит. Только вот чего? Или кого? Вернее – чей. Почему столько жестокости и насилия в мире? Разве так все было задумано? Ведь нелюди не приходят из ниоткуда. Вырастают из маленьких детей. Смешных, беспомощных. Сосут материнскую грудь, прыгают в кроватках, первые шаги делают в ползунках, ходят в школу, служат в армии. Казалось бы, даны заповеди простые, понятные, веч-

ные. Не убий, не укради... Живите и радуйтесь. Не получаете. Ни сейчас, ни сто, ни тысячу, ни сто тысяч лет назад. Почему человек так устроен? Стало быть, устроен неправильно, не по образу и подобию. Тогда отчего устроен неправильно? И в чем высший промысел людского бытия? Плодиться и размножаться? Отчего Создатель не повернет всемирный рычаг, и станут все люди правильными, добрыми и хорошими. Исчезнут войны, голод, несправедливость, все зло. Зачем такой сложный путь к совершенству? И тем ли путем мы идем?

Раньше Лена не задумывалась особенно над подобными вопросами. Жила себе естественно и не забивала голову вселенскими проблемами. Пример Стаса, собственного мужа, посеял в душе сомнения. В своей жизненной правоте она была уверена. Сомнения имелись в другом. Если Стас так поступает, а мужа Лена всегда считала гораздо более умным, знающим человеком, чем она, возможно в том тоже есть какая-то правда, тайный смысл, для нее закрытый и непонятный. Что-то ж его толкает? И ведь не один он такой. Взять хотя бы послушника, паренька, что провожал ее на монастырское подворье. Он в такой жизни своей тоже видит неуловимый для нее смысл. Ему-то, от каких жизненных негораздов бежать? Он и жизнь-то еще не пробовал. Ее сомнения и размышления свидетельствовали еще и о том, что ниточки не так просто рвутся. Одни рвутся, другие – тонкие, незаметно завязываются. И сложно это – зачеркнуть и напрочь забыть кусок собственной жизни. Все равно в памяти что-то остается. Случайные слова цепляют душу. Бередят. Организм, понятно, борется с внешними нагрузками, физическими, а в наше время, в основном, с моральными. Старается ограничить вредное воздействие среды, включает свои защитные компенсаторные механизмы. Мобилизуется при опасности. Отключается, когда зашкаливает. У кого-то стресс гасится неумеренной едой, а чаще – стаканом. Лена относилась к многочисленному отряду индивидуумов, прибежищем которых был сон. Здоровый, спокойный или беспокойный, умиротворяющий сон.

Порадовавшись за отца и всю семью, что они такие дружные и отзывчивые, поразмышляв в душе о сложностях бытия вообще и своем собственном в частности, она незаметно уснула. Не слышала, как Алиса заботливо укрыла ее шерстяным клетчатым пледом, потушила свет и прикрыла в комнату дверь, чтобы не мешать матери долгоиграющими телефонными переговорами.

Сентябрь проскочил быстро, словно уносясь на подножке лета. Октябрь явил миру ярко-желтую вакханалию увядания кленов. Два раза, пока окончательно не похоло-

дало, по воскресеньям выезжали четвером на природу. Лена, Алиса, Эдуард и его сын Виталик. Мальчик был на четыре года младше Али. Вопреки значению своего имени – «жизненный», то есть полный жизненных сил, Виталик крепким здоровьем не отличался. Часто простужался, болел. Мама его, бывшая жена Эдика, еще теплее кутала сына, а он опять заболел, попав распаренным телом на сквознячок. Антибиотики крепчали. В довершение всех бед год назад парень перенес менингит. К счастью, не самую тяжелую форму. Молодой организм справился с опасной инфекцией не без помощи новинок фармакотерапии, но остались периодические головные боли до тошноты. Два или три раза мальчик терял сознание во время таких приступов. Бывшая жена, Тамара, самоотверженно посвящала себя сыну, выходить снова замуж не торопилась, и вообще ни с кем не встречалась. Во всяком случае, для Эдика версия была такова.

В лес выезжали на «Ниве» Эдуарда. Пока женщины недалеко бродили по насаженному листовному массиву, мужчины разводили костер, готовили на решетке мясо. В золе по ходу дела запекались картофелины. Потом сидели на раскладных стульчиках у догорающего костра. Лена с дочерью запивали пашлык пивом. Эдик позволил себе немного коньяка. Виталику по возрасту спиртное не было положено. Домой возвращались уставшие, вкусно пропахшие дымом, насыщавшиеся кислородом на месяц вперед. Такие редкие случайные вылазки приятно разнообразили многоэтажную городскую монотонность.

В ноябре Эдуард ушел в отпуск, но отправился отдыхать не в санаторий, а в Белоруссию к родителям. В деревенском хозяйстве всегда есть, чем укрепить распатанные нервы. Напилить-наколоть дров, починить забор, подрихтовать крышу. Неделю недогулял. Стоило появиться в городе, срочно вызвали на работу. Удивляться нечему, работа – сплошное, растянутое по времени ЧП. Форс-мажор on-line.

Приближался Новый год. Раньше всегда встречали с Инкой, детьми. Через раз появлялась Ви́ка с мужем, бывшая коллега по ДК. После полуночи обычно приходила баба Люся с латексоподобным перегруженным хрящами холодцом и селедкой под сомнительной желто-фиолетовой «шубой». С позапрошлого года свекровь и свекор перестали к ним ходить. Отдалились. На этот раз компания не складывалась вообще, разваливалась, не успев сложиться. Ну и пусть. Будет, как будет. Все прямо сговорились. Алиса, ласкаясь и подлизываясь, отпросилась из дома встречать Новый год с кавалером в молодежной компании. Первый раз – не дома. Лене было обидно, но она вспомнила себя. Собственно, ниче-

го не меняется, все то же самое. Расстроил Эдуард. Он долго мялся и стеснялся, но в итоге все же выдавил из себя, что не может оставить сына на Новый год одного. Для ребенка это очень важно, мальчик надеется, и он не хочет его травмировать. Встретит Новый год с сыном, а потом, не задерживаясь, придет на такси. «Папу вызовут на срочное задание». Кроме Виталика, очевидно, там еще кто-то будет? Но об этом не говорилось. Подразумевалось «по умолчанию». Плевать. Пусть как хочет. Ну почему ей все время не везет? У одного – то научные исследования, то нравственные изыскания с тяжкими для семьи последствиями. Второй раздваивается, мечется меж двух берегов. Фигаро здесь, Фигаро там. Сама виновата – поддерживает эту неопределенность. «Опять эта мучительная неизвестность!» Дубль два. Все. К чертовой матери! Сяду перед телеком и напьюсь. Точно. Прекрасная встреча Нового года. Замечательная. Как год встретишь, так его и проведешь. Вот и отлично!

Утром тридцать первого декабря Лена отправилась на рынок и принесла домой небольшую елку.

- Mam, ты чего? – сделала круглые глаза Алиса. Они уже года три как елку не ставили. А задолго до того дочь рассталась с иллюзиями, что именно за «дед» приносит ей подарки под елочку. – Ты впала в детство или это протест?

- Да, протест. Сама создам себе праздник. И не надо тут стоять в третьей позиции. Лучше принеси с балкона крестовину.

Лена нашла на антресоли новогодние игрушки. Украсила дерево гирляндой бегущих огней. Включила. Красиво. Эдик был на работе. Заглянул в обед на час, одобрил елку, ободрил Лену и опять умчался. Лена возилась на кухне. Готовила новогодний кулинарный стандарт. Традиция. Сила привычки. В семь вечера задрезжал телефон. Для поздравлений рановато. Подняла трубку.

- Алло.

- Привет! Ленка! Привет, моя кошечка!

- Инка, ты?!

- Я! Я! Я! У-сю-сю! Моя лапочка!

- Ты откуда звонишь?

- Отсюда, отсюда, дорогая!

- Инка! Ура! Боже мой, как я рада! – Лена даже прослезилась на радостях. – Когда ты приехала?

- Вот прямо сейчас и приехала. Еще сапоги не успела снять. Точнее – приехали. С дорогим и любимым Владиком.

- Инка, а вы и не раздевайтесь, – предложила Лена. – Езжайте сразу ко мне. Ой, как хорошо, что вы приехали! Ты сама не представляешь!

- Котик, не будем пороть горячку. Отложим ее на потом. Мы только с поезда. А до этого – самолетом до Москвы. Еле прорвались. Боялась, не успеем. Фух! – Инна говорила, запыхавшись, все еще под впечатлением маршброска Сингапур – Москва – родной Донецк. – Быстренько приведем себя в порядок. И – к тебе. В десять будем. Мне столько рассказать надо!

- В девять! – Лена посмотрела на часы. – Какие десять?! Целых три часа ждать!

- Киса, я думаю, «торг здесь не уместен». – Инна юморила в своем репертуаре. – А кто будет сегодня? «Огласите весь список, пжалста»?

- Вы! – огласила список приглашенных персон Лена.

- Нет, я серьезно.

- Я серьезно. Вполне.

- Ладно, приедем – разберемся. Не соскочьнешь! Господи, ну как ребенок, ни на минуту нельзя оставить без присмотра. Пока! Жди. И будь готова, пусечка! – Инна изливала в трубку приливы нежности.

В начале одиннадцатого с тортами, сырами-колбасами, звенящими бутылками в квартиру ввалились долгожданные мореплаватели. После объятий и поцелуев Лена заметила палочку. Влад поставил трость в угол, сбросил пальто. Прихрамывая, прошел в комнату.

- Это что такое? – не поняла Лена.

- Бандитская пуля. Увы... – развел руками Влад.

- А серьезно? Ты ногу сломал, Влад?

- Он же говорит тебе – бандитская пуля. Какие тут шутки? – сквозь шуршание целлофана донесся голос из кухни. Инна разбирала пакеты. – Смотрела фильм «Пираты двадцатого века»?

- Когда-то смотрела, – вспомнила Лена. – Это с Николаем Еременко в главной роли?

- Да, с Еременко. Молодым и красивым. – Инна оставила пакеты в покое. – А у нас Владик в главной роли выступал.

- Лена, она как всегда преувеличивает, – Влад опустился на диван напротив телевизора.

- Стоп, машина! Средний назад! – скомандовала Инна. – Ленка, давай быстренько на стол докидаем, и будем сидеть, пить и говорить, говорить... Дорогой, а ты не шевелись интенсивно, не делай резких движений, расслабься и отдыхай. Ленка! Уходим недалеко, но гордо.

Подруги нарезали на кухне принесенные деликатесы. Уплотнили питьем и яствами приготовленный Леной праздничный стол.

- Ну что, пошли? – Лена держала в руках бутылку шампанского и штопор для «Кагора».

- Пошли, только прежде я тебя поцелую, – Инна перекрыла путь в коридор.

- Давай, – Лена подставила подруге щеку.

Указательным пальцем Инна вернула голову в исходное положение и изо всех сил взасос до ломоты поцеловала Лену в губы. Пересчитала языком передние зубы. Проникла глубже. Остановилась. Ослабла губами. Лена открыла глаза. Было неловко и приятно. Отдышались.

- Все время хотела тебя вот так поцеловать. Думала, вот встретимся и поцелую! – Инна вытерла губы салфеткой себе, затем Лене. Расслабилась.

- Исполнилось?

- Да. Почти, – Инна серьезно, без улыбки смотрела Лене в глаза.

- А что, есть еще какие-то домашние заготовки? – Лена также серьезно пыталась смотреть в ответ.

- Возможно. Но не для сегодня. Еще будет время.

- Тогда пошли, разбойница! – Лена рассмеялась и с удовольствием шлепнула Инну по крупной, но крепкой попе.

- Только губы не забудь подкрасить.

Глава 19.

Новый год – с детства любимый праздник всех малышей. А также – подростков, молодежи и взрослых. С годами лишь добавляется грусть по мере увеличения календарной цифры. В Западном мире на первом месте стоит Рождество Христово, а Новый год для них так, формальная смена дат. В нашей же, преимущественно атеистической цивилизации, прямой и невольной наследнице семидесятилетней экспериментальной Советской эпохи, религиозные традиции пока еще шатки, зачастую неискренни и даже лицемерны. Они являются внешним атрибутом, как новая мода, не пронизывая общество насквозь благими лучами. Еще в четырнадцатом веке Сергей Радонежский призывал соотечественников – «любовью и единением спасем!»! Как актуально! Объединяться в любви и вере во Христа получалось нечасто. Возможно и раньше – сто, двести, пятьсот лет назад, учитывая результаты нашей нескучной, обильно политой кровью истории – этой цепи суровых хронологических событий, религиозность и набожность народонаселения преувеличивались и идеализировались более поздними учеными или философствующими потомками. Они были, скорее всего, формальными обрядно-бытовыми традициями.

Вопрос этот весьма спорный, а посему, не углубляясь в столь специфическую и трудноподъемную тему, отметим, что все постсоветское население любило и уважало новогоднее времяпрепровождение, и наши герои и персонажи не являлись каким-либо исключением. Новогоднее застолье обросло своими традициями, делилось на определенные периоды. Проводы Старого года, встреча по Москве и по местному времени, где раньше, где позже в зависимости от часового пояса, поздравление народа генсеком-президентом, бой курантов, ура! звон бокалов, фейерверк, доступная населению стрельба и канонада, «голубой огонек», «Ирония судьбы», веселье в свободном полете, с рисковыми маневрами и последующим утренним пике.

Лена, Инна и Влад пока находились на первой стадии – проводов Старого года.

- Почему Алисы не видно? – Инна с удовольствием хрустела маленькими бутербродами с разной начинкой, запеченными в духовке. – Что, птичка вырвалась из клетки?

- Можно сказать и так, – произнесла Лена без воодушевления. – С молодым человеком в компании. С мамой уже не интересно.

- Сколько ей уже? – Влад налил дамам вино, себе коньяк.

- Через два месяца – шестнадцать.

- «Девочка созрела», – пропела из Земфиры Инна.

- Не пошли, мать. У Ленки, видишь, и так сердце не на месте, – Влад поднял бокал. – За уходящий год мы выпили, давайте за детей, чтоб все у них сложилось. Уже решили, куда поступать?

- В университет, на экономический, – Лена неопределенно пожала плечами. – Но это пока так, ориентировочно.

- Давайте, чтоб ориентиры привели к нужной цели, – уточнила мысль Инна. Выпили под хрустальный звон стекла.

Лена вкратце рассказала о своей поездке в Сибирь и встрече с мистически настроенным мужем, о папином противостоянии с начальником-редиской, закончившимся преодолением темных сил. Добро победило зло его же оружием.

- А куда подевался твой «спецагент Малдер»? – спросила Инна и добавила. – Эдуард не Радзинский, Эдвард второй.

- На дежурстве, к часу должен быть, – соврала для простоты Лена, ударяться в подробности взаимоотношений со «специальным агентом» не было малейшего желания. – А почему «второй»?

- Стас был первый, этот – второй. Или нумерация неправильная? Добавить кого-то?

- Инка, не приставай к человеку, – встал на защиту Влад. – Ты прямо под кожу лезешь.

- Действительно. Кто тебе правду скажет? – Лена подвинула Владу салатницу с «оливье».

- А может, я ревную! – Инна демонстративно посмотрела на мужа. – Ходят тут всякие «служилые», а потом лучшие подруги теряются.

- Ревнивая, ты лучше расскажи, что с вами-то произошло?

- Давайте выпьем! – Влад наполнил бокалы. – И все по порядку. Только телевизор прикрутить надо.

Выпили за что-то очередное «хорошее», и Влад начал морскую эпопею.

- Наш сухогруз в Хайфоне затарился.

- Это... – напрягла память Лена.

- ...Вьетнам, – помогла Инна.

- Так вот, после зашли в Бангкок в Сиамском заливе, это уже Таиланд, – продолжил профи international стармех. – Выгрузили часть, еще добрали и пошли на Сингапур.

- Владик, на фига так подробно. Вышли, загрузились, пошли... – прервала мужа Инна. – Будешь сейчас ковыряться...

- Инка, не мешай, пусть Владик рассказывает подробно, мне очень все интересно.

- Я пока налью, – Инна не могла сидеть без дела.

- Итак! – сосредоточил внимание слушателей Влад.

– В Сингапур мы не заходили, это я отмечаю направление. Под вечер прошли Форсберский маяк, считай уже в Малакском проливе – самое гиблое место. Экипаж весь на стрёме. Не спим. Все люки и двери на палубе задраили. Это обязательно по инструкции на случай возможного нападения. Через пролив порядка пятидесяти тысяч судов за год проходят.

- Ого! – удивилась Лена. – Откуда такие точные данные?

- Обычная статистика. Одна из самых напряженных морских трасс в мире. К утру, считай, сколько миль мы прошли? – Влад задумался, вспоминая данные и умножая часы на узлы.

- Дорогой, это что, так важно? Давайте лучше выпьем за родину! – предложила Инна. – Везде хорошо, красиво, но никому мы там и... короче, не нужны. А дома лучше. Дерьмо, конечно, но свое, родное. Даже скучаешь за ним там, вдалеке. Под импортным солнцем.

Выпили за – родное, отечественное. Влад продолжил неспешное, обстоятельное повествование.

- Самый опасный участок – миль двести пятьдесят. Есть места, где ширина пролива небольшая, всего пятнадцать или двадцать километров. Островков много, особенно с индонезийской стороны. Как раз с рассветом на нас две лодки напали.

- Как это? Лодки – и на корабль? – Лене было странно, что в наше время какие-то лодки могут нападать на океанское судно.

- Да, именно лодки. Такие длинные легкие посудины. Ставят по три навесных японских двигателя. Ни

один пограничный катер не догонит, даже самый быстрый. В каждой по десятку флибустьеров с пистолетами, карабинами и «калашниковыми», а многие – просто с парангами...

- Парангами? Это что такое? – спросила Лена.

- Это такой длинный индонезийский нож, изогнутый тесак типа мачете, – уточнил Влад. – И, соответственно, с «кошками», крюками, веревочными лестницами. Где-то около четырех утра штурман на радаре два объекта засек. С кормы быстро приближались к кораблю. По левому борту как раз островки прошли. Тут сразу по внутрисудовой связи общая тревога и вводная – по борьбе с пиратами. Ну, что кому делать.

- Угу, – понятиливо кивнула Лена.

- Кэптн команду дает боцману, поляку Збышеку, с группой матросов – к брандспойтам. Может, и не надо было... Хотя, если на судно прорвутся, как ни задраивайся, не поможет. Я в «машину» на ЦПУ лечу...

- Расшифруй, пожалуйста, – Лена внимательно слушала, слегка пригубливая вино.

- Центральный пункт управления машинным отделением, – пояснил Влад. – Моя задача выжать из железа максимум скорости. Несусь и слыщу – боцман орет. Понятное дело, кинулся к ним на помощь. Ребята с брандспойтом возьмется, а эти карабкаются вверх по борту, лезут, как саранча. Какую тут уже скорость наращивать?

- А оружие? Разве на корабле нет оружия? – Лене казалось естественным наличие оружия на корабле. Для самозащиты.

- Запрещено иметь и хранить оружие на судах. Почти во всех странах. Кажется, только Великобритания разрешает, как раз для отпора пиратам.

- Вот видишь, молодцы англичане! – заметила довольно Лена. – Бабахнули по пиратам сверху, уже не сунутся.

- Не все так просто. Это, знаешь, палка о двух концах. Иногда получается с отпором, а бывает, всю команду убивают. Такой у них, у пиратов, обычай, если моряки отстреливаются. Короче, я на палубу выскочил, и Збышек в этот момент по ним струей влупил. Кого-то успел в воду сбить, тут, как дали очередь из автомата. Сначала короткую, а потом длинную. Сверху стекла посыпались. Боцману в живот попали, мне ногу зацепило. Скрикошетило, думяю. Почувствовал, мне ногу зацепило. Все красное стало от крови, затошнило... Ну, а я к каюте за Инкой... Почти наощупь, в глазах темно.

- Представляешь, я от стрельбы проснулась. Ничего не пойму. Влад в трусах влетает весь в крови. Я как завизжу. Чуть не описалась! – Инна побледнела, вспоминая недавние события. – Он мне что-то кричит, а я ничего не слышу. Будто уши заложило. А кровь по полу течет.

- Я ее за шкирку хватаю и тащу в машинное отделение. Это она мне уже потом рассказывала.

- Загнал меня в какой-то угол. Жарища! Вокруг все гудит, шумит. Сунул за ящик, а сам – наверх.

- Я не помню. Как поднялся и вообще. Очнулся на палубе – мне ногу свои перевязывают. Кто-то дал виски хлебнуть. Вокруг погром. Ребята после подробности рассказали. Они атаковали с двух бортов. Прорвались в рубку, в каюту капитана. Везде. Кричали «Gold! Where is the gold? Money!!!»

- Разве на корабле есть золото? – спросила Лена.

- Не обязательно золото. В судовом сейфе хранятся ценности, деньги. Бывает, наверно, и золото, раз искали.

- А зачем им все открыли? Дали бы «S S» по радио, – предположила Лена.

- Как не открыть? Они матроса захватили и Збышка. Грозилась убить. А «S S» штурман успел передать. Уже потом все разгромили. И у капитана, и в каютах. Везде. «Джи Пи Эс» с мясом вырвали.

- Что такое «Джи Пи Эс»?

- Навигационный прибор, ориентированный на глобальную спутниковую систему. Определение координат и прочее, – пояснил Влад. – Пронеслись по каютам, как смерч. У них время точно рассчитано, когда полицейские или военные вертолеты могут подойти. Исходят из того, что «S S» команда уже передала, наверно, кроме случаев, когда хотят полностью корабль и груз захватить. Выгребли все ценное – видеокамеры, фотоаппараты, вещи вплоть до маек и трусов. Наш «Ноутбук» им пригодился... Хорошо, успел жену спрятать.

- Ты же сам говоришь, времени у них мало... – сказала Лена.

- На корабле мало. А на берегу достаточно. Забрали б с собой – обслуживала бы какую-нибудь прибрежную деревню. Или продали, а это, считай, то же самое.

- Представляешь, как мне не повезло! – засмеялась Инна. – Жила бы сейчас с эдаким корсаром. Азиатским Дрейком.

- Это точно. Дрейкали б тебя раз по десять каждый день горячие азиатские парни, – нарисовал реальную перспективу Влад.

- Странно все-таки. В наше время – пираты...

- А что? У них там безработица, нищета, террористические группировки пиратством промышляют. Исламисты всякие. Гнездятся по побережью «романтики с большой морской дороги», – пояснил Влад.

- Слушай, Влад, если так много кораблей ходит через этот пролив, неужели нельзя организовать патрулирование. Прижать этих пиратов на суше, – Лене казалась эта проблема достаточно разрешимой.

- Как их на суше прижмешь? Там сотни островов небольших и совсем маленьких, проливов и проходов. Рифов всяких. Черт ногу сломит. Группировки разные, религиозные, а чаще просто бандитские. Штаты, Япония предлагают, хотя патрулировать. Сингапур – за, а Малайзия и Индонезия против. Говорят, нам чужих не надо, мы и сами можем.

- И что?

- Пока ничего. Никак не могут договориться между собой.

- А почему их Америка и Япония не устраивают?

- Политика, – подвел черту Влад. – Не хотят отдавать контроль над проливом другим, а у самих кишка тонка.

- А как у вас все закончилось? – от общего перешла к частному Лена.

- Вертолет покружил и улетел, а через час катер сингапурских ВМС подошел. Оценили обстановку, с капитаном пообщались. Забрали раненого боцмана и меня, но Збышек до берега не дотянул, умер. А судно в Туас пошло, это в Сингапуре, там военно-морская база и верфь. На ремонт. Мне в госпитале пулю из ноги вынули. Хочешь, покажу? – не дожидаясь ответа, Влад достал из кармана кусочек металла, протянул Лене.

- Маленькая, теплая, – произнесла Лена. На ладони безобидно катался закругленный тяжеленький конус. – А почему боцману врач на корабле помощь не оказал?

- У «подфлажников» нет врачей. Аптечки первой помощи, там протившоковый коктейль есть. Мне вкололи. Збышеку тоже должны были... – пояснил Влад и минорно усмехнулся. – Решили, что Инна во всем виновата. Правило подтвердилось. Женщина на корабле – к несчастью.

- Влад три дня в госпитале пролежал. И его на берег списали, – продолжила Инна.

- Не окончательно. Если все будет нормально, медкомиссию пройду и – вперед.

- А не страшно снова, Влад? – спросила Лена.

- Не знаю. Бомба два раза в одну воронку не падает. А за ногу, кстати, страховку должны выплатить. «Бриллиантовая», можно сказать, нога.

- У нас со страховками пшик... – усомнилась Лена.

- У нас – возможно, а там это дело серьезное. Пиратство – один из стандартных рисков моряка, перечисленных в полисе морского страхования. Черным по белому. Так что, еще куш сорвем. Да, мать? – Влад похлопал по спине боевую подругу – супругу.

- Вознаградят за героизм.

- Или дурь, – уточнила Инна.

- Травму или увечье, полученное в связи с выполнением профессиональных обязанностей, – сухо подытожил Влад.

- Из Туаса нас автобусом доставили в Сингапур. Автобус двухэтажный. С кондиционером, – продолжила описание случившегося тура Инна. – Аэропорт Чанджи. Лучший в мире. Фантастика. Это отдельная тема на целый вечер. И самолетом до Москвы – дорогой, как ты помнишь, Ленка, столицы. Ну, а потом уже поездом с Курского вокзала до ридной хаты. Без фантастики и излишних наворотов. Таможне привет!

Пространный военно-морской рассказ окончился одновременно с поздравлением президента. Его особо не слушали, только наблюдали на экране знакомое обиженно-виноватое лицо. Он поздравлял подвластный народ, словно оправдывался и извинялся. То ли народ его подвел, то ли опять неправильно понял. Страна у нас богатая, всего в ней хватает. Другое дело, что – не всем, но это уже не тема для новогоднего поздравления. Во всяком случае, в стране мир, а это уже само по себе огромное достижение. Влад бабахнул в потолок пробкой от шампанского. Плеснул в бокалы пенящееся вино. Дзинь!

- С Новым годом, дорогие мои! Ура! – он поцеловал женщин, и все выпили за новый две тысячи третий год.

После, под телевеселуху, Инна повествовала про суперсовременный сингапурский аэропорт Чанджи, про «Боинг 737», которым они летели. Лена уже потеряла интерес к подробностям путешествия. Наконец, в полвторого ночи явился Эдуард с «дежурства», внеся свежую струю в компанию. Алисы пока не было. Да она и не обещала так рано вернуться. Кирилл заверил Лену, что «все будет нормально».

Глава 20.

Алиса после Нового года изменилась. С матерью стала сдержанна, холодна. Отстранилась. Исчезла бывшая душевность. Все зимние каникулы пробегала к Кириллу. Днем нервно сидела дома, ничем не занимаясь, бессмысленно тыняясь по квартире. После обеда лихорадочно названивала бой-френду, и опрометью мчалась к нему, только тот появлялся из института. Учеба пошла боком. Психовала, когда у любимого началась сессия. Он готовился к экзаменам, а она тупо торчала дома. После сессии Кирилл с друзьями уехал в Карпаты кататься на лыжах. Алиса ходила в школу. Рыдала по вечерам. Сходила с ума. Мать ее, естественно, «не понимала». Где уж нам уж?

Лена несколько раз пыталась поговорить с дочерью по душам, но контакт не получался. Алису искрило. Она сразу срывалась на крик. Требовала оставить ее в покое с дурацкими поучениями, оценками, четвертями и институтами. Наплевать ей на институт – не поступит, пойдет в ларек работать, если надо. На шее сидеть не будет. Упрекала мать, что та ничего не понимает. Пусть сначала разберется в своих проблемах, а потом учит ее жить. Если она отца не любит, это не значит, что и другие не способны на чувства. Лена обижалась на дочь, старалась быть мудрее, терпимее. Не всегда удавалось. После стычек почти не разговаривали.

Второго февраля дочери исполнялось шестнадцать лет. Кирилл was absent, и Аля категорически заявила, что день рождения она отмечать вообще не собирается. Попросила напрасно не беспокоиться. Она все время ждала звонка от Кирилла по мобильнику. Но Карпаты молчали. Утром в день совершеннолетия Лена тихонько, чтобы не разбудить, поставила на стол черную бархатную коробочку и рядом – открытку. Долго думала, как поздравить. В итоге написала всего три слова – «Поздравляю, любимая! Мама». Осторожно вышла из комнаты дочери, прикрыла дверь. Через полчаса Алиса проснулась. Выскочила из спальни, расцеловала мать и разревелась. Обнялись. Раз-

ревелись обе. Лед отчуждения был сломлен. Не должзанным золотым набором с аметистом – камнем Водолея. Просто это был повод. Договорились отметить после уроков вдвоем. Аля сразу же заменила в ушах бижутерию на настоящие сережки, надела кольцо и кулон. Покрасовалась перед зеркалом и умчалась в школу.

Лена приготовила стол, украсила любимый дочерью «наполеон» свечами. Достала два «романтических» канделябра. Вечером душевно сидели. Тихонько цедили шампанское. Лена стала рассказывать Але, как она в свое время ругалась и ссорилась с родителями. Отец, твой любимый дедушка, даже как-то и руку приложил. Такой был накал страстей. Наверно, все через это проходят. Главное, стараться понять друг друга. Не обижать и не таиться от родного человека. Кто еще подскажет, посоветует или просто выслушает? Ведь мама всегда – самая лучшая подруга. Аля соглашалась, что мать ей хочет только добра, она сама виновата, что не сдерживается. А маму очень любит. Больше всех на свете. Уже потемнело, и Лена зажгла две большие винтообразные свечи. Выключила свет. Они сидели напротив друг друга. Мерцающий свет играл на лицах.

- Mam, а когда у тебя в первый раз произошло?

- Что? – Лена автоматически спросила «что». Алиса молчала. Было и так ясно, «что». Лена задумалась. О себе говорить было неловко. – Ну... когда с папой твоим познакомилась.

- А до папы?

- До папы баловство было. Так, «детский сад».

- Ты что, ни с кем не встречалась?

- Почему? Встречалась.

- Ну? – упирала Алиса.

- Что за вопрос с пристрастием, доча? – посвящать дочь в свою интимную жизнь казалось неудобным, но надо быть откровенной, если хочешь ответной реакции. – Да. Встречалась. За мной мальчишки с первого класса бегали.

- Я не про первый класс, мам?

- В школе только целовались-обнимались. В бутылочку играли на поцелуй.

- Да знаю я.

- В музучилище серьезно с одним парнем встречалась. Андреем. Даже пожениться хотели.

- Он у тебя первый был, этот Андрей? – припирала Алиса.

- Он многому меня научил, но... чуть-чуть не до кон-

ца. Сохранилась для суженого. Так что первым у меня был Станислав Владимирович, твой папа, – закончила пассаж Лена.

- И произошло у вас, конечно же, в брачную ночь, – скептически дополнила Алиса.

- Произошло у нас на третий день знакомства. Потом происходило каждый день, где только удавалось. А первая брачная ночь состоялась много позже. Вот так вот, любимая доченька! – Лена посмотрела на притихшую Алю, улыбнулась собственным откровениям. – Какие еще подробности маминого прошлого тебя интересуют?

- Никакие... – дочь передернула плечами. – У нас с Кириллом тоже... было.

Лена молчала, разглядывая окна в доме напротив. Собственно, она так и думала. Дочь подтвердила ее собственные умозаключения. Не надо быть семи пядей во лбу. Когда-либо это должно было случиться. Рано или поздно. Рано это или поздно? Могло быть и раньше. И позже. Слунилось, как случилось.

- Мам, только ты не волнуйся, – Аля взяла ее за руку. – Мы предохраняемся. Я все знаю. Литературу читаю. Там все написано. Так что, ничего экстраординарного... Да и ты мне сколько раз говорила.

- «Говорила мама мне про любовь обманную, да напрасно тратила слова», – неожиданно для самой себя пропела Лена старинную выскочившую из глубин памяти песню.

- Это что, песня такая в ваше время была?

- Была... только еще до нашего времени. Впрочем, это неважно... – Лена налила себе и дочери шампанского. – Доченька, я хочу выпить за тебя. Ты умная, красивая у меня. Чтобы ты счастливая была!

Пригубили вино. Посидели молча, наблюдая за подвижным, играющим пламенем свечи.

- Мам, а как тебе Кирилл? – нарушила обоюдную задумчивость Алиса.

- Как тебе сказать? – Лена тщательно подбирала слова, чтобы не обидеть дочь.

- А ты говори, как есть, что думаешь, – просто сказала Аля, с максимализмом и категоричностью юности.

- Во-первых, я его мало знаю. Два-три раза видела всего, да и то...

- А во-вторых? – не отступала дочь.

- Во-вторых? Аля, если честно, мне он как-то не очень... Не в том смысле, что одежда или внешний вид мне не нравятся. Это не имеет значения. Трудно точно объяснить...

– Лена сосредоточилась. Алиса ее не торопила. – Холодный он какой-то. Самовлюбленный, что ли? Позволяет себя любить. А может, я неправа? Просто так кажется. Переживаю за тебя. У вас с ним все нормально? Он тебя любит?

- Да. Нормально. Конечно, любит. Просто после Нового года, ну, когда у нас... первый раз... произошло. У него потом... экзамены были. Сейчас на каникулы уехал. В конце недели должен приехать... – Алиса оправдывала возлюбленного перед матерью и самой собой.

После встречи Нового года, когда Аля уступила Кириллу и немного – себе, их отношения заметно изменились. Если раньше он обрывал телефон, забегал за ней, то теперь, став ее «первым», добившись своего, звонил много реже. Алиса звонила сама и проходила к Кириллу, если он позволял. Ее бесила и злила эта перемена. А может, это всегда так происходит? С подружками советоваться было impossible. Невозможно. С матерью – неловко.

- А чем его родители занимаются? – поинтересовалась Лена.

- Отец в России работает. В Подмоскowie. Прилично зарабатывает. Я его только раз в августе видела. А мать где-то на вахте дежурит. Сутки через трое. А что?

- Ничего. Просто интересно. А Кирилл твой чем-то увлекается? Спортом, например?

- Раньше в баскетбол играл, еще в школе. В институте начал ходить в секцию, но бросил. Говорит, времени не хватает.

- Что, так много занимается? – подняла брови Лена.

- Вообще-то он компьютером сильно увлекается. Ему родители на восемнадцать лет подарили.

- Это хорошо, что компьютером. Специальность и все такое, – Лена невольно улыбнулась. И этот тоже компьютером увлечен.

Алиса не стала просвещать мать, что увлечение Кирилла и его друзей главным образом состояло в посещении всевозможных порносайтов. Пацаны ржали, гыгыкали возле экрана. Звали девчонок «поприкалываться». Кирилл заполнял килобайты компьютерной памяти наиболее смачными «приколами». Подружки тоже смеялись или кривили физиономии. Алисе эта «ржачка» не нравилась, но одновременно было интересно. Если так, самой посмотреть. Или хотя бы с девчонками. Но виду не показывала, она ж не кисейная барышня.

Кирилл слегка подсмеивался и обучал ее премудростям и технике любви, воплощая на диване с новой возлюбленной, почерпнутые из глобальной сети, сюжеты. Не

все Алисе было по душе и телу, но не хотелось, чтоб Кирилл считал ее «колхозницей» или «бычкой», как отзывались ребята о некоторых девчонках. Да и любимый никогда не настаивал. Он тактично просвещал, «продвигал» нового рекрута большой приятной игры. Протаптывал тропу. Алису смущало, что Кирилл больше не приглашал ее в кино или на концерты, ведь еще осенью они частенько ходили в ледовый Дворец – основную концертную площадку города. На днях проходили гастроли «Тату», но Кирилл как раз был занят сборами на турбазу. А она так хотела пойти. «Я сошла с ума-а! Я сошла с ума!». Алиса не стала делиться всеми переживаниями с мамой. Что толку спрашивать совета, если она сама не разобралась. Вот придет Кирилл, и они все выяснят. В конце концов, она не резиновая кукла для оттачивания очередной «еще такой вот позиции».

Глава 21.

Алиса спешила к Кириллу на «день влюбленных». Он уже пять дней как приехал, но все не получалось встретиться. У него не получалось. Сегодня компания собиралась у Кирилла дома «на вечерочек». План оттяжки сверстан не был. Кирилл сказал, что решат по ходу дела, может, пойдут в ДК. Там и клуб, и дискотека. На улице было по февральски колочче. Студеный ветер крутился между домами, то резко подталкивал в спину, то неожиданно сыпал в лицо. Фонари не горели. Пока хватало света от зажженных окон. Алиса проскользила по тротуару полтора квартала в полусапожках на модных шпильках. Озираясь по сторонам, и не найдя случайной подмоги, отчаянно нырнула в мрачную жуть подъезда. Темень вывела ее к лифту. Тот в свою очередь доставил на седьмой этаж. Дверь открыл Денис, одноклассник Кирилла. Аля его здесь встречала и раньше.

В комнате на диване развалилась в обнимку незнакомая парочка. Кирилл их перезнакомил. Оказалось, что Лёня раньше учился в той же школе, что и Алиса, окончил три года назад. Брюнетка Света, его подруга выглядела взрослее своего бой-френда и всех в их компании. Род ее занятий для Алисы остался неведом. Света вяло кивнула новой знакомой, не отликая от молодого человека. Беззвучно работал телек, а серебристый музыкальный центр загружал собравшийся пипл крейзанутым саундом. На столике перед диваном стояла начатая бутылка вина.

Кирилл разлил вино в чашки. Выпили за знакомство. Алиса тоже. Сладкое, даже запершило в горле. Наверно, крепкое – слегка закружилась голова. Приятно. Трепались ни о чем. Денис – Дэн рассказывал, как они круто катались на горных лыжах. Смешно. Где они успели научиться? Болтун. Алиса расположилась в кресле. Лёня сидел прямо напротив, широко раздвинув ноги, было видно, что голубые джинсы уже начали протиратьсяверху между ног. В упор разглядывал Алису, нимало не смущаясь. Сверху вниз, снизу вверх. Светлана томно дрема-

ла у парня под мышкой, или делала вид, не проявляя к Алисе никакого интереса. Спустя некоторое время все неспешно перекочевали на кухню пить чай-кофе и курить. Денис пустил по кругу сигароподобную самокрутку. Каждый, закрывая глаза, самозабвенно затягивался, задерживая в легких кисловатый дым. Медленно, с сожалением выдыхал в сторону открытой форточки, передавая «косяк» соседу. Сделав пару затяжек, девушка Света передала Алисе.

- Спасибо, я не хочу, – Аля протянула «косого» Лёне.

- А ты попробуй, может, понравится. Глядишь и захочешь, – парень смотрел на нее, саркастически улыбаясь.
– Или маленькая еще?

- Я не курю. Кирилл? – Аля повернулась к нему, ища поддержки.

- А кто здесь курит? – Кириллу тоже было весело. – Мы только балуемся.

- Ты не в затяжку, это можно. Родители разрешают, – подключился Денис.

- При чем тут родители? – разозлилась на всех, особенно на Кирилла, Алиса.

Компания дружно расхохоталась. Самокрутка снова пошла по кругу. Все смеялись от ничего. «Прикалывались» на пустом месте. Алиса выпала из круга, ее словно не замечали. И Кирилл – тоже. Света протянула уже короткий окурочек Кириллу, минуя Алису.

- Я попробую, – Алиса взяла влажный от слюней курительный огрызок. Набрала полный рот едкого дыма. Хотела сразу выдохнуть, но поперхнулась и закашлялась. Дым попал в легкие, забил нос и уши. Все одобрительно рассмеялись, а Света легонько постучала по спине. Алиса кое-как прокашлялась. Затянулась еще. Голова закружилась.

- Запей. Станет легче, – Кирилл протянул ей чашку.

Алиса залпом хлебнула, стремясь смыть в горле противный дым. Оказалось вино. Только привкус какой-то. Вспомнился запах лекарств бабушки Лары. Наклонила голову вниз. Попыталась сосредоточиться. Прошла пара минут. Лучше не стало. Голова кружилась сильнее. Ушел в сторону шум компании. Уши заложило, как в самолете. Алиса поднялась и, держась за стену, на ватных ногах пошла в ванную. Надо выпить воды и вырвать. И вырвать... быстрее. Сзади нежно обнял за плечи Кирилл. Нежно, но крепко. Что такое? Куда он меня ведет? Выпить воды... надо воды... вырвать. Пусти... черт, как кружится голова...

- Кири... лы... – язык не слушался, скулы сводило, – я воды...

- Я знаю, маленькой девочке надо отдохнуть, – он потянул ее в спальню.

- Ки... мне пло... – ноги теряли пол, проваливались в пустоту.

- Ничего. Скоро будет хорошо. Очень хорошо, – Кирилл толкнул ее на кровать. Начал стягивать джинсы.

- Зачем... это? – она, то выпадала, то приходила в себя. Ощутила прохладу голым телом. – Мне хол...Ки... хах...

- Сейчас согреем. Поджарим нашу малышку... – он навалился всем телом. Вошел в нее. Яростно бил внутри членом, кусал и давил маленькую упругую грудь, вымещающая на незащитном девичьем теле ниоткуда вдруг взявшуюся злость, распалаясь от своей подлой, мерзкой власти и вседозволенности.

Алиса пришла в себя от мокрого холода на лице. Кирилл брызгал водой. Во рту, носу, горле стояла липкая горечь. Голова не кружилась, но раскалывалась на части. Внизу живота поселилась ломящая боль. Промежность саднило и пекло. Она с трудом открыла глаза.

- Вставай, давай! Облевала здесь все.

- Извини... – не совпадая с реальностью, Алиса с трудом села. Провела ладонью по щеке. На пальцах осталось что-то скользкое и противное. Живот перехватил резкий спазм, она испугалась, что не успеет дойти. На непослушных негнущихся ногах двинулась в сторону туалета. Дошла, опустилась. Вытерла сероватой бумагой руки и щеку, бросила в унитаз между ног. Господи, больно-то как... Рези в самом животе прошли, но она ничего не могла выдавить из себя. Постоянно сжималась от боли внизу.

- Оденься, тварь! – Кирилл открыл дверь туалета и с силой бросил ей в лицо блузку.

«Почему тварь? Что я сделала плохого? – по щекам текли слезы. – Почему он ведет себя так? Что это было такое?».

Алиса поднялась, прижимая к груди блузку. Она оставила после себя слизистый темно-малиновый сгусток, от которого сбежала вниз алая дорожка. Смятая бумага расплзалась в воде, окрашивая ее красным. Нажала на смыв. Вода налетела свежим потоком, унося в глубины канализации свидетельства дерьма человеческих душ. Она начала все понимать. Кирилл стоял в коридоре с ее вещами.

- Зачем ты... вы... так со мной... – глотая слезы, сквозь душашщие рыдания произнесла Алиса.

- Иди мойся! – он открыл дверь в ванную.

- Ки... рилл... зачем ты так со мной?

- Я дурной, когда обкурюся, понятно? Иди мойся, сказал!

- Зачем? Зачем?! – голос прорезался сквозь рыдания.
 - Заткнись! Я сказал, иди мойся, дрянь! – он схватил ее за волосы сзади и силой впихнул в ванную. Вслед бросил на пол вещи.

Алиса врезалась коленками в чугунную ванну, но успела затормозить руками о кафель. Постояла какое-то время, опершись на стену, собираясь с силами. Включила воду. Забралась в ванну. Села, вытянув ноги. Теплая вода постепенно приводила ее в чувство, стекая из-под ног бледной розовой марганцовкой.

- Ты уже? – раздался голос за дверью.

- Да... почти... – она посмотрела на себя в зеркало. Потрогала пальцем распухшие губы. На шее красовались темные пятна засосов. И на груди. Сняла со змеевика трубки постиранный носовой платок и носки. Свернула в длину и проложила между ног. Оделась. Кирилл ждал ее у входной двери. В квартире было тихо. Значит, кроме них никого. Долго возилась с обувью, так и не справившись с одной из молний. Надела легкое стеганое пальто.

- Ты же говорил, чтолюбишь меня? – глухим незнакомым голосом спросила Алиса.

Кирилл молча открыл дверь.

- Зачем это тебе? Вам? – она смотрела ему прямо в глаза.

- Кому – нам? – он криво усмехнулся.

- Вам – всем. Зачем вы со мной это сделали?

- Да кому ты нужна, курица? Любят ее...

- Это у вас такая игра?

- Да пошла ты... – он хотел вытолкнуть ее из квартиры, но напоролся на взгляд.

Алиса вышла на лестничную площадку, нажала кнопку вызова лифта. Внизу отдаленно загудело и загромыхало, разносясь гулким эхом по ночному подъезду.

- Смотри, вякать начнешь, пожалеешь. В школе снимки разбрасаем. Или в сети тебя разместим. На весь мир. Понятно?

Алиса не отвечала, слушая шум приближавшегося лифта.

- Ты поняла, тварь? У Дэна старый прокурором работает, так что... поняла, ты – подстилка?

Наконец, лифт добрался до седьмого этажа. Алиса зашла в кабину. Дверцы сомкнулись. Она спускалась уже в другую, взрослую жизнь.

Дома горел свет. Это плохо, придется говорить с матерью. Объясняться. Ладно, может и проще – сразу. «Не откладывать на завтра то, что можно выпить сегодня»... – из фольклора дедушки Вити.

- Аля, ты знаешь который уже час? – с места в карьер набросилась Лена. Что у нее с обувью? Что-то не то. Господи... Внутри оборвалось все. – Алечка, что случилось, доченька? Аля?!

- Ничего, мам... нормально все... – Алиса стянула, наконец, полусапожек с заевшим замком и вышла на свет из полумрака прихожей.

- Доченька... – Лена разрыдалась и обняла дочь. Они стояли и плакали, уткнувшись друг в друга.

Эдуард курил на кухне. Он сделал несколько затяжек, затушил начатую сигарету. Достал из пачки другую. Закурил снова. Сигарета переломилась в пальцах. Эдик нервно выбросил ее в форточку. Достал третью.

- Все нормально, мам...

- Что... нормально? – Лена смотрела на распухшие губы дочери, пятна на шее. – Аля, что ты говоришь?!

- Mam, ты прости, я... сама виновата... – Алиса сделала неловкое движение плечом, пытаясь прикрыть шею.

- Как – сама?! Что – сама? Это... кто с тобой... кто сделал? Это... Кирилл?!

- Да, он обкурился, мам... – Алиса опустила голову, – и... я тоже.

- Что?! – Лена смотрела на дочь, пытаясь уразуметь услышанное. – Что?

- Курила... и еще выпила... вина. Я не знала... так получилось... прости, мам... – Аля взяла руку матери и прижалась к ладони губами. – Он ненормальный от дури, а я... я...

- Я не понимаю, Аля, что ты говоришь?! Обкурилась наркотиками? Коноплей? И вино? – Лена остолбенело смотрела на дочь. Не укладывались в голове – раздражение, возмущение и бесконечная жалость и любовь к родному беззащитному ребенку.

- Нет, мам, я дурь не курю. Ты не переживай, это случайно...

- Не переживай?! – Лена устало опустилась на стул.

– Чего мне еще ждать? Тебе завтра этот подонок предложит уколоться? Уколосья тоже случайно? Я как чувствовала, боже мой, как чувствовала. Этот Кирилл...

- Mamочка, родная, завтра все будет нормально, – Алиса опустилась и обняла колени мамы. – Это, правда, было случайно. Уже нет никакого Кирилла. Никого, понимаешь? Только ты и я. Ты меня любишь, мама?

- Алечка... Алечка... – Лена гладила голову дочери. – Солнышко мое... люблю? Больше всех, больше жизни тебя люблю, маленькая моя.

Они несколько минут просидели на кухне, изливая чувства и слезы, успокаивая нежностью друг друга, прощая обиды и недомолвки.

- Я пойду, хорошо, мам? – Алиса поднялась. Лена кивнула дочери.

- Аля, можно я вопрос задам? – остановил ее Эдуард.

- Да. Конечно, дядя Эдик, – Алиса никогда не называла его «дядей». В основном – безликим «вы», очень редко – просто «Эдиком». «Дядя» вырвалось нечаянно, скорее всего, от сегодняшней незащитности.

- Аля, ты извини меня, пожалуйста, – Эдуард потушил в пепельнице очередную начатую сигарету. – Ты уверена, что не надо вызвать врача? «Скорую»?

- Нет, что вы?! Не надо.

- Аля, не спеши, серьезно подумай. Это не шутки. Давай позвоним в «скорую» и милицию.

- Нет, Эдик! Никуда не надо звонить. Я не хочу.

- Аля, ты можешь передумать, но будет уже поздно. Ты меня понимаешь?

- Да, я все понимаю. Я не передумаю. Я просто хочу забыть... это все.

Глава 22.

Аочь ушла в душ. Потом спать. Лена принесла ей теплого молока. Аля выпила половину чашки и отвернулась к стене. Мать присела на край кровати, несколько минут гладила по голове.

- Ты спишь? Аля?

Тишина. Кажется, уснула. Тихонько поцеловала. Вернулась на кухню к Эдуарду.

- Налить тебе чай? Только закипел.

- Налей... – Лена опустила на стул и обняла голову руками.

- Может, немного коньяка? Тебе не помешает.

- Можно и коньяка... – Лена следила, как он наполнил две маленькие рюмки. Протянул одну ей. Опустошил свою. Налил еще. Лена тоже выпила, только не залпом. Пила медленно, не ощущая вкуса, думая о дочери.

- Я думаю, Аля не все нам рассказала... – Лена поставила на стол пустую рюмку.

- Да, похоже на то, – Эдуард снова наполнил.

- Она сказала, что ребят там было трое и еще одна девушка...

- Лен, нет смысла гадать, – Эдуард приподнял рюмку, несколько секунд изучал содержимое, выпил. – Если она отключилась, как говорит? Она и сама может толком не помнить.

- Ты думаешь, они ее – все? – у Лены задрожал подбородок, и полились слезы. – Господи! Бедная девочка...

- Мы не можем знать наверняка, что и как там происходило. Может, действительно этот Кирилл обкурился? – выдвинул относительно успокоительную версию Эдик.

Сам он на девяносто девять процентов был уверен, что Алю изнасиловали группой. Еще повезло, что так все кончилось, если в данной ситуации о везении вообще уместно говорить. Сколько случаев, когда подобные увеселения закачиваются предельно трагически. Обкуратся, обколются и уже не отличают своими короткими мозгами

реальную жизнь от ежедневных вечерних триллеров. Или подражают телевизионным монстрам-маньякам, воспроизводя на самом деле кровавую киношную игру. А реальность это не кино. Гораздо хуже. И своя жизнь оказывается поломана, и чужая – загублена. Так что, все-таки повезло – живая, сама домой пришла.

- Что ты посоветуешь? – остановила его размышления Лена.

- На мой характер, так надо было милицию вызвать, врачей. Или сейчас поехать, не задерживаясь. Написать заявление. Освидетельствуют... как положено. По-горячему всю эту гоп-компанию накрыть. Крутануть хорошенько. Начнут так строчить друг на друга, бумаги не хватит. Уж я знаю, поверь! На месте поработать. И конопля, и клофелин или нечто подобное найдутся. На зоне таких героев опускают в первый день... Скучать не будут.

- Это ты как мент рассуждаешь, – прервала Эдуарда Лена. – А если ее глазами посмотреть? Через все эти осмотры и допросы пройти, очные ставки, а потом суд? А разговоры в школе, во дворе? Как все это ей выдержать? Лучше уж действительно перетерпеть и забыть.

- Я понимаю, это не сахар. Понимаю, Лен... Будут говорить, да она такая-сякая, со всем микрорайоном, только ленивый не валял... Знаю я все. Потому и заявляет в лучшем случае одна из десяти. По статистике. А если добавить часть пропавших без вести... ладно. Нет, так нет. Давай лучше еще по одной... – Эдуард разлил остатки коньяка. – За Алю.

Лена согласно кивнула.

- Я наведу справки насчет этих тинэйджеров. Ты мне телефон, фамилию...

- Хорошо... – Лена поднялась, посмотрела в темноту двора, безмолвную, холодную и тревожную. – Иди, ложись, а то уже скоро на работу подниматься. Я пока приготовлю на завтрак что-нибудь.

Аля провела несколько дней дома в кровати перед телевизором. Листала книжки и журналы. Поначалу не очень, а потом уплетала за обе щеки ленчи, обеды и ужины, заботливо приносимые на подносе мамой. Лена посетила участкового терапевта и обменяла коробку конфет на справку об ОРЗ для классного руководителя. С понедельника Алиса отправилась в школу, а Лена решила позвонить Кириллу. Автоответчик приятным юношеским баритоном сообщил, что «в данный момент никого нет дома, оставьте сообщение после сигнала или перезвоните

позже». Позже Лена не перезванивала, так как дочь являлась после уроков. На третий или четвертый день трубку подняли.

- Алло... я слушаю... - ответил заспанный женский голос.

- Здравствуйте, а Кирилл дома? – стараясь говорить как можно спокойнее, спросила Лена. Сердце забухало прямо под горлом.

- На занятиях Кирилл. Звони вечером! – «пи-пи-пи» – короткие гудки.

Лена перезвонила.

- Да! – раздраженно прозвучало в ответ.

- Извините, пожалуйста, что беспокою. Вы его мать?

- Ну, допустим. И что теперь?

- Меня Елена Викторовна зовут. Я мама его знакомой девочки – Алисы. Вы, наверно, ее знаете? – Лена старалась быть доброжелательной и корректной, хотя хотелось заорать этой сонной мымре, что ее Кирилл – последний мерзавец и ублюдок.

- Не знаю я, кто там из них Алиса! Ну, Алиса, и что теперь?

- Извините, как вас зовут? А то неудобно как-то...

- Неудобно спать на потолке. Говори, чего надо, а то я после дежурства, – собеседница явно не была настроена на разговор.

- Ладно. Понимаете, они – Кирилл и Аля встречаются уже давно и... близко. Вы понимаете?

- А что тут не понять?

- А на прошлой неделе сын ваш с Алей поступил нехорошо. Она ночью пришла вся как бы побитая и... и...

- Слушай, ты, мамаша! Чтоб больше ни ты, ни проститутка твоя сюда не звонили. Понятно?! Поразводили блядей! Табунами тут шляются. Трезвонят день и ночь. Покоя нет!

- Как вам не стыдно?! – попыталась увещевать Лена, бесплодно тщаась остановить поток словесной грязи.

- Мне стыдно?! Это что, моя дочь по ночам таскается? Вечно кто-то им, кошкам течным, виноват! Каждое утро шмыгают тут «здрасьте-досвиданья». Может, и сучка твоя. Все! – мать Кирилла положила трубку.

Лена медленно опустила трубку на рычаг. Господи, какой мрак?! А чего она, собственно, от этой женщины хотела? Поговорить по душам, как ее сын изнасиловал чью-то дочь, да еще с дружками? Все, хватит! Никаких звонков. Эдуард обещал выяснить, а она больше ничего выяснять не будет. Надо переключиться. Баба Люся про-

сила зайти в магазин, что-то по товару и накладной не сходится. Выйти на улицу. Быстрее – от всего этого.

«Все пройдет. И это пройдет» – вечные философские слова, успокаивающие подраненную душу, примиряющие с несправедливой действительностью. Лена смотрела на дочь со стороны и радовалась, что ничто не напоминает о трагическом «дне влюбленных». Алиса ходила в школу, усердно учила уроки, оценки стали кардинально подниматься в гору. Дочка не плакала и не убивалась в подушку по ночам. Повзрослела и посерьезнела. Их общение несколько изменилось, стало ровным и спокойным.

В конце марта Эдуард Лену просветил, внес определенную ясность в темные февральские события. Эдик, как обычно, вернулся поздно. Аля уже спала. После ночного ужина, лежа в кровати и обнимая Лену, сказал, что навел кое-какие справки насчет Кирилла и его компании. По наркоте – ничего достойного внимания. Покуривают, но не более того. Зато любят развлекаться с девочками. Устраивают иногда групповухи, но без насилия. С порнухой, водкой, вином и куревом. Молодежь оттягивается. Было заявление на Дениса, приятеля Кирилла, об изнасиловании, но дело не пошло – истица вскоре заявление забирала. Со слов следователя история похожая, что случилась с Алисой. Время от времени они выставляют друг другу новых девочек, это у них «посвящение» называется. Добровольно, понятно, из девчонок на такое вряд ли кто пойдет. Очевидно, подпаивают водкой или клофелин подмешивают. Проще и эффективнее. Такой вот «очумелый» студенческий кружок юных гаденьшей. Хотя, студентов двое – Кирилл и Денис, а Ленья и еще пара ребят, просто знакомые с микрорайона. Скользят по лезвию, но пока все сходит с рук. Осторожные. Силой к себе никого не тянут. А там разбери, как оно было на самом деле? Чего она ночью к ним пошла? О чем думала? Куда родители смотрели? Сейчас столько девчонок таких, что «оторви и брось»? Как специально, в самое дерьмо и лезут. Так что, ситуация шаткая получается. Как говорится, то ли он украл, то ли у него украли?

- И ничего с этими негодьями сделать нельзя? Так и будут пакостить? – Лена повернулась на спину, всмотрелась в матово-серый, как экран в предсеансной темноте кинотеатра, потолок. – Скольким еще так запросто душу растопчут?

- Почему нельзя? В наше время все можно, если постараться, – Эдуард поднялся, приоткрыл форточку, закурил. – Если очень захотеть.

- Дай мне сигарету, – Лена села в кровати. Оперлась спиной о стену, поджав ноги.

- Ты же не куришь?

- Не курю, но иногда хочется, – она затянулась, выпуская дым тонкой струйкой, обдувая огонек сигареты. – Ты что-то говорил?

- О чем? – он протянул ей блюдце для пепла.

- О чем? – повторила задумчиво Лена. Холодный, еще зимний воздух колебал тонкую прозрачную занавеску, студено обтекая голые ноги. Темный силуэт Эдуарда на фоне окна. Неспешная беседа под тихий ночной шорох, разбавляемый далекими редкими машинами. Заговорщики. Ночь «длинных ножей». Какая ерунда! А впрочем... – О чем? О том, чтоб захотеть или постараться.

- Это серьезный вопрос, – голос Эдуарда изменился, потяжелел.

- Я понимаю, – Лена сосредоточила взгляд на мерцающем огоньке сигареты.

- Если ты так считаешь, я попробую, – Эдуард через форточку выпустил в пространство последний дым, выбросил короткий окурочок.

- А ты разве так не считаешь? – Лена передала ему блюдце.

- Считаю. Просто...

- Что – просто? Можно просто насиловать девочку и быть безнаказанным?

- Как тебе сказать? Просто... таким путем... трудно контролировать степень наказания, – наконец нашел подходящие слова Эдик.

- И что ты предлагаешь? – Лену начало нервировать это, как ей казалось, жонглирование словами.

- Я предлагал заявить в милицию, провести освидетельствование. Я понимаю, это тяжело, противно. Но они получили бы срок, а мы... удовлетворение. Моральное.

- Я так понимаю, ты отказываешься?

- Я не отказываюсь, Лен. Я просто боюсь.

- Боишься? Ты?! Чего?

- Боюсь, что, запустив механизм, не сможем потом остановить.

- А зачем останавливать? – Лена сузила глаза, вперившись сквозь окно в далекие невидимые звезды. – Они ж не останавливались...

- Мы это ведь не они, Лена...

- Ладно. Все. Забудь. Не надо «глаз за глаз, кровь за кровь», – Лена легла на спину. Распрямылась. – Подставим вторую щеку. При случае.

- Не злись, я же сказал, попробую. Просто, хотел предупредить, что мы не в шахматы по дружбе играем – «ой, я не так пошел, можно переходку»?

- Я же сказала, ничего не надо. Никакие механизмы запускать, чтобы потом останавливать. Ни-че-го. Не на-до.

- Лена, ты не волнуйся, родная. Как скажешь, так и будет. Нет, так нет, – Эдик прилег рядом обнял ее, стал целовать в шею, лицо, губы.

- Я не хочу. Нет настроения. Извини... – она высвободилась из объятий, отвернулась к стене. – Я спать хочу. Давай спать.

- Спать, так спать, – Эдуард повернулся к ней спиной.

Глава 23.

Заканчивался апрель. Прогрессивная и – не очень общественность отметила даты на самый разный вкус. Кто – день рождения Ленина, кто – Гитлера, преимущественно в маленьких прибалтийских странах. Ненавидя СССР и все, что с ним связано, в своих чувствах прибалты зашли достаточно далеко. Заигрались словами и делами. Словно все бесчисленные острова ГУЛАГа были сплошь заполнены представителями этих маленьких, но гордых наций. Кроме них никто не пострадал. Словно не коснулась кровавая коса многих миллионов русских, украинцев, белорусов или казахов. Словно не сгорали в крематориях Освенцима, Майданека, Треблинки – этих «трудовых лагерях по перевоспитанию» миллионы евреев, и опять же – русских и так далее. Добрый фюрер нес освобождение от Советов, цивилизацию и порядок. Пакт Молотова-Риббентропа следует осуждать только до тире, не вспоминая предшествовавший Мюнхен. Странная искаженная мораль и мировосприятие. Давайте тогда выставим претензии самим прибалтийским демократам. Ведь на штыках латышских стрелков пришли к власти большевики в семнадцатом году. А как героически латышская стрелковая дивизия сражалась в гражданскую? Знаем с далекого детства. Помним. Вот и разобрались мы, кто виноват, почему не живем беспечно, сыто и богато, как, например, в Канаде. А вполне могли бы. Если б не латышские стрелки, будь они неладны! Матросики кронштадтские не очень-то «немецкого шпиона» жаловали. Нам выставляют теперь самые бессмысленные счета, так почему же мы не можем? Полякам – за сожженную Москву и самозванцев, крымчакам – за набеги, полон и рабство, грузинам – что слишком много сил Россия отдала, спасая их от острого османского ятагана. Бессмысленность предела не имеет. А там и Скандинавия за варягов ответит. Вся – вкупе. Их искренне призвали править, а не грабить. Хотя, чем одно отличается от другого? А хазары? Им еще вещей Олег «сбирался отместить». Где хазары? Нет их. Нема. Жаль...

Что там еще в апреле? Чернобыль – мирный атом. Но он далеко, где-то там, в телевизоре. Есть в конце апреля и неполитические даты. Можно отметить юбилей звезды, надолго и заслуженно задержавшейся на зыбком эстрадном небосводе – Пугачевой Аллы Борисовны. Возможно, – слишком задержавшейся, но это дело такое. В спину никто не дышит. А вообще, конец апреля хорош тем, что слышится ужедыханье мая – предвестника тепла и долгожданного лета. Еще немного, еще чуть-чуть... и теплые лучи заполнят улицы и площади, комнаты и классы, ударят в глаза, предусмотрительно укрытые темными солнцезащитными окулярами, разденут красавиц, обнажая побелевшие за зиму колени, руки и плечи. Душа томится в ожидании перемен. И обязательно – к лучшему. Душа томится, гормоны играют и прыскают в крови. А надо сидеть. Сидеть и читать, учить, зубрить, запоминать. Втыкать. Игнорируя весеннее буйство природы на улице и внутри себя, Алиса дисциплинированно занималась. Кроме уроков, штудировала программы для поступления в вуз. Помогала по дому, особенно, когда мама уезжала на закупку. Готовила, убирала. Освоила кнопки стиральной машины. Мать не могла нарадоваться столь разительным переменам.

Аля пришла из школы. По пути набрала по карточке продуктов в экономном «маркете». Класс! По карточке постоянного покупателя получалось почти на тридцать процентов дешевле. Удивилась себе – не по возрасту бережливость. Решила приготовить маме что-нибудь вкусненькое, часам к десяти вечера она должна вернуться. После уже навалиться на уроки. От кулинарных изысков отвлек телефон.

- Алло!

- Привет.

- Да... – Алиса сжалась в комок.

- Алис, ты не узнала меня?

- Узнала.

- Это я – Кирилл.

- Я понял, – Алису мелко затрусил. Не от боязни, а от нахлынувших чувств, будто все произошло вчера. Старалась говорить как можно короче, чтобы нервный голос не выдал ее волнение.

- Алис, я хочу встретиться, поговорить, – всегда уверенный в себе, насмешливый Кирилл звучал подавленно.

- Зачем? Не о чем говорить.

- Аля, я тебя очень прошу. Я рядом из магазина звоню.

- Я не хочу. Ни видеть тебя, ни говорить с тобой.

Алиса действительно не хотела, но интересно, что ему надо? Извиниться хочет? Извини, мы тебя как бы нечаянно трахнули. Втроем. Типа не обижайся. Давай останемся друзьями? Смешно. Два с половиной месяца уже прошло. Зачем звонить?

- Аля, я понимаю я... подонок. Ну, пожалуйста, спустись на площадку, я к качелям подойду. Пожалуйста... – в его голосе было столько жалости.

- Хорошо, – Алиса положила трубку. Выключила на кухне газ. Набросила куртку и спустилась вниз.

На детской площадке на качелях, ссутулившись, сидел Кирилл. Курил. Весь такой из себя несчастный. Даже стало жалко. Может, папа компьютер забрал? Чепуха, конечно.

- Привет... – он щелчком далеко забросил начатую сигарету. Подвинулся. – Садись... Аль?

- Я постою, – она вдруг почувствовала внезапную уверенность в себе, поняла, что намного сильнее этого... этого... слизняка, проползшего по ней. – Что ты хочешь?

- Аль, я поговорить... – Кирилл поднялся. – Понимаешь, я... извиниться. Это все так... не хотел...

- Я извинила. Все? Могу идти? – Алиса сделала движение.

- Аль, подожди! – он быстро схватил ее за руку и тут же, смутившись, отпустил. Замаялся. – Я не знаю, как тебе сказать...

- Зато я знаю! – неожиданно для себя произнесла Алиса, словно это была не она, а какая-то совсем другая женщина, девушка. Взрослая, самостоятельная, не знакомая ей.

- Что? – Кирилл удивленно взглянул ей в глаза и сразу отвернулся.

- Что сказать тебе.

- Говори... – он смутился ее непонятному напору.

- Я ребенка жду от тебя! – так просто, во дворе возле качелей она рассталась с тайной, о которой не знала даже мать. Никто. Она носила ее в себе, пестовала, лелеяла и мучилась, не зная, что с ней делать. И сейчас, произнеся ее вслух, испытала огромное облегчение. Не потому, что открыла ее Кириллу. Нет. Просто потому, что теперь это не тайна. И хорошо. И, слава Богу.

- От меня?! – простодушно удивился Кирилл.

- От тебя... наверно. Ты же первым был, кажется... да без разницы... – Алиса замолчала, приходя в себя от выплеснутых слов и напряжения. Кирилл тоже молчал, закурил сигарету. Она ощутила вдруг вечернюю прохладу,

запахнула открытую куртку. – Ладно, я пойду. На фиг вы нужны... все.

- Аль, подожди, Аля! Я понимаю, это неожиданно все, – забубнил Кирилл.

- Что неожиданно? Дети получают? – Алисе надоел пустой разговор. Хотелось уйти. Пришел извиниться – извинился. Насчет ребенка никто ничего не требует. Свободен. О чем еще говорить?

- Аля, ну, пожалуйста? Я женюсь, если хочешь.

- Не хочу.

- Аль, я действительно...

- Я тоже. В нормальную семью для полной гармонии требуется урод? Не хочу. Понятно?

- Понятно, Аль... тут такое дело... Дэн... Денис умер.

- Как это умер?! – опешила Алиса.

- Он три дня назад в Киев поехал. На «майские». А позавчера его мертвым на путях нашли... – Кирилл опустился на сидущку качелей. Алиса присела рядом. – Я с отцом его говорил. След от укола на руке и передозировка в крови.

- Так, может, сам спрыгнул? От передозы галлоники поймал? – Аля сидела, согнувшись от нервного озноба.

- Ты же знаешь, Дэн не колосся.

- Тогда... зачем его?

- Получается, что с поезда его выбросили, а перед этим вкололи. А зачем, не знаю. Милиция, прокуратура занимаются.

- Мне жалко его, правда, – Аля погладила Кирилла по руке. – Если бы морду набили, не жалела бы. А так... А почему ты мне пришел все это рассказывать?

- Не знаю, Аль... у меня две недели назад случай был. Ты же знаешь, утром всегда в давке на занятия еду. Так, когда трамбовались сзади, и автобус тронулся, меня под него подтолкнули, я еле выкрутился. Колесо по куртке прошлось.

- Может, тебе показалось? Просто толкались, поскольку.

- Да, похоже. Оно как бы случайно, но я ж почувствовал, как подбили ногу и толкнули.

- А кто?

- Как поймешь, кто? Автобус остановился. Народ высъпал. Водитель на меня орет. А я сам приход поймал от страха. Сейчас только на маршрутках...

- Ты осторожнее это... ладно, я пойду, – Алиса поднялась.

- Аля, ты с матерью поговори, пожалуйста. Расскажи ей...

- А при чем тут мать?
- Аль, я не знаю... кажется, не случайно это... со мной, теперь вот – Дэн.
- А при чем тут моя мать, повторяю?!
- Аль, может, она нас... заказала? Из-за тебя?
- Придурок! Идиот больной! Ты что говоришь?! Ты хоть понимаешь?! – Аля закричала, как ошпаренная кипятком.
- Аль, не кричи, пожалуйста. С матерью поговори... – Кирилл поднялся. – Я пошел, извини. Пока.
- А Лёня как? – в спину спросила Алиса. – С ним ничего не случилось?
- Нормально Лёня. Вчера звонил. Откуда – не знаю. Залег на дно.
- А ты ко всем ходишь? – прямо спросила Алиса.
- В смысле?
- Ну, ко всем девочкам, которых вы... или только ко мне наведаться решил?
- Кирилл не ответил на вопрос, стесненно пожал плечами, повернулся и пошел. Худой и длинный как вопросительный знак.

Глава 24.

Майские праздники не удались. На демонстрации и митинги Лена много лет уже не ходила. С трудом бы вспомнила, когда последний раз «в едином порыве со всем прогрессивным человечеством проявляла солидарность с угнетенным на Западе рабочим классом». Потом оказалось, что рабочий класс и трудовое крестьянство «там за бугром» прямо-таки жируют по сравнению с восточными коллегами – такими же работягами в стране победившего Октября и прилегающем «лагере». Кто же тогда угнетен? С пролетариями каких стран соединяться? И для чего? Что имеется в виду – «соединяйтесь»?

Маевки не удались потому, что «бризгал», как выражалась баба Люся, дождь. Он не лил, не шел, а именно «бризгал», нервируя непостоянством и зловредностью, засидевшуюся в каменных скворечниках, городскую публику. Дождь у бабы Люси «бризгал», в магазин завозили «рибу», на праздники она стряпала «пырижки» – вкусные, пока горячие. На День Победы тоже не удалось выбраться на природу. Погода внушала оптимизм, но Эдуард был занят по горло. Погуляли с Алисой в соседнем парке. Угостили себя мороженым и кофе. Лена наблюдала за дочерью со стороны, пока Аля ждала у ларька. Повзрослела. Поправилась. Как не поправиться? Сидит дома, занимается и булочки топчет. Хомячит, как сама говорит. Да, щечки налились. Интереснее стала. Закончились не предусмотренные учебным планом майские «каникулы» и Алиса отправилась в школу. Лена возилась по дому или не возилась, если не хотелось. Читала, смотрела телевизор, посещала подругу Инну. Изредка навевдалась ДЖ-овская Вика. Сегодня копошилась на кухне. Дверной звонок пропиликал надоевшую мелодию. Подошла, посмотрела в глазок. С чего бы это? Набросила цепочку и слегка приоткрыла дверь.

- Здравствуйте, Елена Викторовна... – на площадке стоял Кирилл. Не тот самоуверенный нагловатый типок, а какой-то загнанный, невыспавшийся молодой человек. Затравленный звереныш. Вроде, меньше ростом стал.

Лена промолчала, не удостоила ответом, глядя из-за двери на врага.

- Елена Викторовна, я понимаю... специально пришел, пока Али нет. Можно зайти? Пожалуйста, выслушайте меня...

- Проходи, – Лена открыла дверь. Что-то было в нем жалкое, даже жалостливое. И она поддалась сострадательному чувству. Подсознательно. Сознательно? Поддалась, да и все.

- Спасибо, – Кирилл стянул кроссовки в прихожей и прошел за ней в комнату.

- И о чем мы будем говорить? – Лена села на стул возле окна.

Молодой человек осторожно опустился на краешек дивана.

- Разве Аля вам ничего не говорила?

- У дочери от меня секретов нет, – Лена специально расположилась так, что Кирилл смотрел на нее против света. Щурился. Зато она видела его как под лампой. Чего он пришел? Червяк! Тоже – переживает. Выкручиваться будет?

- Так вы в курсе?

- Да, я в курсе. Ты это хотел услышать?

- Тогда хорошо, Елена Викторовна. Может, Аля вам не все говорила про меня, так вот, я не отказываюсь быть отцом. Ни в коем случае. А если Аля разрешит – и мужем... если простит.

- Да... понятно... говорила. Я сейчас, газ выключу... – Лена быстро выскочила на кухню, автоматически грекнула кастрюлей.

«Так, собратся. Собратся! Спокойно, милая! Спокойно. Стоять. Я сказала, стоять! Не дергаться. Она ребенка ждет?! И матери не сказать. Ах ты, дрянь такая! Матери не сказать. Засранка! Так. А может, она ему совра, напугала? Нет, глупости. Точно, ребенка ждет. Щечки, булочки. Паршивка малая, родной матери не сказать! Так, все. Успокоилась. Один, два, пять, десять. Успокоилась. Вот так».

Лена принесла бутылку «Миргородской» и два стакана. Налила оба. Не спрашивая, протянула Кириллу.

- Спасибо, Елена Викторовна. Как раз пить хочется, – он жадно припал к стакану.

- На здоровье. Пейте, зятек.

Кирилл поперхнулся, закашлялся, обрызгав минеральной бьюки. Лена хладнокровно, насколько получалось, ждала, пока он окончательно прокашляется.

«Парень, как парень. Ну и жили бы себе с Алисой, черт с ними, что рано. Так нет, надо все изгадить. И себе, и другим. Хоть что-то человеческое просматривается».

- Я предлагал Але, когда... узнал, когда Аля сказала, что... беременна и ребенок... ну, может со временем она меня простит. Я готов ждать, Елена Викторовна. Я много думал обо всем. Мы виноваты, да... конечно. Очень... вот. А Дениса убили.

- Как? – Лена ужаснулась, закрыв рот рукой.

- Разве Аля не говорила? Я ее просил...

- Да. Нет. Не помню. Кажется, говорила. Я, наверно, напутала. Думала, опять телекриминал. Убили... как же так? Когда?

- Три недели назад. На ходу из поезда сбросили, а перед этим укол сделали. Героин. Передозу.

- Какой ужас. Бедный мальчик... – она уже забыла, что «бедный мальчик» насилывал ее дочь и чьих-то других дочерей. Это ушло. Осталось щемящее материнское чувство потери ребенка, родной кровинки. Чужое горе отдавалось эхом, находило отклик в ее сердце.

- Это ночью произошло. Никто ничего не видел, не слышал, только ватку в купе нашли со следами эфира. Мне отец его говорил, – поведал о друге Кирилл.

- Боже мой, какое горе для родителей... – произнесла Лена, но она не могла сейчас думать о родителях Дэна. В мозгу стучал вопрос – неужели это я? Нет. Не может быть! Я не хочу этого! Не хочу. Я не убийца. Неужели это я? Нет. Нет. Нет!

- А про меня Аля вам ничего не говорила?

- Нет. Ничего, – честно ответила Лена. Быстро метнула взгляд. Руки, ноги – все на месте. Пальцы – целы. Господи, что там еще?!

- Меня тоже убить хотели, – Кирилл рассказал историю своего счастливого спасения из-под колес автобуса.

Лена внимательно выслушала парня. Посидели несколько минут в тишине.

- Я пойду, Елена Викторовна? – Кирилл поднялся с дивана. Рост такой же, не уменьшился.

- Иди. Только будь осторожен. Поверь, мы не хотим тебе... вам зла. Такого.

- Спасибо. Я стараюсь. Вы передайте Але, что я буду ждать. Она может на меня рассчитывать. Я ребенка буду любить. Я детей вообще люблю. Знаете, родителей всегда ругал, что мне брата или сестренку не сделали.

- Это хорошо, что ты детей любишь, Кирилл. Я Але передам. Обязательно, – Лена закрыла дверь. Нашла на кухне аптечку. «Корвалол» капал до противного медленно. Зубами вытянула капроновую пробку. Плеснула в чашку лекарство, разбавила водой. Выпила залпом. Сунула

под язык таблетку «валидола». Села, максимально распрямив плечи. Старалась глубоко дышать. Спустя несколько минут тупая, сжимающая грудь боль, отошла.

Одиннадцать двадцать. Всего. Не слишком ли много обрушилось на нее этим утром? Беременность дочери явилась ударом, но не самым страшным, как оказалось. Неужели это я? Убийца. Нет – заказчик. Какая разница? Пистолет не виноват. Виновата рука, палец, нажавший курок, мозг, отдавший приказ. Господи, объясни, как с этим жить? Неужели это я? Дура! Что же я наделала?!

Она позвонила Эдуарду на работу. На счастье, он оказался в кабинете. Лена ничего не объясняла, сказала, что он должен срочно, срочно! приехать. Все объяснял тон. В первом часу он уже был дома. У Лены. Она выложила все. Про беременность дочери, про потенциального зятя, бывшего насильника, теперь любящего их дочь и будущего ребенка. Возможно, не его. Это не проблема – он любит детей вообще. Про убийство Дениса и покушение на Кирилла. Эдуард внимательно слушал, не перебивая. Завершила Лена эмоциональными сентенциями о своей причастности и вине. Возможной. Эдик должен был разрешить сомнения. Собственно, для этого он и был вызван.

- Это все? Ты закончила? – он сидел спокойный и непробиваемый как танк.

- Неужели этого мало?! – всплеснула руками Лена.

- Немало, немало, - согласился Эдик. – Дорогая, ты можешь совершенно успокоиться насчет своей вины. Вернее, ее отсутствия. Ты абсолютно ни в чем не виновата. Так что, живи смиренно и готовься стать бабушкой.

- Я не знаю, верить тебе или нет?

- Верь – это правильно и для души спокойно. А почему ты должна мне не верить?

- Почему? Помнишь наш разговор ночью? Слишком точно все получается, как ты говорил. Механизм запущен, и мы не можем его остановить. Боже мой, какая я была дура?!

- Лена, прекрати. Я тебе повторяю...

- Не надо мне повторять! Я прошу, оборви все это! Не надо больше никого убивать!

- Лена, остановись. Послушай, пожалуйста, внимательно, – Эдуард выдержал паузу, подождал, пока она успокоится. – Я ничего не могу остановить, потому что я никакой механизм не запускал, никому ничего не поручал. Это вообще так просто не делается, если хотя бы кого-то убрать. Это очень сложные операции, с прикрытием, несколькими звеньями. Нет смысла об этом говорить. У тебя

в голове обывательская каша из сериалов про «ментов». Ты бы совершенно не переживала, если бы лучше понимала специфику моей работы.

- Но ведь ты же сказал, что попробуешь что-то сделать? Вот оно и делается. И ты не можешь это прекратить.

- Лена, если я что-то такое и сказал, это только чтобы тебя успокоить в тот момент. Ты вспомни, я говорил, что мы не можем поступать, как они. Говорил?

- Говорил... – Лена согласно кивнула головой.

- Вот вспомни, я настаивал вызвать милицию, пройти освидетельствование, написать заявление. Пройти через суд и посадить негодяев. Было такое?

- Да. Было такое. И другое было. Ты разное говорил. Откуда я знаю, чему верить?

- Ну, хочешь, я поклянусь самым дорогим. Здоровьем сына, матери, своим. Чем хочешь.

- Поклянись.

- Лена, клянусь, ничего я не запускал, никому не поручал.

- Чем?

- Что – чем?

- Ну, чем клянешься?

- Я же сказал, здоровьем сына, матери. Достаточно? Ты довольна?

- Да. Наверно. Не знаю. Я не знаю.

- Нет, мне это начинает действовать на нервы! – Эдуард перешел на повышенный тон. – Значит так, сиди и слушай. Молча и внимательно, я дважды повторять не буду. Мне эти сопливые прения уже надоели. Значит так! С Алей беда случилась, но не горе. Не зарезали, не повесили, не расчленили. Слава богу, жива-здорова. Тебя бабушкой делает. Ладно, проехали. Я предлагал пройти через суд? Вы отказались. Все. Точка. Хозяин – барин. Неужели ты думаешь, что я свою карьеру подставляю из-за этих сопляков? Пойду на «мокрое» дело? А если вылезет где-то ненароком, тут уже не о карьере, не о лычках думать. О жизни. Это вам понятно? Я думаю, понятно. И кое-что из психологии, мы изучали такую науку. Да, я навел о ребятах справки, это обычные агентурные дела. Обмениваемся в рабочем порядке. Кстати, мне сейчас тоже надо кое о чем серьезно поразмыслить. Могут задуматься над природой моего интереса в свете происшедших событий. Так вот, я рассказал тебе, что удалось узнать. Ты была под впечатлением. Тебе хотелось, чтобы хорошие парни набили морды плохим парням. Проучили. Как в кино. Я правильно обрисовываю ситуацию?

- Правильно, – подтвердила Лена. – Прямо играешь с листа. Продолжайте, маэстро.

- Вот и прекрасно. Леночка, дорогая моя, эмоции проходят. А сопляки эти не стоят того, чтобы марафаться об них. Ни тебе, ни мне. Вот и все! – неожиданно закруглил пространную лекцию Эдуард. – Совесть наша чиста. А кто на них охотится? Нажили врагов. У них ведь не только Алиса была? А у каждой девушки есть отец, брат, жених какой-нибудь. Вот там, очевидно, и надо копать. Ты успокоилась?

- Да. Почти. Ладно, идем, Пинкертон, на кухню. Надо ж покормить тебя.

Но пообедать честному менту Эдуарду не довелось. В квартиру, запыхавшись, влетела Алиса.

- Мама, ты слышала?! – вбежала на кухню и выпалила. – Вы слышали? Час назад Кирилла машина сбила. Прямо возле его дома. И уехала. Вроде, иномарка какая-то. Номера заляпаны.

- А он жив? – Лена изо всей силы сцепила пальцы в замке.

- Не знаю. Говорят, в реанимацию увезли. Там кровь на асфальте. Страшно... – Аля сглотнула ком, по щекам пошли розовые пятна. – У нас математика была, когда «скорая» промчалась. С воем... А вы, действительно, нечего не слышали?

- Нет! – Лена и Эдуард переглянулись.

Глава 25.

Если в предыдущие сезоны дела в клубе шли неплохо, более-менее или ни шатко, ни валко, то ныне «Машина» набрала коммерческие обороты и напряженно пыхтела «от заката до рассвета», преобразуя чувственное эфемерное удовольствие масс в материальные денежные знаки. Клуб неожиданно стал «модным». Публика потянулась на «рочок-с», «джазок-с», живые выступления ветеранов и молодой поросли. Большим успехом пользовались джем-сейшнены с акустическим привкусом, без уютительной зудящей электроники. Клавишы под классическое фано, гитара, ударные и бас, а лучше – контрабас. И чтоб не спеша, интимно шурша щетками по основному барабану. Ненавязчивая джазовая струя прищлась в этом сезоне ко двору. Джимми подбирал на свое усмотрение приглашенных артистов, поддерживая контакты с акулами, а больше – мальками шоу-бизнеса, промышленными в отечественной музыкальной луже. Старался вылавливать из этого самостийного пруда-отстойника персонажи оригинальные и малоизвестные, не испорченные «офигительной» после показа по телевизору звездностью, VIP-требованиями и непомерными по сравнению с масштабом своего скудного дарования гонорарами. В отличие от жутко накрученной собственным имиджем «попсы», избалованные вниманием, джазмены лабали для публики без характерной авангардистской заумности. Попроще и покрасивше, в соответствии с законами жанра в конкретных условиях. И гораздо профессиональнее.

«Hello, olly! This is Louis, olly!» – все хлопали в ладоши, с удовольствием расслаблялись и вышивали на танцполе под заводной свингующий мотив. Не уступали джазовым и рок-н-рольные вечеринки – «Тутти Фрути! Оу, Тутти!» «Roll over Beethoven!» – то есть, катись-ка ты, старичок Людвиг, куда подальше! Не до тебя нам сегодня, ёлы-палы! После полуночи, конечно же, ди-джеи бомбили празднующую публику новомодными треками, хитами, миксами и прочей «клубной» шелухой, перемежая

глобальную бомбардировку лирическими звуковыми островками, заготовленными Джимми «для настроения». Стриптизерши крутились и извивались, поднимая тонус «dance-party», и даже где-то напрягая его. Стойка бара повышала градус. Особы, приближенные к телу «И. Б.», с высочайшего дозволения посещали «кабинеты» на втором этаже, где припадали на десерт к свежим и приятным телам. Рулила тут Татьяна – «кабинетами» и девочками, желавшими подзаработать не только показом интимных местечек. Сказать честно, случилось это эпизодически и бессистемно. По производственной необходимости или партийной целесообразности.

Шестеренки и пятеренки «Машины» крутились-вертелись достаточно согласованно. Народный наплыв позволил ужесточить face control на входе, отсекая проблемный и визуально «галимый» контингент. На праздники и по пятницам-субботам зачастую работали по приглашительным. Почти все столики заказывались заблаговременно предусмотрительными посетителями. С конца декабря до Старого Нового года вообще был аврал. Приходилось париться, сутками не уходя домой. Ну, так тяжело! Прямо, как уголь добывать в шахте – там тоже своя долбежная дискотека – натуральный андеграунд, техно саунд и спецэффекты с риском для жизни on-line.

Сергей предложил разнообразить программы конкурсами с публикой, разными, в зависимости от контингента. С призами – от компакт-диска, любой бутылки в баре или бесплатного приглашительного, до «поляны» за столиком на двоих и месячного абонеента. Джимми выразил сомнение, не факт, мол, что толпа поведется. Но порылся в Сети в наследии затейников-массовиков. Попробовали навскидку пару раз – народ повелся с неожиданным для некоторых скептиков подъемом. Живое общение, как-никак – прямая и обратная связь. Общались с публикой дозировано, не надоедая, но и не бросая совсем на произвол. Публика, с небольшой их помощью, веселила себя сама. После двух-трех часов ночи, когда профи стриптиза освожидали площадку и занимались в гримерке обратным своей работе процессом, вождеденные шесты частенько атаковали девушки с повышенным промилле алкоголя в крови. Или просто фанатки всего большого и несгибаемого. Учитывая стереотипность данного явления, Сергей пустил народные эротические потуги не на самотек, а в русло. Организовали самодеятельных энтузиасток непреклонного фаллического символа в конкурс на «девushку с шестом» – The Best, с обязательным поощрением призами

наиболее откровенных и способных конкурсанток. Некоторые со временем попадали в штат, компенсируя естественную текучесть аппетитных симпатичных кадров. Не шести, а кузница, кузнечный стан, можно сказать. Заменяли и сами серебристо-стальные трубки. Теперь авансцену украшали две прозрачные современные стойки, разноцветно переливающиеся и пузырящиеся внутри. Джимми назвал их Twin Peaks – Muscles of Love.

Став в сентябре формальным помощником народного депутата, точнее, помощником-консультантом, Сергей фактически забыл об этом, сунув корочку в ящик с документами. Как-то в марте, посетив подвластное заведение, Игорь заговорил с ним на предмет реализации его, то есть Сергея, общественного потенциала. Просветил насчет прав и обязанностей помощника нардепа. Обязанностей не с три короба, права присутствуют. Короче, рулить куда «папа» скажет. Быть на подхвате. Прикрывать свою зону, в спортивном смысле, наигрывая контакты, связи, типа, взаимопонимание. «Машина» гудит, и пусть себе гудит. Бросать клуб никто тебе не предлагает, но пора подумать и о серьезном деле. Например, «подтянуться» к политической команде, за которую он, «И. Б.», и выступает.

- Так что, поразмысли над моим предложением, – Игорь допил пиво. Официантка мгновенно заменила пустой бокал на полный. Одним бокалом шеф обычно не ограничивается. Три, четыре, пять, в зависимости от количества свободного времени. К традиционным фисташкам добавила блюдо с солеными сухариками в запахе бекона, морковку по-корейски. Для разминки.

- И как долго я должен мыслить? – Сергей не пил любимое пиво и вообще – спиртное. За рулем. Как раз собирался смотаться домой. Употреблял кофе.

- День, два... – Игорь неопределенно пожал широкими погруженными плечами. Он с годами набирал не только политический вес. – Неделю. Сколько тебе необходимо?

- Это слишком. Могу прямо сейчас помыслить.

- Давай, пораскинь, – Игорь неспешно цедил ячменный напиток. Приступил к уничтожению окорочков, доставленных с пылу-жару.

Сергей задумался, начал раскидывать. А что, собственно, раскидывать? Он не возражал «подтянуться». В клубе все накатано. Вот образование – проблема, его отсутствие. Живой пример, что проблемы надо и можно решать, как раз напротив трюцил поджаренные в гриле «ножки Буша». Придется учиться. Заочно. Не сильно хочется, правда. Лишняя возня, суета. А что делать? Без бумажки ты бу-

кашка, а с бумажкой «шалавек». М-да... Зато просматриваются новые жизненные перспективы, горизонты, громадье планов. Может, не спешить? Посоветоваться с Маринкой? Он и так знает, что она скажет на все это. Поступай, как считаешь нужным. Значит, будем подтягиваться.

- В принципе, я не против, только вот высшей освиты у меня не имеется в наличии.

- Пока это не актуально. Поступай летом на юридический заочно. Или экономический. Какие проблемы?

- Честно говоря, желания большого нет. Учебники, экзамены. Возраст уже не тот.

- Серый, какие учебники? – Игорь отвлекся от поглощения мясистых частей птицы. – Ты поступаешь на платное отделение, вот и все. Твоя задача – вовремя платить. Ну, прочтешь там пару страниц перед экзаменом. А для контрольных, рефератов и курсовых найдешь девочку или мальчика – тебе из Интернета все скачают и распечатают. И сам не заметишь, как станешь юристом.

- Да понятно, – протянул Сергей. – Сейчас, куда не плюнь, обязательно попадешь в юриста. Только без обид, Игорь.

- Да без проблем.

- А как не в юриста, так в экономиста, – завершил мысль Сергей.

- Не нравится, стань психологом или социологом. Только на... кому они нужны? – завершил трапезу Игорь.

- Это понятно. А что мне надо будет делать?

- Ничего сверхъестественного. Выполнять поручения, ездить в командировки, встречаться с людьми. Ты справишься. В ближайшее время работы много не будет. Так, мелочевка. Пока войдешь в курс дела. А вот через год придется засучить рукава.

- Это выборы, что ли?

- А что же еще? Как говорится, исторический момент. И выборы, и подготовка к ним. Так что, люди нам будут во как нужны, – Игорь провел большим пальцем под подбородком. – А у тебя голова светлая. И доверяю я тебе.

- Спасибо, Игорь Борисович, – Сергей хотел сказать иронично, но получилось как-то слишком всерьез. Подобострастно, что ли? Вообще, было неловко и противно за себя. Игорь, так получается, к нему слишком хорошо относится. А он? А он... возжелает, блин! ...твою мать! ...твою жену!

- Пожалуйста, Сергей Викторович. Пожалуйста. О! Кто к нам пришел?!

Подошла Татьяна, поцеловала мужа в висок.

- Что это вы тут масонствуете в полумраке? – она присела к ним за столик.

- А что, так заметно? – удивился Сергей. Посмотрел на собеседников – юрист и экономист. Усмехнулся про себя.

- Вид у вас заговорщицкий. Против кого козни плетете? – Татьяна заложила ногу за ногу. Достала из сумочки сигарету. Сергей предусмотрительно щелкнул зажигалкой.

- Вот, увожу твоего компаньона из общепита в политику, – произнес Игорь, привычно грызя зубочистку.

- А клуб? – Татьяна затянулась.

- А что, клуб? Клуб остается на месте, – Игорь тоже достал сигарету. Прикурил от золотистой квадратной зажигалки с клацающей крышечкой. Фирменной. Чей-то недешевый презент. Пару раз медленно, вкусно затянулся. Выпустил дым через нос двумя широкими струями.

«Как огнедышащий дракон, только без огня», – подумал Сергей и представил «И. Б.» с полным драконовским боекомплектом – снопами огня и дыма. Штурмовик – стратегический бомбардировщик. Улыбнулся дурацким мыслям.

- Что ты хихикаешь, обалдуй великовозрастный? – грызнула его Татьяна.

- Ничего. Анекдот вспомнил, Джимми вчера рассказывал.

- Ну, давай анекдот. Только, пожалуйста, без мата. Евгений Васильевич у нас мужчина колоритный, может себе иногда позволить... – Татьяна сделала вид, что не особо озабочена общественно-производственными телодвижениями компаньона.

- Иностранец заказывает в кассе два билета на самолет в Дублин. «Ту тикетс ту Даблин». «Куда, блин?» отвечает кассирша.

Игорь и Татьяна не засмеялись.

- Ну, игра слов такая, – начал объяснять Сергей.

- Спасибо. Мы поняли. Разжевывать не обязательно, – Татьяна задавила сигарету в пепельнице.

- Да. Так вот, Сергей Викторович начинает работать на светлое будущее. Введите компаньона в курс дела. А мне, панове, разрешите откланяться ту Даблин. – Игорь поднялся, нависнув над ними внушительными габаритами. Обратился уже к супруге. – Я сейчас домой, кое-что забрать. Тебе ничего не надо?

- Нет. Я только оттуда. Если захочешь пообедать...
- Не захочу. До вечера, – «И. Б.» степенно, но вразвлочку, такую же вальяжно-спортивную, как и лет восемь назад, когда они познакомились с Сергеем, осуществил перемещение собственного тела из клуба в кабину любимого джипа.

Сергей в двух словах обрисовал коллеге ситуацию.

- Я сразу поняла, что вы меня динамите, – Татьяна достала еще одну сигарету. Официантка принесла два кофе. Ей и Сергею. – Ты же помощником у него давно числишься? Кстати, этих помощников он может до трех десятков набирать. По закону. Игорь мне объяснял. Идиотизм, правда?

- Не знаю. Для чего-то ж такой закон приняли? Они ведь на общественных началах?

- Да, только четверем помощникам зарплату платят. А остальные за спасибо. Такое зеленатое спасибо. Так что, не волнуйся.

- А я и не волнуюсь. Ты, прямо, подкована так... – удивился Сергей.

- Муж – депутат. Положение обязывает.

- Ну что? – Сергей посмотрел на часы. – Мне необходимо домой смотаться.

- Кстати, учитывая, что ты теперь будешь меньше внимания уделять клубу, – Татьяна пропустила мимо ушей его последнюю фразу, – надо срочно разобраться с... одним вопросом. Так что, жду вас у себя в кабинете.

- А, может...

- «Надо, Федя. Надо!» – она решительно встала и пошла.

Туда, где они с завидным постоянством решали один и тот же вопрос. Правда, разными способами. Вопрос окончательно никак не решался. Требовал все новых или привычных старых походов. Вопрос этот, собственно, состоял не в решении, как таковом, а именно в процессе. И сейчас, глядя вслед заманчивым женским формам, Сергей понимал, что опять не сможет устоять перед задачей, и попробует решить ее еще раз. Возможно, два. Как получится. «Не любить таких женщин – преступление, любить – наказание». Ладно. Первый пошел. Нет, первый ушел. Второй пошел. Пошел вторроой!

Глава 26.

Новые функции Сергея, как помощника-консультанта не были обременительными и представляли собой преимущественно чисто технические поручения шефа. Отвезти, привезти, поехать туда-то, заключить договор о том-то. Большею частью мотался сам, иногда с Васей, то бишь на людях – Василием Ивановичем. Командировки щедро оплачивались из партийной казны. Пару раз побывал в Донецке, заключал договор с полиграфкомбинатом на печатание плакатов, брошюр. Останавливался у сестры. Специально для нее накануне отъезда набирал на «Бессарабке» всякой копченой рыбной вкуснятины. Ну, а местное пиво давало киевскому сто очков вперед. Ничто так не согревает душу, как прохладное свежее пиво.

Ленка, как всегда, находилась в отличной форме. Как гончая, он объяснил ей, что это комплимент. Слегка загнанная гончая, решил про себя, но вполне. На личном фронте у нее происходила хроническая нескладуха, как показалось Сергею со стороны. Непонятка, поставил бы окончательный диагноз «И. Б.». Но сейчас все сестринские усилия направлялись на Альку – выпускные экзамены и поступление в институт. Признался, что и сам будет поступать на юрфак. На заочное отделение.

- Сережка, не смейся меня, ради бога. Ты и учеба – это явления мало совместимые, – развеселилась Лена. – Я понимаю, на стадион тебя загнать, еще был бы какой-то толк среди ветеранов. Сам подумай, ну какой из тебя юрист?

- А Игорь, шеф мой любезный? Уже год, как юрист. Он смог, а чем я хуже? Why not?

- Что-что?

- Почему бы и нет? Так один приятель говорит, – пояснил брат. – Сейчас главное в учебе – платежеспособность студента. Потом, я ж не собираюсь адвокатом и вообще, по специальности работать. В столице юристов – не протолкнуться. Это так, корочку иметь на перспективу. С точки зрения партийного строительства.

- Понятно... – протянула Лена. – Собираешься в политику окунуться?

- Обмакнуться собираюсь. Шеф подтягивает. Официально его помощником числюсь. Говорит, в следующем году работы будет невпроворот. Предстоит глубокое погружение. А там посмотрим, куда вынесет.

- Честно говоря, не ожидала от тебя такой прыти, но – молодец.

- Кстати, если у племянницы проблемы с поступлением возникнут, подавайте документы на платное отделение. Поможем родному человеку материально.

- Спасибо. Мы и сами так решили. На стационар конкурс высокий, если не пройдет, перекинемся на платное. Я думаю, справлюсь сама. Но за предложение спасибо, будем иметь в виду. Если что.

- Да, уж поймите... – Сергей искренне любил «племяшку», при встречах старался быть не с пустыми руками, и «приветы» Але передавал вполне материальные, но встречи, правда, случались весьма редко. Реже, чем «приветы». – Слушай, Аля так изменилась! Когда я в последний раз ее видел, год назад? Такая стала вся из себя... заманчивая. Прямо модель. Смотри, мать, за ними нужен глаз да глаз. Это я тебе как профессионал говорю.

- Спасибо, профессионал. Вашими б устами... – Лена махнула рукой.

- А что, какие-то сложности?

- Как и у всех. Ничего особенного. Где обещанная рыба? Сколько можно ждать! – съехала на другую тему Лена.

- Сейчас, достанем. Все есть – и сомик копченый, и чебонь, и... – Сергей достал из сумки, аккуратно упакованные в кальку, а затем в серебристую фольгу дурманящие дымным ароматом деликатесы. – Давай, я за пивком сховаюсь.

- Смотайся... в холодильник, милый, – сестра чмокнула его в щеку, и загребла на кухню пакеты.

- Я тоже хочу! – прямо с прихожей пошла на запах Аля, вернувшаяся с консультации. И на ходу зацепила накрашенными ногтями серовато-желтый ломтик рыбной мякоти, мгновенно растаявший во рту. – Класс! А пивка чуть-чуть?

- Алька, не безобразничай! Во-первых, помой руки. Неужели я до смерти буду это говорить?! – Лена шлепнула ладонью по столу. – А во-вторых, какое может быть пиво? У тебя завтра экзамен, а ты пиво собралась пить. Перекусила, и марш заниматься!

- Дядя Сережа! Ну, хоть ты скажи ей!

- А что? В небольших дозах пиво безвредно в любых количествах, – поддержал племянницу добрый киевский дядька.

- В огороде бузина, а в Киеве – дядя Сережа, – парировала Лена.

- Ну, мам? Всего полстаканчика, научный факт – пиво стимулирует мозговую деятельность, повышает...

- Знаю я, что оно... стимулирует и повышает, – Лена была почти непреклонна.

- Мать, ты действительно, как-то слишком сурова, – вступился Сергей. – Она будет заниматься. Всю ночь. Я правильно говорю, Аля?

- Да. Вот видишь, дядя Сережа понимает. Не то, что некоторые. Ребенку надо расслабиться после консультации.

- Дядя Сережа приехал и уехал. Красавец! А мне потом расхлебывать твои экзамены, – Лена замолчала, посмотрела на эту спешущую «сладкую парочку». – Ладно. Только полстакана, и к себе в комнату! Ты еще билеты не все прошла.

- Ура! – Алиса захлопала в ладоши и достала с полки высокий почти литровый пивной стакан темного чешского стекла. Из шикарного подарочного набора, допотопной давности.

- Нет, ты точно спятила, дочь. Еще б графин взяла! – Лена убрала суперстакан на место, поставила на стол обычный турецкий двухсотграммовый восьмигранник.

Алиса с упоением принялась «точить» рыбу, экономно распределяя янтарную жидкость. Естественно, полстакана не хватило. Скрепя сердце, Лена согласилась на – еще. Потом еще полстаканчика. В итоге спустя полчаса Алиса уютно засопела под пледом в своей комнате.

- И это перед экзаменом! – сокрушилась Лена. – Нет, вы меня доконаете! Тоже мне, добренький дядя приехал...

- Ленка, да брось ты паниковать. Поспит девочка, потом со свежими силами на билеты навалится. Усэ буде горазд. Все будет хорошо, ты это знаешь? Я знаю. Мы что, не такие были? Сама вспомни.

- Ну, уж пиво перед экзаменами я точно не пила.

- Знаем мы, как вы пиво не пили, и как вино... не пили.

- Придурок! – Лена легко дала брату подзатыльник по шевелюре. – Что ты там знаешь? Понапридумывал себе. Сердце за нее болит, хочется... чтоб... чтоб... у нее...

- У, какие мы тонкие стали на слезу, – он обнял сестру за плечи. – Что это за «маленькие трагедии»? Я фотографии привез. Хочешь, покажу?

Лена кивнула. Сергей принес два небольших фотоальбома, семейное и разное. Лена рассмотрела повзрослевшего, уже полтора года, племянника. Брата с семьей на отдыхе и дома, на работе.

- А это кто? – Лена показала на женское лицо в клубном интерьере, возле Сергея.

- Коллега по работе.

- Да? Симпатичная у тебя... коллега. Смотри...

- Лен, да брось. Строго деловые отношения. Это Татьяна – жена шефа. Так что, сама понимаешь...

- Это который «И. Б.»?

- Ну да, он самый, – Сергей почесал затылок. – Интересно, почему ты вдруг так решила?

- Почему? Смотрит она на тебя явно не по рабочему, – Лена внимательно изучала фото. – Требовательно и ревниво. На обычного «коллегу по работе», дорогой мой, так не смотрят. Женщина это чувствует. Я права?

- Да, брось, я просто так спросил.

- Так я права?

- Ну, как бультерьер вцепилась. Права? Неправа?

- Ты бы фото убрал, чтоб Марину не нервировать.

- Да она и не нервничает. Вроде.

- Понятно... – Лена с сожалением посмотрела на брата.

– Смотри, Сережка, добалуешься. Не в том огороде ты решил попасться. Капусточка может... расстроить пищеварение.

- Да знаю я, знаю... вот, обломщица. Так хорошо сидели... – Сергей поднялся из-за стола. – Дай мне пакет какой-нибудь или сумку. Я еще за пивом схожу.

Продолжили пивные посиделки допоздна. Алиса проснулась, закрылась у себя и вгрызалась в учебу, а они болтали негромко обо всем. Вспоминали далекое радужное детство. Договорились обязательно встретиться в горах у матери в августе после экзаменов.

Сергей легко поступил на юридический факультет. На заочное отделение платного филиала университета. Убеленные сединами профессора или доценты, а возможно просто заслуженные педагоги, немного стесняясь игры, в которой они принимали участие, ставили великовозрастным дылдам приемлемые для поступления баллы. Утешали преподавательскую совесть тем, что у данного студенческого контингента уже есть большой жизненный опыт. Это немаловажно. А кто захочет получить знания, будьте любезны, мы только поможем. Понимали, конечно, все это от лукавого, так и будут учиться, расплачиваясь за оценки. Такое вот время, что поделаешь? Одним дипломы, другим зарплату. Все хотят жить.

Сергей с Мариной и Витюшей приехали в городок в конце августа. Планировали на десять дней, но не пробыли и недели. Погода до неприличия испортилась. Похолодало и задуло, засыпая колючим песком наиболее упорных отдыхающих, возможно из Ханты-Мансийска или Якутска. Им и такое в радость. Курорт как курорт. Хотя, в Сибири лето тоже бывает хорошее – целый месяц без снега. А наши избалованные теплом и солнцем герои вернулись домой в столицу. Там ждали почти великие дела. Ленка, хотя и обещала, так и не появилась, сославшись по телефону на производственную загруженность. Стяжала сестра. Мать, Людмила Николаевна, огорчилась их неприезду. Истосковалась за дочерью и внучкой. Сообщила, что зимой сама поедет к ним на каникулах. На пенсию она не собиралась, несмотря на светивший впереди знаменательный юбилей. Какая в наше время может быть пенсия? Бестолково сидеть и стареть в четырех стенах? Работать и только работать! Она еще не божий одуванчик!

Алиса тоже поступила. Натянула баллы на стационар, хотя и платный. Лучше сразу переоформиться на заочное отделение. Не мед, конечно, маме горбатиться на учебу, а что делать? Ничего, прорвемся. Да, доча? Любимый дядя, конь педальный, обещал не забывать. Если что. Бабушка, дедушка что-то подкинут. На правнука. Или правнучку. Это для них будет, конечно, шок.

Аля решила не ходить на УЗИ. Лена ее поддержала. Не хотелось знать заранее. Пусть будет, как будет. Дальше можно судить по животу. Но, кажется, будет девочка. Родить Аля должна в середине ноября. Живот пока небольшой, высокий, прямо от диафрагмы. Если не опустится вниз, не заточит вперед, как нос ледокола, готовить платьяца. Как пить дать.

Глава 27.

Лена проснулась на удивление поздно. Собственно, удивляться особо было нечему. Вернувшись из очередного шоп-тура, накануне загружала товаром магазин. Провозилась весь световой день. И поездка оказалась нелегкой, с нервотрепкой, руганью между пассажирами – такими же адептами мелкого бизнеса, как и она. Салон забили под крышу. Водитель гнал как Михаэль Шумахер, критически креня автобус на поворотах, игнорируя визг и вопли везомых, никак не реагируя на истерические увещевания. Напарник пребывал в полном «бэйте» на переднем сиденье, основным признаком жизни был запах, нагнетаемый в салон из его горла. В итоге все наплевали и смирились, предоставив свои судьбы всевышнему и белесому гонцику со стеклянным немигающим взглядом. Сумки, тюки и коробки, время от времени сыпались на головы полусонному «купечеству» преимущественно женского состава, провоцируя пулеметные матерные тирады. Терпкий «коньяк», густо удобренный ванилином, помог Лене немного расслабиться, забыться прерывистым сном. Спирт все ж, какой-никакой, но был в этом «Белом аисте». Таком же белом, как вся наша жизнь. Таком же аисте, как те, что каркают иль кукарекают. А потому, проснувшись в мягкой, теплой постели, она совсем не обнаружила в себе желание вставать. Алиса ушла в поликлинику. В квартире стояла приятная тишина, слегка разбавляемая отдаленными уличными шумами.

Верная подруга Инна окончательно оставила совместный бизнес. Влад получил страховку за простреленную флибустьерами Малаккского пролива ногу, плюс за пиратское нападение как таковое, плюс еще, за что, она уже и не помнит – можно уточнить у мужа. Итоговая сумма, какая именно Инна тактично из жалости умалчивала, а Лена тактично не спрашивала, своей значительностью поставила логичный крест на «торгашеской» карьере Инны. Придавила, как бетонной плитой, к едреней фене! все эти долгосрочно-призрачные перспективы ма-

лого бизнеса. С широкого барского плеча Инка подарила свою бизнесовую долю, отвалила свои «пятьдесят процентов» Лене. Та недолго сопротивлялась и отказывалась, и, в конце концов, согласилась. Решили так, если вдруг Инне понадобится когда-нибудь, то Лена – всегда пожалуйста, подруге не откажет. Дружеский консенсус за кухонным столом sprysнули «Кагором» и закушали розовым не просто зефиром, а в шоколаде.

Лена рассказала подруге о случившемся с Алей. Что таить, седьмой месяц идет. Опустила только нюансы, связанные с Эдуардом, эту скользкую тему. Смерть Дэна, незнакомого негодяя, расстроила Инну.

- Боже мой, какие придурки! Сколько горя принесли. И другим, и своим родителям, и себе, – Инна закурила. – А с этим, Кириллом, что?

- Живой. Почти два месяца после наезда в травматологии пролежал. Сотрясение мозга, два ребра было сломано и нога. Ну и ушибы всякие. Недели две назад на улице встретил. С палочкой шел. Здоровается. Друг теперь. Товарищ по несчастью. Все докладывает мне, отчитывается, а я стою, как дура, слушаю, еще и сочувствую. Он, видите ли, широту души проявил. Хочет на Алечке жениться, ребенка признать.

- А Алиса? Что она думает по такому нетривиальному поводу?

- Аля? Простить, конечно, не простила. Но, учитывая, что с ними случилось, жалеет. А жить вместе после всего, что произошло? Какая это будет жизнь, с такого дерьма начинать? Уж лучше одна, чем с подобным героем.

- Может, перетрется, Лен? Знаешь, всякое бывает по молодости. Начудил, конечно... – Инна на удивление была настроена миролюбиво и по-житейски философски. Набе-докурили мальчики. А как там ее мальчик в мореходке? Вовремя с «увольнительной» приходит?

- Аля сама все решила. Она говорит, что ее тошнить начинает, когда его видит. Вспоминается...

- А третий парень?

- Лёня? С ним все в порядке. Наверно. Он из города смылся, когда с Денисом случилось. Кирилл говорил, где-то у родственников или знакомых спрятался. Сейчас, возможно, уже вернулся.

- Почему ты так думаешь?

- Недавно задержали двоих по подозрению, что именно они Дениса убили и на Кирилла покушались. Из Нальчика – сын и отец, – пояснила Лена.

- Кавказская мафия? Семейный подряд? – не к месту пошутила Инна.

- Да. А девочка в нашем мединституте учится. Это к слову о «семейном подряде».

- Так ты думаешь, у пацанов и с этой девочкой тоже что-то было?

- Почему – что-то? Ясно, тоже изнасиловали все вместе. Это у них «прикол» такой был. Девочек друг дружке выставляли. Развлекались так. Зачем бы, спрашивается, родственники приехали? Вот, доприкалывались.

- Ну да. Кровная месть. Кавказцы. Одно слово – абреки... – Инна сделала затыжку и покачала головой.

- Вот-вот, это мы утираемся и дальше идем. А эти спуску не дают.

- А девочонка, студентка из мединститута, в милицию заявляла?

- Кабардинка? О, вспомнила национальность! Нет, конечно. Моя тоже отказалась. Позор, да и они, приколисты эти, хитро делали. Вроде как народ сам «для разврата собрался», и все дела. Одна заявляла на них в прошлом году, но заявление сама забрала. Отец Дэна в прокуратуре работает. Просто групповушка – сейчас никого этим не удивишь. Поди разбери – одни красавицы к ним как на работу бегают, а кого-то там принудили. Дуры одним словом – прутся как на мед.

- Вот-вот. Прутся на мед, а попадают в дерьмо! – Инна затушила окурок в пепельнице. – А мстители народные, точно что, «горячие головы», как узнали?

- Откуда я знаю? Может, девочка сама рассказала? Может, замуж решили выдать, оказалась не девственницей? А у них там с этим круто – бесчестье на всю семью. Сейчас следствие идет. Разбираются.

- Да... тоска вечнозеленая, – протянула Инна. – По-вырастали детишки, как на дрожжах. Да, бабуля?

- Инка, прекрати! Какая я тебе бабушка?

- Я не поняла? Это что за кокэетство? – голосом Фаины Раневской произнесла Инна. – Лена! Нет, Муля! Не нервируй меня.

Поболтали еще, перескакивая с погоды на цены, с моды на мужиков. Влад снова был в рейсе, Инна с напряжением душевных, а главное физических сил, но блюла верность. Крепилась. А вот хер вам! Расточала скопившуюся энергетику в бассейне и фитнес клубе.

- Правда, есть там один симпатичный инструктор, но... это так, чисто теоретически. Ты же знаешь, я тверда, как стена.

- Берлинская?

- Язва ты сибирская, понятно? Берлинскую стену разобрали по кусочкам. Как китайская.

- Да? Кстати, недавно передачу показывали, один знаменитый маг сквозь Китайскую стену проходил. Такой фокус поставил.

- Симпатичный?

- Не то слово.

- И молодой?

- Так себе. Зато, чувствуется, очень богатый.

- Уж не Копперфилд ли?

- Точно, Дэвид Копперфилд. – подтвердила Лена.

- Этот вариант можно обдумать. Правда, Дэвид – душка, ничего не узнает, бедный.

- Уж он-то не бедный как раз.

- Я имею в виду душевно. По настроению. У них там с Клаудией Шиффер что-то не сложилось. Переживает, небось.

- Не смогли два состояния правильно сложить. Пазлы не получились.

- Ленка, ты недобрая к людям. Между прочим, знаешь ли ты три вещи, крайне необходимые, чтобы стать очень богатой?

- Ну...

- Отвечаю. Ум, талант и очень много денег.

- Именно, что три! – Лена рассмеялась.

- А где твой служивый стрелец-молодец? – уже в дверях спросила Инна.

- На службе. Где ему быть?

- А по вечерам?

- Когда как, – уклончиво ответила Лена.

- Та-ак... понятно. Я как-нибудь нагряну к вам на вечерок, бабуля. Пошалим. Ты не шалишь тут без меня?

- Не шалю, не волнуйся. Я веду себя очень сдержанно.

- Это хорошо. Так и продолжайте. Пока. Хотя все время сдерживать себя тоже вредно. Пар рекомендуется периодически выпускать, а то крышку может сорвать. Запомни.

- Что?

- Все, что я сказала. С этого места и начнем. В следующий раз. Прощальный поцелуй, – Инна поцеловала Лену в щеку, быстро в губы. – Привет, пусечка! Созвонимся.

- Буду ждать!

Лена не посвящала подругу во все нюансы и хитросплетения ситуации, сложившейся в связи с известными трагическими событиями. А сплетения были таковы, что самостоятельно разобраться во всем, распутать клубок не получалось. Она упрекала себя и Эдуарда в гибели Дениса. То обвиняла, то старалась саму себя уверить, что все происходило и происходит именно так, как говорит Эду-

ард, и они не имеют к этому всему никакого отношения. Она злилась на себя, что требовала от него вендетты в отношении насильников. Такой небольшой показательной вендетты без кровопускания и членовредительства, как представлялось ей. Но чтоб запомнили на всю жизнь! А когда события начали развиваться с тенденцией от плохого к худшему, Лена запаниковала.

Она не хотела ничьей смерти, никаких наездов. А чего она тогда хотела? А вдруг выяснится, что все это дело рук Эдуарда, да еще с ее подачи? Об этом просто невозможно было думать. Срок. Тюрьма. Зона. Бред. Ужас! Алька останется одна. Нет, это жуть! Фантасмагория. Что же делать? А что можно сделать? Ждать. Проводить дни и ночи в этом безумном ожидании. Чего? Придут и арестуют? Но никто не приходил, и даже не вызывал повесткой как свидетеля. Например, Алису. А могли бы. Наверняка она находится в каком-нибудь списке. Тогда почему не вызывают? Эдуард?

Лена и с Кириллом-то беседовала во многом ради того, чтобы выудить какую-либо информацию. Как развивается дело? Куда и когда вызывали? Что спрашивали? Что нового? Она практически искренне сочувствовала Кириллу, он это видел и был признателен. Надеялся, через мать повлиять на дочь в деле его прощения и принятия в семью. Не оставлял надежду. Лену удивляла настойчивость парня, особенно, после того, как арестовали отца и сына кабардинцев, и непричастность Лены стала для Кирилла очевидной. Но не для нее самой. Следствие почти три месяца топталось на месте, несмотря на титанические усилия целой бригады следователей. Все-таки погиб сын работника прокуратуры. Дело чести. И вдруг трах-бах! чуть ли не в один день все раскрыли, всех арестовали. Лена почти маниакально подозревала Эдуарда, автоматически взваливая вину на себя.

Это было в начале августа. Алиса готовилась к очередному вступительному экзамену, точнее спала перед экзаменом. А у них с Эдуардом произошел нешуточный разговор. Он вернулся с работы в десять вечера. Поужинали еще с Алей. Затем перебрались в комнату на диван к телевизору. Через открытую балконную дверь тянуло ночной прохладой и комарами. Этих вампиров не брало ничто – ни выбросы промышленных предприятий, ни парниковый эффект, о губительности которого для всего живого так много писали и говорили, ни кислотные дожди. Ничего. Маленькие противные твари только крепчали. Мутировали и совершенствовались, чувствуя себя в городских каменных джунглях так же комфортно, как и в речных плав-

нях. Закупорившись, и изведя полотенцем кровососущих гадов, Лена и Эдик улеглись для отбытия ко сну.

- Можешь порадоваться, позавчера арестовали, а сегодня привезли тех, кто убил Дениса и, очевидно, сбил Кирилла, – нежно обнимая ее, сказал Эдуард. И подробно рассказал о девочке из мединститута и ее кавказских родственниках.

- Так просто? Неужели потребовалось три месяца, чтобы обнаружить то, что само на поверхности лежит?

- Вот уж, как раз все не так просто, как ты полагаешь, – возразил Эдик. – Люди приехали, сделали дело и уехали. Ищи ветра в поле. Другая страна, хоть и ближнее зарубежье.

- Что тут сложного? Определили круг знакомых этой компании. И выяснили все.

- Какой компании? Версии отрабатывались самые разные. И мечь отцу, и многое другое. Как один из вариантов, увязали Дэна и Кирилла, отработали круг знакомых. В итоге одна из ниточек и привела. Кстати, девочку эту им подружка выставила. В гости привела, ну и вариант «а ля Алиса». Прости, Лен, не так сказал.

- Ладно – так. А подружке что за радость от всего этого?

- Они ей, кажется, джинсы подарили или кроссовки. Точно не помню.

- Идиотизм какой-то.

- Бывает и хуже. За бутылку водки убивают. Или просто так, от скуки. За компанию. Столько всего, рассказывать не хочется. Все, Лен. Поставили точку...

- Подожди, а как отец и сын узнали? Сомнительно, чтобы сама студентка им сообщила.

- Лена, все! Я не хочу больше об этом говорить. Надо-е-ло. При мне эту тему просьба не поднимать. Все. Я устал. Извини, – Эдуард отвернулся и секунд через двадцать тихо засопел.

Лена больше об «этом всем» с Эдиком не говорила. И впрямь, гора с плеч. Все так и случилось. Узнали, устроили мечь. Ни Лена, ни Эдуард здесь никаким боком не засветились. Вот и ладошки. Но уж слишком заманчивой казалась ей версия другая. Эдуард наводит по своим каналам справки об этой веселой компании. Естественно, выплывает студентка-кабардинка. Есть контакт! Информация втемную, как он умеет, сливается родственникам. И механизм запущен. Как он и говорил тогда. А, может, это уже помешательство и она сходит с ума? Кто знает?

«Я со-шла с у-ма-а. Я сошла с ума».

Отношения с Эдуардом, в общем-то, далекие от идиллии, осложнились. Забуксовали. Совместный быт их не связывал. Симпатия и постель. Теперь как-то все завязло, утяжелилось. И в постели раскрепощенность, легкость исчезли, испарились. Остались только принужденные тяжеловесные движения души и тела. Откровенные разговоры не получались, так как никто не стремился к откровенности. Два взрослых человека понимали, что отношения стали взаимно обременительными и ждали удобного повода разрешить душевный нарыв, не желая обидеть один другого.

В сентябре у Виталика участились приступы головной боли. Эдуард стал появляться реже. Дежурил возле сына дома. Потери сознания носили эпилептоидный характер. Мальчика положили на обследование, подозревая худшее – эпилепсию. Эдик ходил мрачнее тучи. После обследования и лечения в больнице, состояние ребенка немного улучшилось. Врачи прописали лекарства, укрепляющие процедуры. Посоветовали не раздражать, не нервировать ребенка. Общаться предельно спокойно. Домашняя атмосфера должна благотворно влиять на психику мальчика и не провоцировать рецидивы. А Виталик был очень привязан к отцу. И к матери. Как, собственно, и все дети.

- Такая вот ситуация... – закончил объяснение состояния здоровья сына Эдуард. Он заехал к Лене в полдень, и они сидели на кухне, но не обедали. Не обедалось.

- Я все понимаю, – Лена лепила из хлебного мякиша маленький кубик, превращала его в шарик, ролик и так далее. Провела рукой по его негустым волосам. – Поступай, как считаешь нужным. Я не обижусь.

- Правда?

- Нет, – Лена закусила верхнюю губу. – Немножко обижусь. Но это ерунда.

- Лен, не надо. Понимаешь...

- Понимаю, Эдик, я понимаю тебя. Сын, семья. Я все знаю.

- Просто... Виталька... его глаза... черт! – Эдик запнулся. Глубоко вздохнул.

- Не надо, – она взяла его руку, прижала к щеке. – Я благодарна тебе и не обижаюсь. Можешь не продолжать.

- Просто... я должен там быть... пока... Виталька, понимаешь.

- Я понимаю. Да.

- Лен, можно я иногда... ну...

- «Приедешь в командировку»? – облегчила ему задачу Лена.

- Ну, как бы... в этом роде.
- Приезжай, только позвони заранее.
- Да, конечно. Спасибо, Лен.
- У тебя обед закончился?
- Да. Наверно. Ты же знаешь, у меня ненормированный...

ный...

- Ну и чеши на работу – бандитов лови.

- Лена?

- Я серьезно – иди. Я хочу одна побыть, – Лена резко от всего устала. От своих мыслей, переживаний, от Эдуарда, даже от дочери. Захотелось просто лечь и лежать, закрыть глаза или смотреть в потолок, ни о чем не думая. Представить море. Тихое. Или штормящее. Любое. Пусть шумит, заполняет пространство.

- А Аля? – Эдуард поднялся.

- Аля не считается, – Лена прошла за ним в прихожую.

Обнялись. Поцеловались постно, без страсти. Вся страсть ушла внутрь и на разговоры.

- Ну, я пошел...

- Иди.

- Счастливо тебе. Я позвоню.

- Тебе тоже... – Лена закрыла дверь. Легла в спальне дочери. Закрыла глаза. Представила море. Летнее, ласковое, зелено-голубое не получалось. Слайдом в мозгу стояла холодная свинцово-серая ноябрьская картинка. Ну и пусть. Мутные, стылые волны, гонимые промозглым ветром, шипя, накатывались на песок, и опадали вниз, данью оставляя на берегу клочковатую, замусоренную водорослями, пену. По песку деловито вышагивали чайки, по самой кромке воды, с возмущенными криками отпрыгивая от набегающих волн, и успевая выдернуть мощным клювом какую-то мелочь. Малька или соринку.

«Наверно, я дурочка. Обыкновенная непроходимая тупица. Инка правильно говорила, доиграешься – вот и доигралась. Не хотела, видите ли, бороться. И напоролась, за что не боролась. И никто тебе не виноват. Сама. Пустила на самотек. Нет, хуже – на его усмотрение. Хочет – не хочет. Сам решай. Какая дура! Осчастливил – он будет, видите ли, иногда приходить. «Приезжать в командировку». Окажите милость, барин, когда вам заблагорассудится. Такая удобная идиотка! А не посетить ли нам сегодня Елену Викторовну? Нет, не посетить. Не сегодня. Может быть, завтра? Или послезавтра? Когда рак свистнет. Она и так будет рада. Спасибо скажет. К черту! К черту! К черту все это! А что надо было делать? Вцепиться в него зубами и

ногтями? Звонить на работу? Проверять, где находится? Запретить видеться с сыном? Расписаться любой ценой. И что? Что? Что в этом хорошего, нормального, прекрасного? Да на... зачем это надо. Через месяц уже Аля родит. Тридцать девять лет – бабушка. Бабулька. Девочку назовем Марией. Машка будет. Подойдет. Да. Алисе тоже нравится. А мальчик? Виктор в семье перепроизводство – брат постарался. Как же мальчика назовем?».

- Аля? Алиса! – позвала Лена.

- Сейчас... – Аля тяжело поднялась с дивана и, шаркая тапочками, уточкой понесла живот.

Глава 28.

Зима наступившего високосного года оказалась на удивление милостива к населению самостийной державы. А обитатели лукоморья, где Александр Сергеевич в свое время разместил славноизвестный «дуб зеленый» со «златой цепью» и малым охранным предприятием, представленным «котом ученым» – по совместительству массовиком-затейником, и вообще ощущали себя жителями европейских средиземноморских субтропиков. Городок, волею исторической судьбы и по указанию императрицы всея... Екатерины Второй, располагался в благодатной причерноморской таврийской степи. Всем своим вытянутым вдоль побережья острвом он ощущал сырое и мягкое дыхание Атлантики. Зимы как таковой не случилось. Затянувшаяся до самого Нового года поздняя осень, после крещенских минусов по Цельсию плавно перешла в раннюю весну, сэкономив руководству в столице и «на местах» здоровенную кучу кубометров дорогого голубого палива. Среднезимняя температура побила массу многолетних положительных максимумов. При наличии отсутствия мало-мальски централизованной системы отопления, обитатели нашего незначительного населенного пункта приятно удивились затяжному капризу природы, климатическому реверансу в свой адрес. Немногочисленное подопытное население городка, как и страны в целом, уже привыкло ко всему, и внутренне настроено было удивляться преимущественно событиям неприятным, так как управлялось людьми, а все, что зависит от человека по сути своей шатко и ненадежно. Но климат и погода пока не управлялись президентами, премьерами и прочими министрами, наместниками, воеводами и губернаторами. Поэтому могли себе позволить.

С точки зрения неожиданностей и разных удивлений для Пахаря урожайным оказался предыдущий год, предвисокосный. Внучка Алиса поступила в институт – это нормально, «цилком приемно», новость приятная, но ожидаемая. А вот сын прямо взял, да и поразил. Вдруг надумал стать студентом. Великовозрастный дядя. В школе

учиться ремнем не мог заставить, а тут... Учеба, правда, сейчас по преискуранту – наступит сессия, быстро вкурит, что почем. Что ж, все равно – молодец! Флаг в руки.

В ноябре Ленка поздравила с рождением правнучки. Ну, это, блин, девчонки вообще! Абзац! Алиса, косуля тонконогая, ссыкушка малая, родила дочку. Добро, успела школу окончить. Правнучку назвали Марией, Машкой. Порадуйся папа, ты теперь прадедушка. Порадовался. Хорошее имя. Поздравил. Вопросы насчет Алиного мужа, друга, короче отца ребенка, или как он у них называется, повисли в воздухе, вернее, в телефонной трубке. Дочь пообещала просветить потом. И на том, доченька любимая, спасибо... твою мать! Нет настоящего мужика рядом, и получается чёрти что! Уж он-то показал бы им и кузькину, и другую, возможно, японскую мать. Надрал бы «задницы» и Алисе, и ухажеру ее, фраеру дешевому. И мамаше – Ленке. Пораспускались, понимаешь! Еще шестидесяти нет, а его уже прадедом забарабанили. Прадедушка. Пращур. Предок. Какие-то диковинные слова. Короче, троглодит мохнатый.

Пахарь бурно обсуждал эту новость с Людмилой Николаевной, своей первой супругой, теперь уже прабабушкой. Ставил машину в гараж, и столкнулись возле дома. Поделались впечатлениями. Обмен продолжили внутри. Домашнее виноградное вино оказалось очень даже недурственным. В конце декабря прабабка Людмила умчалась к дочери, внучке и правнучке. Бабье царство. Матрешки. По возвращении встретились. Доложила. Показала фотографии. Младенец как младенец, практически все они на одно лицо. А вот Алису не узнать. Повзрослела. Похорошела. Взрослый взгляд, озабоченный, но все равно – дитя дитем. Пигалица зеленая!

Людмила городила какой-то непонятный огород про отца Маши. Наводила тень на плетень. Симпатичный, высокий парень, тоже студент. Любит Алю и дочку. Приходит... иногда. Помогает. Но Алиса не хочет с ним жить. Не разобралась в своих чувствах. Во всяком случае, пока. Да... чудит молодежь. Возможно, имело смысл сначала разобраться в чувствах, а потом уже прыгать в постель, детей мастерить? И вообще, к чему такая гонка? Людмила Николаевна пока сама не сориентировалась на местности, и приняла на веру путаные объяснения дочери. Лена категорически просила мать ни о чем Алису не спрашивать, не вести назидательных бесед. Наложила вето. Табу... ее в дышло. У девочек, понимаешь ли, нервы, выматывается с ребенком, чтоб молоко не пропало. Разумеется, у них

нервы. А у нас? Бельевые веревки? Стальные канаты?! Тем не менее, прабабушка-педагог благоразумно отсрочила вопросы и нравоучения на потом, мудро полагая, что нет ничего тайного, что со временем не стало бы явным. Пахарь целиком и полностью с ней соглашался, опять же потребляя ароматное домашнее вино рубинового цвета. *In vino veritas*. А в чем же еще? Не в постном же масле?

В феврале рыбацкий люд начал активно ставить сети. Многие вообще не прекращали рыбалку, учитывая, что море не замерзло. Пахарь не спешил и не рвал вперед когти. Не ломал спину. Уловы не бог весть какие, зато напрягов до... и даже выше. Жестокие ветры, течения, выкручивающие сети, несмотря на полавки и грузы. Одному не справиться, необходим напарник, собственно, он в любом случае будет нужен. Так что, разумнее подлатать, перебрать снасти, качественно подготовиться, и с весенним теплом выйти во всеоружии на воду. Как раз и рыба поднимется, к берегу пойдет. Весна! Она не спрашивает.

Близкая весна и ему бередила душу. Подвигала к перемещению в пространстве. Сидеть дома наскучило. Навязло, если не набрыдло. Как раз Алексей зовет в столицу основательно, не по телефону поговорить о сверхсерьезных, важных делах и свершениях, которые им предстоят в самом ближайшем будущем. Если Пахарь согласится на предлагаемую работу. А работы... не кот наплакал. Поговорить было бы интересно. Может, не только поговорить. И не обязательно с Алексеем. Сергей отца не звал, но будет, как всегда, рад. И Маринка – тоже, если ненадолго. А надолго он никогда и не приезжал. Потом к дочке, внучке, Машке, Жучке... за репку потянуть. Разобраться с этим Репкой. Под каким соусом его кушают. Такой вот стандартный вояж. Нина Григорьевна мужу не возражала – по уставу ей не положено было перечить. Собрать мужа в дорогу, погладить, уложить рубашки. Напаковать сумку с гостинцами. Это – другое дело. Святое.

Киев встретил по-зимнему снежком – не черноморское побережье. В первый же вечер отправился к Алексею и Ирине. Еще по телефону приятель предупредил, что он – «ни грамма». Давление. Врачи категорически запретили, так что, теперь он тщательно берег здоровье, чтобы впоследствии им сполна воспользоваться. Планы на будущее предполагали наличие крепкого здоровья.

- Привет, дружище! Привет, дорогой мой капитан! – Алексей обнял Пахаря, похлопал его по спине. Принял традиционные цветы и торт. – Проходи, проходи. Очень рад! Ирешка скоро будет. Только что звонила, немного задержится.

- Ну, привет! – Пахарь в свою очередь обнял друга, освободив руки от скромных презентов. Они не виделись два года. Алексей окончательно облысел, а жалкие остатки волос, не жалея, сбрасывал. Он теперь современно и агрессивно блестел эмалированным черепом. Похудел, подтянулся. Стал, вроде, меньше ростом и потерял вместе с животом всегда присущую ему вальяжность. – Что-то ты грустный какой-то, Лёша?

- Это я, Витя, трезвый.

Вскоре к ним присоединилась Ирина, свежая с легкого морозца и, как всегда, хороша собой. Ягодка! У Пахаря участилось сердцебиение. Сидели на кухне. Ирина и Пахарь слегка пригубливали коньяк – куражу не было. Алексей символически «за компанию» приподнимал полную рюмку и, не отпив, ставил на стол. Общались. Приятель широкими словесными мазками набросал политическое полотно, обрисовал «желто-горячие» перспективы, предложил активно включиться в борьбу. Люди на местах крайне необходимы, возглавишь у себя в городке избирательный штаб. Сильно думать не надо – все, что нужно делать, подробно расскажем и покажем. Проинструктируем. Завалим полиграфией. Шевелиться придется интенсивно – донельзя. Пахарь не проявлял политического энтузиазма и активного желания включаться в борьбу с прогнившим режимом. Как и постоять за него.

- Витя, я не пойму, тебе что, нравится, как мы живем? Вот это все, что нас окружает?

- Не нравится. Кому это может понравиться?

- Так в чем тогда дело?

- Дело в том, что не верю я и твоим друзьям. Или хозяевам, не обижайся.

- Какие обиды, старик? Давай будем говорить – «команда». Идет?

- Идет. Команда, так команда. Мне, кстати, попался на пути один любитель командной игры. Под танк бросил, а потом оказалось «Виктор Сергеевич, не обессудьте! Мы с вами теперь в одной команде. Надеюсь, вас не придавило?» – Пахарь поведал друзьям о конфликте с «настоящим» полковником, подожженной яхте, КПЗ, счастливым вмешательстве сына и его шефа – «И. Б.».

- Вот, видишь, Витя, сам подтверждаешь – надо определяться, кто есть «ху».

- С каким «ху» дружить? За какой «ху» держаться? Может, лучше за – свой? Ир, извини! – Пахарь слегка перегнул с натурализмом. – Лешка первый начал.

- Да, ради Бога... – Ирина улыбнулась краешками губ. Поднялась. – Я кофе приготовлю.

- Витя, в драке нельзя находиться между дерущимися. Будешь по морде получать от тех и от других. Парить над схваткой тоже не получится – сила притяжения, знаешь ли.

- А если – в стороне?

- Драка большая предстоит. На всю страну. В какую сторону ни прячешься, все равно отвесят по полной.

- Хорошо, объясни мне тогда, чем твоя «команда» лучше? Я разницу-то не вижу. Все сытые, обутые, на «Мерседесах» катаются. У всех – концерны, фабрики, холдинги, нефтяные трубы. Чего я за них должен жо... жилы рвать? Согласись, просто смена декораций. Ты же сам, помню, говорил – разные элиты бьются. Одни уйдут, другие придут. Мне-то, что от этого? Все равно они там все – воры.

- Старик, ты, конечно же, прав. А можешь стать еще правее. Я должен тебя трюшечки подправить. Согласен – воруют все. Законы у нас такие, если не воровать, то вылетать в трубу. Выхлопную. Менталитет и все прочее, тут можно бесконечно разглагольствовать. Мы не можем, к примеру, взять и переместиться на Луну, вынуждены жить здесь, на данной территории, в этой тесной компании. Без белых и пушистых. Другого не дано! Поэтому, глядя в наше возможное будущее из нынешней помойной ямы, надо понимать, что даже самое светлое будущее имеет свое темное прошлое и пятна в настоящем.

- На Солнце тоже есть пятна, – развил мысль Пахарь. – Единство и борьба противоположностей.

- Отлично! Схватываешь на лету. «Счастье, когда тебя понимают», – из «Доживем до понедельника», кажется? Эх, жаль, не пью! Ребята, прошу вас, сделайте это за меня! – Алексей опять поднял рюмку порожняком.

- Как скажешь, – Ирина чокнулась с ним, затем – с Пахарем. Допила до дна и встала из-за стола. – Позовете, когда закончите агитацию.

- Отдыхай, дорогая, – Алексей проводил жену взглядом. – Так вот, если все оставить, как есть, это – мрак. Полный мрак на много лет вперед. Банановая республика без бананов. Я не утверждаю, что наша «команда» – это чистый сахар и шоколад. Но, хотя бы, какой-то просвет в темноте наблюдается. Хоть какая-то, но надежда.

- Не знаю... я человек маленький... – Пахарь тоже допил коньяк, вернул рюмку на стол. Сделал небольшой глоток знаменитого Ириного кофе. – Трудно мне определиться, Лёша, кто из них прав, кто – лев. Еще недавно

месяцами без света сидели, я ж не забыл. И другие помнят. Кто энергетикой управлял? Гнал киловатты за границу? А премьерствовал кто? А теперь – «здрасьте, я ваша тетя»! Я не такая, я жду трамвая!

- Витя, ты не владеешь информацией! Как раз эти ребята и пытались порядок навести, а им руки выкручивали. Ничего не давали делать.

- Лёша, как говорят в Одессе, не делайте нам идиотов! А «панамского» премьера кто обслуживал? Наши кровные бабки на счета за бутор перегонял?

- Ну, знаешь, это просто нонсенс! Витя, вы там в своих кучугурах целиком и полностью дезинформированы. Без высочайшего дозволения в нашей стране никто никуда ничего не перегонял и не перегоняет. В особо крупных размерах.

- Ладно вам, все в одну кучу валить. Но, согласись, в последнее время хоть стабильность, какая-никакая наметилась?

- Именно, что – никакая. Дутая это стабильность. Витя, тебе требуется срочная промывка мозгов. Я сейчас все разъясню и по полочкам разложу. Как патологоанатом. Гарантирую, через час, ну, полтора, ты начнешь созреть.

- Оранжеветь?

- Да, вероятно. И прозревать.

Процесс промывки содержимого черепной коробки и неизбежного за сим политического прозревания пациента прервался телефонным звонком.

- Тебя, – Ирина зашла в кухню и протянула мужу трубку. Присела на край уголка. Алексей начал говорить, постепенно удалившись в комнату по мере затягивания во времени напряженной беседы.

- Не утомил? – спросила Ирина.

- Нет. Все нормально. Считай, только начали.

- Ты надолго? – Ирина взяла его за руку, внимательно прислушиваясь к разговору мужа в комнате.

- Дня на два, – Пахарь погладил ее ладонь.

- Где остановился? – она положила на стол листок бумаги и ручку.

- У сына, – он быстро написал телефон.

- Я позвоню завтра с десяти до двенадцати, – она быстро убрала записку и ручку в карман. – Еще кофе?

- Лучше чай.

Ирина поставила на плиту чайник. Вскрыла коробку. Ампутировала широким резаком узкий клин торта у округлого кондитерского тела.

- Если с тортом, тогда чай без сахара, пожалуйста, – уточнил Пахарь.

- Будь ласка, сэр, – Ирина наклонила голову и кокетливо посмотрела из-под каштановой челки.

«Сэр» кольнул прямо в сердце. И интонация. Так похоже на Надежду. «Инь – Янь», как говорила. Она и он.

- Щёрт побери! Щёрт побери! – появился Алексей. – Мне надо отлучиться на часок-другой. Ситуация критическая. Требуется срочное интеллектуальное вмешательство. Действия профессионалов предсказуемы, а работать приходится с любителями. Ну, ничего сами не могут! Ты подождешь меня, надеюсь?

- Лёш, извини, я тоже поеду. Сына еще толком не видел, внука. Созвонимся, хорошо? – формат встречи для Пахаря не предусматривал задержки, затяжные беседы, ночевки. Во всяком случае, на трезвую голову.

- Жаль, старик! Ничего, еще поговорим. Тебе в какие края? – Алексей отправился переодеваться. На ходу, услышав ответ, прокричал из спальни. – Отлично! Почти по пути. Я тебя как раз подброшу.

- Подбрось, – улыбнулся Пахарь Ирине.

На выходе Ирина подала на прощанье руку. Пахарь по-дружески пожал ее.

- Ну, вы и сухари, ребята! Хоть в щечку чмокнитесь, – рассмеялся Алексей.

- Как прикажешь, дорогой! – Ирина сочно поцеловала Пахаря в щеки.

В машине Алексей продолжал по инерции обрабатывать друга.

- Старик, кроме идейных колебаний воздуха, надо на вещи смотреть и практично. Шансы победить, у нас как никогда велики. Я оцениваю их пятьдесят один к сорока девяти.

- Не слишком ли большое преимущество? – съёрничал Пахарь.

- Нет, как раз нормальное. Реальное! – на полном серьезе ответил Алексей. – Кроме того, даже если проиграем, как человек маленький ты ничего особо не теряешь. А заработаешь хорошо.

- В смысле?

- В самом обычном смысле – денег заработаешь. Побольше, чем на своей каравелле. Всякая работа оплачивается. Держи карман шире. Улавливаешь?

- Улавливаю.

- Вот и хорошо. Сейчас мы одного человека подберем, – не глуша мотор, Алексей остановил машину за автобус-

ной остановкой. Почти сразу дверца открылась и на заднее сиденье запрыгнула молодая, судя по резвости, особа.

- Привет всем! – произнес милый женский голос, распространив в салоне приятную парфюмерную волну.

- Привет, зайчик! – Алексей перегнулся назад и вывернул шею для поцелуя. – Познакомься, галчонок, это мой старинный друг Виктор. Я тебе рассказывал, помнишь? Яхта, море... ах, какие пашлыки!

- А-а! Капитан? – вспомнил «зайчик».

- Он самый! – подтвердил Алексей. – Витя, а это Галочка. Галина Аркадьевна. Моя верная помощница. Сопратница по борьбе. Моя Ева Браун. Нет – Эвита.

- Здравствуйте! Виктор! – представился Пахарь, повернулся и пожал протянутую «галчонком» прохладную с улицы руку. В полумраке салона сложно было разглядеть, но то, что он успел увидеть под капюшоном, смотрелось весьма симпатично и свежо. Не секунд хенд. То, что доктор прописал. Для здоровья. Как раз от давления. Кстати, а кто такая Эвита?

Ни о чем существенном больше не толковали. Вскоре Алексей остановился, доставив Пахаря в пункт назначения. Договорились обязательно созвониться, и приятель умчался с «зайчиком» решать насущные политические вопросы, забыв вовремя выключить левый поворот.

«Должен бы отключиться автоматически при повороте руля, - подумал Пахарь. – Почему не отключился? Почему... хм, галчонки, зайчики... забавные зверушки».

Ирина позвонила в десять тридцать. Встретились возле метро. Несколько быстроминувших часов провели в квартире ее двоюродной сестры, окунувшись в чувственность и взаимную сердечность. Прощаясь, она сказала, что летом обязательно приедет в городок на неделю, а может и больше. Одна. Пахарь не возражал. Отчего бы и не приехать? Пошутил, что в жизни всякое случается, но с годами все реже, так что встречаться им надо чаще – вечность торопит. Очень даже хорошо, если приедет. Для него – подарок. Она улыбнулась в ответ и прильнула к груди. Тихо произнесла.

«Обманными путями,
Касались истины.
Немытыми руками,
Но сердцем чистые.
Мы рвали все плоды...
Для сотворения,
За прежние труды
Дай бог терпения».

Пахарь удивился такой лирической романтичности партнерши. Ирина представлялась ему весьма далекой от сантиментов, женщиной практичной и достаточно прямолинейной. Оказалось, он ошибался. Женщина есть женщина – существо тонкое и чувствительное. В принципе, он вообще об этом не думал. Стихи прозвучали для него неожиданно. И трогательно.

- Это... мм... Есенин? – напряг скудный багаж поэтических знаний Пахарь.

Она отрицательно покачала головой.

- Э... Шекспир? Сонеты?

Вместо ответа Ирина прочла еще.

«Пусть линии твоих волос

Лежат неистово,

Им никогда не быть росой,

Живыми листьями.

Что я искал в твоих глазах?

Момент сомнения?

Твоя слеза – другого нету

Откровения».

- Душевно... очень, даже пробивает... – после паузы произнес Пахарь. Он больше не гадал. Ни любителем, ни тем более знатоком поэзии он не был. Помнил какие-то строчки еще со школы, все больше про дядю. «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...», «мой дядя самых честных правил...». Пушкин, Лермонтов, еще Некрасов – что-то про русских женщин, как им было тяжело в русских селеньях – сейчас не легче, и «лошадка, везущая хворосту воз». В памяти больше ничего не всплывало.

- Не мучайся, – она погладила Пахаря по щеке. Очевидно, напряженный мыслительный процесс запечатлелся на его лице. – Это один мальчик. Никому не известный. И совсем не поэт.

- Мальчик?

- Молодой человек. Юноша – тогда был. Сейчас-то уже взрослый мужчина.

- Поклонник?

- Тебе все надо знать? – она потрепала его за нос. – Много будешь знать, скоро состаришься.

- Я это уже слышал, – произнес Пахарь. И за нос его точно так же трепали. Трепала...

- Тем более, – Ирина поцеловала его в переносицу. – Или такое вот.

«Как с закрытыми глазами,

Словно в розовых очках,

Что-то правим мы руками

В еще бьющихся сердцах.
Разливаем по сосудам
Импортный адреналин...
Мы, побитые простудой,
Свято верим, что не спим».

- На мальчика что-то не похоже. Скорее, на умудренного опытом...

- Мальчики бывают разные. Иногда – тонкие и впечатлительные.

- А сейчас?

- Что?

- Не встречаетесь?

- Нет. Не встречаемся. Мы и тогда не встречались. Невинная юношеская влюбленность. Вздохи, ахи... очень все целомудренно. Слушай, а ты любопытнее Варвары. Сам-то как насчет порочащих связей?

- Был, – честно признался Пахарь, – но не замечен.

- Чудо ты... мое! – она нежно прижала его ладони к своим щекам, спряталась в них лицом.

Расстались спокойно, без надлома и душевной истерики, со щемящей, но светлой грустью. Так показалось ему. Вечерним поездом Пахарь покинул седую от снега и инея столицу.

Глава 29.

Давать дрозда, вправлять мозги, устраивать разнос дочери и внучке не привелось. Обстановка не вдохновляла. В комнату к правнучке пустили в марлевой повязке. Февраль – вокруг промышляет грипп. Машка безмятежно спала, перебирая во сне кукольными пальчиками ручку от бутылочки. Молока у Али не хватало, начали по чуть-чуть докармливать. Прадед слишком громко умилился и был тотчас с шиканьем изгнан на кухню. Вскоре ребенок и сам проснулся. Кормление. Гуляние – помог спустить вниз коляску. Потом поднять. Кормление. Смена памперсов. Сон. Опять... Ночью Машенька проснулась и огласила ревом полквартиры. Крутил животик от смешанного питания, полагала Лена. Девочка долго не успокаивалась, затем мощно для такой «кнопки» опорожнилась, всосала из бутылочки, после чего затихла, подмытая теплой водой и упакованная в свеженький памперс, спасительный для родителей технологичный мочеприемник. Алиса тут же бухнулась спать.

Лена рассказала отцу, как все случилось-приключилось с Алисой и компанией Кирилла. Без утайки. Как мучились потом – рожать, не рожать. Оставить или сделать аборт? Срок поджимал решение. Аля кричала, что будет ненавидеть этого ребенка, как и его отца. Или отцов. Если родит, то оставит чадо в роддоме. Откажется. Лена убеждала дочь, что все это уйдет, когда появится дитя. Проснетесь столько любви к новорожденному, что Алиса себя не узнает, такие чувства будут изливаться на свое создание. Она уверяла дочь, а сама не знала, как надо. Как правильно поступить? Ну, какая Аля мать в шестнадцать лет? Вся жизнь наперекосяк. Сделать аборт – и вся недолга. Начать с чистого листа. Ранний аборт – а вдруг больше не будет детей? Таких случаев сколько угодно и среди ее знакомых. Хотя бы Вику взять. Потом локти кусать?

Дочь сама разрешила сомнения. На Алису повлиять познавательная дневная передача по телевизору. Показывали эмбрион в утробе матери. Как он растет,

меняется с каждой неделей. Из каких складочек и бугорков, что образуется. Что он там чувствует. Внутри. Как реагирует на шум, свет, питание матери, другие факторы. Одни эксперты доказывали, что плод даже думает, откладывает в памяти внутриутробные события. Надо только уметь их потом из этой памяти извлечь. Другие, покровительственно улыбаясь сверх меры увлеченным своими идеями коллегам, дезавуировали подобные революционные утверждения. Не помнит и не думает, но чутко откликается на содержание, например, сахара в крови, на гормональный фон материнского организма. Имеет изначально свой генофонд, группу крови. Очевидно, какие-то свойства будущего характера проявляются уже там, у мамочки в животике. А через девять месяцев покидает уютный материнский корабль и выходит в свет, как космонавт в открытый космос. Аля всю передачу непроизвольно поглаживала незаметный другим животик – как он там? Что делает? И что делать? Убить живое существо? Свое родное? Из плоти и крови. Мальчика или девочку? Настрой у дочери переломился, она категорически заявила, что аборт делать не будет. Вот так, строгий папа, оканчивали мы школу и поступали в институт.

С Эдиком все расклеилось, расползлось по швам, не успев толком срастись. Уголовщина эта... на нее повлияла. Себя корит, его. Может, и напрасно. И вообще... Ко всему прочему добавилась болезнь сына. Алина беременность. Сложно. Смешалось все «в доме Облонских». А по правде сказать, сама оттолкнула. Не прижала, когда надо было. Расплескала. Виновата сама. Все как Инка и говорила. Отчего так? Не знаю. Много думала, папа, об этом. Решила, что – дура. Другого объяснения не нахожу. Не совсем? Совсем нет? Спасибо. Не знаю, папа. Может... возможно... не могу забыть... не хочу. К черту все эти разговоры, давай, папуля, чай пить!

Пахарь только серел и качал головой. Посмотрев в зеркало, он бы увидел нецензурное выражение своего лица, но сдерживался и молчал. Был трезвый. И пить не хотелось. Не шло. Не до выпивки. Ленка тоже измотана, не хуже, вернее, не лучше Алисы. Хорошо, не полез на рожон со своими «дроздами» и «раздолбонами». Пахарь переночевал, до полудня покрутился как утлый челн в этом бермудском женском треугольнике, и отправился на вокзал, оттуда на поезде домой, перегруженный информацией и эмоциями. Устроила им Алька... подростковую любовь – триумф воображения над интеллектом, понимаешь. Он

прадед, Ленка бабушка в тридцать девять. Анекдот... водевиль! Бедная девочка! Все-таки нет мужика рядом, и случаются с ними всякие катаклизмы, ...клизмы. Эх, жисть – копейка, судьба – индейка. А толку жаловаться на судьбу? Ей тоже с нами непросто.

Но Пахарь ехал домой, и чем ближе, тем он становился спокойнее. Как стареющий лосось, он стремился к своим жизненным истокам и только там находил полное отдохновение. Только там он ощущал себя в гармонии с природой, какой бы разнообразной, подчас коварной не оказывалась она, с людьми – хорошими и всякими, с самим собой.

Алексей не успел как следует «промыть мозги», а это, собственно, ему и не нужно. До выборов еще несколько месяцев впереди. Успеем определиться. Включаться в агитацию и политическую борьбу, даже за немалые деньги – уж это увольте! Без меня. Если бы кто-то настоящий, чтоб поверить, то и без денег можно, а так...

Во времена Союза выборы были эдакой радостной всенародной формальностью, как и многое в той жизни. Например, борьба за мир во главе с Иосифом Виссарионовичем, его преемниками и иже с ними. Как секс за девственность. А выборы – такая всесоюзная игра с красными бантами, буфетами, кабинками для тайного голосования за одного кандидата, бравурной музыкой из громкоговорителей. Когда весь народ в едином порыве, проявляя социалистическую сознательность, девяносто девять и девять десятых процента.

Потом пошли другие игры. Голосовали за Союз, получили независимость. Ладно, скушали. Проголосовали за «независимость в составе», получили развал страны. По утраюне три хлопца объявили – ребята, все, что было, забудьте! Звездеч! Никаких больше Союзов нерушимых навеки, СССРов! Мы тут вечером слегка порушили, покроили ладненько, «и будем жить теперь по-новому!» – в разных царствах-государствах. Кого хочешь – выбирай! Всё вместе это будет ...Гэ называться. Другого слова мы не нашли. Обойдетесь и так. И ничего, нормально. Ребята промолчали и не пикнули, и слова не сказали в едином всенародном порыве. Мол, а не оборзели вы, уважаемые? Не слишком ли много на себя берете? Семь раз подумали, прежде чем отрезать? Ну, хотя бы, один раз, но чтоб не с перепоею. На свежую голову. Отнюдь. Все как в рот воды набрали. Все гамузом – «от тайги до Британских морей». И запах не смутил – а мы к этому делу привычные. Такие вот мы... своеобразные. Понять

нас тяжело – сложная, понимаешь, душа. Просторы, зима длинная, опять же монголо-татары со своим игом в народную душу плюнули. Испоганили, окаянные. Самим с собой нам разобраться непросто. Без стакана. Где уж другим нас понять? Пока разбирались с этим ...Гэ, что к чему и «шо такое?», по быстрячку наступила демократия – уже сами выбрали себе удельных князей, графьёв, рабовладельцев. Много потеряли и мало что за годы смуты приобрели, не считая жизненного опыта. Опыт всегда получаешь, не получив того, чего хотел, как справедливо заметил один наблюдательный товарищ, оставшийся неизвестным. Остальные приобретения оказались в мошне у неофеодалов и их опричников.

А может быть мы сами виноваты, что голосуем, упорно выбираем между худшим и плохим. Сказать не можем – на хер! Все! Желаем других. А вдруг это иллюзия, успокаивающий самообман считать, что «народ всегда прав»? А может, он неправ, когда опускает палец вниз? Когда веселится и гуляет вокруг гильотины? Клеймит и требует расстрелять, как последних собак? Глас народа – всегда прав? Нам так придумали, чтобы приятно и без претензий. Что там, народ, какие-то проблемы? Не обесчудь – сам выбирал. Ты ж сам боролся, ну и... покайфуй теперь. Совет, как говорится, да любовь. А может, это все болезни роста? Что взять с нас, пока мы демократически сопливы и юны, пешком под стол гуляем? Вот пройдут годы, заматереем, наберемся силы. Тогда уже... А годы идут, летят, свистят. А светлое будущее никак не наступает. Ни коммунистическое, ни демократическое, никакое. Одно сплошное «де жа вю». Ужели вечно суждено топтать по историческому кругу, оправдывая диагноз, поставленный историком три сотни лет назад – «воруют»? Пока оправдываем с лихвой.

Прямо от железнодорожного вокзала шла маршрутка, удобно и быстро доставлявшая всех желающих из губернии в городок. Под белы руки. Положительная, кстати, примета нового времени. Пахарь расположился у окна, всматриваясь в знакомые унылые пейзажи, скучные зимой, но оттого не менее родные. С Сергеем едва увиделись, перебросились на ходу заурядными фразами и словами. Внук – Виктор обрадовался подаркам и гостинцам. Тарахтел и дергал «деду» беспрестанно. Не давал прохода. Папа дома бывает редко. Когда бывает, больше спит – специфика работы. Мама надоела, а тут новое лицо. Объект «доставки». Марина жаловалась, что Витя долго молчал, не говорил. Волновались, даже водили к педиатру. Зато, ког-

да уж внука прорвало, места стало мало всем. Третий год «капитану». Подрастает карапуз – будущий «морской волк», а может – сухопутный. Интересно, как поживает еще один Виктор? Виктор Викторович. Нет, Виктор Антонович. Уже школьник. Как годы летят?!

Пахарь не утомлял семью Антона своими родительскими чувствами. Всегда рад был, когда они приезжали, а случалось это не каждое лето. Иногда позванивал, высылал на праздники подарки. И Витюше, и Полинке. Был добрый «крестный», но так чтоб Нина Григорьевна не знала. А что он мог еще? Наврать жене с три короба? Или – всю правду? А зачем? Ему-то ладно, а вот Нине Григорьевне все это зачем и за что? Незачем и не за что. Поставить бы ей памятник за долготерпенье, заботу, самоотверженность. За все... Но это вопрос риторический, кто и кому будет памятник ставить. Первым.

Эх, ...вернуться б, на... сколько лет назад? Если бы. Если бы... Инь-Янь. Моя Инь.

Маршрутка развезла всех пассажиров почти что по домам. Конкуренция поджигает. Пройдя еще метров триста и поднявшись на второй этаж, Пахарь был оживленно и радостно встречен супругой, и очутился в уютном, специально для него созданном мирке. Комфортабельном, но немного тесном. Чуть-чуть удушливом, но очень удобном. Хотелось расслабить галстук, но он и так был без галстука. Открыть форточку, но она и так уже была своевременно приоткрыта Ниной Григорьевной – Витя любит свежий воздух. Как-то от нечего делать, Пахарь смотрел днем по телевизору веселые детские «Ералаша». Один сюжет его особенно рассмешил. Он назывался «Бегу, Витенька! Бегу, маленький!».

Глава 30.

Весной политический градус стал медленно, но неуклонно расти. Медленно, потому что впереди лето – юга, моря, полупустые города, не говоря уже об офисах, предприятиях и фирмах. Можно оставить политику и на потом. Никуда не денется, а вот лето пройдет. Но градус непреклонно поднимался, накаляя и без того нагретую солнцем страну. В августе шеф, не зверь же, позволил Сергею отдохнуть, а с первого сентября пообещал «загнать без вести». Если пацан, то есть «И. Б.», что-либо обещает, обычно – делает. Выполняет обещания. «Почувствуй разницу!» – Сергей ее с первого дня сентября и почувствовал. Весенние разовые поручения и командировки остались в воспоминаниях. Игорь прикомандировал Сергея к себе, «чтоб был под рукой», в числе многочисленной свиты.

Агитбригада куролесила по городам и весям, городкам, поселкам городского типа, всевозможным райцентрам, проводя по два-три митинга в сутки. Каждый день «И. Б.» напористо выступал, агитировал за реального политика на пост нового президента – успешного хозяйственника и премьера, доказавшего свою компетентность делами, а не «балачками и пустозвонными обицянками». На конкурирующую фирму во время программных выступлений тактично не наезжал. Только по вопросам из зала или толпы. Строго по существу. Правильные вопросы были заготовлены, кадры расставлены. Тут уж клеймил вору и махинаторов, националистов и аферистов газовых, шоколадных королей. Прихвостней американских, продавшихся и Родину готовых заложить. Гвоздил и растирал. Затем артисты «делали красиво» электорату. И снова. Митинг – концерт. Концерт – митинг. Аппаратуру закупили и опробовали еще весной. Музыканты и аппаратура занимали большой автобус и «бусик» – «Форд-Транзит». «И. Б.» с водителем Федей и Олей, она была у шефа «под боком», перемещались в джипе. Комплект охранников, координаторов и референтов – в еще

одном «бусе» – народном немецком вагоне, который «Каравелла». Сергей и Вася прикрывали колонну в арьергарде на «Мицубиси». А в авангарде со «светомузыкой» шла машина ГАИ.

Периодически проводили благотворительные акции в детских домах, учреждениях для престарелых, больницах. Оказывали шефскую помощь, дарили подарки в зависимости от специфики посещаемого объекта, от компьютеров и медоборудования, до инвалидных колясок и игрушек. Главное засветиться, чтобы сняли тележурналисты, и сюжет прошел в вечерних новостях. За что-либо конкретное Сергей и Вася не отвечали – опять же были порученцами. Фигаро здесь, Фигаро там, сям, везде, где только возможно, там и Фигаро с предвыборными оказиями. Поручений этих и «подхвата» хватало каждый день на год вперед. Ночевали в гостиницах. Раз или два в неделю возвращались в Киев, но там тоже суета не оставляла. Дни отлетали, как листья с деревьев. Октябрь на всех парах сменил опустошенный, отходящий на покой, сентябрь.

Оплачивалась вся эта политтусовка сполна, и Сергей, несмотря на зверскую усталость, был доволен. Клуб без него не зачах – Татьяна справлялась. Пригрузила Джимми. «Машина» так себе, чих-пых, шарпала на малых оборотах. А вообще, всем было не до клубов, и публике – тоже. Народ как-то туго этой осенью веселился, очевидно, испытывая чувство смутного предвкушения. Основное веселье ожидало впереди. Бывая дома, Сергей старался отоспаться. График был таков, что это редко удавалось. Марина не роптала, поддерживала отношения с мужем преимущественно по «мобилке». Сегодня, появившись в десятом часу, Сергей принял душ, наскоро поужинал и завалился в постель, перескакивая пультом по телеканалам в поисках новостей. До погружения в сон оставались считанные секунды. Привычно короткую, менее минуты, фазу перехода из состояния бодрствования в дрему, нарушила жена.

- Сереж? – Марина легла рядом, заслонив бедром часть экрана.

- Ну что еще? – он приподнялся на подушке, восстановил широту обзора.

- Сереж, я поговорить хочу, – жена потянулась и поцеловала его в шею, плечо.

- Блин! Подожди! – переключая, он поймал на одном из каналов Игоря Борисовича. Тот мелькнул в уходящем кадре, и пошел другой сюжет. – Черт, не успел!

Может, еще где-то покажут. Надо на «восточных» переключить.

- Сережа, пожалуйста, выключи совсем. Все равно сейчас уснешь. Тебе не надоело? Каждый день одно и то же. Ну, пожалуйста!

- Хорошо... – Сергей с досадой придавил красную кнопку.

«Ладно, в конце концов, надо и с женой поговорить. Уже вырубаясь», - подумал он. Действительно, бессонница – не его стиль.

- Сереж, понимаешь... ты только не спи! – толкнула его Марина.

- Я не сплю...

- У Вити температура сегодня была.

- Простыл?

- Я тоже так думала. Участкового педиатра вызвала, а она говорит, зубик режется.

- А...

- Я коробку конфет дала. «Метеорит». Не спи! – она снова легонько толкнула его.

- Ага... зубик?

- Он так кусается. Десна напухла. И слюни текут...

- Хррр...

- Сережа!

- Я не сплю! Не сплю. Что? – он слегка потрусил головой.

- Я уже не могу... – жена прильнула к нему всем телом, начала спешно осыпать его поцелуями, гладить грудь, живот, спускаясь ниже. – Я хочу тебя, только ты не спи, Сережа. Пожалуйста!

- Глупая, я и не сплю. Маришка, я тоже, знаешь как, соскучился! – он потянул ее на себя, поймал губы, широко открыл рот, лаская язык, вояжируя по ее зубам и деснам. Гладил плечи, спину. Стискивал ягодичцы. Марина наклонялась над мужем, подставляя ему грудь. Он ловил ртом соски, по очереди сжимая их губами и легонько покусывая. – Ну, иди сюда...

- Я уже здесь... – она легко надела на него, возбужденная, горячая и мокрая. – Ох... ох! А! А!! А!!! Ой! Оооо...йййй...

Все произошло внезапно и стремительно, как атака мангуста. Марина еще двигалась по инерции недолгое время. Затем свела ноги и плавно скатилась с него.

- Вот видишь... – Сергей погладил ее по волосам. – Спасение утопающих дело рук самих утопающих.

На самом деле, про утопающих он только подумал,

сказать вслух не успел. Вместо известной шутки Марина услышала знакомое «хрррр». Это потому, что лежит на спине. Повернуть на бок, храпеть перестанет. Пусть храпит. Выматывается с этими выборами. Она уютно расположилась у мужа на плече. Поцеловала несколько раз сонного, включила телевизор, сериал, и вскоре уснула сама.

Разбудил телефонный звонок. Настойчивый до бесконечности. Сначала она думала, что это ей снится и лень не только вставать, но и просыпаться тоже. Придя в себя, открыла глаза. Второй час. Подождала, может, сигнал прекратится. Почти беззвучно телевизор густо источал в эфир порок. Плейбоевская красавица-нимфоманка, с раздутыми силиконом грудями, жеманно и томно мастурбировала на весь экран, во всех ракурсах являя камере аккуратно постриженную, украшенную пирсингом, промежность.

«Скоро внутрь залезет, придурок, – подумала об операторе съемок Марина. Телефон упорно продолжал звонить. – Идиоты!».

Марина вяло протянула руку. Взяла с тумбочки трубку.

- Алло.
 - Марина?
 - Да. Марина.
 - Марина, извини, если разбудила. Это Татьяна звонит. Я из клуба. Сергей спит, наверно?
 - Наверно, спит.
 - Марина... это, извини, ему в клуб срочно надо...
 - Именно сейчас? Ночью?
 - Марина, ты не злись, пожалуйста. Я тебя прошу. Его шеф, Игорь вызывает.

- А почему он сам не позвонил?
 - Он мне поручил. У них там встреча очень важная, он занят. А Сергея ждут. Передай ему, пожалуйста.

- Передам, - Марина положила трубку. С огромным трудом растолкала мужа. Сергей долго приходил в себя. Сфокусировавшись во времени и пространстве, ругался и ворчал, проклиная день, когда он сел за баранку этого электорального пылесоса. Шатаясь, побрел в ванную комнату принимать освежающий душ. Попросил Марину приготовить кофе покрепче. Поедет уже, очевидно, с концами, все равно вставать рано. Возвращаться нет смысла. Если удастся, в клубе перекимарит. Жена сложила в дипломат свежие рубашки и что необходимо.

Холодный ночной воздух окончательно навел ясность в голове. Прогулка в сторону платной автостоянки взбудрила тело, проветрила мысли, заторможенно шеве-

лившиеся в черепной коробке. Какая еще встреча? Игорь вечером, давая «указивки», ничего такого не говорил. Сбор в семь утра у офиса. Как обычно. Еще Васю по пути забрать, кстати, достал уже этот доморощенный хохмач. Что ж, встреча, так встреча – чему удивляться в такой острый политический момент. Как раз самое время, ночью вопросы порешать. Я-то, зачем им понадобился, скромный исполнитель? Вот в чем вопрос. That is the question. Так говорит Джимми – Евгений Васильевич. А еще раньше вопрошал Гамлет – принц Датский.

Глава 31.

Охранник вежливо поздоровался на входе. Сергей протянул ему руку. Поинтересовался, как дела. Дела у секьюрити шли «нормально». Дома или на работе. Вообще. Уточнять не стали. Публики было негусто, но и нередко – «не кот накакал». Сергей не успел подойти к махнувшему рукой Джимми, перехватила Татьяна.

- Хорошо, что ты приехал, – она цепко, как воришку на рынке, схватила его за руку, хотя он и не собирался скрываться, как раз наоборот. Татьяна была нервная и подавленная. Не в своей тарелке. Неуверенная, такой он ее не видел. – Идем!

Она потащила его за собой.

- Я иду. Иду. Руку отпусти.

- Извини, я машинально, – она быстро миновала зал, лихорадочно сжимая пальцы. Поднялась в свой кабинет. Сергей послушно следовал в фарватере. Татьяна долго не могла в коридорных сумерках попасть ключом в замочную скважину. Оказалось, не тот ключ вставляла.

- А Игорь...

- Подожди! – наконец ключ и отверстие совпали.

- Таня...

- Я говорю, подожди! – почти крикнула на него Татьяна. – Извини. Сейчас.

Она включила компьютер. Достала из сумочки диск. Сергей молчал. Наконец, «комп» тихо загудел. Запел монотонную блеклую песню вентилятор основного блока. Засветился морской картинкой монитор. Татьяна вставила диск. Подождала. Щелкнула несколько раз «мышкой». На экране появилась заставка – этот же кабинет, на переднем плане небольшая софа, предназначенная «для отдыха» шефини. Вид сверху и сбоку. Сергей покрутил головой. Ага, вот отсюда. Внимательно осмотрел вентиляционную решетку. Ничего не заметил. Она продернула немое «кино» вперед. Сергей узнал свою голую спину и... все остальное. Татьяна сложилась под ним пополам,

касаясь пальцами ног подголовного валика софы. А он, исполнительный директор совместного предприятия, ритмично с огоньком «заворачивал» коллегу по работе – владелицу основного пакета акций. Она снова прокрутила «мышкой» «лав стори» вперед. Reality show. Позиция the next – партнераша в коленно-локтевом положении. Руки вытянуты вперед, спина максимально прогнута. Партнер сзади. Немного в динамике. Вперед. И снова пустота кабинета.

«Я мысленно вхожу в ваш кабинет» – неожиданно, а может как раз ожидающе, именно с того и с сего, всплыла давнишняя мелодия, только эта фраза. И снова погрузилась в дальнюю ячейку подсознания, откуда выплыла. Вхожу, мать вашу! ...а кто не спрятался, я не виноват. Татьяна вытащила диск. Выключила компьютер. Несколько минут сидели в гулкой тишине, нарушаемой снизу отдаленными ударами «бочки» и синкопами баса, как раскатами грома приближающейся грозы. Еще далекой, но неизбежной, как завтра или послезавтра. Собственно, уже можно смело открывать рот и не молчать. Диск у них, значит, камера, скорее всего, расположена на другом, более актуальном на сегодня, объекте. Необходимость в конспирации отпала, как хвост на ранней стадии антропогенеза. И вообще, диск был только видео, без аудио файла. Писали без микрофона. Наверное. Но возможное присутствие «третьего глаза» или «уха» наложило на любовников епитимью молчанья. Не говорилось, зато обильно потелось и думалось. Размышлялось. Благо дело, с информацией к размышлению добрые люди для них подсутились.

Сергей в ступоре смотрел на потухший экран монитора. Впереди – черные дни светлого будущего. Он физически чувствовал, как рушится его жизнь – здесь и сейчас, именно в этом кабинете. Трещат по швам амбициозные планы на будущее. Валится настоящее, как старая кладка под ударом чугунного груза. Она начала крошиться и сыпаться раньше, просто он об этом узнал только что. Soon or later. Вот и доигрались. Должно было случиться – и случилось. Доскользили по бритве. Хотя, пистолет не наставляли, покупать не заставляли. Все сам, своими руками и ...не только ими. Татьяна и Сергей вышли в коридор.

- Игорь...

- Какой, к черту Игорь?! – она нервно рылась в сумочке.

- Тань, а как диск к тебе попал?

- Сегодня вечером, ночью в ящике стола обнаружила, – Татьяна взглянула на часы. – Вернее, уже вчера.

- Может, давно лежит?

- Какое – давно? Я в день по десять раз там копошусь. После обеда появился. Я с двенадцати до трех была. Потом уехала, а в девять вечера вернулась. Туда-сюда. Решила макияж освежить – у меня там косметика, из необходимого. А он, красавчик, прямо сверху нарисовался, как гриб после дождя. Не было печали.

- А кто мог положить? У кого ключи от кабинета?

- Ключи у того, кто камеру ставил.

- Ну да, конечно... – Сергей согласно покачал головой. – Сейчас такие примочки миниатюрные, в любую дырку засунуть можно. И камеры, и микрофоны. У шефа мания с этой прослушкой. По телефону – ничего не говорить. Машину постоянно приборами проверяют. Цирк.

- Да уж, цирк... – она закурила сигарету. – Ты на машине?

- Да. Конечно.

- Ну, тогда жди меня возле «Крамныщи». Это...

- Я знаю.

Сергей ждал недолго. Не более десяти минут. Курил в тишине, наблюдая за ночным городом. А город не настолько и спал, как это можно было себе представить. То и дело проносились машины в обоих направлениях. Ночные прохожие не походили на обычных поддатых гуляк, припозднившихся с возвращением в home sweet home. Спешили делово и не поодиночке. Прямо, суета. Ах, да! Через неделю волеизъявление. На третьей затяжке подъехала машина ГАИ. Вежливые. Проверили документы. Попросили открыть багажник. Выходит из машины было в облом, Сергей показал им удостоверение помощника нардепа. Гаишники вернули ему корочку, но все равно настояли на осмотре. Изучили полупустой багажник, посветили фонариком в салон. Пожелали всего хорошего. Один из них записал в блокнотик, очевидно, номера. Вскоре подъехала Татьяна на своей модной «Пеже». На ходу махнула рукой ехать за ней. Сергей последовал. Поднявшись вверх по широкому, с двухсторонним движением, бульвару, она свернула во двор длинной изогнутой многоэтажки. Там сразу развернулась, чтобы удобно было выезжать. Сергей притормозил рядом. Пересела к нему в салон.

- Сигарету дай! – после минутного молчания произнесла Татьяна.

- У меня ж...

- Все равно. Мои закончились, – она приоткрыла окно, выпустила порцию дыма. – И что теперь делать?

- Ничего, – Сергей тоже достал из пачки сигарету, разминая, крутил ее пальцами.

- Как это – ничего?

- А что мы можем сделать? Ничего. Только ждать. Все что нельзя, мы уже сделали.

- Так можно с ума сойти – сидеть и ждать.

- А нам ничего другого не остается, – Сергей закурил. – Давай попытаемся проанализировать ситуацию.

- Давай. Я слушаю.

- Кто у Игоря записью занимается?

- В «апартаментах»?

- И не только, как видишь...

- А ты знал?

- Тая, а что, кто-то не знает? У шефа это – фишка. И уже много лет. С Клауса начинали, если не раньше.

- А... в очках этот, как его? «Шурик». Вообще-то, его, кажется, по-другому зовут, но он похож на артиста и приклеилось «Шурик».

- Шурик, так Шурик, – Сергей знал этого «Шурика». Действительно, похож на Демьяненко, каким он был в «Операции Ы» и других великих комедиях Гайдая. Шурик не рисовался в клубе. Тихонько обитал в своей подсобке, когда появлялся. Параллельно с «И. Б.» или заранее. Общался только с шефом, изредка с Татьяной.

- В последнее время ему Евгений Васильевич помогал.

- Джимми?! Серьезно? – для Сергея это была новость.

- Да. Твой любимый Джимми, – Татьяна щелчком отправила окурки в последний путь. Он описал высокую дугу, светя огоньком. Ударился об асфальт, испустил снопы прощальных искр и скончался. – У Шурика в какой-то момент не заладилось, и Игорь подключил к нему Евгения Васильевича.

- И что?

- Ничего. Теперь, наверно, все ладится... как видишь. Сергей на некоторое время задумался.

- Собственно, это ничего не меняет. Есть два варианта. Первое. Диск попал к тебе, нам, без ведома Игоря. Значит, Шурик действует по своей инициативе. Сам он или не сам, может, стоит кто-то за спиной, будем называть этот вариант «Шурик». И вариант однозначный – деньги. В обмен на информацию. Мы информацию получили, теперь «Шурик» должен получить от нас деньги, чтобы информация не попала к Игорю.

- А если этого Шурика...

- Что?

- Ну... того... заказать?

- Тань, ты спятила? Киллеров нанимать? Или самим?

Ну, ты сериалов и насмотрелась!

- Я не смотрю сериалы. Нет времени! – зло ответила Татьяна.

- Устранение Шурика ничего не даст. Копий он сделал кучу. Оригинал где-то спрятан. Приготовлено письмо – «в случае чего...». Придет другой. Поднимет сумму с учетом «мокрухи». А если раскроется все? Сухари сушить?

- Понятно! Так и объясняй. И что нам делать?

- Ждать, когда ознакомят с цифрой.

- Ясно. А второй вариант? – она вытащила из пачки еще сигарету.

- Второй вариант – это привет от Игоря Борисовича. Типа «черной метки».

- Чего? Метки?

- Угу, метки, – подтвердил Сергей. – Посылают, мол, готовься. Дальше будет веселее.

- Ерунда. Хотя... – задумалась Татьяна. – Я с ним, сколько живу, а толком его и не знаю.

- Понимаешь, Тань, мне кажется, Игорь с самого начала догадывался о наших отношениях. Я даже иногда думаю, что и познакомил он нас неспроста.

- Это уж ты точно порожняк гонишь, дорогуша! С чего это ты себя так накрутил?

- Да, по мелочам накрутил. С миру по нитке – голому веревка. Шуточки, словечки, не знаешь, как понимать, – Сергей снова закурил. – А у вас с ним как?

- Ты же знаешь, зачем спрашивать? Никак.

- Вообще, что ли?

- Нет, в частности! Насчет потрахаться!

- Тань, не заводись.

- А я и не заводжусь. Последний разстряслась любовью на Новый год. Домой вернулись, а он пьяный и дурной. Говорит, хочу тебя, сучку... – Татьяна отвернулась, глубоко затынулась дымом. – Ну, я его послала, куда подальше, а он... он избил... и... потом неделю по дому ползала.

Сергей вспомнил, и точно, после Нового года Татьяна несколько дней не появлялась в клубе. «Отравилась и болела». Шутили, что «не рассчитала силы». Только указания давала по телефону.

- Знаешь, я не хотел говорить тебе, у Игоря есть... – Сергей осекся.

- Оляка, что ли?

- Так ты знаешь? – с облегчением спросил он.

- А то не знаю? Все всё знают, получается, и делают... твою мать, вид. Типа, англичане – сэры и сэрухи! А ты в курсе, что Олечка ваша от Игоречка моего в позапрошлом году сыночка родила?

- Сыночка? Оля?! – опешил Сергей.

- Да! Такого маленького мальчика. У бабушки и дедушки в Полтаве растет. А муж мой с Олечкой проводят маленького. Богданчиком назвали. Богом данный. Понятно?!

Сергей понимал. Понимал, что второй вариант вероятнее. И что от них в этой игре мало что зависит. Они выступают вторым номером. Играют черными. Чего ждать? Одно ясно – хорошего ничего. Если Игорь давно и все знал, но ничего не предпринимал, значит, его устраивал такой ход событий. Расставлял пешки, а они послушно ходили на нужные поля. В чем изменилась ситуация? Что перестало шефа устраивать, раз появилась эта «черная метка»? И зачем она ему? Посмотреть, как будем держаться и паниковать? Потешить самолюбие? Большой дядя решил поиграть с ними в «кошки-мышки»? Зачем? Это надо понять.

Они еще выкурили по сигарете. Еще раз проанализировали ситуацию. Игорь знал? Знал. Так что, для них, вроде, ничего не изменилось. Ну, сообщил им шеф, что владеет всей полнотой информации. Они просекли, наматывали на ус. Прощтрафившиеся любовники старались каким либо способом поддержать друг друга. Вроде советов в тарелке – мол, нам, вареникам, лучше держаться вместе, одной командой. А если это вымогатели, то все равно у них приличных денег для выкупа нет, и вариант первый автоматически перейдет во второй. Завтра, которое уже стало сегодня, окончательно прибиравало мир к рукам. Понемногу начали зажигаться окна. Ближе к утру их положение стало казаться им не таким уж фатальным, как это представлялось сразу. Татьяна решила держать курс на развод. А Сергею предстояло держать курс в сторону Васи.

- Тань, мне пора. Пока есть ноги, дорога не кончается? – сумничал Сергей.

- Да. Точно. Пока есть задница, с ней вечно приключается! – отпарировала Татьяна. За ней не заржавеет. Она не страдала «остроумием на лестнице», всегда и быстро находила нужные слова. Мягко спросила – Сережа?

- Что? – насторожился он, уж слишком резким и подозрительным оказался переход. Он знал эти изменчивые переливы.

- Сереж, я хочу...

- Сходи, если хочешь. Еще темно.

- Дурак ты! Я тебя хочу, – она склонила голову ему на грудь, запустила руку под куртку, свитер, рубашку. – Опустит сиденье. Стекла темные.

- Тань, не выдумывай! А лобовое?

- Я говорю, опусти!

- Таня... не до того... черт!

- Я, кажется, попросила? – в ее голосе была непреклонная революционная решимость и убежденность в правоте дела. Всем терниям вопреки. Рука остановилась, захватив важный стратегический объект. – До того. До того.

- Вы, прямо, как сговорились.

- Кто это – вы?

- Вы? Вы – Татьяна Михайловна.

Глава 32.

Тур первый, как и полагали, оказался не последним. Фавориты выборных перегонов пришли в октябрьском полуфинале ноздря к ноздре. Назначили еще один забег с финишем двадцать первого ноября. Региональные герои, ничтоже сумняшеся, разломали страну пополам. Как сухую пиццу. Народ ожесточался, принимая по телевизору и на улицах регулярные дозы политического «озверина». Сергей почувствовал это на митингах и сборах. Сантименты по отношению к оппонентам были отброшены обеими сторонами. Никто не церемонился. Ни «бело-голубые», его соратники. Ни «оранжевые» «бандерлоги». Времени на сон почти не оставалось. Мероприятия продолжались с раннего утра и до глубокой ночи. Практически никаких поручений не имелось, Сергей и Вася дополнили охрану, которой все равно не хватало. Географически зона ответственности «И. Б.» располагалась как раз на границе электорального разлома, on frontier, как изящно выражался Джимми. Каждый митинг – это front-line, передовая. А сам «И. Б.» – front man в команде, как, например, печально почивший Курт Кобейн из «Нирваны», или вполне живой Юра Шевчук из «ДДТ». Сергею нравилась фирмовая терминология «старого рокера» и он легко подхватывал эти словечки.

Словечки словечками, но почти на каждом митинге случались потасовки с идеологическими противниками. Чаще – перед, или в самом начале. То пытались сорвать, то перекричать. Намеревались сунуться с «жовто-гарячими» знаменами поперед бело-голубых перед телекамерами. Слова редко доходили до конкурентов на электоральном поле, никто никого не слушал. Приходилось действовать грубой физической силой, иногда помогая милиции, а когда и заменяя ее.

Годы прошли, но спортивная закалка осталась. Сергей, как гандболист, отличался мощным и резким броском. Случалось, неожиданно пробивал вратаря, чуть ли не с центра площадки. Так что, удар был поставлен. Плюс

вес добавился. В предвыборных баталиях Сергей ожесточился. Проникся если не ненавистью, то уж точно не любовью к «померанчевым» бандеровцам-националистам, «западенцам», мечтающим теперь о НАТО, больше, чем о сале, патологически ненавидящим все, что связано с Россией. Поклоняются, блин, каждому европейскому насекомому. «Вуйки». Вечно у них Россия во всех бедах виновата. А у нас, если посмотреть, у всех, там куча родственников. И у жены, и у него – две тетки, всякие ...юродные братья и сестры, племянники. Раскиданы от Курска до Владивостока. Может, он и видел-то их два раза в жизни, но какая разница? Чего делить? Наоборот, держаться вместе надо. Гуртом и батьку лэгше быты.

Сергей не верил сладкоречивому Западу – спит и видит всех нас перессорить. В Ираке у них террористы, зато в Чечне – повстанцы, борцы за свободу. Чем хуже, тем лучше. СССР развалили, будут валять и дальше, до основанья. Сергей был за Украину и Россию, два братских народа – украинцев и русских, за два государственных языка, прозрачные границы – и никаких проблем.

Вот только с кандидатом у них проблема. Страна большая, а другого, как назло, не нашлось. Дядька, конечно, видный, представительный. Сурьезный мужчина. Но подкачал. Лучше бы другой, без темных пятен на мундире. Даже самый ленивый оппозиционер их упойительно топтал и поливал в угаре «брудом», оттого становились они все темнее, заслоняя как в затмении все светлое и положительное. Оппоненты зашлись в вопле «держи вора!». Другой прошел бы как по маслу, с первого раза. Без добавленного времени. Да... подставили его. И всех нас. Но – другого предводителя не было, будем бороться за такого. Изъяны есть у всех. Кто без греха, пусть бросит камень – это из давней вечной оперы, не нашей. А в нашей опере иль оперетте с инкогнито режиссерами, кукловодами, «бескорыстными» спонсорами, примами, второстепенными актерами и массовой, камнепад продолжался, рискуя накрыть лавиной весь электоральный массив. Как медным тазом.

Ситуация с видеозаписью их неформальных отношений с Татьяной никак не развивалась. Долларовые шантажисты себя не обнаруживали. Следовательно, как Сергей и предполагал, это была инициатива «И. Б.». Ход конем по голове. Или ферзем. Шах, растянутый во времени. Мол, трепещите, голубчики. К вам мат... подкрадывается незаметно. С Игорем Борисовичем общались, как и прежде, собственно, общаться было недосуг. Внешне ни-

чего не изменилось, если не считать огромного напряжения, творящегося у Сергея в душе. Черт! Взять и поговорить с ним начистоту, как мужик с мужиком? Да. Наверное. Чуть позже – выборы пройдут. Что тут осталось? Точно – скинуть этот камень. Груз.

Сегодня, в пятницу, свернулись раньше, чем обычно. «И. Б.» отчеканил дневную речевку и дал команду на сбор. Абсолютный. Всю выкладку упаковать, вечерний митинг отменяется. Кода. Банкет закончен. Сергей был доволен в квадрате, даже в кубе – майнать паруса! Всё – к едреней фене! Дом, сладкий дом – наконец-то! Таков был общий командный настрой.

После мероприятий местное руководство почти всегда организовывало им обеды. Население разделилось в симпатиях, а власть была своя, родственно окрашенная. И подкармливала своих. Дальновидные «керывники» обеспечивали провиантом и чужих. Подстилали соломку. Обычно шеф с Олей и референтами питались отдельно от музыкантов и техперсонала. К Сергею подошел Федя, водитель Игоря. Передал распоряжение, скорее, приглашение шефа на обед. Трапеза происходила в ресторане в небольшом уютном зальчике. Они, залетные гости, и пять-шесть человек местного руководства и однопартийцев. По окончании обеда распрощались с гостеприимными хозяевами и двинулись на выход. Игорь предложил Сергею задержаться. Подождал, когда все выйдут, попросил администратора их не беспокоить. Закрыв дверь в зал. Вернулся за стол. Показал Сергею садиться. Налил две рюмки водки.

- Игорь... Борисович, я ж за рулем.

Не обращая внимания, Игорь взял свою рюмку.

- За Татьяну. За Таню... – он плеснул сто граммов алкоголя в горло. Прямо в желудок. Поставил рюмку, налил себе еще.

- Да. За нее, – Сергей тоже выпил. Пусть рулит Вася, если не набрался. А как ему не набраться на радостях, да еще на халяву? Разберемся. Ерунда. Проветримся в пути. Ничего – ветер выдует. Тут бы разобраться. Вот и дождался мужского разговора. Как по заказу.

Игорь снова налил водки Сергею. Взял свою рюмку.

- Вчера... пусть земля ей... – и опрокинул вторую.

- Какая земля? Игорь! Ты что говоришь?!

Шеф сосредоточенно глядел на пустую рюмку. Налил еще. Выпил. Молча. Сергей тоже молчал. Ждал.

«Что Игорь несет? Как это все понимать – черный

юмор? Чуть какая-то. Земля... вчера... Что-то случилось? Когда? Вчера? Нет. А два митинга сегодня? Выступал нормально. Даже круто. Если случилось, то что? Когда? Вчера? Сейчас? Таня? Земля?».

Мысли трещали в мозгу как барабанная дробь.

- Мне вчера из Киева звонили... – Игорь опять налил себе водки, но не пил. – Таня в аварию попала. Разбилась.

- Как это?! – Сергей вскочил. Сел. Сердце забухало молотом в груди, застучало в горло, голову, в пальцы. – Почему разбилась? Разве... разве...

Что именно «разве», он не мог досказать. Разве что? Разве не попадают в аварии люди? Попадают. Каждый день и в большом количестве. Молодые, красивые, умные, любимые. Разные. Тогда что? Почему?

- Я в контакте сейчас... короче, причины аварии уточняются... проведут экспертизу машины...

- А Таня?

- ...Тани нет. Нет... Тани. В морге... в холодильнике... – Игорь остановился. Долго выпускал воздух сквозь сжатые зубы. – Завтра вскрытие. Похороны, очевидно, в понедельник. Я сообщу.

Сергей выпил водку. Игорь налил ему из новой бутылки еще. Выпили.

- На дачу ехала... там, как с трассы свернешь, поворот есть... нехороший. Под девяносто градусов и в низинке. Влага... и намораживает часто. Погода... вот. На «Жигуле», было, чуть не слетела. Сколько раз говорил... сколько раз... Машина перевернулась и крышей в сосну врезалась. Где люк. Подушкой прижало... когда нашли, уже мертвая была. Может... сразу. Остальное – завтра... сегодня. Вот так вот, брат... – Игорь высказался. Поднялся. Постоял какое-то время, глядя на Сергея сверху вниз, сжал ему до боли плечо и вышел.

Как же так? Что же это такое? Почему? Он взял со стола салфетку и протер влажные глаза. Слезы не лились, нет. Они душили его изнутри. Это он виноват. Тоже виноват. Сергей помнил тот злосчастный поворот. Они три раза за все время ездили к ней на дачу. Удалая гонимая Таня проходила это гиблое место на удивление аккуратно и осторожно. Каждый раз, заново рассказывая ему, как чуть не улетела здесь еще на «восьмерке». Едва не описалась тогда со страху. Раз или два в году там обязательно кто-то переворачивается. После дачных попок. Не мешало бы сосны на внешней дуге поворота убрать. Теперь, видимо, срежут, вы-

корчуют. А скорее всего так оставят, до следующей аварии. Новой жатвы. Что же случилось? «Пежо» низко сидит. Липнет к дороге, особенно на скорости. Тормоза не могли отказаться, бортовой компьютер мгновенно обездвигит машину. Гололед? Да, вполне. Конец ноября. Удивительно теплый. Температура все время крутится возле нуля – сквернее всего. Днем тает, ночью подмерзает. По утрам каждый раз гололед. Что случилось? Кто может ответить? Гаишники? Судмедэксперты? Танечка... Тая.

Две официантки незаметно проводили зачистку столов, приближаясь к засидевшемуся клиенту. Заглянул Вася. Вроде, трезвый. Или не сильно пьяный. Или Сергей не понял. Василий сообщил напарнику, что «уже отъезжаем». Сергей кивнул ему головой – он осознал, и рукой – иди, я... подгребу. Голова Васи исчезла из дверного проема. Официантки приблизились на расстояние выстрела косога взгляда. Сергей вылил оставшуюся водку в рюмку, зачем-то кивнул официантке, выпил и, стараясь не зацепиться плечом в проеме, нетвердо покинул радушно заведение общепита.

- Алкоголики! – ему вслед злобно произнесла молодая официантка, когда он был далеко и не мог услышать. – Только и способны, что водку жрать и воровать. Бандиты! Ты еще поспособать за них собралась!

- А мне понравился! Очень даже симпатичный мужчина, только грустный. Мало ли, что выпил. Может, устал? Зато культурно, без драки. А Колька твой как хлыщет? Любого за пояс заткнет. Между прочим, он на меня один раз так посмотрел...

- Ой, держите меня! Он посмотрел. Они так смотрят, а потом насилуют. Сначала женщин, потом всю страну. Знаем, знаем!

- Нет, ты точно дура зомбированная!

- Я – дура?! Да ты на себя...

- Вы уже? – в зал заглянул администратор, прервал намекающиеся разногласия.

- Мы уже! – в унисон рявкнули разгоряченные полевикой женщины.

Администратор придирчиво оглядел с иголки накрытые столы.

- Так, Таисия Ивановна, вы в большой банкетный. Он заказан. Девочкам поможете. Алла, а ты зайди ко мне. Надо в кабинете накрыть. Из администрации звонили. Через час четыре персоны будут – это особо. Я все объясню. – Администратор пошел к себе.

-
- Хм! – встав в понимающую позу, хмыкнула Таисия Ивановна, возобновив прения сторон.
 - Что – хм? – передразнила ее Алла.
 - Ничего!
 - Ну и все!
 - Иди уже, а то не успеешь!
 - Что – не успеешь?
 - То самое, проститутка оранжевая!
 - Что-что?! Да ты на себя посмотри! Ты? Дебилная!
- ...точно что – быдло!
- Да заткнитесь вы, наконец! – авторитарно прекратил дискуссию вернувшийся на шум, администратор. – Осатанели люди.

Глава 33.

Суббота прошла на удивление тихо. Никто днем не беспокоил. Сергей выключил мобильник. Спал. Пару раз просыпался. Поглощал на кухне тарелку чего-нибудь. И водку. И спать. Марина ходила на цыпочках. Бедный, так вымотался. Отключила городской телефон, вытащив шнур из розетки. Осторожно прикрывала дверь, чтобы не разбудил малыш. Вечером решила позвонить подруге. Только подсоединила, не успела набрать номер, прорвался Вася.

- Серый! Алло! Алло! Серега! Марина, дай Серегу!

- Да, – Сергей приложил трубку к уху.

- Где ты пропал?! Я трезвоню с утра!

- Нигде. Дома я.

- Ты мобилу включи. Шеф искал.

- Хорошо. Включу.

- В общем, так. Завтра в семь утра мы должны быть в Днепродзержинске. Я открепные, всё взял. Ты паспорт не забудь. И ксиву. Будем пацанам помогать. В дороге объясню.

- Я не поеду.

- Это... как?

- Так. Не поеду и все.

- Серый, ты что? Я ж наличман уже получил. На двоих. Все инструкции... ты офигел?!

- Нет. Заболел я.

- Серый, ты... это...

- Что? Заболеть нельзя? Голова кружится. Рвет. Все! Пока.

- Подожди, а как же я? У меня всё...

- Езжай без меня.

- Как это – без тебя? Один?

- Ну, найди кого-нибудь. На мне что, свет клином сошелся?

- Ладно, буду искать... – растерянно протянул Вася.

– Передумаешь, позвони.

- Идет.

- Да! Забыл передать. Похороны в понедельник в два часа дня.

- Понял... – Сергей положил трубку. Отключил телефон.

В воскресенье царила тишина. Телефоны подключены, но никто не беспокоил. Все заняты делом – не до него. Днем Марина нарядила Витюшу.

- Оденем? – жена держала в руке голубые с белым шарфы.

- Нет. Обойдемся как-нибудь.

Двинулись отдавать голоса. Избирательный участок располагался неподалеку в школе. На улицах было молодежно-возбужденно и померанчево. Помрачались. Отовсюду, со стен и столбов, деревьев и балконов утверждалось «Так!». Сергей давно не был в Киеве днем. В памяти отложилось, как выглядят улицы, а сейчас они смотрелись иначе. Не обыденно, как всегда. Пока дошли до участка, им два раза предлагали блекло-оранжевые полиэтиленовые ленточки. Оба раза Сергей посоветовал молодым людям засунуть неприятельскую символику в... короче, подальше. Молодые люди оба раза отнеслись к его советам толерантно. Снисходительно. В драку не полезли, а он не возражал бы. Марина хотела сделать замечание мужу, Витя слышит, но, посмотрев на Сергея, передумала. И правильно. Да и Витя больше глазел по сторонам, каждый раз возбуждаясь при виде «би-би».

На участке агитации не было. Некоторые женщины, члены избирательной комиссии, сидели за длинными столами в оранжевых кофтах, свитерах, пиджаках. Нормально. Демократия. Кому не нравится, может что-нибудь голубое подобрать, синее или зеленое. Дело сугубо личное. Столы застелены оранжевой материей. Где они ее откопали? Зато стены в холле выкрашены голубым. Года два-три назад. Так что паритет соблюдался, шановны друзи. В общем гомоне слышалась раскрепощенная иностранная речь. Наблюдатели из Европы в непринужденном, скорее для загородного пикника, прикиде, раскрепощенно наблюдали за изъявлением воли озабоченными аборигенами. Европейцы громко смеялись, пили из термосов кофе. Чувствовали себя комфортно. У Сергея и Марины процедура заняла минут двадцать. Небольшая очередь, поиски в списках, «птичка» в бюллетени, урна и – на свежий воздух из душного помещения.

Дома Сергей безразлично валялся перед телевизором. По всем каналам крутили однообразные выборные сюжеты и нагнетали страсти с экзит-полами. Посмотрел по «Евроспорту» футбол. Потом теннис. Уснул. Проснулся

ближе к ночи. Ситуация с новым президентом постепенно прояснялась. И за полночь определилась окончательно. Йес! Мы победили. Как, собственно, и ожидалось. Почти одновременно позвонил Вася.

- Салют, шоу-мэн! – Василий был «тепленький», пока на первом взводе. – Реанимация прошла удачно?

- Да. Вполне, – Сергей подтвердил, что он скорее жив.

- Ну, раз больной скорее жив, гребни коромыслами в «Машину», – Вася просветил, что все свои, которые не «наши», собираются в клубе в полном боекомплекте «без галстуков». На радостях. Естественно, кроме шефа, сам понимаешь. Ольга командует праздничным парадом победителей. Его тоже ждут. В зоне досягаемости отмечены заманчивые мишени. Откуда взялись, еще не выяснил, очевидно, креатура Ольги Павловны. Джимми, кажется, уже плотно запал на одну. Короче, броуновское движение в самом разгаре. – Серый, кончай хандрить. Подтягивайся. Что за отрицаловка?

Сергей объяснил приятелю, что он пока не готов, но скоро попустит. Пожелал всем сыто-пьяно. А Джимми и Васе – праздничного промискуитета, чтоб без последствий. Вася не отразил. Сергей произнес по слогам, и сказал, что Джимми проконсультирует и растолкует.

Вот так вот. Один день и уже – Ольга Павловна. Схватывают на раз. Субординация.

Экспертиза и расследование, оперативно проведенные сотрудниками ГАИ, установили, что в «сложных погодных условиях при имевшем место оледенении дорожного покрытия, водитель автотранспортного средства не справился с управлением, вследствие чего произошел вынос автомобиля «Пежо 206», номерные знаки такие-то, номер кузова, номер шасси, на обочину, с последующим переворачиванием и столкновением с неподвижно стоящим предметом в виде дерева сосна».

Гроб выносили из дома. Отпевали в маленькой церквушке на самой окраине города. Мать Татьяны – невысокая сухонькая пожилая женщина, все время плакала, поддерживаемая под локти родственниками. Дочь Светлана, студентка академии, потемнела и осунулась, держалась за отца. Сергей в числе коллег по работе нес гроб с телом до ямы, где опустили его на заранее приготовленную подставку и веревки, уступив место сноровистым могильщикам. Сергей сместился в задние ряды. Игорь Борисович, Светлана и мать принимали соболезнования. Кто-то сказал о двойной утрате, постигшей семью. Потом еще раз.

Автобусами и машинами переместились от кладбища в клуб. Зал был траурно убран. О ночном веселье ничто не напоминало. Огромный портрет улыбающейся Татьяны по диагонали пересекала черная лента. Отдаленно звучал минорный клавир. На поминках Сергей снова услышал о двойном горе, двойном несчастье. Как Таня любила жизнь, пусть земля будет пухом ей и неродившемуся ребеночку. Ребеночку... Так вот... оно... что. Она ребенка ждала. Ждала... Что же, тогда... почему? Татьяна... Таня...

Сергей покинул зал. Медленно шел по сереющим улицам, переваривая информацию. Таня ребенка ждала. Ждала ребенка... от него, от Сергея. Его ребенка. Это ясно. Почему не сказала ничего? Наверно, и срок еще небольшой... был. По ней ничего не замечал. Может, и не собиралась оставлять? Зачем ей ребенок, считай, в сороковник? Ей, мне, всем. Или собиралась родить? Что творилось у нее в голове? Ему не докладывала. А творилось всякое, особенно, когда диск появился. Они никогда не предохранялись. Еще в начале Таня сказала, это ее проблемы – она уже взрослая девочка. Четыре года без этих... осложнений с беременностями. И вдруг. «Захотела, вот и залетела. Ла, ла, ла, ла, ла» – вьедливым пошлым рефреном прозвучало в голове. Такое вот... «ла, ла». Захотела? Зачем?

Не водили они между собой разговоры о любви, чувствах, всех этих «муси-пуси», каких-либо совместных перспективах в обозримом или еще более далеком будущем. Татьяна никогда не спрашивала у него после близости, как случилось с другими, любит ли он ее? Он любил ее больше, чем других. До нее. Любил «по-своему» или «по-моему», как любят любовниц. За новизну, щекочущий мандраж и остроту ощущений, азарт рискованных экспериментов, оставшая сердце дома. Умная женщина, Таня не нарывалась на окологостельные откровения, скорее настораживающие мужчину. Наоборот, частенько бравировала, что «между ними только секс – ничего личного». Сергея это слегка коробило, мужское самолюбие предполагало, чтобы партнерша таяла и млела, не была столь прагматична, рассматривая мужчину лишь как инструмент удовлетворения страсти. Зато было удобно. No problem. Бывало, иногда прорывалось у нее нечто слезливое, но Таня сама обращала все в шутку, сжимала свои чувства и переживания в кулак.

Что все-таки произошло в четверг в одиннадцать часов на этом проклятом повороте? На самом деле? Авария. Несчастный случай? Не справилась с машиной на скользкой дороге? Говорила она Игорю, что хочет развестись? А про ребенка? Что было между ними вообще? Может,

Татьяна претендовала на долю бизнеса? Вполне. Могла заявить, характера не занимать. Стать бизнес-леди. Не в ночном клубе перебиваться, а по-взрослому. Реально. Да, похоже. В ее напорном стиле. Такая вот я, Игорек, Сереженька! Или кто там еще?... Развод в подобных обстоятельствах с неизбежным дележом явно не входил в планы «И. Б.». Тут и авария так кстати подоспела. Как по заказу. Все очевидно. Однозначно. И момент такой в стране... не до аварий.

Сергей повернул в переход, украшенный неоновой «М». Спустился в светлое подземелье на эскалаторе. Электропоезд обдал его воздушной волной. Сел с краю на освободившееся место. За день устал. Напротив и сверху, с плаката на него и всех по-доброму смотрел Виктор Андреевич. «Мир вам!».

Глава 34.

Если события, предоставленные самим себе, имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему, то события, заранее спланированные и тщательно подготовленные, имеют тенденцию рано или поздно себя обнаружить, так произойти в соответствии с проведенным планированием. Висит на сцене ружье, все зрители знают, ближе финалу бабахнет. И точно – пиф-паф. Заиграл в кустах рояль, значит, не все в этих кустах так просто, кому-то надо, если звезды зажигают. А если зажигают всю страну? Значит, это надо очень многим. Куш. Оказалось, мало к власти прийти, надо суметь ее, эту скользкую власть взять, и главное – удержать. А события, раскручивавшиеся в стране после второго тура, катились как снежный ком с горы, сметая на своем пути привычные кабинетные двух-трехходовки, небрежно разложенные властные пасьянсы. Вышибая из заначек «джокеров», загодя припасенных игроками. Игра на зыбком политическом поле проходила по определенным как бы правилам. Цивилизованным, анонсированным всему мировому сообществу, и им же, сообществом одобренным. Это была, так сказать, афиша. А за кулисами «выборчей кампании» эти правила нещадно нарушались. Всеми. Но тоже по определенным правилам, в разумных границах. Это раньше. На этот раз все границы были отброшены и снесены. Напрочь. Разумные и неразумные. Все грани стерлись, явив сконфуженному и потрясенному народу изуродованное национальное политическое лицо. Иль так сложились звезды, иль ставки оказались слишком высоки, но перевыборы и последовавшие за ними события показали одно – теперь правил нет. Никаких. Ни для кого. Вааще!

Как бывалые ищейки, почувяв, куда и откуда что дует, почти все средства массовой информации, СМИ, мгновенно перекрасились. Как по команде. Развернулись на марше с гордо поднятыми головами, хоть и на четвереньках. Борзо потрусили в обратном направлении. Теперь уже честно клеймили «провластного» узурпатора за то, что вот толь-

ко хвалили. На всех каналах шли ожесточенные дебаты, весь смысл которых можно было свести к двум фразам «сам дурак!» и «Карфаген должен быть разрушен». Или одной – «фальшування!». Митинг и дискотека на Майдане переросли в скопище людей, превращались в революцию. «Команда» бело-голубых, пробыв несколько дней в прострации, пыталась кое-как сорганизоваться, выстроиться для отражения удара.

По городу все время распространялись слухи об эшелонах уголовников, прибывших для устройства погромов и резни. Ежечасно разоблачали Россию – то во дворе кабинета российской спецназ готовится к расстрелу миролюбивых граждан, то в автобусах с затемненными стеклами уже приближаются они к ридной хате, то самолеты с ненавистными москалями приземляются в Жулянах. Черноморский флот, как это обычно с ним бывает, не вовремя по имперски заворушился. Забряцал. «Злочинная влада» перелякалась и попряталась за городом на даче, лишь изредка являя народу, обиженное на всех и вся «облыччя». Не ковала и не молола. В ответ на единообразные обвинения «оранжевым» сообщалось, откуда у них денежки, показывали по еще «провладному мафиозному» каналу, что по чем в стане революционеров, кто и как растил сочный заморский фрукт. Страна погрузилась в митинги со страстями, дискуссии с оскорблениями, неприятие и ненависть.

Цивилизованные дяди прилетали мирить поссорившихся президентов. Трех на одну страну. Бывший генсек НАТО, в свое время славно отбомбивший Югославию, устав от особенностей национальной украинской политики, все живо разрулил. Пожелал раздраенной стране заполучить на Рождество окончательного президента. Точнехонько на католическое Рождество. Верховный суд, прилюдно заседая, своим вердиктом продублировал и юридически утвердил арию заморского гостя. Всем все стало ясно, но борьба по инерции продолжалась. Бело-голубой лагерь, сдав без боя почти все позиции, пытался перегруппироваться, занять хоть маломальскую оборону. Совершал бесполезные кавалерийские наскоки где-то на выселках страны. С отчаяньем обреченных, приговоренных «мировым сообществом».

Почти все свободное время, а его появилось достаточно, Сергей проводил возле телевизора. Как, очевидно, и вся страна. Кроме тех, кто стоял на Майдане, на майданах других городов. И некоторых, кто работал.

«Машина», та что клуб, резко застопорилась и заглохла. Какие развлечения, когда вокруг, везде и вся рево-

люция? Сергей каждый день бывал в клубе. Вынужденный простой решили заполнить мелочами, каких всегда набирается много, но никогда не доходят руки на полном ходу. Звук, свет, оформление – составили с Джимми список ремонтных работ, и неспешно «шерстили по списку», осиливая в день один-два пункта. Не перетруждая себя. До обеда Джимми функционировал на «старой» фирме, так что с Сергеем встречались под вечер. Как-то заехала Олечка, новоиспеченная Ольга Павловна. Она придиричливо обошла помещения, поинтересовалась, где все и чем кто занимается. Временно все занимались собой в связи с наступившей революцией. Из персонала приходила только барменша. Сергей и Джимми в этот момент пили пиво, по бокальчику, а вообще-то, монтировали новую стойку. Оля посидела с ними, поболтала, выпила кофе, а, уходя, заявила, что ей клуб не нравится, все это старомодно, не стильно. Беспонтово. И вообще, все надо менять, и название – тоже. И ушла. Уехала на присланном за ней джипе.

После решения Верховного суда, и в близкой перспективе «неприемлемого» ранее третьего тура, Игорь Борисович резко активизировался, зашевелился по партийной линии, приводя в соответствующее движение подопечный «шестереночный» контингент. Может, он и не останавливался в борьбе, но Сергея, во всяком случае, не беспокоил. До этого. Теперь начал загружать ежедневными поручениями. На митинги «И. Б.» не выдвигался, с электротом не встречался. Основная задача Сергея состояла «отвезти, передать, забрать, привезти». Коробки, пакеты, дипломаты, письма. Стайерские дистанции одолевали по старинке с Василием. По городу путешествовал сам, но по месту заданий давалось немного. «Работать» в Киеве было, практически, не с кем. Столица давно уже сделала свой «померанчевый» европейский выбор, изначально не приемля бело-голубые бандитско-плебейские знамена, а теперь, в декабре, и подавно. Она аккумулялировала в себе «здоровые, лучшие национальные силы», отвергая юго-восточных «маргиналов», посылая их туда, где им и положено быть – на край. Пока на Майдане происходило «становление нации, пробуждение национального самосознания», симпатии другого колера задавались вопросом «а кто же тогда мы»? Очевидно, никто. Мусор. Смиття.

Сегодня никаких заданий не намечалось, хотя шеф предупредил быть на связи. Сергей с одиннадцати торчал в клубе. Смотрел телевизор. Время от времени барменша делала кофе или чай. К трем появился «старый рокер». Джимми ругался, на фирме полный застой, все бонусы по

зарплате «гавкнулись». Замерз. Там холодно, почти не топят, экономят. И на улице холодно, сыро. В клубе тоже настало. Взял большую чашку чая.

- Прошу прощения...

- Что без галстука?

- Да, именно, – усмехнулся Джимми и присел к Сергею за столик. – Что без драки.

- Откуда такая агрессия?

- Смешно, у жены сестра с мужем собрались расходиться.

- Дело житейское. Что тут смешного? – заметил Сергей.

- Так из-за выборов разводятся.

- Это грустно.

- Не то слово. Она за Андреевича, он за Федоровича.

Каждый день ругаются чуть не до драки. Вместе не спят. Питаются отдельно. Теперь на развод собрались подавать.

- Да. Как-то увлеклись они... – согласился Сергей. –

Погорячились. Еще какие новости?

- Кстати, вчера шеф, Игорь Борисович, звонил. Предупредил, что теперь клуб будет «курировать» Ольга Павловна. Ввести ее в курс дела. Ну, и выполнять, чего скажет. Какие опубликует указы.

- Понятно, – Сергей кивнул головой. Они с Васей больше суток провели в поездке. Вернулись вчера поздно ночью. Ладно. Значит, новая метла. Мог бы и «сам» позвонить. Какие проблемы?

- Между прочим, меня жена тоже душит.

- В связи с чем такая страсть?

- Я ж оба раза за «ваших» голосовал...

- Надеюсь, разводиться не собираетесь?

- Нет. У нас не в тяжелой форме, – Евгений Васильевич отхлебнул чай, наслаждаясь теплой струей внутри себя.

- Васильич, ну, а ты, как считаешь? Только откровенно.

- Как бы я ни считал, это не имеет уже никакого значения. Вопрос решен. Осталось соблюсти формальности.

- Ты так уверен?

- А ты нет, Викторович?

- Не знаю...

- Геополитика. На нашем поле столкнулись геополитические интересы. В этой драке, как и в любой другой, победит сильнейший. Кто сильнее – Запад или Россия? Ответ ты сам знаешь.

- Значит, Сербия, Грузия, теперь – мы?

- Все сценарии еще в Латинской Америке отработаны. Обкатаны, будь здоров! Ты «Короли и капуста» О'Генри читал?

- Кажется, нет.
- Там все это описано еще сто лет назад. Переупаковка правящих элит под давлением. Снизу – улица. Плюс давление внешнее, в нашем случае – Европа, Штаты.
- А как же революция?
- Это она и есть – революция в упаковке сфальсифицированных выборов. Reality action on-line. Шоу. Постановка в духе времени по современным технологиям. Эпический мюзикл «Майдан» для обширной телеаудитории, не склонной в основной своей массе к анализу.
- Сериал, – заметил Сергей. – Пипл хавает «картинку». Слишком просто получается.
- Это – составляющая. Кроме того, есть масса, сотни тысяч искренних людей, недовольных властью, собственной бедностью, коррупцией и воровством. Естественный протест. Тоже – составляющая.
- Подожди! – Сергей увеличил громкость звука телевизора. Рассказывали, во что обходится один день Майдана. В ах! какие суммы. Дебаты прервались рекламой.
- И это – составляющая. Революции – дорогостоящие мероприятия. А наша, наверно, все рекорды побил. По зелени. Но – окупится. Business as usual! – Прокомментировал телесюжет Джимми.
- Кому война, кому – мать родная. Получается, напрасно мы лбами бьемся. Напрягаемся. Паны дерутся...
- Может, и не напрасно, – перебил Джимми.
- А как же НАТО и ЕЭС? Только об этом и пи... шумят.
- Много шуму – и ничего. До ЕЭС нам еще надо дорасти лет так... даже не знаю, сколько. А НАТО? Мне кажется, это для красного словца, для Запада приманка. По жизни оно нам не нужно. Только ярмо на нашу доходную экономику.
- Так, блин, какого ж тогда... звездеть?!
- Это маневр такой, Сергей Викторович, понимаешь? Дымовуха. А вообще-то, ветер времени дует в оранжевые паруса.
- Как надуют нас этим оранжевым воздухом свободы...
- Все может быть, шановный пане Сергию. Будем надеяться, хоть что-то у них да получится. Самолюбия ребятам не занимать. Должны ж амбиции возобладать над жадностью.
- Как поручик Ржевский – не в танцах, в деле себя покажут-с?
- Ну да. Насчет танцев уже показали.

Они уже собирались покинуть клуб, как позвонил «И. Б.». Срочно вызвал. Сергей прыгнул в машину и вскоре уже был в офисе. Оли, Ольги Павловны не наблюдалось. Вместо нее в приемной сидела незнакомая девушка. Тоже ничего. Сергей представился. Новая секретарша доложила, и он зашел в кабинет. Игорь поздоровался, пожал руку. Заказал, как обычно, в кабинет два кофе. Изложил суть задания. Надо передать дипломат. Поезд такой-то. Девятый вагон. Проводника зовут Петр Иванович. Фамилия. Будешь передавать, посмотри у проводника документы. На всякий случай. Это свой человек, проверенный. Платить ему ничего не надо. Все уплачено до нас. Игорь открыл дипломат. Сверху лежал журнал мод, под ним прозрачная папка, очевидно, с документами. Под папкой лежали, перетянутые резинками, пачки долларов.

- Пересчитай, - шеф показал на пачки.

- Шесть.

- Я вижу, что шесть. Ты в пачках пересчитай.

Сергей взял не крайнюю. Пересчитал. В пачке, как и положено, оказалось сто бумажек по сто долларов. Проверил, не пересчитывая все остальные пачки. Толщина одинаковая. «Кукол» нет. Единичек вместо соток – тоже. Навскидку.

- Шестьдесят тысяч.

Игорь сложил все назад в обратном порядке. Защелкнул. Закрыл на кодовый замок.

- Поезд через час. Пока доберешься, состав подадут. После перезвони, – шеф поднялся из-за стола. Пожали друг другу руки. Джентльмены. Типа.

На улице было темно. Сыпал снег. Сергей положил дипломат на переднее сиденье, неспешно рулил к вокзалу. Широкие шины мягко укатывали свежие, еще рыхлые, белые хлопья. Настроение было никакое. Татьяна... И выборы эти и вообще. После выборов тоже хорошего ждать не приходится. У «И. Б.», если они проиграют, а они проиграют, начнутся осложнения. В любом случае и на них скажется. Оля эта... задвинутая, со своими заскоками. Мышка-норушка, а туда же – когти выпускает. Клуб мертво стоит. Общался с коллегами – аналогично. Может, хоть на праздники люди пойдут? Достали. Скоро вокзал. Светофор. Плавно притормозил. Бац! Сзади раздался удар. Машину толкнуло.

- Б...дь!!! – затылок резко ткнулся в подголовник. – Твою мааать!!!

Сергей выскочил из машины. К заднему бамперу «Харизмы» прилип «горбатый». На стекле – желтый квад-

рат инвалидной коляски. Из «Запорожца», смыкая костылем по скользкой укатанной дороге, выбирался перепуганный инвалид, затрапезный мужичок лет пятидесяти, в очках. Он что-то суетливо неразборчиво бормотал, извинялся, дергал Сергея за рукав. Причитал про детей, бабу, больницу, семью, что-то еще. Всхлипывая, умолял не разорять, ничего у них нет, кроме этой машины, только пенсия и...

Сергей еле отцепился. Осмотрел машину сзади. Фонари, слава богу, целы. Багажник – тоже. Несильный удар пришелся в бампер. Сергей оттолкнул зеленого «целовальника» на метр назад. Ощупал бампер, подергал его снизу, придавливая, прошелся по нему, ладонью. Вроде бы ничего. Кажется, трещины нет. Выдержал. Царапины, но это ерунда. Сергей облегченно распрямился. Фух! Времени на ГАИшные разборки не было, уже поджимало, да и смысла в том никакого. Мужик, облокотившись на костыль, заглядывал ему снизу в глаза.

- Вот, молодой человек! Это всё, что... Я готов, вот. Только... только баба моя... – инвалид теребил в руках затасканный бумажник, показывая Сергею и тут же пряча назад засаленные купюры.

- Повезло тебе, хрен моржовый! Испугом отделался.

- Ой, спасибо, молодой человек! Я бабе скажу...

- Ты лучше очки протирай или дома сиди возле своей бабы. Не отходи далеко... чучело.

- Да, вы правы, правы, да, очень. Молодой человек, как вас зовут? Я свечку, у нас церквушка, там батюшка, – инвалид строчил словесными очередями, цепляя Сергея за руку.

- Мужик, не грузи. Без тебя... – Сергей резко высвободил руку, инвалид растянулся на скользкой дороге. Мимо, зло сигналя, пронеслись машины. – Ты достал уже... взял-ся на мою голову.

Сергей помог мужику подняться, сунул его в «Запорожец». Так, двадцать минут до отхода. Успеваю. Он вырлил на бульвар Шевченко. Миновал памятник Щорсу и по Коминтерна свернул к вокзалу. Припарковался возле таксистов. Ничего – ненадолго. Протянул руку. На сиденье дипломата не оказалось. Скатился? Внизу его тоже не было. И сзади – тоже. Нигде. Не веря глазам, постучал ладонью по сиденью, на котором еще совсем недавно лежал дипломат. Чуда не произошло. Сергей откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

- Твою маааать, инвалид...

Глава 35.

Существующая власть Пахарю не нравилась. В его сознании она слилась с той, еще советской властью, обопедавшей с ним отнюдь не лучшим образом. «Презлым» власть ответила ему на самое доброе и лояльное к ней отношение. И даже больше – надоела ему эта власть своей холодной беспардонной вседозволенностью и бездушием. Казалось, народ ей и не нужен вовсе, просто обременяет ее своим присутствием на данной территории, своей жизнеспособностью и редкой приспособляемостью к различным ухищрениям власти его, то есть народ этот, извести. Пугается под ногами. Все годы она, власть, высокомерно терпела народ, прорастая метастазами чиновничьих клонов в аморфном общественном теле. И вдруг вспомнила, подобрела к пасомым. Ослабила железную хватку на тощем горле, подкинула зерна в ясли. Жить стало лучше, и даже – конкретно веселее. Народ воспрял духом, приободрился. А может, она не так уж плоха, эта власть? Может, мы слишком строги к ней? Войны же не было? Нет. Это – хорошо. Теперь вот, повернулась к нам лицом. Ничего так, лицо. Пережить можно. Еще бы над лексиконом поработать, над дикцией. Наверно, все-таки поняла власть, без нас она – пшик, ничто. Немой крик в безвоздушном пространстве. Или дошло до нее, в конце-то концов, чем сытнее, довольнее будет народец, тем и ей, власти, жить кучерявее. И шерсти больше настрижет, и на душе спокойнее. Все под богом ходим... не хлебом единым. Сомнения, конечно, закрадывались. И не только у Пахаря. Таких как он, было много-много миллионов. Что-то воспоминания власти о подневольном народе происходили аккуратно перед выборами. Вспоминали, сулили-обещали и благополучно все забывали до следующего избирательного процесса. И получалось, что народонаселение имело власть, которая имела его. И не только в виду. Приелась уже эта ретроградная державная амнезия.

Но с другой стороны, маневр у Пахаря, как представителя электората, был невелик. Против власти выступа-

ли политики с заморским апельсиновым оттенком. По большому гамбургскому счету они мало чем отличались от властных оппонентов. Разве что, находились на краю большой и сытной кормушки. В данный момент. Насчет них тоже были ну, о-очень большие сомнения. С трибуны и экрана они изъяснялись, конечно, красивше. И перспективы рисовали гораздо более радужные, под стать цвету вкусного и сочного плода. И клеймили «злочинну владу» в пух и прах, под самое дышло, как бы не имея к ней, родимой, никакого отношения. Лозунги и призывы были, конечно, правильные и справедливые. Вы хотите жить и работать честно и зарабатывать больше? Да. Вам надоели коррупция и неприкрытое воровство? Да! Хотите жить, как в Европе? Да! Например, в Швеции или Франции? На крайняк – Португалии. Да! Да! Да! Кто ж не хочет? Таких тут нема. Ну, действительно, разве глупее мы этих, изнеженных сытой жизнью, европейцев? Да привези их фермеров к нам в село, через месяц сопьются или умрут от голода. А мы живем, дышим – вдохнули-выдохнули, присели-встали, нам все нипочем.

На словах у «наших» политиков все было хорошо и приятно, но вставал вопрос, поставленный когда-то ребром незабвенным «сыном» лейтенанта Шмидта – Михаилом Самуэлевичем Паниковским – «а ты кто такой?». Действительно, а кто вы такие, ребята? Кажется, мы уже с вами встречались. Были знакомы. «Держим в банке миллионы и плаванто на законо»? А... это не про вас. Понятно. Теперь вы честные и совершенно другие, улучшенные образцы, так сказать? Разве вы не оттуда? Нет? А «Мерседесы», банки, фабрики и заводы? На чем-то ж надо передвигаться... Понятно. Что-то кушать... Несомненно. Не на кефире ж сидеть? Но теперь все будет по-честному? Без обмана? Точно? Ну, смотрите... Остается верить. Опять поверить. А что делать? Мы все хотим перемен. Устали от беспросвета. Может, хоть на этот раз не кинут «новые старые», окрашенные в теплые, согревающие тело и душу тона. Ну, давайте, герои, ведите нас в светлое будущее!

Первый тур выборов городок пережил довольно легко. Единоличного фаворита не получилось, но определились промежуточные лидеры. В конце ноября случился второй тур. Появился победитель, сразу за ним – второй. Также победитель. Два победителя на одну страну, оказалось слишком много. В расколотой стране началась «революция». В оранжевой ее части. Западной по духу и территориально. Теперь перед Новым годом назначили попытку номер три. С третьего захода страна должна-таки

выбрать себе венценосца. Телевидение, радио и газеты каждый день сливали обществу такой поток всевозможной и невозможной информации, самого разного цвета и различной степени мутности, что многострадальный народ рисковал захлебнуться в этом информационно-политическом цунами. Дезинформационные войны захлестывали страну. Напряжение возрастало с каждым днем, оправдывая давний прогноз или диагноз Киплинга – «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им никогда не сойтись». Разве что, в клинче. Предвыборные сражения разворачивались почти везде – в магазинах, на рынках, в телестудиях, учреждениях и просто на улицах и площадях.

На причале работал ежедневный, за редким исключением, дискуссионный клуб. Самодеятельные дебаты зачастую заканчивались рукоприкладством. Но не сильным. Доминошники, наиболее здравая часть морского сообщества, оперативно растаскивали горячие головы по углам. Партию «славянского единства» однозначно возглавлял отставник-подполковник Юрий Петрович. Это был пламенный трибун. Чаще других противостоял ему «европейский интегратор» экс-бухгалтер Игорь Павлович, человек рассудительный, даже где-то флегматичный. Южный приморский городок в своих геополитических симпатиях разложился почти пополам с небольшим уклоном в «славянство».

Погода в декабре стояла удивительно весенняя. Часто выпадали солнечные дни. Иногда моросил дождик. Иллюзия близкой весны бередила душу не только людям. Мохнатые собаки преждевременно начали линять, опротчетливо сбрасывая густой зимний подшерсток. Следопыты-натуралисты прочесывали окрестные посадки в поисках грибов – вешенок. Зима отложила свое вторжение на потом, словно тоже увлеклась политическими баталиями.

Пахарь утром включил телевизор. Послушал, пока завтракал, расстроился, плюнул и выключил. Нина Григорьевна копошилась по хозяйству. Перспектива проторчать дома весь день не впечатляла. Отправился на причал. По дороге купил бутылку водки. Работать руки не стояли. Так, постучать костяшками в уютной закопченной каптерке. Захарович, начальник причала, старый морской волк, «дэсь чухнув», как выразился Игорь Павлович. Он сидел на доминошной очереди, но без пары.

- О, Виктор Сергеевич! А мне как раз напарник нужен, – бывший бухгалтер приподнялся и протянул Пахарю руку.

- На ловца и зверь бежит, – ответил на приветствие Пахарь.

- Точно, рыбак рыбака, как говорится, – Игорь Пав-

лович обрадовался Пахарю, видя в нем возможного собеседника. Дома поговорить было не с кем – похоронил жену два года назад. По вечерам пенсионер плотно сидел у голубого экрана, но, к сожалению, поболтать, пообщаться с телевизором нельзя. А общения-то как раз и не хватало. – Слышали последние новости?

- Сейчас все новости последние. Хороших нет, – мрачно заметил Пахарь, присаживаясь на лавку. – Что именно?

- Я – про поезда. Сто поездов по стране колесили, фальсификацией занимались, – Игорь Павлович сокрушенно покачал головой.

- А сколько автобусов с Западной на Майдан приехало? – отозвался кто-то из доминошников. – Студентов, как на картошку нагнали. И автобусы, и палатки померанчевые, и кухни походные – всё нашлось.

- При чем тут это? Хотите, тоже можете поехать, высказаться, – бухгалтер повернулся в сторону играющих. – Я про фальсификации говорю. А наблюдателей как выкидывали на Донбассе?!

- Нет такого слова – фальсификация! – в каптерку без «здрасьте» ворвался Юрий Петрович. – Фальшування! Только фальшування! И все! П...дец! Ты сам эти поезда видел?

- У нас же нет железной дороги...

- Ну и все! И не хрен п...деть. Ты лично ходил голосовать? Мужики, на выборах были? – Юрий Петрович от Игоря Павловича перешел к играющей общественности. Общественность нестройным бубнением подтвердила высокую гражданскую сознательность. – Видели, как кого-то выбрасывали?

- Юрий, ты не передергивай, я про нас не говорю. У нас, допустим, такого не было, – нервно уточнил Игорь Павлович. – Но ведь всем известно, что...

- Ты за всех, Пальч, не расписывайся. Жопу не рви. За себя отвечай. Тебе лапши навешают, слушай больше. Наблюдатели, б...дь. Наблюдают в одну сторону, что им хочется наблюдать.

- Петрович, ну, по-честному, что-то ж было, раз такой шум поднялся? – приобшился к дебатам Пахарь. – Такой дым...

- Витька, я не понял, ты что, апельсинов объелся?

- Петрович, я серьезно.

- Вот и дураки, если что и было. И без фальшувань этих выиграла бы. Стоило мараться...

- А на Западной все по-честному было, что ли? – подал голос один из доминошников.

- Может, и не все гладко, но уж не так, как в Донбас-

се, – заявил Игорь Павлович, – по-бандитски, другого слова и не подберешь.

- Нет, ты смотри, какой дока? Прокурор – всех приговорил. Он все знает?! Все проценты! – вскипел Юрий Петрович. – Да у «бандеровцев» села и города полупустые – все мужики и бабы за кордоном калымят. А явка – сто процентов! Это как понимать? Не фальшуванья? «Нас устроит только победа». Это чьи слова? Так на хрена тогда эти выборы были нужны? Если сам себя заранее победителем назначил.

- Юрий, ты не утрируй! А админресурс, в чьих руках? – Игорь Павлович тоже разволновался. – Рассказывают, вон, как на заводах заставляли голосовать.

- Да засунь ты его в жопу себе, этот админресурс! – Юрий Петрович ударил кулаком по столу. Помолчал и уже спокойно добавил, – Игорь Павлович.

- Так, ситуация накаляется, «горячие финские парни», – Пахарь выставил на стол сорокаградусный «объединяющий фактор». – Стаканы в ящике должны быть. Пойду возьму.

- Я горилку пить не буду! – подполковник отвернулся в сторону. – Принципиально!

- Юрий, да не чуди ты! – Игорь Павлович примирительно похлопал отставника по спине.

- Я сказал – все!

- А такой вариант тебя устраивает? – экс-бухгалтер извлек из клеенчатой сумки, стоявшей у него в ногах, бутылку «Столичной».

- Это другое дело, – облегченно заметил Юрий Петрович, в один миг подобрев, повернулся к столу. Он с удовольствием рассматривал знакомую этикетку. – Наша. Родная.

- Тяжелый случай, – поставил диагноз Пахарь. – Мужики, давайте за взаимопонимание, что ли? А то, как с ума походили все с этими выборами.

Мужики не возражали.

- Юрий, вот ты кипятишься, а подумай своей головой, какая масса людей поднялась. На Майдане – сотни тысяч...

- Студентов, – прервал собеседника подполковник. – Посвоили со всей Западенины, а киевских – с занятий отправили. Гуляй – не хочуй!

- Почему только студенты? Там разные люди есть. По телевизору видно, – вставил Пахарь.

- Ясно – разные. Школьники, детишки. Скоро до детских садов дойдут.

- Юрий, ты рассуди, если такая масса на улицу вышла, это ж неспроста? – Игорь Павлович пытался направить полемику в серьезное, аналитическое русло. – Не может народ больше молчать. Мириться с издевательством.

- Конечно, неспроста, – легко согласился оппонент. – Таковую ораву на морозе держать? Их одеть, обувь надо, прокормить. Бабушки им пирожки носят, вареники... Совсем нас за дураков имеют? Ты прикинь, Игорь Палыч, сколько эта вся комедия стоит? Кто эту дискотеку заказал? Денежки откуда, а? Палатки с лета готовились, тренировались, как милицейские цепи разбивать. Там дисциплина – все четко, по команде. Я в армии всю жизнь прослужил, а их в толпе слегу вычисляю. Хоть бы и по телевизору. А ты мне – народ вышел... В семнадцатом году тоже народ вышел, да не туда пошел, как потом оказалось. Тогда «немецкий шпион» был, теперь – «американский зять». Вот тебе и все революции. А мы, как бараны. Поманили апельсинами и побежали – бе-е-е. Еще поскользнемся на апельсиновой корке.

- Юрий, весь мир на Америку, на Запад смотрит. Равняется. Что в том плохого? Сколько ж можно экспериментировать над людьми, своими путями ходить? Блукать за Сусаниным? Европа пример подает. Живут люди и в ус не дуют.

- В суй не дуют.

- Что-что?

- Ничего! – Юрий Петрович достал сигарету. Закурил. – Что там про Европу ты сообщал, Игорь Павлович?

- Да. Европа нам руку протягивает. Почему мы отталкивать ее должны? А может это шанс вперед вырваться? Из болота.

- Действительно, – поддержал Игоря Павловича Пахарь. – Петрович, подмогнут нам слегка и прорвемся к светлому будущему, а? Выйдем в дамки. Давайте за светлое. Тебе горилку наливать, а то «Столичная» вышла в тираж?

- Наливай! – махнул рукой Петрович. Чокнулись. Выпили. Об очереди в домино никто уже не вспоминал. – Так. Я по порядку. Конкретно. Только просьба не пребивать.

- Давай по порядку, – согласился Пахарь. – Четко по уставу.

- Перебить всегда успеем, – Игорь Павлович усмехнулся собственной шутке.

- Итак, Витя, вот скажи мне, взял бы ты к себе на постой квартиранта – голого, босого, да к тому же вороватого?

- Нет, конечно.

- Пальч, а ты?

- Глупый вопрос. Виктор уже ответил, – Пальч недовольно пожал плечами.

- Правильно. Так с какой особенной стати нас в Европу принимать? Какой такой добрый дядя нас там ждет? Пока мы голы-босы. Нам экономику поднимать надо и срань выпребать, как этот... как его?

- Геракл в авгиевых конюшнях? – уточнил Пахарь

- Вот-вот, а не витать в облаках, маниловщиной страдать. Еще лет десять до девяносто первого года топтать – как все порушили, сволочи. Это в лучшем случае. А мы – Европа. Да кому мы там нужны?

- Юра, подожди. А Чехия, Словакия, Польша, прибалты, наконец? Зачем их тогда принимали? – возразил Игорь Павлович.

- Как зачем? Разрушали восточный блок. Союзу, России под дых давали.

- Союза ж с девяносто первого года как нет, – сказал Пахарь.

- Это для нас нет. А для них мы – Союз. Давить нас надо. Боятся, что объединимся и поднимемся. Вот и отрываю по куску.

- Что, опять «холодная война»? – Пахарь разлил остатки по стаканам.

- Почему – опять? Она и не прекращалась никогда. На словах да – «мистер-твистер, йес-йес, йа-йа, окей – хоккей». А на деле что? Кавказ подбуривают? Из Афгана героин тоннами прут. Грузию выдернули. Теперь мы на очереди.

- Да когда мы уже прекратим чужих в своих бедах обвинять? – Игорь Павлович в сердцах всплеснул руками. – Все виноваты, только не мы сами! Воровство и взятки кругом, наркомания повальная – тоже американцы виноваты? Или Европа?

- Пальч, ты кончай тут байду заливать! Вон, эмиссар, чи комиссар приехал из Брюсселя, дал команду и – все! Упал-отжался. Построились во фронт, и будем выполнять. Как дядя приказал. Телек, поди, смотришь?

- Петрович, ну что ты такое несешь? Они решение нашли. Путем сложных переговоров. Вон, сколько раз собирались.

- Знаем мы это решение! Припугнули, небось, что счета в банках арестуют, наши гетманы и наложили в шаровары. А то «мы не приемлем, никогда не согласимся». И вдрут на тебе! Уже и приемлем, и соглашаемся. Я ж не выдумываю – по ящику всё показывают. Натюрлих, мин херц.

- Не знаю, Юра, – Игорь Павлович поднялся уходить. – Я считаю, есть у страны шанс прорваться вперед, грех его не использовать. А спорить до бесконечности можно. Кто прав, кто виноват. В чужом глазу всегда можно чего-нибудь найти.

- Палыч, я согласен с тобой, вперед прорываться надо, – Юрий Петрович тоже поднялся. – Вот только не верю я, что «Запад нам поможет». Еще никогда не помогал. Слишком тщательно они свою копейку блюдут. Поматросят, да и бросят. А вот с Россией, Белоруссией вместе легче будет идти. Гей, славяне!

- Так за что пьем, господа-товарищи, славянофиль-интергаторы? – Пахарь тоже поднялся.

- Давайте, чтоб не было войны, – предложил подполковник. – Seriously, мужики. Не знаю как вы, а я видел, как кишки на земле валяются. Не приведи Господь!

Глава 36.

Со второй половины января, дождавшись окончательного исхода политических побоищ, и, наконец, вспомнив о своих функциональных обязанностях и властных предпочтениях, зима реабилитировалась сполна. По принципу, миль пардон, «срамся, но не сдамся», она обильно посыпала утихомирившуюся страну снегом, морозила холодом, задувала ветрами, вдогонку остужая уже и так поостывшие страсти. Сползая к югу, арктические циклоны и ветры теряли студеную силу и доставали славный городок уже на издыхании. Море спорадически, от случая к случаю сковывало коварным хрупким льдом. А переменчивые ветры и температуры громоздили, впрочем, ненадолго, на берегу ледяные торосы, хлипко таявшие под лучами зимнего, но все-таки солнца. Ранняя весна сместила скоропостижную зиму с командного геоклиматического поста и отправила в отставку на девять месяцев. Плюс минус.

В марте после Женского дня в городок неожиданно пожаловал Алексей. Как заместитель министра экономики во главе комиссии, изучающей вопрос создания грузопотоков, альтернативных «перенавантаженому» Одесскому направлению. Предупредил Пахаря звонком из области. Все столичные эмиссары демократично и экономно прибыли на одном микроавтобусе. Работали напряженно, обедали цивилизованно, подчеркнуто скромно, без пьянки и куражу. Демонстрировали новый имидж и стиль растерянным и деморализованным чиновникам глубинки, в большинстве своем уныло дожидавшимся неотвратимого момента истины, а именно – экзекуции прищемления хвоста. Оранжевая власть принципиально пленных не брала, с задором инквизиции очищая от плевел чиновничьи гнезда не только на самом верху и посередке, но и на уровнях пониже. Варианты типа «мы пахали», «ковали победу в тылу» и «тоже при делах» тихо-смирно отдыхали. Активисты-победители на местах зорко следили за соблюдением революционной законности, часто вопреки целесообраз-

ности, кто искренне, кто в ожидании опорожнившихся кресел – брали общечеловеческие завидки на чужие пожитки. И, естественно, чувство справедливости победителя. В новостях в числе разных блюд на первое телеаудитории подавались убийственные «доказы» таки злочинной попередней влады. На второе – наши молниеносные успехи в деле евроинтеграции, сравнимые разве что с немецким блицкригом начала Второй Мировой. На десерт неизменно проскакивал столичный сериал «мы делили апельсины, много наших полегло». Аналогичные хитросплетения завязывались не только в стольном граде на передовой, но и в глубоком тылу, везде, где живут люди.

Алексей выкроил другу полчаса. Пообщались в портовском баре. Он был с референтом – Галиной Аркадьевной, бывшим двуединым «зайчиком-галчонком». Жаловался на дикую усталость, двадцатичасовой рабочий день, возможность только в поезде и отоспаться, завалы, оставленные в наследство криминальными предшественниками вместе с отпечатками пальцев на рычагах власти. В командировку, собственно, поехал только чтобы немного передохнуть.

Сомнительный отдых, подумал Пахарь, а вот тема морских грузоперевозок конкретна «уполне», не зазорно вникнуть и самому замминистра. Набрать вистов. Насчет Европы Алексей заметил, что будем подгонять отечественные дороги под колесо истории, или наоборот. Как получится. В реальности, в отличие от телевизионного «захопа», процесс унификации может занять десяток лет, если не более. А вот НАТО бояться не надо, это не осознанная необходимость, а скорее туз в прикупе в большой игре с бывшим «старшим братом». Козырный. Короче, в стране и умах свистит ветер перемен. Главное, чтоб не заложило уши. И шею не надуло. Или еще чего.

Вполголоса Алексей заметил, что нашим соловьям надо внимать осмотрительно, со скидкой на то, что они по совместительству еще и стреляные воробьи. Сильно рот не разевать и уши не развешивать. Посетовал на бои без правил в высоких коридорах и под коврами. Всякая последняя сволочь теперь стремится в передние ряды, проявляя чувство локтя. Кувыркается поближе к власти. Примазывается. Передал привет от Ирины. У нее тоже все устраивается наилучшим образом. Со дня на день должны назначить на важную должность. Естественно, где и работала – в таможенном комитете. Уровень почти как замминистра. Наверху вопрос решен, осталось соблюсти некоторые бюрократические процедуры. Передавала тебе большой привет. Спасибо. И ей – тоже. Просила поцеловать. Смотрите у меня,

шалуны! Проведя сеанс злободневного политического ликбеза, Алексей умчался далее по предначертанному маршруту. «Заклопотанный», но по-прежнему энергичный и, кажется, вполне удовлетворенный вниманием, оказанным благорасположенной к нему фортуной.

Минувшим летом Ирина приезжала в городок и непосредственно передала Пахарю, припасенные за полгода, горячие приветы. Пробыла пять дней. Пять жарких для них дней. Райское наслаждение, что там «Баунти»? Уезжая, оставила «на память» фото, их щелкнул на набережной случайный прохожий. Пока сидели на террасе с мороженым и мартины, в «Кодак-экспрессе» проявили пленку и отпечатали фотографии. Подписала на обратной стороне –

«Брошены мосты
Через города.
Белые листы...
Синяя вода.
Через шар земной
Память навсегда
Помнит образ твой.
Я всегда с тобой».

Надо позвонить, поговорить спокойно, пока Алексей проводит рекогносцировку на местности, перегружается и одновременно расслабляется на марше.

Эх, «зайчики-зверушки», чтоб мы без вас делали?!

Недавно звонил сын. Сообщил, что, возможно, они приедут семьей на все лето. Пахарь осведомился, а как же ночной клуб, бросит напризволяще? Из клуба Сергей, как оказалось, ушел еще зимой. Творческие разногласия и нестыковки. Существуют теперь автономно друг от друга. В будущем намеревается заняться шоу-бизнесом. Будущее начнется осенью. Ориентировочно. А пока надо пожить настоящим. Летом свободен, как «псиса», горит желанием помочь отцу и с рыбалкой, и с прогулками на яхте. Если необходимо, готов заняться ремонтами, может приехать и раньше. Сын явно темнил, недоговаривал. Ладно, захочет, скажет. Видать, серьезно прижало, если рвется поработать. Заметной склонности к физическому труду у Сергея никогда не замечалось даже при большом увеличении. Рыбалку любил. Как хобби в удовольствие. Раза два в году, от силы – три. Девочек на яхте в свое время перекатал, но так чтоб с утра до поздней ночи каждый день, этого за ним не водилось. Ничего, пусть едет. Договорились на май.

«И дым отечества нам сладок и приятен». О! Лирические реверансы. Это уже влияние Ирины.

Пока никаким шоу-бизнесом Сергей не занимался.

Только «проектами» – стратегическим планированием, лежа на диване. Для воплощения проекта нужны спонсоры, инвесторы, продюсеры, то есть деньги, и специалисты. И еще всякие «пиаровские» заморочки. Не являясь ни тем, ни другим, ни третьим и не имея под рукой свободное увесистое «лавэ», ловить что-либо в этой сфере quite impossible. Absolutely. А по-нашему так – «голый Вася». Через клуб он перезнакомился со многими «промоутерами» и преимущественно попсовыми артистами ниже среднего масштаба. Что лежали возле плинтуса, во всяком случае, пока. У звезд и так все схвачено-проплачено и никакие «галимые» Сергей им не нужны, а с начинающими можно попробовать зажечь искру. Преобразить светлячка в звездочку и так далее. Попытаться раскрутить. В отличие от денег, знакомств и связей – полный город. И в клубах, и кое-кто на телевидении, и на FM-ках. По связям и пойдем.

Джимми откопал в каком-то ресторанчике девочку, на его взгляд «вельми цекавую». Перспективную. Вокал – один в один Тина Тернер. Сама толком не понимает, чем владеет. Но главное, сказал Джимми, у девочки есть «драйв», заводит и себя, и публику, а это дорогого стоит. Пока, конечно, это только заготовка, болванка. Но Джимми – папа Карло, загорелся обтесать, убрать все лишнее и сотворить звезду. И не просто, а рок-звезду, не будь он трижды старый рокер! Без реанимированных повсеместно «вышиванок» и трембит. nly English, уж если рок. Поломали много копий по этому поводу. Сергей считал, что кроме английских должны обязательно быть и версии песен, понятные потребителю. Не стоит замахиваться сразу на Европу и за Атлантику. Дай Бог пробиться здесь, а еще лучше – в России, где рынок неохватный. Джимми супротивился, но, скрепя сердце, согласился, что для отечественного слушателя тексты важны не менее, чем музыка. Если не более. Параллельно готовили два варианта, мучаясь в поисках «фишки», своих забойных «честная-ё». Жаль, девочка не потянет бас-гитару – было бы понтово, как Suzie Quatro. ! Suzie Q! Ничего, будет давить пасту на «ритме» для антуража. С осени Сергей планировал усиленно пиарить девочку по разным клубам на всевозможных «пати», пробиваться на многочисленные FM-радиостанции и телевидение. И искать спонсоров, продюсеров для young blood. А почему бы нет? Кто знает? Пока же в свободное время Джимми готовил материал, и репетировали первую песню с одним куплетом текста. Будущий хит. Остальное предстояло досочинить в свободное время, а его-то как раз у Джимми теперь имелось в избытке.

Вскоре вслед за Сергеем и он вылетел из клуба. Ольге Павловне надоело спорить с этим ископаемым динозавром по поводу «формата», репертуара, дизайна, нового названия и в один прекрасный день, точнее, вечер Евгений Васильевич получил расчет и устное уведомление, что он уволен. Ауф видерзейн. Или, как прокомментировал Джими, голосом мало похожим на сладкого Демиса Руссо, Goodbye my Love, Goodbye. Vaya Con ios, старый пень! Roll over! Так что, осталась только основная непыльная работа на старой фирме, с гулькин нос оплачиваемая в связи с поствыборным застоем. И вот сейчас появилась эта девочка. Отдушина. Попытка еще раз войти в реку.

Сергей расстался с родным детищем, «Машиной», еще до Нового года. Сразу после изящной операции «инвалид». Игорь Борисович, конечно, пошумел, поразорился, пометал громы и молнии для вида. Не без того. Сергей воспринял все относительно спокойно. Черную метку посылали? Посылали. Настало время отвечать. Он готов. Таню жалко... Финансовый вопрос урегулировали таким образом, что у нотариуса переоформили долю Сергея Викторовича на Ольгу Павловну. «И. Б.» великодушно не забрал у Сергея машину, квартиру, жену, ребенка, жизнь. Посчитал, достаточно. Что ж, его право. И на том спасибо, партайгеноссе.

Сергей, как говорится, пошел далеко и сел глубоко. Дал осадку. Какое-то время он уныло слонялся по квартире, утомляя себя и Марину собственным бездельем. Они не привыкли так много времени находиться вместе. Потом взялся за старое — «подвезешь, шеф?», «окей, нема пытань, будь ласка, вам куда»?

Глава 37.

Лена боялась радоваться за Алису. После полуторагодового затворничества дочка повстречалась с молодым человеком. «Молодым» назывался он только условно. На пятнадцать лет старше Али и на восемь младше Лены. Юрист. Разводной. Сын от первого брака остался с женой в другом городе. Смешно – прямо, как под копирку. Ну, а звали Алиного рыцаря Александр. Саша. Защитник людей – так и есть. Адвокат. Приятный, но застенчивый парень, несколько закомплексованный в плане женщин, как показалось Лене. Бывает, это быстро пройдет. А, может, показалось? Просто занят работой?

В случайной газете Аля выбрала три объявления о знакомстве. И решила вдруг позвонить. Не советуясь с матерью. Ни с того, ни с сего, ни на что, особо не рассчитывая, скорее от скуки или шутки ради. Но не без тайной надежды. Шутка получилась предельно удачной. Оказалось, что мы не одиноки во Вселенной, там полно полнехонько таких одиноких. Лена считала, что дочери неизменно повезло – вот так ткнуть пальцем в небо, вернее, обвести фломастером, и угадать. Назначила свиданья в один день, всем троим с часовым интервалом. Саша оказался первым по счету. Ни плейбой, ни маньяк или извращенец, а нормальный, интеллигентный, с чувством юмора человек. Почти молодой. С остальными «одинокими» и тоже «желающими» познакомиться уже не привелось.

Специализировался Александр Львович не на нервно-припадочной уголовщине, а на материальных спорах хозяйствующих объектов. Арбитражи, тяжбы, разбирательства – скучно донельзя. Но доход эта «скука» приносила стабильный, даже – кудрявый. И главное, меньше распатывала нервную адвокатскую систему, хотя порою споры перерастали в военные действия с ранеными и потерпевшими, но «экшн» уже происходил за пределами процесса. Вне правового поля и компетенции.

Александр сразу по-отцовски завозился с Машкой. И та потянулась. Спустя три недели знакомства он отва-

жился на второй брак, хотя первый раз, вложив сердце и душу в женщину, оказался, по его словам, обманутым вкладчиком. Как сказал Саша, надежда опять взяла верх над жизненным опытом, и юрист-оптимист предложил Алисе руку, сердце, машину и небольшую двухкомнатную квартиру почти в центре города. Дочь пребывала в смущенье и замешательстве, а Лена не возражала. Сердцем почуяла, Алька – это судьба! В марте подали заявление, регистрацию назначили на начало июня. Вскоре дочка и внучка перебрались в квартиру нареченного, не дожидаясь июньских формальностей. Как раз поживут, разберутся. Должно же, в конце-то концов, девочке повезти. Как говорит Инка, в жизни должны быть и другие радости, кроме чужих неприятностей.

Лена никак не могла привыкнуть к домашнему безделью, пустоте и одиночеству. Скучала и тосковала без девчонок. С удовольствием забирала внучку на выходные или, когда ребятам было необходимо. Подолгу болтала с дочерью по телефону. Вот и сейчас Алька звонит. В ее стиле. Положила трубку и перезванивает. Что-то забыла. Частый сигнал... правда.

- Да, Аль!

- Алло! Лена? ...здравствуй. Это...

- Здравствуйте... - сердце забилося, услышав знакомый голос. Почему-то на «вы»? Идиотство!

- Это я, ...Лена. Стас. Ты слышишь меня?

- Слышу... Стас. Здравствуй.

- Лен, извини, что я... вот... позвонил.

- Ничего. Позвонил... Что-то случилось? – Она смотрела в зеркало в прихожей, словно говорила со своим отраженьем, или привидением, принявшим ее образ. Она понимала, что говорит со Стасом, бывшим мужем. Формально – не бывшим. Он, кстати, все еще прописан в этой квартире. Лена пыталась представить его лицо и не могла. Нечто неясное, гипотетическое, далекое и юное. Знакомство, любовь, командировки, встречи урывками, урывки без встреч, беспроглядное ожидание и предательство. Все пронеслось между двумя фразами. Его образ разбился на много осколков, рассыпался в памяти. Или память с ним так поступила?

- Нет... не знаю. Возможно, случилось... не принципиально. Али нет, наверно?

- Нет.

- А... когда она будет? – даже голос мужа изменился – мягкий, тихий, без былой самоуверенности и безапелляционности.

- Аля на другой квартире живет. У... мужа.
- Вот это да! Неожиданно! Да... вышла замуж?
- Да. Вышла. Родила дочку... – сообщила новости

Лена.

«Удивительно, правда? А ты думал, приедешь, на коленях ее покатаешь? В «луна-парк» сводишь? Конфетку, мороженое, куклу купишь...».

- Да... ух ты?! Поздравь ее от меня.
- Хорошо, передам.
- Как назвали девочку?
- Марией. Машей.
- Здорово! Да. Хорошее имя. Так ты что, теперь ба-

бушка?

- Очевидно, да. Как и ты – дедушка.
- Действительно. Странно... так. Лен?
- Да.
- А как у вас дела? ...вообще.
- Вот такие дела. Что тебя еще интересует?
- Ты... чем занята? Работаешь?
- Да, работаю. Все там же и тем же. «Че-Пэ».
- Понятно. Ну... нормально все?
- Да. Все нормально. Очень все хорошо.
- Лен, я хотел... понимаешь, ну, как сказать... сей-

час...

- Говори, раз хотел.
- Кстати, я из Туркменистана звоню.
- Откуда?!
- Из Туркмении. Тут городок есть такой – Дерялык.
- Какой «лык»?! – Лене сдавалось, что Стас уже ничем не сможет ее удивить, после всего, что случилось и приключилось между ними. Оказалось, он не утерял эту свою удивительную способность к неординарным поступкам. Оригинал.
- Дерялык. Да, ладно, не имеет значения.
- И каким это образом ты там оказался? Ты теперь пилигрим? Паломник?

- Нет, Лен. Я работаю здесь. Уже четыре месяца. Вообще-то больше нахожусь в Ашхабаде. Сейчас в командировке на газокompрессорной станции.

- Ну, знаешь... У тебя все так неожиданно, так внезапно... – Лена не была ошарашена информацией, свалившейся, как снег на голову. Изумление, удивление, несомненно, имели место. Но более повлияли на нее изменения происшедшие в Стасе. Он говорил об обычных вещах. Просто и человечно. Понятно. Без мистического настроения, скрупулезного самокопания и тщательного анализа.

- У вас тоже... нежданно-негаданно.

- Уж как можем! – ответила Лена. Слишком быстро и резко.

- Лен, извини, ты только трубку не клади, пожалуйста, – он почувствовал в ее голосе этот многолетний паковый лед обид.

- Ради Бога... А как ты попал в этот «лык» или Ашхабад? – она и не собиралась выказывать свои чувства. Наоборот. Она абсолютно спокойна. Все нормально. Ну, позвонил. Что волноваться? Отволновалась свое.

- Помнишь, я работы свои в Интернете размещал? Еще... раньше, на разных сайтах. Так, решил от скуки проверить. Из пяти сайтов три «умерли», а на одном предложение сотрудничества. Даже два. Не бог весть что, но хотя бы заинтересовались. Связался... вот и поехал. Теперь работаю здесь.

- Ты же в монастыре...

- Я про отца Иннокентия тебе говорил?

- Ну... не помню, что говорил?

- Я им компьютер в библиотеке устанавливал.

- А! Вспомнила. Да. Продвинутый батюшка.

- Вот-вот. Я не столько по хозяйству, а на компьютере больше работал. За почтой следил. Литературой. Ну и... сайты свои проверил. Терпел, терпел и не утерпел. Искусился. К настоятелю за советом пошел. Исповедался. Отец Иннокентий посоветовал ехать. Сказал, нельзя отвергать милость Его. Промысел. Может, Он увидел терзания мои. Пожалел. Тем более, двери в обитель открыты всегда. Могу возвратиться, когда захочу. Настоятель меня благословил. Даже денег на дорогу выделил. Братия молиться за меня будет. Я со многими сдружился там в вере... – Стас осекся. Побоялся, что его понесло, и он раздражит этим Лену

- Да... чудеса. Выходит, молился не зря.

- Лен, я не молился об этом. Совсем. Правда. О вас молился...

- Спасибо. Мы чувствовали. Да. Ничего, когда просишь, что-нибудь дадут. Может, сверху виднее, что тебе на самом-то деле нужно?

- Да, наверное, ты права. Я как-то не думал...

- А как ты устроился? Где? Там же жара? – хотелось спросить «с кем?», но сдержала себя. Зачем? Обойдется.

- Пока не жарко – весна. Но, говорят, скоро припечет. Устроился? Ты же знаешь, мне много не надо. Я привык. Пока в блоке живу, типа общежития. Главное, работа есть. Участок выделили экспериментальный. Если полу-

чится систему внедрить, как задумал, буду герой Туркменистана. Туркмен-баши орден даст или еще чего-нибудь. Я шучу.

- Ну, почему? Оценят, наконец.

- Это не основное, как оценят. Основное, чтоб работа пошла...

- Безусловно. Главное... – Лена не удивлялась.

Человек остается самим собой. Идут годы, дочь выросла, внучка растет... а ничего не меняется – основное работа. «Чтоб работа пошла». Как и пять, десять, пятнадцать лет назад. А недавно главное было в духовных терзаниях, борении духа. С кем? С чем? С действительностью? С нами? Или с самим собой? Эти жертвы, страдания, к чему они были нужны? Он всю жизнь только занят собой – своей работой, своими переживаниями, исканиями...

- Лен, извини, я с работой заикнулся тут... просто... так скучаю за вами. За тобой и Алисой. Фотографии... – Стас замолчал. Мембрана телефона передала на тысячи километров глубокое дыхание. Продолжил. – Теперь вот за Машенькой буду скучать. Она какая? На Алю похожа? Или на мужа?

- На Алю. Глаза тоже серые. Маленькая она еще.

- Понимаю. Да... Лена, знаешь... знаешь... – чувствовалось, что ему говорить трудно, слова тяжело, отрывочно вырывались из сердца. – Знаешь... главное, что ты со мной говоришь, что... не положила трубку. Лена, это главное для меня. Это главное, понимаешь? Это.

- Я поняла... – горло перехватило спазмом. Лена почувствовала, как запылало лицо, ей стало жарко, словно не Стас, а она находится в Средней Азии, в самом пекле.

- Лена, можно я еще позвоню?

- Звони. Если хочешь. Кстати, как поживает твоя Настя? – волнение резко прошло, она успокоилась, удивившись собственной секундной слабости. Черт, не выдержала! Сорвалась. – Кажется, так ее зовут?

- Да. Я видел ее, когда за вещами заезжал. Она сейчас с мужем живет. Он из Бишкека приехал. Простила его.

- Она? Простила кого?

- Извини, я не так сказал. Как бы, ну... разрешила ему. Да. Разрешила ему простить себя. Наверно, так будет правильно. Он очень любит ее.

- Разумеется, – Лена про себя усмехнулась.

«Умеют же люди? Вика права, если правильно бросить мужа, он обязательно бумерангом вернется к тебе. Бумеранг...».

- Я родителям звонил... отцу операцию сделали.
- Я в курсе.
- Мама говорит, вы редко видите. Про Алю и Машу ничего не сказали.
- Они не знают.
- Это как?
- Это так. У них и без нас... Если хочешь, запиши телефон Алисы, мужа Сапей зовут, – неожиданно для себя произнесла Лена.
- Обязательно. Сейчас, ручку достану. Пишу.
- Лена продиктовала номер.
- Лена, спасибо тебе. Мне надо идти, Лен. Сигналят...
- Да, конечно. Иди.
- Лена, я... я...буду звонить. Можно?
- ...звони.
- Хорошо, Лен. Я... я... пошел? Там зовут.
- Да. Иди.
- Я... Лен... всегда... до свиданья, Лен?
- Да. Пока, Стас... – Лена положила трубку. – До свиданья...

Эпилог.

Прошла Пасха, совпавшая в этом году с Первомаем. Веселая, теплая, солнечная. Природа и люди радовались светлому празднику Воскресенья Христова. Кто искренне в душе и торжественно. Кто просто, потому что праздник и повод. И выпить, и закусить. «Разговеться». И хорошо, пусть даже так. Будни трудны в основном. На Радуницу – «проводы», как говорят в народе, пересыпал мелкий дождик. Вместе с живыми оплакивал ушедших.

К середине мая потеплело. Погода установилась. Вскоре приехал Сергей с Мариной и Витей. Работал с отцом в море и на берегу. Курортный сезон обещал быть урожайным и напряженным. Беззаботные «ласточки» потянулись в городок удивительно рано, украсив скучные пляжи редкими белесыми телами, внося своим преждевременным появлением диссонанс и авральщину в напряженный подготовительный период.

Зато последние дни месяца случились прохладными, ветренными и дождливыми. В унисон с тяжким настроением и расположением духа Пахаря. Он не любил конец мая – тот давался ему тяжело. Не любил и всегда ожидал. И боялся. Открывалась, кровоточила душевная рана, прорывался нарыв весь год сдерживаемых переживаний. Пахарь был мрачный и нервный, погруженный в себя, в свою боль. Лелеял ее. Он даже ждал эти дни, майские годовщины. Отдавался им и раскисал. Страдал и был ближе к ней. Надежде. Для него это был ритуал, дань ушедшей любви. Ушедшей, но не покинувшей его душу. Он был виноват перед ней и собой и судьбой, давшей ему Надежду, давшей им шанс, а он... он... теперь мучил себя, истязал, неся мелкую, эгоистичную жертву на алтарь мнимой или реальной вины.

Его часто преследовал сон. Один и тот же сон, единивший два дня, две жизни и две смерти. С ним единивший. Тот день. Как всегда. Царь-рыба в сети. Только он на яхте – один. Сил нет, но он режет проклятую сеть, выпускает царь-рыбу, и вдруг видит, что это она – Надя, тонет, опускаясь на дно в колыпании волос. Исчезает в зеленой

глуби, едва пробиваемой солнцем. В голове ее голос, он зовет его, молит спасти. А он наверху – связан сетью, опутан по рукам и ногам. И не может ни двинуться, ни помочь. И нечем дышать. Сжимает в груди. Пахарь обычно просыпался в этот момент. Долго крутился без сна. Или вставал. Шел на кухню и пил корвалол. Или водку. Обычно, одно за другим.

И сегодня он знал, сон придет. Засыпал в ожидании, томлении. Когда? Где же ты? Вот. Уже. Как всегда. Море. Сеть. И он наверху. Она тонет. Зовет. И – щемящая боль. Сжимает все сильнее в груди. Прожигает насквозь. И сеть. Окаянная сеть! Вдруг... спадает с него, скользит по ногам. Он свободен! Силен! Спасена! Спасена! Где ты? Надя? Надежда! Он вперяет глаза в темную глубину. Силуэт. Я иду! Молодой и свободный, пронзает сильным телом прозрачную синь.

Все глубже и ближе. С тобою, любовь моя! Навсегда!

* * * * *

*Олег Любимцев
2005 год, май. Городок*

ЛЮБИМЦЕВ
Олег Владимирович
«ВРЕМЯНЕГОДЯЕВ»
Книга первая
Книга вторая

Типография
ЧПФ «ТДС»

ISBN 978-966-8915-16-1

Макет и верстка ЧП «АС».
Подписано к печати 15.03.08.
Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано с диапозитивов
в ЧП «АС».
Украина, 75700,
г. Скадовск, ул. Володарского, 27/69,
тел./факс: (05537) 5-37-35.